Институт археологии РАН
Археологический центр Псковской области
Псковский археологический центр
Псковский музей-заповедник

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Семинар имени академика В. В. Седова

Материалы 58-го заседания
(17–19 апреля 2012 г.)

ИА РАН

Москва 2013 Псков

УДК 902/903
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Редакционная коллегия
П.Г. Гайдуков, Л.Я. Костючук, Э.В. Королёва, И.К. Лабутина, Н.В. Лопатин (ответственный редактор выпуска), *Е.В. Салмина* (ответственный секретарь), *Вл.В. Седов, Б.Н. Харлашов, Е.А. Яковлева*

Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: Материалы 58-го заседания. – Москва, Псков, 2013. – 464 с.: ил.
А87
ISSN 2304-0076
ISBN 978-5-94375-147-9

Сборник содержит материалы научных исследований по археологии, истории, архитектуре Пскова и Псковской земли, а также разнообразным вопросам истории культуры народов лесной зоны Восточной Европы.

Книга адресована как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся археологией и историей Северо-Запада России и сопредельных стран.

УДК 902/903
ББК 63.4

ISSN 2304-0076
ISBN 978-5-94375-147-9

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2013
© ГБУК «Археологический центр Псковской области», 2013
© АНО «Псковский археологический центр», 2013
© ГБУК «Псковский государственнный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», 2013
© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2013

Содержание

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА

Е.А. Яковлева. Археология в Пскове в 2011 г. 7
Р.Г. Подгорная, Е.В. Салмина. Исследования Нового Торга в Пскове в 2011 г. (предварительный обзор) 23
Е.С. Зубкова. Еще раз об обуви из Псковской скудельницы 38
Ю.В. Колпакова. К осмыслению роли крестиков из камня и янтаря в религиозной жизни средневековых псковичей 48
Е.В. Салмина, А.О. Юрцева, А. Галик. О первой находке остатков карпа в Пскове 60
С.А. Салмин. Деревянное «оружие» из раскопок в Окольном городе Пскова: игрушки, модели, реквизит 68
А.П. Конов. К вопросу о локализации так называемой Домантовой стены Пскова 78
А.М. Салимов, В.В. Данилов. Тверской княжеский дом и псковское 95 зодчество первой половины XIV в. 103
А.А. Михайлов. Орудия Псковской крепости XVII века: конструктивные особенности, классификация, обеспеченность боеприпасами 115
А.В. Быков. О деятельности ростовщиков в средневековом Пскове 127
М.Б. Бессуднова. Документы по истории Пскова в Государственном Шведском архиве (Стокгольм) 133
А. Баранов. Магистр Ливонского ордена Бернд фон дер Борх и Псковская земля в контексте ливонских внутриполитических отношений (1471–1474)
А.В. Зорин. Александр Юзеф Лисовский на Псковщине 143
А.А. Турилов, А.В. Чернецов. «Кроник Псковский» в контексте русской легендарной историографии XVII в. 157
Э.В. Королёва, В.А. Деркач, Р.Г. Подгорная, А.Б. Романовский. Археологическое изучение Пскова. Каталог раскопов и электронный архив (1912–2008 гг.) 165

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЕ СОСЕДИ

Б.С. Короткевич. Стратиграфия городища Анашкино по материалам раскопок 2009–2010 гг. 174
Н.В. Лопатин. К вопросу о хронологических лакунах в материалах Труворова городища 186
О.Е. Вязкова. Оценка влияния инженерно-геологических условий на строительство и эксплуатацию Изборской крепости 192
Т.Ю. Закурина. Предварительные итоги комплексного исследования поселения Камно 203
Б.Н. Харлашов. Археологические исследования в Себеже в 2011 г. 213
С.Е. Торопов. Находка круглой финской фибулы эпохи викингов в Верхнем Поволховье 221
Т.С. Дорофеева. Круглые привески с Городища под Новгородом (по материалам раскопа 2011 г.) 230
П.Г. Гайдуков, О.М. Олейников. Новгородский буллотирий XIV в. 242

А.В. Шуреев. Керамика Ильменского раскопа в Новгороде: морфологический анализ 250
С.В. Белецкий. Княжеские знаки на новгородских деревянных цилиндрах 257
Е.В. Торопова, К.Г. Самойлов, С.Е. Торопов, П.П. Колосницын. Освоение левобережья р. Порусьи (Малашки) в Старой Руссе по данным археологии 264
П.Е. Сорокин. Крепость Ландскрона: некоторые итоги историко-археологического изучения 271
Ю.В. Катышевский, С.Е. Шуньгина. Археологические исследования на территории Большого Успенского монастыря в Тихвине в 2010 г. 279
Е.А. Яковлева, Н.В. Лопатин, А.В. Михайлов. Археологический парк на Труворовом городище: основные предпосылки и принципы проектирования 292
Л.Я. Костючук. Местные слова в помощь пониманию древних текстов 300
Г.И. Площук. О семантике купальского «пережина» 305

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ПРИБАЛТИКИ

О.М. Татарников. Влияние изменения базиса эрозии р. Великой в позднеледниковье и голоцене на расселение мезолитического и неолитического человека 318
С.Г. Попов. Восточное Причудье в раннем железном веке и раннем средневековье 322
Е.Р. Михайлова. Насыпь у деревни Репьи: место среди погребальных памятников Северо-Запада конца I тыс. н. э. 335
М.В. Медведева, В.Ю. Соболев. Раскопки у д. Замошье в 1910 г.: архивные материалы и музейные коллекции. Дополнение к публикации А.А. Спицына 346
И.В. Стасюк, В.Н. Кузнецова. Новый памятник средневековой води 358
С.В. Малышев. Жальники и грунтовые могильники: историографический комментарий к проблеме типологии древнерусских погребальных памятников центральных районов Новгородской земли 363
Р. Спиргис. Археологические свидетельства распространения христианства на землях даугавских ливов в XI–XII вв. 370
Р. Йонайтис. Исследования на «Civitas Rutenica» в 2011 г. Проверка теорий 380
И. Каплунайте. Археологические исследования «Немецкого города» в Вильнюсе 384
Н.А. Плавинский. Древнерусские граффити как источник по истории вооружения: к постановке вопроса 389
В.А. Плавинский. Ланцетовидные наконечники стрел с территории Беларуси 399
А.А. Александров. Первые упоминания славян в поздних римских источниках 410
Е.В. Торопова. Первые мероприятия по сохранению археологического наследия на Северо-Западе России во второй половине 1920-х гг. 423
Д.А. Безруков, П.П. Колосницын, К.Г. Самойлов, Е.В. Торопова, С.Е. Торопов. Опыт борьбы с незаконными разведками и раскопками в Новгородской области в 2011 г. 431
Сведения об авторах 440
Иллюстрации 441
Список сокращений 463

Contents

ARCHAEOLOGY AND HISTORY OF PSKOV

E.A. Yakovleva. Archaeology in Pskov in 2011 7
R.G. Podgornaya, E.V. Salmina. The study of the New Torg (Market) Area in Pskov in 2011 (preliminary review)..... 23
E.S. Zubkova. Again on the shoes from Pskov skudelnitsa 38
Yu.V. Kolpakova. On the interpretation of the role of stone and amber crosses in religious life of the Medieval Pskov citizens..... 48
E.V. Salmina, A.O. Yurtseva, A. Galik. The first finding of common carp *Cyprinus carpio*) remains in the medieval city of Pskov 60
S.A. Salmin. Wooden «weapons» from the excavations at the Roundabout Town in Pskov: toys, models, props. 68
A.P. Konov. To the question of localization of the so-called Domant wall of Pskov 78
A.M. Salimov, V.V. Danilov. The house of Tver Princes and Pskov architecture of the first half of the 1 th century..... 95
A.A. Mikhailov. Weapons of the 17th-century Pskov fortress: construction features, classification, ammunition security 103
A.V. Bykov. The activities of moneylenders in medieval Pskov..... 115
M.B. Bessudnova. Documents on Pskov history in the Swedish State Archives «Livo-Moscovitica» (Stockholm)..... 127
A. Baranov. Master of the Livonian Order, Bernd von der Borkh, and Pskov land in the context of inter-Livonian political relations (1471–1474)..... 133
A.V. Zorin. Alexander Józef Lisowski in Pskov Land..... 143
A.A. Turilov, A.V. Chernetsov. «Pskov Chronicle» – a specimen of the Russian fantastic historiography dated to the 17th c. 157
E.V. Koroleva, V.A. Derkach, R.G. Podgornaia, A.B. Romanovskiy. Archaeological studying of Pskov. Catalog of excavations and electronic archive (1912–2008) 165

PSKOV LAND AND ITS NEIGHBOURS

B.S. Korotkevich. The stratigraphy of the hillfort Anashkino: excavations of 2010–2011 174
N.V. Lopatin. On the chronological gaps in Truvor Gorodishche materials 186
O.E. Vyazkova. Assessing the geological conditions impact on the Izborsk fortress construction and exploitation..... 192
T.Yu. Zakurina. Preliminary results of the Kamno settlement composite study..... 203
B.N. Kharlashov. Archaeological excavations in Sebezh in 2011 213
S.E. Toropov. Finding of a Round Finnish Fibulae of the Viking Age in the Upper Volkhov Region 221
T.S. Dorofeyeva. Round pendants from the Gorodishche in the vicinity of Novgorod (on the excavation 2011 data)..... 230
P.G. Gaidukov, O.M. Oleinikov. Bullotiry from the excavations of Novgorod in 2011. 242

A.V. Shureev. Ceramics from the Ilmensky excavation in Novgorod: morphological analysis 250
S.V. Belecky. Princely signs on Novgorodian wooden cylinders 257
E.V. Toropova, K.G. Samoilov, S.E. Toropov, P.P. Kolosnitsyn. Development of the left bank of the Porusya (Malashka) river in Staraya Russa on archaeological data 264
P.E. Sorokin. Landskrona Fortress: results of historical and archaeological research 271
Yu.V. Katyshevsky, S.Ye. Shun'gina. Archaeological researches in the Bolshoy Uspensky Monastery in Tikhvin in 2010. 279
E.A.Yakovleva, N.V. Lopatin, A.V. Mikhailov. Archaeological park on Truvor Gorodishche: basic preconditions and principles of projection 292
L.Ya. Kostiuchuk. The use of local words as keys to understanding of ancient texts ..300
G.I. Ploshchuk. About the semantics of Kupala rereaping "perezin" 305

ARCHAEOLOGY OF EASTERN EUROPE AND THE BALTIC STATES

O.M. Tatarnikov. Influence of erosion basis of the Velikaya river change in late ice age and Holocene period on Mesolitic and Neolitic men settlement migration 318
S.G. Popov. Eastern Prichud'e during the Early Iron Age and Early Middle Ages 322
E.R. Mikhailova. The mound near Repji village and its place among burial sites of the North-West at the end of the 1st mill. AD 335
M.V. Medvedeva, V.Yu. Sobolev. Excavations near Zamoshie village: archival materials and museum collections. An addition to the A.A. Spitsyn's publication 346
I.V. Stasiuk, V.N. Kuznetsova. A new site of the Medieval Vod' 358
S.V. Malyshev. Zhalniks and ground burials: historiographical commentary on the problem of typology of ancient burial sites of the central districts of Novgorod Land 363
R. Spirgis. Archaeological evidence on the spread of Christianity among the Livs of the lower Daugava river in the 11th–12th cc. 370
R. Yonaytis. Studies in «Civitas Rutenica» in 2011. Testing theories 380
I. Kaplunayte. Archaeological study of the German City of Vilnius 384
M.A. Plavinsky. The Old-Russian graffiti as a source for weapons history: preliminary statements 389
V.A. Plavinsky. Lance-type arrowheads from Belarus' 399
A.A. Aleksandrov. The first mentions of Slavs in the late roman source 410
E.V. Toropova. The first steps in conservation of archaeological heritage of the Novgorod region in the end of 1920-ies 423
D.A. Bezrukov, P.P. Kolosnitsyn, K.G. Samoilov, E.V. Toropova, S.E. Toropov. An experience in dealing with illegal prompt and archaeological excavations in Novgorod region in 2011 431

List of Authors 440
Figures 441
Abbreviations 469

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА

Е.А. Яковлева

Археология в Пскове в 2011 г.

E.A. Yakovleva. Archaeology in Pskov in 2011

Abstract. The article is a traditional annual synthesis of the main results of the activity of archaeological community of Pskov in 2011. It is based on materials provided by the managers of field excavations at 11 sites, authors' research projects, annual reports of the Autonomous Nonprofit Organization "Pskov archaeological centre" and State Budget Institution of Culture "Archaeological Centre of the Pskov region."

30 archaeological excavations and test pits in 2011 were of emergency and scientific character. Nine of them preceded new construction in the city of Pskov. Priority efforts of archaeologists were directed on participation in realization of the Plan of activities related to the preparation to the 1150-th anniversary of Izborsk.

In addition to the city of Pskov and the Izborsk anniversary program, excavations took place in Sebezh – on Castle Hill and the posad, in Pskov district – near the village Piskovichi and on the Gorodishche Kamno. During the field season of 2011, cultural deposits in the area of more than 3,000 square meters were studied. The excavations were managed by T.E. Ershova, T.Ju. Zakurina, R.G. Podgornaya, S.A. Salmin, E.V. Salmina, S.V. Stepanov, B.N. Kharlashov, A.V. Yakovlev.

Ключевые слова: полевой сезон 2011 г., деятельность археологов Пскова.

Одним из основных направлений деятельности псковских археологов оставались спасательные исследования (рис. 1) на 11 объектах, расположенных на территории г. Пскова и области. Связанные с ними 30 участков археологических раскопов и шурфов 2011 г. носили спасательный и научный (2 раскопа) характер. Девять из них расположены на новостроечных площадках в границах территории объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой древнего Пскова» (рис. 2, на с. 441). Приоритетом полевой работы археологического сообщества (АНО «Псковский археологический центр» и ГБУК «Археологический центр Псковской области») являлось участие в реализации Плана мероприятий, связанных с подготовкой 1150-летнего юбилея Изборска.

В части полевых работ это было продолжение архитектурно-археологических исследований в Изборской крепости, на Труворовом городище и спасательные раскопки в г. Пскове у областного драматического театра – памятника архитектуры федерального значения «Дом народный им. А.С. Пушкина» (рис. 2).

Помимо юбилейной программы, раскопки состоялись в г. Пскове − на месте строительства нового дома на ул. Некрасова; в Мирожском монастыре; в г. Себеже – на Замковой горе и на посаде (раскопки в Себеже проведены Псковским государственным объединенным музеем-заповедником.); в Псковском р-не − у д. Писковичи и на городище Камно (рис. 1; 2). В течение полевого сезона 2011 г., который начался в январе (работы на трассе прокладки электрокабелей освещения комплекса Мирожского монастыря; рук. Т.Е. Ершова) и закончился в середине декабря (завершение работ в Изборской крепости), исследованы культурные отложения

Рис. 1. Места проведения полевых работ в Псковской обл. в 2011 г.
1 – д. Ст. Изборск, Печорский р-н; *2* – городище Камно, Псковский р-н; *3* – д. Писковичи, Псковский р-н; *4* – г. Псков; *5* – г. Себеж

на площади более 3000 м^2. Вещевые коллекции пополнились более чем на 4000 номеров хранения индивидуальных находок (на этапе камеральной обработки).

Раскопами руководили: Т.Е. Ершова, Т.Ю. Закурина, Р.Г. Подгорная, С.А. Салмин, Е.В. Салмина, С.В. Степанов, Б.Н. Харлашов, А.В. Яковлев. В раскопках участвовали молодые ученые, студенты, школьники из Санкт-Петербурга, Минска, Иванова, Пскова, а также жители Пскова, Старого и Нового Изборска, Палкино. К работам было привлечено более 500 временных сотрудников (лаборантов и землекопов), из них 186 несовершеннолетних подростков.

Особенностью сезона было то, что основная часть работ выполнялась на средства областного бюджета. Кроме того, в Пскове на Новоторговском X раскопе (ул. Некрасова, 29) и в Псковском р-не на кургане у д. Писковичи проведены спасательные раскопки на участках нового строительства, финансировавшиеся частными инвесторами. На поселении Камно полевые исследования проводились при поддержке гранта регионального конкурса РГНФ в рамках реализации проекта №11-11-60602е/З «Комплексные исследования поселения Камно и его округи» (рук. Т.Ю. Закурина).

Предлагаемая статья основана на материалах, предоставленных авторами проектов и руководителями раскопок.

Псков

Лужский II раскоп. Спасательные раскопки на месте планируемого строительства производственных мастерских театра (рис. 3). Руководители работ – Р.Г. Подгорная, Е.В. Салмина. Заказчик – ГУ «УКС Псковской области». Площадь раскопа – 1300 м^2. Мощность исследованных отложений 1–3 м, балластные отложения – 1,5–2 м.

С точки зрения исторической топографии исследования велись в непосредственной близости от напольной линии рва системы укреплений 1374/1375 гг., от местоположения Лужских ворот, давших название раскопу. Раскрыты мостовые и остатки ряда клетей Нового Торга XVI–XVII вв., определены основные этапы развития территории ближнего предстенья и внешней границы средневекового рва,

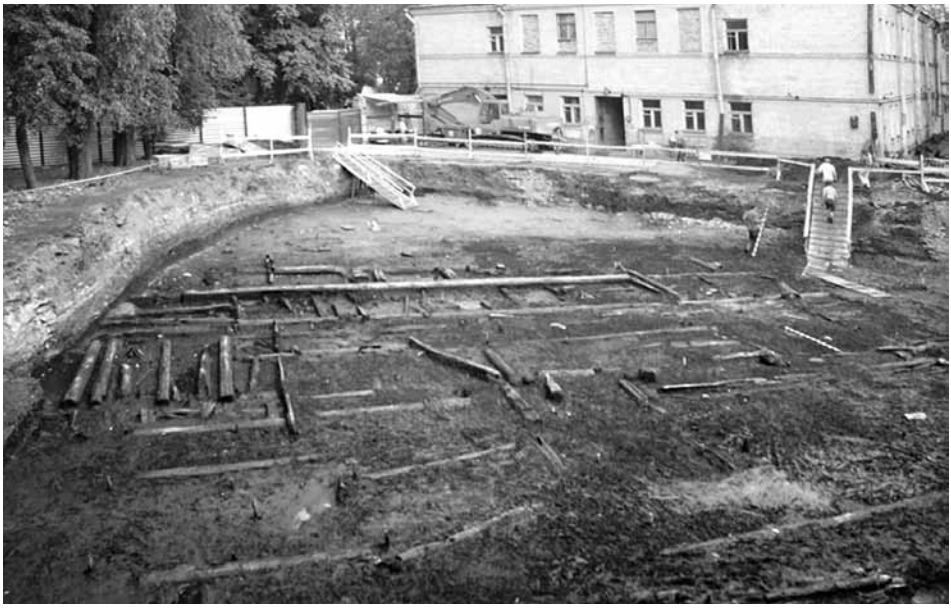


Рис. 3. Лужский X раскоп. Общий вид. Раскрытие конструкций Нового торга. Вид с севера

совпадающего на участке раскрытия с природной низиной. Неожиданным открытием стало обнаружение в предматериковых отложениях следов активного освоения местности в XII–XIII вв., в том числе остатков первоначальной застройки и планировки участка возле будущей городской стены. Работам на Лужском II раскопе посвящена публикация Е.В. Салминой и Р.Г. Подгорной «Исследования Нового Торга Пскова» в настоящем сборнике.

Археологические исследования (шурфы) у **объекта культурного наследия федерального значения «Дом народный им. А.С. Пушкина»**. Руководитель работ – Р.Г. Подгорная. Заказчик – ООО «Гипрокон». Цель: получение данных для проектирования ремонтно-реставрационных работ, информации о мощности культурного слоя, характере материковой поверхности, глубине заложения и состоянии основания фундаментов здания Драматического театра. Площадь шурфов – 16 м^2.

Исследования, предварившие Лужский II раскоп, позволили решить поставленные задачи. Установлено, что для микрорайона характерны значительные колебания мощности антропогенных отложений (от 1,2 до 4 м), различные инженерно-геологические условия, обусловленные особенностями погребенного рельефа изучавшегося участка.

Новоторговский X раскоп (рис. 4). Руководители работ: Т.Е. Ершова, А.В. Яковлев. Спасательные раскопки на месте строительства нового дома на ул. Некрасова, 29. Заказчик – ООО «Стройиндустрия». Общая площадь раскопа – 457 м^2, мощность культурных отложений – до 4,5–5 м.

Раскопки стали продолжением новостроечных исследований, начатых в 2006 г. на месте возведения комплекса домов в юго-восточном секторе пересечения ул. Некрасова и ул. К. Маркса. Новоторговский X − шестой раскоп на этой стройплощадке.

Рис. 4. Новоторговский X раскоп. Общий вид на уровне начала раскрытия горизонта застройки XVI в. Вид с юго-востока

На изученном участке Окольного города отсутствуют отложения второй половины XVI – XVII в. Как считают исследователи, они были срезаны в начале XVIII в. при масштабных земляных работах по модернизации Псковской крепости.

Раскопом удалось зафиксировать основные этапы развития территории с XI по XVI в. По всей площади исследования раскрыт участок плотной дворовой застройки первой половины XVI в., разделенный мощенной деревом улицей. Ниже выявлена усадьба состоятельного человека XV в. Прослежены горизонты средневековых пожаров. Зафиксированы особенности погребенного рельефа местности.

Большое количество разнообразных находок свидетельствует об интенсивности хозяйственной жизни и определенном достатке жителей исследованного «микрорайона» древнего Пскова. Среди интереснейших находок – небольшая известняковая плитка с поясным изображением бородатого улыбающегося человека в остроконечной шапке, вероятно скомороха (рис. 5); известняковая плитка с начертанием букв; оправа для небольшого зеркальца из бронзы с изображением птицы и надписью по кругу: «а се птица на зерькале голубь».

Из находок, сделанных в богатой усадьбе, выделяются: мужской серебряный перстень со стеклянной вставкой; трехбусинное височное кольцо; бронзовый браслет; своеобразный реликварий – кожаный кошелек (рис. 6) на шнурке, с тиснением из листового золота по внутренней стороне в виде креста. В кошельке находился простой бронзовый нательный крестик, относящийся к типу, распространенному в XI в. В срубе и во дворе найдены печати Псковской Вечевой Республики и Псковской Господы с изображением Довмонта на аверсе (1425–1430 гг.). Вторая печать – с изображением Богоматери Знамение на аверсе и легендой на реверсе: «Печать Стыя Троица» (1428–1435 гг.).

Исследованиями зафиксирована часть территории пригородного селища XII–XIII вв. В восточной части раскопа открыта дорожная насыпь шириной около 6 м со специально укрепленными скатами дорожного полотна, кюветами, замощенная известняковыми плитами и щебнем. Основательное и трудоемкое оформление участка дороги связано с переувлажненным характером местности. В толще дорожного полотна найдены железные ножи, наконечники стрел, фрагмент амфоры, обломки браслета и перстня.

В основании культурных отложений, под дорожным полотном и вдоль открытого ручья, который впадал, вероятно, в речку Зрачку, – слой серой супеси. Вдоль берега ручья открыта частокольная канавка, ограждающая освоенный участок земли. В этом слое найдено большое количество фрагментов керамической посуды, бытовавшей в XI в., и ювелирные изделия из серебра и бронзы: браслеты и перстни.

Рис. 5. Изображение скомороха (?) на известняковой плитке. Новоторговский X раскоп

Рис. 6. Кошелек-реликварий с бронзовым крестом. Новоторговский X раскоп

Петровские XIII, XIV, XV раскопы. Руководители работ – С.А. Салмин, Е.В. Салмина. Заказчик – ООО «Техинвест». Общая площадь – 634 м^2. Цель: спасательные раскопки на трассах прокладки инженерных коммуникаций к домам 36 по ул. Гоголя и 64 по ул. Свердлова. Раскопы располагались в квартале, образованном улицами Гоголя, Маркса, Свердлова.

Площадь Петровского XIII раскопа составила 194 м^2 (в 2010 г. – 118 м^2, в 2011 г. – 76 м^2). Мощность антропогенных отложений – около 1 м. Раскоп располагался параллельно ул. Свердлова, на территории внутреннего пристенья Окольного города, в зоне, свободной от средневековой застройки. В раскопе выявлены остатки деревянных оград и позднесредневековых деревянных настилов. В числе находок – детали арбалета (самострела?): фрагменты арбалетной дуги (лука), изготовленной из ясеня, и спускового рычага.

Площадь Петровского XIV раскопа, примыкающего к XIII, составила 114 м^2. Мощность культурных отложений от 0,8 до 2,5 м. Из раскопа происходит значительное количество находок XVI–XVIII вв. (перстни со стеклянными вставками, предметы быта, ремесленные инструменты, наконечник стрелы). В южной части траншеи обнаружено углубленное в землю сооружение со ступенчатым спуском – полу-

Рис. 7. Петровский XV раскоп. Захоронения прицерковного кладбища хр. Иоанна Милостивового

землянка (монашеская келья?), внутри которой найден высокохудожественный резной образок «Спас на престоле», выполненный из розового сланца (пирофиллита?).

Площадь Петровского XV раскопа (расположен внутри двора бывшей чулочно-носочной фабрики), огибающего с северной стороны фундамент храма Св. Иоанна Милостивого, составила 226 м^2. Мощность исследованных отложений – от 1 до 2 м. Раскоп в значительной части проходил по территории монастырского кладбища (рис. 7). В пределах раскопа обнаружено 28 непотревоженных погребений и два перезахоронения, в целом содержавшие останки не менее чем 42 индивидов. В числе находок из городского слоя вне кладбища наиболее интересны игрушечная деревянная стрела, железный наконечник стрелы, большое количество деталей кожаных изделий.

Отметим, что оптимальный режим ведения работ на этом раскопе обеспечила взвешенная позиция заказчика ООО «Техинвест», по заказу которого еще в 2010 г. были проведены изыскания, позволившие внести в проект прокладки коммуникаций изменения, способствовавшие сохранению архитектурно-археологического объекта − оснований храма св. Иоанна Милостивого.

Археологические спасательные исследования при проведении работ по замене магистрального водопровода **на ул. Советской, ул. Гоголя, в устье р. Псковы**. Руководитель работ – М.И. Кулакова. Заказчики – ООО «Содружество», ООО «Псковгазмаркет». При планировании строительно-хозяйственных работ археологи рекомендовали заказчикам максимально использовать уже существующие трассы и колодцы, поэтому первоначально планировавшийся объем спасательных раскопок был значительно сокращен. Работы в основном проводились в режиме археологического надзора.

Прокладка труб производилась бестраншейным методом горизонтально-направленного бурения (ГНБ) с устройством новых бетонных колодцев на месте старых.

На ул. Советской на двух участках (траншея 2 и шурф колодца К6) зафиксированы стратиграфические разрезы отложений культурного слоя, содержавшего не менее 3 ярусов деревянной застройки. Конструктивные особенности построек позволяют интерпретировать их как остатки уличных замощений, что является фактическим подтверждением примерного соответствия трасс средневековой Великой и современной Советской улиц.

Работы по замене водопровода на ул. Свердлова (участок от Октябрьского пр. до ул. К. Маркса), проходившие в пределах старых трасс, показали незначительную мощность и высокую степень нарушенности слоя. На южном отрезке, в непосредственной близости от средневековой Петровской улицы, удалось зафиксировать участок культурного слоя мощностью 0,8–1 м. Время его формирования, скорее всего, относится к XV–XVII вв.

Надзор за реконструкцией водопровода по ул. Гоголя дал информацию об уровне залегания культурного слоя на участке от Октябрьского пр. до ул. К. Маркса на глубине 1–1,2 м от уровня дневной поверхности. Его верхние отложения могут датироваться временем не позднее XVII в.

В ходе работ в устье р. Псковы, на ее правом берегу, ни культурные отложения средневекового времени, ни слои первоначального хозяйственного освоения участка не выявлены. Исследованные отложения можно соотнести с результатами сезонных затоплений участка в XX в.

Изборск

Раскопы XXXVII–XLIII, XLV–XLVIII, L в Изборской крепости. Работы выполнены по Государственному контракту № 7 от 28.06.2011 г. «Архитектурно-археологические исследования объекта культурного наследия регионального значения “Культурный слой крепости”». Руководители работ – Т.Ю. Закурина, С.В. Степанов. Общая площадь раскопов – 1020,5 м^2. Цель работ: получение информационных оснований для проектирования и выполнения ремонтно-реставрационных работ и мероприятий по благоустройству.

Археологические исследования текущего цикла изучения крепости, начатого в 2010 г., прошли в Никольском захабе, на участках крепости с западной (напольной) стороны у башен Талавской, Вышки, Рябиновки, Темной, у Никольских ворот. Исследования Никольского захаба подтвердили основные наблюдения по хронологии и периодизации строительства его западной части, сделанные в 2010 г. Получены убедительные свидетельства того, что захаб был построен не ранее рубежа XIV–XV вв., т. е. несколько позднее летописного упоминания о строительстве крепости на Жеравьей горе. Во второй половине XVI в. фортификационное устройство подверглось серьезной реконструкции. В частности, в наружной стене захаба были сооружены внутристенные ниши (бойницы?). В XVI–XVII вв. характер использования захаба значительно отличался от первоначального. Раскопками зафиксированы остатки 10 печей, связанных с нишами (бойницами?) (рис. 8). Вопрос о назначении и устройстве печей требует дополнительных исследований. Комплекс находок, связанных с печами, указывает на их бытовое назначение.

Рис. 8. Никольский захаб Изборской крепости. Ниши-печи во внешней стене. Вид с запада

Рис. 9. Водосборный колодец в нижнем ярусе Плоской башни. Вид с севера

Рис. 10. Участок предстенного рва у башни Темнушки Изборской крепости. Вид с юго-запада

В средней части прясла наружной стены Никольского захаба полностью раскрыта и изучена башня Плоская, впервые упоминаемая во второй половине XVI в. и засыпанная в следующем столетии. Сооружение стояло на краю крутого обрыва. Сохранились четыре бойницы подошвенного боя. Внутри башни обнаружена каменная лестница, ведущая к большому деревянному водосборному колодцу в нижнем ярусе (рис. 9).

У западной стены крепости, между башнями Рябиновкой и Темной, раскрыта часть каменного основания неизвестного сооружения, стоявшего на склоне крепостного рва перед вылазными воротами (рис. 10).

Впервые открыты и изучены участки крепостного рва первой трети XIV в. с западной и южной сторон крепости – от башни Плоской до башни Талавской. Он был вырублен на расстоянии около 4 м от крепостной стены, в материковой скале, на глубину около 2,5 м, при ширине около 6,5 м.

Коллекция индивидуальных находок 2011 г. насчитывает около 400 предметов. Наиболее представительной группой является собрание предметов вооружения и

снаряжения: наконечники стрел, десятки арбалетных болтов, кистень, фрагменты и детали холодного и огнестрельного оружия, пули, детали доспехов, десятки чугунных и каменных ядер.

Раскопки на Труворовом городище. Руководитель работ – А.В. Яковлев. Общая площадь вскрытия – 46 м^2. Цель: получение информационных оснований для проектирования музеефикации и благоустройства территории памятника; определение состояния архитектурно-археологических объектов, сохраняющихся на территории, изученной экспедицией ИА АН СССР под руководством В.В. Седова; получение данных о мощности и составе консервационной засыпки раскопов XX в.; уточнение привязки сетки раскопов 1970–1980-х гг. к современной геоподоснове; определение возможности устройства 3 «археологических окон» на площадке Труворова городища.

В шурфе 1 (16 м^2) в юго-западной части городища раскрыт культовый камень X в., обнаруженный экспедицией под руководством В.В. Седова в 1976 г. Подготовлена площадка для организации «археологического окна».

В шурфе 2 (12 м^2) у западного края площадки городища раскрыт, обследован и временно законсервирован участок каменной крепостной стены XI в. с сохранившейся лицевой кладкой (рис. 11). Подготовлена площадка для организации «археологического окна».

В шурфе 3 (18 м^2) у северного края городищенской площадки частично раскрыт прямоугольный проем под деревянную лестницу, встроенный в кладку основания каменной башни XI в. Подготовлена площадка для организации «археологического окна» (рис. 12).

Осуществлены работы по точной привязке вскрытых объектов для совмещения данных многолетних археологических исследований с топографическим планом Труворова городища, выполненным летом 2011 г. специалистами фирмы ПГС-2.

Д. Писковичи, Псковский р-н

Раскопки кургана. Руководитель работ – А.В. Яковлев. Заказчик – А.Ю. Степанов. Общая площадь раскопа − 196 м^2. Цель: спасательные раскопки на территории строительства спортивно-оздоровительного центра (частные инвестиции).

Исследованный курган, входивший в состав группы из 5 насыпей, известен с XIX в. Он располагался на возвышенности «Загорицкая горка» в 150 м от восточной окраины д. Загорицы, на высоком правом берегу р. Великой. Ранее раскопки здесь никогда не проводились. К началу исследований сохранилась только одна насыпь высотой до 1,6 м, размерами около 14×12 м. Как выяснилось в процессе изучения, курган принадлежал к редкому и малоизученному типу погребальных памятников VII–X вв., впервые исследованных К.М. Плоткиным в 1976–1977 гг. у д. Северик.

В кургане обнаружены остатки не менее трех кремаций, совершенных на стороне. Погребение 1 представлено скоплением кальцинированных костей и лепной керамики на южном склоне кургана, в верхнем слое насыпи, под дерном. Погребение 2 с несколькими фрагментами лепной керамики обнаружено в ЮВ секторе, в неглубокой яме. Погребение 3 – в подпрямоугольной яме размерами 3×2,5 м, с вымосткой из крупных плит в придонной части. В захоронении найдены 2 фрагмента лепной керамики и маленькая бронзовая спиралька для украшения тканых изделий.

Рис. 11. Труворово городище. Участок западного прясла каменной стены XI в. Вид с юго-востока

Рис. 12. Труворово городище. Основание каменной мысовой башни XI в.
с проемом для деревянной лестницы. Вид с юга

Рис. 13. Раскопки кургана между д. Писковичи и д. Загорицы Псковского р-на. Северо-восточный сектор – каменные обкладки

По большей части периметра насыпи сохранились каменные оградки из колотого плитняка с отдельными включениями валунов (рис. 13). Высота сохранившихся кладок – до 4 рядов. В северо-восточном секторе к северной оградке прилегала еще одна, перпендикулярная ей, в древности разделявшая сооружение на 2 секции. Ровики вокруг кургана не прослежены.

По завершении работ заказчику рекомендовано воссоздать насыпь в ландшафте.

Камно

Раскопки на городище и поселении. Руководитель работ – Т.Ю. Закурина. Общая площадь исследования – 92 м^2. Исследования выполнены при поддержке гранта в рамках регионального конкурса РГНФ «Северо-Запад России: история и современность (Псковская область)», проект 11-11-60602е/З «Комплексное исследование поселения Камно и его округи». (Работам 2010 г. в рамках реализации гранта РГНФ 10-01-26704е/В посвящена статья Т.Ю. Закуриной «Предварительные итоги комплексного исследования поселения Камно» в настоящем сборнике.)

Цель работ 2011 г.: изучение природных условий времени появления и первых этапов развития поселения в VIII–IX вв.

Поселение Камно расположено в 3,5 км к западу от современной городской черты Пскова, на мысу при слиянии на заболоченном пространстве двух ручьев – истоков р. Каменки, левого притока р. Великой (в ее нижнем течении). Площадка городища – эллипсоидная в плане, с четкими краями, площадью более 3500 м^2; с юго-восточной стороны она защищена валом и рвом. С юго-востока к укреплениям городища примыкает территория неукрепленного поселения площадью около 30000 м^2. В восточной части площадки поселения располагается церковь Георгия XV в.

Впервые Камно упоминается в псковских летописях под 1237 г. и затем неоднократно встречается в документах конца XVI – XVII в. Погост Камно как центр округи являлся одним из наиболее ранних и крупных административных центров

Псковской земли, по данным писцовых книг, в XVI в. − центром Каменской губы Завелицкой засады Псковского уезда.

Первые археологические исследования на памятнике были проведены псковским краеведом Ф.А. Ушаковым в 1885 г. Широкомасштабные раскопки проводились С.А. Тараканової в 1948–1949, 1951–1952, а также в 1973–1975 гг. под руководством К.М. Плоткина. По заключению К.М. Плоткина, в VIII–IX вв. Камно был одним из опорных пунктов на территории псковских кривичей. С ростом значения Пскова в X в. жизнь на поселении постепенно затухает.

В 2011 г. заложены два раскопа – на селище (64 м^2) и городище (28 м^2) Камно (рис. 14). Работы проведены силами полевой археологической практики (23 студента первого курса) исторического факультета ПГПУ.

Исследования на селище Камно подтвердили, что в юго-восточной части площадки активное освоение территории приходится на XIII в. и продолжается вплоть до XVIII в., когда городище как оборонительный пункт уже не функционировало. Установлено, что южная граница селища проходит на расстоянии не менее 50 м от центра погоста (церкви Георгия).

На городище исследованы культурные слои двух основных этапов жизни укрепленного поселения: верхний – слой древнерусского погоста, и нижний – времени зарождения поселения в VIII–X вв. В нижнем слое прослежены три горизонта застройки. Вещевая коллекция включает сотни фрагментов круговой и лепной керамики, 48 индивидуальных находок: литейные формы, льячки, ножи, бусы, точильные камни.

Собран обширный материал для проведения естественнонаучных исследований: образцы культурного слоя и почв (для микробиоморфного и геохимического

Рис. 14. Раскоп на городище Камно. Вид с востока

анализов), углей (для определения пород древесины и радиоуглеродных анализов), фрагменты глиняных и песчаных сооружений, кости и чешуя рыб, семена растений (для продолжения исследований в «кабинетных» условиях, в том числе работы над созданием банка данных семян палеофлоры из культурных отложений городища). В работе комплексной экспедиции приняли участие специалисты Института географии (д. г. н. А.А. Гольева) и Института археологии РАН (к. и. н. Н.В. Лопатин), лаборатории АНО «Псковский археологический центр», ПГПУ (к. б. н. И.Г. Соколова и к. б. н. А.О. Юрцева), Московской инженерно-геологической академии (к. г. н. О.Е. Вязкова).

Себеж

Раскопки на **Замковой горе и посаде**. Руководитель работ – Б.Н. Харлашов. Общая площадь раскопов – 70 м^2. Финансирование – средства областного бюджета. Мощность культурного слоя на Замковой горе – от 1,4 до 3,5 м.

В мае – июне 2011 г. на Замковой горе Себежа муниципальными властями были начаты не согласованные с Государственным комитетом Псковской обл. по культуре работы по благоустройству территории. Несанкционированные земляные работы по установке нового памятного знака, устройству периметральной дорожки на мысу и др. создали реальную угрозу сохранности культурного слоя. Благодаря усилиям археологов и общественности, вмешательству д. и. н., проф. А.Н. Кирпичникова, участию Губернатора области А.А. Турчака (рис. 15) удалось остановить разрушение объекта археологического наследия и организовать на памятнике спасательные работы (рис. 16). Кроме того, были проведены разведывательные работы на посаде Себежа в целях разработки учетной документации на объект археологического наследия.

Спасательные раскопки прошли на площади 70 м^2, на посаде было заложено 13 шурфов размерами 1×1 м. Исследования показали, что поселение в мысовой части Замковой горы возникло уже в конце I тыс. н. э. и развивалось в последующие века. Очевидно, что его размеры в пределах мыса, ограниченного хорошо читающимся и в настоящее время валом в районе домов 6 и 9 по ул. Замковой, – приблизительно 180×30–60 м. В составе культурного слоя XI–XIII вв., на уровне материка, в раскопе 1 и шурфе 1 выявлены 6 безынвентарных захоронений. По-видимому, после разгрома Себежа литовцами в 1414 г. площадка городища непродолжительное время использовалась для захоронений.

Слой гравия и обожженной глины, перемешанный с песком и углями, перекрывавший более ранние отложения, предположительно можно связать с фортификационными работами 1535 г. по строительству новой крепости – Ивангорода-на-Себеже.

Проведенные работы показали перспективность археологического изучения Замковой горы и необходимость сохранения культурного слоя на посаде. Подробнее – см. статью Б.Н. Харлашова «Археологические исследования в Себеже в 2011 г.» в настоящем сборнике.

В 2011 г. продолжался мониторинг технического состояния объектов археологического наследия, расположенных на территории Псковской обл. Всего было обследовано 50 памятников в Псковском, Гдовском, Стругокрасненском р-нах.

Рис. 15. Себеж. Обзор находок из раскопок для Губернатора области А.А. Турчака и представителей СМИ проводит Б.Н. Харлашов

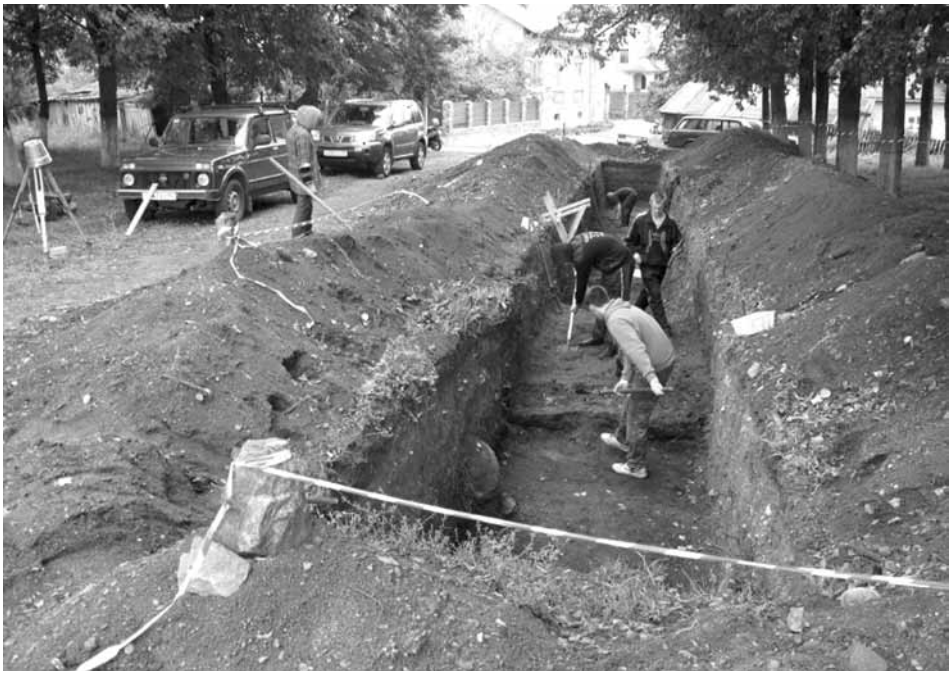


Рис. 16. Себеж. Траншея на Замковой горе. Вид с юго-запада

В ходе проведения мониторинга выявлен ряд нарушений на археологических объектах. Основные причины разрушения памятников – грабительские раскопки (работы с использованием металлодетектора) и несогласованная хозяйственная деятельность. Следы раскопок с использованием металлодетектора зафиксированы на селище у д. Полна, курганной группе 1 у д. Залахтовье, курганно-жальничном могильнике у д. Калихновщина (Гдовский р-н). Лесотехническими работами повреждены: курганная группа 1 у д. Безьва, курганная группа 1 у д. Первомайская (Гдовский р-н), курганная группа у д. Комарино (Стругокрасненский р-н).

Обследование памятников на территории Гдовского р-на принесло открытие нового археологического объекта – курганной группы у д. Глушь.

Помимо полевых работ проведены разноплановые мероприятия в сфере музеефикации, обеспечения сохранности памятников археологии нашего региона, а также в области специальных научных исследований, направленных на изучение конкретных историко-археологических проблем Псковского региона. Подробнее – см. Информационный отчет о деятельности ГБУК АЦПО за 2011 г. (хранение служебной документации учреждения).

Авторским коллективом в составе Н.В. Лопатина (Москва, ИА РАН), А.В. Михайлова и Е.А. Яковлевой (Псков, ГБУК АЦПО) разработана концепция музеефикации Труворова городища. Концепция прошла обсуждение на заседании областного Научно-методического совета, апробацию на нескольких конференциях, в том числе Международном конгрессе по сохранению историко-культурного наследия, посвященном 50-летию ВООПИК, в Москве в декабре 2011 г. (подробнее – см. статью Е.А. Яковлевой, Н.В. Лопатина, А.В. Михайлова в настоящем сборнике).

В 2011 г. псковскими археологами реализован ряд проектов регионального конкурса РГНФ (на условиях паритетного финансирования проектов из средств РГНФ и Псковской обл. в рамках реализации мероприятий областной долгосрочной целевой программы «Культура Псковского региона в 2011–2015 годах»):

– проект 11-11-60501г/З «Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар имени академика В.В. Седова», руководитель к. и. н. Б.Н. Харлашов. Научный семинар собрал более 40 участников, значительную аудиторию слушателей из разных регионов нашей страны и зарубежья, в том числе Польши, Латвии, Эстонии;

– проект 10-01-26103а/В «Археологическое изучение Пскова. Каталог археологических раскопов и электронный архив (1912–2008 гг.)», руководитель к. и. н. Э.В. Королёва. Результаты работ по проекту освещены в одноименной статье Э.В. Королёвой, В.В. Деркач, Р.Г. Подгорной, А.Б. Романовского в настоящем сборнике;

– проект 11-11-60602е/З «Комплексное исследование поселения Камно и его округи», руководитель к. и. н. Т. Ю. Закурина;

– проект 10-01-27104а/В «Средневековое население Восточного Причудья: история формирования, культурная и биологическая адаптация (по материалам могильника Залахтовье)», руководитель А.В. Михайлов. Проект направлен на комплексное исследование материалов грунтовой части могильника VI–XVII вв. у д. Залахтовье (Гдовский р-н) – крупнейшего в Восточном Причудье: обобщены материалы по погребальной обрядности; уточнена датировка памятника; проведено

исследование антропологических особенностей средневекового населения микрорегиона;

Кроме того, в 2011 г. в рамках конкурса поддержки молодых ученых (проект стажировки молодого ученого в крупном научном центре России) реализован проект 113100604и «Современные естественнонаучные методы изучения археологического стекла как составляющая комплексного исследования “Стекло средневекового Пскова (XI–XVII вв.) (по археологическим данным)”», руководитель А.Б. Романовский. На кафедре археологии и этнологии Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета руководитель проекта прошел стажировку по проведению спектрального анализа изделий из стекла и интерпретации его результатов. Получена первая серия спектральных анализов стеклянных изделий – браслетов, перстней, оконного и посудного стекла – из раскопов Пскова и Камно.

Псковская делегация представила шесть докладов в программу III Всероссийского археологического съезда в Старой Руссе.

Продолжалась работа постоянно действующей выставки «Окна в прошлое» в здании Археологического центра на ул. Герцена, 1/1. На выставке экспонировались находки из раскопов 2010 г.

Р.Г. Подгорная, Е.В. Салмина

Исследования Нового Торга в Пскове в 2011 г. (предварительный обзор)

R.G. Podgornaya, E.V. Salmina. The study of the New Torg (Market) Area in Pskov in 2011 (preliminary review)

Abstract. The article presents a preliminary summary of the results of the Luzsky-2 excavation. The excavation area was 1,300 square meters, cultural deposits thickness was from 1 to 3 meters.

The study was concentrated on the structures of the New Torg of the XVI–XVII centuries. Structures are formed by massive timbers, stacked on perpendicularly oriented pads so that the whole construction forms a single “grid” consisting of rectangular cells.

What draws the attention is the unity of the plan of the complex, the “standard” size of the closets. Along the northern boundary of the excavation on the north side of these closets the paving, apparently, the street or the square, bounded on the south side is revealed.

It is possible that already at the time of the first closets of the Torg arrangement at the new place there happens a forced powerful drainage pipe construction which precedes the lining of a new street at the territory of the New Torg. Thus it appeared necessary to take into account the features of hydrological regime of the site during the construction.

Another important finding was fixation of the alleged outer limit of the wall pit of 1375, in the direction of which the discharge of the drain took place.

The third important aspect is the discovery of a large area of the XII–XIII cc deposits where the remains of building and layout of the site were kept. Those kept are carcass remains of buildings, picket fence grooves, limiting plots of a large area, pits buried in mainland and economy structures. The finds include slate spindles, beads, jewelr , lead seals.

Ключевые слова: Новый Торг Пскова, ров крепостной стены, первоначальное заселение участка

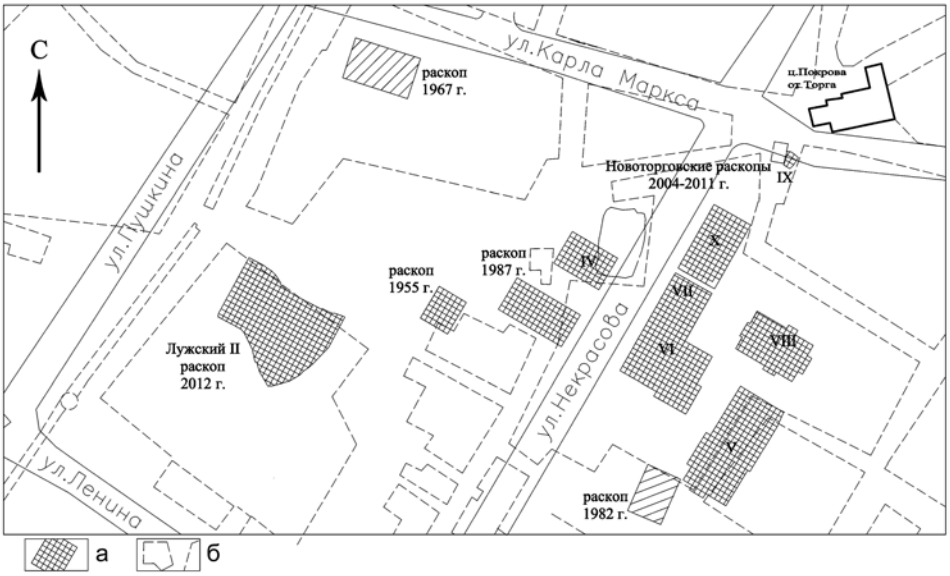


Рис. 1. План расположения раскопов 1955–2011 гг. на территории Нового Торга, совмещенный с планом Псковской крепости 1740 г. *а* – раскопы; *б* – объекты плана 1740 г.

В 2011 г. на участке нового строительства возле объекта культурного наследия «Народный дом им. А.С. Пушкина» (Псковский областной драматический театр) были проведены охранные археологические раскопки. Раскоп располагался в квартале, ограниченном улицами Пушкина, Ленина, Некрасова и Карла Маркса, к северо-востоку от здания театра, на месте разобранных театральных мастерских второй половины XX в. Площадь раскопа составила 1300 м^2, мощность исследованных культурных отложений – от 1 до 3 м. Свое название – Лужский – раскоп получил по ближайшему историческому фортификационному объекту – Лужским воротам крепостной стены 1374/1375 гг., порядковый номер II – в продолжение нумерации прошлых лет.

В публикации представлен предварительный обзор результатов работ 2011 г. Основным результатом исследования, во-первых, стало раскрытие на большой площади хорошо сохранившихся сооружений Нового Торга XVI–XVII вв. Во-вторых, на раскопе была предположительно зафиксирована внешняя граница рва стены 1374/1375 гг. В-третьих, неожиданным открытием стало обнаружение в предматериковых отложениях на большой площади отложений XII–XIII вв., сохранивших остатки первоначальной застройки и планировки участка возле будущей городской стены.

I. Сооружения Нового Торга

Археологическое изучение Нового Торга Пскова начато еще в середине XX в. раскопками Г.П. Гроздилова (рис. 1). Однако исследование этой территории в большинстве случаев оказывалось сопряженным с немалыми сложностями, не позволявшими завершить начатые работы.

Раскоп 1955 г. площадью 190 м^2 располагался в южной части котлована будущего дома 36 по ул. Некрасовской (сейчас – ул. Пушкина, 9) (*Гроздилов*, 1962.

С. 38–42). Здесь был изучен участок двух трасс мощения, пересекавшихся под прямым углом. Ширина настила на перекрестке составляла 6 м. Кроме того, исследовались остатки столбовой постройки, с которой было связано скопление из нескольких тысяч коровьих костей, лежавших плотным слоем. Г.П. Гроздилов предположил, что раскрытая постройка являлась мясной лавкой, а сам раскоп попал на участок мясного торгового ряда. Идущую в направлении от Лужских ворот мощеную улицу исследователь считал одной из важнейших магистралей Торга. Раскоп 1955 г. не удалось довести до материка, работы были остановлены из-за начавшегося строительства. Неисследованными остались около 0,75–1 м культурных отложений.

В 1967 г. на углу улиц Пушкина и К. Маркса под руководством И.К. Лабутиной были проведены раскопки на месте строительства машиносчетной станции Облстатуправления. Площадь раскопа составила 416 м^2, мощность культурного слоя – 1,95–2,2 м. Здесь был зафиксирован ряд небольших сооружений торгово-ремесленного назначения, предположительно связанных с ремонтом и изготовлением изделий из цветного металла. Постройки датированы XVI в. Руководитель раскопок считает изученную территорию окраинным участком Нового Торга (*Лабутина*, 1994. С. 6–44).

Лужский I раскоп (1983–1984 гг., руководитель А.Е. Мануйлов) площадью 376 м^2 располагался южнее исследованного в 2011 г. участка. Он предварял строительство жилого здания на пересечении улиц Ленина и Пушкина, показал сильную перемешанность отложений в ходе хозяйственной деятельности XIX–XX вв. и никаких серьезных выводов об истории участка сделать не позволил. Культурные отложения были датированы «не ранее XVII–XVIII вв.», но время первоначального освоения местности отнесено к более раннему периоду на основании отдельных находок керамического материала XIV–XV вв.

В 1987 г. исследования Нового Торга продолжились под руководством Т.Е. Ершовой. (Название «Новоторговский» впервые было присвоено именно этому раскопу. Однако правильность номера «V» для раскопа 1988 г. не вполне очевидна. Раскоп 2005 г., таким образом, получил номер «IV», а номер «V» вновь был использован для раскопа 2007 г.)

Раскоп площадью 400 м^2 должен был предварять строительство нового жилого дома по ул. Некрасова, 36–38 на месте снесенных зданий. В юго-восточной части раскопа открыт деревянный настил, соотносимый по направлению трассы с мостовой, зафиксированной в 1955 г. Г.П. Гроздиловым (*Ершова*, 1988. С. 148, 149). Однако исследования были вынужденно прерваны. Первой, и основной, причиной остановки работ стало затопление раскопа в результате аномального ливня (*Седов и др.*, 1988), второй – прекращение финансирования со стороны заказчика. Котлован раскопа простоял незасыпанным до 1991 г., когда была предпринята попытка продолжить археологические работы. Именно тогда впервые возникло предложение в качестве основания здания использовать монолитную бетонную плиту, которую предполагалось уложить непосредственно на поверхность культурного слоя. Якобы этот строительный прием позволил бы избежать подтопления здания и в то же время сохранить культурные отложения. Тем не менее, и археологические, и строительные работы в силу ряда причин были отложены на неопределенный срок. В 2000 г. была произведена засыпка котлована.

В 2005 г. в рамках «Проекта регенерации исторического квартала в улицах Некрасова – Ленина – Пушкина – Маркса» на ул. Некрасова было запланировано строительства нового жилого и общественного здания. Эта постройка также была спроектирована на массивном основании в виде монолитной бетонной плиты, перекрывающей культурный слой. Раскоп был предусмотрен только на площади 280 м^2 (впоследствии площадь была сокращена до 252 м^2), при общей площади пятна застройки свыше 2000 м^2. Кроме того, глубину раскопа было предписано ограничить отметкой +43,1 (в Балтийской системе высот), которая, по мнению экспертов, была безопасной для окружающей застройки. На раскопе Новоторговский IV (руководители – Е.А. Яковлева, А.В. Михайлов) было выявлено 5 ярусов деревянной застройки, существовавшей в период от рубежа XVI–XVII вв. до начала XVIII в. В юго-западной части раскопа открыта трасса мощеной улицы. На исследованном участке зафиксированы 4 сруба, атрибутированные как хозяйственные (нежилые) сооружения Торга (лавки, клети, амбары и др.). Авторы полагают, что раскоп затронул центральную часть Нового Торга, расположенную между ц. Ксении и ц. Покрова от Торга, и подчеркивают, что «исключительная сохранность деревянных сооружений позволила проследить динамику застройки участка, изменения планировки, конструктивные особенности построек, связанных с торговой деятельностью псковичей. Особый характер использования изученного участка подтверждают и представительные находки. Все это, безусловно, указывает на уникальность данного участка и необходимость продолжения дальнейших исследований» (*Михайлов, Яковлева*, 2007. С. 29–44).

Археологические исследования близлежащей территории к востоку и юго-востоку от Лужского II раскопа в 1982 г. (руководитель В.В. Фролов) и в 2007–2009 гг. (Новоторговские раскопы V–IX, общая площадь более 2200 м^2, руково-

Рис. 2. Верхний горизонт сооружений Нового Торга в центральной части раскопа. Вид с востока

дители Р.Г. Подгорная, А.В.Яковлев) открыли городскую усадебную застройку XVI–XVIII вв. (*Подгорная и др.*, 2009. С. 42–58; *Яковлева*, 2009. С. 15; *Яковлева*, 2010. С. 13, 14).

Еще до начала работ в 2011 г. у нас имелись основания считать, что на участок могла распространяться территория Нового Торга, занимавшего весьма обширное пространство. Торг был перенесен из Среднего города в Окольный в 1510 – году окончательного присоединения Пскова к Москве. «И даша место, где новый Торг ставити, за Средним городом, против Лужских ворот, за рвом, на Юшкове огороде Носухина, да на Григорьеве посадникове Кротове…» (П1Л, 2003. С. 96). Таким образом, стена Среднего города определяется как северо-западная граница Нового Торга (ей примерно соответствует современная ул. Пушкина). На юге (или юго-западе) Новый Торг доходил до Трупеховской улицы (т. е. почти до современного Октябрьского пр.). По мнению Г.В. Проскуряковой, в южном и юго-восточном направлении торговые ряды доходили до стен Окольного города, на одном из участков Торг ограничивала Михайловская улица (современная ул. Спегальского) (*Колосова*, 1994. С. 42, 43).

На этом участке города Новый Торг просуществовал до 1778 г., когда в связи с перепланировкой города торговая площадь была возвращена на прежнее место – к стенам Довмонтова города (*Козюренок*, 1994. С. 122).

Лужский II раскоп располагался на участке, который показан пустующим на плане 1740 г. (рис. 1). Данные планов города XVIII–XIX вв. указывали только на разреженную застройку участка в целом.

При начале работ 2011 г. экскаватором был снят 1,5–2-метровый слой отложений XX в., сформировавшихся главным образом в процессе послевоенного строительства и в результате демонтажа зданий начала XX в. Верхние пласты отложений, разбиравшихся вручную (собственно, нижняя часть балластного слоя) несли

Рис. 3. Сооружения нижнего горизонта Нового Торга в центральной части раскопа. Вид с востока

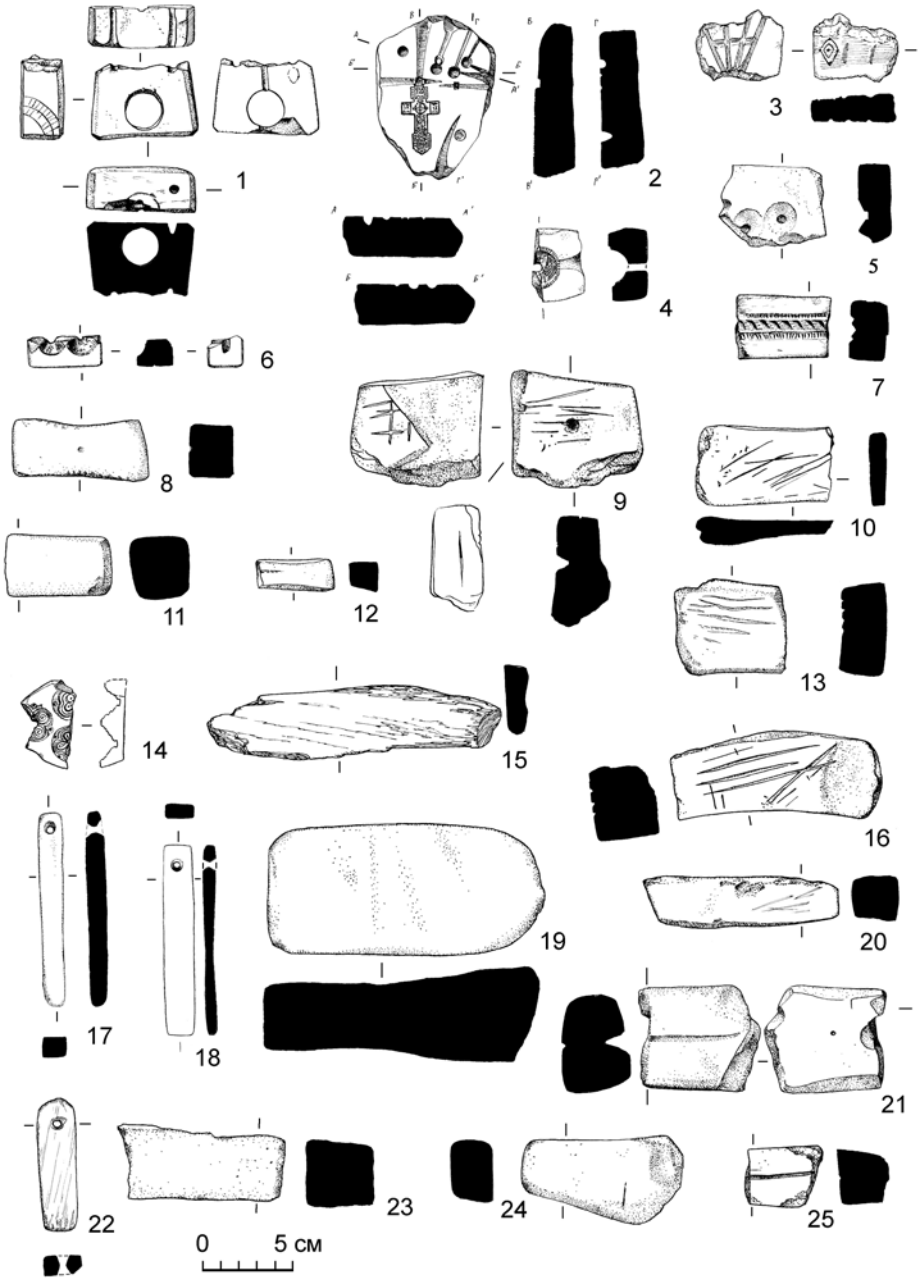


Рис. 4. Находки из отложений, связанных к сооружениям Нового Торга
1–7, 14 – литейные формы; *8–13, 15–25* – точильные камни; *1–25* – камень

на себе отпечаток паркового использования в XIX – начале XX в. – об этом говорят и находки (осколки парковых вазонов, деревянный шар для «игры в шары»), и характер почвенного слоя.

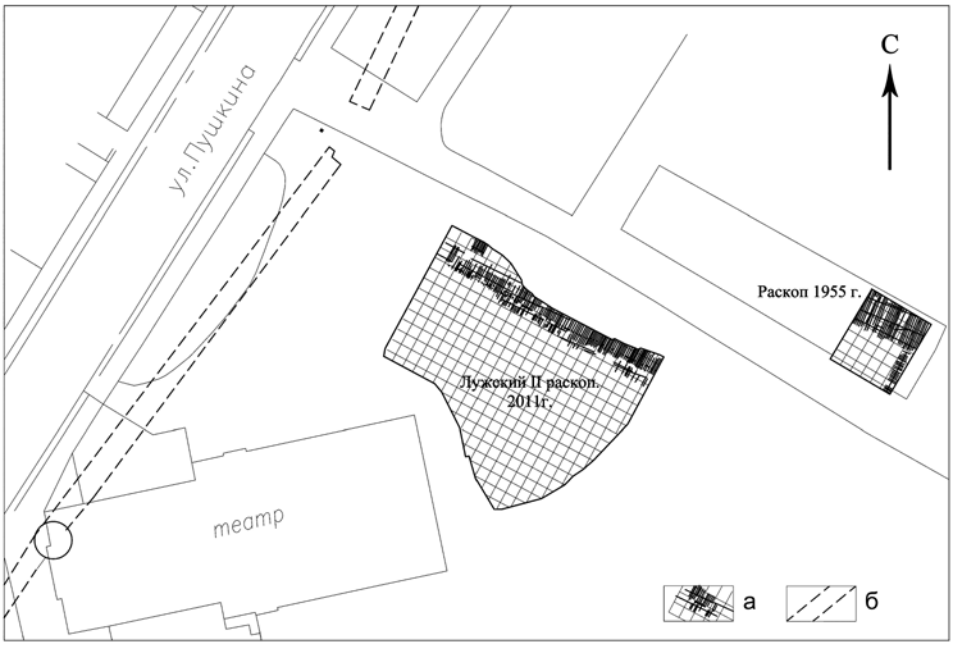


Рис. 5. Мостовые в раскопах 1955 и 2011 гг.
а – мостовые, *б* – стена 1374/1375 гг., по плану Псковской крепости 1740 г.

Почти сразу под балластным слоем на значительной площади в центральной, северо-восточной и северной частях раскопа на глубине около 160–180 см от современной дневной поверхности (с уклоном к северу) начал раскрываться горизонт системы деревянных сооружений Нового Торга.

Открытая нами на Лужском II раскопе картина, полагаем, представляет остатки клетного ряда. На уровне верхнего горизонта (рис. 2; см. также рис. 3 к ст. Е.А. Яковлевой в этом сб.) сооружения образованы массивными бревнами, уложенными на перпендикулярно ориентированные подкладки таким образом, что вся конструкция образует единую «сетку», состоящую из прямоугольных ячеек. Обращает на себя внимание единство планировки комплекса сооружений. Размеры и качество бревен позволили сразу предположить, что сооружение носило «коммунальный» характер, его

Рис. 6. Замощение у северной границы раскопа. Вид с востока

Рис. 7. Многочисленные коровьи челюсти в слое над плахами мощения в северо-западной части раскопа. Вид с востока

возведение должно было быть мероприятием общегородского строительства.

Длина продольных, ориентированных по оси З–В бревен достигает 14,5 м при диаметре 50–60 см. Длина поперечных бревен – от 2 до 4 м. Максимальные размеры всего пятна, занятого конструкцией в пределах раскопа, – 26×14 м. Сооружения Нового Торга на изученном участке выглядели весьма упорядоченно. В особенности это касается верхнего горизонта, на уровне которого эти клетки-отсеки имели почти типовой размер. «Поперечник» в среднем тяготеет к 1,8 м, «длинник» – к 2,35 м, т. е. практически размеры «клетки» – маховая сажень на косую сажень. «Стандартизация размеров» сооружений Торга известна, например, для московского Торга XVII в., при этом столичные лавки имели почти вдвое больший размер (*Шокарев*, 2012. С. 320, 321).

Сохранность археологической древесины позволила взять более 140 образцов, переданных в настоящее время к. и. н. М.И. Кулаковой для определений. На сегодняшний день дендродаты еще не получены, и предварительная реконструкция последовательности сооружений Торга носит рекогносцировочный характер. Нам представляется, что комплекс развивался в два этапа, причем, насколько мы можем судить до получения дендродат, интервал, разделяющий их, был невелик. Вполне возможно даже, что мы наблюдаем единый, но протяженный во времени, процесс устройства Торга. В таком случае в археологических материалах фиксируются не «два этапа» или «два горизонта», а «начало» и «конец» единого долговременного процесса.

Сооружения нижнего, более раннего горизонта, возникшего на начальном этапе обустройства участка под сооружения Торга, не столь едины, как в охарактеризованном «верхнем» горизонте (рис. 3). Вместе с этим, все постройки, составляющие «нижний» горизонт, имеют одинаковую ориентацию, расположены плотно, компактно, единой площадью. Зафиксированные постройки представляют собой настилы из досок и плах, срубы из массивного бруса и бревен, каркасно-столбовые сооружения.

Одна из построек «нижнего» горизонта, в которой сохранился развал печи, может быть интерпретирована как металлообрабатывающая мастерская. Предположительно, она была связана с изготовлением (сборкой) замков. Это подтверждается многочисленными находками деталей замков, отходов металлообработки (обрезки медного листа, использовавшегося для обтяжки замочных корпусов). Здесь же собрана коллекция инструментария – напильники, зубильца, стамески, молоток-гвоздодер, точильные камни (в том числе точильный круг ста-

ционарной (?) установки). Возможно, с этим же комплексом следует связывать разрозненные находки литейных формочек (рис. 4) и бронзового лома, распространенные по более широкой площади (ср. обнаруженные в раскопе 1967 г. производственные постройки, связываемые руководителем работ с ремонтом и изготовлением изделий из цветного металла: *Лабутина*, 1994. С. 38).

Дерево, из которого сооружены постройки нижнего горизонта, – нередко не очень тщательной обработки, зачастую с необрубленными сучками. В замощениях и «клетях» зафиксировано присутствие деревянных деталей во вторичном использовании. Возможно, здесь можно искать материальное выражение «имущественного неустройства» при присоединении Пскова к Москве – разборки и повторной сборки клетей перенесенного Торга, использования деталей сооружений, разрушенных при обстоятельствах выселения и внутригородского переселения горожан.

Рис. 8. Деревянный дренажный канал под сооружениями Нового Торга (северная часть раскопа). Вид с запада

Вдоль северной границы раскопа, с северной стороны от «клетей», раскрыта мостовая (рис. 5; 6), проходящая через раскоп по всей ширине, по оси запад – восток. Длина раскрытого участка улицы, таким образом, составляет более 40 м. В 2011 г. мощение было раскрыто не на полную ширину и выходило за пределы раскопа. Однако факт сдачи статьи в печать по завершении работ следующего сезона (2012 г.) позволяет нам говорить о том, что общая ширина мощения достигала не менее 8,5–9 м.

Покрытие составлено плахами шириной до 30 см, толщиной до 22 см. Плахи уложены плотно одна к другой, практически без зазора, на массивные лаги. В плахах с нижней стороны вырублены специальные пазы для плотного соединения с лагами. Лаги под плахами мостовой представляют собой массивные бревна сплошной длиной до 20,5 м и диаметром до 60 см. В конструкции были использованы также вспомогательные плахи-подкладки, выполнена песчаная подсыпка.

Возведенный уже после устройства замощения частокол ограничил его ширину с южной стороны почти на 3 м. Подчеркнем, что частокол был сооружен таким образом, что колья оказались «вбиты» непосредственно в мостовую и в слой грунта, сформировавшегося на мостовой. Колья были дополнительно укреплены жердями, уложенными на настил в прокопанных для установки частокола канавках. Вполне возможно, что частокол был необходим для маркировки проезда (улицы?), мощение которого со временем уже покрылось грунтом.

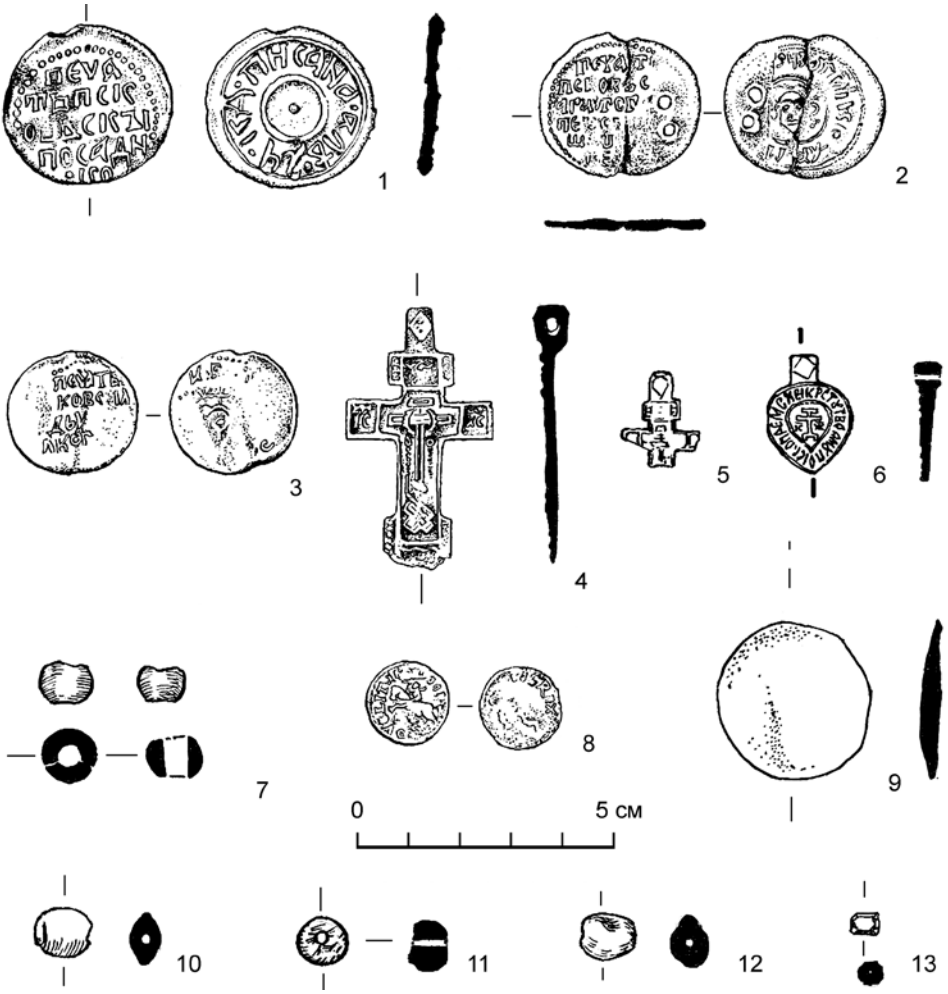


Рис. 9. Находки из отложений, связанных с сооружениями Нового Торга
1–3 – вислые свинцовые печати; *4–5* – кресты нательные; *6* – подвеска с христианской символикой; *7, 10–13* – бусы; *8* – монета западноевропейская; *9* – стертая монета (?) с заточенным краем.
(*1–3* – свинец; *4–6* – бронза; *7, 10, 12, 13* – стекло; *8, 9* – медь; *11* – сердолик)

В слое под мостовой и на ее поверхности, в довольно плотном (особенно под мостовой) грунте, собраны несколько сотен тысяч коровьих челюстей (рис. 7) – как и на раскопе Г. П. Гроздилова 1955 г., упоминавшемся выше. (Определение коллекции выполнено к. б. н. Л.В. Яворской. Авторы пользуются случаем выразить благодарность коллеге за плодотворную дискуссию по поводу возможных версий интерпретации костных скоплений.) В культурном слое вокруг остатков клетей также содержалось достаточно много обломков костей, в частности челюстей. Г.П. Гроздилов, рассматривая аналогичные находки А.В. Арциховского в Новгороде, пришел к выводу, что это не целенаправленное замощение и не строительное покрытие, а отходы мясных лавок.

Действительно, челюсти располагались в уплотненном, практически спрессованном, слое бессистемно, «не-горизонтально», не образовывая явной единой «прослойки замощения» с выраженными границами, которые могли бы быть зафиксированы в разрезе в профиле. Более того, интенсивные включения челюстей присутствуют и на значительной площади за пределами мостовой. Тем не менее, мощность массива такова (не менее 60 см), что его формирование выглядит результатом целенаправленной деятельности. Нам представляется, что использование костных остатков для подсыпки при строительстве вполне возможно. Мы предложили бы также считать эти остатки отходами не мясных лавок, а торговли готовыми продуктами питания (например, отходами харчевен), которые могли специально использоваться в качестве уплотняющей подсыпки – точно так же, как щепа, образовывающаяся при строительстве зданий (отметим, что включения крупной щепы в слое под плахами мостовой также довольно интенсивны).

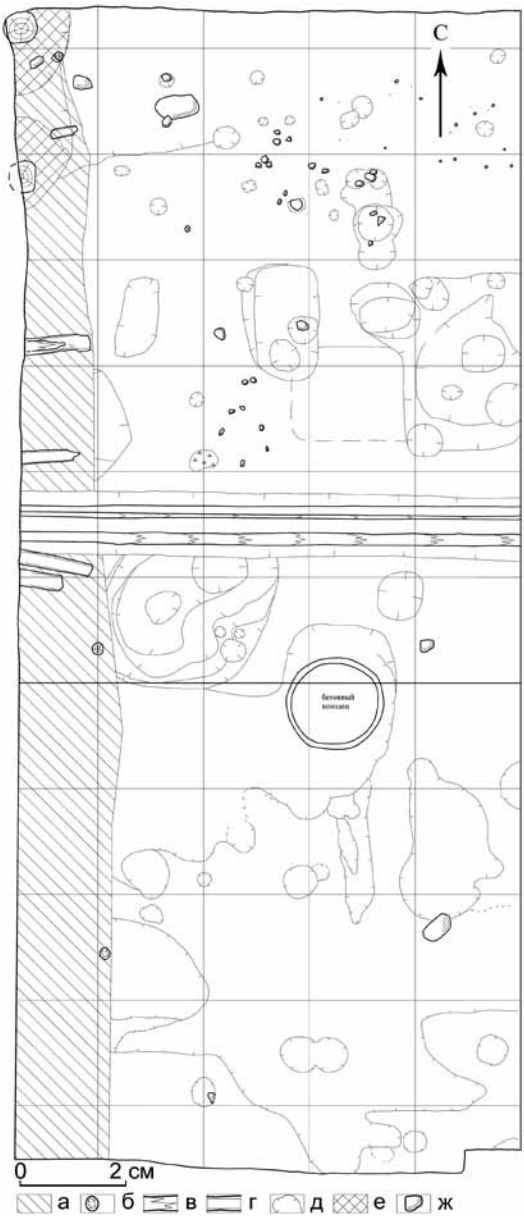


Рис. 10. Западная часть Лужского II раскопа на уровне предматериковых отложений
а – край рва у стены 1374/1375 гг.; *б* – столбы; *в* – дренажный канал; *г* – бревна; *д* – материковые ямы; *е* – заполнение столбовых ям; *ж* – камни

Возможно, уже при установке первых клетей на новом месте происходит сооружение дренажного канала, устройство которого предшествует мощению и возведению сооружений Торга (рис. 8), что было необходимо в условиях активного поступления грунтовых вод. С этим участком территории связывается локализация одного из отрезков речки Зрачки; усугубление сложностей гидрорежима территории могло быть также обусловлено деградацией и замусориванием рва крепостной стены, начавшимися после возведения стен Окольного города в начале XVI в. Неблагоприятная ситуация

сохранялась здесь до конца XIX – начала XX в.: «На месте Кутузовского сада еще лет 40 тому назад также были пруды, хорошо памятные нынешним старожилам… Местность… была сплошным болотом, из которого вытекала речонка Зрачка» (*Окулич-Казарин*, 2001. С. 64, 142).

При планиграфическом сопоставлении мостовой, раскрытой на Лужском II раскопе, с перекрестком улиц, зафиксированным Г. П. Гроздиловым, возникают две версии реконструкции планировки. Первая – версия реконструкции площадки, оконтуренной линиями мощения. Аналогии такому обустройству участков торговых территорий русских и европейских городов известны (*Гусарова*, 2001. С. 115).

Второй вариант позволяет высказать предположение, что в ориентированных по оси З–В линиях мощения (раскрытых на раскопах 1955 и 2011 гг.) мы видим две линии торговых рядов, ориентированных по оси запад–восток и отделенных одна от другой проулком шириной не более 14–15 м. Писцовая книга № 355 содержит описание нескольких рядов, соединяющих ц. Св. Ксении и Средний город (СМАМЮ, 1913. С. 23: «идучи от города к Оксиньи святой, по правой стороне лавки…»; С. 25: «идучи к городу от Оксиньи святые по левой стороне… лавки» и др.), реже – соединяющих Лужские ворота и основное пространств Торга (Там же. С. 27: «от Среднего города от Луцких ворот идучи к Болшому торгу…»). К сожалению, совершенно очевидно, что в обозримом будущем именно этот фрагмент для изучения доступен не будет, более того, существенная часть этой площадки разрушена при строительстве дома в 1955 г.

Церковь Св. Ксении, названная в вышеприведенном описании как ориентир, была построена на летописной «пустой улице», связанной топографически с Лужскими воротами (П1Л, 2003. С. 96: «…да и церковь постави князь великий, преподобную Ксению, в которой день Псков взял, на Пустой улицы, в Ермолкине в саднике Хлебникова, а потому та улица пустая слыла, что меж огородов, а дворов на ней не было»). Этот факт также дает возможность еще одной интерпретации раскрытой нами мостовой, не исключающей, впрочем, предыдущие: «пустая улица» в процессе устройства Торга могла стать одним из торговых рядов.

Коллекция индивидуальных находок Лужского II раскопа превышает 15000 экземпляров. На сегодняшний день работа с коллекцией далеко не закончена, часть предметов из металла не расчищена, некоторые артефакты недостаточно аргументированно датированы или даже не атрибутированы, поэтому в настоящей публикации мы ограничимся общим предварительным очерком.

Состав коллекции в целом говорит об отсутствии здесь заметных следов ведения традиционного домашнего хозяйства – количество предметов печной керамики, домашней утвари и инвентаря необычайно мало в сравнении с традиционно большим количеством подобных находок в слое позднесредневековой городской застройки.

Буквально с первых пластов обращали на себя внимание по преимуществу малые размеры многочисленных находок. «Коммунальное» пространство Торга могло содержаться в порядке, относительно регулярно убираться – возможно, именно с этим связано отсутствие сравнительно крупных находок при насыщенности слоя мелкими артефактами (бусы, пуговицы, печати, монеты и т. п., а также мелкий бронзовый лом, находки которого исчисляются сотнями: рис. 9). Аналогичная ситуация наблюдается и при раскопках торговых площадей других древнерусских городов (*Курбатов*, 2007. С. 93).

Большое количество находок можно связывать с литейным делом: преимущественно это обрезки бронзовых и латунных пластин, обломки бронзовых сосудов, предназначенные для переплавки. Мелкие фрагменты распространились на довольно большой, в сравнении с упоминавшейся выше металлообрабатывающей мастерской, площади. Было высказано также предположение, что скопления бронзового лома могут быть связаны с деятельностью Монетного двора, местоположение которого не установлено точно.

Общественный, открытый характер использования территории в некотором смысле подчеркивают находки игральных бабок, костяных коньков, обрывков обуви, сумок, ножен. Обращает на себя внимание довольно своеобразная находка – стертая до полной неразличимости номинала медная монета с заточенным заостренным краем, обнаруженная между плахами мостовой (рис. 8, *9*). Всецело сознавая недоказуемость такой интерпретации, мы бы предположили, что это «инструмент» вора-карманника.

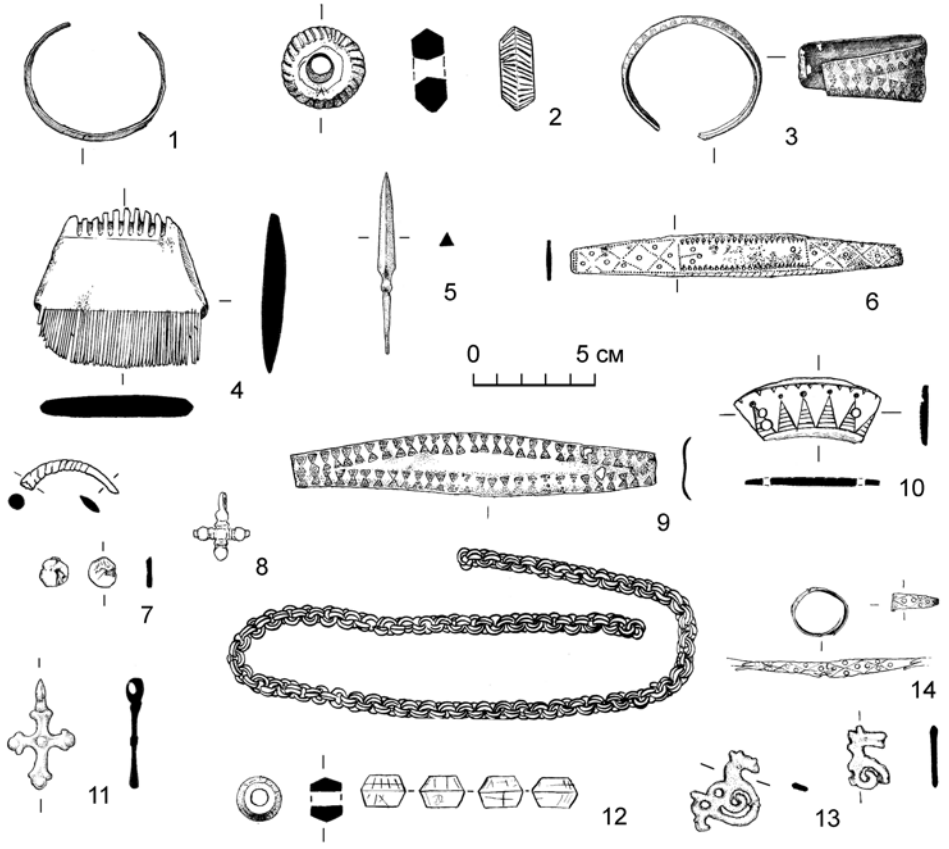


Рис. 11. Находки из предматериковых отложений
1, 3, 6 – браслеты; *2, 12* – пряслица; *4* – гребень; *5* – наконечник стрелы; *7* – пломба; *8, 11* – нательные кресты; *9* – цепочка; *10* – накладка орнаментированная; *13* – подвески-«коньки»; *14* – перстень. (*1, 3, 6, 8, 9, 14* – бронза; *13* – бронза, лужение; *2* – известняк; *4, 10* – кость; *5* – железо; *7* – свинец; *12* – шифер розовый)

II. Граница рва крепостной стены (?)

Как уже отмечалось, возведение сооружений Торга происходило в условиях повышенной обводненности. Массивный дренажный канал (рис. 8), заглубленный в материковые отложения, скорее всего, был сооружен до появления конструкций Торга, но может быть, и непосредственно при установке первых клетей на новом месте. Канал отводил воды в направлении полосы резкого понижения уровня материковой поверхности, которое наблюдается по всей длине у западной границы раскопа. Здесь на отрезке около 0,8 м (по оси З–В) отметки материка понижались на 0,5–0,7 м по направлению к западу, северо-западу (рис. 10).

Максимально высокие отметки поверхности материка (от –172 до –180) зафиксированы в юго-восточном углу раскопа. Уклон к северу (к СВ углу) от этой точки был довольно заметным и в то же время плавным, до глубины –360–364 см, т. е. более чем на 180 см на отрезке в 35 м. Понижение материковой поверхности наблюдалось и в направлении к западу (к ЮЗ углу), но здесь картина не слишком показательна, поскольку участок серьезно нарушен в XIX–XX вв. Уклон материка в направлении к западу (к СЗ углу раскопа) от северо-восточного угла составил около 60 см (от –360–364 до –420–422 см) на отрезке в 42 м. Таким образом, «западина» действительно выделяется значительно более резким уклоном в направлении к западу.

Однако в раскоп вошла малая часть «западины», к тому же резкое понижение у самой стены раскопа, грозящее обвалом грунта, заставило сделать дополнительную полуметровую ступеньку-отступ, что сократило исследуемую площадь объекта и не позволило получить ясного представления о нем.

Исторические планы убедительно показывают, что раскоп находится в непосредственной близости от стены Среднего города, на участке, скрывающем остатки крепостной стены и рва линии укреплений 1374/1375 гг. Данные инженерно-геологического бурения также подтверждали существование значительного понижения материковой поверхности к северо-западной границе раскопа. Все это подкрепляет наше предположение о том, что раскрытый у западной границы Лужского II раскопа участок понижения связан с напольным краем средневекового рва.

Возможно, с устройством рва связан и ряд деревянных конструкций, частично вошедших в пределы раскопа (рис. 10). Так, в центре раскрытого фрагмента края «рва» (?) зафиксированы восточные концы нескольких плах и бревен (диаметр 28–33 см, в раскоп вошли не более чем на 45–80 см), ориентированных по оси З–В. В северо-западном углу раскопа, фактически в стене котлована, раскрыты два массивных столба (диаметром более 50 см), находящихся на расстоянии 2,2 м один от другого. Не исключено, что эти детали входили в конструкции, представлявшие собой род «моста через ров». На плане 1740 г. на близком к раскопу участке в стене показаны пролом и свободный проезд (рис. 1; 4). Подчеркнем, однако, что в раскоп рассматриваемые сооружения вошли слишком малым фрагментом.

III. Свидетельства древнейшего освоения участка

История археологического изучения характеризуемого участка объясняет, почему раскоп 2011 г. представляется нам настолько важным. Было очевидно, что исследования на большой площади, доведенные до материка, смогут, наконец, дать

сведения о полной стратиграфической картине культурных отложений столь значимого района исторического центра Пскова.

При фиксации системы сооружений Нового Торга обращал на себя внимание тот факт, что это масштабное сооружение не распространяется на юго-восточную часть раскопа и «не задействует» естественное материковое возвышение (см. рис. 3 в ст. Е.А. Яковлевой). При этом разрез отложений в профиле раскопа показывал ненарушенную стратиграфическую последовательность слоев, отсутствие следов нивелировки поверхности. При исследовании предматериковых супесчаных светло-серых отложений и материковых ям здесь были обнаружены остатки сооружений и вещевые материалы XII–XIV вв., зафиксированы следы ручного вскапывания почвы.

На Новоторговском раскопе 2005 г., расположенном в нескольких десятках метров к северо-востоку от Лужского II раскопа, в переотложенном состоянии встречались материалы этого периода (*Михайлов, Яковлева*, 2007. С. 41), но, как уже отмечалось, предшествующие исследования не были доведены до материка.

При разборке предматериковых отложений как в юго-западной, «высокой», части раскопа, так и в северной, «низкой», были раскрыты частокольные конструкции, ограничивающие участки довольно большой площади. Сохранились остатки деревянных сооружений, в том числе двухкамерной постройки (в северо-западной части раскопа). Основные вещевые материалы происходят из заглубленных в материк ям различного назначения. В одной из ям зафиксирован развал отопительного сооружения. Состав находок – предметы быта из железа (в том числе ножи, ключи, пробои), шиферные пряслица, костяные изделия (гребень и накладки), бусы, ювелирные украшения, имеющие широкие и убедительные аналогии, свинцовые пломбы (рис. 11). Здесь же собрана коллекция тонкостенной богато орнаментированной керамики. Начальный период освоения территории, таким образом, по данным, полученным в ходе работ на Лужском II раскопе 2011 г., может быть датирован XII–XIII вв.

Представляется важным подчеркнуть, что предматериковые отложения с материалами XII–XIII вв. присутствуют практически на всей площади раскопа, даже в северо-западной части, на самом низком, постоянно затапливаемом при раскопках водой участке. Довольно представительный вещевой материал позволяет предположить, что гидрологическое неблагополучие, присущее участку вплоть до XIX – начала XX в. (*Окулич-Казарин*, 2001. С. 142), возникло значительно позже периода заметного сокращения площади города под воздействием различных факторов (*Кулакова*, 2001; *Лабутина*, 1996. С. 24–26; *Степанов*, 2003. С. 51–62). Участок стал подтопляться долгое время спустя после его оставления. Предварительно мы предлагаем связывать нарушение гидрорежима местности и обводнение участка с деградацией рва стены Среднего города после строительства стены Окольного города, однако этот аспект требует дополнительных исследований.

Последнее авторы могут отнести ко всем аспектам результатов работ 2011 г. – тем более что в 2012 г. работы в северной части пятна застройки, где в 2011 г. из-за невозможности своевременного демонтажа коммуникаций раскопки не проводились, были продолжены.

Литература

Гроздилов Г.П., 1962. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4.

Гусарова Е.В., 2001. Об астраханской торговле и ее роли в формировании градостроительной структуры центра Астрахани // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII в. СПб.

Ершова Т.Е., 1988. Новоторговский-5 раскоп на Полонище // АИППЗ.

Козюренок О.В., 1994. Новый Торг Пскова (вопросы топографии) // Памятники средневековой культуры: Открытия и версии: Сб. статей к 75-летию В.Д. Белецкого. СПб.

Колосова И.О., 1994. По историческим местам Пскова (XIV – начало XVIII вв.) // Псков через века. СПб.

Кулакова М.И., 2001. Динамика застройки Пскова X–XVII вв. по данным археологии, дендрохронологии и письменных источников: Дис. … канд. ист. наук. М.

Курбатов А.В., 2007. Раскопки 2003–2004 гг. у Торговых рядов в г. Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли: Мат. науч. семинара. М. Вып. 1.

Лабутина И.К., 1996. Археология и реконструкция территории средневекового города (на примере Пскова XIII в.) // Столичные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Тез. докл. науч. конф. М.

Лабутина И.К., 1994. Раскоп 1967 г. в Окольном городе Пскова // АИП. Вып. 2.

Михайлов А.В., Яковлева Е.А., 2007. Археологические исследования на Ново-Торговском IV раскопе // АИППЗ.

Окулич-Казарин Н.Ф., 2001. Спутник по древнему Пскову. Псков.

Писцовая книга № 355 (1585–1587 гг.) // СМАМЮ. М., 1913. Т. V.

Подгорная Р.Г., Френкель Я.В., Яковлев А.В., 2009. Исследование отложений XVIII века в Новоторговском V раскопе // АИППЗ.

П1Л – Псковская первая летопись // ПСРЛ. М., 2003. Т. V. Вып. 1.

Седов В.В., Александров А.А., Волочкова О.К., Ершова Т.Е., Закурина Т.Ю., Колосова И.О., Лабутина И.К., Плоткин К.М., Харлашов Б.Н., 1988. Отчет о раскопках Псковской археологической экспедиции в г. Пскове в 1987 г. // Архив ИА. Ф-1. Р-1. № 12161. Т. 1.

Степанов С.В., 2003. Динамика территориального развития городской структуры средневекового Пскова по данным археологии // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь.

Шокарев С.Ю., 2012. Повседневная жизнь средневековой Москвы. М.

Яковлева Е.А., 2009. Псковский археологический центр в 2007 году // АИППЗ.

Яковлева Е.А., 2010. Археология в Пскове в 2008 году // АИППЗ.

Е.С. Зубкова

Еще раз об обуви из Псковской скудельницы

E.S. Zubkova. Again on the shoes from Pskov skudelnitsa

Abstract. The report focuses on the analysis of a collection of leather shoes from the so called «Pskov skudelnitsa», discovered during the excavations of 1985–1986. Despite the fact that two articles were devoted to the leather shoes from skudelnitsa, the report has reason as in both papers not all the finds of shoes were included, and some inaccuracies were admitted in the description of those already published. To resolve the contradictions and answer the arising questions a complete list of the remaining findings of leather shoes from the collective grave discovered in Pskov in 1985–1986 with the most accurate description of the structural and technological components, which play a significant role in the allocation of types, is to be studied. In 21 of the 110 burials uncovered during excavations of 1986 (Petrovsky II site) remnants of leather shoes of various levels of preservation were found. In the burial of the same time two types of leather shoes were revealed. One of them is a model of soft shoes differing from domestic sneakers, made specifically for the dead. The second type of leather shoes may be referred to typical domestic models with rigid structure characteristic for the 16th – 17th cc. (casual shoes

which were not worn for some reasons). However, without any doubt, the upper parts of them had been removed. Whether it is related to some specific requirements of the burial rite, or may be explained by economical reasons, is difficult to judge, since the problem of Christian ritual formation is not fully resolved.

Ключевые слова: Псковская скудельница, погребальный обряд, погребальная обувь.

В последнее время значительно возрос интерес исследователей к проблеме сложения христианского похоронного ритуала. Основной материал для освещения некоторых аспектов этой проблемы дают археологические раскопки погребальных памятников, производимые на различных территориях средневековой Руси. В связи с этим среди прочих материалов из этих раскопок внимание исследователей привлекает и такая категория находок, как кожаная обувь. Однако зачастую данные археологических исследований не всегда сразу и полностью вводятся в научный оборот, что ограничивает возможности для широких обобщений и достоверных выводов в вопросе о погребальном обряде средневековой Руси.

«Скудельница», открытая при раскопках в Пскове в 1985–1986 гг., является одним из таких примеров: до недавнего времени в распоряжении ученых имелись лишь краткие сообщения об открытии памятника, опубликованные сразу по завершении работ (*Ершова*, 1987б. С. 78, 79). Долгое время результаты раскопок не подвергались детальному анализу. Спустя десятилетие они частично исследовались в рамках изучения проблемы бытования скудельниц в средневековом Пскове (*Козюренок*, 1995. С. 117–120). Более подробный анализ материалов из скудельницы был сделан при изучении погребального обряда в Пскове в эпоху средневековья (*Кузьмин*, 2006; 2009).

Подробного анализа погребального инвентаря в указанных работах не проводилось. Тем не менее, кожаная обувь из Псковской скудельницы опубликована в печати дважды. Однако следует отметить, что в первую публикацию (*Ершова, Курбатов*, 1998) были включены не все находки обуви, а в описании некоторых из публикуемых допущены неточности. К тому же в статье, посвященной описанию типов погребальной обуви из Псковской скудельницы, отсутствует какой-либо иллюстративный материал. Все это в совокупности значительно снижает научную ценность публикации.

Второй раз обувь из Псковской скудельницы появилась в печати в рамках обобщающей статьи о погребальной обуви средневековой Руси (*Курбатов*, 2002). К сожалению, ранее опубликованный материал не был подвергнут дополнительному исследованию. Дополненный лишь рисунками, он был включен в один из разделов указанной выше статьи в прежнем (неполном) объеме и с прежними неточностями в описании некоторых находок. В результате отдельные выводы, сделанные автором на основе приведенных им материалов из Псковской скудельницы, вызвали ряд вопросов и сомнений относительно их правомерности у некоторых исследователей погребальной обуви (*Осипов*, 2012).

Основной целью данного сообщения является попытка разрешить возникшие вопросы, приведя, наконец, полный перечень сохранившихся находок кожаной обуви из коллективного захоронения, открытого в Пскове в 1985–1986 гг., с максимально точным описанием конструктивных и технологических деталей, играющих значительную роль при выделении типов.

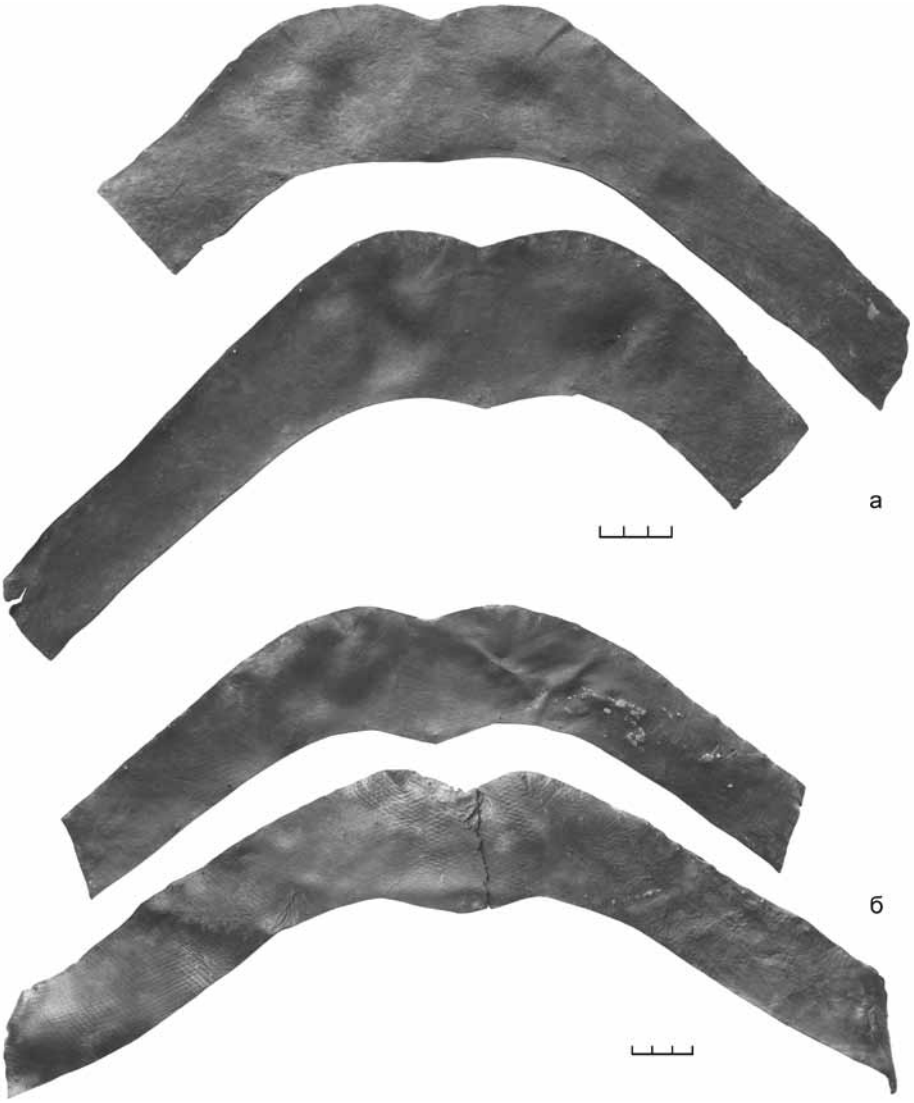


Рис. 1. Обувь первой группы из погребений Псковской скудельницы

Сразу следует с сожалением заметить, что в силу некоторых обстоятельств за годы, прошедшие с момента открытия в Пскове уникального в своем роде погребального памятника, некоторые его материалы были утрачены, а вещевые коллекции частично депаспортизованы, что касается, в частности, и коллекции кожаной обуви. Но закрытость комплекса и его ненарушенность поздними перекопами позволяет пренебречь отсутствием точной привязки находок к тому или иному конкретному погребению при решении некоторых вопросов о характерных чертах средневекового погребального обряда.

Из 110 погребений, вскрытых при раскопках 1986 г. (раскоп Петровский II), в 21 фиксировались остатки кожаной обуви той или иной сохранности. Как уже

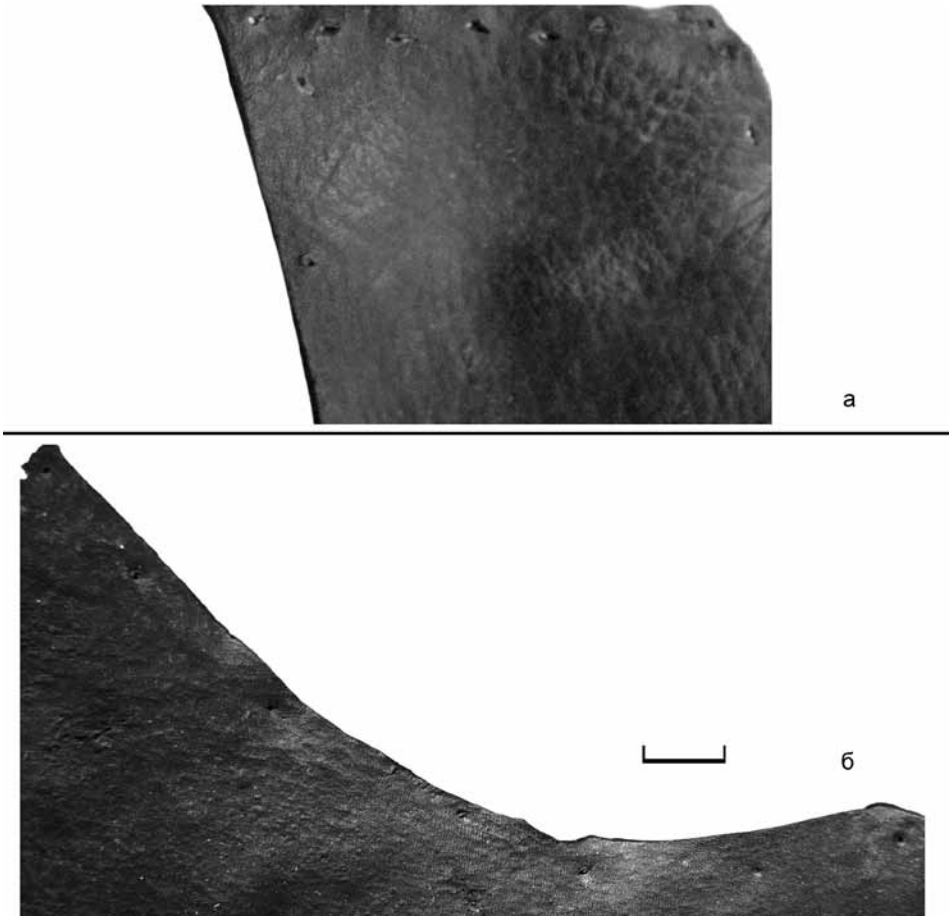


Рис. 2. Следы соединения деталей обуви
а – след от соединительного «переметочного» шва в области пятки;
б – следы проколов вдоль верхнего края тапочек

неоднократно упоминалось, погребения были устроены в материковой яме, в которой в два яруса были помещены деревянные гробы или колоды. Счет ярусов велся сверху: ярус 1 – от –239 до –270 см, ярус 2 – от –270 до –297 см.

В верхнем ярусе обувь фиксировалась в 4 погребениях: № 7, 13, 21 и 25 (*Ершова*, 1987а. С. 345–347). К сожалению, находки из этой части скудельницы не сохранились. Во втором ярусе остатки обуви обнаружены в 17 погребениях: № 26, 29, 30, 34, 36, 37, 39, 49, 50, 54, 57, 59–61, 63, 87, 88 (Там же. С. 349–357). Из имеющихся в коллекции в настоящее время находок достоверно соотнести с конкретным погребением можно лишь обувь из погребений 26, 49, 63 и 88. Обувь из погребения 49 сохранилась только в рисунке полевой описи. Остальные экземпляры депаспортизованы (4) или вовсе утрачены, не будучи зарисованными в полевой описи.

Таким образом, из 21 пары обуви, найденной при раскопках Псковской скудельницы на Петровской улице, на сегодняшний день до исследователей дошло (в виде конкретных вещей или рисунков) 9.

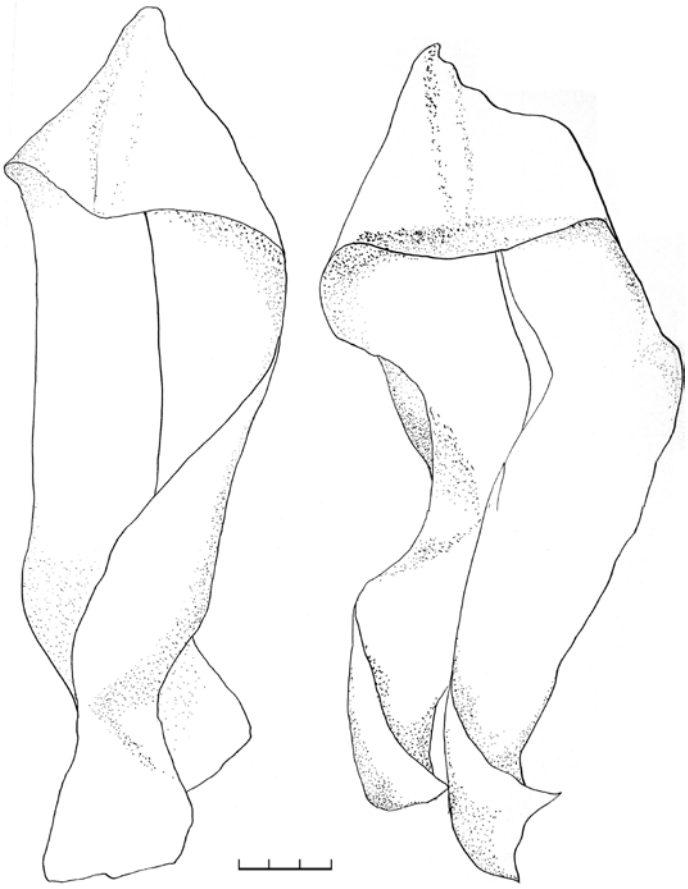


Рис. 3. Погребальная обувь первой группы до развертывания

Обувь из погребений четко разделяется на две группы. К первой относятся 5 пар обуви, отличающейся по конструкции от обычной бытовой. Это мягкие туфли из одночастной заготовки, которая представляла собой узкую полосу очень тонкой кожи. Верхний край заготовки – вогнутый, и имеет небольшой треугольный выступ на подъем. Нижний край – округленный, с неглубоким подтреугольным вырезом по центру. Ширина заготовки колеблется от 3 до 4 см на концах и от 5 до 6,5 см в центре (носовая часть) (рис. 1).

Заготовка складывалась пополам и сшивалась швом «через край» («переметочным») так, что он приходился на осевую линию стопы. Концы заготовки также соединялись между собой «переметочным» швом, который оказывался на пятке (рис. 2а). В отчете о раскопках 1986 г. на Петровском II раскопе в описании остатков обуви из погребения 49 есть сведения о «веревке у задника» (*Ершова*, 1987а. С. 354), с помощью которой обувь была закреплена на ногах покойника. Сведения о креплении обуви к ногам погребенных есть также и в описании других погребений, и не только веревкой, но и медной проволокой (Там же. С. 358). На сохранившихся экземплярах обуви описанной группы по верхнему краю во-

круг стопы фиксируются следы от проколов (рис. 2б), которые не выглядят следами от непрерывной строчки: они редки, отстоят друг от друга на неравное и довольно большое расстояние. Вероятнее всего, это следы от продергивания тонкой медной проволоки, обрывки которой фиксировались на некоторых экземплярах обуви описанной группы как в шве на подошве, так и по краю вокруг стопы. Очевидно, проволокой закрепляли тапки на ногах покойника (факт крепления обуви к ногам покойников неоднократно фиксируется в отчете при описании погребального инвентаря).

В первых публикациях обуви из Псковской скудельницы (*Ершова, Курбатов*, 1998. С. 104; *Курбатов*, 2002. С. 158) для описанного типа упоминается «суконная или холстинная подошва». Но вероятнее всего, ни о какой подошве (даже несохранившейся) у подобной обуви речи быть не может. Об этом свидетельствуют, прежде всего, рисунки туфель в полевой описи, которые были сделаны до того, как находки развернули в процессе реставрации (рис. 3). Кроме того, характер отпечатков от сшивного материала и деформации кожи вдоль шва (рис. 4) говорят о том, что края заготовки были сшиты непосредственно между собой переметочным швом, а не «соединялись с подошвой сквозным (сандальным) швом», как описывается в одной из публикаций (*Курбатов*, 2002. С. 158).

Обращает на себя внимание неглубокий подтреугольный вырез на нижнем крае всех заготовок обуви первой группы и небольшой треугольный выступ на подъеме. Подобный крой был характерен для головок сапог жесткой конструкции: в вырез вшивался заостренный вытянутый носок подошвы. Такой тип сапог встречается в городских слоях XV–XVI вв. Объяснить такую форму кроя заготов-

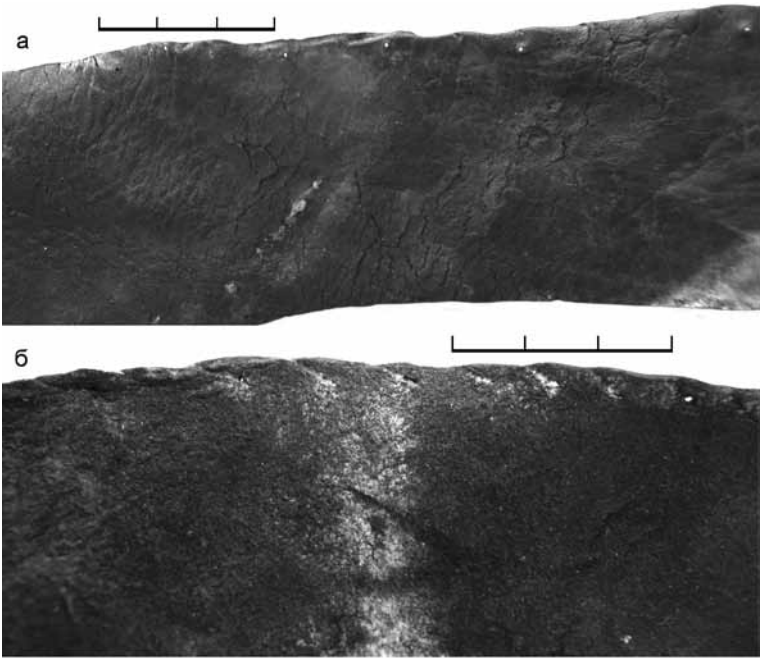


Рис. 4. Следы деформации кожи вдоль швов на подошве у обуви первой группы

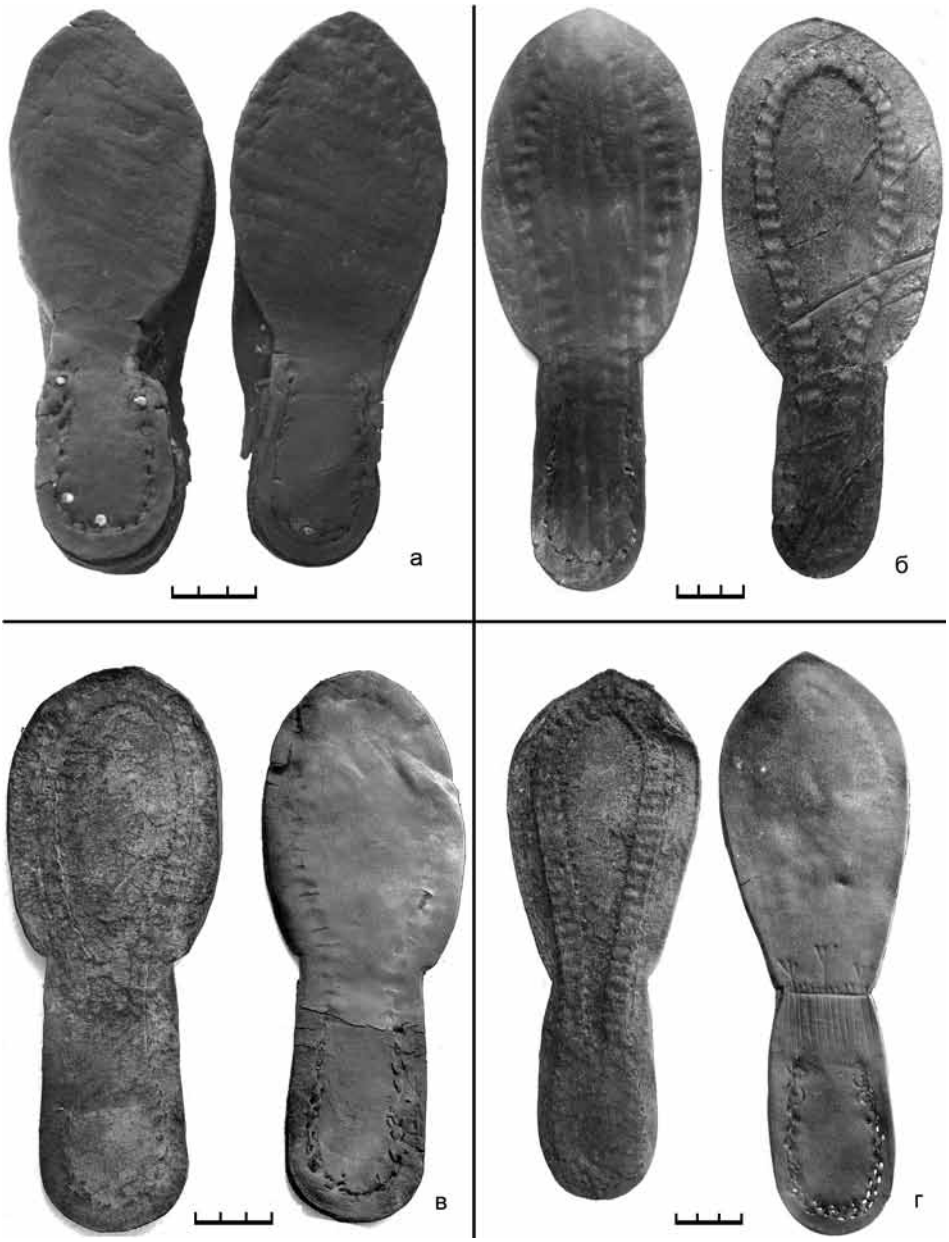


Рис. 5. Подошвы обуви второй группы из разных погребений
а – п. 26; *б* – п. 36; *в* – п. 63; *г* – п. 88

ки у «покойницких» туфель (отличающую псковские экземпляры от аналогичных находок из других городов) трудно. Правдоподобно может выглядеть версия об использовании для пошива «покойницких тапок» готовых или отбракованных заготовок – либо непосредственно головок для сапог, либо поднарядов для них.

В целом же обувь первой группы упрощенной конструкции из Псковской скудельницы не является из ряда вон выходящим открытием. Подобные находки встречаются при раскопках погребений в Москве, Новгороде, Твери, на Украине (*Осипов*, 2012), где они датируются не позднее XVI в.

Вторая группа обуви из погребений в скудельнице – обычная бытовая обувь жесткой конструкции характерных для XVI–XVII вв. типов. Всего в коллекции 4 пары такой обуви.

У всех экземпляров однотипные подошвы: округлые, со значительно расширенной передней частью и следами от шва «в подтай» (рис. 5).

В качестве верха у обуви из погребений служили внутренние детали: поднаряды (цельнокроеные), карманы и прокладки задников. Только в одном случае наблюдалась головка с поднарядом (погребение 36).У описываемой пары обуви – головка с выпуклым носком, вытянутыми крыльями и полным цельнокроеным поднарядом (рис. 6).

В двух случаях цельнокроеные поднаряды имеют выпуклый, слегка заостренный носок и вытянутые боковые крылья (рис. 7а; 8), однако судить о точной форме головки однозначно невозможно. Вероятнее всего, поднаряд повторял в основном форму головки, как и в случае, описанном выше. Однако не исключено, что поднаряд – неполный, а у самой головки на подъеме мог быть как треугольный выступ, так и вогнутый обрез. У четвертого экземпляра поднаряд цельнокроеный, с выпуклой округлой передней частью, укороченными в сравне-

Рис. 6. Верх обуви из погребения 36

Рис. 7. Обувь из погребения 26

Рис. 8. Верх обуви из погребения 88

Рис. 9. Верх обуви из погребения 63

нии с первыми тремя парами обуви крыльями и вогнутым обрезом края на подъеме (рис. 9).

Детали задников (без задинки) сохранились лишь у обуви из погребения 26 (рис. 7б). Однако среди депаспортизованных остатков обуви из погребений в скудельнице имеются разрозненные детали задников (карманы, прокладки – как кожаные, так и деревянные). Наружных накладок на задники (задинок) среди сохранившихся находок не зафиксировано.

Подводя итог описанию коллекции находок из скудельницы, следует отметить, что в «одновременном захоронении», датируемом исследователями памятника по-разному – XVI в. (*Ершова*, 1987б), XVI–XVII или даже рубежом XVI–XVII вв. (*Пежемский*, 2009. С. 138–153) – выявлено два типа кожаной обуви.

Один из них – отличающиеся от бытовых моделей мягкие туфли (или тапки), сшитые из одночастной заготовки, без подошвы, со швом, проходящим по осевой линии стопы. Безусловно, они были изготовлены специально для покойников. Обувь подобного типа обнаружена в погребениях Москвы, Новгорода, Твери и др. городов и датируется не позднее XVI в. (*Осипов*, 2012). В Пскове пара аналогичных туфель была обнаружена в детском погребении в церкви Василия на Горке (рис. 10), точная дата постройки которой не установлена, но определяется специалистами не позднее XVI в.

Второй тип кожаной обуви относится к обычным бытовым

моделям жесткой конструкции, характерным для XVI–XVII вв.

На основании анализа обуви второй группы из погребений в скудельнице можно заключить, что при погребении покойников была использована повседневная обувь (сапоги жесткой конструкции), по какой-то причине не ношенная. При этом несомненно, что с нее были сняты все верхние детали: голенища, головки и наружные накладки на задник (за исключением случая в погребении 36, где были оставлены головки).

Рис. 10. Обувь из погребения в ц. Василия на Горке

Связано ли это с какими-то определенными требованиями к обряду погребения или является всего лишь примером экономии, судить трудно, поскольку проблема сложения христианского ритуального обряда окончательно не решена. В материалах из раскопок погребений XVI в. в других средневековых городах Руси (таких, например, как Москва) обычная обувь встречается и с полным набором деталей (*Осипов*, 2012). В Пскове же в исследованных погребениях этого времени (помимо скудельницы) обувь обычной конструкции обнаружена при раскопках в Снетогорском монастыре, у южного входа в дьяконник Рождественского собора. Это были сапоги с отпоротыми голенищами, при этом, судя по остаткам головок, с поднарядами, остальные наружные детали были оставлены (сохранность подошв и задников не позволяют сделать вывод о степени изношенности обуви). Захоронения в подобных каменных саркофагах датируются первой половиной XVI в. (*Панова*, 1990. С. 138).

Литература

Ершова Т.Е., 1987а. Петровский II раскоп // Седов В.В., Белецкий С.В., Волочкова О.К., Ершова Т.Е. и др. Отчет о работах Псковской археологической экспедиции за 1986 г. Псков. Т. 2. Архив ИА РАН.

Ершова Т.Е., 1987б. Скудельница средневекового Пскова по материалам раскопок 1985–1986 г. // Земля Псковская, древняя и социалистическая: Краткие тез. докл. Псков.

Ершова Т.Е., Курбатов А.В., 1998. Погребальная обувь из раскопок Псковской скудельницы XVI в. // Церковная археология. СПб. 4.

Козюрёнок О.В., 1995. Скудельницы в Пскове XV–XVI вв. // Церковная археология: Мат. первой Всерос. конф. СПб. Ч. 2.

Кузьмин В.Г., 2006. Моровые кладбища средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.

Курбатов А.В., 2002. Погребальная обувь средневековой Руси // Археологические вести. СПб. № 9.

Осипов Д.О., 2012. Погребальная обувь средневековой Руси // Археология Подмосковья: Мат. науч. семинара. М.

Панова Т.Д., 1990. Городской погребальный обряд средневековой Руси (XI–XVI вв.): Дис. … канд. ист. наук. М.

Пежемский Д.В., 1998. Погребения Троицкого XI раскопа // Новгород и Новгородская земля. Великий Новгород. Вып. 12.

Ю.В. Колпакова

К осмыслению роли крестиков из камня и янтаря в религиозной жизни средневековых псковичей

Yu. V. Kolpakova. On the interpretation of the role of stone and amber crosses in religious life of the Medieval Pskov citizens

Abstract. The author offers an alternative interpretation of «body» crosses made of stone and amber. A lot of stone and amber little crosses have been found during excavations in Pskov and Stary («Old») Izborsk since 1940-s (47 amber crosses; 22 crosses made of other types of stone, and 2 clay crosses imitating porphyritic jasper and slate).

Having analyzed historiography of the problem, written sources and 16 crosses found with various beads, the author proposes to attribute some of the stone and amber crosses, bone and clay beads («knuckles of the score») to the paternosters/rosaries.

According to the Novgorod IV «Scra», German traders had the right of importing paternosters to Novgorod in dozens.

Paternosters/rosaries consisting of a set of beads with a cross, ones without crosses, and traditional orthodox rosaries «vervitsy» could have been in use in Medieval Pskov.

Ключевые слова: «нательные» кресты, бусы, четки.

Каменные и янтарные крестики составляют немалый процент среди найденных при раскопках в Пскове и Старом Изборске предметов христианского благочестия. С конца 1940-х гг. и до настоящего времени найдено 47 крестиков из янтаря (46 в Пскове и 1 в Изборске), 22 – из иных пород камня (18 в Пскове и 6 в Изборске), и 2 крестика из глины, имитирующей порфиритовую яшму и шифер.

Как мы уже подсчитывали, янтарные кресты составляют 18% от всех нательных крестиков, каменные – 10%. Если же учесть в подсчете лишь средневековые кресты, окажется, что янтарные кресты были в городской среде распространены не намного меньше металлических (*Колпакова*, 2004).

Первенство среди материалов для каменных крестиков в Пскове принадлежит местному, вероятно, известняку – из этой породы изготовлено 10 псковских и 2 изборских крестика. На втором месте – привозной шифер (в Пскове выявлено 2 серых и 2 розовых крестика), единичны находки из коричневого сланца (находка в Пскове, материал указывает на европейский импорт), одноцветной яшмы, малахита. Кресты из порфиритовой яшмы представлены двумя экземплярами, также есть поддельный глиняный крестик с желто-зеленой пятнистой глазурью.

Крестики из местной породы камня – известняка, производились непосредственно в Пскове и Изборске, что подтверждается находками их заготовок (Псков: заготовка из обломка известняковой литейной формы середины – второй половины XI в.; Изборск: два крестика с недосверленными ушками). Возможно, починка привозных крестов могла производиться в Пскове и Изборске и местными камнерезами; скажем, на одной из сохранившихся лопастей шиферного креста присутствует недосверленное ушко. Но, как уже отмечалось, не исключено, что кресты производились из шифера и в самом Пскове. О местном производстве янтарных изделий, среди которых, скорее всего, были и крестики, по крайней мере в конце XIII – начале XIV в. говорят находки кусков и обрезков янтаря на одном из дворов в пределах древней части Среднего города (*Колпакова*, 2004. С. 105).

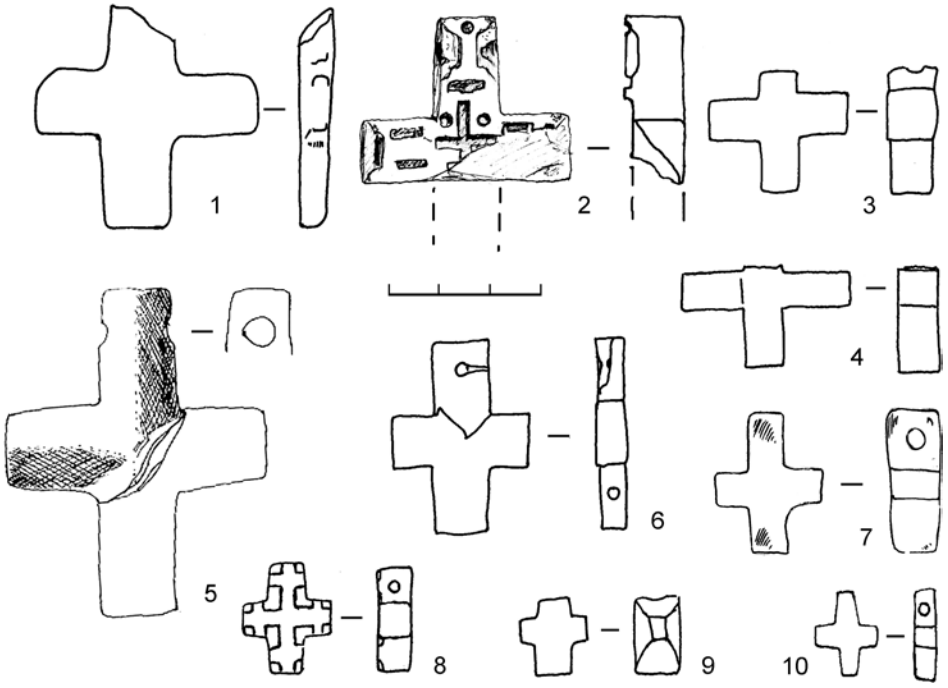


Рис. 1. Каменные кресты

1 – ПЛ-84-VII, № 320, Ф-712-10(-200), № пол. 13*; *2* – ПГОИАХМЗ, кол. 9152, № 403, ПЛ-76-III, Х-330-11, № 2; *3* – ПЛ-87-XII, № 213, Ф-359-13(–245), № пол. 1; *4* – ПГОИАХМЗ, кол. 16017, № 15, ПЛ-82, Ь-380-9 (–178), № пол. 5; *5* – ГЭ, кол. ПД-85, № 457, кв. 643, пл. V, гл. –100, № пол. 50; *6* – ПЛ-84- IX, № 728, Л-1163-9, № пол. 2; *7* – ПЛ-88-Х, № 705, А-19 -19 (–377) , № пол. 23б; *8* – ПГОИАХМЗ, кол. 8251, № 2426, ПГпр-72, Е-14-76, № пол. 9; *9* – ПЛ-88-XIII, № 115, В-14(-265)-529, № пол. 34; *10* – музей-заповедник «Изборск», Изб-71, I, 3/13–41, № 49 (235)

Актуальность импорта крестов в Псков и цели местного крестечного[1] производства никогда не вызывали вопросов – потребность в предметах личного благочестия жителей христианского города должна была удовлетворяться. Традиционно самым широко распространенным видом находок в данной категории считаются нательные кресты.

Метрические характеристики найденных подвесок иногда весьма впечатляющие. Реконструируемая высота крестиков достигает 6–6,5 см, при ширине 4,6 см, значительная доля изделий имеет размеры в пределах 4–4,5 см. Толщина крестиков варьирует от 6 до 11 мм (рис. 1; 2). Специально взвешиванием данных подвесок никто не занимался, однако размеры указывают на их значительный вес. Также отметим, что часть каменных крестов не имеет скругленных углов и кромки.

В устных дискуссиях неоднократно высказывалось сомнение в том, что такие кресты правомерно относить к категории нательных. В 2007 г. А.С. Хорошев пред-

*Здесь и далее приводятся шифры вещей по месту постоянного хранения (коллекция и номер по описи) или временного хранения (номер по описи и паспортные данные: шифр раскопа, участок, пласт, квадрат, полевой номер и проч.)

[1] Крестечниками изготовителей крестов называют источники из Троице-Сергиевой Лавры (*Николаева*, 1971. С. 25, 26).

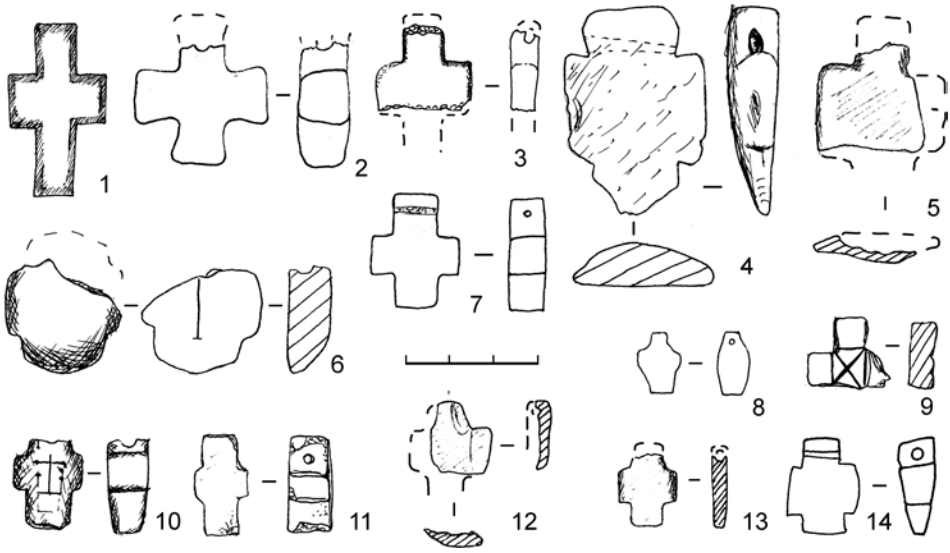


Рис. 2. Янтарные кресты

1 – ПГОИАХМЗ, кол. 5689, № 687, ППИ-68, В-30-10, № пол. 19; *2* – ПЛ-84-V, № 279, В-480-10 (–196), № пол. 12; *3* – ПГОИАХМЗ, кол. 28283, № 126, ПЛ-83-V, И-551-6 (–118), № пол. 5; *4* – ПГОИАХМЗ, кол. 12417, № 852, ПВ-78, кв. 28, пл. V (–186); *5* – ПГОИАХМЗ, кол. 5689, № 546, ППИ-68, Ж-90-10, № пол. 20; *6* – ПГОИАХМЗ, кол. 12417, № 856, ПВ-78, 28-VI (–210); *7* – ПГОИАХМЗ, кол. 9152, ПЛ-76-III, № 89, Ц-279-7, № пол. 5; *8* – ПЛ-88-XIII, № 794, В-473-18 (–341), № пол. 5; *9* – ПГОИАХМЗ, кол. 2208, № 555, Кремль-48, кв. 154, пл. 2; *10* – ПГОИАХМЗ, кол. 12944, № 204, ПН-81, А-16/2; *12* – ПГОИАХМЗ, кол. 5689, ППИ-68, № 794, Е-95-10, № пол. 15; *13* – ПГОИАХМЗ, кол. 5689, ППИ-68, № 687, В-30-10, № пол. 19; *14* – ПЛ-87-VI, № 40, Р-676-13, № пол. 2

ложил называть каменные крестики наперсными, поскольку ношение таких грубых изделий под рубахой маловероятно. Так или иначе на этот счет высказывались многие археологи.

Мы также высказывали предположение, что отдельные особо крупные экземпляры могли быть даже атрибутами домашнего отправления культа задолго до появления в России традиции домашних красных углов и иконостасов (*Колпакова*, 2004. С. 109).

Основной проблемой обсуждения данного спорного вопроса оставалось отсутствие четких критериев разграничения нательных и не нательных крестов по размеру или весу. Проблема остается актуальной и на сегодняшний день.

Мы могли бы исключить все неметаллические кресты из числа нательных, если бы не убедительные примеры ношения янтарных и перламутровых изделий в качестве нательных крестиков. Упомянем, к примеру, янтарный нательный крест матери М.И. Кутузова, извлеченный при работах в гробнице, или перламутровый крест, найденный на груди монахини, погребенной в XVII в. близ собора Казанско-Богородицкого женского монастыря (Некрополь… 2000), янтарный крест из погребения с златотканым куколем XVII в., открытого у центральной апсиды ц. Воскресения в Коломне (*Мазуров и др.*, 2002).

Также мы достоверно знаем пути попадания перламутровых и шиферных крестов в Псков как паломнических древностей (*Колпакова*, 2002; *Мусин*, 2010. С. 222–225). В связи с этим резонно предположить, что отношение к ним было осо-

бым: их могли в качестве величайшей драгоценности носить как нательные кресты или, из тех же соображений, просто хранить в доме.

Пролить свет на назначение каменных и янтарных крестов, найденных в городском слое, мог бы анализ наиболее часто сопутствующих им материалов. Наблюдения показывают, что крестики из янтаря, датирующиеся с XII по XIV в. и найденные в пределах дворов и жилых построек, часто соседствуют в слое со стеклянными вещами (бусины, браслет, посудное стекло), что свидетельствует о высоком достатке их владельцев.

Обращает на себя внимание тот факт, что заметное количество сопутствующих каменным и янтарным крестикам находок (у тех предметов, контекст которых выразителен) представлено бусами. Ранее это было интересно и полезно нам в первую очередь для датировки находок.

При публикации некоторых крестов указывалось, что они найдены в составе ожерелья (Псков, Довмонтов город, слой XI–XIII вв.: *Белецкий*, 1991. С. 45. Кат. № 47, 96). Такая трактовка, экстраполируемая и на другие найденные с бусами крестики, органично выглядит в контексте мнения, что в курганных древностях нательные кресты из металла часто включены в состав женских ожерелий и не носят, по всей видимости, того особого значения, которое придается христианскому нательному кресту сегодня. Однако в последние годы в дискуссиях все чаще звучат сомнения на этот счет, поскольку в погребении после истлевания нитей невозможно отличить крест в составе ожерелья от креста, висящего на индивидуальном гайтане, в сочетании с обычными бусами на шее. Более того, например, стратиграфия текстиля в ингумации конца X в., известной как «Варяжская гостья», дает яркий пример нахождения крест вне ожерелья (*Яковлева*, 2004).

Впрочем, это не отменяет двойственной трактовки находок женских ожерелий с несколькими металлическими крестами в нем из других регионов (пример – опубликованное ожерелье с ракушками каури, бубенчиками и тремя крестиками из Литвы: *Берга*, 2001. С. 421).

Рассмотрим находку из Пскова, которая трактуется как ожерелье. В его составе крест, 2 лимонные пронизки, 2 сравнительно крупные бусины, 24 более мелкие (включая желтый, бирюзовый, бордовый бисер и красный мелкорубленый стеклярус). Оно довольно короткое, хотя, в целом, длина низки бус является определяющим признаком для атрибуции. Рассматривая это ожерелье на временной выставке, посетители часто задавали вопрос: а не четки ли это? И, разумеется, получали ответ, что для древнерусской христианской традиции четки с бусинами не характерны.

И все же даже такое предположение имеет право быть принятым в качестве рабочей гипотезы. В этом контексте сопутствующие находке креста бусы приобретают совершенно другое значение и могут трактоваться не как светская вольность или небрежность, а как новый аспект личного благочестия в повседневной жизни.

Предположения о возможности подобной атрибуции некоторых наборов вещей редко, но уже встречались в отечественной историографии.

При публикации материалов могильника первой половины XVI в., раскрытого в Москве в устье Яузы, М.Г. Рабинович пишет: «Вещей в погребениях не обнаружено, за исключением нательных **крестиков (погребения № 4 и 7), двух костяных бусин (очевидно, с четок; погребение № 4)**, стеклянного флакончика-слезницы (в головах погребения № 8) и глиняных лампадок (погребение № 10 и др.). »

(*Рабинович*, 1949. С. 13, 14). То есть, предположительно, автор указывает на четки XVI–XVII вв., хорошо известные по западноевропейским музейным коллекциям, с десятком бусин и простым бронзовым крестом (см., напр.: Bildindex…: Кельн, Нотр-Дам). Также отметим, что исследователь упоминает среди находок «глиняные “костяшки” от счетов» (*Рабинович*, 1949. С. 42).

В 1998 г. Т.А. Пушкина опубликовала документ, в котором в составе комплекса, находящегося в Эрмитаже под названием «Смоленский клад», указано «**Ожерелье серебряное в виде четок, состоящее из 47 штук»**. Оговоримся, правда, что эта трактовка принадлежит автору рапорта XIX в. о находке клада, но все же сохранена как цитата в публикации и остается историографическим фактом (*Пушкина*, 1998. С. 373).

При публикации материалов раскопок 2001 г. в Коломне авторами отмечены «веревочные четки со стеклянными бусинами» XVII в. (*Мазуров и др.*, 2002).

В статье 2003 г. С.Ю. Шокарев упоминает присутствие четок в слое некрополя московского Моисеевского монастыря, в горизонте XVII – начала XVIII в.: «на 142 погребениях, сопровождавшихся инвентарем, некрополя московского Моисеевского монастыря обнаружено: крестов-тельников – 81, сосудов для елея – 51, **четок – 31**. Кроме того, найдены кольца, образки, монеты... Следует отметить, что в комбинированных четках стеклянные бусины были чаще всего одного цвета и одной формы. Однако четки из погребения 3 имели девять сине-фиолетовых граненых и одну сине-фиолетовую округлую бусину; четки из погребения 9 имели пять желто-оранжевых округлых бусин и одну желто-оранжевую восьмигранную бусину; четки из погребения 14 имели пять сине-фиолетовых круглых бусин и одну восьмигранную… Помимо крестов, на московских некрополях XV–XVII вв. прослежены иконки, ладанки, четки, кожаные плетеные кресты» (*Шокарев*, 2003. С. 141–187).

Т.Д. Панова в монографии «Царство смерти» отмечает: «Крайне редкими являются захоронения с четками, лишь однажды таковое было обнаружено на позднем кладбище XVI–XVII вв. возле Иоанновского собора в Пскове» (*Панова*, 2004. С. 170). Надо отметить, что на самом деле это погребение найдено близ Спасо-Преображенского, а не Иоанновского, собора, что справедливо отмечено у Татьяны Дмитриевны в примечаниях (см.: *Булкин, Овсянников*, 1983. С. 208).

При раскопках Ильинского монастыря в Пскове найдены кожаные узелковые четки с одной глиняной бусиной, украшенной изображением креста (*Салмина, Салмин*, 2011. С. 78. Рис. 17, *3*).

С.В. Степанов по итогам раскопок в Спасо-Елеазаровском монастыре высказал предположение о возможном варианте атрибуции набора пуговиц на замкнутом шнуре как четок (*Степанов*, 2011. С. 101. Рис. 6, *1*).

Это единичные публикации находок, итог которым пока не подведен. Более всего о четках в отечественной науке, хотя и в этнографически-музееведческом аспекте, писал А.Б. Островский (2007; *Островский, Федорова*, 2005). В 2001 г. вышла популярная книга С.А. Трофимова «Четки». Обобщающие работы по западноевропейским четкам, не переведенные, к сожалению, на русский язык, принадлежат перу Энн Уинстон-Аллен (*Winston-Allen*, 1997) и Криса Ланинга (*Laning*, 2007).

Но действительно, характерны ли четки с бусинами для русского православия? Нам достоверно известны поздние старообрядческие лестовки, а также узел-

ковая разновидность четок – «вервицы» (от вьрвь, врьвь – веревка), и близкие к ним по методу изготовления плетеные кожаные и шерстяные параманы, находимые при раскопках монастырей и монашеских погребений. («Параман или аналав, как предмет монашеского одеяния, состоит из двойных перевязей, сплетенных из шерстяных ниток; спускаясь с шеи крестовидно, обнимает плечи и под мышками перепоясывает одежду» (Полный православный… 1900. С. 1760). Пример плетеного парамана представлен в обновленной экспозиции Новгородского музея-заповедника.) Четки упоминаются в ряде житий православных святых, их канонических описаниях в иконописных подлинниках, правда, тоже довольно поздних (преп. Моисей Угрин, свт. Димитрий, митр. Ростовский и др.).

Достоверные вещественные свидетельства, дошедшие до нас, относятся не ранее, чем к позднему средневековью, однако письменные источники позволяют предположить и более раннее бытование традиции молитвы с четками.

Как отмечает А.Б. Островский, «восточно-христианское предание связывает появление четок со св. Пахомием (IV в.), римским воином, а позднее основателем монастыря в Фиваидской пустыне. Он придумал использовать для счета молитв и поклонов веревку с завязанными на ней узлами – отсюда происходит и наиболее раннее в славянских языках название четок – вервица» (*Островский, Федорова*, 2005. С. 127). Хотя вопрос о времени окончательного оформлении этой легенды, разумеется, остается открытым. Также в православной традиции изобретение четок приписывается и Василию Великому, вероятно, благодаря упоминанию вервицы в таком памятнике, как «Номоканон, сиречь Законоправильник, имеия Правила, по сокращению, Святых Апостолов, Великого Василия и Святых Соборов» при Большом Потребнике (изд. 1625 г. в Москве).

По 87-му Правилу данной редакции Номоканона, «вервица» – это веревка со 103 узлами, предназначенная для того, чтобы облегчить молитвенные труды «безкнижному» (неграмотному либо лишенному возможности молиться по книге) монаху: «…Да творит безкнижныи инок, за полунощницу, вервиц десять. За утреню, вервиц десять. За часы, вервиц десять. За девятыи час, и вечерню, десять. За павечерню десять. Вервица же да имать узлы, сто и три. На всяком же узле да чтет преднаписаную молитву...». Издатель датирует сложение текста данной русской редакции первой половиной XV в. (Номоканон… 1897). Название «вервица» в обиходном русском языке позже распространяется на все разновидности четок, как плетеных, так и составленных из бусин или «ступенек».

Из трудов по литургике новейшего времени (*Аверкий, архиеп.*, 1963) известно, что вручение четок является элементом ритуалов принятия в монастырь и рукоположения в церковные чины, что делает эти предметы атрибутом послушников, монахов, церковных иерархов. Молитва же мирян с четками осуществляется только по особому благословлению. «Поступивший в монастырь первоначально облекается настоятелем, без особых молитвословий, в подрясник и называется послушником. Ему дается обыкновенно при этом пояс, скуфья и четки» (Там же. С. 79), «новопостриженный монах воин Христов облекается… в параман… С параманом возлагается соединенный с ним шнурами крест на перси… Наконец, ему дается вервица (четки) для совершения молитвенного правила и постоянного памятования о необходимости непрестанно творить во уме и сердце молитву Иисусову» (Там же. С. 81). «По окончании литургии разоблачаются все архиереи в алтаре, новопосвя-

щенного подводят к митрополиту, и он возлагает на него, благословив, архиерейскую рясу, панагию, мантию с источниками, клобук и дает ему вервицу (четки)» (Там же. С. 72).

Современные православные четки имеют количество бусин или узлов, кратное десяти. В зависимости от применяемого молитвенного правила, четки делят на десятки или четверти (25 узлов). В составе четок встречаются кресты или кисть, сплетенные из той же нити, что и сама вервица (*Серафим, иером.*, 2005).

Четки другого устройства, с бусами, чаще ассоциируются с ближневосточными, восточными и западноевропейскими традициями. Это буддийские четки (с III в. н. э., Индия), раннехристианские (с IV в. н. э., Египет; как отмечает А.В. Островский, «из письменного источника V в. известно, что египетский аббат Павел (ум. 341) ежедневно произносил 300 молитв, ведя счет на гальке»: *Островский, Федорова*, 2005. С. 127), исламские (с VIII в.) Есть мнение, что «те или иные прообразы четок появились независимо один от другого в разных центрах, но примерно в одно и то же время – в IV – начале V в.». Широкое распространение четок в Западной Европе связывается с легендой о явлении св. Девы Марии св. Доминику в 1214 г. с наставлением проповедовать четки как средство от ереси и греха. Впоследствии, в XV в., именно орден доминиканцев и сыграл решающую роль в распространении четок Розария в Европе. Композиция четок св. Доминика сложилась в соответствии с традицией чтения Розария (rosarium – «венок из роз») – молитвенного круга, включающего повторение трех молитв – Pater noster, Ave Maria, Gloria Dei – и размышления о тайнах, соответствующих евангельским событиям. Четки состоят из 5 или 15 декад, по 9 малых зерен и по 1 крупной бусине. На малых бусинах произносят молитву Ave Maria, на крупных – Pater noster. Четки снабжены подвеской из пяти бусин и креста (либо трех малых бусин, крупной бусины-разделителя, креста и медальона). 150 бусин в четках символизируют также 150 псалмов в Псалтыри, а 15 декад в четках – 15 тайн земной жизни Иисуса Христа и Девы Марии. Если в четках 50 бусин, молитвенный круг повторяют трижды. Встречаются и четки с 33 и 63 зернами – по числу лет земной жизни Христа и Девы Марии (*Островский, Федорова*, 2005). Но и до этого четки, так называемые «paternosters», имели бытование в Европе – преимущественно не замкнутые в кольцо, с десятью бусинами или иным десятеричным устройством (Там же).

Наиболее вероятным из вышеперечисленных представляется западноевропейский источник традиции, проникшей на Северо-Запад Руси.

В Европе индустрия производства четок была хорошо налажена. Например, «Книга ремесел и торговли» Парижа XIII в. включает статуты, содержащие свидетельства о трех различных цехах, производивших четки: статут XXVII «Об изготовителях четок из кости и рога», статут XXVIII «Об изготовителях четок из кораллов и раковин», статут XXIX «Об изготовителях четок из амбры и янтаря» (Книга… 1957. С. 310, 322, 327, 335, 351; 1958. С. 171, 176). По европейским письменным источникам известны и другие материалы для четок, например жемчуг.

О поступлении европейских средневековых четок в русские города могут свидетельствовать не только единичные археологические находки. На практику ввоза четок в Новгород напрямую указывает Новгородская Скра – судебник немецкого двора св. Петра в Новгороде (благодарю О.В. Кузьмину за указание на этот источник).

В 33 статье IV Скры 1361 г. говорится, что «ученики имеют право продавать в клетях: перчатки парами, синие нитки фунтами, и не меньше; ткани, полотно, ватмал, – все то, что измеряют по полверевки – и не меньше; серу – гривенками, как и другие товары такого рода; иголки для шерстяных тканей – тысячами, любекские иголки – сотнями, **четки** – **малыми дюжинами**; кожи красного дубления – кунами». В Скре III редакции этой статьи, как и ряда других, еще нет (*Рыбина*, 1986. С. 141–168).

Так могли ли четки западноевропейского облика появиться в Пскове? Безотносительно к каменным и янтарным крестам в псковской археологической коллекции есть два практически бесспорных примера крестов для четок. Первый – это массивная металлическая оправа, снабженная ушками сверху и снизу. За верхнее ушко крест крепился к четкам или параману, к нижнему могла подвешиваться кисть (Псков, раскопки в Снетогорском монастыре: П-92-СНГ, № оп. 54, II-7(-122)-15, № пол. 13, свинец, слюда, хран.: АНО «ПАЦ»).

Вторая находка была окончательно атрибутирована нами в ходе подготовки данной работы. Она была привлечена еще А.В. Юрасовым в студенческой работе о предметах христианского культа из раскопок на ул. Ленина в Пскове как «крестик» (*Юрасов*, 1992). Это перламутровый предмет без ушка, похожий на накладку или плоскую пуговицу в форме крестообразной лилии со сквозным отверстием в середине (ПГОИАХМЗ, колл. 8567, ПГПУ-73, № 673, Н-13-187, № пол. 30). Его аналог найден в составе четок из Нотр-Дам (рис. 3).

Атрибуция остальных подвесок как деталей четок не может быть однозначной. Необходимо детально рассмотреть, какие кресты мы можем предположительно отнести к четкам. Во-первых, кресты, найденные с бусинами. Во-вторых, по аналогии с известными по европейским музейным коллекциям образцами, кресты с каналом, проходящим вдоль вертикальной оси, а также с двумя ушками – вверху и внизу. Также следует обратить внимание на крупные кресты или кресты необычных пропорций. Несомненно, каждый предположительный комплекс необходимо исследовать натурно и вынести некое суждение об убедительности предположения о четках.

Рис. 3. Перламутровая деталь четок из раскопок в Пскове (ПГОИАХМЗ, кол. 8567, ПГПУ-73, № 673, Н-13-187, № пол. 30) и четки из Нотр-Дам (фото из: Royal Institute for Cultural Heritage, http://www.kikirpa.be, № 10116080)

Анализ археологического контекста и сопутствующих находок каждого из известных нам янтарных и каменных крестов показал, что можно выделить 16 предполагаемых комплексов XI–XV вв. из крестов, найденных с бусинами.

• Каменный крестик, размерами 23×18×6 мм, с вырезанным на нем 12-конечным крестом, а также половинка золоченой бочонковидной бусины (рис. 4, *1* – на с. 442). Этот пример сразу же красноречиво указывает на необходимость критического отношения к формируемым комплексам. Несмотря на то что контекст этих двух находок связан, странно было бы пересмотреть традиционное представление о золотостеклянных бусинах как непременном и совершенно светском атрибуте древнерусского набора женских украшений. Трудно предположить, что подобная бусина может относиться к четкам. Вместе с тем, в данном случае сами габариты креста заставляют сомневаться, что он использовался в качестве нательного.

• Темно-коричневый сланцевый крест с резьбой, размерами 4×2,2×0,9 см, из слоя XI–XII вв. (ППИ-70). Непосредственно рядом с крестом встречена бусина, определенная Ю.Л. Щаповой как византийская XI в.; несколько в отдалении обнаружен комплекс из трех схожих округлых стеклянных бусин разных оттенков синего цвета, производящих впечатление принадлежности к единому в стилистическом отношении набору (рис. 4, *2*). Материал, из которого изготовлен крест, указывает на западноевропейский импорт (благодарю д. г. н., проф. кафедры географии ПсковГУ О.М. Татарникова за консультацию по поводу материала каменных нательных крестов).

• Янтарный крест с обломанной верхней и фрагментированной боковой лопастями (размеры фрагмента: высота 16 мм, ширина 21 мм, толщина 7 мм, реконструируемая высота – около 25 мм) из слоев XI–XIII вв. в Псковском Кремле (раскопки С.А. Тараканової, 1948 г.). Лопасти креста по форме близки к кубу (9×8×7 мм). Из того же слоя происходили три бусины: стеклянная синяя полупрозрачная в форме сглаженного куба (10×9 мм), янтарная круглая уплощенная, желтый бисер. На связь с крестиком может указывать как материал янтарной бусины, так и форма синей бусины (рис. 2, *9*; 4, *3*).

• Крест из раскопок в Довмонтовом городе 1959 г., упомянутый выше. Крест прямоугольноконечный с удлиненной верхней лопастью, размеры: 4×2,7×0,7 см. Вместе с ожерельем из 28 бусин отнесен автором раскопок к XI–XIII вв. Среди бусин преобладают зонные и уплощенные синие, желтые пронизки и зонные. Учитывая необходимость сравнить находку с другими наборами, мы приняли решение привести вновь уже опубликованную (*Белецкий*, 1991. С. 45. Рис. 47) иллюстрацию (рис. 4, *4*).

• Янтарный крестик, 22×18 мм, толщиной от 3 до 9 мм (рис. 2, *14*), происходящий с территории одного из дворов XII–XIII вв. в древней части Среднего города (ПЛ-87). Ему сопутствовали находки серег, золотостеклянных и пастовых бусин, перстень, янтарная вставка в перстень, предметы импорта.

• Крестик из красно-коричневой яшмы, вытянутых пропорций – 17×12,5×4 мм (рис. 1, *10*), и бусина пастовая найдены при раскопках на Труворовом городище в Старом Изборске в слое XII–XIII вв. (Изб-71).

• Крестик из прозрачного янтаря, сильно вытянутых пропорций (23×12×9,5 мм) из слоя второй половины XIII в. в Древней части Среднего города (раскопки Г.П. Гроздилова, 1954 г.), найденный с четырьмя крупными округлыми бусинами

со спирально-волнистой инкрустацией и костяной бусиной-«таблеткой» (рис. 5, *1* – с. 443). Процесс производства бус, вероятнее всего, из костяной пластины представлен на изображении изготовителя четок 1425 г., опубликованном К. Ланингом (*Laning*, 2007). Возможно, в данном случае соседство креста и непрезентабельной бусины является неслучайным.

• Миниатюрный янтарный крестик (19×10×5 мм), боковые лопасти которого обозначены слабо, а общие контуры тяготеют к ромбу, неравномерной толщины. По своим размерам он может быть нательным, хотя изготовлен довольно небрежно. Вместе с несколькими бусинами происходит с территории двора, население которого, судя по комплексу находок, могло позволить себе наличие стеклянной посуды, покупку вина или масла в амфорах, овручские пряслица, из слоя 90-х гг. XIII в. – 1319/20 гг. (ПЛ-88-XIII; рис. 2, *8*).

• Крестик из известняка (рис. 1, *9*), размерами 17×14×9,5 мм, бусина и несколько бронзовых украшений, найденные в слоях 90-х гг. XIII – начала XIV в. при раскопках в древней части Среднего города (ПЛ-88-XIII), относятся к находкам из двора, затронутого раскопками лишь частично, соседнего с синхронным ему «двором Анфима», где были обнаружены псковская берестяная грамота № 6 (*Лабутина*, 1969) и следы янтарного производства.

• Слишком массивный для нагрудного ношения крестик с обломанной верхней лопастью, изготовленный из известняка, размерами 25×29×10 мм (реконструируемая высота 31 мм), и шарообразная желтая бусина. Находки происходят из слоя, связанного со строительным ярусом 1335–1386 гг. в древней части Среднего города (ПЛ-87-XII; рис. 1, *3*).

• Крестик известняковый (размеры сохранившегося фрагмента – 2×3,5×0,75 см, реконструируемые размеры – 3,5–4×3,3 см) найден вместе с фрагментом хрустальной бусины (рис. 1, *4*; 5, *2*). Находки предположительно датируются XIII–XIV вв. (ПЛ-82, залегали в слое близ нарушения).

• Янтарный крест, размерами 41,5×23,5 мм, из раскопок в древней части Среднего города (ППИ-69; рис. 2, *1*), по форме напоминающий крест от четок слоновой кости из Британского музея (*Dalton*, 1909; British Museum, collectionimages/ AN 00861/ AN 00861936_ 001 _ 1.jpg). По условиям своего залегания был связан со строительным ярусом 30–80-х гг. XIV в. Из сопутствующих находок интересны «каменные шарики» и пастовая черная бусина с волнистой спиральной инкрустацией.

• Необычайно крупный каменный крестик (65×52×12 мм), найденный при раскопках в Псковском Кремле к югу от Зелейной Палаты (рис. 1, *5*), залегал вместе со стеклянными бусами XIV в. и другими находками в слое строительного мусора, который автор раскопок связывал с перестройкой Троицкого собора в 1365–1367 гг. либо в XVII в. (*Белецкий*, 1984. С. 33, 36, 37, 41).

• Небольшой фрагмент (около четверти) янтарного креста, реконструируемые размеры которого составляют около 3×6 см, и овальная уплощенная бусина (рис. 5, *3*). Изготовлены из янтаря одинакового цвета и прозрачности. Также с ними может быть связана глиняная «костяшка от счет» со светло-зеленой поливой. Происходят из раскопок в древней части Среднего города Пскова, из слоя, связанного со строительным ярусом 1335–1420 гг. (ППИ-68).

• Фрагмент янтарного креста (размеры в целом виде составили бы порядка 3,5×2,5 см), найденный на том же раскопе, что и предыдущий набор вещей (ППИ-

68), происходил из слоя второй половины 30-х гг. XIV в. – второй половины XV в., так же как и «костяшка от счет» со светло-зеленой поливой, и две бусины: зеленый стеклянный бисер и половина крупной резной бусины из непрозрачного светло-оранжевого янтаря (рис. 5, *4, 5*).

• Обломок янтарного креста, размерами 19×23,5×8 мм (реконструируемая высота около 4 см), может быть по условиям залегания объединен в комплекс с двумя бусинами: граненой прозрачной и стеклянной, а также граненой вставкой для перстня (ПЛ-83-V; рис. 5, *6*).

Процент крестов с двумя просверленными ушками невелик. Всего можно отнести к этой категории три предмета, устройство каждого из которых можно трактовать и как свидетельство починки изделия. Среди них крест из серого шифера (39×28×6 мм; рис. 1, *6*), фрагмент известнякового резного крестика (42×44×13 мм (рис. 1, *2*), крест из известняка (фрагментированный, 19×20×5 мм, размеры в первоначальном виде могли быть порядка 24×20 мм), найденный при раскопках на городище в Старом Изборске в слое X–XIII вв.

Сопоставление полученных фактов, к сожалению, показывает, что рядом с бусинами оказались не самые габаритные кресты (ср. рис. 1 и 2). Более того, довольно малое количество случаев находок крестов с бусинами можно убедительно отнести к нашим предполагаемым четкам. Однако это не заставляет отказаться от гипотезы о четках, поскольку возвращает нас к традиционной православной вервице, составной частью которой вполне органично могли быть крупные известняковые крестики. Например, на вервице, найденной на территории Ильинского монастыря (Ольгинские раскопы), присутствуют 90 узелков группами по 10, и из девяти пропущенных мест под разделители лишь одно занято сохранившейся глиняной бусиной. Глиняный или каменный крестик мог занимать один из таких «пропусков». В материалах Ольгинских раскопов, но в другом комплексе, есть каменный крестик с изношенным отломанным ушком (*Салмин, Салмина*, 2011. С. 78. Рис. 17, *в*).

Довольно убедительными нам показались наборы, состоящие из обломков янтарных крестов и янтарных бусин (некоторые показаны на отдельных иллюстрациях). Единство материала, из которого они изготовлены, косвенно свидетельствует о возможной принадлежности к одной низке. Сходство одной из крупных янтарных бусин с представленными в средневековых изобразительных источниках образцами бусин-разделителей также свидетельствует в пользу данной гипотезы. Вполне вероятно, что для второй половины XIII – XIV в. на Северо-Западе Руси (не только в Пскове) можно обнаружить еще некоторое количество свидетельств использования горожанами янтарных четок с крестами.

Таким образом, Псков, наряду с Новгородом (что известно по письменным источникам), входит в европейский ареал четок с бусинами.

Однако в изучении четок намечается еще одна проблема. Исследование западноевропейских изобразительных источников XIV–XVI вв. и вещевых музейных коллекций показывает, что крест далеко не всегда является компонентом четок. Чаще всего роль «разделителя» выполняет просто крупная бусина – см. книжные миниатюры в «Хирургии» Роже Пармского (1300–1310 гг.); портрет Ядвиги из Силезии с четками в «Кодексе Ядвиги» (Аахен, 1353 г.); хрестоматийное изображение изготовителя четок из «Hausbücher der Nürnberger Zwölfbrüderstiftung» (1425

г.), опубликованное Крисом Канингом; изображение из St. Jodok-Kirche, 1490–1500, Австрия (Schloßkapelle, Blühnbach); «Портрет отца» (1490–1493 гг.) и «Портрет Катарины с четками и вооружением» (1508 г.) Альбрехта Дюрера; «Портрет женщины» (1538 г., 1547 г.) и «Катарина ван Гейл и ее дочери» (1503–1540) Бартоломео Брюна; «Портрет дамы с Паппи» (1532 г.) Аньоло Бронзино – или кисти, завершающие концы незамкнутых в кольцо четок, –«Портрет четы Арнольфини» (1434 г.) Яна ван Эйка; «Святой Иероним в келье» (1442 г.) работы мастерской ван Эйка и др.

Это ставит российского археолога перед некоторым затруднением, поскольку отделить обычные бусы от бусин из четок невозможно, если это не высокохудожественные произведения христианского искусства (например, бусины Розария бельгийской или брабантской работы со сквозной резьбой, внутренними антропоморфными и сюжетными изображениями или массивные ажурные, возможно металлические, бусины-разделители с полотен Бартоломео Брюна).

В Европе подавляющее большинство средневековых бус, найденных при раскопках, атрибутируют как детали четок, поскольку для европейского костюма после заката «эпохи викингов» женские бусы мало характерны (благодарю Ю.М. Лесмана за консультацию). Правда, зачастую западноевропейские средневековые изобразительные источники показывают примеры такой дожившей до наших дней традиции личного благочестия, как ношение четок из бусин на шее. (Одно из распространенных суеверий современных командных видов большого спорта – «приносящие удачу» короткие четки на шее.) Интересно, что оценка этой традиции в средневековье не была однозначной. Письменные источники указывают, что «тщеславные горожанки» могли надеть коралловые четки на шею как обычное украшение, что вызывало порицание у благочестивых августинцев в XV в. (см.: *Кибалова и др.*, 1988).

Мы не сочли возможным озаглавить этот обзор «история четок в средневековом Пскове», поскольку речь идет именно о постановке вопроса и «осмыслении роли каменных крестиков в религиозной жизни…».

Подведем итог рассмотрения данной проблемы. Факт, что четки в период средневековья были знакомы жителям Пскова, представляется доказанным. Однако имеющиеся на настоящий момент источники даже в общем сопоставлении не дают возможности однозначно трактовать каменные кресты как кресты от четок. Это и не предлагается. Обзор призван поставить вопрос о формировании более широкого взгляда на эти предметы личного благочестия и повседневную молитвенную практику жителей пограничного с Западной Европой региона. Это также призыв к тем исследователям, которые занимаются изучением бус, историей косторезного дела, наметить перспективы выявления и переатрибуции находок костяных, деревянных, глиняных (в том числе «костяшек от счет») бусин.

Литература

Аверкий, архиеп., 1963. Литургика. Лекции по литургике. Джорданвиль: Holy Trinity Monastery.

Белецкий В.Д., 1991. Древний Псков. Л.

Берга Т., 2001. Литовские элементы в кладбищах Августишки и Слутишки XIV–XVII вв. // Литовская археология. Т. 21.

Булкин В.А., Овсянников О.В., 1983. Архитектурно-археологические раскопки в Мирожском монастыре в 1974–1979 гг. // Археологическое изучение Пскова. М.

Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М., 1988. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага.

Книга ремесел и торговли города Парижа // Средние века. М., 1957; 1958. Вып. X; XI.

Колпакова Ю.В., 2004. Каменные и янтарные нательные кресты Пскова и Изборска // АИППЗ: Мат. 50 науч. семинара.
Мазуров А.Б., Алексеев А.В., Жданов А.Н., 2002. Раскопки в Коломне // АО 2001 г.
Мусин А.Е, 2010. Церковь и горожане средневекового Пскова. СПб.
Некрополь Казанско-Богородицкого женского монастыря, 2000. Археологическая экспедиция «Казанский Кремль».
Николаева Т.В., 1971. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. // САИ. Вып. Е1-49.
Номоканон при Большом Требнике: Его история и тексты, греческий и славянский, с объяснительными и критическими замечаниями А. Павлова. М., 1897. (Репринт: М., 2011.)
Островский А.Б. (авт.-сост.), 2007. Русский православный крест в коллекции Российского этнографического музея. СПб.
Островский А.Б. Федорова М.В., *2005.* Движение по молитвенному кругу // Восточная коллекция. № 1.
Панова Т.Д., 2004. Царство Смерти: Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.
Полный православный богословский энциклопедический словарь. В 2-х т. СПб, 1900. (Репринт: М., 1992.)
Пушкина Т.А., 1998. Первые Гнёздовские клады: история открытия и состав // Историческая археология: Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина). М.
Рабинович М.Г., 1949. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. № 12. Т. II: Материалы и исследования по археологии Москвы. М.; Л.
Рыбина Е.А., 1986. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М.
Салмин С.А. Салмина Е.В., 2011. Исследования Ильинского девичьего монастыря на Завеличье средневекового Пскова // Древности Пскова: Археология. История. Архитектура. Псков. Вып. 2.
Серафим, иером. (Параманов), 2005. О четках // Православие и современность. Электронная библиотека. Саратов, АНО «Развитие духовности, культуры и науки».
Степанов С.В., 2011. Исследования на территории некрополя Спасо-Елеазаровского монастыря // АИППЗ.
Трофимов С.А., 2001. Четки. М.
Шокарев С.Ю., 2003. Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV–XVII вв.) // Культура памяти: Сб. науч. ст. М.
Юрасов А.В., 1992. К истории распространения христианства в Пскове: Курсовая работа студента III курса // Архив кафедры отечественной истории и музеологии ПсковГУ. Псков.
Яковлева Е.Л., 2004. Отчет об охранных археологических раскопках в южной части Окольного города Пскова на Старовознесенском раскопе в 2003–2004 гг. Камерное погребение X в. Т. 1, 2 // Архив АНО «Псковский археологический центр». Оп. 1. Д. 154.
Bildindex der Kunst und Architektur [Электронный ресурс] // http://www.bildindex.de.
Dalton O.M., 1909. Catalogue of the Ivory Carvings of the Christian Era with Examples of Mohammedan Art and Carvings in Bone in the Department of British and Mediaeval Antiquities and Ethnography of the British Museum, London, BMP [Электронный ресурс] // http://www.britishmuseum.org.
Laning Ch., 2007. Bedes Byddying: Medieval Rosaries & Paternoster Beads. Davis.
Winston-Allen A., 1997. Stories of the Rose: The Making of the Rosary in the Middle Ages. Pennsylvania State University Press.

Е.В. Салмина, А.О. Юрцева, А. Галик

О первой находке остатков карпа в Пскове

E. Salmina, A. Yurtseva, A. Galik. The first finding of common carp (*Cyprinus carpio*) remains in the medieval city of Pskov

Abstract: Archaeological excavations took place in the city of Pskov within the remnants of the St. Ilia nunnery in 2008. The excavations brought to light Christian antiquities, domestic appliances as well as fishing tackle and fish remains. The most of fish remains belonged to pike, perch and bream – three key species in ancient Pskov fisheries. It suggests that relatively large-size

fish prevailed in ancient catches. Contrary, in the last century, relatively small-size fish such as whitebait, vendace and ruffe predominate. Such significant differences between the compositions of catch from different historical periods can be explained by considerable changes in fish communities, fishing sites and tackle over four centuries. An important result of this study is finding of a common carp (*Cyprinus carpio*) bones in the 14th–16th cc. layers. The finding is discussed in terms of carp aquaculture development in medieval Europe.

The study was supported by RFBR grant Pr. Nr. ANF a 10-04-91005 «Long-term dynamics in fish populations and ecosystems of European rivers» and FWF grant, P . Nr. I 450-B16.

Ключевые слова: Псков, археоихтиология, рыболовство, карп, *Cyprinus carpio,* аквакультура.

Исследование костных находок рыб из археологических раскопок представляет всесторонний интерес, поскольку позволяет установить видовой состав древней ихтиофауны, проследить за его изменениями на протяжении длительных исторических отрезков времени и оценить, какие факторы могут приводить к изменениям в сообществах рыб. Изучение костных остатков рыб древнего Пскова проводилось и ранее (*Лебедев*, 1960; *Салмина*, 1996б; 1997; 1999). Данное исследование является продолжением начатых раньше работ; его цель – изучение ихтиофауны древнего Пскова XIV – начала XVII в. – времени, которое ранее было недостаточно освещено в археоихтиологической литературе. Работа проведена в рамках проекта «Многолетняя динамика популяций рыб и экосистем европейских рек», грант РФФИ 10-04-91005-АНФ_а и грант FWF I 450-B16.

В 2008 г. в Пскове проведены раскопки Свято-Ильинского девичьего монастыря, в ходе которых определено точное местоположение монастыря и уточнена дата его возникновения (не позднее конца XIII – начала XIV в.). В ходе работ на Ольгинских 5 и 6 раскопах были найдены как христианские древности, так и предметы быта. Найдены кресты (в том числе – резной крест с избранными святыми, выполненный из слоновой кости), миниатюрная каменная икона «Воскресение Христово», фрагменты керамических зеленополивных литургических сосудов, четки-«лествица». Важнейшая из находок начального периода существования монастыря – вислая свинцовая печать архиепископа Спиридона Новгородского (*Салмин, Салмина*, 2011). Основной состав находок рисует картину хозяйственной жизни монастыря. Широко представлены железные ключи, замки, кресала, ножи, пряслица, костяные и бронзовые иглы, роговой инструмент для плетения.

Большой интерес представляют найденные в процессе раскопок рыболовные снасти из Ильинского монастыря (рис. 1). Рыболовные крючки и блесны довольно разнообразны. Крючки, выполненные из железа и бронзы, относятся к удилищам («наживные», «живцовые») и переметам. Эти снасти указывают на ведение промысла для повседневных нужд, «на кухню». Находки небольших симметричных керамических грузил позволяют реконструировать факт использования небольших волоковых сетей («бродцы», «бродники»). Кроме того, многочисленные находки массивных известняковых грузил позволяют говорить и об использовании крупных сетей, возможно неводов. На нескольких грузилах присутствуют владельческие метки, в том числе буквенные. Среди них – характерный знак, известный по раскопкам в Среднем городе Пскова (*Салмина*, 1996а). Деятельность монастырской наемной (?) «артели», таким образом, соотносима с общегородской картиной промысла в целом.

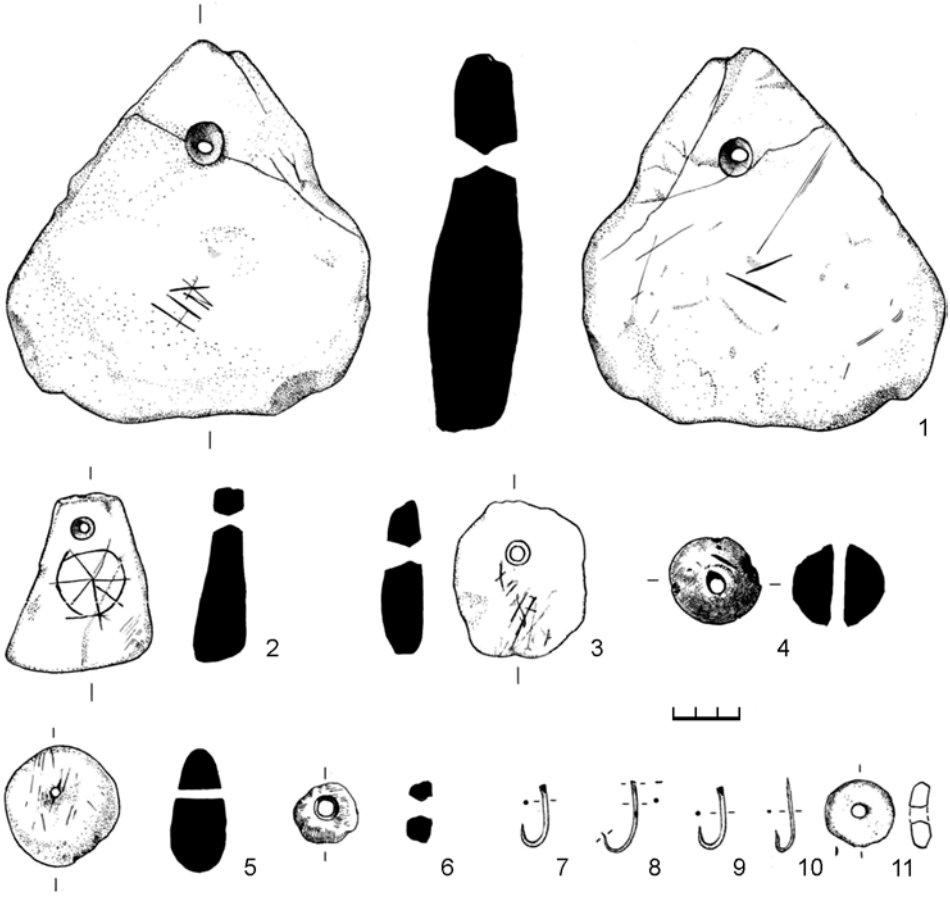


Рис. 1. Предметы рыболовного инвентаря из раскопок Ильинского монастыря (Ольгинские 5 и 6 раскопы 2008 г.) в Пскове

Количество костей животных в культурном слое незначительно по сравнению с обычным объемом подобных находок в слое средневекового города. Вместе с тем, кости и чешуя рыб – несмотря на крайнюю сухость слоя, обусловливающую плохую сохранность органики, – присутствовали в большом количестве. Существенная часть остатков (главным образом чешуя) имела очень плохую сохранность и фактически не могла быть собрана, буквально рассыпалась в пыль. Наибольшее количество костей рыб и чешуи связано с комплексами построек (кельи и хозяйственные комплексы). Относительно хорошую сохранность имеют находки из заполнения ям и из слоя, перекрытого каменными постройками. Большая часть костных остатков рыб датируется по сопутствующему материалу XIV–XV вв., несколько комплексов относятся к XVI – началу XVII в.

В общей сложности проанализировано 834 костных элемента рыб из раскопов Свято-Ильинского монастыря. Костные остатки принадлежали рыбам четырех семейств: карповые, окуневые, щуковые и сомовые. Более половины определенных остатков принадлежало карповым рыбам (51%), реже встречались окуневые (30%)

и щуковые (18%). Костные остатки сомовых рыб были единичны (менее 1% от общего числа определенных находок). Преобладание карповых рыб в ископаемых находках было в значительной степени связано с относительно большим количеством чешуи рыб этого семейства, которая составляла половину от всех костных находок карповых рыб и около 20% от общего числа остатков рыб.

Семейства рыб в остатках были представлены различным числом видов. Наибольшим видовым разнообразием характеризовалось семейство карповых, представленное остатками леща, синца, плотвы, голавля, карася, жереха, линя, карпа и красноперки. Меньшее число видов отмечено среди костных остатков окуневых рыб (два вида – окунь и судак), щуковых (один вид – щука) и сомовых (один вид – сом) рыб. В общей сложности были определены костные остатки 13 видов рыб.

Результат проведенного нами анализа в целом сходен с результатами ранее проведенных исследований остеологических находок рыб древнего Пскова (*Лебедев*, 1960; *Салмина*, 1996б; 1997; 1999). Подавляющее большинство найденных костных остатков принадлежит рыбам семейства карповые: они составляют 51% всех костных находок рыб, рассматриваемых в данной работе, 45% – в работе В.Д. Лебедева (1960. С. 72), от 38 до 50% для различных участков города – в исследовании Е.В. Салминой (1997). Преобладание остатков карповых рыб было показано в слоях разных временных промежутков (I–XIII вв. – в работе В.Д. Лебедева, VIII–XVII вв. – в работах Салминой, и XIV–XVII вв. – в данной работе), что позволяет говорить о значительной роли карповых рыб в промысле древнего Пскова на протяжении длительных временных промежутков, исчисляемых столетиями.

Наибольшее число определенных с точностью до вида костных находок (86%), принадлежало рыбам трех видов – щуке (39%), окуню (32%) и лещу (15%); остальные виды были представлены с частотой, не превышающей 4%. Этот результат также хорошо согласуется с результатами ранее проведенных исследований и свидетельствует о важной роли этих относительно крупных рыб в рационе жителей Пскова в средние века (*Лебедев*, 1960; *Салмина*, 1996б; 1997; 1999).

Полученные данные о соотношении различных рыб в археологических находках позволяют предположить, что ловля рыбы в древнем Пскове осуществлялась в основном в акватории р. Великой, вблизи города, без выхода в открытую часть Псковского озера. Об этом свидетельствует невысокая частота встречаемости остатков судака (менее 4%) – типичного представителя рыб открытой части озера.

Интересно отметить, что ни в материале данной работы, ни в ранее анализированном археоихтиологическом материале г. Пскова не были найдены остатки снетка, ряпушки, ерша, а также угря. Первые три вида являются ключевыми в промысле данного региона и составляют значительную часть уловов на протяжении последнего столетия; угорь не так широко распространен, но также присутствует в современных уловах (данные Государственного комитета Псковской обл. по природопользованию и охране окружающей среды; http://priroda.pskov.ru/analiz-sostoyaniya-promysla).

По-видимому, отсутствие остатков снетка, ряпушки и ерша в археологических находках может быть связано с плохой сохранностью костей рыб этих видов, в большинстве сравнительно мелких, что обсуждалось и ранее (*Лебедев*, 1960). О том, что лов снетка в средние века проводился, свидетельствует запись в Псковской

летописи 1626 г. (ПЗЛ, 2000. С. 281). Находка в Пскове в слоях XVI в. фрагментов специальной снасти – «решота» – также позволяет судить о ловле мелкой рыбы (*Салмина*, 1997). Видимо, и снеток, и упомянутые в словаре Тони Фенне 1607 г. (Tonnies Fenne's Low German Manual… 1970) ерш и угорь присутствовали в псковских водоемах и попадали в уловы, но остатки их настолько малы, что не сохраняются в культурном слое.

Другим объяснением отсутствия снетка, ряпушки и ерша в раскопках средневекового г. Пскова может являться обилие относительно крупных рыб в водоемах того времени, вследствие чего лов более мелких рыб для питания людей не осуществлялся или проводился в намного меньшем объеме, чем на протяжении последнего столетия. При обсуждении полученных результатов также стоит учитывать, что с течением времени происходило постепенное усовершенствование техники рыбной ловли. В частности, произошел переход на мелкоячеистые пассивные орудия лова (сети), на судах стали широко применяться двигатели, что позволило расширить акваторию промысла, а для выявления наиболее подходящих для рыбалки мест стали использовать эхолоты. Кроме того, в настоящее время промышленный лов рыбы в значительной степени регулируется квотами на вылов различных видов. Эти факты также должны приниматься во внимание при обсуждении результатов археоихтиологических исследований и, без сомнения, могут лежать в основе смены промысловых видов рыб с течением времени.

Важнейшим фактом, обсуждаемым в данной работе, является обнаружение в Ольгинском 6 раскопе костных элементов карпа – жаберных крышек и колючих лучей непарных плавников (рис. 2). Эта находка – первый случай обнаружения карпа в археологических материалах из раскопок Пскова; в ранее проведенных исследованиях остатки карпа отмечены не были (*Лебедев*, 1960; *Салмина*, 1996б; 1997; 1999).

Карп – культурная форма сазана (*Cyprinus carpio*), разводимая человеком в прудах, озерах и водохранилищах. Внешне карп отличается от своего предка, сазана, лишь незначительно, и остеологические признаки не позволяют диагностировать эти две формы одного вида в археологических находках. Тем не менее, мы предполагаем, что обнаруженные нами кости являются именно костями карпа, а не сазана. Об этом позволяет судить тот факт, что дикая форма этого вида (сазан) обитает только в реках бассейнов Черного, Каспийского и Аральского морей (*Reshetnikov et al.*, 1997; *Kottelat, Freyhof*, 2007). Его распространение за пределы этого региона было результатом деятельности человека (*Clifford*, 1992). По мере развития аквакультуры осуществлялись перевозки и выращивание карпа как в искусственных, так и в естественных водоемах, что приводило к постепенному расселению этого вида в Европе за пределы его естественного ареала (*Bogutskaya, Naseka*, 2002).

Археологические и исторические данные, касающиеся искусственного выращивания карпа в водоемах Европы, подвергались тщательному анализу со стороны исследователей (*Hoffmann*, 1994; 1995; *Balon*, 2004). Первые письменные свидетельства о разведении карпа в искусственных прудах в Европе принадлежат графу провинции Шампань и Альбертусу Магнусу и датируются 1260-ми гг. (*Balon*, 2004). Также известно о начале сооружения с XIII в. карповых прудов в Чехии, о чем свидетельствует запись в одной из чешских книг XIV в., где описаны методы оборудования специальных прудов для выращивания карпа (Вокруг света, 2007). Технология выращивания карпа в прудах Западной Европы уже к началу XIV в.

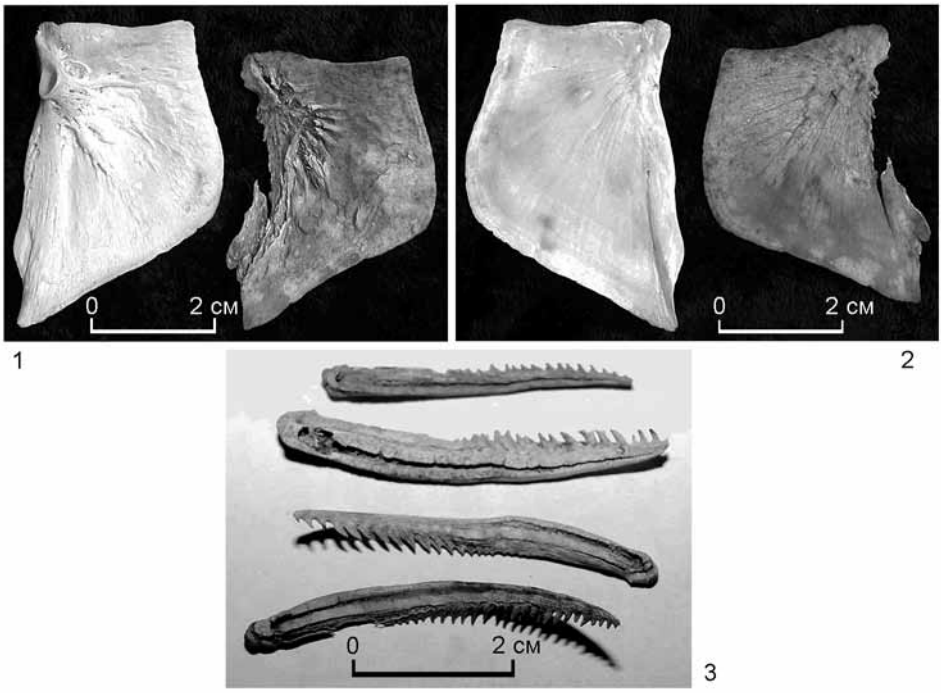


Рис. 2. Кости карпа из раскопок Ильинского монастыря (Ольгинский 6 раскоп) 2008 г. в Пскове
1 – жаберная крышка карпа, найденная в ходе раскопок (справа), в сравнении с жаберной крышкой современного карпа (слева), вид изнутри; *2* – жаберная крышка карпа, найденная в ходе раскопок (справа), в сравнении с жаберной крышкой современного карпа (слева), вид сбоку; *3* – колючие лучи непарных плавников карпа, найденные в ходе раскопок

была хорошо разработана (*Pucher*, 1987, цит. по: *Balon*, 2004; *Hoffmann*, 1995; 2002). К середине XVI в. появились письменные свидетельства о польских и чешских исследованиях по разведению карпа в прудах (*Dubravius*, 1547; *Strumieński*, 1573, обе работы цит. по: *Balon*, 2004).

Выращивание карпа в прудах Восточной Европы, по-видимому, началось позднее (*Hoffmann*, 1995), однако судить об этом по письменным источникам с достаточной точностью нельзя. Первые опыты по разведению этой рыбы в России были предприняты по приказу Петра I (Вокруг света, 2007). По мнению Л.П. Сабанеева (1993), выращиваемый в прудах карп, напротив, попал в Россию через Германию не ранее 1729 г., т. е. после смерти Петра I (1725 г.). Ранее проведенные исследования находок рыб из археологических раскопов, так же как и литературные источники, не дают ответа на вопрос о времени появления карповых прудов в Восточной Европе в целом и в Пскове в частности. В связи с этим особенно важным представляется установление времени попадания костей карпа в культурный слой.

Верхняя граница возможного попадания материала в культурные отложения определяется достаточно надежно. Кости карпа обнаружены в культурном слое, перекрытом каменной постройкой второго периода существования монастыря. Кельи первого периода были разрушены во время осады Пскова Густавом-Адольфом в

1615 г. Шведский осадный лагерь располагался фактически на территории монастыря, о чем свидетельствуют шведские исторические планы (*Аракчеев*, 2004. Цв. вкл. 2) и Псковская третья летопись. Отсюда шведы били из артиллерийских орудий по крепости, расположенной на противоположном берегу р. Великой, «из-за Великои реки, от Ильи пророка» (ПЗЛ, 2000. С. 279). Серия находок из Ольгинского 6 раскопа связана с этим эпизодом: это наконечники копья и совни, винт ружейного замка, доспешная бляха – «бесагью», две шпоры. Жизнь в монастыре после того, как шведы ушли, возобновилась, но разрушенные кельи не восстанавливались. Вскоре были построены новые каменные здания – на этот раз на территории монастыря, свободной от построек предыдущего этапа. Кости карпа обнаружены в слое под одной из этих построек. Таким образом, они попали в грунт до военных разрушений 1615 г. или сразу же после них.

Нижняя граница попадания костей в слой достаточно условна. Вещевой и керамический материал, а также стратиграфические наблюдения позволяют датировать появление построек на участке раскопок концом XIII – началом XIV в. Кости карпа происходят с территории той части монастыря, где застройка началась позднее. Возможно, более позднее освоение этого участка связано с тем, что именно там располагался сакральный комплекс, существовавший на месте будущего монастыря (*Салмин и др.*, 2010). Средневековая керамика, происходящая с того же участка, что и кости карпа, показывает, что интенсивное накопление культурных отложений началось там не ранее XV в., а основной массив слоя сформировался в XVI в.

Таким образом, кости карпа попали в культурный слой, вероятнее всего, в XVI – начале XVII в. Находки костей карпа в слоях Пскова этого времени представляют значительный интерес в свете рассмотрения вопроса о распространении культуры выращивания карпа в восточной части Европы. Тем не менее, единичная находка костей карпа не может рассматриваться как несомненное свидетельство культивации карпа в средневековом Пскове. Устройство искусственных прудов именно на территории Ильинского монастыря маловероятно из-за геологических особенностей участка, хотя принципиально не исключена возможность «затонивания» в половодье части оврагов, окружающих монастырь, и временного превращения их в искусственные водоемы (*Яковлева и др.*, 2012. С. 153, 154). Безусловно, климатические условия Псковской земли не слишком пригодны для систематического круглогодичного разведения рыб. В то же время, до нас дошли искусственные водоемы, расположенные на окраинах Пскова – например, «искусственное озеро» у Снетогорского монастыря (*Окулич-Казарин*, 2001. С. 245). Возможно, их использовали для выращивания рыб, хотя письменные источники, в которых говорилось бы об этом, нам не известны.

Тесные контакты Пскова с немецкой Ливонией, оставившие яркий отпечаток на материальной культуре города, позволяют с определенной степенью уверенности предполагать, что псковичи могли быть знакомы с идеей культивации карпа, к XVI в. ставшего обычным обитателем монастырских прудов Западной и, особенно, Центральной Европы. Однако с учетом того, что в ходе раскопок Свято-Ильинского монастыря было найдено всего несколько костей карпа, вероятнее, что карпа не разводили непосредственно в этом монастыре, а привезли из других частей древнего Пскова или с других относительно близких территорий, на которых этот вид выращивался.

Проведенное археологическое исследование, таким образом, может быть полезным для формирования более полной картины развития прудового разведения карпа в средневековой Европе, и особенно в ее восточной части. Дальнейшее изучение письменных источников и более подробный анализ археоихтиологического материала помогут пролить свет на историю аквакультуры карпа в Восточной Европе.

Литература

Вокруг света. Май 2007 г. // http://www.vokrugsveta.ru/quiz/351/.

Лебедев В.Д., 1960. Пресноводная четвертичная ихтиофауна Европейской части СССР. М.

Окулич-Казарин Н.Ф., 2001. Спутник по древнему Пскову (любителям родной старины). 3-е изд. Псков.

ПЗЛ – Псковская третья летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 5. Вып. 2.

Сабанеев Л.П., 1993. Рыбы России // Собр. соч. М. Т. 2.

Салмин С.А., Салмина Е.В., 2011. Исследования Ильинского девичьего монастыря на Завеличье средневекового Пскова // Древности Пскова: Археология. История. Архитектура. Псков. Вып. 2.

Салмин С.А., Салмина Е.В., Прибурова Т.А., 2010. Находка каменного изваяния на Завеличье в Пскове (предварительная публикация) // АИППЗ: Мат. 55 заседания семинара им. В.В. Седова.

Салмина Е.В., 1996а. Предметы рыболовного инвентаря со знаками из раскопок в Пскове // АИППЗ, 1995: Мат. семинара.

Салмина Е.В., 1996б. Результаты определения костных остатков рыб из раскопов на улице Ленина // АИП. Вып. 3: Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991).

Салмина Е.В., 1997. Рыболовство средневекового Пскова и Псковской земли (VIII–XVII вв.) по данным археологии: Дис. … канд. ист. наук. Псков.

Салмина Е.В., 1999. Динамика изменений в составе рыбных уловов в средневековом Пскове (по результатам изучения остеологических материалов) // Древности Пскова: Археология. История. Архитектура. Псков.

Andreska J., 1987. Fisheries and its Traditions. Praha.

Balon E.K., 1967. Evolution of the Danube ichthyofauna, its recent state and an attempt to predict further changes after the construction of the planned hydroelectric power-stations and diversion schemes // Biologické práce. Bratislava. 13.

Balon E.K., 2004. About the oldest domesticates among fishes // Journal of Fish Biolog . 65. Suppl. A.

Bogutskaya N.G., Naseka A.M., 2002. An overview of non-indigenous fishes in inland waters of Russia // Proc. Zool. Inst. Russ. Acad. Sci. 296.

Clifford K., 1992. A history of Carp Fishing – Revisited. Sandholme Publishing Ltd.

Dubravius J., 1547. De piscinis ad Antonium Fuggerum // Sbornik filologický ČSAV/ Ed. A. Schmidtová. Praha.

Hoffmann R.C., 1985. Fishponds // Dictionary of the Middle Ages / Ed. J.R. Strayer. New York.

Hoffmann R.C., 1994. Remains and verbal evidence of carp (*Cyprinus carpio*) in medieval Europe // Fish Exploitation in the Past: Proceedings of the 7th Meeting of the ICAZ Fish Remains Working Group / Ed. W. Van Neer. Tervuren.

Hoffmann R.C., 1995. Environmental change and the rise of the common carp culture in Medieval Europe // Guelph Ichthyology Reviews. 3.

Hoffmann R.C., 2002. Carp, cod, connections: New fisheries in the Medieval European economy and environment // Animals in Human Histories: The Mirror of Nature and Culture / Ed. M.J. Henninger-Voss. Rochester.

Kottelat M., Freyhof J., 2007. Handbook of European freshwater fishes. Delemont.

Pucher E., 1987. Tierknochen aus der Bronzezeit des Buhnbergs (Niederosterreich) // Wissenschaftliche Mitteilungen aus dem Niederosterreichischen Landesmuseum. 4.

Reshetnikov Y.S., Bogutskaya N.G., Vasil'eva E.D., Dorofeeva E.A., Naseka A.M., Popova O.A., Savvaitova K.A., Sideleva V.G., Sokolov L.I., 1997. An annotated check-list of the freshwater fishes of Russia // J. Ichthyol. 37 (9).

Strumieński O., 1573. O sprawie, sypaniu, wymierzaniu i rybieniu stawów [On the repair, grading, measuring and stocking of ponds]. (Kucharzewski, F., 1897). Krakow.

Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607. Vol. II: Transliteration and translation. (Facsimile copy: Copenhagen, 1970.)

С.А. Салмин

Деревянное «оружие» из раскопок в Окольном городе Пскова: игрушки, модели, реквизит

S.A. Salmin. Wooden «weapons» from the excavations at the Roundabout Town in Pskov: toys, models, props.

Abstract. The subject of the publication are full-scale wooden models of weapons coming from the excavations in Pskov. In the courtyards of townspeople, excavated at the Petrovsky Konets, in layers of the 16th–18th cc., toys made of ceramic, leather and wood are plentiful and varied. Among them are wooden models of weapons – almost exact analogy of the finds of real armaments. These models were not intended for children, their dimensions are exceptionally close to the sizes of the prototypes, the difference is solely in the material they were made from. All these findings correlate more with adult cultural environment and, apparently, were objects of ritual or theatrical events. One version of interpretation is that wooden models of weapons are part of ritual actions, similar to the tradition of Kukers and survakars at the Balkans. Another option is the use of these subjects in the popular dramas («King Herod», «King Maximilian»). In description of ammunition of the both «kings-villains» in these dramas «the scepters» are mentioned. It appears that these findings are relevant to the study of popular urban culture, which is rarely reflected in finds of such an early time.

Ключевые слова: модели оружия, обрядовые действия, игрушки.

В предлагаемой публикации мы рассматриваем серию выполненных из дерева моделей предметов вооружения, происходящих из раскопов в Петровском конце Окольного города Пскова. Нам представляется, что наши находки не укладываются в традиционные схемы и не могут рассматриваться как детские игрушки. В число предлагаемых к рассмотрению с этой точки зрения предметов входят деревянные шестопёр, ножи, выполненная из сосновой коры петля колчана.

Одновременно из этих же раскопов происходят и многочисленные традиционные игрушки: деревянные вертушки, лодочки, кожаные мячики, керамические свистульки. В число детских игрушек входят и модели оружия – деревянные луки и стрелы.

Двор, с территории которого происходит большая часть характеризуемых игрушек, возникает во второй половине XVII в., после перепланировки земельных участков, предположительно связываемой с последствиями Псковского восстания 1650 г. (*Салмина и др.*, 2009. С. 255–259; *Салмина*, 2011а. С. 258, 259; *Салмина*. Рукопись).

Судя по общему составу находок, хозяева двора были людьми относительно зажиточными, владели сравнительно большим по площади городским участком. Одним из источников их дохода являлась обработка льна, здесь же производились и работы по дереву, во всяком случае – для домашних нужд. О факте производства «на месте» свидетельствуют находки деревообрабатывающих инструментов, заготовок изделий, брака и отходов. Работавший на территории двора мастер (или мастера) изготавливали точеную посуду, инструменты для обработки льна (чесала, льнотрепальные ножи), детали ткацких станков, веретена, деревянные оправы зеркал (*Фисенко и др.*, 2012). Факт происхождения рассматриваемых нами деревянных игрушек с территории одного двора дает возможность с определенной долей уве-

ренности считать эти вещи произведением одного автора или, по меньшей мере, одной мастерской.

Роль игрушек в моделировании детьми взрослой жизни не раз становилась объектом исследований. Модели деревянного оружия зачастую рассматриваются исключительно как инструмент подготовки детей к взрослой социальной роли, как средство имитации повседневной деятельности старших. Известные по раскопкам в Новгороде и Ладоге коллекции деревянного оружия (*Розенфельдт*, 1997; *Рябинин*, 1997; *Хорошев*, 1998; *Штакельберг*, 1969) вполне укладываются в схему «подготовки ребенка к взрослой жизни», поскольку в этих случаях рассматриваются в основном комплексы, происходящие из «аристократических» районов городов. В случае с находками из Окольного города Пскова мы наблюдаем «игрушечный оружейный набор» с территории проживания посадских людей, жизнь которых не была ориентирована на овладение воинскими умениями.

Подчеркнем, что в этом наборе отсутствует длинноклинковое оружие, абсолютно преобладающее в Новгороде (*Розенфельдт*, 1997. С. 115; *Хорошев*, 1998. С. 82), Ладоге (*Штакельберг*, 1969. С. 252–254), Надымском городке (*Кардаш*, 2009. С. 183), Мангазее (*Визгалов, Пархимович*, 2008. С. 104) и на многих других памятниках.

Одновременно с этим обращает на себя внимание присутствие в нашем комплексе редких видов оружия ближнего боя – поясных (боевых?) ножей и ударно-дробящего перната (насколько нам известно по опубликованным данным, это первый случай находки). Возможно, что здесь мы имеем дело с вполне осознанным предпочтением.

Значительно более важная нетипичная черта рассматриваемых находок заключается в пропорциях и размерах деревянного оружия – по размерам модели очень близки к своим прототипам.

Исследователи неоднократно обращали внимание на высокую степень реалистичности некоторых моделей оружия, что делает их ценным источником для датировок, заключений типологического порядка и различного рода реконструкций (*Давидан*, 1971. С. 143, 144; *Розенфельдт*, 1997. С. 115; *Рябинин*, 1999. С. 189, 190). Однако размеры игрушек неизменно соответствуют их назначению для использования детьми. Так, длина игрушечных мечей из упомянутых археологических коллекций в среднем составляет около 40 см, обычная длина лезвий игрушечных ножей – 5–6 см. Исследователи выделяют также немногочисленные модели оружия, для которых можно предполагать ритуальное назначение (*Александров*, 1997. С. 29–33; *Оятева*, 1995. С. 89–92), но и эти предметы отличаются теми же «детскими» размерами и пропорциями (А.А. Александров, например, подчеркивает, что «обряды, когда-то бывшие уделом взрослых, исполняются детьми»: *Александров*, 1997. С. 33).

Археологические коллекции Пскова позволяют сравнить размеры деревянных моделей из Петровских раскопов с размерами реального боевого оружия, происходящего из одновременных отложений в тех же частях средневекового города.

Так, **деревянный пернач** (рис. 1, *1*) происходит с раскопа Петровский XI, найден в заполнении жилого трехкамерного сруба 1 (рис. 2), существовавшего довольно долгий период времени. Дендродаты, полученные по бревнам конструкций сруба 1, – 1632 и 1637/1638, один из столбов опечка заменен при ремонте, порубочная дата – 1672/73 г.

Модель изготовлена из хвойного дерева. Основная часть изделия – два пера, основания перпендикулярных перьев и рукоять – вырезаны из единого древесного массива. Два боковых (в перпендикулярной плоскости) пера, сохранившихся фрагментарно, изготовлены отдельно (возможно, откололись в процессе использования?), закреплены хвостовиками на древке при помощи плоского в сечении железного несомкнутого кольца-шайбы. Нижняя часть рукояти носит следы длительного использования в хватовой части.

Сравним это изделие с навершием боевого железного пернача (шестопёра) (рис. 1, *2*), найденным на Новоторговском IV раскопе, расположенном в том же районе города (*Салмин*, 2008. С. 52–56). Находка железного пернача также относится к XVII в.

Основные промеры наверший модели и «прототипа» (табл. 1) обнаруживают значительное сходство, позволяющее видеть, что деревянный пернач из Петровского раскопа достаточно точно (с учетом разницы материалов) воспроизводит реальное оружие.

Таблица 1

	Модель пернача (дерево)	Боевой пернач (железо, обтяжка медным листом)
Максимальная ширина навершия	9,7 см	8,2 см
Размеры пера	14,8×7,4×9,5 см	14×6,4×9 см
Толщина пера	0,9–2 см	0,15–0,25 см
Длина навершия	14,8 см	14,2 см
Общая длина	74,5 см	Сохранился только незначительный фрагмент рукояти
Толщина древка	2,8×2,5 см	1,9 см

Перначи (шестопёры) упомянуты как массовое оружие в Псковской I летописи под 1502 г.: «а не саблями светлыми сѣкоша их, но биша их москвичи и Тотарове, аки свинеи, шестоперы» (ПСРЛ, 2003. С. 87), однако уже в конце XVI в. Дж. Флетчер характеризует шестопёр как атрибут знатных военачальников: «перед ними везут шестопёр или начальнический жезл» (*Флетчер*, 1991. С. 82).

Подобную картину сходства размеров модели и прототипа можно наблюдать и обратившись к деревянным ножам из Петровского XI раскопа.

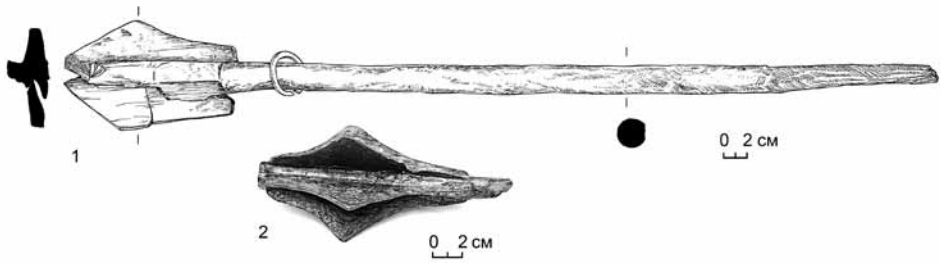


Рис. 1. Модель пернача (дерево; Петр-11-2010, № 707) (*1*) и навершие шестопёра (железо, бронза; НТ-4-2005, № 210) (*2*)

Нож 1 (рис. 3, *1*; 4, *2*) изготовлен из дерева лиственной породы, сломан в двух местах, утрачены незначительная часть клинка при переходе в рукоять и самый кончик (не более 1–2 мм) острия. Изготовлен очень реалистично, аккуратно, мастер сумел передать основные признаки современных ему поясных ножей, широко распространенных в Пскове в XVI–XVII вв.: скошенные плечики рукояти и симметричное острие клинка (см., напр., рис. 4, *1, 3*). Заточенность лезвия ножа моделируется утончением клинка от спинки к лезвию, клинок «заполирован». Происходит из заполнения того же жилого сруба, что и пернач.

Рис. 2. Петровский XI раскоп 2011 г. Двор «А», с территории которого происходят деревянные модели оружия. Вид с севера

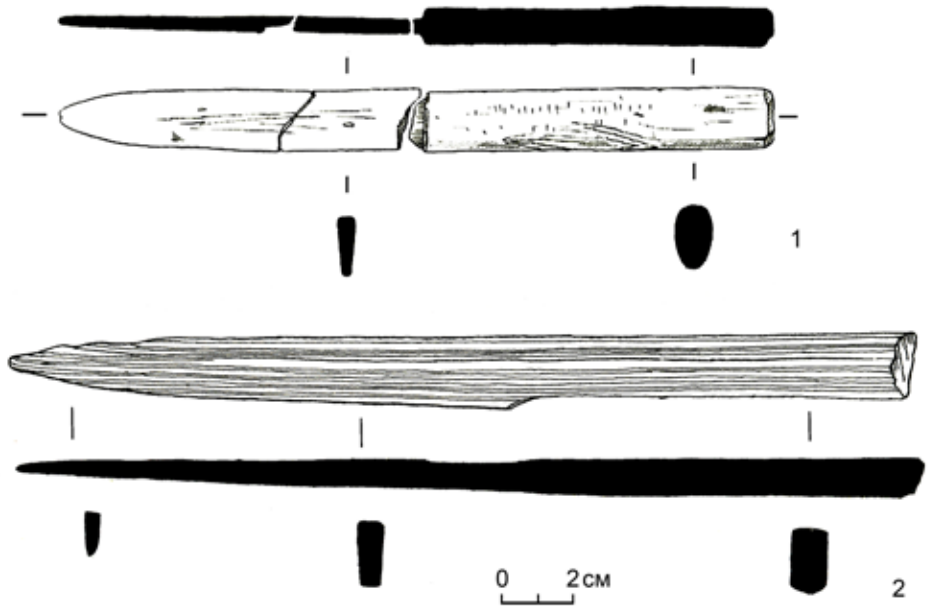


Рис. 3. Деревянные ножи
1 – Петр-11-2010, № 734; *2* – Петр-11-2010, № 718

Рис. 4. Деревянный и железные ножи
1 – Петр-11-2010, № 72 (железо, бронзовая напайка); *2* – Петр-11-2010, № 734 (дерево);
3 – Петр-11-2010, № 143 (железо, бронзовые заклепки, костяные накладки на рукоять)

Рис. 5. Деревянный и железный ножи
1 – Петр-11-2010, № 718 (дерево); *2* – Петр-11-2010, № 120 (железо)

Нож 2 (рис. 3, *2*; 5, *1*) изготовлен из дерева хвойной породы. За основу взята естественно истончающаяся к острию рейка, рукоять выделена перепадом ширины и толщины изделия. Заточенность клинка передается тем же приемом – утончением клинка от спинки к лезвию. Острие обработано грубо. Происходит с территории того же двора, что и нож 1 и пернач.

Деревянные ножи в нашем случае моделируют распространенный в псковских археологических материалах XVI–XVII вв. тип узких плоскочерешковых ножей с парными боковыми накладками (костяными или деревянными) на рукоять (*Салмина*, 2011б. С. 280, 283). Зачастую эти ножи обнаруживаются в тех же горизонтах и комплексах, что и кожаные ножны, приспособленные для вертикального подвешивания, закрывающие значительную (до 3/4) часть рукояти. Можно высказать предположение, что именно эти ножи, а не оружие типа «кинжала А.И. Старицкого» (*Денисова и др.*, 1953. С. 36, 346, 347), описываются у Сигизмунда Герберштейна как «кинжалы, висящие наподобие ножей» на правом боку «московитов», утопленные в ножнах «до такой степени глубоко, что с трудом можно коснуться до верхней части рукоятки или схватить ее в случае надобности» (*Герберштейн*, 2007. С. 173). Характеризуемые ножи обладают рядом характеристик (упрочненный переход клинка в черенок; выраженная профилировка рукояти; смещение острия к центральной оси клинка с целью увеличения проникающей способности клинка; общая длина более 20 см при длине клинка не менее 10 см), выделяемых в современной оружиеведческой литературе как признаки, свойственные боевым ножам (*Бобров, Худяков*, 2008. С. 285–288; *Жук С., Жук П.*, 1999. С. 6, 8, 44, 67; *Кулинский*, 1994. С. 110–112). Вместе с тем отметим, что наличие всех или нескольких из этих признаков обозначает обязательную трактовку ножа исключительно как боевого и соответствующее его использование.

Однозначно решить, изображают ли наши деревянные модели бытовые ножи или боевые, не представляется возможным. Однако выраженное острие с намеком на обоюдоострость и крупный размер самих клинков позволяют счесть эти ножи игровой имитацией оружия, по крайней мере репрезентативного.

В табл. 2 и 3 представлены размеры деревянных ножей из Петровского XI раскопа и их наиболее сходных прототипов из раскопок в той же части города.

Таблица 2

	Деревянный нож 1	Железный нож
Общая длина	23,4 см	22 см без учета утрат (сохранившийся фрагмент – 19 см)
Длина клинка	11,8 см	11,7 см
Длина рукоятки	11,6 см	10 см без учета утрат (сохранившийся фрагмент – 7,3 см)
Ширина клинка	1,85 см	1,7 см
Ширина рукоятки	1,85 см	1,9 см
Толщина спинки клинка	0,49 см	0,2–0,4 см
Толщина лезвия клинка	0,3 см	-
Толщина рукоятки	1,3 см	1,3 см

Таблица 3

	Деревянный нож 2	Железный нож
Общая длина	25,3 см	21,5 см
Длина клинка	14,6 см	10,7 см
Длина рукоятки	10,7 см	10,8 см
Ширина клинка	1,7–2,1 см	0,8–1,9 см
Ширина рукоятки	1,7–2 см	1,6–2,5 см
Толщина спинки клинка	0,3–0,8 см	0,5 см
Толщина лезвия клинка	0,2–0,5 мм	-
Толщина рукоятки	0,9–1 см	1–1,5 см с привлечением аналогий: деревянные накладки не сохранились

Такая реалистичность размеров и пропорций моделей позволяет поставить вопрос: являются ли эти предметы детскими игрушками или имеют иное назначение?

Мы предложили бы два варианта их использования, впрочем, довольно близких. Одним из вариантов могло быть участие деревянных моделей оружия в обрядовых действиях («обрядовых сражениях»), сходных с традицией кукеров и сурвакаров на Балканах или мужских обществ Северного Кавказа (Календарные обычаи… 1973. С. 272–279; *Карпов*, 1996. С. 184–204; *Стаменова*, 1982. С. 56. Рис. 39).

Это может объяснять, в частности, истертость рукояти пернача и хранение его внутри дома (обрядовый предмет использовался неоднократно, и от многочисленных случаев использования статус его повышался).

Обрядовые сражения во время праздников достаточно широко освещены в этнографической и культурологической литературе (*Агапкина, Плотникова*, 1999. С. 130, 131; *Бернштам*, 1986. С. 25; 1988. С. 94–96; *Вадейши*, 2001. С. 110; *Секацкий*, 1999. С. 51–68), при этом они могли носить и исключительно игрово-театральный характер, и принимать достаточно грубые формы (*Горбунов*, 1996. С. 63–108; см. также: *Костомаров*, 1860. С. 226 – бои во время праздников называются нарочитыми, «примерными битвами», но тут же порицаются за жестокость). Древнейшее упоминание подобных «сражений» в русских обрядовых игрищах зафиксировано в XIII в.: митрополит Кирилл резко осуждает обычай, согласно которому «в боже-

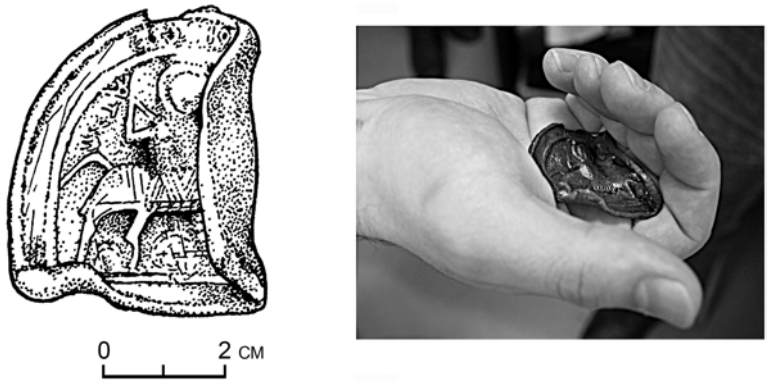


Рис. 6. Деформированный свинцовый образок с изображением св. Георгия (Петр-11-2010, № 215)

ственные праздьникы… бьющееся дреколеемь до самыя смерти, и възимающее у побиваемых порты», и грозит отлучением от церкви и лишением права на церковное погребение участникам и жертвам кулачных и палочных боев (Новгородские былины, 1978. С. 369).

В связи с этим представляется интересным упомянуть еще одну находку, происходящую с территории того же двора, что ножи и пернач. Она – с большой долей условности – может быть связана с подобными обрядовыми действиями. Это свинцовый образок с изображением св. Георгия (рис. 6). До попадания в грунт образок использовался длительное время, о чем свидетельствует утрата «ушка» для подвешивания и следы последовавшей за этим вычинки. Однако для нас более интересной – в рассматриваемом контексте – особенностью образка является его предумышленная деформация, превращающая предмет личного благочестия в **«свинчатку» (кулачную биту)**. Одна из боковых сторон образка загнута («скомкана») «под пальцы», а противолежащий уголок подогнут таким образом, чтобы избежать травмирования ладони. Можно предполагать, что эта «свинчатка» вкладывалась в рукавицу в момент кулачного боя – нарушение правил, многократно описанное этнографами XIX–XX вв. Вероятно, в нашем случае она служила еще и своеобразным оберегом для бойца. Характерно, что кулачные бои проходили в тот же период, что и обрядовые игры (Святки, Масленица, иногда – Семик).

Другим вариантом использования деревянных моделей оружия могло быть участие этих предметов в качестве реквизита в народных драмах вроде «Царя Ирода» или «Царя Максимилиана». В описании этих драм (хотя мы и располагаем материалами только не ранее XIX в.) среди атрибутов обоих «царей-злодеев» называется «скипетр» (Народный театр, 1991. С. 131). Вполне возможно, что находка пернача и реалистично и изящно изготовленного ножа в едином «месте хранения» может подтвердить тот факт, что эти предметы могли являться атрибутами постоянного персонажа обрядового действия или народного представления и использовались неоднократно.

Коснемся еще одной серии находок моделей оружия – деревянных луков и стрел, упомянутых в начале нашего сообщения. По размерам луки и стрелы, происходящие с Петровских VI и IX раскопов, вполне вписываются в традиционную

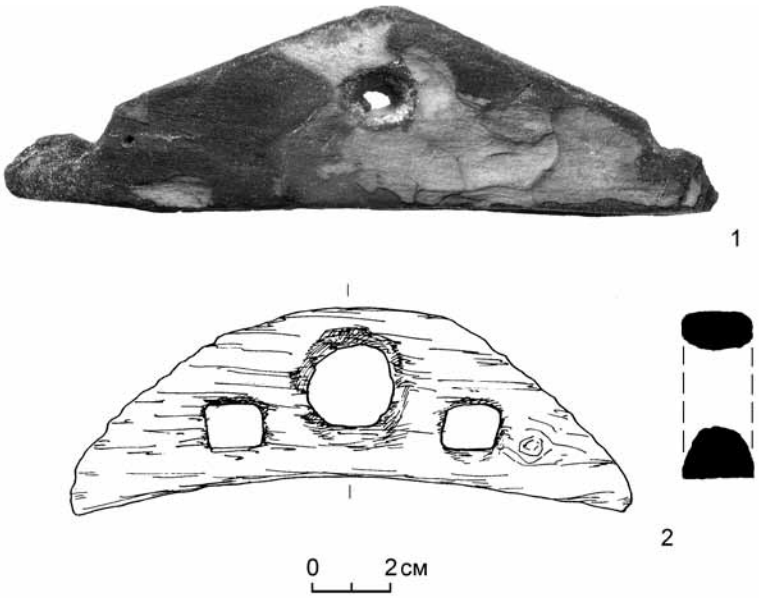


Рис. 7. Петли-подвесы колчана
1 – игрушечная (?) из сосновой коры (Петр-11-2010, № 775); *2* – деревянная (Петр-8-2007, № 253)

картину детских игрушек, известных по данным археологии. Они явно подходят для использования детьми, и этим в значительной мере отличаются от группы деревянных моделей оружия, охарактеризованных выше. Для игрушечных луков с Петровских раскопов характерны малая мощность, малая длина натяжения, неудобная для взрослой кисти узкая рукоять. В нашей публикации упоминание этих находок связано исключительно с высокой степенью реалистичности выполнения двух из них. Набор признаков этих моделей позволяют предположить, что одна из них изображает простой лук, а вторая имитирует сложносоставной (*Закурина и др.*, 2009. С. 34–36). Нам представляется, что в этом случае мы наблюдаем «почерк» того же мастера – автора-изготовителя охарактеризованных выше моделей «в натуральную величину», занимавшегося и изготовлением игрушек для детей.

Интересно вернуться к еще двум найденным в отложениях XVII в. на Петровских VIII и XI раскопах находкам, связанным со стрелковым оружием, для которых мы также можем провести размерное сравнение модели и прототипа. Это две **петли от колчанов** – настоящая и, предположительно, «модель». Игрушечная петля для колчана, мало отличаясь по форме от настоящей, изготовлена из легкого, непрочного и хрупкого материала – сосновой коры (рис. 7, *1*). Особенности материала не позволили бы крепить ее традиционным способом, и вместо характерных трех отверстий мы наблюдаем одно центральное, служившее для крепления колчана к портупее. Отверстия же, при помощи которых настоящие деревянные петли крепилась к колчанам, были заменены зарубками на концах петли.

По форме обе петли довольно близки (рис. 7, *1, 2*). Колчаны с подвесными петлями подобной формы изготовлялись из бересты и были в употреблении длительный период времени (IX–XVII вв.), чему способствовали доступность материала и простота изготовления (*Кирпичников, Медведев*, 1985. С. 313, 314, 344). Табл. 4

демонстрирует довольно близкое совпадение основных размерных характеристик модели и прототипа (с учетом разницы в материале).

Таблица 4

	Игрушечная петля для колчана (из сосновой коры)	Деревянная петля для колчана
Длина	16,2 см	15,8 см
Толщина	2,5 см	1,8 см
Высота	4,5 см	4,7 см
Диаметр центрального отверстия	1,2 см	2,2 см

Таким образом, в коллекции деревянных моделей оружия из Петровских раскопов в Пскове можно выделить две различающиеся между собой группы предметов: детские игрушки, представленные луками и стрелами (распространенные на значительной площади), и соразмерные оригиналам модели оружия – пернач и ножи, происходящие из одного двора. Первая группа соответствует общепринятым представлениям о детской игровой традиции средневековых городов. Вторая скорее соотносима со взрослой культурной средой и с высокой долей вероятности представляет собой атрибуты обрядового или театрального действа. Мы надеемся, что публикацией серии находок с Петровских раскопов в научный оборот вводятся важные данные для изучения народной городской культуры, редко отражаемой в предметных источниках столь раннего времени.

Литература

Агапкина И., Плотникова В., 1999. Драка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М. Т. 2.

Александров А. А., 1997. Псковский деревянный меч с изображениями: традиции и семантика // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. СПб; Псков. Т. 1.

Бернштам Т.А., 1986. К реконструкции некоторых русских переходных обрядов совершеннолетия // СЭ. № 6.

Бернштам Т.А., 1988. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.

Бобров Л. А., Худяков Ю.С., 2008. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего нового времени. СПб.

Вадейши М.В., 2001. Деревенский праздник: распределение ролей // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических исследованиях. СПб.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., 2008. Мангазея: новые археологические исследования. Екатеринбург; Нефтеюганск.

Герберштейн С., 2007. Московия. М.

Горбунов Б.В., 1996. Палочные бои // Этнографическое обозрение. № 2.

Давидан О. И., 1971. К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией (по материалам нижнего слоя Староладожского городища) // Скандинавский сборник. Таллин. Вып. XVI.

Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н., 1953. Русское оружие. М.

Жук С., Жук П., 1999. Боевые ножи. М.

Закурина Т.Ю., Салмин С.А., Салмина Е.В., 2009. Находки игрушечных деревянных луков в 2007–2008 гг. в Пскове // АИППЗ: Мат. LIV засед. семинара им. акад. В.В. Седова.

Календарные обычаи и обряды народов зарубежной Европы: Конец XIX – начало XX в. Зимние праздники. М., 1973.

Кардаш О.В., 2009. Надымский городок. Екатеринбург; Нефтеюганск.

Карпов Ю.Ю., 1996. Джигит и волк. СПб.

Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф., 1985. Вооружение // Древняя Русь: Город, замок, село. М.
Костомаров Н.И., 1860. Очерк домашней жизни и нравов великорусскаго народа в XVI и XVII столетиях. СПб.
Кулинский А. Н., 1994. Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800–1917 годов. СПб.
Народный театр. М., 1991. (Библиотека русского фольклора.)
Новгородские былины. М., 1978.
Оятева Е.И., 1995. Деревянный меч из древнего Пскова // Древности северо-западной России: Сб. мат. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Г.П. Гроздилова. СПб.
ПСРЛ, 2003 – Полное собрание русских летописей. М. Т. V. Вып 1: Псковские летописи.
Розенфельдт Р.Л., 1997. Игры детей // Древняя Русь: Быт и культура. М.
Рябинин Е.А., 1997. Предметы вооружения и их имитации из Старой Ладоги (материалы новых исследований) // Древности Северо-Западной России. СПб.
Рябинин Е.А., 1999. «Деревянный мир» раннесредневековой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища в 1973–1985 гг.) // Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей. СПб.
Салмин С.А., 2008. Навершие шестопёра из раскопок в Пскове // АИППЗ: Мат. LIII засед. семинара им. акад. В.В. Седова.
Салмина Е.В. Рукопись. Этапы освоения, хозяйственного использования и застройки территории Петровских I–X раскопов по данным археологических раскопок // Приложение II к Отчету по проекту РГНФ № 08-01-00376а «Петровский конец Пскова по данным археологии и письменных источников».
Салмина Е.В., 2011а. Дворы Пскова XVI–XVIII вв. по материалам Петровских раскопов: размеры, планировка, застройка // Тр. III (XIX) Всерос. археолог. съезда (Великий Новгород – Старая Русса). СПб; М.; Великий Новгород. Т. II.
Салмина Е.В., 2011б. О возможностях датирования «поздних» вещевых коллекций (XVI–XIX вв.) по материалам Петровских раскопов в Пскове // Позднесредневековый город III: Археология и история: Мат. III Всерос. семинара. Тула.
Салмина Е.В., Закурина Т.Ю., Степанов С.В., Харлашов Б.Н., 2009. Опыт выделения этапов застройки периода позднего средневековья – раннего Нового времени (в рамках проекта «Петровский конец средневекового Пскова») // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород. Вып. 23.
Секацкий А.К., 1999. Феномен праздничной драки // Соблазн и воля. СПб.
Стаменова Ж., 1982. Кукери и сурвакари: Български празници и обичаи. София.
Фисенко А.В., Закурина Т.Ю., Салмина Е.В., Яковлев А.В., 2012. Деревянные оправы зеркал из раскопок в Окольном городе Пскова // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Мат. науч. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности. Великий Новгород. Вып. 26.
Флетчер Дж., 1991. О государстве русском // Проезжая по Московии. М.
Хорошев А.С., 1998. Детские игрушки из Новгорода: классификационный обзор археологических находок // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород.
Штакельберг Ю.М., 1969. Игрушечное оружие из Старой Ладоги // СА. № 2.

А.П. Конов

К вопросу о локализации так называемой Домантовой стены Пскова[1]

A.P. Konov. To the question of localization of the so-called Domant wall of Pskov

Abstract. The fortification system of Pskov in the XIII–XIV centuries is studied, and mainly the information on the «Dovmont wall.» Chronicle evidence of it appeared only after 80-90 years of the death of the Prince himself, and does not give any location of the wall. The wall of the year 1309 may have been planned by Prince Dovmont, but carried out after his death by Posadnik Boris.

In the 80–90-ies of the XIV c. a new barrier was erected on the track of some older stone wall and named “Domant Wall” probably at the beginning of the canonization of “The Good Prince.”

[1] Доклад прочитан на 56-м заседании семинара в 2010 г.

This wall, apparently, had been built before the reign of Dovmont. Built on the old basement and renovated at the end of the XIV century the wall is likely to have become a memorial to the Prince and one of the city's historic symbols, but not a defensive structure.

At the beginning of the XVI c., the wall could have been renovated for the last time in its medieval history. The problem of archaeological dating of the stone basement of the wall needs further investigation.

Ключевые слова: оборонительное сооружение, каменная стена, Довмонт

В специфической для нашего вопроса русской и советской историографии мне не встретилось ни одного научного сомнения по поводу того, почему укрепленная каменной стеной территория города, якобы времени княжения Довмонта, так невелика в сравнении с территорией, огороженной тоже каменной стеной, но уже через 10 лет после его смерти? В псковской историографии практически отсутствует и какое-либо обоснование для территории, известной нам как «Довмонтов город» (рис. 1). Эта проблема решается на основе исторической догмы, а воссозданные в разные годы XIX–XX вв. вокруг так называемого «города Довмонта» каменные крепостные стены и даже башни канонизированы псковичами и являются сегодня чуть ли не символами города.

Задача настоящей работы состоит в попытке оформления неких начал обоснования места и границ города второй половины XIV в. Последнее вынуждает рассмотреть здесь и то, каким образом формировались оборонительные линии города, сколько их было, или могло быть, в разные периоды псковской истории.

Рис. 1. Так называемый «Довмонтов город» в Пскове. Вид с юго-запада. Слева – стена Перси. Справа внизу – воссозданный фрагмент каменной крепостной стены XIII в., времени князя Довмонта

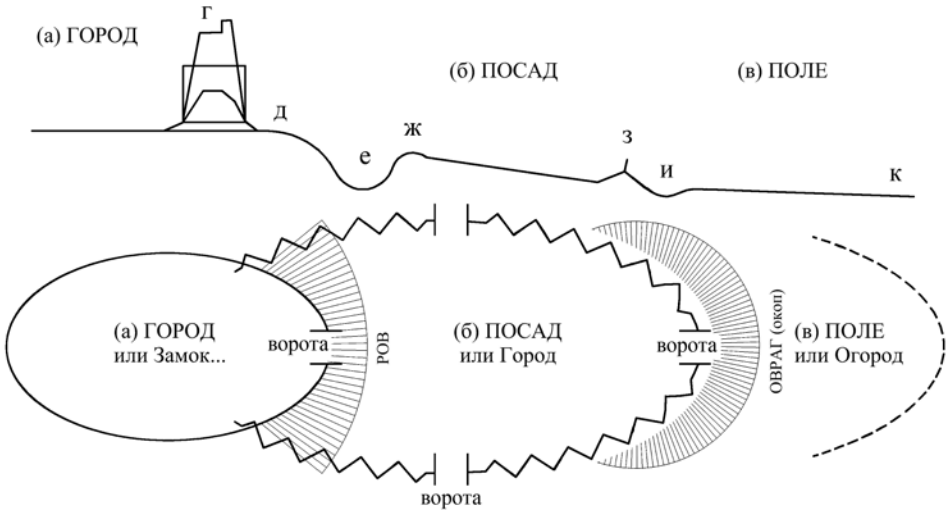


Рис. 2. Принципиальная схема устройства восточноевропейских городских укреплений XI–XV вв.
а – Город (замок /-ракушка/, кром, кремль, крепость, засада, детинец, цитадель); *б* – Посад или Город; *в* – Поле или Огород; *г* – вал, городня, оплот, стена, перси (приступная стена города), прясло; *д* – мертвое место; *е* – ров, гребля; *ж* – дополнительный вал; *з* – лорикула (невысокий внешний вал), тын, частокол, надолбы, острог, охабень, палисад; *и* – овраг, окоп, река; *к* – сторожи, дозоры

Повторю, что в отношении укреплений «Довмонтова города», в частности, этого не делал пока никто. При этом невозможно переоценить важность этой проблемы при решении любых теоретических и практических атрибутивных задач в отношении объектов средневековой части города периода XI–XV вв.

Начать такую работу считаю необходимым с рассмотрения общих принципов формирования укреплений европейских средневековых городов.

Из всего множества фортификационной литературы военной проблематики ограничимся здесь пока только популярным изданием об истории фортификации (*Яковлев*, 2000) и тоже популярным фортификационным словарем (*Губайдуллин*, 2003).

По этим двум изданиям, а также археологическим трудам известных советских исследователей древнерусских крепостей и беглому анализу планировочных структур других средневековых городов Европы, мною была составлена возможная принципиальная схема формирования оборонительных рубежей крупных средневековых городов XI–XV вв. христианского мира (рис. 2).

Здесь понятно, что собственно сам «город» (замок, кремль, кром) – это укрепленная либо каменно-земляными, либо каменными стенами территория. Как правило, «город» отделялся от «посада» – «палисада» (военные термины в своей основе) – рвом. Практически во всех известных случаях в город вели единственные ворота с башней, запирающей ворота решеткой и мостом через ров перед воротами. Вокруг «города» располагался «палисад» – «посад» или «огород» (если не было «посада»). Он также, в свою очередь, был укреплен, но уже попроще, т. е. либо деревоземляными («городни»), либо деревянными («тын», «острог» и т. п.) стенами. В укреплениях «посада» уже могло быть и двое, и трое, и более проезжих ворот – в

зависимости от размера его территории или по каким-либо другим причинам. За пределами «посада» располагалось собственно «поле» или «огород», т. е. практически не укрепленная часть населенного пункта. Однако и в «поле» часть территории могла быть обнесена частоколом или окопом, а на некотором удалении от стен «посада» располагались некие «сторожи» – маленькие дозорные пункты.

Эта принципиальная схема оборонительных сооружений в основе своей восходит еще к дохристианской эпохе древних греков и римлян, благополучно просуществовала весь период европейского средневековья и доведена до логического совершенства в бастионных крепостных укреплениях XVI–XVIII вв. Испании, Франции, Германии и России.

Используя эту схему, мы можем уточнить для себя, что система укреплений города Пскова во все времена состояла из оборонительных укреплений трех-четырех территориальных единиц: «города» (вначале только «Детинца», а затем – «Детинца» и «Застенья» или «Крома» и «Застенья», отождествляемых с понятием «город»), «посада» и «поля», либо «полонища».

Этот вывод полностью согласуется со всеми письменными свидетельствами псковской истории. Более того, мы знаем, что каменные стены «Большого окольного города» строятся по трассе бывшего деревянного укрепления «полонища» или «посада» XV в. Каменная стена 1375 г. строится по трассе бывшей деревянной стенки «посада» XIV в. Так как каменную стену 1309 г. возводил посадник, логично предположить, по аналогии с вышеприведенными фактами, что стена 1309 г. тоже была построена по трассе прежней стены посада XIII в., точнее «посада» «города» времени княжения Довмонта.

Из этого ряда событий мы вправе наметить некую закономерность в формировании оборонительных рубежей Пскова XIII–XV вв. Она состоит в последовательной замене конструкции, менее стойкой в оборонительном отношении, на новую, более крепкую, но на том же рубеже, где стояла прежняя.

Сам по себе такой вывод не содержит ничего нового и даже интересного для нас, но лишь до тех пор, пока мы не применим его к рассуждениям о возможной градостроительной схеме города Пскова XI–XII вв. Здесь сразу первый вопрос: «Из каких градообразующих элементов, как, где и чем укрепленных, состоял город Псков за 150–200 лет до времени княжения Довмонта?». Рассмотрим предложенную схему (рис. 3).

На этой схеме мы безоговорочно принимаем, что та территория, которая именуется сегодня «Довмонтовым городом», на самом деле в 1266–1299 гг. являлась таковой, и заключаем, что к 1299 г. город Псков состоял из следующих градообразующих территорий:

а – укрепленного собственного «города» («детинца»);

а1 – укрепленной территории условной «Домантовой стены» – тоже «Города»;

б – территории «посада», отграниченной с севера «Домантовой стеной», а с юга, возможно, рубежом будущей стены 1309 г., и, наконец,

в – «огорода» или «поля».

Такое представление о системе городских укреплений Пскова условного «додовмонтова» периода, конечно же, оказывается несостоятельным.

Во-первых, если бы это было так, то становится совершенно непонятной планировочная структура города более ранних периодов. Где же тогда находи-

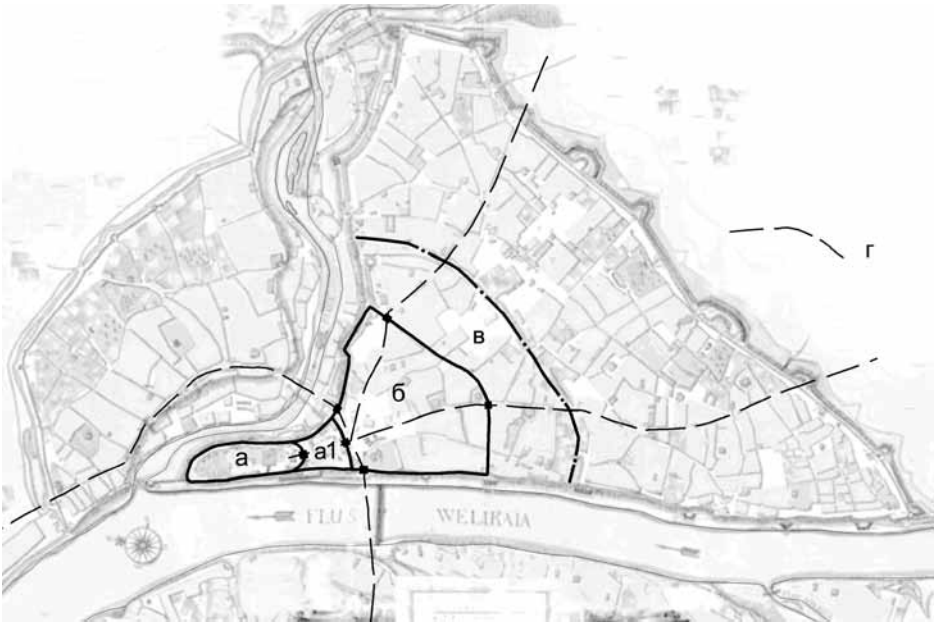


Рис. 3. Ныне принятая схема городских укреплений Пскова в период 1266–1299 гг.
а – Детинец (каменно-земляное укрепление с воротной башней и рвом на приступе); *а1* – усл. Довмонтова стена (каменно-земляное укрепление с воротной башней); *б* – Посад (каменно-земляное /?/ или деревоземляное укрепление с воротами); *в* – Поле, возможные укрепления: острог (надолбы?), овраг (окоп) по трассе будущей стены 1375 г.; *г* – дороги (пути), улицы

лась, например, напольная городская стена укреплений «Города» первой половины XIII в.? Если ее трассу расположить по линии известной нам сегодня каменной «Домантовой стены», то где же тогда проходила сама городская «Домантова стена»? Если же севернее – то там находилась стена «Детинца», и в этом случае для территорий «города» XII, а тем более XI в., вообще не остается никакого места. Последнее прямо противоречит данным археологии. Ведь нам известно, как была освоена территория за пределами линии так называемой «Домантовой стены» уже в XI в. (*Харлашов*, 2007. С. 71)

Если же оборонительная линия «посада» первой половины XIII в. проходила где-то между «Домантовой стеной» и трассой стены 1309 г., что более логично с точки зрения исторического развития города, то почему каменная приступная стена «города Довмонта» построена в «тыловой» части этой, более ранней по времени, территории «посада»? Все это, конечно же, маловероятно и вызывает одни лишь вопросы, на которые трудно найти ответ и которые заводят исследователей в тупик.

Теме не менее даже беглый анализ предшествующих времени князя Довмонта исторических событий убеждает нас, что город Псков еще до 1266 г., когда Довмонт «прибежал» в Псков, был довольно значительным в оборонительном смысле.

Нам известно, что уже в 1065 г. князь Всеслав Полоцкий не взял Псков, хотя и «...много тружався съ многыми замыслении и пороками шибавъ, отъиде ничтоже оуспевъ» (ПЛ, 1955. С. 18).

Мы хорошо знаем и другое письменное свидетельство о том, что город Псков уже в первой половине XI в. был, вероятнее всего, надежно укрепленным населен-

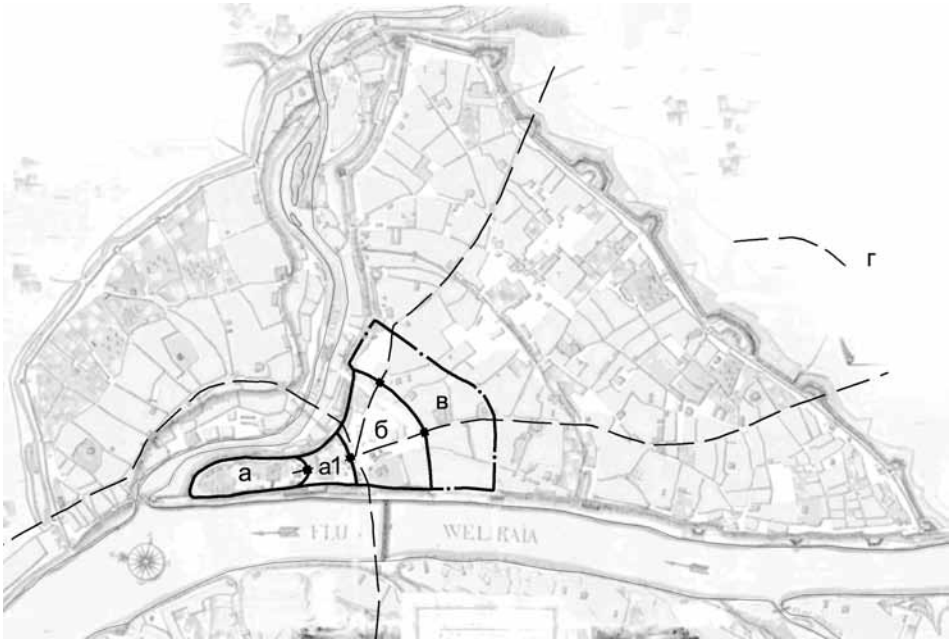


Рис. 4. Схема городских укреплений Пскова XIII в. (до 1266 г.). Гипотеза А. Конова
а – Детинец (каменно-земляное укрепление с воротной башней и рвом на приступе); *а1* – усл. «город до 1266 г.» (каменно-земляное укрепление с воротной башней); *б* – Посад (каменно-земляное /?/ или деревоземляное укрепление с воротами); *в* – Поле, возможные укрепления: острог (надолбы?), овраг (окоп) по трассе будущей стены 1309 г.; *г* – дороги (пути), улицы

ным пунктом, иначе вряд ли в 1036 г. князь Ярослав брата своего Судислава посадил бы в темницу именно в Пскове, как сообщает нам автор Повести временных лет.

Наконец, история самого князя Довмонта убеждает в надежности городских укреплений Пскова уже в первой половине XIII в. В 1266 г. Довмонт бежал из Литвы от преследователей, и вполне надежно укрыться он мог только в хорошо укрепленном городе. Предположим даже, что город Псков до 1266 г. имел примерно следующие составляющие (рис. 4). Город с такой системой укреплений, по-моему, действительно мог устроить беженца Довмонта. Необходимо также иметь в виду, что возведение любых оборонительных сооружений связано, прежде всего, с военными надобностями.

Так, Псков и до времен княжения Довмонта подвергался множеству неприятельских осад и даже досадных поражений, а в период военных действий конца 30-х гг. XIII в. и вовсе был сдан.

Князь Александр Ярославич освободил город. Но каков же урок преподали псковичам немцы, если после этой войны псковичи ровно семьсот лет не сдавали город более никому. С большой долей уверенности, логично предположить, что после памятных военных действий и сдачи Пскова в первой половине XIII в. псковичи пуще прежнего укрепили свой город еще до приезда к ним князя Довмонта, т. е. до 1266 г.

Более того, археологически подтверждается, что территория Пскова этого времени была активно освоена на значительное удаление от интересующей нас стены

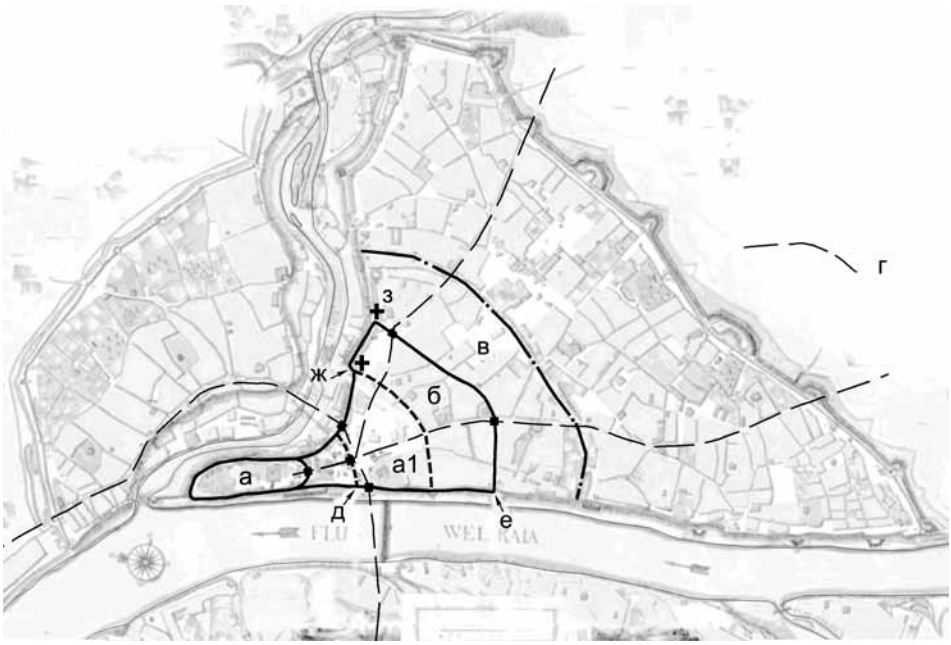


Рис. 5. Схема городских укреплений Пскова в период 1266–1309 гг. Гипотеза А. Конова
а – Детинец (каменно-земляное или каменное укрепление с воротной башней и рвом на приступе); *а1* – усл. «город Довмонта» (каменно-земляное или каменное укрепление с воротной башней – неосуществленная /?/ каменная «Довмонтова» стена конца XIII в.); *б* – Посад до 1309 г. (каменно-земляное /?/ или деревоземляное укрепление с воротами); *в* – Поле, возможные укрепления: острог (надолбы?), овраг (окоп) по трассе будущей стены 1375 г.; *г* – дороги (пути), улицы; *д* – каменная стена до 1266 г.; *е* – стена 1309 г.; *ж* – возможное расположение ц. Петра и Павла в 1309 г.; *з* – нынешнее расположение ц. Петра и Павла

(и даже на Запсковье). Из этого следует, что и «посад», и «поле» «города» этих лет тоже уже могли быть достаточно укреплены.

Наконец, еще одно. Стену 1309 г. посадник Борис начинает от церкви Петра и Павла на Пскове. В те годы храм стоял на другом месте, но все сходятся на том, что стоял он где-то недалеко от нынешнего храма. Таким образом, проявляется и еще один немаловажный вопрос: если каменная «Довмонтова стена» существовала тогда и стояла на том месте, где мы ее сегодня знаем, то где же стояла первая церковь Петра и Павла (рис. 5)?

Выходит, не зря задаем мы себе все эти вопросы.

Так что же такое «Домантова стена» и «Домантов город»? Где находилась эта загадочная «псковская Атлантида»? Почему стена, на месте которой должны были быть найдены следы оборонительного сооружения XII и (или) начала XIII в., археологически все же датируется 1270-ми гг. (*Ершова, Колосова, Лабутина*, 1994)?

Сегодня мы вряд ли ответим на все эти вопросы однозначно. Тем не менее, задача настоящей статьи состоит в попытке построить ту рабочую концептуальную гипотезу, которую можно будет проверять практикой дальнейших исследований. Думаю, обоснования тому, высказанные выше, уже достаточно весомы.

Для начала всех дальнейших рассуждений перечислим те причины, по которым факт существования некоего крепостного элемента, именуемого в дальнейшем

«Домантовой стеной» и даже «Домантовым городом», сегодня не подвергается сомнению историческим сообществом.

Во-первых, это летописные свидетельства, датируемые сегодня XIV–XVI вв., где под 1395 г. (впервые) и далее для последующих уточнений упоминается территория, называемая «Домантовой стеной».

Во-вторых, это комплекс письменных и графических свидетельств XVII–XIX вв., состоящий из военных и гражданских документов об оборонительных сооружениях города. Здесь «Домантова стена» упоминается уже не только как топографическая привязка для чего-либо, но и как самостоятельное сооружение, которому дается, помимо описания длины и количества боев, еще и описание технического состояния на тот период.

В-третьих, это результаты археологических раскопок, проведенных по месту стены, упомянутой в источниках XIV–XIX вв., которые действительно выявили ленточные фрагменты неких каменных стен, объединенных датировкой 1270-ми гг. (*Ершова, Колосова, Лабутина*, 1994)

В-четвертых, наконец, это логика анализа самой княжеской 33-летней службы Довмонта-Тимофея городу и псковичам в качестве верховного воина, которая недвусмысленно убеждает, что он обязан был построить новый, современный себе, оборонительный рубеж крепости.

Вот четыре основных якобы убедительных свидетельства натурного факта существования «Домантовой стены» на том месте, где мы видим сегодня ее реставрационный муляж (рис. 6).

Все эти исторические свидетельства весомы, однако не могут не вызывать сомнений, если принять вышеизложенные рассуждения, да и другие противоречия,

Рис. 6. Реставрационный муляж западного фрагмента так называемой «Довмантовой стены» XIII в. Вид с юга (из посада)

которые мы будем рассматривать далее. Рассмотрев их по порядку, начинаешь сомневаться в том, что все так однозначно, как ныне представляется.

Рассмотрим, во-первых, подробнее летописные свидетельства о топониме «Домантова стена». Я остановился на анализе печатного текста псковских летописей с дополнениями, поскольку источниковедческий анализ оригиналов – отдельная задача для исследователей.

Летописные свидетельства о «Домантовой стене» появляются на страницах летописи только спустя 80–90 лет со дня смерти самого князя и только через 70–80 лет после возведения в 1309 г. «плитяной стены» посадником Борисом. Сам посадник Борис вскоре после этой работы умирает, а стена, сооруженная под его руководством, впоследствии на страницах летописи, как можно понять из текстов, упоминается уже либо как просто «стена», либо как «старая стена», и только, – т. е. без привязки к имени посадника. С 1309 по 1395 г. все топографические привязки летописцев в отношении каких-либо объектов или событий ограничиваются фразой «в стене» или «за стеной».

Анализ текста летописей показывает, что для этого периода даже некорректно предполагать наличие еще какой-либо каменной стены в городе, кроме стен «Детинца» и каменной стены 1309 г., ибо тому нет ни одного письменного свидетельства.

В пожары 1320 и 1336 гг. летопись уточняет, что выгорает все «застенье», а «Детинца бог и святая Троица оублюде». Из этих сообщений недвусмысленно следует, что никакой особой «Домантовой стены» в городе в эти годы не было.

В 1352 г. летописец сообщает о строительстве храма Покрова «за стеной в стране святого Дмитрея», но в этом свидетельстве пока нет уточнений типа «за Домантовой стеной». При этом храм Покрова Богородицы ныне действительно локализован на территории, ограниченной известной нам «Домантовой стеной». В других поздних документах это так же.

И все же наберемся научного терпения и смелости признать, что в 1352 г. «Домантовой» еще не называется ни одна стена в городе, даже если таких каменных стен в городе было больше, чем мы сегодня это знаем. Это факт.

До времени первого упоминания топонима «Домантова стена» в летописи (1395 г.) есть еще одно сообщение о строительстве купцами деревянной церкви Софии в 1354 г. Эта запись сделана в летописи без дополнительной топографической привязки, а позже тот же храм, но уже в камне, строят именно в «Домантове стене».

Об этом мы еще упомянем ниже, а пока оформим рассуждения о возможной планировочной схеме города на период 1309–1395 гг. с использованием все той же принципиальной схемы: «город», «посад», «поле».

Предположим, что «городом» в этот период был «Детинец», «посадом» – вся территория от «Детинца» до стены 1309 г., а «поле» находилось к югу от этой стены с некими возможными порубежными укреплениями по трассе будущей стены 1375 г.

При этом предположим, что «Детинец» – это и есть Кром, а вся территория к северу от стены 1309 г. и до «Детинца» именовалась в те годы «застеньем» или «за стеной». Существование в этот период еще каких-либо стен в границах «застенья» летописцами не отмечено. Это факт.

В связи с интересующей нас темой немаловажное сообщение читаем мы и под 1373 г.: «Того же лета святыи Власеи поставлена бысть камена на другом ме-

сте, церковь» (ПЛ, 1955. С. 105). Какое такое событие могло послужить к переносу церкви Власия на то место, на котором она сейчас локализована исследователями Пскова? Намечаемое кем-то или уже проводимое поновление некоей прежней каменной стены на старых фундаментах? Ведь такое возможно.

Это особенно интересный вопрос, т. к. местоположение остатков храма нам известно, а сопряжение наружных поверхностей северного фасада храма и наружной (южной) фасадной поверхности стены, которую мы именуем «Домантовой», что не исключено, может указать нам, какая из рассматриваемых конструкций была поставлена раньше. Предполагаю, что это можно проследить и по отчетам о результатах раскопок 1991–1992 гг. у западной оконечности так называемой «Домантовой стены» (*Ершова, Колосова, Лабутина*, 1994). То же можно отметить и по записи о строительстве нового притвора у храма Власия (см. известие от 1389 г.).

Свидетельство о поновлении остатков стены на старом фундаменте около 1373 г. или в близкие к этой дате годы могло и не дойти до нас. Такое тоже вполне возможно.

В 1393 г. псковичи закладывают «…перши оу Крому, стену каменноую». Если перед Персями в этот момент существовала сильно «обетшавшая» каменно-земляная насыпь утраченной некогда каменной стены середины XIII в., то почему бы не превратить ее в некое дополнительное оборонительное сооружение либо ограду (что скорее всего) уже начавшей формироваться обособленной территории в пределах общих границ города или, точнее, «застенья»? Такое возможно и, хотя и с натяжкой, но все же объясняет факт присвоения этой стене статуса каменной городской стены, сооруженной князем Довмонтом, что прижилось в псковском летописании на долгие годы.

Так или иначе, но факт остается фактом: лишь в 1395 г. на страницах летописи впервые прозвучало: «Того же лета свершивше церковь святое Воскресение каменоую **за Домантою стеною**…» (ПЛ, 1955. С. 108).

Так только через 100 лет после смерти князя впервые летописец называет какую-то стену в Пскове «Домантовой». Надо особо подчеркнуть семантический, и даже мемориальный, характер такого имени для стены.

Подчеркнем сразу и другую существенную и уникальную особенность стены – это единственное средневековое укрепление в городе, которое названо именем человека. Так к столетию со дня смерти князя мог появиться в городе его, современным языком говоря, мемориал – «Домантова стена». Причем именно стена, а не «Домантов город». Топоним «город Довмантова стена», как справедливо отметила в своей работе И.К. Лабутина (1985. С. 58), появляется только в середине XVII в.

Рубеж 70–90-х гг. XIV в. отмечен в псковской истории еще одним знаменательным событием, которое упомянуто в летописях.

В 1375 г. «При велицем князи Дмитреи, а при псковскомъ князи Матфеи, при посадниче Григорьи Остафьевиче, псковичи заложиша четвертоую стеноу плитяноу, от Псковы реки до Великой, мало выше мужа около всего посада» (ПЛ, 1955. С. 105).

Итак, в Пскове появляется уже «четвертая стена», а в топографических привязках у летописцев пока ничего не поменялось – как и прежде, пишут: 1383 г. – «…3-я Духъ святыи за стеною» (Там же. С. 106). Ничего нового. А ведь должны были бы писать уже «за **Домантовой** стеной». То же и в 1385 г. – «Поставиша за

стеною церковь каменоую святыи Феодор» (Там же). И опять нет упоминания о «Домантовой стене».

В 1387 г.: «Поставиша 3 костры камены у новыя стены на пристоупе» (Там же). Здесь, совершенно очевидно, упоминается новая стена 1375 г., и при этом только ее напольная часть. Стен стало больше – и вот теперь уже начинает возникать неразбериха в топографических привязках; писцы дополняют уточнение «новая» в отношении стены 1375 г.

И тут опять возникает вопрос: почему же этого не делали в начале XIV в., когда была построена новая (тогда) по отношению к некоей «старой» – «Домантовой» – стена 1309 г.?

Далее читаем. 1388 г.: «…Заложиша церковь Рождество святое, камена за стеною…» (Там же). Ничего нового, а ведь должна быть записана «за Домантовой».

А вот далее уже есть и уточнение.

Если первое написание нового для летописцев топонима с 1375 и до 1397 г. звучит еще наполовину по-старому «за (опускаем Домантовой) стеной», т. е. точно так же, как и на протяжении всего XIV в., то уже в 1398 г. летописец совершенно конкретно записал: «В лето 6906. Индикта въ 6. поставлена бысть церковь Покровъ святеи богородици камена **в Домонтове стене**, межи Рожеством и Духом святымъ…» (ПЛ, 1955. С. 109).

Напомним, что еще совсем недавно (1383, 1388 гг.), писцы писали и Святодуховскую, и Рождественскую церкви просто «за стеною». Что же изменилось за 10 лет? В написании текста летописи что-то поменялось явно.

Возможно, что-то поменялось и в системе городских стен? Может быть, то, о чем мы высказали предположение выше? То есть вычинили руины какой-то стены перед Персями? Такое ведь не исключено.

С этого момента вообще начинается вторая жизнь «старых» псковских стен.

1399 г. – «…новоую стеноу к старой стене на пристоупе…» (ПЛ, 1955. С. 109). Здесь речь идет, возможно, о стене 1309 г. То же в 1401 г. «…возле Великоу рекоу…», и в 1404 г. «…стеноу камену возле Псковоу рекоу, возле староую стеноу…» (Там же. С. 110) делают выше и толще.

Еще интересное сравнение.

Вот в 1415 (1416) г. писец делает запись: «…церковь святыя Софья старая розбися, а новую начаша делати за Домонтовою стеною…» (Там же. С. 120). В сообщении не сказано, что церковь ставят на новом месте. А если это происходит на старом месте, то нужно вспомнить, что в 1354 г., когда ставили первый храм Софьи и чад ее, летописец даже не посчитал нужным давать топографическую привязку этому событию. Через 60 лет это уже зачем-то понадобилось.

Топоним «в Домантове стены» упоминается в летописи еще и в 1438 г. (ц. Афанасеи), в 1462 г. – «за Домантовою стеною…» (пятый собор), а в 1463 г. впервые уже и Перси упоминаются: «в Домантове стене» «…начаша делати стеноу на Кромоу прьси…». Правда, окончание этой работы в 1465 г. записывают уже опять почему-то просто: «прьси свершиша у Крома» без привязки к «Домантовой стене», хотя в том же году кроют железом «…всю церковь в Домонтове стене», и т. д.

С 1390-х гг. в летописных свидетельствах можно отметить разные привязки: и «в стене», и «за стеною», и «за Домантовой стеною», и «в Домантове стене». Но больше все же последних.

Очень интересную для нашего расследования запись мы находим под 1453 г.: «…да оу святого **христова мученика на Торгоу в Домантове стене**… 4-и сборъ…» (ПЛ, 1955. С. 140). Под «христовым мучеником» здесь надо понимать, скорее всего, храм Дмитрия Солунскаго для проведения соборных служб. Но ведь он очень давно был на Торгу, затем должна была быть построена «Довмонтова стена», а торг отодвинулся на площадь к югу, там же и церковь Власея, и церковь Спаса. Что же содержится в этой записи? Ошибка переписчика или информация о том, что никакой стены между Торгом и храмом Дмитрия по-прежнему, как и раньше, нет?

Попробуем отыскать этой догадке хотя бы и какое-нибудь летописное подтверждение. И оно вроде бы есть.

Очень интересное свидетельство читаем мы в Псковской Третьей летописи под 1465 г. Осенью загорелся весь Псков, «…загорелося на Оусосе оу старой стены…». Летописец упоминает здесь явно стену 1309 г. Она упоминается как «старая стена». Однако в отношении топонима «за Домантовой стеной» или в «Домантове стене» и т. п. летописцы почему-то никогда не уточняют ее возраст каким-либо особым образом.

Ведь логично было бы, допустим, записать как-нибудь так – «древняя стена», к примеру. Стена, поставленная Довмонтом, должна была в любом случае быть старше стены 1309 г.

Нет, этого не происходит на страницах летописи. «Довмонтова стена» – даже не «старая стена». При этом «Довмонтова стена» для летописцев той поры – все же не стена 1309 г. Последняя, по их определению, особая – «старая стена».

Это тоже факт, который, однако, можно рассматривать и несколько иначе.

Допускаю, что топоним «Довмонтова стена» отмечается в летописях, скорее всего, как ограда, а не городское укрепление.

Псковичи действительно могли присвоить это «звание», по другому не скажешь, какой-то поновленной старой стенке. В этих обстоятельствах все отмеченное выше может означать, что к концу XIV в. псковичи крепко-накрепко позабыли, какие именно из «обетшалых» городских укреплений возводились при Довмонте. Мы не можем этого исключить. Прошедшие со времени княжения Довмонта сто с лишним лет – это практически полная жизнь трех поколений людей. Каменная стена 1309 г. стала «старой» и, подозреваю по ее возрасту, сильно «ветхой». Документы могли гореть и теряться, людская молва могла толковать разные факты тоже различным образом, как это происходит и теперь. Да и сами очевидцы постепенно исчезали.

В этом случае мы даже можем допустить, что каменная стена 1309 г., возведением которой руководил посадник Борис, на самом деле и есть последняя из каменных стен, задуманных, но так и не выполненных самим князем Довмонтом. То есть настоящая «несостоявшаяся» каменная «Довмонтова стена», а город в ее пределах – это настоящая и полная территория собственно «города» времени князя Довмонта. Такое тоже вполне возможно.

Завершая обзор летописных источников, можно заключить, что и в XV в. писцы записывали события, связанные с объектами, локализованными ныне на территории так называемого «Довмонтова города», помещая их то просто «за стеной», то «за Домантовой стеной».

Из сопоставления таких свидетельств опять становится непонятным: так была ли «Довмонтова стена» на месте известной нам в те годы или нет? Однозначно об этом судить только по летописным свидетельствам просто невозможно.

Она то проявляется, как, например, в 1465 г., когда покрыли все церкви в «Домантове стене», то исчезает бесследно, как дополнительное топографическое уточнение, как это записано, например, под 1477 г.: «Того же лета побиша железомъ верхъ оу святого Рожества христова и всю церковь прикрыша» (ПЛ). И больше никаких локализаций.

Интересно, что летописные свидетельства под 1508, 1524, 1548, 1550, 1562 гг., т. е. практически беспрерывно на протяжении 50–60 лет с начала XVI в., употребляют топоним «Домантова стена» без путаницы в том или ином виде. Интересно и то, что к этому времени уже и застенье 1375 г. стало называться «старым», а «Домантова стена» по-прежнему остается для летописцев как новенькая. Я не нашел в летописи ни одного, даже косвенного, свидетельства о ее ремонте. И это при том, что «Домантова стена» должна была быть старше всех остальных. Меж тем время шло.

От пожаров 1548 и 1562 гг. летописная «Домантова стена» очень пострадала, в особенности ее средняя часть. Об этом можно судить по тому, что Иерусалимский и Федоровский храмы, которые мы сегодня знаем как храмы так называемого «Домантова города», «сильно огорели» в тех пожарах.

На этом летописные источники о «Домантовой стене» прерываются, и мы можем сделать предварительные выводы.

Во-первых, летописи дают для исследований не четкую, но объемную информацию о каменных и деревянных стенах города и посада, Детинца, Крома и Персей, о стенах 1309 и 1375 гг., а также стенах Большого окольного города, при практически полном отсутствии какой-либо топографической локализации «Домантовой стены».

Во-вторых, стена, известная нам как «Домантова», скорее всего, была поновлена в 80–90-х гг. XIV в. как ограда некоей обособленной городской территории на подходе к Крому (уже не Детинцу) и с этого момента уже никогда не являлась оборонительным сооружением города. Свидетельством тому служит большое количество записей о ремонтах и обновлениях оборонительных сооружений (в том числе и Персей Крома), делавшихся «толще и выше прежнего». Эти ремонты практически полно и всегда отмечались летописцами, но о каких-либо ремонтах «Домантовой стены» в летописях нет ни слова. А ведь этот топоним, возникший для города Пскова в 80–90-е гг. XIV в., прожил большую жизнь вплоть до современности.

В-третьих, можно предположить, что линия настоящей каменной стены, сооруженной в период княжения Довмонта, по свидетельствам летописи либо никак не локализуется, либо ее допустимо отождествлять со стеной 1309 г.

В последнем случае стена 1309 г. – это и есть настоящая «Домантова стена» либо стена посада времени князя Довмонта, сооруженная в камне посадником Борисом на средства, которые князь Довмонт не успел израсходовать на напольную часть укреплений, задуманных в период его княжения.

В 80–90-е гг. XIV в. по трассе некоей каменной стены, известной нам теперь, скорее всего, возводят ограждение обособленной городской территории, наимено-

вав его «Домантовой стеной» в честь «благовернаго князя» и, возможно, в начале большого процесса его канонизации. С этого момента в летописях вплоть до начала XVI в. происходит постоянная путаница с топографической привязкой одних и тех же объектов или событий: пишут то в «Домантовой стене», имея в виду все «застенье» 1309 г. (в пределах «старой стены»), то «в Домантовой стене» или «за Домантовой стеной», подразумевая только ограду части территории «застенья».

С практически полным исчезновением остатков каменной стены 1309 г. (возможно, настоящей Довмантовой) к началу XVI в. понятие «Домантовой стены» уже прочно закрепилось в сознании псковичей в отношении той ограды конца XIV в., которую мы называем «Домантовой стеной» теперь.

Вот на этом третьем выводе от прочтения летописей мы пока отвлечемся и перейдем к анализу группы документальных источников XVII–XIX вв.

Источники XVII–XIX вв. содержат в своем составе две группы свидетельств: письменные и иконографические. К письменным относятся гражданские и военные Писцовые книги, Росписные списки, Сметные книги, Отписки воевод и тому подобные документы XVII–XVIII вв. К графическим – разного рода изображения псковской крепости: прежде всего, на росписном плане 1644 г., иконах с различным посвящением, военных планах города XVIII–XIX вв. Все это невероятно большой и разнообразный по своему содержанию источник. Пока же я ограничусь лишь двумя документами из этого блока.

Первый – это текст Извлечения из годовой сметы за январь 1699 г. (СМАМЮ, 1914. С. 219–287).

Интересен он тем, что содержит в себе два блока взаимоисключающей информации. В одном фрагменте записано: «…В Середнем городе ото Власьевских ворот к Рыбницким воротам – Домантова городовая стена каменная, а в ней двои проезжие ворота, мерою с вороты 70 сажень с аршином, в том же числе в стене меж зубцов 102 боя». То есть здесь речь идет о четком расположении, габаритах и конфигурации совершенно целой стены.

Второе дополнительное уточнение документа уже ставит в тупик: «…А в тое Домантовой стене… Да Приказная палата, строение каменное ж. Дворцовой приказ – строение деревянное. Да в той Домантовой стене построена вновь полата, где живут просящие старцы» (Там же. С. 223). Если «полату», «где живут просящие старцы», идентифицировать как строение, поставленное на месте будущей консистории, что на основании правовых аспектов землевладения вполне логично, то она была поставлена на саму трассу стены. То же выявлено археологами и в отношении Приказной палаты 1695 г. Значит, «Домантова стена» ко времени составления документа (1699 г.) была значительно застроена.

Второй документ блока, важный нам сегодня, – это Опись Пскова 1701 г. (РГАДА. Ф. 137. Оп. Псков. Д. 43. Л. 12. Архив Псковского филиала института «Спецпроектреставрация»). Из нее мы узнаем следущее: «…Город Домантова стена а из него двои ворота в Середней город без затворов одне на площадь середние а другие у Власьевских ворот Болшого города с площади городовая Домантова стена осыпалась до полова места 10 сажен что была Домантова ж стена до городовые стены что от Псковы реки а в углу тое Домантовы стены была церковь каменная Сошествия Святого Духа. И тое церкви стены и Домантова стена на 10-ти саженях вся до пошвы розсыпалась. А мера городу в длину 63 саж., поперек 47 саж.».

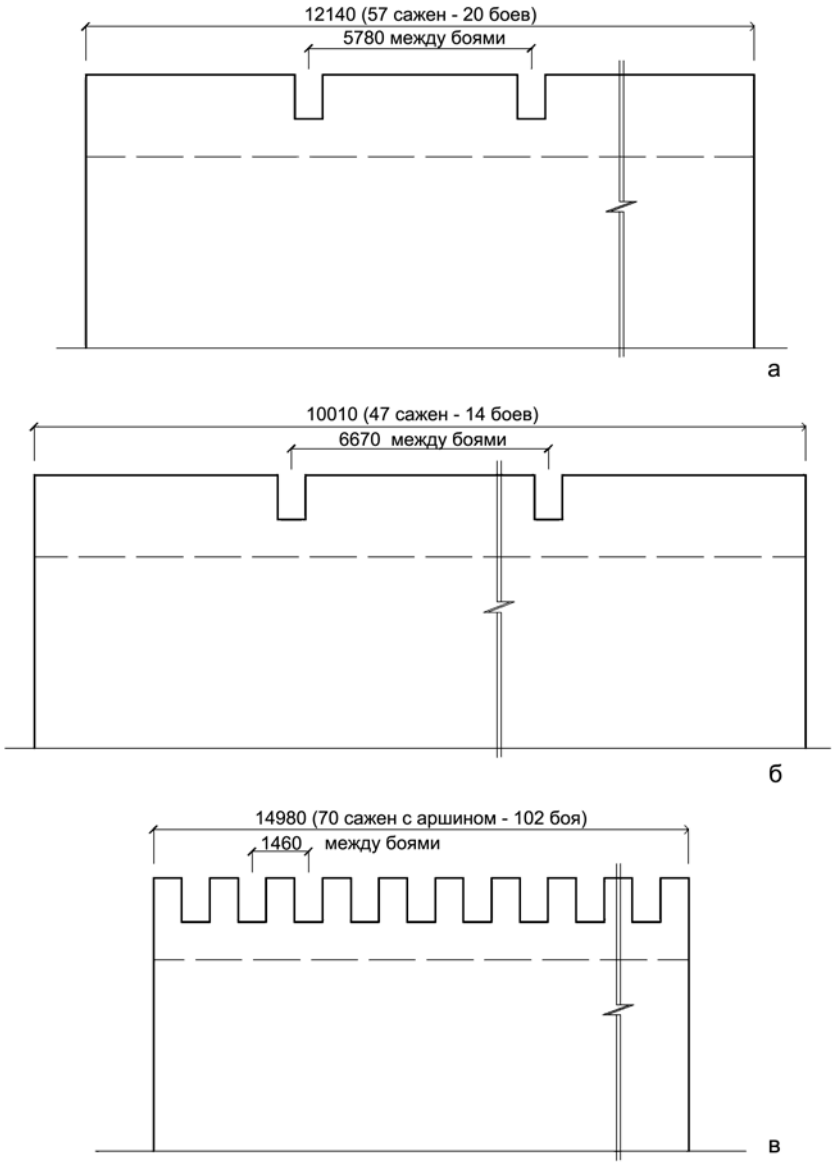


Рис. 7. Сравнительная схема силуэтов крепостных стен по городовой смете 1699 г.
а – схема стены между Мстиславской и Круглой башнями; *б* – схема стены от Васильевской башни по Трупеховские ворота; *в* – характер и силуэт «Довмантовой стены каменной»

Таким образом, в 1701 г. средняя часть так называемой «Домантовой стены» была застроена Приказной палатой и палатой «просящих старцев», а практически весь ее восточный конец, от палаты «просящих старцев» до «городовой стены» (примерно 10 сажен), вообще был разрушен. Важно отметить и подчеркнуть, что в документе 1701 г. «Домантова стена» и «городовая стена» – это стены разного статуса.

Очевидно, что и в 1699 г. «Домантовой стены» практически не было в том целостном виде, в каком ее описывает документ в первой своей части. Повторюсь, переписчик, видимо, переписал в документ 1699 г. текст более раннего описания стены. Но в какой момент могло быть составлено впервые подобное описание стены?

Графическая реконструкция силуэта фронта «Домантовой стены», составленная согласно первой части текста документа 1699 г., значительно отличается от силуэтов всех остальных «городовых стен» согласно тому же свидетельству. Посмотрим на схему (рис. 7).

Совершенно очевидно, что подобный силуэт «Домантовой стены» всеми своими внешними параметрами очень походит на силуэты крепостных стен кремлей рубежа XV–XVI вв. (рис. 8). Вполне вероятно, что это не простое совпадение. Это не мода и не стиль. Скорее всего, профиль и силуэт стен кремлей рубежа XV–XVI вв. – это очередное фортификационное новшество, определяемое новейшими для тех лет требованиями, а следовательно, и хорошо датирующий эти сооружения фактор.

Поэтому в завершение обзора свидетельств лишь двух документов XVII–XVIII вв. позволю себе высказать предположение, что стена подобного силуэта могла появиться в Пскове уже только на рубеже XV–XVI вв. Возможно, именно по этой причине с начала XVI в. летописцы уже не путались в топонимах, что отмечено выше.

В тот период в Пскове сидели уже московские воеводы, а строительством отдельных участков стен Крома, в частности, в 1517 г., занимался уже некто Иван Фрязин (ПЛ, 1955. С. 260), возможный близкий знакомец Великого князя Московского Ивана Васильевича (Иван Фрязин // Википедия).

Предположение о его участии в подновлении так называемой «Домантовой стены» на рубеже XV–XVI вв. не безосновательно, т. к. именно Ивану Фрязину приписывается, например, строительство Нижегородского кремля. Псковским промосковским военачальникам того времени могли навязать свыше и других зарубежных фортификаторов – Фрязиных, нужных Москве. Не исключено и такое.

Итак, в итоге всего изложенного, считаю возможным заключить, что так называемая «Домантова стена» Пскова, по всей видимости, была сооружена до времени правления князя Довмонта. Поновленная по старому основанию в конце XIV в., стена, вероятнее всего, стала мемориалом князю и одним из городских исторических символов. В начале XVI в., последний раз за свою средневековую историю, стена могла быть вновь подновлена, возможно, при участии иностранного специалиста – Ивана Фрязина.

В 1373 (1374) г. летописью отмечен факт сооружения храма: «…святый Тимофей Доманта князя поставлена бысть камена». То есть именно в 70–80-е гг. XIV в. могла начаться активная фаза канонизации любимого псковичами князя.

Наименовав какую-то стену «Домантовой», псковичи лишний раз могли подчеркнуть этот важный для их истории факт. Такое вполне укладывается в предположение о том, что «Домантова стена» с конца XIV в. – лишь мемориал, но не оборонительное сооружение.

Вопрос о датировке каменного основания этой стены, на мой взгляд, должен быть археологически пересмотрен специально с целью датировки именно этой кон-

а

б

в

Рис. 8. Характер и силуэт крепостных стен кремлей рубежа XV–XVI вв.
а – Московский кремль 1485–1495 гг.; *б* – Новгородский кремль 1478–1490 гг.; *в* – Нижегородский кремль 1515 г.

струкции и ее перестроек, а не в процессе решения задач археологических атрибуций соседних объектов, как это было ранее.

Возвращаясь к началу, подчеркну особую значимость атрибуции каменного основания именно этой стены для дальнейших исторических исследований в Пскове вообще; предлагаю уважаемым коллегам археологически проверить эту новую версию.

Литература

Губайдуллин А.М., 2003. Фортификационный словарь. Казань.

Ершова Т.Е., Колосова И.О., Лабутина В.В., 1994. Исследование у Приказной палаты в Пскове (1192 г.): вопросы стратиграфии // АИППЗ. Псков.

Иван Фрязин. [Электронный ресурс.] // Википедия.

Лабутина И.К., 1985. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.

ПЛ – Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2.

СМАМЮ – Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1914. Т. 6.

Харлашов Б.Н., 2007. Охранные археологические раскопки в Пскове в 1997–2005 годах // АИППЗ: Мат. LII заседания.

Яковлев В.В., 2000. История крепостей. М.

А.М. Салимов, В.В. Данилов

Тверской княжеский дом и псковское зодчество первой половины XIV в.

A.M. Salimov, V.V. Danilov. The house of Tver Princes and Pskov architecture of the first half of the 14th century

Abstract. Church of Mikhail and Gavriil Archangels on Gorodets in Pskov survived within the Staroye Zastenje, which was a part of the city protected by the wall of 1309. The church foundation was laid in 1339, the same year when Prince Aleksandr Mikhailovitch of Tver was executed in the Golden Horde. These events could be connected one with another for since 1327 up to 1337 Aleksandr Mikhailovitch was a prince of Pskov, and the territory of Gorodets was occupied by prince's administration. We can't also exclude the building of stone churches erected in Pskov and its suburbs in the first half of the 14th c. not by masters from Novgorod the Great (predominant point of view today), but by Pskov builders themselves. Their creative potential could be enriched at some stage by Tver architects.

Ключевые слова: Псковское зодчество, церковь Михаила и Гавриила Архангелов на Городце, князь Александр Михайлович Тверской

Основным побудительным мотивом для появления этой работы стали два события, которые оказались отмечены во всех трех псковских летописных сводах в достаточно краткой по объему статье 1339 г. В ней говорится о гибели в Орде князя Александра Михайловича Тверского и его сына Федора, а также о строительстве в Пскове церкви Михаила и Гавриила Архангелов. В Первой и Третьей Псковских летописях сначала сообщается о закладке каменного Архангельского храма, а затем о смерти тверских князей, случившейся «октября в 28 день» (Псковские летописи, 1941. С. 18; 1955. С. 92). Иначе расставлены эти два известия во Второй Псковской летописи. Здесь на первом месте – сообщение об убий-

стве князя Александра и его сына. При этом их кончина перенесена составителем свода на месяц раньше – «септеврия в 28 день». И лишь затем фиксируется закладка церкви Михаила и Гавриила Архангелов. Добавим, что в этом случае указывается место, где в Пскове был заложен новый каменный храм, – «в Городце» (Псковские летописи, 1955. С. 24).

Церковь Михаила Архангела на Городце 1339 г. и по сей день существует в Пскове, принадлежа к числу немногочисленных памятников архитектуры первой половины XIV в., уцелевших на Псковской земле. По мнению исследователей, изучавших первоначальный рельеф древнего Пскова, церковь Михаила Архангела стоит на юго-западном краю невысокого всхолмления, которое некогда на 4–5 м возвышалось над окружающей местностью. Площадь возвышенности составляла примерно 200×220 м (*Яковлева, Татарников*, 2010. С. 150. Рис. 1), поэтому надо полагать, что и в начале XIV в. всхолмление было заметно выделено в рельефе города, в данном случае – в рельефе Старого Застенья. Сам же топоним «Городец» указывает на некую укрепленную площадку. Очевидно, что только часть плато могла быть занята укреплением, характер которого пока неизвестен. Это могло быть и достаточно мощное деревоземляное сооружение, и простой частокол, но последнее, все-таки, на наш взгляд, маловероятно.

И.К. Лабутина, анализируя термин «Городец», предположила, что после сооружения в 1309 г. к югу от Городца новой каменной стены необходимость в этих сооружениях отпала, и уже в начале XIV в. этот топоним стал отмирать (*Лабутина*, 1985. С. 53). Следовательно, в начале XIV в. (вероятно, после 1309 г.) должны были быть разобраны и укрепления Городца. Однако эта версия не кажется нам бесспорной. Вероятно, если бы к 1339 г. укрепление перестало существовать, его назвали бы «Городищем», а не «Городцом». Поэтому не исключено, что и во времена Александра Тверского здесь сохранялись оборонительные сооружения.

Если же, вслед за А.Е. Мусиным, допустить, что созданный ориентировочно в конце X – середине XI в. Городец (*Лабутина*, 1985. С. 53) изначально не только служил небольшой крепостицей на подступах к городу, но и был «своеобразным форпостом княжеской власти на городской территории» (*Мусин*, 2010. С. 56, 57), то тогда факт совмещения в одной летописной статье известия о гибели тверских князей и сообщения о закладке Архангельского храма приобретает особое звучание. Ведь если на территории Городца князья и их представители «осуществляли свою судебную или административную власть» (Там же. С. 57), то тогда понятна постройка здесь храма с «княжеским» посвящением, поскольку именно князьям нередко принадлежала инициатива создания церквей во имя главы Христова воинства. Если гипотеза о связи князя и его администрации с Городцом верна – а Мусин приводит ряд убедительных аргументов из польской истории и указывает на похожую ситуацию в Руссе (Там же), – то в этом случае аналогично могла быть территориально организована княжеская власть и во времена Александра Михайловича Тверского. Поэтому, если принять вариант очередности событий, зафиксированный под 1339 г. Второй Псковской летописью, то у нас есть все основания предположить, что каменный Архангельский храм на Городце создавался как своеобразный памятник тверскому князю, 10 лет занимавшему псковский стол и немало сделавшему для общественно-политического и военного роста Псковской земли.

Александр Михайлович Тверской действительно оставил заметный след в истории Пскова. История его вокняжения и княжения здесь довольно хорошо известна. Напомним основные факты. В августе 1327 г. великий владимирский князь Александр Тверской, по сути дела, возглавляет восстание тверичей, во время которого были уничтожены ордынец Шевкал и его отряд. Узнав о случившемся, хан Узбек направил в Тверское княжество рать, которая должна была сурово покарать непослушных. При подходе ордынцев князь Александр покинул Тверь и в итоге вместе «съ княгинею и съ детми своя» зимой 1327/1328 г. оказался в Пскове (ПСРЛ, 2000. Т. 15. Стб. 44). Псковичи приняли его «честно и крест к нему целоваше», обещая «не выдати князем рускым» (Псковские летописи, 1955. С. 23).

Весной 1329 г. по инициативе Орды и под руководством великого владимирского и московского князя Ивана Даниловича Калиты был организован большой поход на Псков (ПСРЛ, 2000. Т. 3. С. 342). Согласно Псковским летописям, тверской князь хотел покинуть город, но псковичи уговорили его остаться. Тогда Калита предложил митрополиту Феогносту наложить на Псков проклятие. Поняв, что отлучение от церкви станет серьезной проблемой для псковичей, Александр принял решение уйти в Литву, однако попросил не выдавать жену и детей. Псковичи это обещание дали, после чего Александр покинул город. «Тогда бяшеть во Пскове туга и печаль и молва многа по боголюбивомъ князи Александре». В итоге конфликт разрешился мирно, и Феогност снял проклятие (Псковские летописи, 1955. С. 91, 92).

Но буквально накануне отъезда в Литву Александр Михайлович стал участником такого крупного градостроительного деяния, как строительство в 1330 г. Изборской крепости. Летописец отметил, что произошло это «еще при князи Александре» (Псковские летописи, 1955. С. 23).

Возвратившись из Литвы в Псков, бывший тверской, а теперь псковский, князь развил бурную деятельность. Идя навстречу пожеланиям псковичей и, вероятно, учитывая внешнеполитические интересы приютившей его Литвы, Александр Михайлович активизировал процесс создания самостоятельной псковской епархии. Решая эту задачу, он отправил на Волынь к митрополиту претендента на занятие псковской кафедры – иеромонаха Арсения, прося Феогноста утвердить его кандидатуру. И хотя миссия псковичей оказалась неудачной – митрополит отказался рукополагать Арсения (НПЛ, 1950. С. 343, 344), – этот факт, по всей видимости, не истребил стремления Александра Михайловича быть полезным Пскову.

Очевидно, что бывший тверской князь был активным участником внутри– и внешнеполитической жизни Псковской земли. Не был он, вероятно, чужд и законодательной деятельности. И здесь в качестве возможного примера мы можем привести грамоту некоего князя Александра и посадника Твердила смердам-рожитчанам. Ссылаясь на описание печати, приложенной к этой грамоте, и принимая во внимание определение В.Л. Яниным этой печати как буллы великого князя Александра Невского, Ю.Г. Алексеев счел ее результатом деятельности в Пскове Александра Невского (ГВНиП, 1949. С. 337, 338). Однако оригинал грамоты не сохранился, а ее наиболее древний список, в заголовке которого описана одна из сторон свинцовой печати с изображением всадника, датируется XVI в. Не была ли это булла с надписью «печать княжа Александрова»? Если так, то грамоту вполне можно отнести ко времени княжения в Пскове Александра Тверского. На сегодняшний день известно пять экземпляров печатей «княжа А(О)лександрова». Существуют два ос-

новных мнения об их принадлежности. В.Л. Янин и П.Г. Гайдуков (1998. С. 72, 73) приписывают печати некоему служилому литовскому князю XIV в. Александру, а С.В. Белецкий (1985. С. 231–240) связывает их с Александром Михайловичем Тверским. На наш взгляд, спор этот разрешился в 1985 г., когда аналогичная печать была обнаружена в Твери в постройке с дендродатами 1318–1324 гг. (*Романова, Романов*, 2011. С. 123–128). Подобный тип печати Александр Михайлович использовал, вероятно, только как удельный тверской князь и как князь псковский. Напомним, что за исключением тверского экземпляра все печати князя Александра были найдены только в Пскове.

Высказанные предположения, по-видимому, как гипотеза имеют право на существование, однако версия о мемориальном значении церкви Михаила и Гавриила Архангелов содержит ряд противоречий. Наиболее существенным из них является иная очередность событий в Первой и Третьей Псковских летописях, помещающих известие о гибели князя после сообщения о закладке церкви. При этом, даже если предположить, что храм все же начали строить после кончины князей, его закладка вряд ли состоялась бы тогда в 1339 г., поскольку указанная в этих источниках дата их гибели – 28 октября – практически не дает возможности вписать в технологические параметры того времени закладку фундаментов под каменный храм. Хотя, конечно же, мы не можем исключать его заложения в конце ноября – начале декабря, когда весть о мучительной кончине тверских князей могла достичь Пскова.

Еще одно противоречие заключается в том, что в наименовании церкви отсутствует тезоименный святой князя. На эту роль не подходит ни Михаил Архангел, ни Гавриил Архангел. Это, правда, могло быть обусловлено отсутствием к тому времени на Руси традиции сооружать храмы с «Александровским» престолом. Тем не менее, отмеченное под 1339 г. наименование церкви с некоторой натяжкой может быть увязано с предлагаемой версией, поскольку в одном посвящении подчеркивается и воинский статус Александра Михайловича, и его связь с еще одним мучеником – его отцом, великим князем Михаилом Ярославичем Тверским. А наличие в названии двух архангелов – Михаила и Гавриила – может быть истолковано как соотнесение в двухчастном посвящении столь близкого тверским (и не только тверским) князьям главы Христова воинства (Михаила Архангела) и Архангела Гавриила, который являлся небесным покровителем одного из наиболее почитаемых в Пскове святого – князя Всеволода-Гавриила. Таким образом, наименование храма оказывается проникнуто почитанием отличившихся на ниве служения Пскову князей. Заметим, что в этом случае не обязательно связывать закладку церкви Михаила и Гавриила Архангелов с известием о гибели тверских князей в Орде. Этот храм могли заложить еще весной 1339 г. в память о недавно (в 1337 г.) покинувшем Псков Александре Михайловиче (Псковские летописи, 1941. С. 17). Не сразу уехали из Пскова жена и дети князя, они вернулись в Тверь только осенью – зимой 1338 г. (НПЛ, 1950. С. 349). Как знать, не на средства ли этой семьи в 1339 г. началось строительство Архангельского храма на Городце.

Несмотря на привлекательность гипотезы, предполагающей тесную взаимосвязь двух событий в летописной статье 1339 г., у исследователей, знакомых с историей Пскова, сразу возникает вполне справедливый вопрос: а как же тогда быть с Княжьим двором, который, опираясь на источники, И.К. Лабутина локализует на берегу р. Великой рядом с Довмонтовым городом (Домантовой стеной), на рассто-

янии около 200 м к северу от церкви Михаила Архангела на Городце (*Лабутина*, 1985. С. 214)? Получается, что если прав А.Е. Мусин, то псковские князья имели в центре города (но за пределами Крома и Домантовой стены) две резиденции. В одной – на берегу Великой у стены Довмонтова города – находились они сами, а в другой – их представители. А если это так, то князь, живя на Княжьем дворе, вне всякого сомнения, должен был посещать свой «форпост» на Городце. Более того, можно даже предположить, что он проводил «на службе» значительно больше времени, чем в жилой зоне. Не этим ли обусловлено единственное упоминание Княжьего двора в летописи – в связи со строительством здесь в 1384 г. каменного Воздвиженского храма (Псковские летописи, 1941. С. 24)? Хотя подчеркнем, что источники фиксируют Воздвиженскую церковь на Княжьем дворе еще в первой трети XIV в. (*Лабутина*, 1985. С. 213; *Калугин*, 1994. С. 56–61).

Некоторая «невыявленность» Княжьего двора в источниках, его возможная равноценность Городцу подчеркиваются и тем фактом, что каменный храм на Городце строят на несколько десятилетий раньше Воздвиженского. В связи с этим не исключена и иная идентификация для двух рассматриваемых нами княжеских резиденций, в соответствии с которой именно на территории Городца помещалась основная резиденция князя, а Княжий двор был, так сказать, административным центром (именование этой территории двором предполагает наличие у нее обычной для усадьбы ограды – частокола). Местоположение двора вблизи Старого Торга, рядом с Довмонтовым городом, недалеко от Крома с его Троицким собором и вечевыми собраниями, вряд ли способствовало спокойной жизни князя, его семьи и приближенных. Скорее, Княжий двор предназначался для отправления судебных и иных административных функций, в то время как на Городце (с его предполагаемыми достаточно мощными укреплениями) княжеский двор был защищен от превратностей шумной жизни вечевого города (добавим, что есть некоторые археологические свидетельства пребывания в Городце некоего значительного лица, но эта тема требует дополнительных изысканий).

Добавим к сказанному, что возможным аргументом в пользу существования двух разнесенных на местности княжеских храмов может служить Ярославово дворище в Новгороде, где связанный с Княжьим двором Никольский собор стоит на значительном расстоянии (около 200 м) от церкви Иоанна на Опоках, возведенной в первой трети XII в. князем Всеволодом в честь рождения у него сына Ивана.

Нам неизвестно, был ли у каменной церкви Михаила Архангела деревянный предшественник, поскольку ранее 1339 г. источники не фиксируют на Городце какой-либо культовой постройки, да и сам Городец впервые упоминается только в 1336 г. в связи с пожаром, который начался в районе Городца (Псковские летописи, 1941. С. 17). Но именно пожар мог стать причиной гибели деревянного Архангельского храма и последующего строительства на этом месте в конце 30-х – начале 40-х гг. XIV в. новой одноименной церкви. И если деревянный предшественник у церкви Михаила Архангела действительно существовал, то не исключено, что именно в нем в 1333 г. новгородский архиепископ Василий Калика крестил родившегося в Пскове сына Александра Тверского – Михаила. («Того же лета… владыка Василий… поиха в Плесков, и прияша его плесковици с великою честью понеже не бывал бяше владыка в Плескове 7 лет; и у князя Олександра крестил сына Михаила»: НПЛ, 1950. С. 345.) Заметим, что Архангельскому храму (уже

в каменном исполнении) владыка отводит особую роль в 1352 г., когда, приехав в Псков, проводит службы только в четырех церквях: Троицком соборе, церкви Иоанна Богослова, соборе Снетогорского монастыря и в Михайловском храме на Городце (НПЛ, 1950. С. 100).

Допуская возможность строительства церкви Михаила и Гавриила Архангелов на средства семьи Александра Михайловича Тверского, мы неизбежно касаемся вопроса региональной принадлежности зодчих, возводивших этот храм. Сегодня в литературе существует устоявшаяся, хотя и не всеми принятая, точка зрения, что начальный этап в развитии псковской каменной архитектуры, охватывающий первую половину – середину XIV в., был связан с деятельностью новгородских мастеров (*Седов Вл. В.*, 1992. С. 64). Соответственно, не явилась исключением и Архангельская церковь на Городце.

Псковские храмы этого периода с позиции иконографии и типологии действительно близки синхронным новгородским памятникам, однако по мнению А.И. Комеча, «псковские церкви обладают бесспорным своеобразием, которое связано не с вариантами иконографии, а с пропорциями форм, особой выразительностью пространства и массы, трактовкой поверхностей – всего того, что можно отнести к особенностям стилистического характера. Это связано с иной строительной техникой, с иными ремесленными навыками и с чем-то еще в процессе формирования заказа и строительства, чего мы не знаем, но что определяет конечное своеобразие памятников» (*Комеч*, 1993. С. 98). Комеч считал, что Псков, учитывая масштабы крепостного строительства, сформировал собственные строительные кадры, которые выработали ремесленные и строительные приемы, определившие художественный язык псковского зодчества еще в первой половине XIV в. (Там же. С. 99).

Точка зрения исследователя представляется оправданной, поскольку стоящий на известняке город уже на ранней стадии своего существования неизбежно должен был бы обратиться к этому строительному материалу. Сегодня сложно назвать точную дату строительства каменного псковского Крома, но результаты археологических исследований позволяют утверждать, что каменные стены Довмонтова города появились в 70-е гг. XIII в. (*Ершова, Колосова, Лабутина*, 1994. С. 19), задолго до возобновления полноценного строительства в Новгороде. По мнению О.М. Иоаннисяна, в 1287 г. псковские мастера могли принять участие в сооружении каменного Борисоглебского храма в Ростове (*Иоаннисян*, 1994а. С. 82).

По-видимому, формирование псковской архитектурной школы проходило непросто, о чем свидетельствует более чем двадцатилетний разрыв между собором Снетогорского монастыря (1310–1311 гг.) и Изборской крепостью (1330 г.). Однако и в случае с Рождественским храмом Снетогорского монастыря маловероятно участие в его строительстве новгородских зодчих. Напомним, что первое десятилетие XIV в. отмечено в Новгороде созданием нескольких каменных зданий, но до 1310 г. это, как правило, сооружение одной постройки, и то не каждый год. Лишь под 1302 г. летопись фиксирует начало ремонта Борисоглебской церкви и закладку новых оборонительных сооружений кремля (НПЛ, 1950. С. 91).

Урожайным оказался в Новгороде 1310 г., когда были выстроены сразу два каменных храма: Успенская церковь «на Коломцах» и Покровская «на Дубенке» (Там же. С. 93). Но в этом же году началось и в 1311 было завершено строительство собора Снетогорского монастыря в Пскове (Псковские летописи, 1955. С. 88).

Поэтому вряд ли новгородцы смогли бы создать этот храм. В данном случае более вероятном представляется участие самих псковичей. В 1309 г. они, по всей видимости, возвели каменную стену к югу от Довмонтова города, а на следующий год заложили Рождественский храм. Отметим, что этот период характеризуется обострением отношений между Псковом и Новгородом (*Валеров*, 2004. С. 224–226), что в еще меньшей степени способствовало бы приглашению новгородских зодчих. Но если в 1309 г. при сооружении крепостной стены можно было обойтись без высокопрофессионального архитектора, то для строительства собора Снетогорского монастыря такой, вне всякого сомнения, был необходим. И если бы такового не оказалось в тот период в городе, то псковичам не обязательно было обращаться к Новгороду. Рядом была союзная Литва, где в середине XIII в. был выстроен кафедральный собор в Вильнюсе (*Иоаннисян*, 1994б. С. 23, 24). А Литовское княжество в первой половине XIV в. вообще рассматривалось как часть русских земель (*Валеров*, 2004. С. 236).

Собственными строительными кадрами располагала граничащая с Псковской землей Ливония, где в XIII в. активно развивались рижская и тартусская архитектурные школы, которые, кстати, могли способствовать появлению на фасадах Рождественского храма романо-готического декора (*Седов Вл.В.*, 1997. С. 406–408). Наконец, не исключена и Тверь, ведь найденный здесь в 1980-е гг. Успенский собор Отроча монастыря (его датируют второй половиной – концом XIII в.) по своему плану и технико-технологическим особенностям вполне укладывается в псковско-новгородскую архитектурно-строительную традицию XIII–XV вв. (*Салимов, Булкин*, 2007. С. 35, 44). Тем более что тверской храм, так же как и первые послемонгольские постройки Пскова, сложен без использования кирпича, в то время как в новгородских памятниках уже с конца XIII в. применяется кирпич. К сказанному добавим, что Тверь в 1307–1314 гг., в тот период, когда ярлык на великое княжение принадлежал Михаилу Ярославичу Тверскому (и велось строительство собора Снетогорского монастыря), относилась к числу союзников Пскова (*Валеров*, 2004. С. 226).

Заметим, что Вл. В. Седов, сторонник «новгородского» происхождения зодчих, выстроивших в начале – первой половине XIV в. ряд псковских храмов, за несколько лет до выхода в 1992 г. своей обобщающей работы допускал, что источником повышенных и ступенчатых сводов в псковских постройках 1330-х – 1340-х гг. могла быть Северо-Восточная Русь. При этом в качестве претендентов на роль источника предлагались Тверь или Москва (*Седов Вл.В.*, 1985. С. 18).

Проблема истоков подобных конструктивных особенностей действительно вряд ли когда-либо будет решена, однако бесспорным остается тот факт, что ступенчатые сводчатые конструкции так и остались единичным (или единичными) явлением в Новгороде, но получили широкое распространение в Пскове.

Тверской архитектурный потенциал мог быть задействован и в период строительства Изборской крепости. Ведь вместе с князем Александром накануне разгрома Твери в 1327 г. могли уйти и зодчие, которые до 1327 г. работали в Твери исключительно по княжеским заказам, как свидетельствуют источники, в соответствии с которыми и Спасо-Преображенский собор (1285–1290 гг.), и Успенский собор Отроча монастыря (вторая половина – конец XIII в.), и собор Федоровского монастыря (1323–1325 гг.) были выстроены по заказу представителей тверского княжеского дома. Поэтому, может быть, не стоит искать источник архитектурных особен-

ностей Никольской церкви в Изборске (1330-е – 1340-е гг.) только в Новгороде. Тем более что предлагаемая в качестве аналога изборскому храму Благовещенская церковь 1342–1343 гг. на Рюриковом городище под Новгородом (*Седов Вл.В.*, 1999. С. 391–404) имеет ряд черт, не вписывающихся в контекст псковского зодчества этого времени. Изборский храм и церковь на Городце в Пскове не имеют круглых западных столбов и двухуступчатых фасадных лопаток, которыми наделен новгородский храм 1342–1343 гг., в силу чего интерьер и экстерьер псковских построек выглядят менее изящно. А как показывают недавние архитектурно-археологические исследования Входоиерусалимского храма 1336–1337 гг. в Новгородском кремле, и эта новгородская церковь имела круглые западные столбы и двухуступчатые фасадные лопатки (*Антипов и др.*, 2011. С. 84–93). Следовательно, вышеуказанные элементы появились до строительства Архангельского храма на Городце и, возможно, до создания Никольской церкви в Изборске. А поскольку эти элементы явно оказали положительное влияние на храмовый облик, они вряд ли остались бы уделом только архитектурных сооружений Новгорода. Поэтому резоннее предположить, что в Пскове в 1330-е – 1340-е гг. обошлось без участия новгородских мастеров. Думается, что псковское зодчество развивалось как самостоятельная часть общей для Северо-Западной Руси типологии, имеющей свои стилистические особенности.

И если эта версия верна, то почему бы не предположить, что церковь Михаила и Гавриила Архангелов на Городце в Пскове – это плод творческих усилий псковских зодчих, потенциал которых на каком-то этапе мог быть обогащен тверскими мастерами.

Литература

Антипов И.В., Булкин Вал. А., Жервэ А.В., Родионова М.А., 2011. Изучение церкви Входа Господня в Иерусалим 1336–1337 гг. в Новгородском кремле // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород.

Белецкий С.В., 1985. Печати «княжа Олександрова» // СА. № 1.

Валеров А.В., 2004. Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб.

ГВНиП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Ершова Т.Е., Колосова И.О., Лабутина В.В., 1994. Исследования у Приказной палаты в Пскове (1992 г.): вопросы стратиграфии // АИППЗ, 1993.

Иоаннисян О.М., 1994а. О возобновлении монументального строительства на Руси после монгольского нашествия // Древний Псков: Исследования средневекового города: Мат. конф. (20–21.05.1992 г.). СПб.

Иоаннисян О.М., 1994б. Основные тенденции развития древнерусского зодчества в XIII веке // Искусство Руси, Византии и Балкан XIII века: Тез. докл. СПб.

Калугин В.В., 1994. Андрей Микулинский и Козьма Попович – псковские писцы XIV в. // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв. СПб.

Комеч А.И., 1993. Каменная летопись Пскова XII – начала XVI в. М.

Лабутина И.К., 1985. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.

Мусин А.Е., 2010. Церковь и горожане средневекового Пскова: Историко-археологическое исследование. СПб.

НПЛ – Новгородская первая летопись. М.; Л., 1950.

ПЛ, 1941 – Псковские летописи. М.; Л. Вып. 1.

ПЛ, 1955 – Псковские летописи. М. Вып. 2.

Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 3.

Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 15.

Романова Е.А., Романов В.В., 2011. Еще раз о принадлежности печатей «…княжа Олександрова» // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.; Псков. Вып. 57.

Салимов А.М., Булкин Вал. А., 2007. Успенский собор тверского Отроча монастыря // Архитектурное наследство. М. Вып. 47.
Седов Вл. В., 1985. Псковская архитектура первой половины XIV в. // АИППЗ.
Седов Вл. В., 1992. Псковская архитектура XIV–XV веков: Происхождение и становление традиции // Архив архитектуры. М. Вып. III.
Седов Вл. В., 1997. Церковь Николы на Липне и новгородская архитектура XIII в. во взаимосвязи с романо-готической традицией // Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб.
Седов Вл. В., 1999. Церковь Благовещения на Городище. XIV век // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.
Яковлева Е.А., Татарников О.М., 2010. Первоначальный рельеф древнего Пскова и его влияние на развитие городской среды // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М. Т. II.
Янин В.Л., Гайдуков П.Г., 1998. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг.

А.А. Михайлов

Орудия Псковской крепости XVII века: конструктивные особенности, классификация, обеспеченность боеприпасами

A.A. Mikhailov. Weapons of the 17th-century Pskov fortress: construction features, classific - tion, ammunition security

Abstract. Pskov, one of the main outposts of Moscow state in the West, had in the 17th c. an impressive artillery park. Various documents are used by the author to analyze the artillery of the city in the report: hand-painted copies, commerce books, local voevodes' reports to Moscow, etc. The weapons are classified according to their main technical parameters: size or caliber (in this case the weight specified in the weapon's gauge was transformed to metric characteristics) and barrel length (metric and gauge). The placement of weapons in the fortress and ammunition security was also studied.

The guns were placed in the city with consideration for the fortress features. The most powerful defensive nodes were the city gates, flanking towers, river crossing etc. It is indicative that the number of guns on the positions stayed stable, almost unchanged with the increase of the park as a whole. Despite caliber diversity, certain features of unification can be traced. Each gun was supplied with strictly defined number of cannonballs, which have remained unchanged for decades. The fortress had as well mortars, designed for high angle fire, charged guns with removable bolts, and «leather guns» with thin copper leather-wrapped trunks.

In the whole the weapons park composition of Pskov clearly reflects the state of the domestic artillery in the 17th c. with the search for optimal designs and techniques of effective use of weapons typical for the time.

Ключевые слова: артиллерия, Псковская крепость, калибр, классификация орудий

В XVII в. видное место в составе вооруженных сил России занимала артиллерия, ставшая, в частности, основным средством обороны и взятия крепостей. Многие существенные тенденции в ее развитии прослеживаются на примере «наряда» Псковской крепости. Для его анализа в предлагаемой статье использованы следующие документы: 1) «Росписной список» 1633 г. (СМАМЮ, 1914. С. 40–53); 2) «Опись городов» 1678 г. (ДАИ, 1875. С. 307–309); 3) «Сметный список» 1683 г. (ДАИ, 1867. С. 417–429) ; 4) «Годовая смета» 1699 г. (СМАМЮ, 1914. С. 216–288).

Существенным фактором, затрудняющим изучение русской артиллерии XVII в., является унаследованная от Средневековья запутанная и неопределенная терминология, которая могла отражать самые различные параметры орудий: размеры, длину ствола, внешнее оформление и др. Именно разнообразие терминологии стало одной из основных причин того, что у исследователей XIX – начала XX в. сложилось представление о «хаосе», якобы царившем в материальной части русской артиллерии до военных реформ Петра I.

Наиболее надежными признаками для классификации орудий могут служить не их наименования как таковые, но калибр и длина ствола (к сожалению, далеко не всегда указанные в документах). С другой стороны, многие элементы средневековой артиллерийской терминологии устойчивы, содержат ценную информацию для технической характеристики орудий, отражают совокупность неких повторяющихся признаков.

Общая численность псковского орудийного парка имела тенденцию к росту. По данным 1633 г., на вооружении города состояло 111 орудий, стрелявших ядрами или «дробом» (предшественником картечи), из которых 55 были размещены на позициях, а 56 находились на хранении на Казенном дворе. Кроме того, в Пскове имелось 289 затинных пищалей, которые представляли собой своего рода крепостные ружья.

В 1678 г. общая численность орудий составляла 201 единицу, из которых на позициях, судя по структуре документа, находилось не менее 70. Численность затинных пищалей несколько уменьшилась и равнялась 266.

В документе 1683 г. зафиксированы близкая численность орудий (205) и абсолютно аналогичная численность затинных пищалей. На позициях стояли 68 орудий и 1 затинная пищаль. Меньшее в сравнении с общим количественным ростом увеличение численности орудий, выведенных на позиции, представляется вполне закономерным, ибо расстановка «наряда» жестко ограничивалось возможностями городских укреплений.

К 1699 г. численность орудий несколько снизилась и составила 185 единиц, при этом многие орудия были сняты с позиций по причине крайне удручающего состояния укреплений.

Следуя логике документов, представляется целесообразным рассмотреть сначала орудия, выведенные на позиции, затем те, что находились на хранении. В составе первых на протяжении всего рассматриваемого периода четко выделяется группа орудий особо крупного калибра.

По данным 1633 г., таковых было 8. В документе они определены как «пищали большие», но кроме того им были присвоены собственные имена. Наибольший калибр имел «Троил», стрелявший железными ядрами весом в 60 гривенок (24,5 кг; одна гривенка равнялась 409,5 г). За ним следовали: «Аспид» (45 гривенок), «Медведь» и «Лев» (40), «Соловей» и «Певец» (25), «Раномыжская» (20), «Барсук» (15).

В документе также сообщается, что ранее на вооружении Пскова состояли еще два крупных орудия: «Свиток» (40 гривенок) и «Скоропея» (25), но они в 1629 г. были отправлены в Новгород (Росписной список Новгорода… 1875. С. 162).

Все крупные орудия были отлиты из бронзы (в документах XVII в. они часто именовались «меденными» – медными) в Москве известными мастерами, причем по меньшей мере семь из них – «Троил», «Аспид», «Соловей», «Лев», «Скоропея»,

«Медведь» и «Рономыжская» – изготовлены в одном, 1590 г. Создателем 5 первых орудий являлся Андрей Чохов (отливший также «Царь-Пушку»). Изготовлением «Медведя» руководил Семен Дубинин (Росписной список Пскова… 1914. С. 42), имя автора «Раномыжской» не установлено.

Единая для большинства орудий дата изготовления позволяет предположить, что имел место некий единый заказ для вооружения Пскова, возможно связанный с началом русско-шведской войны 1590–1595 гг.

К 1678 г. на позициях оставалось 6 больших пищалей: 2 орудия («Певец» и «Барсук») исчезли с позиций и не упоминаются среди пищалей, отправленных на хранение. В дальнейшем состав группы оставался стабильным. Практически не менялись и места расположения орудий. По данным 1633–1683 гг., 5 «больших пищалей» стояли непосредственно на земле: «Медведь» – на Торговой площади, еще 4 орудия – напротив городских ворот («Троил» – Петровских, «Аспид» – Власьевских, «Лев» – Великих, и «Соловей» – Варламовских).

Совершенно иначе была размещена пищаль «Раномыжская», которую установили в верхнем бою Покровской башни (Росписной список Пскова… 1914. С. 43) . Ее подъем на башню наверняка стоил защитникам крепости немалых трудов. Однако он был вполне оправдан, ибо орудия верхних ярусов могли наиболее эффективно вести борьбу с артиллерией и инженерными сооружениями противника, а для этого требовались также снаряды достаточного веса.

Длина стволов для «больших пищалей» указана в документах 1683 и 1699 гг. Здесь, однако, существует определенная трудность, связанная с запутанностью древнерусской системы мер, и особенно с многозначностью понятия «сажень» В настоящей статье расчеты произведены исходя из предположения, что в документах использована «казенная сажень» (216 см), наиболее распространенная в XVII в.

Самым длинноствольным был «Лев» (523 см). За ним следовали пищаль «Раномыжская» (503 см), «Аспид» (497), «Троил» (476), «Медведь» (441) и «Соловей» (432). Длина каждого орудия, таким образом, индивидуальна, хотя во всех случаях велика. При этом наиболее крупнокалиберные орудия не обязательно имели самый длинный ствол.

В 1687 г. в Пскове произошел сильный пожар, во время которого погибло несколько орудий, включая пищаль «Раномыжскую» (Челобитная… 1872. С. 17). В сентябре 1688 г. в Псков был направлен из Москвы «пушечный мастер» Яков Дубина с двумя учениками, которому предписывалось отлить новую пищаль по образцу прежней (Там же. С. 18). Несмотря на некоторые трудности, Я. Дубина с поставленной задачей справился, но, как видно из документа 1699 г., отлитое им орудие из-за плохого состояния укреплений не удалось установить в Покровской башне, и его отправили на хранение в «шатер» на площади. Туда же были перенесены «Медведь» и «Аспид».

Весьма интересные перемены происходили с лафетами крупнокалиберных орудий. По данным 1633 г., 5 из 8 «больших пищалей» («Троил», «Аспид», «Медведь», «Лев», «Соловей») стояли на «волоках», т. е. на лафетах без колес. В 1678 г. у «Аспида», «Медведя» и «Соловья» в качестве лафетов указаны «станки» с колесами. Бесколесные лафеты сохранились лишь у «Льва» и «Троила». Однако «Соловей» в 1683 г. вновь оказался на «волоках», т. к. его «станок и колеса все погорели» (Сметный список… 1867. С. 424). В 1699 г. лафет «Соловья» охарактеризо-

ван как «волоковый станок» (Годовая смета… 1914. С. 248). На волоки поставили «Раномыжскую», хотя ее предшественница имела станок с колесами.

В целом можно предположить, что бесколесные лафеты постепенно выходили из употребления, однако в случае необходимости замены поврежденного лафета могла быть использована архаичная, но более простая в изготовлении бесколесная модель.

К каждому крупнокалиберному орудию было приписано четко определенное количество железных ядер, которые хранились на Казенном дворе (табл. 1).

Таблица 1. Обеспеченность ядрами крупнокалиберных орудий

Наименование орудия	Калибр (грив.)	Количество ядер, приписанных к орудию			
		1633 г.	1678 г.	1683 г.	1699 г.
«Троил»	60	250	300	300	300
«Аспид»	45	207	207	200	200
«Медведь»	40	260	260	260	260
«Лев»	40	208	250	250	250
«Соловей»	25	160	200	200	200
«Раномыжская»	20	250	240	240	240
«Певец»	25	200	-	-	-
«Барсук»	15	30	-	-	-

Мы видим, что данный показатель, несмотря на некоторые колебания, стабилен. Ядра хранились на Казенном дворе и, видимо, к орудиям доставлялись лишь в случае угрозы.

Данные об орудиях среднего и малого калибра, выведенных на позиции, представлены в табл. 2.

Таблица 2. Численность орудий среднего и малого калибров на позициях

Калибр орудия	Количество			
	1633	1678	1683	1699
6 грив.	22	19	19	15
5 грив.	-	1	1	1
4 грив.	5	2	4	3
3,5 грив.	1	1	-	-
3 грив.	1	2	1	1
2,5 грив.	-	3	4	3
2 грив.	3	2	2	3
1,5 грив.	1	5	4	11
1 грив.	3	-	-	1
0,75 грив.	1	1	1	1
Неустановленный калибр	3	1	1	1
Для стрельбы «дробом»	7	14	14	9
Для стрельбы «пулками»	-	13	12	12
Всего	47	64	63	61

Приведенные данные свидетельствуют, что на протяжении всего рассматриваемого периода наиболее видное место в городском «наряде» принадлежало орудиям весовым калибром в 6 гривенок. Их доля среди выведенных на позиции орудий, хотя и сокращалась с течением времени, все же оставалась очень высокой: 40% – в 1633 г., 23,4% – в 1699 г.

Наиболее употребительным определением для них было «пищаль полуторная меденая». В документе 1633 г. оно использовано применительно к 16 орудиям. В 3 случаях это определение дополнено собственным именем пищали – «Левик». Еще в 2 случаях пищаль названа «полуторной» без указания материала. Одна пищаль, видимо иностранного производства, охарактеризована как «лужская немецкая медная» (Росписной список Пскова… 1914. С. 46).

3 пищали 6-гривенкового калибра названы «оттирками». Этим термином обозначались укороченные модели, изготовленные из поврежденных орудий. Часто их использовали для стрельбы дробом, но в данном случае к «оттиркам» приписаны ядра. В 4 случаях в название 6-гривенковых пищалей включено определение «вестовая», т. е. предназначенная для подачи сигналов.

Размещались 6-гривенковые пищали в башнях, захабах, на раскатах, причем очень часто их ставили в верхних ярусах (в 1633 г. так были расположены 7 единиц). Такое решение представляется рациональным с точки зрения контрбатарейной борьбы: ядро весом 6 гривенок (почти 2,5 кг) было способно нанести существенный ущерб инженерных сооружениям противника, разбить неприятельское орудие и т. д.

О 18 полуторных пищалях в документе 1633 г. сказано, что они имели «станок» и «колеса» (колесный лафет). В трех случаях лафет не охарактеризован. Еще одна 6-гривенковая пищаль лежала «окована» в «колоде», но колода эта была снабжена колесами (Росписной список Пскова… 1914. С. 47).

В документах 1678, 1683 и 1699 гг. наименование «пищаль полуторная медная» остается наиболее типичным для орудий рассматриваемого калибра. Так, в «Сметном списке» 1683 г. оно применено к 15 из 19 стоявших на позициях орудий. Выделяется 1 пищаль, названная «железной чугунной» (Сметный список… 1867. С. 422), стоявшая в захабе у Сокольских ворот. В целом среди 6-гривенковых пищалей явно преобладали бронзовые («медные») орудия. Определение «вестовая» присутствует в наименованиях трех пищалей, во всех случаях вместе с определением «полуторная». «Собственное» имя «Левик» в 1683 г. носили 2 орудия (а не 3, как в 1633 г.). 2 пищали названы «отрывками». Данный термин, как и использованное в документе 1633 г. определение «оттирок», означал укороченную модель орудия. Наконец, еще одно 6-гривенокое орудие определено как «пищаль полковая медная» (Там же).

В документе 1699 г. определение «пищаль полуторная медная» остается наиболее типичным (10 из 15 орудий). Наиболее существенным отличием от данных 1683 г. является полное исчезновение с позиций 6-гривенковых отрывков или оттирков.

Длина ствола орудий в 6 грив. колебалась в довольно широких пределах: по данным 1683 г., у 18 орудий она могла составлять от 195 до 287 см. При этом 9 орудий имели абсолютно одинаковую длину – 287 см. («сажень с аршином»), 4 из этих однотипных пищалей были отлиты в одном и том же 1590 г. (т. е. одновременно с

большей частью «великих пищалей»). Длина ствола еще 2 пищалей равнялась 285 см. Наличие на позициях значительного числа орудий, имевших, при одинаковом калибре, одинаковую длину ствола, явно свидетельствует об определенной тенденции к унификации орудийного парка.

Приведенные в документе цифры ставят под сомнение сложившееся в исторической литературе мнение о том, что термин «полуторная» связан с четко определенной длиной ствола в «полторы сажени» (*Носов, Зарощинская*, 2008. С. 178). Псковские пищали, названные «полуторными», были несколько короче этого показателя. Интересно также, что из 2 орудий, названных «отрывками», лишь одно имело заметно укороченный ствол (195 см), у второго же ствол был примерно в 230 см, как у орудия, к которому определение «отрывок» не применено.

Особняком стоит 6-гривенковая пищаль, названная «полковой»: длина ее ствола всего 157 см. Данное обстоятельство, однако, выглядит вполне логичным. Полковое орудие предназначалось, прежде всего, для полевых сражений и должно было обладать маневренностью и меньшим весом, чем крепостное.

В документе 1699 г. длины стволов указаны несколько иные, чем в 1683 г., но расхождения невелики и связаны, скорее всего, с неточностями в самих документах. Длина почти половины орудий (7 ед.) определена одинаково: «четыре аршина» (284 см), еще у 2 – «четыре аршина без полувершка» (282 см). Учитывая совпадение мест расположения, можно с большой вероятностью утверждать, что это пищали, длина которых в более раннем документе определена в 287 и 285 см.

Для 12 пищалей 6-гривенкового калибра в документе 1699 г. названы год отливки и (или) имя литейщика. Больше половины из них (7) были изготовлены в Москве в 1590 г. довольно известными мастерами: Русином Евсеевым, Богданом Федоровым, Кондратием Михайловым. Лафетами для большинства 6-гривенковых пищалей, по данным 1683 и 1699 гг., как и ранее, служили станки с колесами.

Относительно количества боеприпасов к 6-гривенковым пищалям в документе 1633 г. указано лишь общее число ядер – 8150 штук (все хранились «под навесом» на Казенном дворе) (Росписной список Пскова… 1914. С. 50). В более поздних документах указано конкретное количество ядер, приписанных к каждому орудию (табл. 3).

Таблица 3. Обеспеченность ядрами орудий калибром в 6 гривенок

Боезапас ядер	Численность орудий		
	1678	1683	1699
400	5	5	2
300	2	2	2
250	2	2	2
230	2	2	2
200	4	3	3
100	3	2	1
75	-	1	1
50	-	1	1
30	1	1	1
Всего орудий	19	19	15

Из таблицы хорошо видно, что существовали некие четко определенные «комплекты» ядер (условно их можно назвать «боезапасом»). Их приписка к орудиям была абсолютно конкретна. Если то или иное орудие снимали с позиции, то вместе с ним исчезал и его «боезапас». С военной точки зрения ядра одного калибра являлись вполне взаимозаменяемыми, так что здесь сказывался, скорее, административный фактор (пушкари, например, также были «расписаны» по орудиям). Неясно, чем руководствовалась военная администрация, назначая боезапас к тому или иному орудию. Во всяком случае, место расположения орудий определяющим фактором не являлось: пищали с максимальным запасом ядер стояли и в сильных узлах обороны.

Орудия, стрелявшие ядрами весом менее 6 гривенок, в Пскове были относительно малочисленны. Орудия в 4 гривенки в документах обычно именовались «полуторными», одно из них в 1633 г. имело собственное имя – «Плакида». Лафетами для орудий этой группы служили станки с колесами.

Орудия в 5, 3 и 3,5 гривенок были представлены единичными экземплярами. Пищали в 2,5 и 2 гривенки несколько многочисленнее. В документах они обычно именовались «пищалями полковыми медными». В документе 1633 г. выделяется 2-гривенковая пищаль, которая названа «волконеей скорострельной» (Росписной список Пскова… 1914. С. 42). Слово «волконея» явно происходит от западноевропейского термина «фальконет», обычно использовавшегося для обозначения орудий среднего и малого калибров. Определение «скорострельная» в русских документах XVII в. часто применялось к казнозарядным орудиям со съемной каморой. Вполне вероятно, что и псковская «скорострельная волконея» являлась казнозарядной. В документах 1678, 1683, 1699 гг. это орудие не упоминается. Лафетами для орудий в 2 и 2,5 гривенок служили станки с колесами. Боезапас в большинстве случаев составлял 50 ядер на ствол.

Наибольший интерес среди орудий малого калибра представляют пищали в 1,5 грив., которые отличает заметный рост численности (с 1 до 11 ед.). Надо отметить, что увеличение их роли в обороне города вполне соответствовало военно-теоретической мысли своего времени (*Радишевский (Михайлов)*, 1781. С. 97).

Единственное орудие в 1,5 гривенки, установленное на позиции в 1633 г. и поименованное «хвостушей железной», имело станок с колесами и находилось в захабе у Великих ворот (Росписной список Пскова… 1914. С. 44). Термин «хвостуша» свидетельствует о наличии удлиненного прилива в задней (казенной) части ствола, что облегчало его поворот.

В 1683 г. из 4 орудий в 1,5 гривенки 3 именовались «пищалями медными полковыми», а одно названо «пищалью скорострельной железной с вкладнем», т. е. являлось казнозарядным: «вкладнем» называли съемную камору. «Хвостушей» ни одно из орудий в 1,5 гривенки в документе 1683 г. не названо. Интересно, что 2 полковых орудия имели абсолютно идентичную длину ствола (115 см) и стояли в одной башне – Грановитой, у Верхних решеток.

В 1699 г. 10 из 11 пищалей в 1,5 гривенки названы в документе «пищалью полковой медной», одно орудие, как и прежде, – «скорострельное» с «вкладнем». В одном случае полковой пищали было присвоено еще и собственное имя – «Воин».

Полковые пищали отличались высокой степенью унификации по длине ствола: у 5 орудий (50%) – 115 см, еще у 3 – 108 см. 9 из 10 полковых пищалей – в станках с

колесами, и у одной лафет назван «колодой». Однотипен был и боезапас. К 8 полковым пищалям было приписано по 100 ядер, в одном случае этот «боезапас» предназначался для 2 пищалей, стоявших рядом (т. е. по 50 ядер на ствол). Устанавливались пищали в 1,5 гривенки, как правило, в воротах, нижних ярусах башен.

Орудия в 1 гривенку в Псковской крепости были немногочисленны. 3 таких орудия, стоявшие на позициях в 1633 г., носили следующие наименования: «волконея чугунная хвостуша», «пищаль скорострельная железная хвостуша» и «пищаль скорострельная железная со вкладнем» (Росписной список Пскова… 1914. С. 47, 49). Речь снова идет о казнозарядных и маневренных орудиях.

Лафеты к ним в двух случаях названы «собаками» (в одном случае лафет не охарактеризован). Текст не позволяет определить, в чем именно состояла специфика лафета-«собаки», но он явно отличался от «станка». В документе 1633 г. при описании работ по изготовлению новых лафетов отдельно указана численность «станков» и «собак» (Росписной список Пскова… 1914. С. 51).

Отдельную, и довольно многочисленную, группу составляли орудия, предназначенные для стрельбы «дробом». Их отличительной чертой являлось разнообразие конструкций, нашедшее отражение в терминологии. В 1633 г. для 3 из 7 дробовых орудий, выведенных на позиции, использован термин «оттирок полуторной пищали дробовой», в 2 случаях – «тюфяк», в 2 случаях речь идет о казнозарядных орудиях с «вкладнем» (Росписной список Пскова… 1914. С. 44, 46).

В целом видно, что для стрельбы дробом часто использовались укороченные модели орудий. Их назначением было поражать живую силу противника во время непосредственного штурма, а для этого особая дальнобойность не нужна.

Распространенной была также практика использования для стрельбы «дробом» казнозарядных орудий, что также закономерно: скорострельность пищалей с «вкладнем» была важным достоинством во время неприятельской атаки. Термин «тюфяк» имел тюркское происхождение и использовался для обозначения орудий гаубичного типа, с расширенной каморой.

Лафет у 6 из 7 дробовых орудий назван «колодой» (в одном случае тип лафета не указан). Видимо, «колода» была так же типична для них, как «станок» для пищалей, стрелявших ядрами среднего калибра. Большинство (6) дробовых орудий стояли в нижних ярусах раскатов и башен, что вполне естественно, учитывая их предназначение.

К 1678 г. численность дробовых орудий увеличилась вдвое, после чего некоторое время не менялась. По данным 1683 г., наиболее распространенным типом дробового орудия были отрывки: это определение применено к 7 орудиям из 14, стоявших на позициях.

Один из отрывков, стоявший в Гремячей воротной башне, имел необыкновенно короткий ствол в 11 вершков (примерно 48 см). В документе имеется также пояснение, что основой для него послужила «медная полуторная пищаль» работы С. Дубинина.

Длина прочих отрывков варьировала в широких пределах – от 124 до 206 см. 4 отрывка имели колесные лафеты-«станки», 1 – колоду, в прочих случаях тип лафета не указан.

4 дробовых орудия в 1683 г. именовались «тюфяками». Все они выделяются короткими стволами. У 3 орудий стволы имели одинаковую длину – примерно 80

см («аршин с двумя вершками»). Еще у одного тюфяка длина ствола составляла всего 9 вершков (около 40 см). Тем не менее, этот необыкновенно короткоствольный тюфяк располагался на позиции в крепостной башне (Михайловской) и был снабжен запасом дроба. Тип лафета у тюфяков не указан.

2 дробовых орудия, отмеченные в документе 1683 г., это те же казнозарядные пищали («вкладень» и «пищаль складная»), что зафиксированы в 1633 г. Обращает на себя внимание необыкновенно малая длина «вкладня»: около 40 см.

Видно, что для стрельбы «дробом» могли предназначаться очень разные по своей конструкции орудия с различными лафетами. Обеспеченность их боеприпасами, напротив, довольно единообразна. В 1683 г. к 11 дробовым орудиям, среди которых числятся и отрывки, и тюфяки и оба казнозарядных орудия, было приписано по 20 гривенок дробу. В 3 случаях на один ствол приходилось 10 гривенок дробу.

К 1699 г. численность дробовых орудий несколько сократилась. «В строю» остались 9 орудий этого типа. Ни одно из них не именуется «отрывком». Видимо, эти укороченные орудия сняли с позиций, как сняли и «отрывки», стрелявшие ядрами в 6 гривенок. 4 орудия названы «тюфяками», причем это те же самые тюфяки, что и в 1683 г., и стоят они на тех же позициях. Сохранились и оба казнозарядных орудия. Размещались дробовые орудия преимущественно в нижних ярусах башен и захабов, хотя с увеличением численности их ставили и в средние ярусы.

Особую группу орудий представляли собой пищали, стрелявшие «пулками свинцовыми». В «Росписных списках» 1633–1655 гг. они не значатся, но документ 1678 г. зафиксировал 13 таких орудий, выведенных на позиции. Наиболее типичным для них наименованием было «пищаль хвостуша железная», которое применено к 9 орудиям.

К 1683 г. число пищалей для стрельбы пулками несколько сократилось и составило 11 единиц, из кототрых «хвостушами» именуются 7. Еще 3 орудия были казнозарядными, с «вкладнями». Пулками также стреляла единственная выведенная на позиции затинная пищаль. Лафеты в большинстве случаев по-прежнему именовались «собаками». Интересно, что 4 «хвостуши» имели абсолютно одинаковую длину в «полтретья аршина» (примерно 178 см).

К 1699 г. численность «пулевых» пищалей не изменилась, прежним остался и состав группы. Интересен, однако, факт, касающийся их лафетов. Обо всех орудиях, лафеты для которых ранее именовались «собаками», сказано, что они стоят «на вертлюге». Можно предположить, что именно вертлюг, т. е. приспособление, обеспечивающее поворот орудия вокруг оси, и являлся отличительной чертой лафета-«собаки». Данный тезис согласуется с тем фактом, что на «собаках» стояли орудия, стрелявшие либо мелкими ядрами (в 1633 г.), либо вовсе «пулками». И те и другие были предназначены в первую очередь для поражения живой силы противника, а потому должны были обладать маневренностью.

К сожалению, в документах 1683 и 1699 гг. далеко не всегда указывается, в каком ярусе обороны находилась та или иная «пулевая» пищаль». Однако из имеющихся фактов видно, что их размещали во всех ярусах, включая даже верхние. При достаточно длинном стволе «пулевые» пищали, вероятно, были дальнобойными и могли поражать живую силу противника на относительно большом расстоянии.

При описании орудий, отправленных на хранение, составители документов распределяли их по группам в зависимости от происхождения. Собственно «горо-

довой наряд» отделялся от трофейных орудий или пищалей, доставленных из «полков».

Так, в 1633 г. на Казенном дворе «под навесом» находились 46 орудий, из которых 37 – собственно псковского наряда, 7 – «наряда, что взят в неметцком городку в устье Великой реки, который остался за отдачею во Пскове, что отдано в Ругодиве», и 2 – « себежского наряду» (Росписной список Пскова… 1914. С. 49). В составе псковского наряда наиболее многочисленными были «пищали хвостуши железные» (19 ед.). Информации о приписанных к ним боеприпасах в документе 1633 г. нет, но, учитывая данные более поздних источников, можно предположить, что они предназначались для стрельбы пулками. Кроме того, в группу входили 7 тюфяков и орудия небольшого калибра.

В состав псковского наряда были включены также 3 «пищали большие огненные», одна из которых носила имя собственное – «Егуп». В документах 1678 и 1699 гг. «Егуп» назван «пищалью верховой» (Опись городам… 1875. С. 308; Годовая смета… 1914). Речь идет об орудии, предназначенном для навесной стрельбы, – т. е. мортире. Отлит «Егуп» был в 1587 г. А. Чоховым и отличался очень крупным калибром. По данным 1699 г., к нему были приписаны 2 «ядра гранатных» весом по 6 пудов 25 гривенок (более 106 кг).

Трофейный наряд из Ругодива (Нарвы), оставленный на псковском Казенном дворе, к 1633 г. включал: 2 «пищали девятипядные медные» и 5 волконей «ныне все на собаках и на станках» (Росписной список Пскова… 1914. С. 50). Себежские орудия были представлены двумя пищалями: одна в 6 гривенок, другая – в 2,5.

В целом среди 46 орудий, сосредоточенных на Казенном дворе под навесом, резко преобладали малокалиберные орудия (в первую очередь хвостуши), которые отличались относительно небольшим весом и могли быть выведены на позиции непосредственно в случае военной угрозы. Под навесом хранились также 17 затинных пищалей.

Во втором арсенале, в палате «в Домантовой стене», в 1633 г. находились испорченные пищали (они в общий расчет не включены), 10 «хвостуш железных» и 270 затинных пищалей.

Данные 1678 и 1683 гг. дают принципиально иную, нежели документ 1633 г., картину псковского арсенала, но зато они очень сходны между собой и могут быть рассмотрены вместе.

Прежде всего, орудийный парк города обогатился 20 пищалями крупного калибра «болшого из Ругодива наряду, которой… был в Каканаузе» (Сметный список… 1867. С. 424). 4 из них были изготовлены в Москве, 16 являлись импортными, голландскими.

Все 4 орудия русской отливки имели собственные имена: «Троил», «Барс», «Соловей» и «Грановитая». Три орудия, таким образом, являлись «тезками» псковских пищалей. В 1684 г. «Троил» был отправлен в Москву, прочие остались в Пскове и зафиксированы документом 1699 г.

16 пищалей-«галанок», по всей видимости, являлись частью «большого голландского наряда», сыгравшего видную роль в русско-польской войне 1654–1667 гг. и войне со Швецией (*Лобин*, 2006. С. 10–14). Во всяком случае, эти орудия явно были изготовлены специально для русского правительства, по одному (или нескольким) заказам.

Все пищали отлиты тремя мастерами: Евагардусом Сплинтером из «Енкогусена» (Энкхейсена) – 10 единиц; Есфириусом Костером из Амстердама – 4; Калиянусом Ведевартом из Конпена – 2. Даты изготовления орудий достаточно близки: с 1634 по 1638 г. На всех пищалях имелось одинаковое изображение: «мужик на коне с коруною и копьем», поражающий змея (Георгий Победоносец).

Калибр «галанок» колебался от 1 пуда 18 гривенок (около 23 кг) до 1 пуда 7 гривенок (около 19 кг). При этом 5 орудий из отлитых Сплинтером в 1634 г. имели одинаковый калибр (1 пуд 10 грив.) и одинаковую длину (примерно 324 см). Все 4 орудия, изготовленные Костером, имели калибр в 1 пуд 15 грив., 2 из них были также одинаковой длины (316 см). Оба орудия К. Ведеварта идентичны и по длине (318 см), и по калибру (1 пуд 18 грив.). По своим параметрам голландские орудия несколько напоминали чрезвычайно распространенные в европейских армиях того времени картауны. Боеприпасов к «галанкам» и 4 русским пищалям в Пскове не имелось.

Все 20 крупнокалиберных пищалей были размещены не на Казенном дворе, а под специально сооруженным «шатром». Однако Казенный двор также существенно пополнился пищалями, и на нем пришлось возвести второй навес. Под первым навесом, по данным 1678 и 1683 гг., помещались 11 пищалей «псковского наряду», 8 пищалей «опочецкой присылки», 5 чугунных пищалей неизвестного калибра и происхождения, 20 тюфяков, 19 хвостуш, 5 очень интересных кожаных пищалей, затинные пищали и др. Под вторым навесом – 30 пищалей «наряду, который… изготовлен в Новгородцкой полк», а также 2 мортиры, боеприпасы (Сметный список… 1867. С. 427).

«Псковский наряд» включал: известную по более ранним документам мортиру «Егуп», 5 пищалей «медных дробовых» (из них две иностранные, литовские), 3 полковые пищали и 2 «волконеи» неизвестного калибра. Все 8 пищалей «опочецкой присылки» имели одинаковый калибр (1,5 грив.), при практически идентичной длине ствола (113–115 см). К каждой из них было приписано по 100 ядер. По параметрам это полковые пищали, хотя в документе 1683 г. они так и не названы.

Под первым навесом хранились также 20 тюфяков. Все они имели одинаковую длину «по аршину по полтретья вершка» (примерно 82 см), очень близкую к длине 3 тюфяков из установленных на позициях (аршин с двумя вершками). Дробовые орудия одинаковой длины должны были иметь одинаковую или близкую дальнобойность, что повышало их эффективность в борьбе с живой силой неприятеля. Интересно, однако, что на позициях в Пскове стояли очень разные и по длине ствола, и по конструкциям дробовые орудия. Видимо, «типовые» тюфяки, как и «хвостуши», предполагалось вывести на позиции в случае угрозы.

Особое место среди псковских орудий занимали 5 «пищалей кожаных». В документе 1683 г. их устройство описано так: «…объяты в длину полосами, а поперег железными обручами с колцами, а в середине трубы медные» (Сметный список… 1867. С. 428). Практически так же выглядит и описание 1699 г. (Годовая смета… 1914. С. 256).

Кожаные орудия не являлись для русского войска чем-то редкостным и использовались также полевыми войсками, причем могли вести огонь как ядрами небольшого калибра, так и картечью (*Епифанов*, 1978. С. 227). Какими снарядами

должны были стрелять псковские кожаные пушки, неизвестно: информации о приписанных к ним боеприпасах в документах нет.

Помимо перечисленных орудий под первым навесом хранились 5 «пищалей железных чугунных». Калибр их неизвестен, но, скорее всего, был невелик, т. к. крупнокалиберные орудия редко изготовлялись из железа. Здесь же находились 33 железные пищали-«хвостуши», несколько отличные друг от друга по конструкции. 19 из них имели «хвосты» в виде традиционного железного прилива, а 14 – деревянные. Возможно, деревянные хвосты прикрепили к орудиям, которые изначально «хвостушами» не являлись, дабы повысить их маневренность.

В документе для большинства орудий, имевших железные «хвосты», указана их полная длина. Она варьирует в очень широких пределах – от 107 до 186 см. У одной пищали хвост был отломлен, ее длина определена примерно в 97 см. Следовательно, если поврежденная пищаль имела максимальную длину, хвост мог составлять чуть ли не половину всего орудия. О 7 хвостушах (все с железными хвостами) сказано, что они стояли «на вертлюгах».

Отдельную группу орудий, отправленных на хранение под второй навес, по данным 1683 г., составляли 15 пищалей, собранных в Пскове, Новгороде и Опочке для «Новгородцкого полка». Большинство (8) орудий этой группы именовались «пищалями полковыми медными» и имели одинаковый калибр в 2 грив. У 5 была также одинаковая длина ствола («аршин, 10 вершков», т. е. около 115 см).

Составители документов 1683 и 1699 г. сочли также нужным подчеркнуть, что перед отправкой в полк все орудия были снабжены «станками новыми с дышлами и с вертлюгами и колеса окованы железом» (Сметный список… 1867. С. 428). Дышла на станке свидетельствуют, что орудия готовились именно к маршам и действиям в составе полевых войск.

Документы 1683 и 1699 гг. также содержат некоторые технические данные о затинных пищалях, но этот особый вид огнестрельного оружия заслуживает отдельного рассказа.

В целом, на протяжении всего рассматриваемого периода, с 1633 по 1699 г., орудийный парк Пскова расширялся, пополняясь новыми орудиями. При этом в городе скапливались пищали, очень разные по времени производства, «на службе» могли находиться пищали, возраст которых составлял 100 лет и более. Однако при всем разнообразии орудийного парка в нем четко выделяются ведущие группы орудий со вполне определенными техническими характеристиками:

1) небольшая, но очень стабильная по составу группа крупнокалиберных орудий, изготовленных в Москве практически одновременно, в конце XVI в. Эти орудия представлялись властям настолько значимыми, что утраченную пищаль заменили точно такой же;

2) 6-гривенковые пищали. Они были наиболее многочисленны среди орудий, выведенных на позиции, и имели достаточно высокий уровень унификации по длине ствола. Однотипными также, видимо, были их лафеты (станок с колесами);

3) дробовые орудия, отличавшиеся разнообразием в конструктивном отношении и стоявшие на различных лафетах;

4) пулевые и малокалиберные (полковые) пищали, причем значение двух последних групп возрастает в конце периода. Для пулевых пищалей использовался лафет одного типа («собака»), скорее всего снабженный вертлюгом.

Большинство орудий, стрелявших ядрами, включая малые калибры, были изготовлены из бронзы. Напротив, пулевые хвостуши и затинные пищали были в основном железными.

В целом, орудийный парк Пскова представляется хорошо организованным и упорядоченным в соответствии с задачами обороны города.

Литература

Годовая смета [1699] // Сборник Московского архива Министерства юстиции (СМАМЮ). М., 1914. Т. 6. Кн. 2.

Епифанов П.П., 1978. Оружие // Очерки русской культуры XVII века. М. Ч. 1.

Кирпичников А.Н., 1959. Описная книга пушек и пищалей, как источник по истории средневековой русской артиллерии: К характеристике городового наряда Московского государства второй четверти XVII в. // Сб. исследований и материалов Артиллерийского ист. музея. Л. Вып. 4.

Лобин А.Н., 2006. «Большой голландский наряд» во второй половине XVII века: Опыт организации артиллерии по иностранному образцу // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное: Мат. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию Достопамятного зала. СПб.

Михайлов А.А., 1993. Мастера-изготовители орудий, состоявших на вооружении Пскова в XVII в. // АИППЗ.

Михайлов А.А., 2010. Размещение артиллерии в Псковской и Изборской крепостях в XVII веке в свете их фортификационных особенностей // Оборонительные сооружения Европы: изучение, вопросы консервации, реставрации и возможностей использования: Сб. мат. пятой междунар. конф. (30–31 октября 2009 г.). Калининград.

Нилус А., 1904. История материальной части артиллерии. СПб. Т. 1.

Носов К.С., Зарощинская Н.О., 2008. Артиллерийское вооружение русских крепостей XVI–XVII вв. // Альманах центра общественных экспертиз. М. Вып. 2.

Опись городам [1678] // Дополнения к актам историческим, собранные и опубликованные Археографическою комиссиею (ДАИ). СПб, 1875. Т. IX.

Опись Смоленску [1667–1671] // ДАИ. СПб, 1853. Т. V.

Рабинович Я.Н., 2008. Последний подвиг Пскова в Смутное время: Псков в 1616 году // Историческая память и общество: эпохи, культура, люди: Мат. науч. конф., посвящ. 90-летию исторического образования в Саратовском университете. Саратов.

[*Радишевский (Михайлов) Онисим*], 1777. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. СПб. Ч. 1.

Росписной список Новгорода [10–21 июля 1681 г.] // ДАИ. СПб, 1875. Т. IX.

Росписной список Пскова [1633 г.] // СМАМЮ. М., 1914. Т. 6. Кн. 2.

Рубцов Н.Н., 1962. История литейного производства в СССР. Изд. 2-е, доп. и перераб. М. Ч. 1.

Сметный список города Пскова [11 сентября 1683 г.] // ДАИ. СПб, 1867. Т. X.

Царская грамота Псковскому воеводе Василию Лодыгину… // ДАИ. СПб, 1872. Т. XII.

Челобитная пушечного мастера Якова Дубины [5 февраля 1688 г.] // ДАИ. СПб, 1872. Т. XII.

А.В. Быков

О деятельности ростовщиков в средневековом Пскове

A.V. Bykov. The activities of moneylenders in medieval Pskov

Abstract. On the basis of Pravda Russkaya, Pskov Judicial Charter and other sources the usury activity, methods for getting moneylenders' profits, actions of the parties and judges in contentious situations, fraud in usuary activities and ways to counter it in medieval Pskov are considered.

Ключевые слова: Русская Правда, Псковская судная грамота, ростовщичество, Псков.

Простейший случай ростовщичества регламентируется в Пространной Русской Правде (далее ПРП) (Русская Правда, 1952; *Тихомиров*, 1953) в статье «О резе»: «Аже кто дает куны в рез, или настав в мед, или жито в посп, то послухи ему ставити: как ся будеть рядил, тако же ему имати».

То есть тот, кто дает деньги (или имущество) под проценты, должен ставить свидетелей (послухов), которые удостоверят, как именно договаривались стороны. Получать долг и проценты по нему кредитор должен в соответствии с этим договором. Такого рода кредит ростовщик давал обычно на несколько лет. Причем проценты по кредиту должны были выплачиваться заемщиком раз в год. Средства от долгосрочного кредита, как правило, вкладывались в производство каких-либо материальных ценностей.

Судя по письменным и археологическим источникам, для оформления кредита по меньшей мере с конца XI в. использовались письменные документы – «доски». Так, в новгородской берестяной грамоте № 82 (последняя четверть XII в.) упоминаются «“доски”, как долговые записи на деревянных бирках» (*Зализняк*, 2004. С. 430). Такие «доски» идентифицируются с археологически выявленными кредитными счетными бирками (по типологии новгородских бирок – тип С), которые обнаружены в Новгороде в слоях второй четверти XI – XV в. (*Янин, Зализняк*, 1986. С. 81–86). К 1999 г. в Новгороде было найдено 74 экземпляра кредитных бирок (*Ковалев*, 2003. С. 28).

Описывая события 1209 г., летопись сообщает о конфискации новгородцами имущества Мирошки и посадника Дмитра: «житье их поимаша, а села их распродаша и челядь, а скровища их изискаша и поимаша бещисла, а избыток розделиша по зубу, по 3 гривне по всему граду, и на щитъ; а что кто похватилъ, а того единь богъ весть, и от того мнозе разбогатеша; а что на **досках**, а то князю оставиша» (НПЛ, 1950. С. 248).

«Доска» была документом, фиксировавшим задолженность. Видимо, уже в конце XI в. доска могла заменять требуемых в ПРП «послухов» – свидетелей займа. Термин «рез» в ПРП употребляется как обозначение процентов, выплачиваемых по займу. Часть зарубок на боку археологически выявленных кредитных бирок, несомненно, имела отношение к основной сумме долга. Однако часть зарубок может иметь отношение к выплате «реза» – процента по займу. Основная сумма долга – исто – наносилась на бирку в момент займа. Потом кредитная бирка раскалывалась пополам, так, чтобы на каждой половине были видны обозначающие размер займа резы. В случае же, когда происходила выплата процентов, это тоже должно было фиксироваться на бирке, в другой группе резов. На ряде найденных кредитных бирок видны несколько групп зарубок, причем не всегда число зарубок сводится к указанной на бирке сумме долга. Видимо, и после расщепления пополам дощечки («доски»), половинки кредитной бирки могли складываться кредитором и заемщиком, совмещаться по имеющимся зарубкам. Затем они зажимались вместе веревкой или ремешком, после чего наносился рез, фиксирующий очередную выплату процентов по займу. Такая процедура могла фиксировать выплату процента по кредиту на обеих «досках» – половинах кредитной бирки. Предположение о существовании такой процедуры объясняет использование термина «рез» в контексте процента по кредиту. Оно также объясняет наличие на некоторых кредитных бирках группы резов, не соотносящихся с суммой указанного на бирке долга.

Отдельно в Русской Правде в статье «о месячном резе» прописываются правила краткосрочного кредита – на срок менее года: «А месячный рез оже за мало, то имати ему; заидуть ли ся куны до того же года, то дадять ему куны в треть, а месячный рез погренути». То есть, проценты на основную сумму кредита начислялись ежемесячно (и рез, фиксировавший выплату, тоже наносился на доску ежемесячно, если ежемесячными были выплаты).

Такие краткосрочные кредиты давались, видимо, чаще всего купцам для совершения торговых операций. Причем ни заемщик, ни его кредитор не могли заранее знать точно срока возвращения краткосрочного кредита. Возврат кредита происходил по факту завершения торговой операции, из полученной купцом прибыли. Торговые операции более прибыльны, но и более рискованны, чем производственная деятельность. Товар мог погибнуть в пути, мог быть захвачен во время военных действий. Мало того – рыночная конъюнктура могла измениться, и торговая операция, просто в силу колебания цен, могла принести меньше прибыли, чем рассчитывали купец и дававший ему деньги в рост кредитор. Краткосрочный кредит был более рискованным вложением капитала для кредитора. Поэтому и проценты по краткосрочным кредитам должны были быть выше.

Статья «о месячном резе» как раз описывает ситуацию, когда краткосрочный кредит задерживается у заемщика на срок более года. В этом случае кредит превращается в долгосрочный. Статья регламентирует порядок перерасчета долга. По истечении года и кредит, и набежавшие по нему невыплаченные проценты фиксируются в новой сумме, и эта сумма считается далее взятой у ростовщика в долгосрочный кредит «в треть», т. е. примерно под 33% годовых.

Очевидно, что эта норма закона действует в интересах заемщика, ограничивая ростовщика в его аппетитах. Законы экономики таковы, что процентная ставка в среднем выше для краткосрочных кредитов, чем для долгосрочных. Если бы не применялась эта статья «о месячном резе», то заемщик и по истечении года ежемесячно платил бы прежний процент, в годовом исчислении более высокий, чем 33% годовых.

Очень скоро законодательство Древней Руси пошло еще дальше. Уже в дополнении к Русской Правде, именуемом «Уставом Владимира Всеволодовича», ограничивается и срок действия кредита «в треть»: «И уставили до третьяго реза, оже емлеть в треть куны; аже кто возмет два реза, то ему взяти исто; паки ли возмет три резы, то иста ему не взяти».

«Исто» – это основная сумма кредита. «Рез» – проценты по кредиту, в данном случае годовые. Экономический смысл этой статьи в том, чтобы неудачливый купец-заемщик не оказывался «вечным должником» ростовщика. Если заемщик трижды выплатил ростовщику проценты «в треть», то он, таким образом, полностью возместил ростовщику основную сумму кредита и далее мог больше не выплачивать ростовщику ничего. Этой статьей княжеская администрация снимала с себя обязанность добиваться от заемщиков выплаты кредитов по «несправедливо-высоким» процентным ставкам.

Следует заметить, что данная статья состоит в непрерывной связи со статьей «о месячном резе». Так, если купец взял кредит на торговлю, скажем, под 10% в месяц, и в силу каких-то причин не смог выплатить основную сумму в течение года, то он выплатит за год 12×10=120 % от суммы кредита, т. е. 120% годовых.

Но далее вступит в действие статья «о месячном резе». Кредит из краткосрочного превращается в долгосрочный, с ежегодной выплатой процентов из расчета 33% годовых («в треть»). Однако если купец-заемщик в течение 3 лет будет выплачивать ростовщику 33% годовых, то после выплаты «третьего реза», согласно этой статье, долг будет «списан».

Казалось бы, этот закон оставляет ростовщика без прибыли. Однако никто не мешал ростовщику не ждать 3 лет, а самостоятельно потребовать от заемщика полного погашения долга после второй выплаты годовых процентов. В законе прямо написано: «аже кто возмет два реза, то ему взяти исто». То есть, «после второго реза» княжеская администрация все еще будет способствовать тому, чтобы взыскать основную сумму долга с заемщика. У заемщика остается выбор – или он выплачивает «исто», или его «продают головой». Или, в случае если кредитор проявит терпение и добрую волю, он может заключить с заемщиком новый кредитный договор, на новых условиях. Тогда – см. предыдущие статьи о займе или о месячном резе.

Таким образом, статья «до третьего реза», безусловно помогая заемщику, попавшему в трудные условия, могла быть легко обойдена ростовщиком. Собственно, эта статья закона не запрещала высокий ростовщический процент. Она просто ограничивала по времени применение этого процента. Впрочем, в крупном городе с большим количеством ростовщиков купец мог бы взять и другой, долгосрочный, кредит у другого ростовщика, под более низкий процент, чтобы рассчитаться со слишком «дорогим» кредитом и не выплачивать ежегодно столь высокие проценты.

Какой же годовой процент по кредиту считался в Древней Руси справедливым? Об этом сообщает следующая статья ПРП: «Аже кто емлеть по 10 кунъ от лета на гривну, то того не отметати».

При размере годового процента 10 кун с гривны (1 гривна равна 50 кун) мы получаем 20% годовых. Судебные дела по кредитам с такой процентной ставкой княжеская администрация уже не могла «отметати» – эти дела рассматривались и долги взыскивались независимо от того, сколько раз были уже выплачены проценты.

Однако возможность перезанять в другом месте под более низкий процент была не у всех. Такой возможности был лишен купец, большая часть товаров которого погибла при «форс-мажорных обстоятельствах». Защите таких несчастливых купцов посвящена следующая статья Русской Правды: «Аже которыи купец, кде любо шед с чюжими кунами, истопиться любо рать возмет, ли огнь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнет от лета платити, тако же платит, зане же пагуба от бога есть, а не виноват есть; аже ли пропиеться или пробиеться, а в безумьи чюжь товар испортить, то како любо тем, чии то товар, ждут ли ему, а своя им воля, продадят ли, а своя им воля».

Эта статья находится в полном согласии с предыдущими статьями. «Истопившийся» купец может и не иметь возможности перезанять денег под залог товаров, если он большую часть этих товаров потерял. Однако власть признает за ним право не платить по первому требованию кредиторов, а лишь выплачивать годовые проценты по своим долгам. Причем размер этих процентов тут не оговаривается. Он уже оговорен в предыдущих статьях: 33% годовых в течение трех лет (и таким образом сумма долга будет им полностью погашена) или 20% годовых в течение более длительного срока, но тогда уже «не отметая» основной суммы долга.

Или, возможно, 33% в два первых года, а потом долг «переоформляется» под 20% годовых, каковые купец и выплачивает ежегодно до тех пор, пока не рассчитается с долгом полностью. Последний вариант представляется наиболее вероятным, т. к. он наиболее выгоден для выбирающего меры воздействия кредитора.

Итак, мы видим, что для долгосрочных кредитов законодательство Древней Руси устанавливало порог: 33% сроком на 2 года или 20 % – на любой срок. Процентная ставка для краткосрочных кредитов не регламентировалась. И это неудивительно. Иногда спекулятивные операции приносят торговцам быструю прибыль, значительно превышающую изначально вложенную сумму денег. Так что при наличии доброй воли со стороны заемщика и ростовщика никто не мог бы им помешать заключить и оформить соответствующую сделку с любым размером месячного реза.

И, наконец, правила «банкротства» должника приведены в статье «о долзе»: «Аже кто многим должен будеть, а пришед господа из иного города или чюжеземець, а не ведая запустить за нь товар, а опять начнет не дати гости кун, а первии должебити начнуть ему запинати, не дадуче ему кун, то вести и на торг, продати же и отдати же первое гостины коуны, а домашним, что ся останет кун, тем же ся поделят; паки ли будуть княжи куны, то княжи куны первое взяти, а прок в делъ; аже кто много реза имал, не имати тому».

Итак, обанкротившегося заемщика продают, а полученная от продажи сумма делится. В первую очередь свои деньги получает князь, затем – иногородний купец. Оставшуюся сумму делят между собой остальные – местные – кредиторы. Причем те из кредиторов, которые уже много раз получали проценты за свой кредит, не участвуют в дележе – они и так уже с лихвой вернули вложенные деньги.

Проданный за долги заемщик становится закупом. Это следует не только из самого факта продажи, но и из того, что следом за статьями о долге идут, как бы продолжая их по смыслу, статьи о закупах.

Еще одна статья Русской Правды описывает ситуацию, в которой ростовщик выдал заемщику кредит без участия свидетелей (послухов): «Послухов ли не будет, а будет кун 3 гривны, то ити ему по свое куны роте; оже будет ли боле кун, то речи ему тако: промиловался еси, оже еси не ставил послухов».

То есть в случае, когда нет свидетелей, ростовщик может заявить, что давал заемщику в долг до 3 гривен. И если ростовщик поклянется, что кредит имел место, то заемщик обязан выплатить. В то же время, если сумма кредита превышает 3 гривны, претензии кредитора отметаются. Тогда он «промиловался еси» – т. е. потратил деньги на милостыню, фактически подарил их заемщику.

Сумма 3 гривны является, видимо, неким порогом, за которым кончаются повседневные бытовые счеты между друзьями, соседями, деловыми партнерами. В древнерусском обществе времен написания Русской Правды «до 3-х гривен» еще можно занять «под честное слово», как сейчас бы сказали, «без расписки». Ради такой небольшой суммы ни один здравомыслящий человек, видимо, не стал бы лжесвидетельствовать – рисковать своим добрым именем и бессмертной душой. Однако при более крупных займах оформление их хотя бы при помощи свидетелей было уже обязательным.

Теперь обратимся к Псковской судной грамоте (далее ПСГ) (*Алексеев*, 1997). Следует обратить внимание на то, что статьи из ПСГ не заменяют соответству-

ющих статей из ПРП, а лишь дополняют их. Статья 2 ПСГ прямо говорит о том, что «Князь и посадник на вече суду не судять, судити им у князя на сенех, взирая в **правду** по крестному целованию». Законодательные акты Древней Руси имеют самоназвания «грамота», «устав» или «уложение». «Правдой» же именуется только один юридический документ Древней Руси – Русская Правда. Таким образом, можно смело утверждать, что деятельность ростовщиков Псковской земли и в XIV–XV вв. регулировалась соответствующими статьями ПРП и, дополнительно, ПСГ.

Самых общих вопросов кредитования ПСГ не касается. В статье 19 сразу идет речь о кредите под залог – эта форма кредита не описана в статьях ПРП. «А кто на ком имет сочить съсуднаго серебра по доскам, а сверх того и заклад положит, ино воля того человека, кто имет серебра сочить по закладу, хочет сам поцелует да свое серебро возмет, а хочет заклад ему оу креста положит, и он поцеловав да свой заклад возмет, а поле через заклад не присужати, закладных досок не посужати».

Заклад – это залог. Залог заимодавец оставлял у кредитора взамен полученных денег. Оставление залога никак не регламентировалось ПРП, а значит, на момент ее написания не было постоянной практикой и, уж тем более, чем-то обязательным при получении кредита. Мало того, из текста статьи 19 следует, что и на момент действия ПСГ оставление залога вовсе не обязательно для получения займа. Ведь написано «а **сверх того** и заклад положит». Даже во время действия ПСГ (конец XIV – XV в.) ростовщик мог выдать кредит заемщику, вовсе не требуя залога.

Выдать кредит, не требуя залога, мог лишь ростовщик, уверенный, что его заемщик в состоянии будет этот кредит выплатить. Вероятно, кредит без залога в Пскове мог быть выдан только псковичу, владевшему недвижимостью, или иногороднему купцу (гостю), если у того была в Пскове лавка с товарами. Заемщик мог рассчитывать на кредит в пределах стоимости лавки, усадьбы, земельных владений без залога. В таком случае просто писалась «доска» (или делалась «запись»). Ведь в случае невыплаты такого кредита заемщик, согласно ПРП, должен был быть «продан на торгу». То есть имущество заемщика все равно находилось в неявном залоге. Перед угрозой продажи в закупы хозяин будет вынужден продать это имущество, лишь бы расплатиться с долгами.

Залог же, в явной форме оставляемый на хранение кредитору, был нужен для того, чтобы подстраховаться от недобросовестного заемщика, который получит деньги и скроется за пределы юрисдикции псковских властей. В таком случае у кредитора оставался хотя бы залог.

Почему вопросы залога не рассматриваются в ПРП? Почему они стали актуальны на рубеже XIV–XV вв., при написании ПСГ? Видимо, «ростовщический бизнес» к XIV в. стал более распространенным явлением. В более ранний период ростовщикам не было нужды давать деньги в долг ненадежным заемщикам. Для успешного ростовщического бизнеса хватало и вполне надежных клиентов.

А заемщик XIV–XV вв., судя по постоянной практике залогов в ПСГ, мог стать неплатежеспособным в любой момент. Это можно объяснить только тем, что к XIV в., по крайней мере в Пскове, в число заемщиков вошли не только состоятельные собственники, но и более бедные, более многочисленные слои населения. Институт залога нужен там, где кредит может и желает брать любой, кто может предложить кредитору хоть что-то ценное в залог.

Размер залога должен был быть пропорционален размеру кредита. Разумный ростовщик следил за тем, чтобы рыночная стоимость залога превышала выданную в кредит сумму. В таком случае исчезновение заемщика просто превратит выдачу кредита в выгодную сделку, в ходе которой ростовщик приобрел предмет, оставленный в залог.

Все эти соображения касаются самого института залога. Однако статья 19 ПСГ регламентирует не сам факт залога, а конфликт, который может возникнуть при выдаче кредита под залог. Человек, который «имет серебра сочить по закладу», – это кредитор. Он желает отдать заемщику залог (заклад) и получить назад свое серебро. При этом кредитору закон предоставляет выбор:

– либо кредитор «сам поцелует да свое серебро возмет» – т. е. кредитор публично дает клятву в том, что он должен получить за предъявленный залог указанную сумму денег;

– либо кредитор «заклад ему оу креста положит, и он поцеловав да свой заклад возмет» – т. е. кредитор только предъявит заклад, а давать клятву, подтверждая сумму долга, будет заемщик.

Если бы рыночная стоимость залога была примерно равна той сумме, которую должен вернуть кредитору заемщик, то обмен произошел бы без обращения в суд – естественным образом. Но эти стоимости могли значительно различаться.

Приведем пример. Выдавая кредит на 10 гривен, ростовщик взял залог, который легко продать на рынке хотя бы за 15 гривен. Если кредит выдан под 10% в месяц, то через месяц заемщик, чтобы получить обратно залог, должен будет вернуть 10 + 1 = 11 гривен, через 2 месяца – 10 + 2 = 12 гривен и т. д. Соответственно, через 6 месяцев эта сумма составит 10 + 6 = 16 гривен. Но это уже больше, чем рыночная стоимость залога. То есть заемщику уже выгоднее вообще не выкупать залог.

В то же время, если сумма выплаты ниже 15 гривен, то кредитору вроде бы выгоднее не отдавать залог заемщику, а продать залог на рынке. «Вроде бы», потому что стоимость залога можно определить только приблизительно. Субъективная ценность залога для ростовщика и заемщика – разная. Для ростовщика – это рыночная стоимость минус хлопоты по продаже залога на рынке. Для заемщика – это личная вещь, привычная, все положительные качества которой ему хорошо известны.

При отдаче вещи в залог она, как правило, оценивается ростовщиками ниже рыночной стоимости. Мало того, опытный ростовщик, давая кредит, например, сроком на полгода, потребует залог, который будет стоить больше, чем сумма долга + проценты за полгода. Но заемщик может не успеть выплатить кредит в срок. Если кредит вынужденно продляется, то может возникнуть неприятная для ростовщика ситуация, когда стоимость залога, находящегося у него в руках, становится уже ниже, чем сумма общего долга заемщика. Мало того, рыночная стоимость залога может, в силу колебания цен, вырасти или упасть. Именно поэтому для ростовщика, который через суд требует возвращения «ссудного серебра по доскам», предоставляется свобода выбора: или он сам объявляет, какую стоимость должен выплатить заемщик, чтобы получить обратно заклад, или же он кладет заклад «у креста» и требует, чтобы заемщик клялся, озвучивая сумму выплаты, взамен за заклад.

Сильное несоответствие между очевидной для всех рыночной стоимостью заклада и называемой клянущимся суммой долга – это удар по репутации клянущегося. Человек, не уверенный в своей правоте, предпочтет избежать такой клятвы.

Таким образом, даже если нет свидетелей, удостоверяющих условия займа, и даже если нет доски или запись на доске не проясняет полностью ситуацию с займом, публичная клятва остается единственным относительно справедливым способом разрешения конфликта.

Статья 19 отказывает сторонам в праве вызвать противника на судный поединок. В случае если бы кредиты были делом знати, землевладельцев и богатых гостей, «поле» вполне могло бы служить последней инстанцией в установлении справедливости. Но, видимо, суммы кредитов, о которых велись судебные споры, были в основном незначительными, а сами кредиты под залог были не редким случаем, а массовым, рутинным явлением. Тогда отказ от решения спорных дел поединком – «полем» – вполне оправданное решение законодателей.

Статья 20: «А какой человек кому заклад положит в чем, грамоты или иное што в серебри, да изымает своего истца изневести, или перед господою изгодит своего истца, а оу того истца, оу кого заклад положен, не будет доски на заклад, ино его в том не повинити, нять вера ему, кто выложит заклад, в чем скажет, да судом судит на того волю, кто заклад выложит, хочет сам поцелует на своем серебри, или оу креста ему положит и поцеловав да свой заклад возмет».

Если заклад – это недвижимость или серебро, то, предъявляя заклад, кредитор не обязан предъявлять еще и «доску», подтверждающую факт и условия займа. Достаточно уже того, что он предъявляет заклад. Кредитор, как и в статье 19, может сам заверить своей клятвой сумму, требуемую с заемщика, либо «положить заклад у креста», предлагая заемщику клятвенно удостоверить сумму, которую он должен возвратить в обмен на залог.

Статья 21: «А кто имет давать серебро в заим, ино дати до рубля без заклада и без записи а болши рубли не давати без заклада и без записи». Вспомним, что сумма займа без свидетелей по ПРП была ограничена 3 гривнами. Сумма же займа без заклада и без записи может составлять не более 1 рубля. Эта норма не отменяет соответствующую статью ПРП – она ее дополняет новыми требованиями к оформлению более крупных займов.

Статья 22 уточняет эту норму: «А кто имет давати ссуда серебра по доскам без заклада боле рубля, ино того доска повинити, а того права, на ком сочат» – т. е. если кто-то все-таки дал взаймы сумму более рубля, не составив при этом договора и не взяв залога, того суд отказывается защищать. Суд не будет принуждать заемщика выплачивать долг такому нерадивому кредитору.

А вот статья 23, видимо, была принята, чтобы предотвратить мошенничество со стороны кредиторов: «Хто на ком имет ссуднаго серебра по доскам, а сверх того и заклад положит на него платной или доспех, или конь, или иное што назрячее и животное, а тот заклад того серебра не судит, чего ищет, отопрется своего закладу, а молвит так: оу тебе есми того не закладал, а оу тебе есми не взимал ничегж, ино кто ищет тому человеку тем закладом владети, а тот прав, на ком сочат».

Кредитор предъявляет суду «доску» – долговую расписку, а сверх того и заклад. Но «тот заклад того серебра не судит, чего ищет» – сумма, зафиксированная в досках, явно и значительно отличается от рыночной стоимости предъявленного заклада. В таком случае, если заемщик откажется от любых претензий кредитора – и от того, что брал серебро по доскам, и от того, что брал серебро под заклад, – то закладом владеть кредитору, а все претензии кредитора к заемщику отвергаются. То

есть, эта статья предполагает, что недобросовестный кредитор может сфабриковать поддельную доску и предъявить в качестве заклада какую-нибудь свою вещь, имеющую ценность гораздо ниже, чем сумма, обозначенная на «доске».

Из этой статьи можно сделать следующие выводы:

1) в Пскове периода действия ПСГ порой имело место подобное мошенничество;

2) в долговой расписке – «доске» – явным образом фиксировалась сумма кредита.

Анализ статей ПСГ о сроках кредита показывает, что сроки его возврата и размер процентов тоже могли фиксироваться на заемном документе – «доске» или «записи». Тот факт, что, согласно Новгородской Первой летописи, в 1209 г. большое количество заемных досок было конфисковано у посадника и его приспешника и передано князю, доказывает, что на досках фиксировались также и имена заемщиков. Иначе – при наличии большого количества кредитных записей, сделанных другим человеком, – князю и его управляющим было бы совершенно невозможно разобраться с этими кредитами: ведь они не могли помнить – на кого какая «доска» оформлена. Следовательно, это должно было быть записано непосредственно на долговых досках.

Мало того, несмотря на то что заклад имеет в кредитных операциях все большее значение, «доска», согласно ПСГ, остается достаточным средством для взыскания долга, даже если это долг господина своему изорнику (пахарю-издольщику): «А которой изорник на государя положит в чем доску, ино та доска посудить» – т. е. «доска» о долге «государя» изорнику принимается судом для рассмотрения и взыскания долга в пользу изорника. Естественно, что, согласно статье 21, эта доска без предъявления залога будет действительна, только если сумма долга не превышает 1 рубля. Но вряд ли на практике был возможен такой случай, как долг государя своему изорнику в сумме больше 1 рубля. Изорник, имеющий возможность ссужать более рубля кому бы то ни было, вероятно, потратит этот рубль не для того, чтобы кого-то ссужать, а для того, чтобы выкупиться из зависимости и работать в дальнейшем только на себя.

В статье 24 описывается институт поручителей: «А которой человек поручится за друга в серебре, а имет тот человек сочить на поручнике своего серебра, и тот истец по ком рука дана, вымет против своего истца рядницу, а молвит так: аз, брате, тобе заплатил то серебро за тою рукою, а у мене и рядница што ему не сочить истьцу на исце того серебра, ни на поручники, ино тая порядня повинить, аже в лары не будеть в тыжь реч, а исцу знати поручника в своем серебре, кто по ком руку дал. А поруке быть до рубля, а болши не быти рубля».

Для понимания этой статьи приведем пример. Из Новгорода в Псков периодически приезжает купец Жила. У него в Пскове есть постоянный партнер – Дружила. Жиле срочно понадобились деньги – хотя бы рубль. Но залога у него сейчас нет. В то же время, Дружила владеет недвижимым имуществом в Пскове и готов поручится за Жилу. Жила и Дружила идут вместе к ростовщику, оформляют заемный договор – рядницу (на которой, видимо, фиксируются оба имени – заемщика и поручителя). Жила получает кредит и продолжает свою торговую деятельность. Наторговав нужную сумму, он может вернуть свой долг ростовщику. Но если он умный человек и хорошо знаком с суровыми псковскими ростовщиками, то потре-

бует от них расписку в 2, а лучше в 3, экземплярах, в том, что он, Жила, полностью расплатился и у ростовщика теперь нет претензий ни к Жиле, ни к его поручителю. Один из экземпляров Жила должен положить на хранение «в ларь» – видимо, в какой-нибудь солидной псковской церкви, другой отдать Дружиле. Возможно, лучше ему иметь и третий экземпляр и возить его с собой. Потому что когда Жила уедет обратно в Новгород, жадный ростовщик может «забыть» о том, что уже получил долг, и потребовать по суду уплаты того же рубля с процентами с наивного поручителя Дружилы. И вот тут-то Дружиле пригодится рядная грамота между Жилой и ростовщиком. Но ростовщик может заявить, что эта грамота поддельная. Тогда-то и пригодится второй экземпляр рядной грамоты, в котором написано «в тыж речи». Пригодятся и показания церковного служителя о том, кто и когда принес этот экземпляр грамоты на хранение.

Однако поручительство не действует при долге на сумму больше рубля, т. е. любой кредит, сумма которого превышает рубль, должен оформляться с применением залога.

«Поле» все-таки может присуждаться при споре между кредитором и заемщиком, если долг по «доскам» требует выплатить не обычный ростовщик, а человек с ограниченной правоспособностью: «А на котором человеке имут сочити долгу по доскам, или жонка, или детина, или стара, или немощна, или чем безвечен, или чернец, или черница, ино им наймита волно наяти, а истцом целовати, а наймитом битись, а против наймита исцу своего наймита волно, или сам лезет».

Отдельно регламентируются долговые расчеты между торговцами: «А кто имет на ком сочить торговых денег по доскам, тот человек противу положит рядницу, а в рядницы будет написано о троговли же, а противу той рядницы не будет во святоей церкви в лари в те же речи другой, ино тая рядница повинити». То есть отношение к профессиональным торговцам – особое. Судебная власть им не доверяет и считает их более, чем рядовых граждан, способными на всякие фальсификации. Поэтому торговцам остается только производить взаимные расчеты на доверии, не вмешивая суды, или составлять договор-«рядницу» в нескольких экземплярах. Причем один экземпляр должен в таком случае храниться «во святой церкви в лари».

Статья 53 предусматривает примирение сторон в иске о кредите: «А кто на ком имет чего искать по доскам, или по закладом, а с молве оу своего исца возмет от много мало по суду, и что бы оу креста, ино в том пени нет, что бы и даром отпустил своего истца без целованья». То есть, истец может уменьшить сумму гражданского иска или совсем от него устно («с молве») отказаться, хотя бы даже дело дошло и до присяги. При этом никакую пеню примирившиеся стороны не платят.

Рассмотрим теперь статьи, касающиеся срока выплаты платежа или процентов. Статья 64: «А которому человеку на ком будет имание по записи, да и гостинец будет писан на записи, а приидет зарок, ино ему явить господе о своем гостинце, ино и по зароки ему взять свой гостинец; а только не явит зарок господе, гостинца ино ему не взять по зароке».

То есть, если кто-нибудь будет взыскивать долг по записи, а в записи зафиксированы и процент («гостинец»), и срок выплаты этого процента, то, когда подойдет срок, кредитор должен заранее предъявить господе документ о полагающихся ему процентах. Тогда, при наступлении срока, ему взять свой процент. А если кредитор

не предъявит господе документ о полагающемся ему проценте, то не взять ему свой процент после наступления срока.

Понятно, что при наличии доверия между кредитором и заемщиком заемщик сам, добровольно, будет выплачивать в срок полагающиеся по заемному документу проценты. Однако в случае уклонения заемщика от своевременной выплаты процентов, «господа» (т. е. выборные главы Пскова), должна будет принудить заемщика к этим выплатам. Но невозможно сегодня принудить заемщика к своевременной выплате, когда время этой выплаты наступило еще вчера. Даже если к этой выплате принудить – она будет произведена уже с задержкой. Поэтому, для того чтобы силами псковской администрации добиться своевременной выплаты процентов от недобросовестных заемщиков, кредиторы и должны предупреждать администрацию о сроках платежей заранее, естественно, предъявляя при этом подтверждающие документы.

Следующая статья говорит о досрочном расторжении кредитного договора: «А кто почнет имать своего исца в своем сребре до зарока, ино ему гостинца не взять. А на коем сребро имати, и тот человек до зароку оучнет сребро отдавать, кому виноват, ино гостинца дать, по счету ему взять».

Если досрочного возврата кредита требует ростовщик, то он получает только основную сумму кредита, но не получает процентов – «гостинца». Если же кредит досрочно возвращает заемщик, то ростовщик не должен из-за его торопливости терять своих законных процентов по кредиту.

В статье 101 описывается ситуация, которая могла возникнуть в случае смерти недобросовестного заемщика, заложившего один и тот же объект недвижимости нескольким разным ростовщикам: «А которыи исцы вымоут на умершего заклад грамоты двои или трои или пятеры на одну землю, или на воду или на один двор, или на одну клеть, а у тех исцов, у кого заклад грамоты сверх того и записи и на того оумершаго и на его заклад и у иных исцов не будет записи, только заклад грамот, ино им правда давши да деля поделом, и по серебру, колко серебра ино и доля ему по тому числу, ожь ближнее племя восхощет заклад выкупить, а у коего исца заклад и записи на умершаго, ино ему целованья нет на его дело».

Итак, на один объект недвижимости претендует несколько кредиторов, имеющих на него закладные грамоты. В этом случае, возможно, у одних кредиторов будут и закладные документы, и записи (расписки умершего), удостоверяющие сумму долга, а у других – только закладные на этот объект. В таком случае, чтобы определить, какую сумму умерший был должен кредиторам, не предъявившим расписок умершего, этих кредиторов приводят к присяге, где они и объявляют о сумме долга. Потом объект недвижимости, видимо, продается, а вырученная сумма делится между кредиторами пропорционально сумме иска. Если же ближайшие родственники захотят выкупить заклад (т. е. оплатить все закладные умершего и вступить во владение его недвижимостью), то и тогда кредиторы, не имеющие расписок, должны приносить клятву – крестное целование, удостоверяя сумму, которую им был должен покойный, а те кредиторы, у которых есть расписки, никакой клятвы приносить не должны.

И, наконец, рассмотрим случай из статьи 104, когда кредит берется в пенязях (пфеннигах): «А кто коли заклад положит в пенязех, что любо, а потом времяне имет пенязи отдавати, а своего заклада просит, ино он запрется его закладу, а мол-

вит так: тебе есми пенязи не давал, а у тебе есми заклад не взял, ино той суд как зблюдению на три воли тому человеку на ком сочат: захочет сам поцелует как за ним заклад не будет, или ему закладную цену ценою положить у креста, или с ним на поле лезет».

То есть, если кто-то под заклад возьмет кредит в пфеннигах, а по истечении времени начнет отдавать свои пфенниги и просить назад свой заклад, а ростовщик откажется отдавать, говоря так: «тебе пфеннигов не давал, а у тебя заклад не брал», то суд предлагает ростовщику три варианта действий. Либо ростовщик может сам поцеловать крест – дать клятву в том, что не давал кредит и не брал заклад; либо ростовщик объявит цену выкупа заклада и призовет к присяге истца-должника; либо выйдет с ним на судный поединок – «на поле».

Почему в статье 23 от сделки может отказаться должник, а в статье 104 от такой же кредитной следки может отказаться кредитор? Логика закона в том, что одна из сторон имеет возможность отказаться от сделки, если эта сделка будет для этой стороны заведомо невыгодной. И если невыгодность сделки в статье 23 проистекает из того, что сама кредитная сделка подложная, предложенный ростовщиком заклад не стоит требуемого за него серебра, то в статье 104 «подложной» может оказаться не кредитная сделка, а валюта, в которой проводится сделка. Заемщик берет кредит и отдает его в «пенязех». В Псковской 3-й летописи под 1409 г. сообщается: «отложиша во Пьскове коунами торговати и начаша торговати пенязи» (ПЗЛ, 2003. С. 116). Пенязями названы деньги ливонского ордена, которые были в ходу в Пскове на протяжении всего средневековья и даже использовались в качестве местной валюты с 1409 по 1424 г. Дело в том, что в XIV–XV вв. ливонская монета несколько раз претерпевала заметную порчу. Уменьшалось содержание в ней серебра и, соответственно, падала реальная стоимость таких денег. Подобные же процессы девальвации и уменьшения серебряной составляющей происходили и с большинством немецких разменных монет того периода, также именовавшихся пфеннигами, или, по-русски, пенязями. В результате порчи, девальвации пенязей, их ценность, видимо, могла упасть настолько, что выданный в пенязях кредит в результате удешевления монеты терял свою стоимость, и получение той же валюты, пусть даже с процентами, могло обернуться для ростовщика серьезным убытком. Сознавая такую особенность «немецких денег» – время от времени резко дешеветь, – законодатели в статье 104 узаконили право ростовщика по своему желанию отказаться от возврата занятых пфеннигов и вместо них оставить у себя залог.

Итак, кредитный бизнес успешно развивался в Пскове и действовал по довольно простым и логичным правилам, которые так или иначе учитывали интересы заемщиков и кредиторов. Нормы ПСГ, регламентировавшие кредитный бизнес, видимо, складывались постепенно, как реакция на изменения на рынке кредитования. Эти нормы были направлены на борьбу с мошенниками и на максимально простое и эффективное решение возникавших на этом рынке конфликтов.

Учитывая скудость источников, регламентирующих деятельность ростовщиков, данные, полученные из анализа ПСГ, можно, в самых общих чертах, экстраполировать и на другие регионы Древней Руси, такие как, например, Великий Новгород. Основанием для этого служит общность правовой основы (Русская Правда) и общее направление социально-экономического и культурного развития этих регионов.

Литература

Алексеев Ю.Г., 1997. Псковская судная грамота. Псков.
Зализняк А.А., 2004. Древненовгородский диалект. М.
Ковалев Р.К., 2003. Деревянные долговые бирки-сорочки XI–XII вв. из новгородской коллекции // Новгородский исторический сборник. СПб. Вып. 9 (19).
НПЛ – Новгородская первая летопись. Л., 1950.
ПЗЛ – Псковская третья летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2003.
Русская Правда // Памятники русского права. М., 1952.
Тихомиров М.Н., 1953. Пособие для изучения Русской Правды. М.
Янин В.Л., Зализняк А.А., 1986. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 годов). М.

М.Б. Бессуднова

Документы по истории Пскова в Государственном Шведском архиве (Стокгольм)

*M.B. Bessudnova***.** Documents on Pskov history in the Swedish State Archives «Livo-Moscovitica» (Stockholm)

*Abstract***.** The collection «Livo-Moscovitica» from the fund Livonica I stored in the Swedish State Archives (Riksarchivet) contains a number of historical documents on history of Pskov-Livonian relationships in the 16th – the beginning of the 17th cc. Among them there are Pskov-Livonian agreements of 1509 and 1521, letters of the Livonian Order Masters, Dorpat bishops, and governors of Pskov, such as Prince A.M. Kurbskij, I. Taube, and E. Kruze in which Pskov, is mentioned. There is also a set of documents covering Pskov position in Livonian war.

*Ключевые слова***:** Государственный архив (Стокгольм), русско-ливонские отношения, Псков, Ливонский орден, Дерпт, Ливонская война.

Комплекс русских письменных источников, освещающих отношения средневекового Пскова с государствами ливонской конфедерации («Старой Ливонии»), крайне невелик. Он представлен, главным образом, летописным материалом с характерной для него избирательностью (торговля Пскова с ливонскими городами, к примеру, в псковских летописях никак не отражена) и серией торговых договоров XII–XVI вв. Вместе оживленные и разносторонние, контакты Пскова с соседней Ливонией, которые осуществлялись на протяжении всего Средневековья, обусловили появление сведений о многих событиях псковской истории в источниках ливонского происхождения. При этом речь идет не только о нарративе и международных договорах, но и о деловой документации, гораздо более объективной в плане подачи информации, хотя и под определенным углом зрения. Значительная часть этих документов опубликована, но много их продолжает ждать своего часа в архивных собраниях России и зарубежных стран.

Примером тому служит документальная подборка из фонда Livonica I в шведском Государственном архиве (Riksarchivet) в Стокгольме, в составе которого хранятся документы из архива Ливонского ордена (XIII в. – 1562 г.), а также из архива герцогов Курляндских. После секуляризации Ливонского ордена в 1562 г. его архив был перевезен экс-магистром и первым герцогом Курляндским Г. Кеттлером в Митаву, где и оставался до 1621 г. Когда шведы заняли Митаву, курляндский архив

был перевезен в Стокгольм. После подписания в 1635 г. мирного договора часть документов возвратили в Курляндию, но наиболее ценные из них, включая орденский архив, так и остались в Швеции (*Brünjes*, 1997. S. 30–32). В середине XIX в. ливонский (курляндский) архив, хранившийся в Государственном архиве и Королевской библиотеке в Стокгольме, а также в университетской библиотеке Упсалы, изучался К. Ширреном, который составил первый перечень входящих в него документов (*Schirren*, 1861–1868).

При изучении истории русско-ливонских отношений особенно важен фонд Livonica I, состоящий из 50 томов, в которых собраны документы на бумаге за период с 1299 по 1621 г. Первые 23 тома содержат исходящую (т. 1–10) и входящую (т. 11–23) документацию из архива ливонских магистров с конца XV в. по 1562 г. (*Almquist*, 1908). Том 24 полностью посвящен внешнеполитическим контактам Ливонии XVI – начала XVII в. и содержит ряд папок с документальными подборками по различным направлениям ливонской внешней политики. В папке «Livo-Moscovitica» объединены документы за 1509–1601 гг., касающиеся отношений Ливонии с Московским государством, Новгородом и Псковом. В основном это копии, изготовленные во второй половине XVI в. в курляндской канцелярии, хотя есть и подлинники. Часть их хорошо известна исследователям, но есть также материалы мало, а то и вовсе не изученные. Некоторые из них не внесены даже в перечень К. Ширрена.

Уже первый документ шведской «Moscovitica» напрямую связан с Псковом, поскольку представляет собой тетрадь с копией мирного договора, заключенного в марте 1509 г. между Псковом, выступавшим от имени государя «всея Руси» Василия III Ивановича (1505–1533), и Ливонией, которую представлял магистр Ливонского ордена Вольтер фон Плеттенберг (1494–1535) (*Напиерский*, 1886. № 306, 307; LEKUB, 1914. № 583, 584; *Казакова*, 1983. С. 90–92). Там же можно найти тетрадь с аналогичным договором, заключенным представителями Новгорода. В хранилище рукописей Riksarchivet находятся также подлинные договорные грамоты на русском и немецком языках, выполненные на пергаменте и заверенные печатями (*Schirren*, 1861–1868. № 166, 167). Текст же из «Livo-Moscovitica» представляет собой перевод на немецкий язык оригинального русского, который был сделан в середине XVIII в. неизвестным лицом и для неизвестных целей.

Той же самой рукой воспроизведен по-немецки текст русской договорной грамоты, скрепившей перемирие, заключенное 1 сентября 1521 г. Василием III, представлявшим интересы Новгорода и Пскова, с Ливонским орденом. Этот договор имел две редакции – каждая на русском и немецком языках. Разноязычные экземпляры первой редакции вкупе с немецким текстом договора второй редакции были обнаружены в XIX в. в Москве и опубликованы К. Напиерским под литерами *a*, *b* и *c* (*Напиерский*, 1886. № 369). Русскоязычный же текст второй редакции отсутствует, однако благодаря шведской «Livo-Moscovitica» мы располагаем выполненным с него переводом, несколько разнящимся с оригинальным немецким текстом. Русское происхождение документа не вызывает сомнений, поскольку переводчик сохранил русские датировки. При этом переводчик допустил неточность: зная, что по православному календарю новый год начинался с 1 сентября (день заключения договора), он датирует грамоту не 1521, а 1522 г., и, соответственно, срок его окончания – не 1531, а 1532 г. Кстати, в «Livo-Moscovitica» хранится также немецкий

текст договора 1521 г. в его первой редакции (по Напиерскому – *a*)**,** скопированный с оригинала в XVI в.

С историей подписания русско-ливонского договора 1521 г. связан еще один документ, чье содержание напрямую касается одной из наиболее болезненных проблем псковско-ливонских отношений, а именно «проблемы Пурнау». Область Пурнау, или Пурнова, расположенная между округами русской Опочки и орденского Мариенбурга (Алуксне), отошла Пскову по договору 1463 г. и с тех пор неизменно фигурировала в качестве повода к многочисленным русско-ливонских конфликтам (*Бессуднова*, 2010. С. 70–78). Эта тема затронута в «инструкции и обращении» (Instruction und gewerven) магистра Плеттенберга к комтуру Феллина (Вильянди) Рупрехту фон Граве и Симону фон дер Борху, направленным им к рижскому архиепископу Ясперу Линде (1509–1524) для обсуждения предстоящих переговоров с русскими и разногласий, возникших по этому поводу на ландтаге в Вольмаре (Валмиере). Архиепископ считал, что на предстоящих переговорах вновь следует поднять вопрос о принадлежности Пурнау, которую дерптские епископы продолжали считать своей, и настаивал на том, чтобы посольство в Москву направил именно дерптский епископ Иоганн Бланкенфельд, кого этот вопрос касался напрямую. Магистр же полагал, что Ливонию должен представлять орден, а участие епископа должно ограничиваться присутствием в составе посольства его наблюдателя. Более того: магистр высказал пожелание, чтобы тема Пурнау, в отношении которой стороны на протяжении прошедших десятилетий так и не выработали приемлемого соглашения, вообще не поднималась, поскольку могла спровоцировать конфликт. Желая подчеркнуть опасность подобной стратегии, Плеттенберг приказал передать, что если архиепископ не изменит своего мнения, он лично полагает себя вправе вновь созвать ландтаг и объявить сбор ополчения, поскольку считает срыв переговоров и начало войны с Россией делом неизбежным. Впрочем, он выражал надежду на то, что его оппонент проявит понимание опасности, в которой окажется страна, «если соседние государства заметят, что она из-за этого или других дел расколота, разделена и лишена единства», и примет разумное решение.

В указанном документе отчетливо просматриваются соперничество Ливонского ордена и местного епископата, составлявшее основу ливонской политической истории, а также желание магистра добиться от епископов согласованности действий при решении внешнеполитических проблем, чтобы таким образом добиться большей эффективности и еще больше укрепить авторитет ордена внутри самой Ливонии. Этой линии поведения руководство ордена будет придерживаться вплоть до начала Ливонской войны (*Angermann*, 2010. S. 32–39). В этом документе проявилась еще одна характерная черта орденской тактики, а именно нежелание обострять русско-ливонские противоречия из-за проблем, напрямую орденского государства не касавшихся. По этой причине в преддверии новых переговоров с русскими Плеттенберг не хотел возвращаться к спорам вокруг Пурнау, которые продолжались не одно десятилетие, отличались бескомпромиссностью поведения сторон и неоднократно провоцировали вооруженные конфликты. Не желая подобного исхода и стремясь добиться оптимального для Ливонии результата, магистр очертил для переговоров оптимальное оперативное пространство, в пределах которого достижение взаимовыгодных договоренностей было реальным, и поэтому основу договора 1521 г. составили условия развития обоюдовыгодной торговли.

Следующий документ шведской «Moscovitica» касается характера развития русско-ливонских отношений первой трети XVI в. Это письмо псковских наместников Ивана Даниловича Пенкова и Ивана Михайловича Волынского от 22 мая 1531 г., адресованное комтуру Ливонского ордена в Мариенбурге, по поводу жалоб псковских купцов на ограничения их права проезда по ливонской земле. В нарушение старинных договоренностей («старинных перемирных грамот и крестоцелования»), разрешавших русским купцам свободный проезд «по земле и по воде» в пределах всей Ливонии, магистр Плеттенберг совместно с епископом и городским советом Дерпта запретили им следовать из Пскова на Ригу прямым путем, минуя Дерпт. Оставив в стороне вопрос о мотивах поведения ливонских властей, отметим казуистичность самой ситуации, когда разрешение спорной ситуации осуществлялось на местном уровне, без обращения к суду государей.

Продолжает тему русско-ливонских межгосударственных сношений небольшое по объему уведомление, предоставленное 13 мая 1550 г. дерптским епископом Йостом фон дер Рекке посланцам магистра Иоганна фон дер Рекке (1549–1551) Иоганну Врангелю, Отто Гротхаусу и Юргену Пеперштеку, направленным через Псков в Москву для переговоров с царем Иваном IV (*Schirren*, 1861–1868. № 386). Епископ просил их дождаться в Пскове посланца Дерпта Генриха фон Аффлена, который доставит оригиналы и списки со всех русских документов (artickel und abschrifte aller russischen sachen), – скорее всего, речь шла о договорах, которые Дерпт заключал с Псковом, – и последует с ними в Москву, чтобы «в присутствии великого князя действовать совместно». Здесь, как и в документе 1520 г., речь идет о консолидации ливонских ландсгерров, которые совместно участвовали в русско-ливонских переговорах при сохранении ливонским магистром безоговорочного лидерства. Особенно это показательно в отношении епископа дерптского, в активе которого имелась длительная, начинавшаяся в 1474 г., традиция подписания с русской стороной отдельных договоров (*Казакова*, 1975. С. 147–154).

Основной блок шведской «Moscovitica» датируется эпохой Ливонской войны 1558–1583 гг. Его открывают документы, связанные с русско-ливонскими переговорами по поводу «юрьевской дани», которые велись в Москве в конце 1557 г. Им предшествовало послание псковских наместников Ю.М. Бельского и П.И Шуйского магистру Вильгельму фон Фюрстенбергу (1557–1559) от 19 октября 1557 г. с ответом на его просьбу о содействии проезду к «императору всех русских» Ивану Васильевичу ливонского посольства, которое должно было бить царю челом и просить о сохранении мира (*Schirren*, 1861–1868. № 566). «Теперь ты прислал к нам своего немецкого гонца (teutschen jeger) Бальтазара с письмом для великого князя с челобитьем, – значится там, – и мы твое письмо читали. В том письме написано, что ты государю бьешь челом и одновременно шлешь в Германию вербовать наемников (knechte entzunhemen) и что сам ты также прибыл на границу, а потому кажется нам, что твое челобитье к государю не праведное (nicht recht ist)». Псковские наместники затребовали от магистра скорейших объяснений на этот счет, которые должен был доставить в Псков податель сего письма, и только после его возвращения из Ливонии соглашались отправить в Москву гонца Бальтазара. Если вербовка наемников, которую осуществлял магистр, могла быть вызвана обострением отношений с Великим княжеством Литовским (ВКЛ) (*Гудавичюс*, 2005. С. 617–619), то

его присутствие близ русско-ливонской границы могло быть вызвано лишь опасением вторжения еще и с этой стороны.

К числу любопытнейших свидетельств той эпохи можно отнести продолжение дневниковых записей, освещающих обстоятельства поездки в Москву ливонского посольства в конце 1557 – начале 1558 г. (*Schirren*, 1861–1881. Bd. 2. S. 4–25; *Хёрнер*, 1886. С. 6–19). Второй раунд переговоров, начавшийся 11 декабря, и дальнейшее развитие событий описаны в продолжении посольских записей, немецкий текст которых был опубликован в XIX в. (*Schirren*, 1861–1881. Bd. 1. S. 20–32), а русский перевод в скором времени появится на страницах одного из изданий СПбГУ (*Бессуднова*, 2012). Предваряя его появление, заметим, что посольский дневник содержит, на наш взгляд, неоспоримые доказательства того, что поведение Ивана IV в отношении Ливонии мотивировалось, прежде всего, насущной потребностью в деньгах, и если бы его денежные запросы были удовлетворены, начало Ливонской войны могло быть отсрочено.

К началу 1558 г. серьезной подготовки войны с Ливонией не было осуществлено, а потому вскоре после январского прорыва русских войск со стороны Пскова в пределы дерптской епархии они были выведены из Ливонии. Доказательство тому мы находим в послании царя, направленном магистру Фюрстенбергу и рижскому архиепископу. «Вы посылали к нам своего служителя по имени Штефан с письмом, в котором пишете о желании получить опасную грамоту (geleideßbrieff) для своего посольства, чтобы оно могло благополучно прибыть к нам, бить челом и так же благополучно и без ущерба для себя вернуться назад, не претерпев урона от нашего воинского люда. На это нам следует возразить, что ***наши воины в вашей стране больше не присутствуют и обязаны сохранять добрососедство*** (guthe nachbarschafft zu haltenn)». Ходатаем за Ливонию выступал также канцлер императора Фердинанда I (der Keyser segeler). «А потому просьбы императорского канцлера ради мы смилостивились над вами, сняли с вас наш гнев и направили вам опасную грамоту для вашего посольства […]. Кроме того мы приказали нашим наместникам (statthalderen) в Великом Новгороде и Пскове, чтобы они наш воинский люд сдерживали (anhalten) и не позволяли им пересекать границу (sie nicht weither sollen uber de grentze treden)». Однако если в означенное время ливонское посольство не принесет царю челобитья, перемирие будет нарушено.

Несколько писем 1561–1563 гг., среди которых есть и два послания А.М. Курбского, рисуют ситуацию в Ливонии на начальном этапе Ливонской войны, однако о Пскове в них упоминания нет.

То же самое в целом можно сказать и о комплексе документов 1568–1570 гг., связанных с обстоятельствами пожалования Ливонии Иваном IV брату датского короля Фредерика I герцогу Магнусу, а также миссией И. Таубе и Э. Крузе. Правда, тут есть ремарки, имеющие отношение к Пскову. Так, например, в послании рыцарства рижской епархии к Таубе и Крузе от 30 ноября 1568 г. содержится приписка с изложением приватной просьбы некоего Герхарда фон Конхайта содействовать перевозке из Нойхаузена унаследованных им от брата товаров, которые оставались на сохранении в этом городе. Если вспомнить, что от Нойхаузена (Вастсейлийны) шел прямой тракт на Псков, то у нас появится косвенное доказательство продолжения торговых сношений псковичей с ливонцами и в годы войны.

Особый интерес представляет подробное описание «русской одиссеи» герцога Магнуса в 1570–1577 гг., составленное от его лица и содержащееся в отдельной тетради. В нем есть сведения о ходе переговоров герцога с царем в Москве в начале лета 1570 г. и последовавшей за тем военной кампании против шведов (главным образом, в районе пожалованного Магнусу Оберпалена), об опустошительной чуме, «кровавой бане» в Дерпте, бегстве Таубе и Крузе, переговорах герцога со шведскими военными властями в Ревеле, польским королем, эзельским дворянством и др. В том месте, где говорится о начале военных действий России против шведов в 1577 г., в частности, сказано: «В то время, когда шведский военный люд стал время от времени вторгаться в оберпаленские, вейсенбергские и лаиские земли, великий князь собрал всю силу и написал нам (герцогу Магнусу. – *М. Б.*), чтобы мы отправились в Псков и вместе с ним (великим князем. – *М. Б.*) выступили против шведов. Он назначил нам до Пскова приставом Ивана Колтовского (Koltokschen), чью сестру он взял в жены, чтобы мы добрались туда в здравии». Далее герцог жалуется на какого-то «бесчестного злодея», который сопровождал его от Пскова до Ивангорода, но в чем конкретно состояли проступки последнего, не указывает.

Весьма интересен следующий документ – запись допроса двух московских «бояр» (скорее всего, «детей боярских»), Игната Мокеева и Федора Воронова, взятых в плен рейтарами из Дюнабурга 8 апреля 1577 г. Текст имеет незначительные повреждения и не публиковался ранее, а потому мы позволили себе привести здесь его содержание с небольшими купюрами. «Наконец они рассказали, что прошедшей зимой вместе с 12 000 татар побывали под Breßlaw (Бреслау, Преслау?), но дороги тогда были непроходимы, они пожелали, чтобы их повели дальше в Литву. Великий князь в эту зиму лично прибыл в Великий Новгород, после чего он выдвинулся ближе сюда к Ворони<…>, желая идти на Ригу, однако после того как король Асагт (Asagt) войско <..>heret, он вынужден был удержаться и отступить. Он хотел начать сражение, но в его лагере тем временем разразилась эпидемия (<…>rbenn), и всякого заболевшего он приказал заживо бросать в огонь со всем его скарбом. И он приказал схватить среди прочих воеводу из Великого Новгорода по имени Иван Зараев (Szerayew), как только тот заболел, и сжечь со всем его домом, женой, детьми и всем тем, что тот имел. Кто же выбегал из огня, бросали туда заново». Эпидемия сопровождалась падежом лошадей.

Показания продолжают сведения, в которых фигурирует Псков: «Со стороны Пскова пришли татары и московиты численностью в 20 000 человек, среди которых были и эти пленные и которые хотели занять Уллу (die Ula?), но поскольку примерно 8 000 человек вряд ли нашлись квартиры, их отвели от Уллы, поскольку великий князь также приказал своему войску отступать. Они говорят, что великий князь в то время не имел никакого войска при ein <…>, однако приказал, чтобы каждый назавтра вооружился <….>, но места, куда все они должны были прибыть, до сих пор не указано. Высший командир над московитами, которого [они] там должны были получить, зовется Лев Салтыков, главный над татарами князь Иван Конзаро<…> (Konsaro<…>)».

В конце очерка, посвященного содержанию папки «Livo-Moscovitica» в шведском Государственном архиве, следует заметить, что оно представляет собой лишь малую частицу объемного фонда ливонской документации, касающегося истории русско-ливонских взаимоотношений, которая хранится в этом архиве и ждет своего часа.

Литература

Бессуднова М.Б., 2012. К вопросу о предыстории Ливонской войны: Продолжение дневника ливонского посольства 1557 г. в шведском Государственном архиве // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Вып. 1. В печати.

Бессуднова М.Б., 2010. Природа псковско-ливонских пограничных конфликтов в XV в. // АИППЗ. Вып. 55.

Гудавичюс Э., 2005. История Литвы с древнейших времен и до 1569 года. М.

Казакова Н.А.,1972. Русско-ливонские договоры 1509 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. М. Т. 4.

Казакова Н.А., 1975. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV – начало XVI в. Л.

Казакова Н.А., 1983. Договор Пскова с Ливонией 1509 г. // Вопросы истории. № 1.

Напиерский К., 1886. Русско-ливонские акты. СПб.

Хёрнер Т., 1886. Дневник ливонского посольства к царю Ивану Васильевичу // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. М. Кн. 4.

Almquist A., 1908. Livonica I: Ordensmästarnes arkiv samt handlingar från polska tiden i Livland och Curlandica. (Доступен в читальном зале Riksarchivet.)

Angermann N., 2010. Am Vorabend des Livländischen Krieges: Die Positionen der politischen Hauptkräfte Livlands gegenüber Russland // Батийский вопрос в конце XV – XVI в. М.

Brünjes S., 1997. Deutschordenskomturei in Bremen: Ein Beitrag zu Geschichte des Ordens in Livland // Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. Marburg. Bd. 53.

LEKUB 2 – Liv-, Est– und Kurländisches Urkundenbuch. Riga; Moskau, 1914. Abt. 2. Bd. 3.

Schirren C., 1861–1881. Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. 8 Bde. Reval.

Schirren C., 1861–1868. Verzeichnis livländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken. Dorpat.

А. Баранов

Магистр Ливонского ордена Бернд фон дер Борх и Псковская земля в контексте ливонских внутриполитических отношений (1471–1474)[1]

*A. Baranov***.** Master of the Livonian Order, Bernd von der Borkh, and Pskov land in the context of inter-Livonian political relations (1471–1474)

*Abstract***.** Russian-Livonian relations during the rule of the Master of the Livonian Order Bernd von der Borkh (1471–1483), as a rule, were previously discussed in historiography in connection with the peace agreements of 1474 and 1481 and in the context of war of 1480–1481. Direct links between Master's domestic and foreign policy have not been investigated. However, the archival materials on the history of Livonia, stored in Berlin, Riga, Tallinn and other cities make it possible not only to add details to the complex picture of Pskov-Livonian relations in the late 15th c., but also to contribute to the understanding of the Master's policy concerning the eastern neighbors in the context of the internal struggle of the Order for hegemony in Livonia greatly. The article gives an overview of the specifics of the political situation, in the frame of which the Master had to act, and the impact of this situation on the relationship between the Order and the Pskov Land at the time interval between the arrival of Borkh to power in the late 1471 and the Russian-Livonian peace treaty «Daniliev Peace» in the early 1474.

[1] Автор выражает благодарность и признательность г-ну проф. др. Маттиасу Тумзеру (Matthias Thumser) (Свободный университет, Берлин), председателю Балтийской исторической комиссии (Baltische Historische Kommission) и главному редактору готовящихся к печати томов 13 (1472–1479) и 14 (1480–1483) «Сборника актов Ливонии, Эстонии и Курляндии» (LEKUB), за предоставленные архивные материалы и любезное разрешение использовать их для написания данной статьи.

Ключевые слова: Ливонский орден, Псковская земля, русско-ливонские отношения, магистр Бернд фон дер Борх, архиепископ Риги Сильвестр Стодевешер, епископ Дерпта Иоганн Бертков, братья Вальдхаус фон Хеерзе, Ивар Аксельссон.

Борьба Ливонского ордена с Рижским архиепископством за полную и неограниченную власть в Ливонии, в ходе которой ливонские епископства, города и вассалы постоянно лавировали между противоборствующими сторонами, являлась неотъемлемой частью истории региона вплоть до гибели ливонского политического сообщества в 1558–1562 гг. (*Jähnig*, 2011. S. 12–57, 76–98).

С приходом к власти в ордене Бернда фон дер Борха (1471–1483) в конце 1471 г. конфликт с архиепископом Риги Сильвестром Стодевешером (1448–1479) достиг крайнего ожесточения (*Kroeger*, 1930; *Nyberg*, 1999). Этот временной период характеризуется также усилением влияния Московского великого княжества в соседних с Ливонией землях Великого Новгорода и Пскова и постепенным осложнением ситуации на русско-ливонской границе. Противостояние между орденом и Псковом в 1480 г. привело к непосредственному вмешательству великого князя Ивана III Васильевича (1462–1505), организовавшего в 1481 г. большой поход русских войск на Ливонию. Русско-ливонские отношения периода правления Бернда фон дер Борха рассматривались в историографии, как правило, в связи с мирными соглашениями 1474 и 1481 гг. и в контексте войны 1480–1481 гг., оставляя без должного внимания непосредственную связь между внутренней и внешней политикой магистра. Вместе с тем, обращение к архивным материалам по истории Ливонии, хранящимся в Берлине, Гданьске, Любеке, Риге, Риме, Стокгольме, Таллинне и других городах и готовящимся к публикации в рамках серии «Сборника актов Ливонии, Эстонии и Курляндии» (Liv-, Est– und Kurländisches Urkundenbuch) под редакцией Маттиаса Тумзера и Клауса Найтмана, предоставляет возможность не только добавить детали к сложной картине псковско-ливонских отношений конца XV в., но и существенно расширить понимание политики магистра по отношению к восточным соседям в контексте внутренней борьбы ордена за гегемонию в Ливонии. В рамках данной статьи невозможно дать исчерпывающий анализ содержания богатого архивного материала, касающегося времени правления Бернда фон дер Борха, поэтому, оставив эту задачу для будущих исследований, попытаемся в общих чертах охарактеризовать специфику политической ситуации, в которой должен был действовать магистр, и влияние этой ситуации на отношения между орденом и Псковской землей во временном промежутке между приходом Борха к власти в конце 1471 г. и заключением русско-ливонского «Данильева мира» в начале 1474 г.

Бернд фон дер Борх (начало XV в. – 1485?) родился в Вестфалии и происходил из рода министериалов епископов Мюнстера. В качестве орденского брата-рыцаря он впервые упоминается в составе конвента замка Везенберг (Раквере) в отчете визитаторов верховного магистра Тевтонского ордена после инспекции Ливонии в феврале – июле 1451 г. (LEKUB 1.11, № 160. S. 124–132; *Fenske, Militzer*, 1993. S. 130–133; Visitationen II, № 147. S. 19–40). На собрании орденского капитула в Вендене 11 ноября 1470 г. Борх был назначен комтуром Мариенбурга (Алуксне) (AR 2, № 123. S. 85–86). Эта должность являлась одним из ключевых постов во внутренней иерархии Ливонского ордена и наряду с ландмаршалом, комтурами Феллина, Ревеля, Голдингена (Кулдига) и фогтом Йервена (Ярвамаа) относилась к

«внутреннему совету» главы ордена (*Jähnig*, 2011. S. 150, 151). Весной 1471 г. Бернд возглавил ливонское посольство в Псков по заданию магистра Иоганна Вальдхауса фон Хеерзе (1470–1471). Согласно псковским летописям, Борх прибыл в город 5 марта 1471 г., чтобы сообщить о переносе резиденции магистра из Риги в Феллин и обсудить вопрос о псковско-ливонской границе, и оставался там в течение двух недель, удостоившись хорошего приема (П2Л. С. 56). В июле 1471 г. Борх был избран ландмаршалом Ливонского ордена (AR 2, № 135. S. 92).

Возвышение Бернда фон дер Борха происходило во время правления Вальдхауса фон Хеерзе, предпринявшего ряд реформ системы орденской администрации и взявшего курс на сближение с Новгородом против Пскова (*Stavenhagen*, 1897; *Cosack*, 1915; *Бессуднова*, 2011). Проводившиеся магистром изменения вызвали противодействие высших должностных лиц ордена (гебитигеров), что привело к оформлению заговора против Хеерзе. Во главе заговорщиков стал ландмаршал Бернд фон дер Борх. В начале октября 1471 г. план по свержению магистра был приведен в исполнение: Хеерзе был взят в плен и заточен в Вендене (Цесис). На состоявшемся затем орденском капитуле Бернд фон дер Борх был провозглашен магистром, в то время как все реформы его предшественника на этом посту были отменены. Резиденцией магистра вновь была объявлена Рига, также был составлен подробный отчет о происшедшем, призванный оправдать действия гебитигеров (AR 2, № 141, 143. S. 96–107; *Stavenhagen*, 1897. S. 48–61). Формальным завершением переворота стало утверждение Борха в должности, присланное в Ливонию в конце января 1472 г. верховным магистром Тевтонского ордена Генрихом фон Рихтенбергом (*Schirren*, № 513. S. 143).

Новоизбранный магистр столкнулся с задачей упрочения своего положения в Ливонии в условиях сложной внутренней и внешнеполитической обстановки. Во-первых, сторонники свергнутого магистра Вальдхауса фон Хеерзе не собирались слагать оружие. К этой группе относились его братья комтур Доблена (Добеле) Фридрих и североэстонский вассал Эрнст фон Хеерзе, а также фогт Нарвы Хейденрейх Вальгарден. Фридрих направился в Пруссию к верховному магистру, в то время как Эрнст прибыл в Швецию искать там заступничества в борьбе с Борхом. Фогт Нарвы Вальгарден остался в Ливонии и вместе со всем конвентом и кнехтами закрепился в своем замке, ожидая возможной атаки со стороны магистра (*Stavenhagen*, 1897. S. 43; *Neitmann*, 1993. S. 565–566, 570–572). Во-вторых, требовалось привести к вассальной присяге новому магистру все епископства, сословия и города Ливонии, что неизбежно сталкивало между собой интересы Борха и архиепископа Риги Сильвестра Стодевешера. В-третьих, не совсем стабильным было положение ордена и на международной арене. Проект предыдущего магистра по заключению военного союза с Новгородом против Пскова был полностью отвергнут, и задачей Борха являлось сохранение мирных отношений со всеми соседями, включая московского великого князя Ивана III и великого князя Литвы и короля Польши Казимира IV. Наличие нерешенных территориальных споров с Псковской землей и Литвой осложняло эту задачу, но главным вопросом для нового магистра все же оставалось установление полного контроля ордена над самой Ливонией. Исходя из этих соображений, Бернд фон дер Борх созвал в январе 1472 г. общий съезд всей ливонской земли (ландтаг) в Вольмаре (Валмиера), находясь, в качестве лидера совершенного переворота, не в самом выгодном положении.

По окончании заседаний ландтага, 21 января 1472 г., было подписано мирное соглашение между орденом, архиепископом Риги и всеми ландсгеррами, сословиями и городами Ливонии сроком на десять лет (AR 2, № 156. S. 114–116). Правовые уступки магистра в пользу сословий оправдали себя: те приняли его сторону и отказались вмешиваться в дело свергнутого Вальдхауса фон Хеерзе. Вопрос о вассальной присяге Риги не был решен, и переговоры с горожанами и архиепископом были продолжены. Борх проявил дипломатическую гибкость и к осени сумел договориться с рижанами. 10 октября 1472 г. Рига присягнула магистру и признала орден своим сеньором, получив так называемую «привилегию Борха» (LEKUB 1.13, обоюдные договорные грамоты Бернда фон дер Борха с Ригой, 10 октября 1472; *Kroeger***,** 1930. S. 224–233). В своем письме от 11 октября Борх известил верховного магистра Генриха фон Рихтенберга об успешном завершении переговоров и свершившемся акте присяги. В том же письме магистр сообщил о прибытии в Ливонию невесты Ивана III Софьи (Зои) Палеолог: «Также, милостивый любезный господин магистр, в Ревель из Любека прибыла одна дева с сотней сопровождающих, с многими епископами и легатами. Она, должно быть, дочь одного короля из Греции и провела многие годы при дворе нашего святейшего отца, папы, с такой целью, чтобы молодой король Москвы взял ее в жены, после того как примет христианство. Мы заботились [о ней], направляли и проводили эту деву с ее свитой через области нашего ордена в Ревеле, Йервене и Оберпалене [Пылтсамаа] вплоть до земли Дерптского епископства по желанию нашего святейшего отца, папы, с такими наивысшими почестями и почтением, какие мы могли оказать. Вышеназванный король Москвы, как мы полагаем, в качестве условия для получения этой девы, поклялся принять христианство, но дева не хочет ехать ни к нему, ни в его землю, пока не убедится, что он – христианин» (LEKUB 1.13, письмо магистра Ливонии верховному магистру, 11 октября 1472 г.).

Архиепископ Сильвестр был весьма раздражен переходом Риги на сторону магистра, т. к. считал себя единственным законным сеньором города, и незамедлительно начал искать союзников, отправив письма в Швецию архиепископу Упсалы Якобу Ульфссону и регенту Свену Стуре **(***Schirren*, № 504. S. 142, ошибочно датировано 1470 г., когда Борх еще не был магистром; *Kroeger***,** 1930. S. 234, прим. 2), верховному магистру в Пруссию (LEKUB 1.13, письмо Генриха фон Рихтенберга магистру Ливонии, 3 апреля 1473 г.), епископу Дерпта, папе римскому Сиксту IV, а также в Литву, Данию и города Ганзы, требуя помощи и защиты в борьбе с орденом (LEKUB 1.13, «Вейсенштейнский рецесс», 10 апреля 1478 г.; *Kroeger*, 1930. S. 234, прим. 8; *Thumser***,** 2006. S. 66).

Тем временем братья фон Хеерзе, заручившись поддержкой короля Дании Кристиана I и правителя Готланда Ивара Аксельссона, начали снаряжать боевые корабли в порту Данцига (Гданьск), планируя военную кампанию против Ливонского ордена (LEKUB 1.13, письмо Риги в Данциг, 4 марта 1473 г.; *Höhlbaum***,** 1877. № 1. S. 5; *Stavenhagen*, 1897. S. 72, 73). В начале марта 1473 г. был избран новый епископ Дерпта Иоганн Бертков, позиция которого в отношении внутриливонского конфликта была еще неясна (LEKUB 1.13, письмо бургомистра Дерпта бургомистру Ревеля, 13 марта 1473 г.). Верховный магистр Генрих фон Рихтенберг, в свою очередь, принял требования архиепископа и призвал Борха немедленно завершить разногласия с Сильвестром (LEKUB 1.13, письмо Генриха фон Рихтенберга магистру в Ливонии,

3 апреля 1473 г.; Index 2, № 2051). Ситуация осложнялась также приближающимся истечением срока русско-ливонского мирного договора 1448 г. и нерешенным вопросом о рубеже с Литвой. Перспектива одновременной войны на нескольких направлениях в условиях скудных экономических и военных ресурсов, имевшихся в распоряжении магистра, требовала от него проведения осторожной политики с поэтапным решением возникающих проблем. 7 июля 1473 г. было заключено соглашение об установлении границы между великим княжеством Литовским и Ливонским орденом (Lietuvos Metrika 5, № 125. С. 235–238). Затем 20 июля в Трейдене (Турайда) состоялась встреча магистра с архиепископом и представителями Риги, в результате которой была достигнута договоренность о перемирии до конца сентября 1474 г. с обязательством не призывать в Ливонию иностранные силы (LEKUB 1.13, «Вейсенштейнский рецесс», 10 апреля 1478). Это указание противоречило всей политике, проводимой Сильвестром в предшествовавший съезду в Трейдене период, однако вассалы архиепископа с помощью угрозы перехода на сторону магистра заставили его подписать этот акт, т. к. не желали вмешательства сильных иностранных держав во внутренние дела Ливонии **(***Kroeger***,** 1930. S. 235, 236).

На встрече в Трейдене обсуждался также псковский вопрос. Срок действия Нарвского договора 1448 г. подходил к концу и должен был завершиться в августе 1473 г. Согласно псковскому летописцу, назначенные ранее на 8 сентября 1472 г. переговоры ордена с псковичами были сорваны магистром: «…прислал князь местерь съ ответом посла своего въ Псковъ, что ныне князю местеру недосоугъ, на съездъ не быти, ни людеи своихъ так же не слати» (ПЗЛ. С. 188, 189). Учитывая то, что в начале сентября 1472 г. магистр готовился к очередной встрече с архиепископом и был всецело занят рижскими делами, становится понятным, почему Борху было «недосуг»: решение внутренних проблем являлось в данном случае приоритетным **(***Kroeger***,** 1930. S. 227). По всей видимости, посланники магистра были арестованы псковичами и брошены в тюрьму, т. к. следующее ливонское посольство, прибывшее в Псков на Пасху 1473 г., освободило их, заплатив выкуп: «И выняша посла своего Микоулу Клавшя да Ивана земскаго, а серебро за нихъ 75 рублевъ поплатив обидным людемъ» (ПЗЛ. С. 193).

Новые переговоры относительно продления мира были назначены на середину июля (Там же). На этот раз Борх отправил своих послов на съезд на Нарове, начавшийся незадолго до встречи представителей ордена и Риги с архиепископом в Трейдене. Псковский летописец отмечает, что Наровский съезд продолжался одну неделю, следовательно, к моменту заключения ливонского перемирия от 20 июля магистру еще не было известно о результате переговоров с русскими. На встрече в Трейдене Борх обратился к архиепископу с просьбой о поддержке ордена в случае начала войны с Псковом. Сильвестр дал положительный ответ, однако использовал это соглашение в своих целях. В тот же день он отправил в Ригу письма для Большой и Малой гильдий, повелевая городу быть готовым к войне с Псковом: «Мы не сомневаемся, что вам уже известно о том, что перемирие между этой землей и отступниками от святой христианской веры – русскими, а именно псковичами, истекает в скором времени. Таким образом, мы полагаем, что эти самые псковичи намереваются с силой вторгнуться в эту землю, Ливонию, разграбить ее и погубить. Поэтому мы договорились с многоуважаемым господином магистром Немецкого ордена в Ливонии и многими его гебитигерами в Трейдене, что каждая

сторона должна поддерживать другую и оказывать ей помощь в том случае, если, не дай Бог, эти самые псковичи не захотят продлять и держать перемирие. Таким образом, мы написали об этом нашему капитулу, всем нашим людям, служителям, вассалам и подданным, что каждый из них должен быть готов со своими кнехтами, доспехами, лошадьми и всем остальным, что требуется для военного похода».

Читавшие это письмо представители рижских гильдий, принесшие вассальную присягу ордену, понимали, что угроза возможной войны с Псковом не являлась предметом забот архиепископа. Сильвестр продолжал рассматривать себя в качестве сеньора города и потому «повелевал» рижским бюргерам, включенным в список его подданных и вассалов, готовиться к войне. Во второй части письма архиепископ выразился предельно ясно: «В силу того, что вы находитесь на территории нашего княжества и ваши предки со времен начала этой земли и до сих пор всегда следовали в походах за моими предшественниками, честными, истинными и естественными [вашими] государями, а также [в силу того, что вы являетесь] честными подданными святой Римской и нашей Рижской церквей, и как упомянутый господин магистр написал и сообщил нам, и вы высказали то же самое, что вы сохранили наши и нашей церкви права в том соглашении и письменном обязательстве, которое вы заключили, подписали и скрепили печатями с вышеупомянутым господином магистром и его орденом, мы, князь Священной империи, земли Ливонии и т. д. и ваш естественный истинный государь, призываем и требуем, повелеваем и просим, чтобы вы или некоторые из вас, по мере сил и возможностей, служили [нам] и отправились в поход вместе с кнехтами, лошадьми, доспехами и одеждами, если мы вам сообщим и напишем о том, что вы должны следовать [за нами] в готовности и порядке под нашей, нашего княжества и этой земли хоругвью, так же как делали и ваши предки от начала этой земли, защищая христианскую веру» (LEKUB 1.13, письма архиепископа Риги Большой и Малой гильдиям города, 20 июля 1473 г.).

Таким образом, Сильвестр на протяжении всего письма подчеркивал, что именно он является истинным и «естественным» государем Риги и всей Ливонии и в случае войны вся земля должна собраться именно под его знаменами. Обязательства Борха и бюргеров соблюдать права церкви в городе архиепископ интерпретировал как доказательство своей власти над Ригой **(***Kroeger***,** 1930. S. 236, прим. 3). Это определенно являлось не тем, о чем просил архиепископа магистр, но отношения с Псковом, как видно из процитированного письма, интересовали Сильвестра в последнюю очередь.

В августе 1473 г. Бернд фон дер Борх вновь направил своих послов в Новгород для обсуждения условий мирного соглашения. Камнем преткновения на переговорах являлся вопрос о псковско-ливонской границе, обсуждавшийся Борхом с псковичами еще во время его двухнедельного пребывания в городе в 1471 г. Ливонские требования заключались в возвращении границы к положению на 1463 г., когда был заключен сепаратный мирный договор между Дерптским епископством и Псковом **(***v. Stern***,** 1940. S. 413–426; *Казакова***,** 1975. С. 134, 135). Исходя из выражения псковского летописца о том, что «князь местеръ со Псковом и перемирье не емлет по срочных летех», Козак предположил, что магистр не хотел заключать с русскими очередное перемирие, но стремился к утверждению бессрочного соглашения (ПЗЛ. С. 193; *Cosack***,** 1914. S. 204, 205, прим. 3). Ту же самую фразу из летописи Казакова интерпретировала как «прямой отказ посла магистра возобновить мир» **(***Казакова***,**

1975. С. 148). Как бы то ни было в действительности, но мнение Козака в любом случае не вписывалось в принятую в советской историографии аксиому о «хронически агрессивном» Ливонском ордене.

В то время как послы магистра обсуждали условия продления русско-ливонского мира, Эрнст фон Хеерзе, пользовавшийся поддержкой правителя Готланда Ивара Аксельссона, объявил 21 августа открытую войну Ливонскому ордену: «Почтенным и уважаемым господам гебитигерам, конвентам, служителям и подданным вашего ордена. Вам и иным добрым людям хорошо известно совершенное против Бога и всего христианства насилие. Брат Бернд фон дер Борх со своими людьми, невзирая на честь и закон, захватил вашего истинного господина магистра Ливонии, моего брата, во время ночного сна в его постели, противозаконно бросил в тюрьму и погубил смертью. И мы полагаем, что из-за противозаконного насилия против нашего права вам должен быть нанесен множественный ущерб. Потому я, Эрнст Вальдхаус фон Хеерзе, и Вильгельм Суппенброт [один из сторонников братьев фон Хеерзе] вместе со всеми нашими друзьями и помощниками объявляем всему вашему ордену и [вашим] подданным, упомянутому брату Бернду и всем его людям, что мы являемся [вашими] врагами по вышеуказанному делу и всему, что с ним связано, до тех пор, пока мы не получим в этом деле возмещения ущерба и восстановления справедливости» (LEKUB 1.13, письма Эрнста Вальдхауса фон Хеерзе и Вильгельма Суппенброта, 21 и 26 августа 1473 г.; *Stavenhagen***,** 1897. S. 73, 74).

Ситуация становилась критической: ожидающееся вторжение шведов и неизвестность окончательного результата съезда с участием русских не оставляли магистру иного выбора, кроме как приведения Ливонии в боевую готовность. Трехнедельные переговоры в Новгороде закончились ничем, причем вина за зашедшее в тупик обсуждение условий нового договора традиционно возлагалась советской историографией исключительно на Борха. Однако в результате анализа данных ливонской документации выясняется, что в конце августа, в условиях надвигающейся угрозы шведского вторжения и отнюдь не радужной перспективы войны на двух направлениях, магистр направил дерптского посла в Псков, пытаясь все же решить дело миром. Посол вернулся с неутешительным известием: «Они хотят держать [перемирие] четыре недели, которые истекают в следующее воскресенье, через восемь дней [12 сентября 1473 г.]. Затем они не желают более никакого мира с нами» (LEKUB 1.13, письмо магистра в Ревель, 2 сентября 1473 г.; *Гильдебранд***,** № 295. С. 54). Бернд фон дер Борх разослал известие об этом по всей Ливонии, приказывая ландсгеррам готовиться к войне и собирать войска (LEKUB 1.13, письмо ревельских послов в Ревель, 1 сентября 1473 г.).

В то же время псковичи, рассчитывая на поддержку Ивана III в своем противостоянии с орденом, параллельно с ведущимися в Новгороде переговорами отправляли в августе 1473 г. посольства к великому князю с просьбой об оказании военной помощи. Судя по сообщению летописца, Иван Васильевич не отреагировал на первое послание, а на повторное ответил, что пошлет войска в Псков только в случае агрессии со стороны ордена (ПЗЛ. С. 193, 194). Однако ни о каком нападении со стороны магистра не могло быть и речи, т. к. в начале сентября флот Эрнста фон Хеерзе с его сторонниками и шведскими отрядами на борту отплыл в сторону Ливонии. Борху уже было известно об этом, и ему оставалось только ожидать, с какого направления последует удар. Могущественная семья Аксельссонов и швед-

ский рейхсрат открыто объявили о своей поддержке братьев свергнутого магистра. Правитель Готланда Ивар Аксельссон направил Борху письмо, в котором еще раз сообщил о начале боевых действий против ордена, добавив при этом, что в случае примирения магистра с братьями фон Хеерзе последние готовы оказать помощь в войне против русских (LEKUB 1.13, письмо Ивара Аксельссона ордену, 7 сентября 1473 г.; *Höhlbaum***,** 1877. № 4. S. 5). Учитывая тот факт, что к моменту получения письма Борхом шведские корабли уже направлялись в сторону Ливонии и Эрнст фон Хеерзе не собирался на данном этапе мириться с магистром, слова Ивара о помощи не имели никакого значения. В середине сентября 1473 г. отряды Эрнста фон Хеерзе высадились недалеко от Пернау (Пярну) и начали разорять окрестности города и южное побережье Вика (Ляэнемаа). Затем Эрнст осадил замок ордена в Пернау и безуспешно попытался взять его штурмом, после чего вернулся со своими людьми на корабли и снова отплыл в море, планируя новую операцию (LEKUB 1.13, письмо комтура Ревеля в Ревель, 20 сентября 1473 г.). Помимо того что Хеерзе мог высадиться в любом подходящем месте в удобный ему момент, его флот представлял также прямую угрозу торговым кораблям Риги и Ревеля.

Таким образом, осенью 1473 г. Бернд фон дер Борх находился в откровенно кризисной ситуации: перемирие с Псковом закончилось; отношения с верховным магистром, принявшим сторону архиепископа, оставались натянутыми, и, следовательно, ни о какой помощи из Пруссии не могло быть и речи; Сильвестр Стодевешер продолжал свою агитацию против ордена, в то время как Эрнст фон Хеерзе безнаказанно занимался пиратской деятельностью на море и на суше. Мог ли ливонский магистр в сложившейся ситуации помышлять об атаке Пскова? Ответ, на наш взгляд, более чем очевиден. Мятежный фогт Нарвы Хейденрейх Вальгарден, который в течение всего периода правления Бернда фон дер Борха оставался его бескомпромиссным противником, тем не менее отметил в своем письме в Ревель от 15 сентября 1473 г., что магистр заботливо и энергично укрепил все замки на русско-ливонской границе и разместил в них сильные гарнизоны для обороны от врага (LEKUB 1.13, письмо фогта Нарвы в Ревель, 15 сентября 1473 г.). Невзирая на вражду с Вальгарденом, в Ревель было направлено указание об отправке подкрепления в Нарвский замок (LEKUB 1.13, письмо комтура Ревеля в Ревель, 20 сентября 1473 г.). Таким образом, военные распоряжения Борха осенью 1473 г. носили исключительно оборонительный характер и не предполагали похода против Псковской земли.

В начале октября власти Пскова отправили новое посольство к Ивану III, призывая к тому, чтобы «князь великои любо сам на конь оусселъ, любо сына послалъ за домъ святыа Троица» (ПЗЛ. С. 194). В то же время ратманы Риги послали письмо в Данциг с описанием происходящих в Ливонии событий. Согласно этому сообщению, Ивар и Эрик Аксельссоны задействовали против земель ордена сильный отряд из 300 человек, хорошо оснащенный доспехами, оружием, пушками и всеми необходимыми припасами, и каждый день присылают все новые и новые подкрепления. Эти люди (под руководством Эрнста фон Хеерзе. – *А. Б.***)** атаковали окрестности Пернау, разграбили церкви, сожгли многие дома и захватили жителей в плен. Помимо этого, шведский флот атаковал несколько ливонских кораблей на море. Рижане предупредили Данциг об этой опасности и посоветовали либо до поры до времени не отправлять корабли в Ливонию, либо хорошо вооружить их на случай

столкновения со шведами (LEKUB 1.13, письмо Риги в Данциг, 8 октября 1473 г.; *Höhlbaum***,** 1877. № 5. S. 5, 6).

Военная кампания Аксельссонов и Эрнста фон Хеерзе против ордена продолжалась, оставалось тяжелым и положение Борха, не имевшего в своем распоряжении сильного флота для противостояния шведам и вынужденного держать главные силы на восточной границе для отражения вероятного русского нападения. В конце ноября Иван III, наконец, удовлетворил просьбы псковичей и направил в Псковскую землю войска князя Даниила Холмского вместе с ратями из 22 русских городов и татарской конницей. Однако плохие погодные условия предотвратили неминуемое вторжение (ПЗЛ. С. 195, 196).

Тем временем архиепископу Риги удалось в конце 1473 г. заключить союз против магистра с епископом Дерпта Иоганном Бертковым. Замки и войска епископства играли ключевую роль в системе обороны ордена на русско-ливонской границе, однако Борха ожидал неприятный сюрприз, когда 24 декабря послы епископа прибыли в Псков с предложением о сепаратном мире: «И когда господин князь и начальники Пскова спросили дерптских послов, [являются] ли господин Дерпта и господин магистр друзьями и действуют сообща, то ответили послы, что они не имеют между собой ничего общего и что господин магистр [правит] сам по себе, так же как и господин Дерпта. И они хотели заключить с Псковом особый мир, и русские также очень обрадовались, когда услышали, что Дерпт полностью отделил себя от ордена» (LEKUB 1.13, жалоба магистра на действия епископа Дерпта, [1475?]). С отпадением своего основного союзника, присоединившегося к лагерю архиепископа и стремившегося к заключению сепаратного мирного соглашения с Псковом, магистр уже не мог вести переговоры с русскими от имени всей Ливонии, как это было на съездах 1473 г. на Нарове и в Новгороде. Кроме того, орден оставался один на один в противостоянии не только с Псковом, но и со всеми силами великого князя. В обстановке продолжающейся шведской кампании против ордена и усиления позиций архиепископа после перехода Иоганна Берткова на его сторону магистру требовалось как можно скорее завершить кризис на восточной границе.

2 января 1474 г., через девять дней после начала псковско-дерптских переговоров, в Псков прибыли представители Бернда фон дер Борха. Магистру пришлось отказаться от своего требования возвращения старой русско-ливонской границы 1463 г. и объявить об отказе от территориальных претензий к Псковской земле. Послы Дерпта держались отдельно и не желали подписывать единое русско-ливонское соглашение. 7 января 1474 г. был заключен 20-летний мир между Псковом и Ливонским орденом (ПЗЛ. С. 196; *Казакова***,** 1975. С. 148, 149). Через неделю, 13 января, представители Дерпта оформили сепаратный мир, рассчитанный, в отличие от предыдущего договора, на 30 лет и включавший помимо прочего следующий пункт: «А по князи мистре чесному бискупу юръевскому, и посадникомъ юръевъскимъ, и всимъ юръевцомъ не пособляти противъ псковичъ, и людеи своихъ не поддавати мистру на помочь» (ГВНП, № 78. С. 135). С помощью войск великого князя псковичам удалось успешно преодолеть пограничный кризис и заставить магистра отказаться от своих требований, получив в результате внутренних ливонских противоречий между ландсгеррами дополнительный «бонус» в виде сепаратного соглашения с Дерптом, направленного по своей сути против ордена. Впрочем, как показало будущее, мир на русско-ливонской границе был недолгим.

Описание и анализ дальнейших событий времени правления магистра Бернда фон дер Борха, его борьбы против объединенных сил архиепископа Сильвестра и епископа Дерпта Иоганна Берткова, против братьев фон Хеерзе и шведского вторжения, успешного преодоления внутреннего кризиса, причин и хода русско-ливонской войны, борьбы за регалии Рижского архиепископства и обстоятельств отставки магистра в 1483 г. выходят далеко за рамки данного краткого исследования. Здесь проанализирован небольшой временной период русско-ливонских отношений (1471–1474 гг.), который, как нам кажется, не был достаточно хорошо освещен в исследовательской литературе. Наличие сохранившегося обширного документального материала позволяет нам лучше понять политику и действия магистра Бернда фон дер Борха, все еще ожидающего глубокого и масштабного, как и его эпоха, исследования.

Литература

Бессуднова М.Б., 2011. Великий Новгород во внешней политике ливонского магистра Иоганна Вальдхауса фон Херзе (1470–1471) // Новгородский исторический сборник. СПб. 23.

Гильдебранд Г., 1877. Отчеты о разысканиях, произведенных в Рижских и Ревельском архивах по части русской истории // Записки Императорской Академии наук. 29.3.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ред. С.Н. Валк. М.; Л., 1949.

Казакова Н.А., 1975. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV – начало XVI в. Л.

П2Л – Псковская вторая летопись; П3Л – Псковская третья летопись // Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2 / Ред. А.Н. Насонов.

AR 2 – Akten und Rezesse der livländischen Ständetage. Riga, 1938. Bd. 2 (1460–1494). Lfg. 2: 1467–1472 / Bearb. v. A. Bauer.

Cosack H., 1914. Geschichte der auswärtigen Verwicklungen des Ordens in Livland 1478–1483 // Baltische Studien zur Archäologie und Geschichte. Berlin.

Cosack H., 1915. Zur auswärtigen Politik des Ordensmeisters Wolthus von Herse // Hansische Geschichtsblätter. 21.

Fenske L., Militzer K., 1993. Ritterbrüder im livländischen Zweig des Deutschen Ordens. Köln; Weimar; Wien.

Höhlbaum K., 1877. Urkundliche Beiträge zur Geschichte Livlands im 15. Jahrh. // Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat 8.

Index 2 – Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae. Riga; Dorpat, 1835. T. 2: 1450–1631 / Hrsg. v. C.E. Napiersky.

Jähnig B., 2011. Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seiner Herrschaft in Livland. Berlin.

Kroeger G., 1930. Erzbischof Silvester Stodewescher und sein Kampf mit dem Orden um die Herrschaft über Riga // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. 24.

LEKUB 1.11 – Liv-, Est– und Kurländisches Urkundenbuch. Riga; Moskau, 1905. Abt. 1. Bd. 11: 1450–1459 / Hrsg. v. Ph. Schwartz.

LEKUB 1.13 – Liv-, Est– und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 1. Bd 13: 1472–1479 / Hrsg. v. M. Thumser, K. Neitmann. В печати.

Lietuvos Metrika. Vilnius, 1993. Kn. № 5: 1427–1506 / Par. E. Banionis.

Neitmann S., 1993. Von der Grafschaft Mark nach Livland: Ritterbrüder aus Westfalen im livländischen Deutschen Orden. Köln; Weimar; Wien.

Nyberg T., 1999. Schweden, Riga, Papst: 1471–1480 // Prusy – Polska – Europa. Toruń.

Schirren C., 1861–1868. Verzeichniss livländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken. Dorpat.

Stavenhagen O., 1897. Johann Wolthuss von Herse, 1470–1471, Meister des Deutschen Ordens zu Livland // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. 17.

v. Stern C., 1940. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge: 1448–1463 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 5.

Thumser M., 2006. Geschichte schreiben als Anklage: Der Weissensteiner Rezess (1478) und der Konflikt um das Erzstift Riga // Jahrbuch für die Geschichte Mittel– und Ostdeutschlands. 51.

Visitationen II – Visitationen im Deutschen Orden im Mittelalter. Marburg, 2004. T. II: 1450–1519 / Hrsg. v. Biskup M., Janosz-Biskupowa I.

А.В. Зорин

Александр Юзеф Лисовский на Псковщине

*A.V. Zorin***.** Alexander Józef Lisowski in Pskov Land

*Abstract***:** The Troubled Times in the early 17th century produced many outstanding personalities, but, perhaps, the most typical hero of this era appears to be Alexander Jozef Lisowski. A very important period in the life and activity of Lisowski is connected with his life in Pskov Land after the collapse of False Dmitry II supporters position in Zamoskovny region. Here, after Dmitry II left the scene, Lisowski lived as a «free Ataman», at times being on a service of Pskov, and at times acting independently on his own. By the summer of 1611, he finally shaped his political orientation, joining the ranks of Prince Vladislav supporters and the amnesty received in the Rech' Pospolitaya returned him to the king's service. Using powerful strongholds (Ostrov, then Voronich and finally Zavolochye), he successfully resisted the Swedes and Russian opponents of «Tzar Vladislav» until summer 1613. The detailed analysis of Lisowski's activities in Pskov Land and conditions of the peace treaty with the Voivoda I.F. Hovansky, forces to abandon the traditional view at this period of his life as an endless chain of random burglaries and robberies, and place him in the general context of events of the Troubled Times.

*Ключевые слова***:** Смутное время, Лжедмитрий II, Псков, Псковская земля, Лисовский.

Смутное время начала XVII в. породило немало ярких личностей, но, пожалуй, наиболее типичным героем этой эпохи можно с полным правом назвать знаменитого «наездника» Александра Юзефа Лисовского. Ни одно изложение событий Смуты не может обойтись без его имени, как не может оно обойтись, например, без князя Д.М. Пожарского. Однако в российской исторической литературе не существует специальных исследований, посвященных Лисовскому, его полку и их роли в событиях Смутного времени. Редкие энциклопедические статьи и отдельные упоминания в обзорных трудах нередко содержат фактические ошибки.

Важный период в жизни и деятельности Лисовского связан с пребыванием его на Псковской земле после крушения позиций сторонников Лжедмитрия II в Замосковном крае. Весной 1610 г. он лишился своей надежной базы в Суздале, большей части припасов, снаряжения и казны. Но ему было не привыкать начинать все с нуля. Как всегда, Лисовский действовал энергично и непредсказуемо. Вместе с казачьим атаманом А.З. Просовецким он поневоле предпринял опустошительный рейд по тылам армии М.В. Скопина-Шуйского. Разгромив по пути Ростов, Калязин монастырь, через Кашин, Тверь и Торопец во второй половине июля *лисовчики* вышли к Великим Лукам. Здешние территории все еще находились под властью сторонников самозванца, но никто здесь не мог отдавать Лисовскому приказов. Начиналась совершенно новая страница в его авантюрной биографии. Он превратился в независимую и весьма влиятельную фигуру.

Изгнанный из Замосковья, Лисовский с удивлением обнаружил на Псковщине множество людей, которые были рады его приходу. Его закаленный в боях отряд представлял собой серьезную военную силу, а сам полковник успел снискать громкую и довольно страшную славу. «Это был человек, который и сам с удивительной храбростью искал опасностей, и воинов вел с собой таких же: они, как и наши соратники из отряда Делашапелля, слыли на солдатском языке "пропащими" и обреченными на смерть (были люди отчаянные и больше ценили добычу, чем жизнь)», –

так оценивает появившихся из недр России Лисовского и *лисовчиков* шведский историк XVII в. Юхан Видекинд (2000. С. 143).

Ситуация в Псковской земле была довольно своеобразна. Еще весной 1608 г. в город вернулись стрельцы, попавшие после Болховской битвы в плен к Самозванцу и отпущенные им по домам. С собой они принесли не только рассказы о царской милости, но и грамоту, писанную «мудрым слогом зело». Следом за тем, летом 1608 г., в окрестностях города появились тушинские отряды под командованием Ф.К. Плещеева, и псковичи стали склоняться на сторону Лжедмитрия II. Воевода Петр Никитич Шереметев не относился к сторонникам Шуйского, но опасался ссориться с псковской купеческой верхушкой, поддерживавшей царя Василия. В итоге, он побуждал окрестных крестьян присягать Тушинскому вору, а затем сам же учинял над ними расправы, запрашивая одновременно подмогу из Новгорода. Когда 1 (11) сентября в Пскове прошел слух, что отряд иностранных наемников уже прибыл из Новгорода к самой реке Великой, горожане возмутились и на следующий день открыли ворота тушинцам Ф.К. Плещеева. Псков целовал крест Лжедмитрию, а П.Н. Шереметев был брошен в тюрьму и позднее там удавлен. С того момента город неизменно оставался на стороне Самозванца, раз за разом отражая новгородцев, пытавшихся вернуть их под руку царя Василия (*Платонов***,** 1901. С. 284–287).

Наконец, «после Петрова дня» 1610 г. к Пскову подступило новгородское войско под командованием князя Владимира Тимофеевича Долгорукова. Его небольшие силы включали в свой состав около 300 новгородцев и отряд иностранных наемников – «немцы Лобар с товарыщи». Псковичи послали за помощью к гетману Ходкевичу, а сами храбро вышли ему навстречу, «яко на борьбу или на кулачной бой», однако в столкновении с опытными солдатами потерпели сокрушительное поражение: «псковичи же, тогда еще не знающе ратного дѣла, видѣвше нѣмець, побѣгоша ко граду, они же всѣми полки напустиша и гониша до града, бьюще и секуще… аще бы тогда мало постояли, и град бы им здали». Псковичи, «преже сего видевше приходящих на них новгородцов, не имѣющи же помощи ниоткуду», уже направляли посольство с просьбой о помощи к гетману Ходкевичу, но он «не успѣ собратися с вои ити с ними». Но и новгородцы не смогли воспользоваться плодами неожиданной победы – до них дошла весть о том, что по соседству появился «лютый тать и разбойникъ пан Лисовской… с рускими мучители и грабители». Опасаясь, как бы Лисовский не напал внезапно на Новгород, войско В.Т. Долгорукова спешно отступило от Пскова (Псковская летописная повесть… 1987. С.154; *Белокуров***,** 1907. С. 106).

Воодушевленные псковичи тотчас направили посольство в стан *лисовчиков***.** Лисовский и Просовецкий стояли в то время у Порхова в новгородской земле. «Псковичи не только очень хорошо приняли его, но даже просили и убеждали остаться у них на некоторое время и оказать им помощь против немцев, которые из Нарвы (она принадлежит Шведскому королевству и расположена на лифляндском рубеже) ежедневно нападали и налетали на них. Он охотно так и поступил», – сообщает Конрад Буссов (1961. С. 161).

Опустошив напоследок Порховскую землю, в августе 1610 г. Лисовский выступил к Пскову. Псковичи впустили полковника в город, но его отряд предусмотрительно разместили на посаде и в Стрелецкой слободе. Для *лисовчиков* наступили блаженные дни отдыха. Они стали «во град входити и начаша многую великую

казну пропивати и платьемъ одѣватися, понеже бѣ многое множество имяху злата и сребра и жемчюгу… Егда же та вся провороваша и проиграша зернью и пропиша, начаша буестию глаголати и грозити гражаномъ» (Псковская летописная повесть… 1987. С. 154, 156). Устав от пьяных загулов *лисовчиков*, псковичи потребовали, наконец, от них ожидаемой службы. Воевод в Пскове в то время не было, и всеми делами управлял дьяк Иван Леонтьевич Луговской с выборными посадскими людьми. Это был «добрый мужъ во разумѣ и въ сѣдинахъ», который сумел выйти из трудного положения и выдворить из города опасного и непредсказуемого «союзника». Многоопытный дьяк «начаша лстивыми словесы глаголати, чтобы шол на Иваньгород на испоручение». Дипломатические способности И.Л. Луговского сделали свое дело, и полковник выступил в новый поход.

Тем временем общая ситуация в стране стремительно менялась. После внезапной смерти М.В. Скопина-Шуйского командование русской армией оказалось в руках бездарного царского брата Д.И. Шуйского. В итоге 24 июня (4 июля) 1610 г. под Клушиным поляки под командованием Станислава Жолкевского разбили русские и шведские войска. Дмитрий Шуйский бежал в Можайск, а немалая часть иностранных наемников из отряда Якоба Делагарди перешла на службу к Жолкевскому. Вслед за этим, 17 (27) июля 1610 г., Василий Шуйский был свергнут с престола и пострижен в монахи. Перемена власти в Москве аннулировала предшествующие русско-шведские договоры. Делагарди решил сам заплатить себе и, не дожидаясь инструкций короля, повел войска против Кексгольма, Ивангорода и Ладоги.

В такой обстановке, по челобитью псковичей, Лисовский и Просовецкий двинулись, наконец, к Ивангороду. Однако дальнейшие события разворачивались не столь просто, как о том сообщают Буссов и псковская летопись. Именно на Ивангород был направлен главный удар войск Делагарди. «Эту крепость, расположенную против Нарвы, поляки-димитриевцы давно уже обороняли за сильными укреплениями, а так как она защищена была и местоположением, то упорства врагов не удавалось сломить ни причиняемым уроном, ни доблестью осаждающих. Притом и Лисовский… занял с 4 тысячами человек все ближайшие дороги (и встал на пути г. Якоба [Делагарди], чтобы на пространстве 4 миль отрезать доступ к Ивангороду)… Так как он преградил доступ со всех сторон, то подойти к Ивангороду казалось небезопасным. Поэтому Якоб некоторое время простоял в устье реки Невы», – сообщает Видекинд, неточно именуя защитников крепости «поляками» (*Видекинд*, 2000. С. 143).

Пока Делагарди готовился к походу, осаду Ивангорода вели шведские войска под командованием Андерса Ларссона, Петра Нильссона Кроока и Нильса Шершельда. «Они старались ежедневными уговорами склонить осажденных к покорности и сдаче. Так как слова оказывались напрасны, применена была сила, пущены огневые ядра, но и те не имели успеха» (Там же. С. 148). С приближением в августе 1610 г. Лисовского в рядах осаждающих вспыхнул бунт и «более 2 тысяч иноземцев перебежали к неприятелю, среди них больше всего ирландцев. Командиры, не доверяя остальным, выставили против них караулы, как против врага». Сообщая об этом, Юхан Видекинд с недоумением пишет, что «для мятежа не было никаких причин, кроме распущенности, так как и жалованье платилось, и хлеб доставлялся регулярно: отдельные люди грешили единственно из-за порочности и своеволия» (Там же).

Конрад Буссов на причину дезертирства ирландцев и англичан смотрел проще. По его словам, Лисовский «не только очистил псковский рубеж от нарвского войска, но тайными хитростями и переговорами добился того, что 500 англичан и 300 ирландцев откололись от них и примкнули к нему, после чего нарвское войско оставило псковичей в полном покое» (*Буссов*, 1961. С. 161). Судя по всему, полковник прекрасно сознавал слабость своих сил и их неспособность противостоять на равных шведской армии, а потому и пустился на «тайные хитрости», стараясь внести раскол в ряды неприятеля.

Ослабив силы противника, Лисовский дважды пытался штурмовать лагерь осаждающих, однако успеха не добился: «во второй раз потерял два знамени и много людей убитыми и пленными, гнали его вплоть до Яма». Укрепившись под Ямом, полковник узнал, что против него движется Эверт Горн во главе 1000 всадников. Лисовский выступил против Горна, «но как только приблизился к врагу и можно было начать битву, он, внезапно покинув удобную позицию, бросился в бегство, причем много народу у него было перебито и уведено в плен; всего же войска, по сообщению пленных, было 3 тысячи из казаков, поляков, русских и татар. Оно бродило везде по полям, гонясь только за добычей, и теперь часть награбленного оставило нам» (*Видекинд*, 2000. С. 148). Согласно Петру Петрею, удар Горна был сокрушителен: «под городом Ямо он повстречался с польским вождем, Александром Лисовским, имел с ним сражение и истребил его войско, из которого уцелел только сам Лисовский с несколькими воинами, и убежал в Псков» (*Петрей*, 1997. С. 357).

Однако неудачное дело с Горном не обескуражило *лисовчиков* и не облегчило положения шведов. Согласно оценке самого Видекинда, «Лисовский придал ивангородцам мужества, так что теперь их можно было только голодом заставить подчиниться». Не рискуя более вступать в правильное сражение с регулярными войсками противника, хитрый полковник, похоже, усилил разлагающую работу среди иностранных наемников шведской армии. В начале сентября 1610 г. начинаются волнения среди французских солдат из отряда Режи Делавилля. Они настойчиво требуют выплаты жалованья, угрожая, «что если деньги нескоро будут уплачены, то они разграбят все, что попадется». Командование пыталось погасить волнения, направив наемников на захват Дерпта. Однако по пути французы подняли открытый мятеж, после чего к ним присоединились ирландцы. Шведам пришлось применить против них силу. Часть мятежников спаслась в Ревеле, а часть, во главе с заместителем полковника Николаем Шанцем, «бежала к русским». В результате этих беспорядков войска, стоявшие под Ивангородом, «сняли осаду, увезли пушки, все снаряжение, и возвратились в Нарву, собираясь вести с ивангородцами переговоры о перемирии» (*Видекинд*, 2000. С. 150).

Лисовский же, согласно псковской летописной повести о Смутном времени, избавив Ивангород от осады, сам задумал прибрать его к рукам. После бегства из Суздаля ему требовалась новая надежная база. «Тоде могу ис того града и прочая достати», – рассуждал он, согласно псковскому летописцу. Зная, что в пережившей осаду крепости плохо с продовольствием, полковник направил в Ивангород небольшой передовой отряд с хлебным запасом. *Лисовчики* вошли во внешний острог и «хотѣша внити во град и засѣсти по словеси его и никто же во граде помысли коварства сего быти, но вельми возрадовашася и похвалиша я». Однако один из старших дьяков, Афанасий Андроников, «уразумѣ злое его коварство» и приказал

закрыть городские ворота, не выпустив посланцев полковника из острога. В это время к Ивангороду подоспел и сам «многоковарный» полковник, обратившийся с просьбой пропустить его за городские стены. Его впустили и «честь ему воздаша» – но только его одного. Лисовский «подивися великой крѣпости граду» и выразил удивление проницательностью «державцовъ градских» – они первыми раскрыли его хитрости, хотя прежде, по его словам, «ни в коем граде руском не могоша узнати моего многоразличнаго коварства и сѣтей» (Псковская летописная повесть… 1987. С. 156).

О дальнейших действиях Лисовского Буссов сообщает следующее: «Оказав псковичам эту услугу, Лисовский перешел на сторону польского короля и эту зиму провел в Воронечье. Но заметив, что казаки и русские, которые были под его началом, собираются ему изменить, он покинул их и отправился один с 800 иноземцев на Красное, взял его летом 1611 г., уволил иноземцев, набрал 300 поляков, с каковыми он остался в той же крепости и сохранял ее для его величества короля польского. Такое счастье выпало Лисовскому по той причине, что люди Понтуса преградили ему тогда путь и ему пришлось, как хитрой лисе, дальним обходом найти другую лазейку из России и тем избежать гнева русских» (*Буссов*, 1961. С. 162).

Видекинд сообщает об этом следующим образом: «Лисовский, который, как я упоминал, только что был прогнан из стен Яма, теперь, по слухам, стал лагерем близ Гдова, но из-за разногласий с горожанами сжег дома и бежал неведомо куда» (*Видекинд*, 2000. С. 151).

Уточнить местонахождение «неведомого места» помогает псковская повесть о Смутном времени. По ее сведениям, отряд Лисовского разделился: «и поидоша русь во Псков, а пан Лисовской с литвой да нѣмецъ, полоненных на Иванегороде… поиде мимо Пскова» (Псковская летописная повесть… 1987. С. 156). Псковское сообщение отражает также раскол, произошедший между Лисовским и Просовецким в октябре 1610 г. Причина раздора не вполне ясна – переход Лисовского на сторону Сигизмунда, по словам Буссова, относится уже к зиме 1610–1611 г., а столкновения между атаманами начались уже на обратном пути от Ивангорода к Пскову. Сведения об этом сохранились в донесениях боярина Ивана Салтыкова, прибывшего в октябре 1610 г. к Новгороду приводить народ к присяге призванному на царство в Москву королевичу Владиславу Сигизмундовичу.

Новгородцы не допустили Салтыкова в город и отказались целовать крест королевичу. Тогда боярин «по всѣмъ дорогамъ около великого Новагорода поставил заставы от воровских и от неметцких людей крепкие». Тут же ему стало известно о том, что Лисовский и Просовецкий «со многими воровскими людьми» стоят в 20 верстах от Пскова. А 16 (26) октября в лагерь Салтыкова явились перебежчики из стана Лисовского – «татарове Янъгилдѣй Янъсупин с товарыщи 30 человѣкъ». От них Салтыков узнал последние новости о взаимоотношениях двух воровских атаманов: «Лисовской пришел был подо Псковъ… и Ондрѣей де… Просоветцкой со всѣми казаки от Лисовского отстал, і от самого Іванягорода по Псков у них меж себя с Лисовскимъ былъ бой; и убили де… меж себя на обе стороны с тысечю человѣкъ; и подо Псковом де… розорвались, Лисовской с нѣмцы и с литвою стал 50 верстъ ото Пскова в Острове, а с нимъ нѣмцы и черкасы, а Просоветцкой де… сталъ с казаки 20 верстъ ото Пскова» (Памятники дипломатических сношений… 1913. С. 121, 122).

Собравшись с силами, Лисовский неожиданно напал на стан Просовецкого и разгромил его в битве. Но силы казацкого атамана не были уничтожены. Разойдясь с недавним союзником, Просовецкий двинулся в сторону Великих Лук и по пути столкнулся с отрядом Григория Леонтьевича Валуева, сидевшего от имени королевича Владислава воеводой в Невеле. В итоге сражения «Просовецкой с казаки Волуева побил с Литвои не далее от Лукъ и шол под Москву» (ПЛ, 1955. С. 275). Это поражение поколебало позиции сторонников Владислава в этих краях, и чтобы укрепить свое влияние, Г.Л. Валуев вынужден был прибегнуть к жестким и решительным мерам: 25 декабря 1610 г. он разгромил и выжег Великие Луки.

Воодушевленный известием о расколе среди «воров», Иван Салтыков выслал под Псков и «под ыные измѣнные городы» крупный отряд под командованием Корнилы Никитича Чоглокова и полковника Лаврина Рудницкого из Старой Руссы. Против Лисовского боярин намеревался выступить лично. Однако, как уверял Салтыков в своем послании на имя короля Сигизмунда III, при вести о его намерении «литовские люди Олександръ Лисовской с товарыщи пошли за рубеж в Литовскую землю» (Памятники дипломатических сношений… 1913. С. 125). Впрочем, весьма скоро выяснилось, что заверения Салтыкова, мягко говоря, несколько преувеличены. Если Лисовский и отступил на какое-то время за литовский рубеж, то время это было весьма недолгим.

Теперь, когда псковичи, как сторонники Тушинского вора, перестали быть союзниками, Лисовский с полным правом открыл против них военные действия. Простояв некоторое время под Островом, полковник развил на Псковщине бурную деятельность и первой своей жертвой избрал Псково-Печорский монастырь: «После Рождества христова, Олисовской пришед изгономъ с Нѣмцами и с Литвои тайно под Печоры, и взя острог и торги всѣ и много множества всякого богатества, и людеи многих полонил и к городу приступал много, малым сохранил бог; а пришел врагами меж гор. И под Изборскомъ был и дрался со псковскими ратными, и под Островом, и под Опочкои, и стал на Вороноче, и воевал Псковщину, а Литвы и Немец 2000 с ним» (ПЛ, 1955. С. 276).

Псково-Печорский монастырь не случайно стал целью нападения Лисовского, а затем и самого гетмана Ходкевича. Это была мощная крепость, окруженная каменной стеной с восемью башнями. «Этот монастырь, находящийся приблизительно в миле от Пскова, у дороги на Ливонию и Ригу, славен почитанием и изображением Богоматери, там чтится ее образ, появившийся с дерева, – сообщает Видекинд. – Поэтому русские отдали ему некоторые земли, отнятые у Новгорода. Псковичи ввели в монастырь довольно сильный гарнизон» (*Видекинд*, 2000. С. 242). Именно за стенами монастыря укрылись «лучшие люди» Пскова, бежавшие сюда во время смут и волнений, охвативших город. Стратегическое положение и сокровища, скопившиеся в обители, привлекали сюда и шведов, и поляков.

Обосновавшись в псковском пригороде Воронече, который стал его новым оплотом, полковник зажил там вольной жизнью, совершая «по вся дни и нощи» опустошительные набеги на окрестности – «и высѣче всю Псковскую землю». Зиму 1610–1611 гг. он провел еще более вольготно, нежели предыдущую в Суздале. Часть добычи и пленников полковник отправлял на родину, о чем свидетельствует судьба одного из попавших в его руки шведов. Оказавшись спустя много лет, в 1632 г., теперь уже в русском плену, «немчин свейской земли Хан Петров» рассказал, что

больше двадцати лет тому назад, «какъ стояли подо Псковомъ нѣмецкіе свейскіе нѣмцы, и въ тѣ де поры шелъ изъ Московского государства Лисовскій съ литовскими людьми и его де подо Псковомъ литовскіе люди взяли въ полонъ и отвели въ Литву, и жилъ въ Полоцку у Лисовскаго въ имѣньи» (Акты Московского государства, 1890: I, 402). Надо полагать, что швед «Хан Петров» был не единственным пленником полковника, кого постигла подобная участь.

Тем временем бурные события Смуты неслись своим чередом. 11 (21) декабря 1610 г. в Калуге был убит Лжедмитрий II. Весной 1611 г. шведы возобновили военные действия и 2 марта взяли Кексгольм. А к Москве, за стенами которой бояре и польский гарнизон безуспешно ожидал явления призванного на царство польского королевича Владислава, стали стягиваться войска Первого Земского ополчения, в ряды которого влился и отряд Андрея Захаровича Просовецкого.

Между тем на сцене появился новый самозванец. Согласно одним сведениям, это был некий «вор Сидорка», а по другим источникам – Матюшка, московский дьякон из церкви за Яузой. «Это был краснобай, продувной, хитрый и отчаянный малый, а оттого и собралось к нему несколько сот негодяев и мошенников, которые все помогали его словам и бредням находить сочувствие и прикрашивали их», – пишет лично знавший авантюриста Петр Петрей (1997. С. 361). Самозванец вначале объявился в Новгороде, затем бежал в Ивангород и 23 марта (3 апреля) 1611 г. объявил там о своем царском происхождении. Тут ему удалось заручиться поддержкой казаков, после чего он завел переговоры с Филиппом Шедингом, шведским комендантом Нарвы. Однако после того как посольство Петра Петрея установило «ложность и самодельность» нового претендента, шведы прекратили всякие сношения с очередным Лжедмитрием. Зато псковичей вполне устраивала личность нового «вора». По словам Петрея, «псковичи вообразили себе, что если будет у них какой-нибудь государь и великий князь, хоть и не настоящего княжеского происхождения, то все же никто не осмелится тревожить и осадить город Псков, они отправили послов в Иваньгород и звали самозванца в великие князья к себе» (*Петрей*, 1997. С. 361, 362).

В этот момент псковичи оказались в том же положении, что и год назад, когда призывали на помощь Лисовского. Вечером 10 (20) марта 1611 г., «въ нощи, в самой звонъ всенощнаго», войска гетмана Ходкевича подступили к Печорскому монастырю. Нападавшим удалось выбить петардами деревянные ворота и железную решетку и проникнуть в монастырь. Там сражение продолжалось всю ночь, закончилось поражением отряда Ходкевича. Правда, его солдаты успели ободрать ризы с икон Никольской церкви, захватить серебряные сосуды и поджечь лестницы. В вербное воскресенье, 17 (27) марта, Ходкевич повторил приступ, появившись у монастыря с большими осадными пушками, носившими имена «Самсон» и «Баба». Он стоял у обители больше шести недель, «и башни, и город розбилъ и 7 приступов было» (ПЛ, 1955. С. 275, 276).

Псковичи не желали признавать королевича Владислава, избранного русским царем. Признавать власть поляков или шведов хотелось им еще меньше. В ставку Первого ополчения под Москву было направлено посольство, которое било челом «ко всеи земли князю Дмитрею Трубецкому и Ивану Зарутцкому… что Лисовскои с нѣмцами, а Хотков под Печорами стоитъ, а новгородцы с нѣмцами мало отходят, а от Иванягорода вор наряжается подо Псков на осад; многие напасти отвсюду схо-

дятся, а помощи ниоткуду нѣт». Однако никакой помощи из подмосковных таборов псковичи не получили. В итоге выбор в пользу самозванца был решен. Первым его сделали псковские казаки. Выступив 15 (25) апреля против Лисовского, они вместо этого направились прямиком в Ивангород, где примкнули к Лжедмитрию. Переход Псковской земли под власть самозванца стал теперь всего лишь делом времени (ПЛ, 1955. С. 276).

26 июня (6 июля) псковские казаки вернулись под Псков и начали его осаду. А 8 (18) июля в стане осаждающих появился и сам самозванец. Однако на сей раз город не открыл ему ворота, и 23 августа (2 сентября) Лжедмитрий отступил в Гдов. Причиной отхода стало известие о взятии Новгорода шведами и движении их на Псков (Там же).

Лето 1611 г. было богато крупными событиями: в начале июня Сигизмунд III захватил, наконец, Смоленск, а 16 (26) июля Делагарди взял Новгород и в конце августа осадил Псков. Однако развить успех шведы не смогли. Началась война с Данией, а войск катастрофически не хватало. Осенью 1611 г. через посредство ревельского коменданта Андерса Ларссона было заключено перемирие с польским главнокомандующим гетманом Яном Ходкевичем.

Перемирие, подписанное с Делагарди, ничуть не мешало Ходкевичу всячески препятствовать действиям шведов на русской территории. Для этого у него имелось теперь незаменимое орудие – Александр Юзеф Лисовский и его *лисовчики*. Гетман писал из Шклова жене 28 июля 1611 г., исчисляя свои силы для предстоящей кампании: «Полагаю, одних копейщиков помимо рейтаров буду иметь до трех тысяч, да рейтаров шестьсот, пятигорцев тысячу, Лисовский тоже с двумя тысячами людей ко мне направляется, немецкой пехоты будет с тысячу доброй и это помимо казаков, коих я с собою не зову» (Korespondencyje… 1875. S. 85).

Судя по всему, к этому времени полковник уже окончательно определился со своей позицией в новой политической обстановке. После того как Лжедмитрий II сошел со сцены, Лисовский вел жизнь «вольного атамана», то служа Пскову, то действуя независимо и самостоятельно. Сторонники Владислава (а опосредованно и самого короля Сигизмунда) были настроены к нему враждебно, как то видно из действий Салтыкова. Но обосновавшись в Воронече, Лисовский уже «удерживает его для польского короля», а к лету 1611 г. уже несомненно находится в одном лагере с Салтыковым и Валуевым, поддерживая Ходкевича и ведя борьбу со сторонниками нового самозванца, шведами и противниками Владислава — «русскими ворами».

Лисовский и в 1611 г. по-прежнему сидел в Воронече вместе со своими старыми вояками и новичками из числа иноземцев-дезертиров. Некоторые из них, правда, покинули нового командира: «Того же лѣта отошли Нѣмцы от Олисовского за рубеж в Литву» (ПЛ, 1955. С. 276). Сохранились рекомендательные письма на имя сэра Роберта Сесила, которые Лисовский выдал 10 августа 1611 г. двум англичанам, Джону Сэнфорду и Томасу Личфилду, решившим вернуться на родину. Полковник писал, что убедил их обоих перейти к нему со шведской службы и в рядах его войск они действовали достойно и мужественно (*Wisner*, 2004. S. 57; *Borowy*, 1949. S. 298).

Расставшись с иностранцами и пополнив свой отряд поляками, полковник не бездействовал, и наиболее выдающимся его достижением в этот период стало взятие Красного. В августе 1611 г. «Олисовскои Краснои взял, а казаковъ побил

многих». Здесь был пленен воевода Иван Ресницын, которого Лисовский отослал в лагерь Сигизмунда III в сопровождении своего брата Яна, «который во всех походах товарищем ему был».

Тем временем шведы продолжали осаду Пскова. Фельдмаршал Эверт Горн 8 (18) сентября «искрадом вышибе ворота пинардою Взвоские на Великую рѣку», однако горожанам удалось отразить неожиданный штурм. После этого, ослабив блокаду Пскова, Горн подступил к Гдову, где в тот момент находился Лжедмитрий. Однако казаки, окружив самозванца, сумели пробиться сквозь ряды осаждающих и бежали в Ивангород. Сам Лжедмитрий был при этом ранен. Однако карьера его на этом не закончилась. Пережив шведскую осаду и налеты *лисовчиков*, псковичи, наконец, сделали свой выбор: «гражане же псковстии, недоумѣющеся, что сотворити, понеже Москва бѣ за литвою, а в Новѣграде нѣмцы, яко окружении отвсюду, и положиша на том, еже призвати к собѣ ложного царя… послаша от всѣх чиновъ людей, бити челом ему, и повинную послаша». Получив приглашение из Пскова, самозванец не долго медлил. Его не остановила даже шведская осада, и 4 (14) декабря 1611 г. он проник в город, «проиде сквозѣ немец». Шведская блокада не уберегла Псков и от *лисовчиков*. В те же декабрьские дни 1611 г. «пришол Олисовскои в нощи изгономъ на слободу стрелецкую возле Мирожи рѣки, и много зла учинил» (ПЛ, 1955. С. 277; ПСРЛ, 1978. С. 259; *Dzieduszycki*, 1843. S. 81; *Tyszkowski*, 1932. S. 8; Псковская летописная повесть… 1987. С. 160).

Осенью 1611 г. произошло и событие, весьма важное лично для Лисовского. На Сейме, работавшем 26 сентября – 9 ноября, было принято решение о снятии с него инфамии за заслуги в ходе московского похода:

«Взирая на заслуги Александра Юзефа Лисовского, полковника нашего, который нам с немалой отвагой и не щадя здоровья своего служил в час сей экспедиции нашей московской, инфамию, коя была на него инстигатором[1] нашим возложена, vigore hujus Conventus [властью сего Собрания] с него снимаем и оную уничтожаем» (*Dzieduszycki*, 1843. S. 88).

Решение это не вызвало всеобщего восторга. Некоторые местные сеймики, в частности минский, протестовали против принятия такого документа. Тем не менее, он был утвержден и Лисовский получил от короля патент на сбор хоругви в 100 человек (list przypowiedni) (*Wisner*, 2004. S. 57). Дело тут явно не могло обойтись без могущественного покровителя, и таким, вероятно, выступил гетман Ян Кароль Ходкевич, благодаря стараниям которого, похоже, инфамия и была в свое время объявлена. Такой человек, как Лисовский, был крайне необходим гетману, и былые прегрешения не имели уже никакого значения. Вскоре Ходкевич прямо «велел Лисовскому начать широко по Новгородскому и Старорусскому краям военные действия для устрашения шведов». Повествуя об этом, возмущенный гетманским коварством Юхан Видекинд горестно восклицает: «Так тонка нить, на которой держится людская верность слову, когда мысль о выгоде советует иное!» (*Видекинд*, 2000. С. 222).

Якоб Делагарди, узнав об этом, направил 13 января 1612 г. Ходкевичу возмущенное письмо. Он желал «довести до сведения генерал-фельдмаршала в Польше

[1] Instygator (от лат. instigator – подстрекатель) – должность, существовавшая в Речи Посполитой со второй половины XVI в. В обязанности его входило разбирательство и представление Сейму дел о государственной измене, оскорблении величества, казнокрадстве и т. п.

Ходкевича о буйных нападениях, грабежах и разбоях, чинимых людьми Ходкевича, в особенности же находящимися под командой Лисовского в Новгородском и Старорусском уездах, вопреки заключенному и утвержденному договору» (Там же. С. 223). Ходкевич ответил учтивым и ни к чему не обязывающим посланием. Соперничество между шведами и поляками за русские земли продолжалось.

Псковские земли подвергались одному вторжению за другим. Зимой 1611–1612 гг. на Псковщину «пришло под Себеж из Литвы 40 000, 7 полковниковъ, Ширяйко и Наливайко и иные и приступали к Себежу». А в апреле 1612 г. *лисовчики* овладели новой, еще более удобной для них базой – «Олисовской Заволочье взял, псковской пригород» (ПЛ, 1955. С. 277).

Крепость Заволочье была возведена на «литовском рубеже» в 1536 г. Она стояла в верхнем течении р. Великой, на острове посреди озера Подцо (ныне Быстрое Пустошкинского р-на Псковской обл.). Это была удачно расположенная и практически неприступная пограничная цитадель. Осенью 1579 г. она выдержала приступ со стороны войск короля Стефана Батория. «Крепость эта, будучи окружена со всех сторон большим озером, не представляла никакого доступа к ней, за исключением только одного через мост, – сообщает один из участников этого похода. – Крепость расположена… на озере, которое, не смотря на исток реки Великой и на очень обширное излияние во все стороны, тем не менее, имеет очень широкие воды с востока и запада, так как вытекающая из другого выше расположенного озера река вливается в него с запада, где оно всего уже; оно распространяется не меньше, чем на 300 шагов в ширину» (*Гейденштейн*, 1889. С. 148, 151).

Засев в стенах Заволочья, 200 ратников воеводы В.Ю. Сабурова двадцать дней успешно противостояли 4-тысячному войску гетмана Яна Замойского. Неизвестно, каким образом Лисовскому удалось овладеть этой крепостью, но, обосновавшись в замке, который, по словам ксендза Ст. Пиотровского, стоял «как утка на озере», полковник обрел для себя идеальное убежище. Расположенный среди болот, лесов и озер, замок был отлично укреплен и достаточно вместителен: площадка городища составляет около 5 га, а окружающие его валы в настоящее время достигают высоты 10 м. Отсюда Лисовский продолжал своими набегами разорять псковские пригороды и волости: «многие пакости творил во Псковщинѣ з дѣтми боярскими руским и с Литвой, подо всѣ пригороды яко волкъ искрадом хватая и поядая» (ПЛ, 1955. С. 277).

Самозванец же, укрепившись в Пскове, старался всячески укрепить и расширить свою власть. Им было отправлено посольство под Москву, в таборы Земского ополчения, где казаки объявили о признании «псковского вора» истинным «царем Димитрием». Ему присягнули даже предводители ополчения, Заруцкий и Трубецкой. Один из фаворитов погибшего Тушинского Вора, Иван Плещеев, в апреле 1612 г. отправился в Псков и более месяца изображал из себя верного слугу «царя Димитрия».

Между тем, в самом Пскове влияние самозванца стремительно падало. Лжедмитрий, «поживши там несколько времени, стал очень нахален, при всех позорил жен и дочерей, делал много других своевольств и злодейств. Псковитянам стало ясно, что под его правлением они скорее потерпят вред, обнищают и погибнут, нежели найдут свое счастье» (*Петрей*, 1997. С. 362). Недовольство горожан вызывало и отсутствие успехов в борьбе с Лисовским. Псковский самозванец «выслал

несколько конных отрядов против Лисовского, который стоял настороже, заняв на окраине несколько укрепленных мест. Они сражались неудачно, были разбиты и, вернувшись со срамом, все больше и больше позорили своего Димитрия». В итоге псковичи, которые уже выражали недовольство Лжедмитрием «из-за податей, его начинали ненавидеть за распутство и грабежи, да сверх того стали презирать за неудачи» (*Видекинд*, 2000. С. 242). Падение Заволочья в апреле 1612 г. стало последней каплей, переполнившей чашу терпения псковичей. Таким образом, одной из причин падения «псковского вора» можно считать и действия Лисовского.

Почуяв неладное, самозванец бежал из Пскова 18 (28) мая 1612 г. Он намеревался выехать из города под предлогом посещения недавно захваченного его казаками Порхова. Однако псковичи, заподозрив неладное, «отрезали ему всякую возможность уехать торжественно, по-великокняжески, со скарбом, и глухою ночью ворвались к нему в дом. Он бросился бежать и, едва успев выскочить за дверь, в одном плаще и без шапки, в сопровождении немногих казаков понесся на коне без седла и убранства неведомо куда… Не зная дороги, не владея собой и не соображая, куда повернуть, он миновал Порхов и бросился прямо к Гдову, но там был покинут своими, схвачен псковской конницей, привязан к коню железными путами и, являя позорное зрелище, был отведен обратно» (*Видекинд*, 2000. С. 242, 243).

Вскоре после этого, 1 (11) июня, «псковского вора» под стражей отправили в Москву. Однако дороги караулили *лисовчики*, и ни один обоз не мог ускользнуть от их внимания: «И на дороге приходил на них Олисовской и сполох имъ учинил великъ и розгналъ ихъ розно, и тут убиша Подъеферу игумена снятогорского и иных» (ПЛ, 1955. С. 277).

Согласно русским источникам и сведениям Петра Петрея, самозванца все же довезли до Москвы, где он «довольно долго сидел… у ворот Кремля, прикованный к большой цепи», и, в конце концов, был повешен. Однако Юхан Видекинд утверждает, что Лжедмитрий до Москвы не доехал и был убит в пути своими сопровождающими: «когда Димитрий, соскочив с коня, велел укрепить седло и снова сел, стоявший рядом боярин, а за ним вслед и другой ранят его в бок быстрым ударом копья. Накинув петлю на шею, его стаскивают с коня, и он умирает. Казаки, подняв крик, требуют, чтобы тут же были перебиты и его польские приспешники, но те, услышав, скрываются в лесу, бегут и, добравшись, наконец, невредимыми в Порхов и Новгород, приносят известие об этой трагедии» (*Видекинд*, 2000. С. 243). Мнение Видекинда было поддержано и Н.И. Костомаровым, который связал его рассказ с летописным упоминанием о нападении Лисовского, предположив, что целью этого нападения было освобождение самозванца (*Костомаров*, 1994. С. 738). Однако Лисовский был совершенно не заинтересован в освобождении «псковского вора», против которого он беспрерывно воевал с самого момента его появления. Нападение могло быть просто результатом очередного грабительского рейда *лисовчиков* по Псковщине.

Между тем события Смутного времени ускоряли свой ход. В октябре 1612 г. Земское ополчение Д.М. Пожарского и К.З. Минина овладело Москвой. Власть перешла в руки Совета Всей Земли. Началась подготовка к избранию нового царя, что завершилось в феврале 1613 г. коронацией Михаила Федоровича Романова.

Все это время Лисовский продолжал «удерживать для польского короля» Заволочье, занимаясь набегами на территории, контролируемые шведами и русски-

ми. Явившись по весне под Псков, он простоял у города целую неделю, но вынужден был, ничего не добившись, отступить обратно в Заволочье.

По ходатайству гетмана Ходкевича, на Сейме, работавшем 28 февраля – 3 апреля 1613 г., было принято решение выделить на оборону Заволочья, где укрепился Лисовский, и Невеля, где сидел Григорий Валуев, сначала 8 368, а затем и 23000 злотых. Это было больше, чем сумма, назначенная для гарнизона Смоленска, крепости куда более важной, – всего 22 922 злотых. В своем письме Сигизмунду III от 22 мая 1613 г. гетман выражал уверенность в огромной выгоде, которую получит король от службы Лисовского, если тот получит эти средства (Korespondencyje… 1875. S. 177).

Однако солдаты Лисовского так и не увидели предназначенных им денег – их перехватили в Полоцке войска, давно ожидавшие жалованья за службу в Инфлянтах. В итоге, несмотря на все усилия Лисовского, в июне от него откололась и ушла в Брест казацкая хоругвь. Взамен казаков, правда, ряды его воинства вскоре пополнил отряд из 60 иностранных наемников, которых направил в Заволочье референдарий литовский Александр Гонсевский. Но практичные «немцы» согласились служить без выплаты обещанного жалованья только «до Св. Петра», т. е. 1 августа. Лисовский лично ездил в Полоцк за деньгами, но безрезультатно, и 19 июня 1613 г. он писал из Заволочья канцлеру Льву Сапеге: «Ясновельможный милостивый пан канцлер, пан мой добродетель! По приказанию Вашей Милости милостивого пана моего, приехал я в Полоцк, но ничего не достиг, ибо не застал слуги Вашей Милости Осиповского и солдат, что деньги мои арестовали. Приехавши оттуда в Заволочье, имел великие неприятности с людьми, ибо прибыл к оным ни с чем, а хоть бы и доставил те несколько тысяч, что Ваша Милость приказали мне выдать, то и сие бы их не удовлетворило. Прошу милостивого пана скорее приказать им всю сумму денег выдать, ибо едва не кровью добился от них согласия четыре недели подождать» (*Wisner*, 2004. S. 59–62; Materialy… 1932. S. 101).

Возможно, именно уход наемников и общее ослабление гарнизона привели Лисовского к катастрофе, положившей конец его полунезависимому существованию на польско-шведско-русском пограничье. В начале июля 1613 г., когда сам полковник отсутствовал в крепости, русские войска из Опочки и Себежа внезапным ударом захватили Заволочье. Псковский летописец сообщает: «казаки себежские и опочецкие всякие люди взяша Заволочье у Олисовского и много суконъ, и город сожгли, и дѣтеи боярских Андрѣя Квашнина и прочих прислаша во Псков, а онѣ служили с Олисовскимъ вмѣсте, и Литву побиша» (ПЛ, 1955. С. 277, 278).

Более подробно о взятии Заволочья сообщается в послании от 11 (21) июля 1613 г., отправленном Г.Л. Валуевым из Невеля к референдарию литовскому А. Гонсевскому. В нем говорится, что Лисовский выступил из Заволочья «осмотреться» (т. е. в очередной набег), взяв с собой «польских и литовских людей, и дворян, и детей боярских». В крепости оставались лишь «невеликие люди». И тогда в ночь на 9 (19) июля сюда пришли «воры» из Себежа и Опочки, которые «замок Заволочье взятием взяли и, взявши замок, польских и литовских и русских людей, дворян и детей боярских, и их отцов, матерей, жен и детей, и крестьян побили от мала до велика, и замок спалили». Уцелевших победители увели с собой в Опочку, но в трех верстах от Заволочья, перейдя реку, перебили их всех. Лишь немногим

удалось спастись, убежав в лес. Когда они смогли добраться до Невеля, то у них «едва душа в теле держалась» (Памятники дипломатических сношений… 1913. С. 421).

(А.В. Малов ошибочно относит захват Заволочья Лисовским к 1610/11 г. и столь же ошибочно полагает, будто лисовчиков из Заволочья выбил Г.Л. Валуев, воспользовавшись отъездом Лисовского «по случаю его амнистии… в Польшу на сейм» (*Малов*, 2009. С. 67, 71). Это противоречит данным Псковской летописи и содержанию послания Валуева к Гонсевскому, из которого видно, что в июле 1613 г. невельский воевода еще полностью поддерживал «hospodara nassego cara y w-o k. Wladzisława Zygmuntowicza wssytkiey Rusi». В этом же письме Валуев сообщает как свежую новость, что «невляне были в Торопцу для торгу и мне брат жены моей рассказал тайно, что из Москвы пришли вести, будто Михайло Филаретов сын венчался царским венцом на Петров день» (Памятники дипломатических сношений... 1913. С. 421). О причине же отсутствия Лисовского в Заволочье Валуев говорит следующее: «Alexander Iwanowicz Lisowski possedł na czatę».)

В руках победителей оказалось все достояние Лисовского, вся его добыча, награбленная в ходе многочисленных набегов, все запасы вооружения и снаряжения. Вспоминая об этом, Лисовский жаловался Ходкевичу, что это нападение оставило его «едва не пешим».

Оказавшись в таком трудном положении, Лисовский направился к Пскову, находившемуся тогда в шведской блокаде. Пройдя сквозь шведские посты, он встретился с воеводой, князем Иваном Федоровичем Хованским, и заключил с ним личное перемирие, договорившись о безопасности псковско-полоцкого порубежья. Соглашение было подписано 20 (30) августа 1613 г. Для переговоров с Лисовским и его новым «есаулом» Иваном Копанским воевода направил дьяка Ивана Никитича Сорочнева, подьячего Федора Голощапова и посадских людей Анания Тарасьева, Киприяна Борысова, Ждана Серебреника и Ивана Сомру. В результате встречи был утвержден и скреплен крестным целованием мирный договор. Согласно его условиям, русские ратные люди из Пскова и его пригородов (Себежа, Опочки, Острова, Изборска, Гдова и Печерского монастыря) обязывались не совершать набегов под Полоцк, Велиж, Витебск и «подъ иные Полоцкие пригороды». Захваченных в ходе прежних столкновений пленников следовало передать Лисовскому. В свою очередь тот обязывался также вернуть пленников, не приходить больше войной на Псковскую землю и давал такое же обязательство от имени жителей Полоцкой земли. Кроме того, он обещал «войны, и задоров, и грабежовъ, и убивъства никаким… рускимъ людемъ не чынити, и в господара нашого земьлю за Невъль не въступатца, и Немецкимъ людемъ и господара нашого изменником не помогати». Нарушителей перемирия стороны обязывались «сыскивати и наказанье им чынити, смотра по их винамъ, а грабежъной жывотъ отдавати темъ людемъ, у ково что возмут». Торговым людям гарантировался свободный проезд повсюду: «со всякими товары ездити поволно безо всякое зацепки» (Памятники дипломатических сношений… 1913. С. 422–424; *Tyszkowski*, 1932. S.12, 13).

В этой ситуации особый интерес представляет тот факт, что Лисовский в данном соглашении выступает в качестве представителя всей Полоцкой земли, беря на себя ответственность и за соблюдение перемирия, и за наказание нарушителей договора, и даже за свободное передвижение купцов. Несомненно, население Полоцкого края было измучено порубежной войной не менее, чем псковичи, а в

Лисовском и его людях видело не только своего защитника, но и надежного гаранта соблюдения условий мира. Это заставляет взглянуть на полковника с совершенно иной точки зрения – ведь обычно псковский период его жизни и деятельности рассматривался просто как бесконечная цепь малоосмысленных грабежей и разбоев. Между тем, как показывают обстоятельства заключения перемирия, и псковичи, и полочане смотрели на него как на фигуру, способную не только успешно воевать, но и не менее успешно поддерживать мир и порядок на беспокойном порубежье. Да и подробности разгрома Заволочья показывают, что это было не столько «разбойничье гнездо», сколько некое подобие феодального замка, где полковник обитал в окружении своих соратников вместе с их семьями и крестьянами. Видимо, отнюдь не случайно то, что, оказавшись временно не у дел, Лисовский принял предложение полоцкой шляхты и вступил в должность поветового ротмистра.

Неслучайным является и упоминание о «полоцком поместье» Лисовского. Новое назначение полковника было утверждено и самим королем в его письме к гетману Ходкевичу от 28 декабря (*Tyszkowski*, 1932. S. 13).

Прибыв на Псковщину в качестве воеводы Лжедмитрия II и действуя некоторое время в роли «вольного атамана», Лисовский быстро нашел себе место в рядах сторонников царя Владислава и, опосредованно, короля Сигизмунда. Именно в интересах короля он фактически и действовал большую часть времени, проведенного им на Псковщине. Воспользовавшись покровительством Ходкевича, Лисовский сумел добиться амнистии, что позволило ему, наконец, официально вернуться в ряды войск Речи Посполитой и получить право занимать административные посты.

Впрочем, пребывание Лисовского в должности полоцкого поветового ротмистра было недолгим. Следующие сведения о нем относятся уже к апрелю 1614 г., когда он по приказанию Яна Кароля Ходкевича вместе со старостой оршанским Александром Сапегой выступает к Смоленску. Известия об этом имеются и в Псковской летописи, которая сообщает: «тое же весны (7122 года) приходил Олисовскои подо Псков миритися, и замирил Полоцко, чтобы псковскимъ ратнымъ туде не воевати, и поцеловал крестъ и прочь пошол, и пошол под Смоленск с кормомъ Литвы» (ПЛ, 1955. С. 278). С обоими были «невеликие горсточки людей». Наступает последний этап в бурной биографии Лисовского.

Литература

Белокуров С.А., 1907. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М.

Видекинд Ю., 2000. История шведско-московитской войны XVII века. М.

Гейденштейн Р., 1889. Записки о московской войне. СПб.

Костомаров Н.И., 1994. Смутное время Московского государства. М.

Малов А.В., 2009. Борьба за Невель в конце Смуты // Ukraina Lithuanica. Киев. Т. I.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. V: 1609–1615 гг. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: Сб. Русского Императорского Исторического общества. М., 1913. Т. 142.

Петрей П., 1997. История о Великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М.

ПЛ – Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2.

Платонов С.Ф., 1901. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб.

Псковская летописная повесть о Смутном времени // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. XXXIV.

Borowy W., 1949. Anglicy, Szkocy i Irlandczycy w wojsku polskim Zygmunta III // Studia z dziejów kultury polskiej. Warszawa.

Dzieduszycki M., 1843. Krótki rys dzijów i spraw Lisowczycow. Lwów. T. I.
Korespondencyje Jana Karola Chodkiewicza. Warszawa, 1875.
Materialy do Życiorysu Aleksandra Lisowskiego // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1932. T. V.
Tyszkowski K., 1932. Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę // Przegląd Historyczno-Wojskowy. T. V.
Wisner H., 2004. Lisowczycy. Warszawa.

А.А. Турилов, А.В. Чернецов

«Кроник Псковский» в контексте русской легендарной историографии XVII в.

A.Turilov, A. Chernetsov. «Pskov Chronicle» – a specimen of the Russian fantastic historiography dated to the 17th c.

Abstract. «Pskov Chronicle» («The Book on the Origins of the Primordial World According to Alphabet») is a unique manuscript dated to 1689 (State Historical Museum, Moscow, I. Zabelin Collection, № 460/468 (129)-Q). It is a typical example of the latest «fantastic» historiography (like «The Tale on the Great Slovensk» or Ioakim's chronicle). The text shows special attention to the history of Pskov lands, Russian North in general and, first of all, to its central personality – the princess Olga. The text includes unique hydrographic passages: the description of Chudskoe Lake (Peipus) basin and also sea routs in the White Sea and North Polar Ocean. An unusual feature of the manuscript is an attempt to present Biblical and national history following the astrological concept according to the prohibited geomantic book *Rafli* (existing text dated to 1579 is of Pskov origin).

Ключевые слова: Псков, Новгород, Русский Север, «баснословное» летописание, княгиня Ольга, гидрография, астрология.

«Кроник Псковский» («Книга в начале первобытного мира по алфавиту»), сохранившийся в единственном списке с датой 1689 г. (ГИМ, собр. И.Е. Забелина, № 460/468 (129)-Q) представляет собой типичный памятник позднего «баснословного» летописания (типа «Сказания о Великом Словенске», Иоакимовской летописи и т. п.). Особенность памятника – преимущественное внимание к истории Псковской земли, Русского Севера в широком плане и, прежде всего, к центральному образу «Кроника» – княгине Ольге. Памятник включает уникальные гидрографические разделы: описание бассейна Чудского озера, а также развернутый рассказ о маршрутах поморского мореплавания на Белом море и в Северном Ледовитом океане. Необычная черта рукописи – попытка вписать библейскую и отечественную историю в контекст астрологической доктрины, связанной с отреченной книгой Рафли, известной по редакции, созданной в Пскове в 1579 г. (*Турилов, Чернецов*, 1985).

«Кроник Псковский» почти не известен в исследовательской литературе – он не фигурирует в «Словаре книжников и книжности Древней Руси»; мельком (и без указания шифра) упоминается в предисловии к изданию «Истории» В.Н. Татищева (*Тихомиров*, 1994. С. 51) в ряду других памятников «баснословного» летописания: «Сошлемся хотя бы на так называемый «Кроник Псковский»… В этом «Кронике» многие названия взяты от местных урочищ». В центре повествования «Кроника» находится драматическая судьба княгини Ольги, ее своеобразное

(и весьма беллетризованное) житие. Согласно этой версии – едва ли не самой пространной в агиобиографии княгини, хотя, вероятно, и наименее канонической, – она дважды была замужем, но умерла бездетной вдовой. Любопытно, что Ольга представлена не уроженкой, а основательницей Пскова. Псковское происхождение Ольги отмечено в текстах Повести временных лет под 903 г. (ПСРЛ, 1962. Стб. 29) и в Новгородской первой летописи в составе статьи 854 г. (НПЛ, 2001. С. 107). Панегирик княгине включает сопоставление ее с библейской Иезавелью (sic!): «…И мужеским смыслом обложися, якоже и протчия жены: Алаферна Июдиф премудрая, Иезавель преудобренная…» (Кроник Псковский. Л. 33).

Рассматриваемая рукопись содержит квазиисторический, «баснословный» текст, включающий сведения по всемирной истории (от сотворения Адама до разделения языков), сведения о древнейших славянах, повествования, близкие другим памятникам «баснословного» летописания – в первую очередь «Сказанию о Великом Словенске» (*Попов*, 1869. С. 442–447), Иоакимовской летописи, фантастическим текстам, отразившимся в «Синопсисе» Иннокентия Гизеля (1674) и его переделках. Рукопись включает собственно «Кроник Псковский» (Л. 3–57 об.), к концу которого присоединено поучение патриарха Геннадия (Л. 43–49 об.), отрывок о знамениях о кончине мира (Л. 58–63 об.). В конце рукописи приплетен написанный другим почерком отрывок второй (иностранной) части «Описания расстояний некоторых городов от царствующего града Москвы» А.А. Виниуса (Л. 64–68 об.). Последний текст с известной долей условности может быть назван «лицевым» – упоминаемым в нем городам сопутствуют раскрашенные условные изображения городских ворот и башен.

В источниковедческом плане наиболее достоверной частью текста представляется статья, предшествующая тексту «Кроника» (Л. 3):

«Лета 6925 (1417) Божиим повелением устроен бысть храм святое Богоявление при великом князе Василье Дмитриевице и при владыце новгородском Симеоне и при старостах Иоиле и при соседех при Акиме и при Елисеи и при Мартине казною благоверныя великия кня(ги)ни Олги Изборсковны, нареченныя во святом крещении Елены и другая святая церковь во имя Рождество Пресвятыа Богородицы и святых и праведных богоотец Иоакима и Анны каменныя, стали в тысящу рублев. В книгу писано Изборского уезду Словенский погост, словет во Кстовы (!), во граде Пскове.

Списывал сии кроник многогрешный Иван псков(с)ко(й) з древних кроников 197 (1689) году, марта в 26 день».

Сведения о постройке храма в XV в. на средства княгини Ольги, как и ее отчество «Изборсковна», безусловно, фантастичны. Однако остальные сведения, скорее всего, восходят к более заслуживающему доверия источнику. В дате 6925 (1417) использован цифровой знак «юс малый» в значении цифры 900, что указывает на большую вероятность воспроизведения раннего (не позднее XV в.) источника. Отметим, что в других случаях для обозначения этой цифры в той же рукописи последовательно используется буква «ц». Пассаж о построении церквей в XV в. выпадает из общего контекста «баснословной» летописи (Л. 3 об. и далее).

«С

Сия книга в начале первобытнаго мира по алфавиту в он же сотвори Бог Адама по образу мужа и жену и благослови их им имена Адам и Евва».

Слова «по алфавиту» не соответствуют дальнейшему тексту. Он не организован в алфавитном порядке; отдельные буквы кириллического алфавита вынесены в качестве своеобразных заголовков, разделяя абзацы повествования в начальной части рукописи.

Отметим отразившиеся в тексте «Кроника» деформации исторического прошлого и, по возможности, стоящие за этим тенденции.

Это отчетливо выраженный местный патриотизм, любовь к Пскову и Псковской земле (но прежде всего к княгине Ольге) и к Северу в широком плане. Местный патриотизм отражается в особой концепции древнейшей истории Руси, в которой Киев (и южнорусские земли в целом) не играют сколько-нибудь заметной роли. Отсутствуют в «Кронике» и упоминания Владимира и Москвы (несмотря на очевидную связь текста со «Сказанием о князех Владимирских»). Отчуждение от юга древней Руси носит как осознанный национальный, так и религиозный характер. Византийские миссионеры, обращающие Ольгу в христианство, рекомендуют ей: «и пресног (опресноков) римских и присяжниц их еллинских (языческих) и Мартина Лютора, Калвина и малороссийских во церковь Христовы не принимати» (Л. 49). Подобное религиозное отчуждение от украинцев – специфическая черта данной рукописи, отражающая трансформацию национального самосознания в эпоху написания текста. Вместе с тем в «Кронике» упоминаются Днепр (Непр) и Десна (Дисна) (Л. 28 об., 35 об.). На л. 35 об. среди «имен» участников похода Ольги на древлян фигурируют князья «Чернигов» и «Кривиц».

В тексте «Кроника» присутствует своеобразная реабилитация славян-язычников (им приписывается единобожие!). Они якобы славили «единого Садца (sic!) бога» (Л. 10–11). Тому же богу поклонялись и библейские патриархи; он прямо отождествляется с Саваофом: «Се аз Садца и воздвигну завет мой» с Ноем и его потомством (Л. 4 об.); «И рече Садца Бог Саваоф, исполнитель небу и земли» (Л. 5); «и сниде к ним Садца бог в столпе огненне» – к участникам столпотворения (Л. 5 об.). Характерна молитва княгини Ольги перед принятием христианства: «Садца и Волна (?), ты сотворил еси небо и землю…» (Л. 36).

Рукопись содержит многочисленные анахронизмы. Рюрик назван «кифустром» (Л. 20 и далее), т. е. курфюрстом. Курфюрсты – князья, избиравшие императоров Священной Римской империи, – известны со второй половины XIII в.; их статус был юридически закреплен «Золотой буллой» императора Карла IV Люксембургского в 1356 г. Рюрика приглашают быть «царем» (Л. 21 об.). Ольга в первом браке замужем за Рюриком, а во втором – за Игорем (последний не является в «Кронике» сыном Рюрика). Игорь и Олег названы Ольгердовичами (очевидно, реабилитация литовских симпатий псковичей). «Приидоша из Возъския (Волошския?) земли Чешского королевства Олегерда два сына его: 1. Игорь, 2. Олег… Прага столица Ческаго королевства и Волоския земля отстоит от Великого Нова града 2250 верст морем (! – калька «морских миль»?)» (Л. 27, 27 об.). Исторический Ольгерд Гедиминович родился около 1296 и умер в 1377 г. Олег, как и в древнейшем летописании, умирает раньше Игоря, но не от укуса змеи, а от рук древлян (в дальнейшем Игоря ожидает та же судьба). Деятельность Рюрика и Ольги в «Кронике» переносится в V в.

Рукопись содержит ряд беллетризованных пассажей. Это вымышленные речи, послания и т. п. Отметим речь-завещание Гостомысла (по поводу призвания варягов – «Увет великого князя Гостомысла и приказ великой княжны Олги Изборсковны»:

Л. 19–20), грамоту-послание древлян к князю Игорю с обещанием покорности (Л. 30–30 об.,), плач Ольги по убитом Игоре.

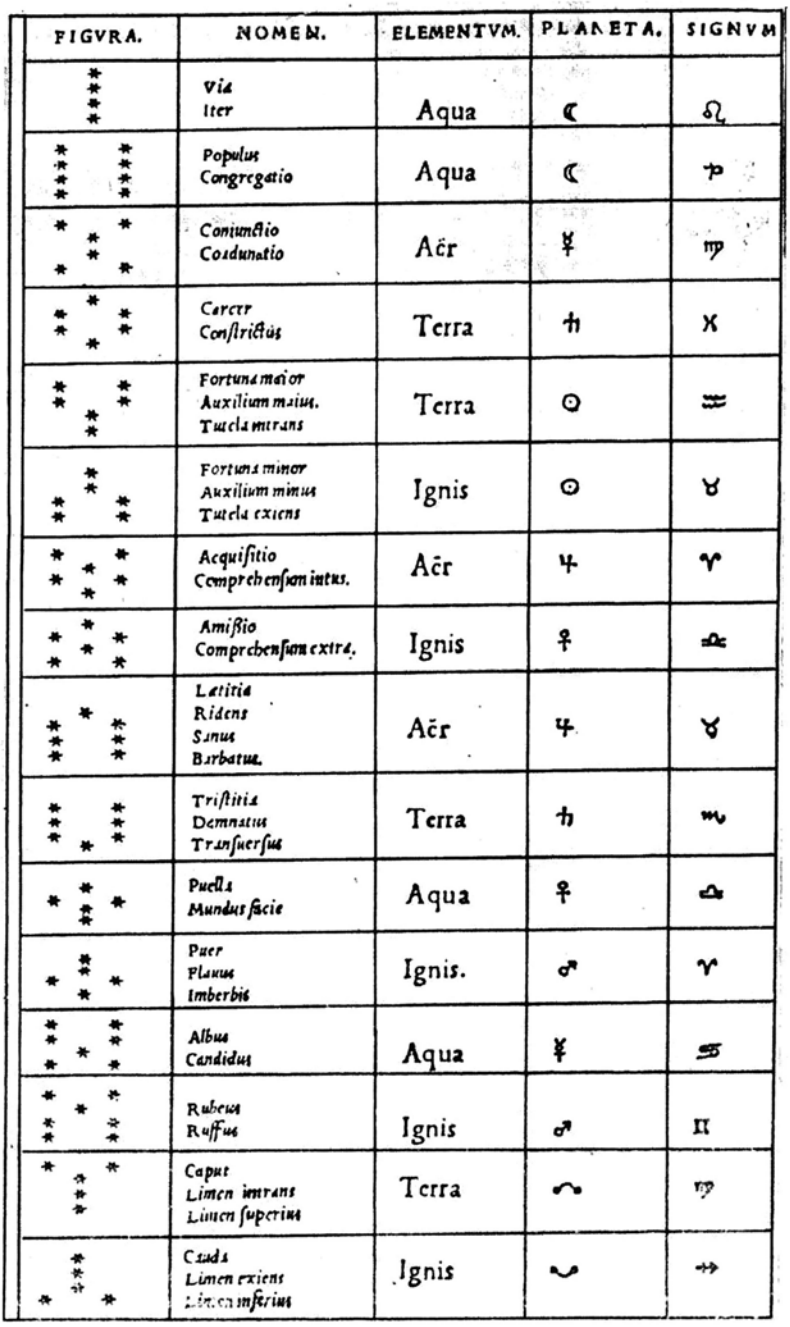
Процитируем плач княгини Ольги (Л. 32 об. – 33): «Великая княгиня Олга возплакася горко и глагола в себе “Яко горлица пустынелюбна и голубица едина, увы, увы мне, лишеней на стране далней мужа моего великого князя Игоря Олегердовича! Увы мне, свете мой, камо от мене зашел еси. Мыслию моею якоже серна, очима моима не видети мне мужества и власти твоей. Пошел еси мстити смерти брата своего Олега Олегердовича. Не рех ли ти, свете мой, и сам от них убит будеши. Достояние стрыя моего великого князя Гостомысла и отца моего Изборска ратных людей погубил еси и мене истощил еси вдовою сиру и безчадну оставил еси. Ныне х кому приду, и х кому приближуся, на кого воззрю и кого призову, на кого надежду мою положу, и ким оборонюся от сих псов бусурманов (!) и каковым советом изо отечествия моего пойду. Увы мне, преудобренный мой милый супруже, великий князь Игорь (написано поверх зачеркнутого «Рюрик») Олегердович! Лутчи мне прежде /Л. 33:/ тебя умрети, неже лишенней быти сожителства твоего любезного, не бы и слышала твоея горкия напрасныя смерти пагубныя. И ныне я к кому горкую свою печа(л) простру, или кто меня убогую снабдит, и державу нашу соблюдет».

«Кроник» включает значительные гидрографические разделы, в том числе «Описание Великого ручья» (т. е. реки Великой, на которой стоит Псков): «Поиде великая княжна Олга в полуденную страну вверх по Великому ручью. И дойде того Великого ручья вершины его, иже течет из-под вязового пня и великих езер Ясна и Вязна и Хвойна» (Л. 17). Л. 18 об.: «Описание Великого ручья. Вышел тот Великий ручей ис полуденной страны, и пошел в северную и в западную страну, и до полунощия ветров, и пройде в той западной страны 3 великих озера 1. Руское езеро, 2. Чютц(к)ое езеро, 3. Могж, или Вилиян езеро, из него же вышла река Омотжа устием пала Чютцкое езеро. Ис Чюцково езера вышла река Нарова пала устием в **Ледовитое** (на самом деле Балтийское!) море. Того Великого ручья длины 400 поприщ. Конец того велико /Л. 19:/ го ручья прошедши 3 езера 1. Русское, 2. Могж или Вилиян, из него же течет река Омогжа, 3. Чюцкое. И в те езера впали иныя многия реки и проливы. Державою их и владением великого князя Гостомысла и сына его младаго Славена по всему взморию многия грады построены и оброки и дани всякия с тех градов и со всего корабелного пристанища платили великому князю Гостомыслу и сыну его младому Славену, в великий Нов град и в Ызборск привозили».

Река Омотжа (Омогжа, Омовжа) – Эмайыги, Эмбах (на ней стоит г. Юрьев/Тарту, в «Кронике» не упоминаемый). Важно, что при описании бассейна Чудского озера упоминается морское побережье, куда этот бассейн не распространяется. Речь явно идет об обосновании исторических прав России на побережье Балтики.

Подробно описывается гидрография Русского Севера, в частности маршруты поморского мореплавания (Л. 22 об. – 26 об.). При этом в тексте используются поморские названия румбов розы ветров: сивер (север) – северный ветер, летник – южный, полунощник – северо-восточный, побережник – северо-западный.

Уникальной особенностью рукописи является увязка событий всемирной (библейской) и отечественной истории, а также эсхатологических повествований о конце света, с астрологической доктриной. Представляется, что в данном случае мы имеем дело с фаталистической концепцией исторического процесса.



FIGVRA.	NOMEN.	ELEMENTVM.	PLANETA.	SIGNVM
	Via Iter	Aqua	☾	♌
	Populus Congregatio	Aqua	☾	♎
	Coniunctio Coadunatio	Aĕr	☿	♍
	Carcer Constrictus	Terra	♄	♐
	Fortuna maior Auxilium maius. Tutela intrans	Terra	☉	♒
	Fortuna minor Auxilium minus Tutela exiens	Ignis	☉	♉
	Acquisitio Comprehensum intus.	Aĕr	♃	♈
	Amissio Comprehensum extra.	Ignis	♀	♎
	Latitia Ridens Sanus Barbatus.	Aĕr	♃	♉
	Tristitia Damnatus Transuersus	Terra	♄	♏
	Puella Mundus facie	Aqua	♀	♑
	Puer Planus Imberbis	Ignis.	♂	♈
	Albus Candidus	Aqua	☿	♓
	Rubeus Ruffus	Ignis	♂	♊
	Caput Limen intrans Limen superius	Terra	☊	♍
	Cauda Limen exiens Limen inferius	Ignis	☋	♑

Рис. 1. Значение геомантических фигур по Агриппе Неттесгеймскому (1531); указаны названия фигур и их соответствие четырем стихиям, семи планетам и зодиакальным созвездиям

В «Кронике» упоминаются «домы», причем это слово используется в значении крупных временных отрезков. В основе лежит представление о домах гороско-

па, о временных отрезках, «управляемых» теми или иными небесными светилами. «От потопа до разделения язык прошло 532 лета, дом един» (Л. 6 об.). В данном случае речь идет об известном календарно-астрономическом понятии «Великий миротворный круг» – календарном цикле, по истечении которого дата празднования Пасхи по Юлианскому календарю вновь падает на те же месяц и число. «Тогда кончася дом 10 добродеяния (10-й дом гороскопа носит название «honores», «дом достоинств») вторых домов **рафлейских**» (Л. 20 об.). Прямая отсылка к книге Рафли, содержащей сложное математическое гадание, формально (искусственно) привязанное к астрологической доктрине (*Турилов, Чернецов*, 1985. С. 260–344). На Стоглавом соборе 1551 г. книга Рафли была отнесена к числу злых, еретических. На л. 13 об. 9-й дом назван домом строения, в то время как 9-й дом гороскопа называется «peregrinationes» – «дом путешествий».

В «Кронике» постоянно используются геомантические знаки (фигуры), связанные с распространенным гаданием, известным в мусульманской, византийской и западноевропейской традициях (*Райан*, 2006. С. 483. Рис. 1, 2). Знаки представляют собой столбики из элементов, изображающих чет и нечет. В данном случае используются точки и дуги. Первое свидетельство распространения геомантии на Руси – гадательный рисунок на полях Радзивилловской летописи, очевидно написанной в 1487 г. в западнорусских (белорусских) землях, вероятно, в Полоцке (*Чернецов*, 1977). Рисунок отражает сложную форму гадания, связанную с астрологией, – ряды знаков сгруппированы с тем, чтобы их можно было увязать с домами гороскопа. Распространение геомантии в Московской Руси фиксируется в постановлениях Стоглавого собора 1551 г. Сохранившаяся редакция соответствующего гадательного текста («Рафли») связана с Псковом, датируется 1579 г. (рис. 3).

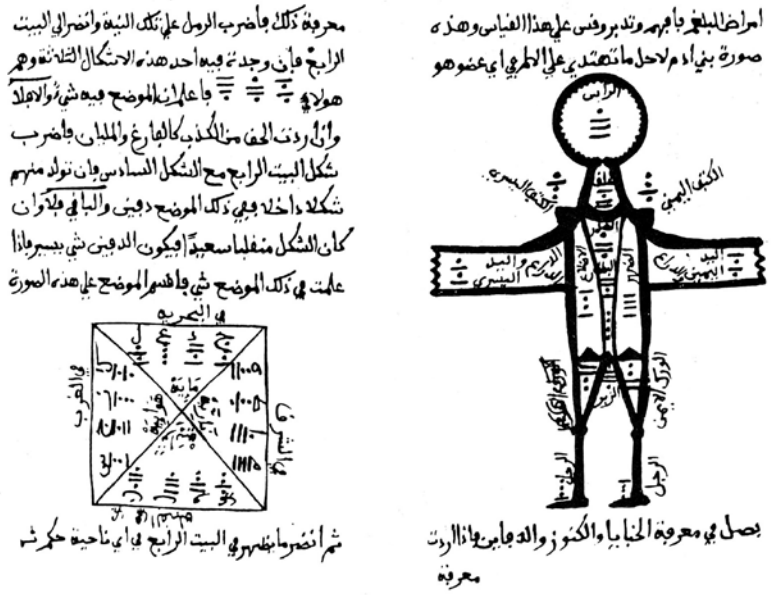


Рис. 2. Разворот арабской геомантической рукописи (Париж, Национальная библиотека, Ms. Arabe 2631, fol. 64v., 65r.)

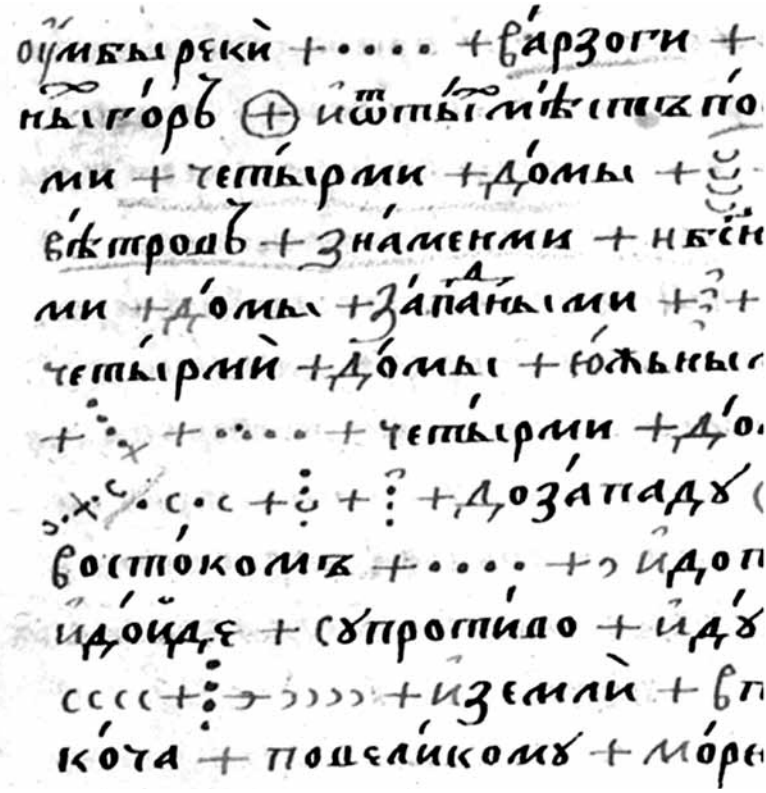


Рис. 4. «Кроник Псковский», л. 25 об. Вставленные в текст геомантические фигуры, обозначающие румбы розы ветров

Геомантические знаки в «Кронике» приурочены к личным именам. Это прежде всего имена ряда ветхозаветных патриархов. Подобные знаки присвоены также ряду легендарных славянских князей: Скифу, Словену, Руссу, Ирмере (княгиня – эпоним оз. Ильмень). Геомантические знаки соотнесены и с именами более поздних, исторических древнерусских князей, причем эти знаки выступают в роли печатей, связанных со сбором даней.

Особый интерес представляет использование геомантических (по существу астрологических, магических) знаков в роли печатей/знаков собственности. Приводим характерные примеры: «управление и пецать правица сия (знак)» (Л. 24 об.); «дань на них побере, знак и правицу и пецать им вруцив (знак)» (Л. 25); «правица пецать (знак) и дани и оброки на них лопских (лопарях, саамах) людех побрав» (Л. 26); «укрепишася печатми своими (два знака)» (Л. 28). Некоторые геомантические знаки приурочены к отдельным народам. Это «великословене и русы (знак)» (Л. 8 об.), «род (знак) фряжской… и языцы (знак) измаилтян» (Л. 60 об.), «древляне, мурами (знак)» (Л. 18 об.).

Геомантические знаки сопровождают ряд гидронимов. Поскольку упоминаний рек в рукописи, насыщенной гидрографической информацией, много, а вариантов знаков всего 16, в данном случае много повторов. Большое число самых

Рис. 3. Таблица из русской рукописи книги Рафли (рубеж XVII–XVIII вв., РГБ, коллекция В.А. Десницкого, ф. 439, карт. 21, ед. хр. 3, л. 61 об.); указаны названия фигур и их соответствие четырем стихиям, семи планетам и зодиакальным созвездиям

разных рек обозначены знаком «via», «iter» – «путь», что соответствует основной исторической роли речной сети. Очень любопытно использование геомантических знаков для обозначения румбов розы ветров (рис. 4). Интересно, что эти знаки практически не используются для обозначения стран и городов (среди исключений – «Великий Нов град (знак)» – Л. 15).

Текст «Кроника» показывает, что астрология воспринималась его составителем не только как нечто допустимое с христианской точки зрения, но даже могущее вторгаться в область священных понятий. На л. 43 читаем: «…рожденнаго, а не сотвореннаго человеческого (знак) ради спасения»; на л. 44: «на кресте (знак) Христа царя и Бога нашего»; на л. 45 об.: «Богородица приимшая небесный хлеб во чреве (знак) Христа Спаса душ человеческих (два знака) дора (антидор – остатки просфоры, из которой вынимается агнец, используемый для причастия) то есть». Отметим, что в христианских пассажах гадательной книги Рафли (очевидно, вставках русского происхождения) астрологические значки вставлены непосредственно в текст популярных песнопений («Дева днесь Пресущественного раждает» и «Рождество Твое, Христе Боже наш»). Для характеристики религиозности составителя «Кроника» следует также иметь в виду упоминавшиеся выше обвинения украинцев в неблагочестии, а также попытки реабилитации славянского язычества, которому приписывается единобожие.

Отметим противоречие между сведениями книги Рафли о происхождении тайных знаний и текстом «Кроника». В книге Рафли рассказывается, что астрологическая премудрость, полученная Сифом, была перед потопом записана на двух столпах – каменном и глиняном, и благодаря тому, что каменный столп уцелел, перешла к следующим поколениям. Легенда об этих столпах известна со времен Иосифа Флавия. В «Кронике» читаем: «Книги и счет Сифов где бысть? В ковчеге Ноеве, изнесе Ной и сыны его Сим, Хам, Иафет» (Л. 6 об.). О том, что речь идет именно о геомантии, свидетельствует следующий текст: «И живущии на земли вси людие глас един и уста едина языка сирска, и счет сий (два знака) един всем бысть»

(Л. 5 об.). То есть, геомантические знаки представляли собой древнейшую письменность единого (Адамова) языка, общего для всего человечества. Любопытно, что этим языком оказался не древнееврейский, как в Начальной летописи, а сирийский («сирский»). Впрочем, эта версия также широко была известна на Руси с древнейших времен через посредство популярнейшего трактата «О письменах» черноризца Храбра (*Флоря*, 2000. С. 199, 360).

Представляется, что рассматриваемый памятник «баснословного» летописания, тесно связанный с квазинаучной оккультной традицией, представляет значительный историко-культурный интерес и заслуживает дальнейшего изучения, прежде всего текстологического, а также научного комментирования.

Литература

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Рязань, 2001

Попов А.Н., 1869. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. СПб.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1.

Райан В.Ф., 2006. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России. М.

Тихомиров М.Н., 1994. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В.Н. Собр. соч. М. Т. I: История Российская. Ч. I.

Турилов А.А., Чернецов А.В., 1985. Отреченная книга Рафли // Тр. отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Л. Т. XL.

Флоря Б.Н., 2000. Сказания о начале славянской письменности. 2-е изд. СПб.

Чернецов А.В., 1977. Об одном рисунке Радзивилловской летописи // СА. № 4.

Э.В. Королёва, В.А. Деркач,
Р.Г. Подгорная, А.Б. Романовский

Археологическое изучение Пскова. Каталог раскопов и электронный архив (1912–2008 гг.)

E.V. Koroleva, V.A. Derkach, R.G. Podgornaia, A.B. Romanovskiy. Archaeological studying of Pskov. Catalog of excavations and electronic archive (1912–2008)

Abstract. In 2010–2011 the project "Archaeological studying of Pskov. Catalog of excavations and electronic archive (1912–2008)" was executed within regional competition of RHSF. The purpose of the present project was to set up the methodological and informational basis for further creation of a united complex information source (IS – Information System). The information system will reflect the results of field researches of a complicated archaeological monument – cultural layer of ancient Pskov.

During the project works the specified list (index) of archaeological excavations in Pskov from 1912 to 2008 and the electronic map with location of archaeological excavations on the modern topographical basis were created; situational schemes of archaeological excavations by the city blocks, the text catalog with the separate description of each archaeological excavation, the basis of electronic archive with materials of reports and publications about the excavations were implemented.

The results received by the project authors will enable researchers of archeology and Pskov history to achieve the level of generalization of considerable amount of information by using modern information technologies.

Ключевые слова: археологические раскопки, информационная система, электронная карта и архив

В 2010–2011 гг. авторским коллективом был выполнен проект «Археологическое изучение Пскова. Каталог раскопов и электронный архив (1912–2008 гг.)» (РГНФ № 10-01-26103а/В; руководитель – Э.В. Королёва, исполнители – В.А. Деркач, Р.Г. Подгорная, А.Б. Романовский), поддержанный в рамках регионального конкурса научных проектов 2010 г. «Северо-Запад России: история и современность (Псковская область)». Целью проекта являлось подготовка методологической и содержательной основы для создания в будущем единого комплексного информационного источника, отражающего результаты полевых исследований культурного слоя древнего Пскова. Очевидно, что процесс создания такой информационной системы (ИС) займет значительный отрезок времени и потребует усилий большого коллектива исследователей.

В настоящей публикации приведена общая характеристика материалов, полученных в ходе первого этапа работ в рамках проекта РГНФ (печатный вариант Каталога передан авторами в служебный архив ГБУК АЦПО), определены основные направления дальнейшей деятельности по созданию нового комплексного информационного источника – информационной системы «Археологическое изучение Пскова» (далее ИС АИП).

Авторским коллективом при участии руководителей археологических раскопов в г. Пскове были созданы основы базовых разделов для создания ИС АИП: а) уточненный перечень археологических раскопов в г. Пскове с 1912 по 2008 гг. (далее – Указатель); б) электронная карта расположения раскопов, совмещенная с Генпланом г. Пскова (далее – Схема); в) текстовой каталог с отдельным описанием каждого раскопа (далее – Каталог); г) основа электронного архива отчетной документации о раскопках; д) электронный архив основных публикаций о результатах археологических исследований. Выражаем искреннюю признательность коллегам из ГБУК АЦПО, АНО ПАЦ и ПГОИАХМЗ, выполнившим значительную часть работ по созданию текстового каталога с описаниями раскопов, – Е.А. Яковлевой, М.И. Кулаковой, Е.В Салминой, С.В. Степанову, Е.С. Зубковой, Т.Е. Ершовой, О.К. Волочковой, А.В. Михайлову и др.

Исполнителями проекта подготовлены печатный и электронный варианты «Каталога археологических раскопов в г. Пскове с 1912 по 2008 гг.». Рассмотрим более подробно методику работы в рамках проекта и полученные результаты.

Каталог археологических раскопов в г. Пскове с 1912 по 2008 г. (печатный вариант)

Выбор структуры печатного варианта каталога обусловлен значительным масштабом привлеченного для данного исследования материала. Каталог включает введение, список основной литературы о результатах археологического изучения Пскова, Указатель, Схему и локальные ситуационные планы, заключение.

Введение к печатному варианту Каталога включает в себя общий обзор истории археологического изучения Пскова, описание целей и задач по подготовке к изданию полученных в ходе работ по проекту материалов. Введение завершается списком основной литературы о результатах археологического изучения Пскова.

В рамках проекта выполнен первый уровень систематизации материала, предполагающий первичную количественную и качественную характеристику привлеченного источника. Соответственно, базовыми элементами первого уровня систематизации материала явились подготовка Указателя и разработка электронной карты – Схемы расположения археологических раскопов. За основу электронной карты взята схема расположения раскопов, используемая в отчетах о раскопках в Пскове с 1980-х гг. (далее – Схема). Указатель раскопов и электронная карта соотносятся между собой с помощью идентичной системы нумерации. Однако каждому номеру на Схеме часто соответствуют несколько записей в Указателе, т. к. ранее было принято объединять под одним номером раскопы, примыкающие друг к другу или располагающиеся на определенном топографическом участке города (например, для раскопов, исследованных в Довмонтовом городе в 1945, 1956, 1958–1969, 1983, 1987 гг., использован на Схеме всего один номер – 6, а в Указателе под эти номером перечислен 21 раскоп).

Указатель археологических раскопов. При разработке структуры Указателя учитывался опыт предшествующих подобных публикаций. Первый вариант перечня раскопов опубликован в качестве приложения к статье И.К. Лабутиной (1983. С. 7–45). Автором в приложении систематизированы общие сведения о раскопках в Пскове с 1912 по 1979 г. по следующим параметрам: год и место проведения работ; руководитель экспедиции; учреждения, участвовавшие в раскопках; площадь раскопа; мощность культурного слоя; место хранения материала; местонахождение отчета и перечень основных публикаций о результатах исследований.

В 2006–2007 гг. в процессе работ по корректировке Проекта зон охраны памятников истории и культуры исторического центра г. Пскова (исполнители Б.Н. Харлашов, Е.А. Яковлева) был составлен перечень археологических раскопов с 1912 по 2006 г., содержащий следующие сведения: номер на опорном плане; год и место проведения работ; название раскопа; руководитель; изученная площадь; мощность культурных напластований; время освоения участка. К сожалению, в данном проекте была предпринята попытка изменить нумерацию раскопов по сравнению с нумерацией раскопов на Схеме, традиционно приводимой в альбомах иллюстраций к отчетам о раскопках в Пскове, что привело к некоторым ошибкам в атрибуции раскопов.

Структура предлагаемого авторами статьи Указателя археологических раскопов в основном сохранена по сравнению с корректировкой Проекта зон охраны, но дополнена разделом – номер на Схеме расположения археологических раскопов. Данный номер является на настоящий момент ключевым понятием, связывающим между собой различные информационные источники (Указатель, Схему и Каталог).

В отличие от приложения к статье И.К. Лабутиной и перечня к Опорному плану в составе документации по корректировке Проекта зон охраны исторического центра г. Пскова, в новом Указателе раскопов в г. Пскове с 1912 по 2008 г. присутствует более подробная информация. В частности, указаны не только номера архивных дел с материалами отчетов, но и полные наименования отчетов (автор и название), а также их комплектация и наличие в различных архивах. Значительным дополнением является указание названий раскопов с их шифрами (например, ПЛ-83-VII – раскоп на ул. Ленина в 1983 г.), а также информация о месте хранения

коллекций с указанием их фондовых шифров и количества единиц или номеров хранения. Существенным отличием является также бóльшая структурированность Указателя – каждому номеру на Схеме соответствуют несколько строк записей, соответствующих каждому раскопу в отдельности (без объединения раскопов, изученных сплошными площадями и получивших один номер на схеме).

При составлении Указателя исполнителями проекта предварительно были составлены полные списки археологических коллекций из раскопок в г. Пскове и отчетов о раскопках в г. Пскове с 1912 по 2008 г.

Список археологических коллекций составлен по материалам, хранящимся в основном в фондах Псковского музея-заповедника. Фонды археологии Псковского музея насчитывают на сегодняшний день более 235 тыс. единиц хранения. Исполнителями проекта составлен полный перечень коллекций, хранящихся в основном фонде и секторе научно-фондовой работы отдела хранения археологических коллекций Псковского музея-заповедника. Сектор научно-фондовой работы был создан в музее в связи с большим накоплением материала во время работы Псковской экспедиции, созданной Институтом археологии РАН и Псковским музеем-заповедником, а также экспедиции ПГНИАЦ. В секторе происходит камеральная обработка коллекций и подготовка их к передаче в основной фонд музея.

Перечень коллекций основного фонда с указанием коллекционного номера и единиц хранения составлен на основании данных инвентарных карточек и инвентарной книги фонда археологии. Перечень материалов, находящихся в секторе камеральной обработки археологических коллекций Псковского музея-заповедника, составлен на основании данных описей археологических коллекций (соответственно, с указанием количества номеров по описи). Списки коллекций из раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа были составлены на основании справок, приложенных авторами к текстам отчетов о раскопках.

В перечень отчетов о раскопках в Пскове включены материалы различных архивов (научно-отраслевой архив ИА РАН, древлехранилище Псковского музея-заповедника, архив ПФ ФГУП «Институт по реставрации памятников истории и культуры “Спецпроектреставрация”», служебный архив ГБУК «Археологический центр Псковской области»).

В древлехранилище Псковского музея-заповедника исполнителями проекта были переведены в электронный формат описи фондов археологов: А.А. Александрова, В.Д. Белецкого, И.К. Лабутиной, Г.П. Гроздилова, В.И. Кильдюшевского, Т.В. Сергиной (Юркиной), С.А. Тараканової.

Состав отчетного материала, переданного руководителями раскопок в древлехранилище Псковского музея, несколько отличается от того, что находится в научно-отраслевом архиве ИА РАН. В частности, присутствуют дополнительные комплекты фотографий (видовые и находок), рисунков находок, полевых дневников и чертежей. Однако сами отчеты в большинстве случаев переданы в музей в сокращенном виде (например, без альбома иллюстраций).

В служебных архивах ПФ ФГУП Института «Спецпроектреставрация», ГБУК «Археологический центр Псковской области» исполнителями проекта были составлены перечни дел с материалами об археологических исследованиях в Пскове. Архив Института «Спецпроектреставрация» в своем составе имеет в основном

материалы отчетов, связанных с проведением архитектурно-археологических изысканий. В архиве Археологического центра Псковской области, который является преемником архива Псковской археологической экспедиции, хранится значительный отчетный материал, включающий полевую документацию. Кроме того, в архив АЦПО были переданы на хранение из НПЦ по охране памятников истории и культуры Псковской области краткие отчеты, представленные исследователями в 1980-х – 1990-х гг. В научно-отраслевом архиве ИА РАН был составлен список археологических отчетов, поступивших на хранение из Отдела полевых исследований.

Соотнесение данных различных источников позволило исполнителям проекта, во-первых, дополнить Указатель данными о не учтенных ранее археологических раскопках, а во-вторых – внести значительные коррективы в данные о месте их проведения, площади, мощности культурного слоя и т. д. На данный момент, по сравнению с предшествующими перечнями, Указатель раскопов дополнен 25 новыми номерами для не учтенных ранее раскопов.

Схема расположения археологических раскопов в г. Пскове и ситуационные планы. Первая схема размещения раскопов в г. Пскове была создана И.К. Лабутиной на основе накопления фонда археолого-топографических данных и сопровождалась характеристикой основных параметров и особенностей культурного слоя (*Лабутина*, 1981; 1983; 2011).

В электронном виде схема раскопов впервые была разработана Б.Н. Харлашовым. Благодаря его работе схема раскопов в г. Пскове появилась в электронном виде с привязкой на современную топографическую основу, а затем была совмещена с историческими планами (*Харлашов*, 2000. С. 85; 2003. С. 93–103). Результаты исследования Б.Н. Харлашова далее использовались при историко-топографическом сопоставлении улиц, открытых в ходе раскопок, с планом 1740 г. (*Колосова*, 1997. С. 156–168).

Карта-схема в масштабе 1:10000 «Система охраны памятников археологии и исторического культурного слоя» вошла в состав Проекта зон охраны памятников истории и культуры г. Пскова, созданного институтом ЛЕНГИПРОГОР (главный архитектор проекта Г.П. Боренко). Отдельные разделы данного проекта, в том числе и карта-схема, были выполнены И.К. Лабутиной и Б.Н. Харлашовым.

В 2006–2007 гг. в составе работ по корректировке Проекта зон охраны памятников истории и культуры исторического центра г. Пскова (исполнители Б.Н. Харлашов, Е.А. Яковлева) карта археологических раскопов на территории г. Пскова была обновлена. (Проект охранных зон объектов культурного наследия г. Пскова. Корректировка» был выполнен ПФ ФГУП «Институт по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация» по заказу ОАО «Институт «Псковгражданпроект» на основании «Задания на корректировку Проекта зон охраны памятников истории и культуры г. Пскова» и «Задания на Проект планировки исторического центра г. Пскова (корректировка)».)

Выполненный в 2010–2011 гг. в рамках указанного проекта РГНФ обновленный файл (создан в программе AutoCad 2010) со Схемой расположения археологических раскопов в г. Пскове, совмещенной с Генпланом города Пскова, содержит несколько слоев информации, соответствующих годам проведения раскопок. Подобное разделение информации облегчает выполнение на основе данного файла различных схем расположения раскопов в зависимости от даты их проведения.

Исполнителями настоящего проекта были произведены работы по уточнению «привязок» раскопов и их конфигурации. Несмотря на многолетнюю работу различных исследователей по созданию Схемы, она все еще нуждалась в серьезной корректировке – прежде всего, в уточнении конфигураций раскопов, выполненных до конца 1980-х гг.

В частности, внесены коррективы в расположение, конфигурацию и атрибуцию комплекса раскопов у палат Подзноевых, раскопов на Романовой горке, в Мирожском монастыре, у Троицкого собора, у Рыбного торга и др.

Схема дополнена местоположением новых объектов (всего около 30): шурфов у северного фасада ц. Святого Климента (1976 г.), шурфов у собора Иоанна Предтечи (1979 г.), траншеи у въезда во двор Поганкиных палат (1980 г.), раскопок у башен Плоской и Высокой (1989 г.), раскопок у дома Печенко и Солодежни (1990 г.), раскопок на Гремячей горе (1990 г.), шурфов на территории комплекса близ ц. Козьмы и Дамиана с Примостья и т. д.

Уточнение «привязок» всех раскопов было проведено в связи с переводом данных о местонахождении археологических раскопов на современную топографическую подоснову, каковой является Генплан города Пскова. Несомненным преимуществом нанесения местонахождения раскопов на Генплан является то обстоятельство, что археологические раскопы теперь соотнесены с современной застройкой (включая трассы проложенных коммуникаций), городской координатной сеткой и данными о современном рельефе города.

На основании исходной электронной карты – Схемы расположения археологических раскопов – были выполнены локальные ситуационные планы для условно выделенных участков средневекового города (всего 55 схем). На ситуационных планах местоположения раскопов обозначены контуры современной застройки, ближайшей к месту проведения раскопок, и памятники архитектуры.

Заключение к печатному варианту Каталога археологических раскопов в г. Пскове с 1912 по 2008 г. включает в себя общую характеристику первого этапа систематизации материалов документации о результатах археологических исследований и основные принципы построения в дальнейшем Информационной системы «Археологическое изучение Пскова». Основные методологические положения по разработке ИС АИП были изложены исполнителями проекта в предшествующей данному проекту публикации (*Королева, Подгорная*, 2010. С. 60–69). Однако опыт и результаты настоящего проекта позволили внести существенные коррективы в видение решений данной проблематики.

Электронный каталог археологических раскопов в г. Пскове с 1912 по 2008 г.

Основной частью электронного варианта Каталога являются описания археологических раскопов в г. Пскове с 1912 по 2008 г., являющиеся основой для будущих так называемых «главных» файлов ИС АИП. На данный момент описания соответствуют следующей структуре (приводим здесь некоторые комментарии к отбору информации при заполнении полей):

1) номер на Схеме размещения археологических раскопов в Пскове. Данный номер соответствует номеру раскопа на Схеме, традиционно используемой руководителями работ в альбомах иллюстраций к отчету с 1980-х гг. К сожалению, на дан-

ной схеме одному номеру часто соответствует большое количество раскопов, т. к. он присваивался всему участку, изученному раскопками сплошной площадью, или раскопкам, связанным с изучением какого-либо топографического объекта. Данная информация вошла в археологические отчеты и публикации, поэтому необходимо будет и впредь всегда указывать эти номера;

2) номер по каталогу. Пока это поле не заполнялось. Идентификационный номер будет присвоен каждому раскопу в Информационной системе, где файл с описанием раскопа будет выполнять роль так называемого «главного» файла в реляционной СУБД (реляционная модель СУБД ориентирована на организацию данных в виде двумерных таблиц);

3) год/годы проведения работ;

4) название раскопа. Многим раскопам присваивались названия по ближайшему топографическому объекту. Например, Ильинский I, Кузнецкий IV и т. д.;

5) шифр раскопа;

6) современный адрес проведения археологических работ (с указанием улиц, номеров домов). В настоящий момент уточняются адреса, которые были указаны в текстах археологических отчетов, т. к. во многих кварталах, отведенных под строительство, где были проведены охранные исследования, сейчас появились точные адреса для каждого объекта;

7) руководитель работ (держатель Открытого листа);

8) площадь исследований;

9) организация, выполняющая археологические работы;

10) цель проведения работ. В данном поле определяется характер проводимых работ: охранные раскопки, предваряющие строительство; архитектурно-археологическая шурфовка в рамках подготовки проекта реставрации и т. д. При наличии информации в отчете указывается и заказчик археологических работ;

11) историко-топографическая характеристика изучаемого участка города;

12) мощность антропогенных отложений (в т. ч. мощность археологического культурного слоя), значение репера;

13) характеристика археологического культурного слоя: цвет, плотность, влажность, основные включения, сохранность, стратиграфические горизонты, основные сооружения и комплексы;

14) датировка культурных отложений (время первоначального освоения, основные этапы, общая датировка);

15) характеристика материковых отложений. В данном поле приводится информация о составе материковых отложений и рельефе;

16) основные результаты работ;

17) место хранения археологической коллекции, ее состав, датировка и количество единиц хранения;

18) место хранения отчетной документации, ее комплектность. Данное поле представляет собой краткую справку об отчетной документации. Указана следующая информация: автор отчета, полное название (в первую очередь, по экземпляру, поступившему в научно-отраслевой архив ИА РАН), архивный шифр документов по системе ИА РАН, их комплектность. При наличии отчетных материалов в других архивах указаны название архива и номера дел;

19) публикации по результатам археологических раскопок (алфавитно-хронологический список).

Файлам с описаниями раскопов присвоены наименования, содержащие номер раскопа на схеме, шифр раскопа и фамилию автора работ (например, 017-ППИ-67-68-Лабутина). Номера на схеме в названиях все даны как трехзначные для удобства сортировки по возрастанию номеров (например, 001, 010, 100 и т. п.).

Систематизированные в рамках проекта материалы о проведенных археологических исследованиях в г. Пскове с 1912 по 2008 г. позволят в дальнейшем реализовать этап подготовки информации для ввода в базы данных. Прежде всего, предстоит оценка полноты и сопоставимости информации по разным раскопам, наличия в Каталоге необходимых количественных и качественных характеристик.

Отметим, что значительная часть информации, представленной сейчас в текстовом Каталоге, является слабоструктурированными данными, что ставит перед нами задачу дальнейшей «гипертекстизации», т. е. организации хранения всей связанной информации, которая не укладывается в жесткие структуры реляционной базы данных. Здесь имеется в виду, прежде всего, адаптация данных для ввода в базу на уровне единого информационно-логического или информационно-поискового языка.

Соответственно, для целенаправленного поиска в ИС АИП необходимо будет разработать шкалу (возможно, иерархическую) понятий (ключевых слов), использование которых обязательно на уровне определенных полей.

Электронная Схема расположения археологических раскопов в г. Пскове с 1912 по 2008 г. Общая характеристика Схемы приведена выше, в части, относящейся к печатному варианту Каталога. Совмещенный с современным Генпланом г. Пскова файл со Схемой содержит несколько слоев информации: современная застройка с уличной сетью, археологические раскопы под номерами (блоками по годам проведения работ) с обозначением квадратных сеток и участков раскопов. Археологические раскопы нанесены в геодезической сетке с координатной привязкой (к т. н. «крестам»). Послойное нанесение информации позволяет ее комбинировать при подготовке иллюстративного материала. Кроме того, возможно любое масштабирование схемы при распечатке и импортирование ее в векторные и растровые форматы. Существенным моментом является то, что при подготовке иллюстративного материала с помощью схемы возможно использование растровых изображений в качестве подосновы.

При создании в будущем Информационной системы «Археологическое изучение Пскова» данная электронная схема будет использоваться как основа для АГИС.

Электронный архив отчетных материалов о раскопках в г. Пскове с 1912 по 2008 г. В рамках настоящего проекта формирование основы электронного архива материалов из отчетной документации являлось необходимой информационной основой и носило вспомогательный характер. На данном этапе при отборе информации для копирования из архивных дел учитывались потребности при формировании Указателя археологических раскопов и при заполнении полей текстового Каталога (т. н. «главных» файлов будущей ИС АИП). В основном такая информация находилась во вводной и заключительной частях отчетов, описаниях профилей и материка.

При составлении электронного архива отчетной документации использовались материалы перечисленных выше архивов. Отметим, что при составлении ча-

сти электронного архива отчетной документации о раскопках в Пскове на основе дел, хранящихся в научно-отраслевом архиве ИА РАН, в соответствии с установленными правилами копировалось не более 10% архивного дела. Авторы статьи благодарят И.М. Умарову (начальника Научно-отраслевого архива ИА РАН) за оказанную помощь и содействие при выполнении работ по систематизации данных археологических отчетов о раскопках в г. Пскове. В древлехранилище Псковского музея-заповедника архивные дела были оцифрованы полностью.

В электронный архив отчетов о раскопках последних лет (2004–2008 гг.) по возможности включены полные тексты отчетов, списки иллюстраций к отчетам, списки индивидуальных находок, таблицы массового материала. В ряде случаев присутствуют описи рисунков или фотографий индивидуальных находок, аннотированные видовые фотографии. Для большинства раскопов последних лет в архив включены файлы с чертежами раскопов.

Электронный архив публикаций о результатах археологических исследований в г. Пскове с 1912 по 2008 г. Авторами проекта составлен перечень основной литературы с публикациями. На основании данного списка была создана основа электронного архива публикаций, которые были отсканированы и в значительной части переведены в текстовой формат для дальнейшего использования при составлении текстового Каталога. В электронный архив вошли статьи, опубликованные в следующих изданиях: АО, КСИА, МИА, АСГЭ, СГЭ, СА, РА, сборниках материалов семинара АИППЗ, выпусках АИП, различных тематических сборниках и т. д.

Таким образом, в рамках настоящего проекта не только подготовлены печатный и электронный варианты Каталога археологических раскопов в г. Пскове с 1912 по 2008 г., но и выполнен предварительный научно-исследовательский этап, предшествующий будущей разработке Информационной системы «Археологическое изучение Пскова». Исполнителями проекта подготовлены основы для составляющих АГИС: а) выполнены описания раскопов для «главных» файлов ИС АИП; б) создана электронная схема расположения археологических раскопов как основа для разработки АГИС; в) сформирована основа электронного архива отчетной документации и публикаций для ввода информации в сопряженные базы данных.

Продолжение работ по созданию ИС АИП связано как с накоплением информации по раскопкам, проведенным после 2008 г., так и, прежде всего, с работами по структурированию информации текстового Каталога для подготовки ее к вводу в реляционные базы данных в зависимости от поставленных в рамках определенных исследований задач.

Литература

Колосова И.О., 1997. Улицы Пскова: средневековье и раннее Новое время // Тр. VI МКСА. М. Т. 2: Славянский средневековый город.

Королева Э.В., Подгорная Р.Г., 2010. Методические принципы разработки информационной системы «Археологическое изучение Пскова» // АИППЗ: Заседание 55. Псков.

Лабутина И.К., 1981. Итоги изучения культурного слоя Пскова // КСИА. № 164.

Лабутина И.К., 1983. Культурный слой Пскова // Археологическое изучение Пскова. М.

Лабутина И.К., 2011. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.

Харлашов Б.Н., 2000. Псковский государственный научно-исследовательский археологический центр (опыт организации археологических исследований в условиях самофинансирования 1991–1996 гг.) // АИППЗ: 1996–1999. Псков.

Харлашов Б.Н., 2003. План Псковской крепости 1740 г. (опыт адаптации к современной топооснове // Псков: Науч.-практ. ист.-краевед. ж-л. Псков.

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЕ СОСЕДИ

Б.С. Короткевич

Стратиграфия городища Анашкино по материалам раскопок 2009–2010 гг.

B.S. Korotkevich. The stratigraphy of the hillfort Anashkino: excavations of 2010–2011

Abstract. The study of the stratigraphy of the cultural layers of the hillfort Anashkino by the excavations of 2010–2011 makes it possible to create a fairly clear idea of its structure. In the north-eastern edge of the settlement area all the six known historical cultural layers are represented. Seven horizons of the hillfort were found. Six horizons refer to the 1st century BC, and the seventh – to the end of the 1st century AD. The hillfort was obviously used before, but the relevant cultural layers in the investigated area were not formed or have not survived. Not all of chronological discrepancies have been resolved as a result of the research. However, the collected data can help in the allocation of complexes dated to different time periods at the sites with less defined stratigraphy and in further reconstruction of the process of archaeological cultures changes in the 1st millennium BC in the forest zone of Eastern Europe.

Ключевые слова: Псковская земля, ранний железный век, городище Анашкино, стратиграфия, хронология.

Городище Анашкино, располагающееся на северо-западном берегу оз. Жижицкое, исследуется уже в течение не одного десятка лет. Памятник был открыт и предварительно обследован Я.В. Станкевич (1960. С. 176–177). Первые археологические раскопки проведены в 1971 г. Р.С. Минасяном в составе Северо-Западной экспедиции ГЭ (*Минасян*, 1974). С 1991 г. Эрмитаж возобновил раскопки на памятнике (рис. 1). В ходе этих работ на площадке городища были открыты и исследованы культурные слои второй половины I тыс. до н. э. и конца I тыс. н. э. Результаты исследований площадки кратко подытожены в материалах юбилейного – 50-го – семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли» (*Короткевич, Зайцева*, 2004). Дальнейшие раскопки на городище производились на самом краю площадки и на склоне, где под разрушенными оборонительными сооружениями обнаружились материалы и более ранних периодов. Эти работы велись небольшими участками, между которыми оставлялись бровки. Самая широкая бровка разделяла участки 3 и 6, занимая всю южную половину квадратов И/3–5. В 2010 г. была начата разборка этой бровки, завершившаяся только в 2011 г. Поскольку ширина бровки составляла более 1 м, она представляла собой значительный по площади участок культурного слоя. Вместе с тем, поскольку ее стратиграфия заранее была известна в результате работ на участках 3, 5 и 6, в ходе ее разборки можно было максимально точно следовать этой стратиграфии, разделяя полученные материалы по разным хронологическим горизонтам. При исследованиях на основных участках раскопок точная привязка находок к стратиграфическим слоям была затруднена в силу того, что разновременные культурные слои по составу внешне мало отличались друг от

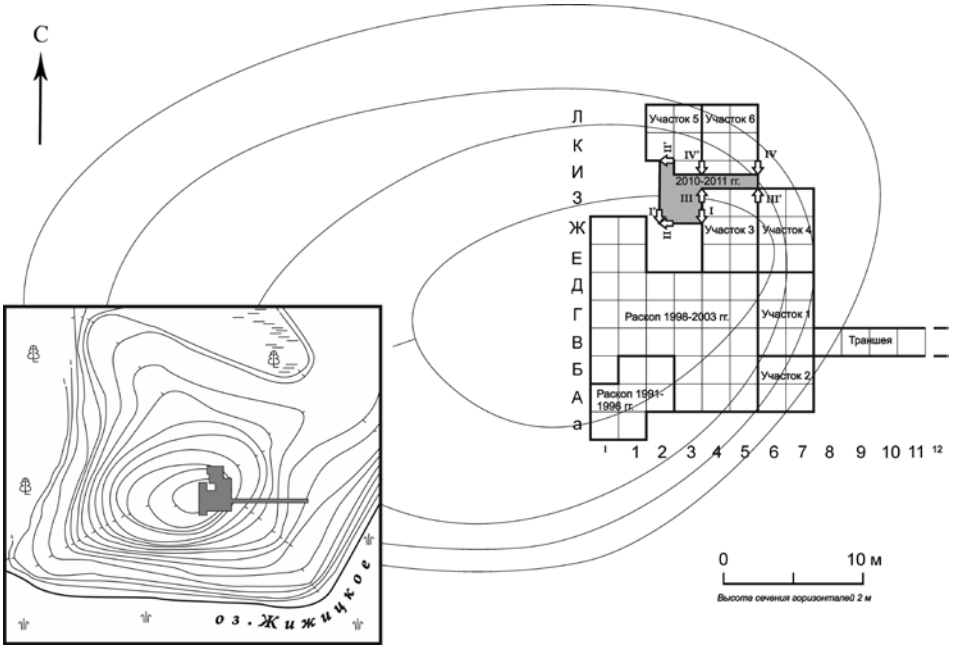


Рис. 1. Схема раскопов на городище Анашкино

друга, отделяясь тонкими, трудноуловимыми в плане прослойками песка, золы и угля.

Изучение стратиграфии культурного слоя в результате раскопок 2010–2011 гг. позволяет сформировать достаточно ясное представление о его структуре. В ней представлены все известные на городище последовательно перекрывающие друг друга слои, границы между которыми соответствуют разным периодам использования памятника (рис. 2). Формирование слоев связано, скорее всего, с периодическими перепланировками площадки городища, в результате которых происходило перемещение значительных масс грунта, в том числе и ранее сформировавшегося культурного слоя. Поэтому состав находок в основной толще вновь отложенных слоев может содержать разновременные материалы, характерные для всех предшествующих этапов заселения. Границы же между слоями, по уровню которых концентрируются большинство индивидуальных находок, развалы крупных частей сосудов и остатки сооружений, соответствуют древней дневной поверхности, на которой и происходила основная жизнедеятельность людей. Происходящий отсюда материал в наиболее чистом виде характеризует материальную культуру разных периодов использования городища. Именно эти границы определяют горизонты использования городища.

Практически все стратиграфические слои имели небольшой наклон в сторону естественного склона холма. Верхнюю часть напластований составляли слои, хорошо представленные в раскопе на площадке городища (*Короткевич, Зайцева*, 2004). К ним относится **черный**, насыщенный углем гумусированный **песок** мощностью около 0,35 м. Ниже шел **слой серого песка**. Под ним располагался **верхний слой коричневого песка** мощностью до 0,30 м.

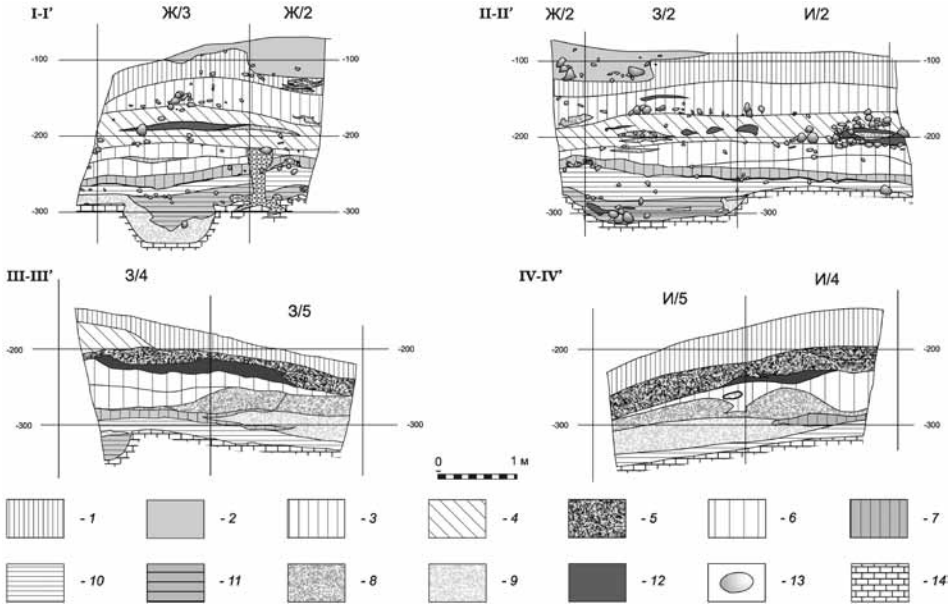


Рис. 2. Стратиграфия разрезов

1 – черный углистый песок; *2* – заполнение ямы в слое черного песка; *3* – серый песок; *4* – верхний слой коричневого песка; *5* – слой сгоревших оборонительных конструкций; *6* – нижний слой коричневого песка; *7* – коричневый песок с угольками; *8* – желтый песок; *9* – красно-желтый песок; *10* – бурый песок; *11* – бурый песок с угольками в заполнении ямы; *12* – уголь; *13* – камни; *14* – материк

Нижележащие напластования на площадке городища отсутствуют. На самом краю площадки и в верхней части склона лежал слой **сгоревших оборонительных конструкций**: многочисленные фрагменты обуглившегося дерева, залегавшие в толще переотложенного желтого материкового песка. Большинство бревен были ориентированы параллельно краю площадки, в направлении ЮВ–СЗ, однако отдельные фрагменты располагались под разными углами к ним. Ближе к середине площадки верхний слой коричневого песка подстилали два уровня **нижнего слоя коричневого песка**. Мощность **верхнего уровня нижнего слоя коричневого песка** на краю площадки составляла 0,25–0,35 м. На склоне он превращался в сравнительно тонкую прослойку между разновременными оборонительными сооружениями, мощность которой составляла от 0,10–0,15 м до полного исчезновения у восточной границы раскопа. В южной стенке квадрата Ж/2 зафиксирован спускающийся с поверхности нижнего слоя коричневого песка след довольно толстого древесного корня толщиной до 0,20 м (рис. 2, *разрез I–I'*). Этот след может свидетельствовать о том, что между верхним и нижним слоями коричневого песка лежит хронологический период, достаточно длительный для формирования лесного покрова на площадке городища. Нижняя стратиграфическая граница слоя маркируется россыпью небольших валунов и серией индивидуальных находок, среди которых особо следует отметить крупные развалы нескольких сосудов. **Нижний уровень нижнего слоя коричневого песка** распространялся на самом краю площадки городища, ограниченной оплывшими песчаными валами на склоне. Он имел мощность 0,20–0,30 м, выклиниваясь в кв. Ж/2, т. к. здесь поверхность подстила-

ющего слоя коричневого песка с угольками имела заметный подъем. **Слой коричневого песка с угольками** визуально хорошо отделяется от выше и ниже лежащих напластований за счет характерной насыщенности мелкими угольками. Мощность слоя составляла 0,10–0,15 м. Его подстилал **слой слабо гумусированного бурого песка** мощностью 0,10–0,20 м, уходивший на склоне под ранний вал, сложенный из красно-желтого песка. Бурый песок лежал непосредственно на **материке**, состоявшем из моренного песка желто-красных оттенков с гравием.

Таким образом, разновременных культурных слоев на краю площадки городища представлено 6: 1) коричневый песок с угольками; 2) нижний уровень нижнего слоя коричневого песка; 3) верхний уровень нижнего слоя коричневого песка; 4) верхний слой коричневого песка; 5) слой серого песка; 6) слой черного песка. Судя по слабой окрашенности и редкости находок, слой бурого песка не является полноценным культурным слоем, а представляет собой верхний горизонт древней погребенной почвы, или «предматерик». Впущенный в слой черного песка котлован относится к последнему этапу заселения холма, соответствующие которому культурные напластования сохранились, главным образом, у подножия холма.

Горизонтов использования городища на исследованной части насчитывается больше, чем культурных слоев. Самый ранний горизонт соответствует поверхности слоя бурого песка (1). Следующий лежит на границе коричневого с угольками и нижнего слоя коричневого песка (2). Горизонт 3 – граница между верхним и нижним уровнями нижнего слоя коричневого песка; 4 – поверхность нижнего слоя коричневого песка; 5 – поверхность верхнего слоя коричневого песка; 6 – поверхность серого песка; 7 – поверхность черного песка, практически совпадающая с современной дневной поверхностью.

Судя по отдельным находкам в слоях бурого песка и коричневого песка с угольками, городище использовалось и ранее, однако соответствующие культурные напластования в исследованной части не сформировались или не сохранились. К этому периоду, в частности, могут относиться единичные фрагменты керамики с примесью песка в глине. По своему облику они напоминают керамику эпохи бронзы, однако, поскольку фрагменты очень мелкие и не дают представления о форме сосудов, более точно атрибутировать их невозможно. В связи с вероятной датировкой этих материалов следует упомянуть две радиоуглеродные даты, полученные по углю из небольшой материковой ямки на площадке городища в 2003 г. в лаборатории ИИМК РАН (Le-6892: 2610±90; Le-6896: 2980±130). Никаких находок, которые позволили бы отнести ее к определенному археологическому комплексу, в ямке не было. Однако примечательны сами даты, позволяющие хотя бы предположительно говорить о времени самого раннего использования городища.

Первому горизонту использования городища, фиксируемому на поверхности бурого песка, соответствует самый ранний вал на краю площадки. Он сохранился в виде лежащего в начале склона холма непосредственно на буром песке слоя плотного красно-желтого песка. Его поверхность полого понижалась вниз по склону. Мощность составляла до 0,30 м. В зоне контакта красно-желтый песок и лежащий на том же уровне коричневый песок с угольками залегали в перемешенном состоянии.

В основании слоя коричневого песка с угольками на поверхности бурого песка найден развал глиняного сосуда, поверхность которого была покрыта глубоки-

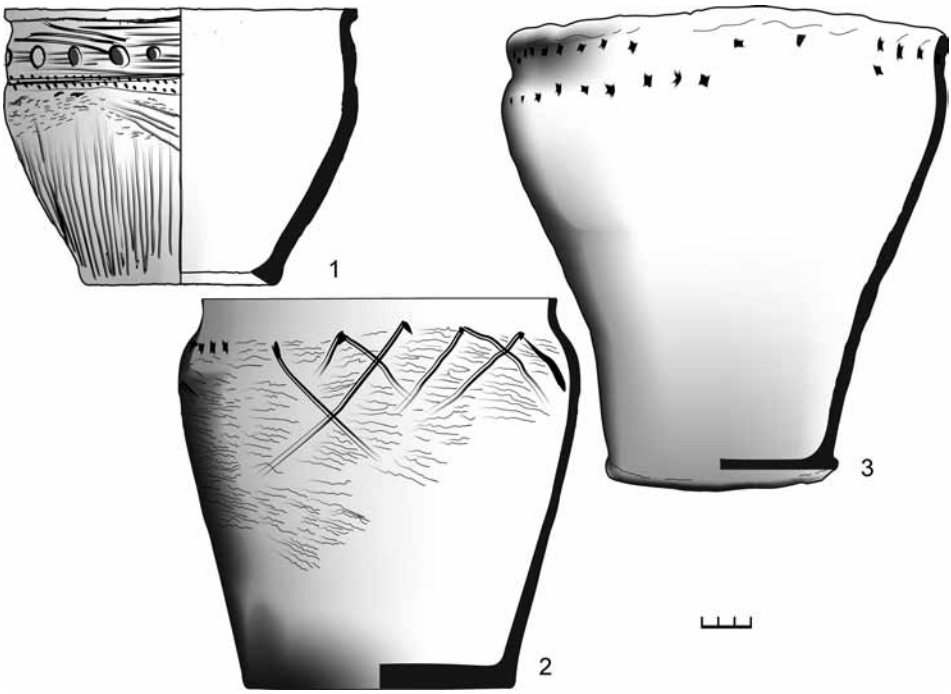


Рис. 3. Реконструкции глиняных сосудов из нижних горизонтов культурного слоя

ми расчесами поверх сетчатых отпечатков (рис. 3, *1*). Собственно сетчатые отпечатки сохранились только по плечику. Верхняя часть сосуда имела цилиндрическую форму без выделенной шейки. Верхний край утолщен и горизонтально срезан. Нижняя часть имела форму перевернутого усеченного конуса. В месте соединения верхней и нижней частей, приблизительно на уровне 2/3 высоты сосуда, располагалось скругленное плечико. Диаметр донца 12 см, венчика и плечика – 22 см. Реконструируемая высота сосуда 17 см, высота плечика – 11 см. В верхней части сосуда расчесы нанесены горизонтально, в нижней – вертикально. Верхняя часть орнаментирована проходящим посередине пояском из ряда округлых ямок. Под венчиком и над плечиком проходят горизонтальные каннелюры, выполненные отпечатками толстого жгута. Цвет глины желтый, с красноватым оттенком. Черепок плотный. В качестве примеси к глине использован белый кварцевый песок. С поверхности бурого песка в районе этого развала был взят образец угля для датирования (SPb_552: 2400±50BP; анализы образцов из раскопок 2010–2011 гг. выполнены в изотопном центре Рос. Гос. педагог. ун-та им. А.И. Герцена – SPb). Недалеко от него в квадрате З/5 в такой же стратиграфической позиции в 2007 г. был найден развал другого сосуда (рис. 3, *2*). По плечику сосуд был орнаментирован глубокими насечками, образующими углы вершинами вверх. К низу насечки переходили в достаточно длинные прочерченные линии, перекрещивающиеся между собой и образующие на тулове сосуда орнамент в виде косой сетки с крупной ячейкой. Кроме того, поверхность сосуда покрывали местами заглаженные сетчатые отпечатки. Внутренняя поверхность донца была орнаментирована круглыми неглубо-

кими ямками. Скорее всего, сосуд имел резко сужающуюся к днищу ребристую форму. Рядом с ним на поверхности бурого слоя также был взят образец угля (Le-8514: 2320±45BP).

Представление о керамическом комплексе первого горизонта может быть составлено по находкам в слоях коричневого песка с угольками и бурого песка, не характерным для вышележащих слоев. К ним могут быть отнесены фрагменты грубых сосудов открытой формы с высоким ребристым или округлым плечиком, покрытые расчесами поверх сетчатых отпечатков. В составе глины использованы крупные минеральные примеси. Встречаются как приостренные, так и уплощенные края венчиков. Орнамент состоял из линейных отпечатков толстого жгута, ямок, насечек или прочерченных линий. Внутренняя сторона донцев также орнаментировалась ямками.

Хронология первого горизонта основывается исключительно на радиоуглеродных датировках, т. к. относящиеся к нему находки не имеют датирующих аналогий. Оба приведенных выше результата радиоуглеродных анализов укладываются в хронологический интервал VI–IV вв. до н. э.

К первому горизонту пока условно может быть отнесено интересное сооружение, исследованное в 2011 г. в кв. Ж–И/2–3 на границе слоя бурого песка и вышележащего слоя коричневого песка с угольками. Здесь единым массивом лежали фрагменты дерева и уголь. Длина отдельных фрагментов составляла до 1,3–1,4 м, толщина 0,10–0,15 м. Среди остатков сооружения был отобран образец для радиоуглеродного датирования (SPb_553: 2230±30BP). Под остатками сгоревшего деревянного сооружения на поверхности слоя бурого песка была заметна западина с нечеткими границами глубиной около 0,10 м. Эта западина сформировалась над вырытой в материке ямой, восточный край которой был обнаружен во время раскопок на участке 3 в 2008 г. (рис. 2, *разрез III–III'*). По верхнему краю яма имела размеры 3×3 м, по дну – 2×2 м. Края ямы оплыли, и форма контура просматривалась неотчетливо, однако была близка квадратной с сильно скругленными углами. Глубина ямы вследствие расположения ее на склоне была неодинакова и с разных сторон составляла от 0,6 до 1 м. С южной стороны от основного котлована отходило ответвление в виде траншеи шириной 0,9 м и глубиной 0,5 м. Возможно, это ответвление представляло собой вход в основной котлован. Верхнюю часть заполнения ямы составлял бурый песок с многочисленными включениями камней. Нижележащее заполнение отличалось более темной окрашенностью в результате повышенного содержания углистых частиц. В нем обнаружены остатки перемешанных с песком обгоревших деревянных конструкций и камней. Из фрагментов обугленного дерева отобрана серия образцов для радиоуглеродного анализа (SPb_593: 2050±60BP; SPb_594: 2310±60BP; SPb_597: 2238±30BP).

Из верхней части заполнения происходят фрагмент изделия из трубчатой кости и кремневый желвак со следами снятия. Среди обгоревших бревен найден фрагмент короткой пронизки с перехватом посередине, изготовленной из трубчатой кости (птицы?). Фрагменты керамики, собранные в верхней части заполнения ямы, соответствуют керамическому комплексу слоя коричневого песка с угольками. Среди них имеются гладкостенные, сетчатые и штрихованные. Один фрагмент венчика небольшого сосуда орнаментирован мелкими ямками, другой – круглым сквозным отверстием. Оба этих фрагмента относятся к наиболее архаичной группе

плотной гладкостенной керамики с примесью песка в глине. К ней же могут быть отнесены еще два мелких фрагмента стенок. Под сгоревшим деревом на дне ямы обнаружены лосиный рог и фрагмент кости со следами обработки в виде надрезов, а также 8 мелких фрагментов керамики.

Находки в заполнении ямы и данные стратиграфии позволяют связать ее с первым горизонтом использования городища. Полученные радиоуглеродные датировки отчасти вписываются в хронологический интервал, определенный для поверхности бурого песка. Однако все даты первого горизонта оказываются заметно моложе многих дат из вышележащих слоев, что будет ясно из дальнейшего изложения.

Второй горизонт использования фиксируется границей слоев коричневого песка с угольками и нижнего слоя коричневого песка. В верхней части склона обнаружены остатки оборонительных сооружений, основание которых стратиграфически соответствует поверхности слоя коричневого песка с угольками. Они представляли собой сильно оплывшую насыпь из желтого материкового песка. Максимальная мощность слоя желтого песка составляла 0,40 м, постепенно уменьшаясь вниз по склону до 0,25 м. На поверхности насыпи прослежены две параллельные частокольные канавки, проходившие вдоль края площадки городища. Внутренняя канавка находилась вблизи западной границы слоя желтого песка. Внешняя же – на расстоянии 1,5 м от нее. В обеих канавках отчетливо читались следы столбов диаметром около 0,20 м.

Для горизонта характерна керамика, распространенная в слое с угольками и в нижней части нижнего слоя коричневого песка. Это хорошо профилированные сосуды с высокой шейкой и крутым плечиком, орнаментированные мелкими ямками, тычками и наколами (в том числе двойными). Также имеются и баночные не профилированные формы. Поверхность сосудов заглажена или покрыта штриховкой. В верхней части сосуда штриховка наносилась горизонтально, в нижней – вертикально, с небольшими отклонениями. В ряде случаев горизонтальная штриховка зафиксирована на внутренней поверхности черепков. Встречаются фрагменты сосудов с мелкоячеистыми сетчатыми отпечатками на поверхности.

На границе слоев коричневого песка и коричневого песка с угольками обнаружены два донца глиняных сосудов. Излом придонной части стенки обоих донцев, ровный, скошенный внутрь, свидетельствует о применении техники ленточного налепа. В качестве примесей к глине использованы дресва и песок. Внутренняя поверхность одного из них покрыта сетчатыми отпечатками. Отличительными чертами керамического комплекса горизонта можно назвать штриховку на поверхности сосудов и использование в орнаментации мелких ямок, тычков и наколов.

Из второго горизонта происходят достаточно многочисленные кремневые отщепы и орудия. К особо интересным находкам можно отнести миниатюрную железную бритву, стратиграфическое положение которой в слое с угольками не вызывает сомнений, но, вместе с тем, неожиданно для столь раннего периода. Бритва имеет характерно выгнутое лезвие и короткий, возможно обломанный, черенок (рис. 4, *10*). Неподалеку от нее найден и фрагмент железного стержня.

С границы между слоями коричневого песка и коричневого песка с угольками происходит целая серия находок костей человека. Предварительное определение костей было произведено Д.В. Пежемским. Не исключено, что большинство их

принадлежит одному индивиду – молодой женщине. Стратиграфически эти находки полностью соответствуют местоположению человеческого черепа из раскопок 2007 г. Следы травм на черепе указывают на то, что этот период в жизни городища закончился весьма драматично. Причиной смерти, вероятнее всего, послужил удар, нанесенный рубящим орудием с узким лезвием, каковым мог быть, например, бронзовый кельт.

Время второго горизонта определяется с помощью радиоуглеродных датировок. Радиоуглеродные анализы образцов 2011 г., взятых из слоя коричневого песка с угольками, дают нам даты, указывающие на IV–III вв. до н. э. (SPb_551: 2280±50BP; SPb_553: 2230±30BP). Вместе с тем, в нашем распоряжении имеется датировка коричневого песка с угольками из раскопок 2007 г., позволяющая отнести его к VIII–V вв. до н. э. (Le-8513: 2470±100).

Третий горизонт использования соответствует границе нижнего и верхнего уровней нижнего слоя коричневого песка. В целом керамический комплекс характеризуется формами, преобладающими в нижнем слое коричневого песка и практически не встречающимися в слое с угольками. Наилучшее представление о нем дают развалы трех сосудов, найденных под остатками сгоревших деревянных конструкций (в т. ч.: рис. 3, *3*). Это слабо профилированные сосуды с округлым плечиком, низкой шейкой и отогнутым наружу коротким венчиком. Поверхность бугристая из-за выступающих зерен дресвы, покрытая крупноячеистыми сетчатыми отпечатками. Шейка и плечико орнаментированы двумя рядами тычков или ямок, реже – гребенчатыми отпечатками.

Верхний уровень нижнего слоя коричневого песка имеет ряд характерных отличий в наборе индивидуальных находок. Так, в первую очередь следует отметить не характерное для вышележащих напластований большое количество находок кремневых отщепов, причем часть из них несет на себе следы обработки и использования. Также этот слой отмечен появлением глиняных литейных форм «для отливки браслетов» (рис. 4, *2*). Изделий из кости в слое встречено не много.

Целый комплекс предметов, характеризующих культуру этого времени, происходит из раскопок предыдущих лет. Среди них – серия фрагментов литейных форм для браслетов, а также фрагменты форм для отливки более сложных изделий, в том числе происходящий из заполнения материковой ямы в квадрате Л/2 фрагмент внутренней поверхности глиняной формы, предназначенной для изготовления цилиндрического предмета (рис. 4, *5*). На ней нанесены элементы декора в виде глубоких борозд клиновидного сечения. Одна из самых интересных находок 2007 г. – обломок шиферной формы для отливки кельта меларского типа (рис. 4. *4*). На обломке присутствует негатив части втулки с ушком и декором в виде поперечных рельефных валиков и расходящихся от них вверх и вниз лучей. На оборотной стороне формочки сохранились комочки прикипевшего металла. Кроме литейных форм в слое обнаружены и фрагменты льячек, внутренняя поверхность которых покрыта светло-серым слоем каолина. Интересно, что сохранившаяся рукоятка одной из таких льячек – не полая втульчатая, а цельная, уплощенная с боков для захвата (рис. 4, *1*). Глиняные формы для браслетов найдены в нижних слоях многих городищ лесной зоны Восточной Европы и Прибалтики (*Кренке*, 2011. С. 43). К сожалению, надежных датировок эти слои не имеют, однако то обстоятельство, что они подстилают лучше датированные слои второй половины I тыс. до н. э., позволяет

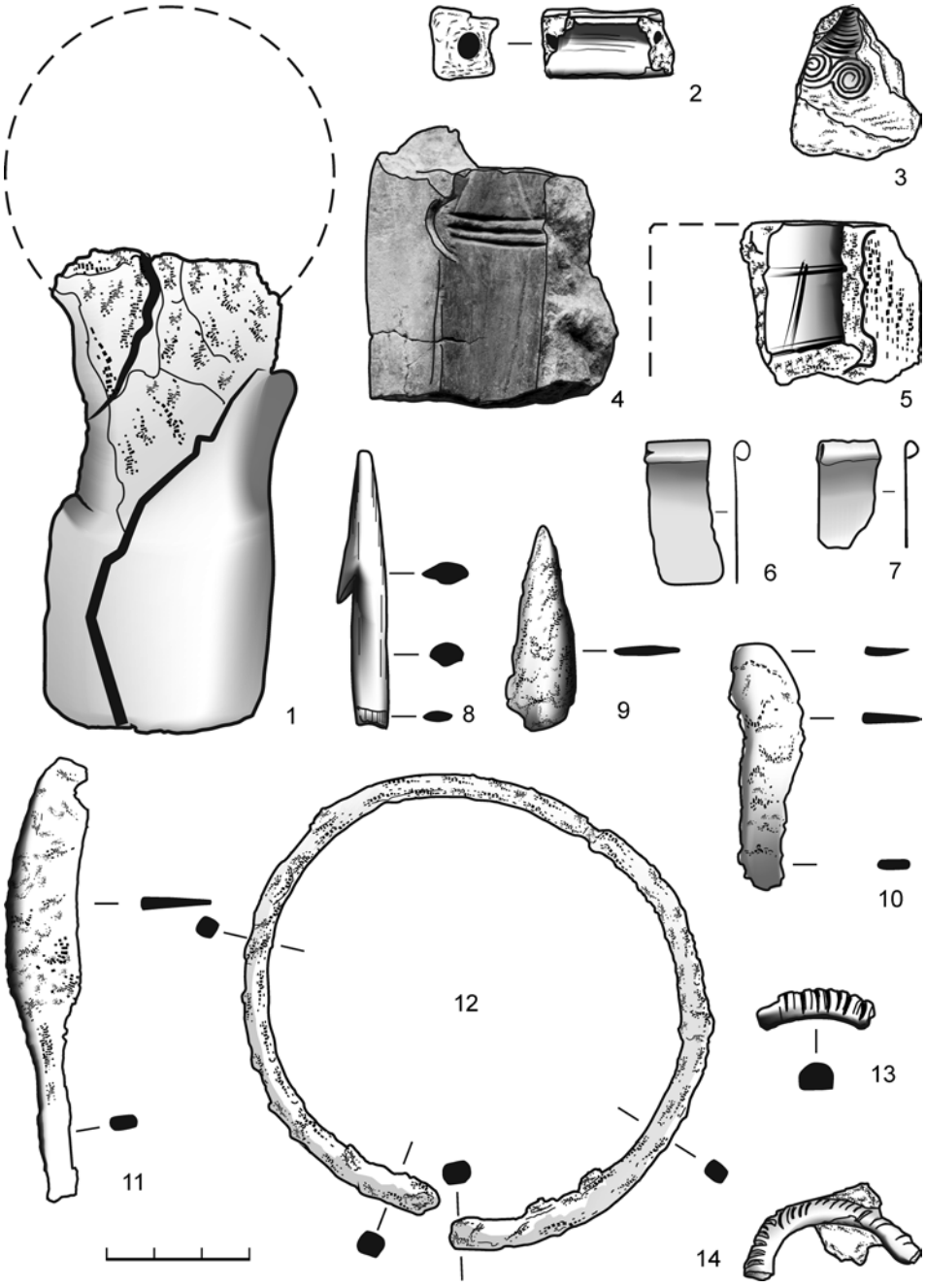


Рис. 4. Находки из разных горизонтов
1–3, 5 – глина; *4* – шифер; *6, 7, 13, 14* – бронза; *8* – кость; *9–12* – железо

отнести их к первой половине – середине этого тысячелетия. Поскольку в нашем распоряжении имеется только небольшой фрагмент литейной формы для кельта, говорить о его типологической интерпретации не приходится, однако в целом эта группа орудий датируется VIII–VI вв. до н. э. (*Кузьминых*, 1983. С. 83–87).

В 2007 г. на соседнем участке раскопа на уровне третьего горизонта были исследованы остатки деревянной постройки в виде нескольких обугливших бревен, лежавших на пятне песка и золы. Радиоуглеродная датировка постройки указывает на VIII–V вв. до н. э. (Le 8512: 2440±35). Близкие датировки дают образцы, взятые из слоя сгоревших оборонительных конструкций (Le-7249: 2425±30; Le-7251: 2525±25). Анализ угля из района развалов сосудов 2011 г. в лаборатории РГПУ дал более позднюю дату – IV в. до н. э. (SPb_591: 2314±25). Однако, несмотря на значительное расхождение с датировками лаборатории ИИМК, эта дата совпадает с датой слоя сгоревших оборонительных сооружений, полученной в РГПУ (SPb_554: 2300±50). Стратиграфия культурных слоев не противоречит синхронизации слоя сгоревших оборонительных сооружений с третьим горизонтом заселения городища. Хотя он частично перекрывает верхний уровень нижнего слоя коричневого песка, формирование этих напластований, скорее всего, происходило в рамках одного археологического периода, завершившегося длительным перерывом в использовании городища.

Четвертый горизонт использования городища связан с остатками стены, возведенной на краю площадки с использованием дерева и камней. Радиоуглеродная датировка, полученная в 2011 г., дает нам для этого сооружения интервал IV–III вв. до н. э. (SPb_596: 2230±30). Близкие даты происходят из заполнения котлованов жилищ на площадке городища, сформировавшегося, судя по всему, в результате пожара (Le-6310: 2180±30; Le-6650: 2185±20; Le-7248: 2250±55; Le-7246: 2290±40; Le-6648: 2220±25; Le-6651: 2310±20; Le-6647: 2320±25; Le-7252: 2320±60).

Представление о материальной культуре горизонта дают находки в верхнем слое коричневого песка. Для керамического комплекса особенно характерны гладкостенные сосуды с коротким венчиком и хорошо выраженным плечиком, со следами песчаной подсыпки на донцах, орнаментированные отпечатками гребенчатого штампа. Наиболее часто встречается гребенчатый орнамент, состоящий из двойного пояска по шейке сосуда с отходящими от него вниз косыми фестонами.

В предыдущие годы раскопок в этом слое обнаружено довольно много одношипных костяных наконечников стрел. В 2011 г. подобный экземпляр был найден на границе верхнего и нижнего слоев коричневого песка (рис. 4, *8*). Замечательно, что рядом с ним лежал еще и железный наконечник (рис. 4, *9*). Аналогичные ему наконечники были встречены среди остатков пожара двухкамерных жилых построек на площадке.

Для хронологии горизонта важно отметить находки обломков рубчатых браслетов (рис. 4, *13, 14*) и формы для отливки конического спиралевидного украшения (рис. 4, *3*). Браслеты относятся к типу изделий, хорошо представленных на городищах разных культур в лесной полосе Восточной Европы. Е.В. Столяров относит распространение этих изделий на городищах лесной зоны Восточной Европы к IV–III вв. до н. э. (*Столяров*, 2012). Это соответствует радиоуглеродной датировке, полученной в 2011 г. (SPb_596: 2230±30). Однако эта датировка не вполне согласуется с датировкой спиралевидного конического декора, встречающегося на концах

браслетов или в составе умбоновидных подвесок с волютами. Такие браслеты и подвески, по мнению Ю.В. Ефимовой, относятся к несколько более раннему времени – VI–IV вв. до н. э. (*Ефимова*, 2004. С. 264; 2005. С. 189). Хотя обломок формы для отливки умбоновидной подвески с волютами был найден в 2002 г. при раскопках одной из двухкамерных построек на площадке, не исключено, что спиралевидные формы относятся, все-таки, к предыдущему, третьему, горизонту и попали в вышележащие слои в результате последующих земляных работ на городище.

Из других находок предыдущих лет, связанных с горизонтом, следует упомянуть примитивные трапециевидные и прямоугольные пластинчатые подвески со скрученной в трубочку верхней стороной (рис. 4, *6, 7*). Подобные украшения происходят из слоя погребенной почвы Дьякова городища, где они соседствуют с литейными формами для гладких браслетов и булавок с двойным спиральным навершием (*Кренке*, 2011. С. 44).

Пятый горизонт, лежащий на границе коричневого и серого песка, в раскопках 2011 г. отмечен множеством небольших валунов, образовывавших бесформенные скопления. Среди них найден сравнительно крупный фрагмент неорнаментированного гладкостенного сосуда с коротким, отогнутым наружу венчиком. Фрагмент состоит из двух плотных черепков черного цвета с примесью дресвы в глине. Поверхность замыта. На внутренней поверхности – нечеткие замытые следы гребенчатых расчесов. У верхнего края – нагар. Среди камней найдены также фрагмент железного шила, железный нож с горбатой спинкой (рис. 4, *11*), кость со следами обработки.

Облик материальной культуры пятого горизонта восстанавливается по находкам из слоя серого песка. Отсюда происходит керамика, главным образом гладкостенная, характерная и для вышележащего слоя черного песка. Это фрагменты тонкостенных слабо профилированных баночных сосудов. Венчики короткие вертикальные или слабо отогнутые наружу. В ряде случаев венчик не выделен, а край сосуда или прямой, или округло загнутый внутрь. Обращают на себя внимание находки фрагментов небольшой чашки диаметром 10 см и высотой 4,5 см и маломерного баночного сосуда диаметром 9 см. Чашка имела выпуклые округлые стенки и слегка загнутый внутрь край с невыделенным венчиком. Маломерный сосуд повторял форму более крупных экземпляров с коротким, чуть отогнутым наружу венчиком, слабо выраженным плечиком и постепенно сужающимися к низу стенками. Вместе с тем, в сером песке встречены и отдельные фрагменты сосудов более раннего времени с сетчатой и штрихованной поверхностью, орнаментированных отпечатками гребенчатого штампа, ямками и тычками. В целом, в культурном слое, лежащем выше пятого горизонта, начинает преобладать гладкостенная неорнаментированная керамика. Располагавшееся на горизонте единственное небольшое скопление углей дало дату в широком интервале IV–I вв. до н. э. (SPb_543: 2150±50).

На площадке городища в 1999–2001 гг. исследовались остатки построек с песчаными очагами, стратиграфически соответствующие этому горизонту. К ним относится серия радиоуглеродных дат, укладывающихся в хронологический интервал IV–II вв. до н. э. (Le-6306: 2130±25; Le-6307: 2140±30; Le-6649: 2150±16; Le-6304: 2160±50). Происходящие из этих раскопок находки также не противоречат представлениям о пятом горизонте, сформировавшимся на основании материалов 2010–2011 гг.

Шестой горизонт соответствует границе серого и черного песка. Он хорошо прослеживался по всей территории раскопа на площадке и соответствует периоду функционирования железоделательной мастерской конца I тыс. до н. э. (*Короткевич*, 1994). В районе квадрата Ж/2 стенки раскопа зафиксировали западину на поверхности серого слоя. Заполнение западины несколько темнее основного массива черного песка. При зачистке южной стенки в западине выявлены 4 тонкие линзы песка, располагавшиеся одна над другой. Характер этих линз напоминает край разрушенных песчаных подов металлургических горнов или очагов, ранее исследовавшихся в слое черного песка на площадке городища.

Материальную культуру горизонта характеризуют находки в слое черного песка. Из него происходят фрагменты лепной гладкостенной, сетчатой и штрихованной керамики. Подавляющее большинство фрагментов принадлежало гладкостенным сосудам. Черепки плотные, черного или красно-желтого цвета, с шершавой поверхностью. Толщина стенок 4–8 мм. Судя по профилированным фрагментам, сосуды имели баночную форму с коротким вертикальным или чуть отогнутым наружу венчиком. В слое черного песка найдено железное кольцо размерами 9,4×8,8 см (рис. 4, *12*). Для слоя характерны находки железных шлаков и многочисленных небольших валунов, не образующих видимых скоплений.

Седьмой горизонт представлен котлованом, впущенным в слой черного песка с уровня современной дневной поверхности. Границы котлована достаточно отчетливо фиксировались в стенках раскопа, но в плане при разборке культурного слоя остались незамеченными. Его заполнение несколько отличалось от окружающего черного песка за счет более темной окраски и концентрации валунов. Здесь обнаружено плотное скопление пережженных расколотых камней, напоминающее развал печи-каменки с остатками сгоревшего дерева, угольками и пятном песка в основании. Подобные сооружения были обнаружены в разные годы раскопок на площадке, склоне и у основания городища. С ними связаны находки раннесредневековой лепной керамики и некоторых предметов, позволяющих отнести их к концу I тыс. н. э. Среди материалов 2011 г. нет ярко выраженных находок этого периода, однако характер сооружения по аналогии с ранее исследованными позволяет также атрибутировать его как раннесредневековое.

К сожалению, следует признать, что не все хронологические несоответствия удалось разрешить в результате проведенных исследований. Однако стратиграфические наблюдения на городище Анашкино позволяют отчетливо проследить порядок смены археологических культур. Эти наблюдения дают ключ не только к пониманию истории формирования отдельно взятого памятника. Материалы городища находят аналогии как в области Верхнего Подвинья, так и далеко за его пределами. Таким образом, полученная информация может помочь при выделении разновременных комплексов на памятниках с менее определенной стратиграфией и при дальнейшей реконструкции процессов смены археологических культур I тыс. до н. э. в лесной зоне Восточной Европы.

Литература

Ефимова Ю.В., 2004. Городища Прибалтики, Северной Белоруссии и Южной Псковщины в конце II–I тыс. до н. э. // АИППЗ: Мат. 50 науч. семинара. Псков.

Ефимова Ю.В., 2005. Хронология вещевого комплекса днепро-двинской культуры Верхнего Подвинья // II Городцовские чтения. М. (Тр. ГИМ. Вып. 145.)
Короткевич Б.С., 1994. Черная металлургия раннего железного века в верховьях Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. СПб. Вып. 9.
Короткевич Б.С., Зайцева Г.И., 2004. Стратиграфия и хронология раннего железного века в округе Жижицкого озера // АИППЗ: Мат. 50 науч. семинара. Псков.
Кренке Н.А., 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.
Минасян Р.С., 1974. Новые памятники раннего железного века на юге Псковской области // АСГЭ. Вып. 16.
Станкевич Я.В., 1960. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. // МИА. № 76.
Столяров Е.В., 2012. Находки браслетов «латенского стиля в Верхнем Поочье // Археология Подмосковья: Мат. науч. семинара. М. Вып. 8.

Н.В. Лопатин

К вопросу о хронологических лакунах в материалах Труворова городища

N.V. Lopatin. On the chronological gaps in Truvor Gorodishche materials

Abstract. According to V.V. Sedov, a settlement on the Truvor Gorodishche (hillfort) was founded not later than at the turn of the 7th – 8th cc. Since then Izborsk continuously developed, and in the middle of the 10th c. transformed into the early medieval city. On the contrary, S.V. Beletsky has concluded that there are no deposits of the late 9th – 10th cc. in the hillfort layer. S.V. Beletsky's argumentation was strengthened in a joint publication with Yu. M. Lesman, however, it still can't be considered as absolutely convincing. The dating of hand-made and whell-thrown pottery of Izborsk and continuity of the fortifications of the turn of the 10th – 11th cc. to earlier ones show the absence of the gap in the 10th– century history of Izborsk. Another supposed lacuna has not been noted by the researchers so far. There is practically no ceramics of the type 2 of Pskov scale, according to V.I. Kildyushevsky, on the Truvor Gorodishche. At the same time, it is known from the surface collections at settlements Brod and Ust-Smolka around Truvor Gorodishche. It may be assumed that in the period of life of this ceramic group the urban life in Izborsk fades, and the population primarily lives in the surrounding villages. This period can be compared with the time between 1060–1111 or 1133–1171 when chronicles do not mention any military actions, involving Novgorod and Pskov, on the western borders.

Ключевые слова: Изборск, Труворово городище, хронология, керамика

Согласно выводам В.В. Седова (1985; 2007. С. 116–118), поселение на Труворовом городище было основано в качестве племенного центра одной из крупных группировок кривичей не позднее рубежа VII–VIII вв. Затем Изборск непрерывно развивался и в середине X в. трансформировался в раннесредневековый город. Нижние горизонты культурного слоя сильно испорчены, а на многих участках и уничтожены в результате интенсивной строительной деятельности изборян в X–XIII вв. Находки раннего периода, имеющие надежные датировки, относительно немногочисленны.

Вещи, период бытования которых не выходит за верхние пределы VII в., в перечне В.В. Седова единичны (Седов, 2007. С. 116). Не исключено, что их тра-

диционные датировки могут быть расширены в сторону омоложения (см., напр.: *Белецкий, Лесман*, 2005. С. 548, 549. № 3–5, 10, 19, 20; *Михайлова*, 2006. С. 112–114), с соответствующими последствиями для корректировки даты начала жизни на Труворовом городище. Принципиально это не изменило бы основные положения концепции ранней истории Изборска, очерченной В.В. Седовым.

Что же касается положения о непрерывности развития поселения, то С.В. Белецким выдвинута оригинальная концепция, коренным образом отличающаяся от предыдущей. Изучая керамику Псковской земли и сравнивая керамические наборы Пскова и Изборска, С.В. Белецкий пришел к выводу об отсутствии на Труворовом городище «предкруговой» и «примитивнокруговой» керамики, характерной для Пскова конца IX – X в. Предполагалось два возможных объяснения этого наблюдения: либо между двумя древнейшими периодами развития Изборска (фазами А-1 и А-2) «имеется хронологическая лакуна – период кратковременного затухания в функционировании поселка, либо для фазы А-2 следует признать приток групп нового населения, привнесшего новые традиции гончарного производства» (*Белецкий*, 1979. С. 116).

В более поздних публикациях С.В. Белецкий уже с полной уверенностью пишет об отсутствии отложений середины IX – середины XI в. в слое Труворова городища, расширяя «период кратковременного затухания» почти до двух столетий (*Белецкий*, 1990; 1993; 1996. С. 32, 33, 78–80; 2003. Рис. 1).

К С.В. Белецкому присоединился Ю.М. Лесман (*Белецкий, Лесман*, 2005), проанализировавший вещевой комплекс памятника на основе публикации В.В. Седова. Авторы статьи утверждают, что в коллекции раскопок нет особых типов керамики и вещей, наиболее отчетливо указывающих на X в. в городах Северо-Запада Руси. Периодизация ранних горизонтов Труворова городища по С.В. Белецкому была поддержана и другими авторами (*Лебедев*, 1994. С. 142–143; *Богуславский*, 2007. С. 118; *Еремеев, Штыхов*, 2007. С. 117).

Мне уже в нескольких статьях довелось полемизировать с данной концепцией и приводить аргументы, касающиеся источниковедения керамического и вещевого комплекса, а также стратиграфии, в пользу непрерывности развития памятника в X в. (*Лопатин*, 2005; 2007; 2012), и здесь нет смысла повторять аргументацию. Отсутствие некоторых знаковых для Северо-Запада Руси X в. новаций в культуре Изборска можно объяснять не только хронологической лакуной, но и архаизмом культуры Изборска по сравнению с рядом других центров, которые по тем или иным причинам развивались более динамично. Дискуссия на эту тему вряд ли может быть прекращена в настоящее время.

Однако необходимо отметить следующие моменты. Во-первых, исходные положения, позволившие С.В. Белецкому говорить о лакуне, выглядят теперь несколько иначе: 1) «предкруговую» и «примитивнокруговую» керамику Пскова вряд ли можно рассматривать в качестве эволюционного звена гончарного комплекса, связывающего лепную и круговую керамику, и эпоха круговой керамики в любом случае связана с новыми традициями в гончарстве; 2) появление «предкруговой» и «примитивнокруговой» керамики Пскова сдвигается к 40-м гг. X в. (*Горюнова*, 2005. С. 114), а присутствие лепной засвидетельствовано комплексами псковского некрополя вплоть до второй половины X в. (*Яковлева, Салмина, Королёва*, 2012. С. 148, 149); 3) отдельные экземпляры «предкруговой» и «примитивнокруговой»

керамики выявлены и в Изборске (*Лопатин*, 2012. Рис. 9, *1–3*). Во-вторых, недостаточная разработанность хронологии многих категорий материалов Северо-Запада эпохи викингов не дает пока надежной опоры для детальной хронологии и периодизации Изборска. В-третьих, для прояснения проблемы периодизации и характера развития Труворова городища необходимо осуществить более полное исследование керамического и вещевого комплексов, а также других материалов памятника.

* * *

Обратимся к другой загадочной особенности изборской керамической коллекции, на которую до сих пор исследователи не обращали должного внимания. Речь идет о малочисленности здесь керамики, относимой в Пскове к XII в., – с раструбообразным горлом, прямым или слегка загнутым и скошенным внутрь заостренным венчиком, часто с внутренним наплывом (рис. 1). Важные отличительные черты этого типа – прямизна венчика и скошенность края внутрь – свидетельствуют о связи с более ранними (первой половины XI в.) формами с цилиндрическим горлом.

Обобщая свои наблюдения над материалами Изборска, С.В. Белецкий приходит к выводу, что керамика второй половины XI – XII в., хоть и малочисленна здесь, но превосходит числом более раннюю, «богатоорнаментированную» (*Белецкий, Лесман*, 2005. С. 533. Табл. 7–10, 14–19). Обращает на себя внимание, что среди немногих экземпляров керамики этого времени, собранных в одной таблице (Там же. Рис. 11), нет ни одного с классическим раструбовидным горлом, подобным вышеописанным и составляющим «лицо» данной хронологической группы в Пскове.

Попытка интерпретации этого отсутствия была предпринята Н.В. Лопатиным. Предложены два варианта объяснения: 1) развитие керамического набора в Изборске XII в. отличалось от псковского; 2) возможна хронологическая лакуна в материалах Труворова городища, занимающая часть XII в. и соответствующая времени бытования в Пскове керамики типа 2, по В.И. Кильдюшевскому. При анализе этой проблемы в 2008–2011 гг. более вероятным мне представлялся первый вариант. В начале и конце типологического ряда керамики Труворова городища располагались ранняя и поздняя группы (соответственно, первой половины XI в. и XIII в.), имеющие недвусмысленную стратиграфическую приуроченность, а промежуток между

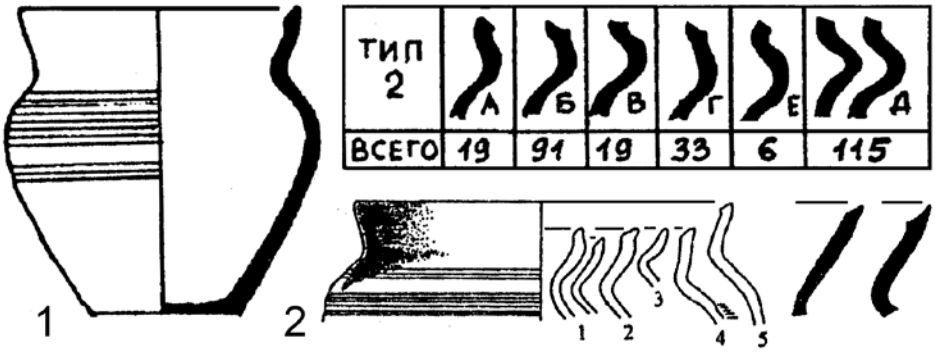


Рис. 1. Керамика с раструбообразным горлом из Пскова в типологиях разных авторов
1 – тип 2, варианты А–Е (по: Кильдюшевский, 2002); *2* – подгруппа V (по: Королева, Кулакова, Степанов, 2002)

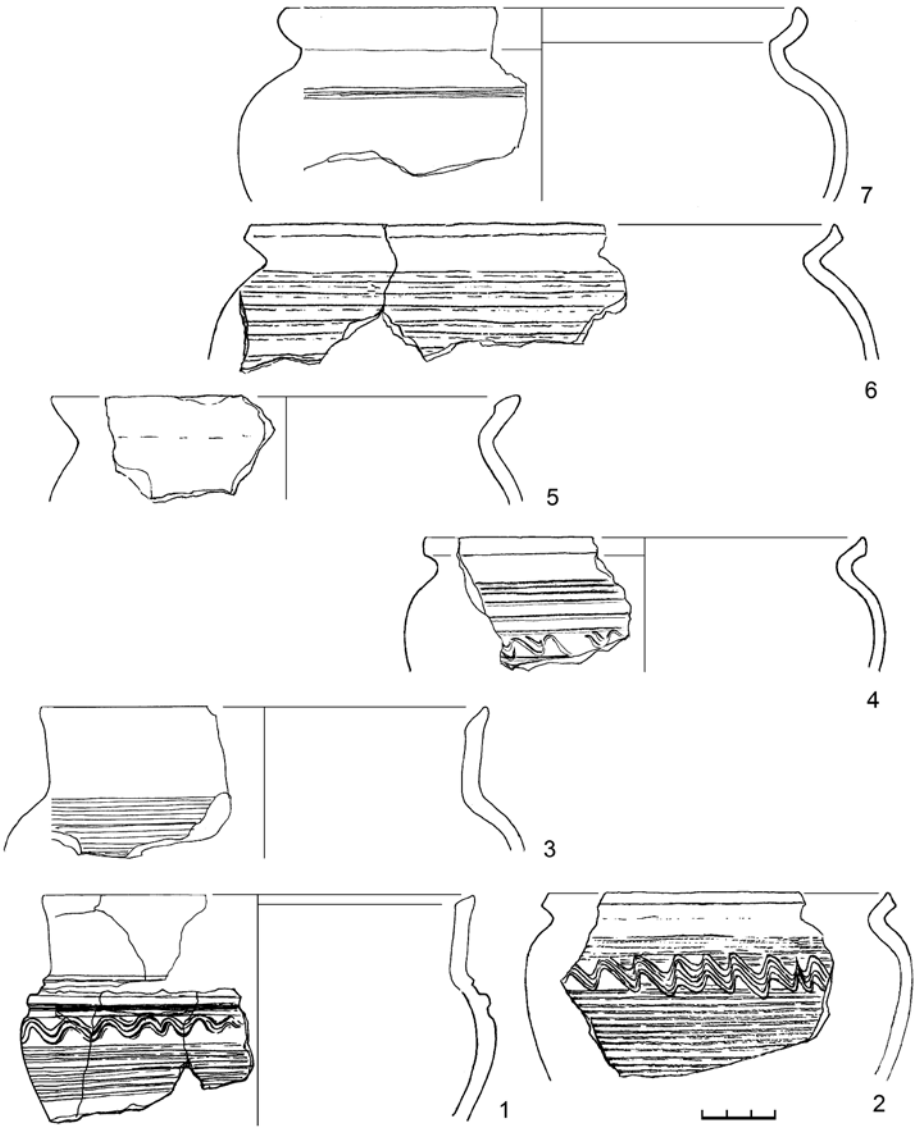


Рис. 2. Основные формы круговой керамики Изборска на хронологическом отрезке от XI в. (внизу) до XIII в. (вверху). Влево смещены формы с прямым венчиком, вправо – с S-образным

ними было предложено заполнить двумя другими группами, правда, без опоры на стратиграфию – на основании главным образом чисто морфологических признаков (рис. 2; подробнее см.: *Лопатин*, 2011б. Рис. 1; 2). Несмотря на гипотетичность, данная схема позволяет объяснять непрерывное развитие керамического комплекса памятника на основе эволюционного процесса (Лопатин, 2011б).

В настоящее время не менее вероятным следует признать второй вариант объяснения, и вот почему. На двух близлежащих к Изборску селищах в подъемных мате-

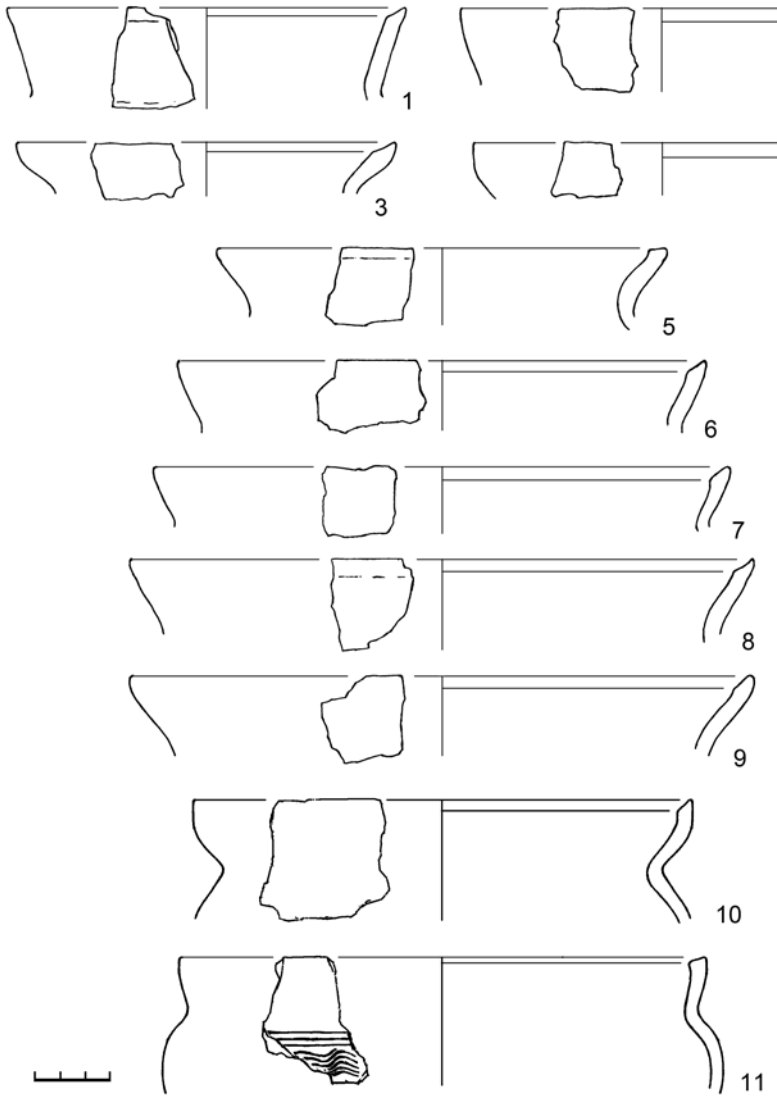


Рис. 3. Керамика с раструбообразным и цилиндрическим горлом с селищ в окрестностях Изборска. Подъемный материал
1–9 – Брод; *10, 11* – Усть-Смолка

риалах найдены серии фрагментов венчиков керамики типа 2, по Кильдюшевскому. Это селища Брод (в 1,1 км к северу от Труворова городища) и Усть-Смолка (0,7 км к ЮВ от городища, за озером). На первом из них зафиксировано довольно много таких фрагментов, хотя и мелких (рис. 3, *1–9*), на втором – также несколько экземпляров (рис. 3, *10*). Не менее интересен состав керамических комплексов этих памятников в целом. В Усть-Смолке отчетливо представлена лепная керамика, в том числе более ранняя, чем на городище, а также керамика начала XI в. (рис. 3, *10*; см. также: *Лопатин*, 2002. Рис. 3; 4). В Броду лепная керамика также есть, хоть и в

небольшом количестве. Важно другое: керамика XIII – начала XIV в. (типа рис. 2, *7*), составляющая заметно более половины всей коллекции Труворова городища, на селищах найдена в единичных экземплярах.

Изложенные наблюдения, конечно, необходимо проверять, в первую очередь путем раскопок памятников округи Изборска. Но уже сейчас можно обоснованно предположить, что Труворово городище вместе с округой составляло единую систему типа сообщающихся сосудов, в которой оживление одного из элементов было связано с затуханием другого, и наоборот. Такие колебания совершенно не обязательно отождествлять с нарушениями преемственности развития города. Если принять эту гипотезу, то отсутствие на городище керамики с раструбообразным горлом следует объяснить временным затуханием городской жизни с переходом населения в близлежащие деревни.

Датировки данной группы керамики по материалам Пскова у разных авторов сильно варьируют: вторая половина XI – середина XII в. (*Белецкий, 1979*. С. 42, вариант I-2-Г – цит. по: *Кильдюшевский*, 2002. С. 11); XI в. (*Плоткин*, 1996. С. 166. Табл. 1; 3); XII – начало XIII в. (*Кильдюшевский*, 2002. С. 10–11, ранние варианты А–Г); XI – середина XII в. (*Королева, Кулакова, Степанов*, 2002. С. 78, 79).

Летописная хронология внешнеполитической активности Новгорода на западном (чудском) направлении неплохо согласуется с периодизацией строительства фортификаций Изборска, который и являлся пограничным пунктом на западной дороге из Новгорода. Так, строительство деревянного детинца можно отнести ко времени молодого Ярослава Владимировича, готовившего поход на чудь (*Лопатин*, 2011а). Возведение каменных стен Изборска, датированных концом XI – началом XII в. (*Седов*, 2007. С. 165), допустимо связать с деятельностью Мстислава Владимировича, совершившего ряд походов на западных соседей в 1111–1116 гг. На хронологическом отрезке от 1060 г. (битва с сосолами под Псковом) до 1111 г. политической активности на чудской границе летописи не отмечают, равно как и с 1133 по 1171 г. Эти два периода, протяженностью соответственно 50 и 37 лет, можно характеризовать как спокойные, в течение которых обстановка в регионе допускала переселение большинства жителей Изборска в окрестные деревни, где было более удобно заниматься сельским хозяйством. Начиная с последней четверти XII в. отношения Новгорода и Пскова с западными соседями обостряются, и городская жизнь Изборска более не замирает. Более того, повышение ее интенсивности приводит к переносу города в 1330 г. на новое место.

Из признания такой зависимости городской жизни от политического климата в регионе вытекает вывод, что для Изборска как города основополагающей в XI–XII вв. была функция пограничной крепости Новгородской земли. В свете высказанной гипотезы весьма актуальна задача уточнения хронологии группы псковской керамики с раструбовидным горлом.

Литература

Белецкий С.В., 1979. Керамика Псковской земли второй половины I – начала II тыс. н. э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона): Дис. … канд. ист. наук. М. // Архив ИА. Р-2. № 2259.

Белецкий С.В., 1990. Происхождение Пскова // Города Верхней Руси: истоки и становление. Торопец.

Белецкий С.В., 1993. Изборск «Варяжской легенды» и Труворово городище (проблема соотношения) // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. СПб. (Петербургский археологический вестник. Вып. 6.)
Белецкий С.В., 1996. Начало Пскова. СПб.
Белецкий С.В., 2003. Когда возник Псков? // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). М. Т. 1.
Белецкий С.В., Лесман Ю.М., 2005. О нижнем слое Труворова городища (заметки на полях монографии В.В. Седова) // Stratum plus. № 5. 2003–2004. СПб; Кишинев; Одесса; Бухарест.
Богуславский О.И., 2007. Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь в системе синхронных североевропейских древностей // Северная Русь и народы Прибалтики. СПб. (Тр. ИИМК. Т. XXIV.)
Горюнова В.М., 2005. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северо-Западной Руси X – начала XI вв. // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.
Еремеев И.И., Штыхов Г.В., 2007. Древний Лукомль: Лепная керамика и раннесредневековый культурный слой // Acta Archaeologica Albaruthenica. Мінск. Vol. I.
Кильдюшевский В.И., 2002. Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.
Королева Э.В., Кулакова М.И., Степанов С.В., 2002. Керамика средневекового Пскова X–XVII вв. // АИППЗ: Мат. науч. семинаров за 2001–2002 гг. Псков.
Лебедев Г.С., 1994. Труворово городище и западные форпосты Руси Рюрика (обозначившаяся проблема) // Памятники средневековой культуры: Открытия и версии. СПб.
Лопатин Н.В., 2002. Итоги изучения археологического комплекса Усть-Смолка в 1999–2001 гг. // Изборск и его округа: Мат. науч.-практ. конф., посвящ. 30-летию Изборской археолог. экспедиции (6–7 сентября 2001 г.). Псков.
Лопатин Н.В., 2005. О версиях периодизации и хронологии нижних горизонтов Труворова городища // Изборск: история и современность: Мат. науч.-практ. конф. «Музей как центр развития местных сообществ. Имидж музея – открытость», посвящ. 40-летию образования музея. Изборск.
Лопатин Н.В., 2007. Проблемы изучения керамики Изборска // АИППЗ: Мат. заседания LII. Псков.
Лопатин Н.В., 2011а. Некоторые вопросы изучения раннего Изборска // АИППЗ: Мат. заседания 57. М.; Псков
Лопатин Н.В., 2011б. Характер развития форм керамики Изборска в XI–XIII вв. // Тр. II (XVIII) Всерос. археолог. съезда в Суздале. М. Т. IV (доп.).
Лопатин Н.В., 2012. Изборск // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда.
Михайлова Е.Р., 2006. Некоторые находки с Труворова городища и финальный этап культуры длинных курганов // Изборск и его округа: Мат. II Междунар. науч.-практ. конф. Изборск.
Плоткин К.М., 1996. Граница псковского некрополя (по материалам раскопа X) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Псков.
Седов В.В., 1985. Изборск в 8–10 веках // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин.
Седов В.В., 2007. Изборск в раннем Средневековье. М.
Яковлева Е.А., Салмина Е.В., Королёва Э.В., 2012. Псков // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда.

О.Е. Вязкова

Оценка влияния инженерно-геологических условий на строительство и эксплуатацию Изборской крепости

O.A. Vyazkova. Assessing the geological conditions impact on the Izborsk fortress construction and exploitation

Abstract. At all times the choice of site for construction of fortificatio s depended on environmental engineering-geological conditions which could increase the defense capability. Truvor Gorodishche was located on the cape and had a traditional system of defense. During the construc-

tion of the Izborsk fortress both natural (the slope of the Izborsk-Maly valley, the ravine) and artificial barriers were used. These are the ditches on the west side of the fortress, and the flat-drainage reduction on the north side probably formed due to planned extraction of building stone which impeded the access to the northern wall.

As for drinking water, the Izborsk fortress is located somewhat more favorably than the Gorodishche: unloading of the only aquifer occurred in the ravine which limited the fortress from the south-east. It is in this direction that the underground passage for water supply was made.

Ключевые слова: инженерно-геологические условия, Изборская крепость, трещиноватость, подземные воды, экзогенные геологические процессы.

При выборе участка для строительства фортификационных сооружений во все времена большое внимание уделялось инженерно-геологическим условиям местности, а также другим особенностям природной среды, способным повлиять на повышение обороноспособности.

В 2011 г. проведено инженерно-геологическое обследование территории, прилегающей к Изборской крепости, целью которого было выявление влияния исходного рельефа территории и ее инженерно-геологических условий на формирование оборонительной системы крепости.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

– изучен современный рельеф территории Изборского заповедника;

– исследовано геологическое строение скального массива, являющегося основанием крепости;

– проанализированы тектонические условия и трещиноватость пород;

– изучены гидрогеологические условия;

– оценены проявления экзогенно-геологических процессов;

– проведен анализ влияния инженерно-геологических условий на формирование обороны крепости.

При анализе закономерностей распространения разных типов археологических памятников в пределах какого-либо региона интересно рассмотреть влияние на них природных, в частности геологических, условий. Наиболее распространенными критериями анализа являются климат, рельеф, речная сеть и геологические условия создания древних сооружений, а также возможности водоснабжения населенных пунктов и оборонительных комплексов, что вписывается в понятие инженерно-геологических условий.

По *климатическим* особенностям район относится к области переходного от морского к умеренно-континентальному климата (*Шмаенок, Саммет, Беленицкая и др.*, 1963. С. 9). Его можно охарактеризовать как умеренно-влажный с преобладанием юго-западных и южных ветров, с относительно прохладным летом, продолжительной теплой осенью, сравнительно мягкой зимой и долгой холодной весной.

Современная среднегодовая температура воздуха составляет +4,7°С, а среднегодовое количество осадков – около 650 мм, причем максимум их выпадает в июле – августе (87,7–89,2 мм), а минимум приурочен к зимним месяцам. Годовой баланс влаги положителен (количество осадков превышает сток и испарение), благодаря чему наблюдается значительное увлажнение почв и развитие процессов заболачивания.

Промерзание почвы наблюдается до глубины 30–55 см, в восточной части района в отдельные годы достигает 70–90 см. Влажные почвы промерзают на глубину не более 30 см.

Изборск расположен в западной части Псковской обл., которая находится на 40–50 м выше, чем район Пскова.

Изборская крепость и Труворово городище расположены на левом берегу долины р. Смолки и находящегося в этой же долине Городищенского озера. Ширина долины у городища составляет 250 м и более, а около крепости уменьшается до 100–150 м. Абсолютные отметки городища составляют 90–95 м, крепость находится на отметках 85–87 м. Превышение над дном долины достигает 35–37 м у крепости и 45 м у городища. Крутизна склонов в обоих случаях весьма велика и может достигать 60–70°, а местами и более.

Рис. 1. Естественные элементы обороны Изборской крепости и Труворова городища, видимые на космическом снимке

Полученные характеристики рельефа на участках расположения оборонительных сооружений разных периодов говорят о том, что они были важны для людей.

Городище расположено на мысу, образованном при впадении в долину Смолки оврага глубиной в приустьевой части до 30 м и длиной 370–400 м (рис. 1). Оно имело более выгодное с точки зрения обороны положение, т. к. с двух сторон классически ограничено крутыми и высокими склонами и только с одной стороны требовало искусственных оборонительных сооружений.

Изборская крепость расположена менее выигрышно – у нее только с двух сторон (восточной и южной) имеются серьезные естественные преграды – склон Изборско-Мальской долины и овраг (рис. 1). С северной стороны крепости проходил небольшой по ширине и относительной глубине овражек или просто уступ, который строители, по-видимому, превратили в более существенную преграду, использовав его склоны как каменоломню по добыче строительного камня для крепости и одновременно увеличив глубину и ширину преграды и доведя крутизну склонов в некоторых местах до вертикали (рис. 2). В настоящее время крутизна склона вследствие процессов выветривания и осыпания несколько уменьшилась. В пользу такой точки зрения говорит V-образная форма естественных врезов оврагов и ручьев в данном районе, тогда как у этого понижения плоское дно, ширина сильно превышает глубину и практически отсутствует русло.

Подобный прием повышения фортификационной привлекательности платообразной поверхности использован при строительстве крепости Копорье в Ленинградской обл. (рис. 3).

Речная сеть принадлежит бассейну Балтийского моря, наследует древние дочетвертичные эрозионные врезы. Мелкие боковые врезы в склоны Изборско-

Рис. 2. Искусственно расширенное и углубленное природное понижение вдоль северной стены Изборской крепости

Рис. 3. Искусственный ров в платообразной естественной поверхности территории перед крепостью Копорье в Ленинградской обл. Вид из бойницы башни

Мальской долины, возможно, имеют более позднее, послеледниковое происхождение, чем может объясняться их незначительная длина. Все врезы заложены по направлениям планетарной трещиноватости. Средняя густота гидрографической сети составляет 0,1–0,2 км/км^2.

На функционирование исторических природно-технических систем Изборской крепости и Труворова городища влияют преимущественно отложения франского яруса верхнего девона.

Изборская крепость построена на выровненной многочисленными оледенениями поверхности псковских слоев. Возможно, она бронирована чуть более устойчивым к воздействиям и прочным слоем известняка или доломита. Скорее всего, крепость и построена из пород этого же возраста.

Разрез верхнего девона изучен по естественным и искусственным обнажениям. Наибольшее число естественных обнажений приурочено к долине р. Смолки.

Верхнедевонские отложения в пределах исследованной территории отличаются постоянством разреза, хорошо охарактеризованы палеонтологически и заключают в себе ряд маркирующих горизонтов. Мощность верхнедевонских отложений составляет 125–132 м.

В тектоническом отношении рассматриваемая территория находится в восточной части крупного Ханьяско-Локновского поднятия, относящегося к тектоническим структурам третьего порядка, в свою очередь расположенного в пределах южного склона Балтийского щита. В строении Ханьяско-Локновской структуры принимают участие архейские кристаллические породы и осадочная толща кембрия, ордовика и девона (*Шмаенок, Саммет, Беленицкая и др.*, 1963. С. 115).

В районе Изборска при общем пологом моноклинальном залегании пород наблюдается увеличение крутизны падения девонских пород до первых градусов в ЮЮВ направлении. Именно этим объясняется более высокое положение в рельефе Труворова городища относительно Изборской крепости.

Одной из задач проводимых исследований было выявление влияния трещиноватости пород на рельеф территории, окружающей Изборскую крепость.

Одним из возможных естественнонаучных методов, теоретическим основанием для палеореконструкции, является линеаментная тектоника и анализ трещиноватости. Линеаменты – это линейно организованные и длительно живущие тектонические нарушения земной коры. Линеаменты притягивают к себе повышенный водообмен. «К ним приурочены новейшие тектонические процессы, определяющие черты современного рельефа, а также многие экзогенно-геологические процессы. С ними также связаны условия образования многих речных долин, направление которых определено тектоническими линиями и строением» (*Пашкин, Букреев*, 2002. С. 250).

Изучение трещиноватости пород имеет для наших исследований очень большое значение, потому что по ее направлениям закладываются большие и мелкие водотоки – элементы древнего рельефа, восстановлением структуры которого на территории, прилегающей к крепости, мы и занимались.

При строительстве многих крупных военных, гидротехнических и прочих сооружений XX в. изучались закономерности распространения, происхождение и роль трещин в устойчивости массивов горных пород. Были выделены планетарные или общие системы трещин, характерные по своим параметрам и повторяющиеся как на древних платформах, так и в молодых складчатых поясах. Причины формирования этих трещин до конца не выяснены, но исследователи относят их к тектоническим трещинам, даже если отсутствует вертикальное смещение.

Изучая трещиноватость пород в Западной Европе, Р. Зондер (*Sonder*, 1938) выделил шесть направлений трещиноватости, которые наблюдаются независимо

Рис. 4. Линеаризация участков стен Изборской крепости и окружающих их оврагов

от общих тектонических структур и регионов планеты (нами проверено в Прибайкалье, Воронежской обл., на Кавказе, в Перу): 20°, 45°, 70°, 110°, 135°, 160°. Особенностью этой трещиноватости является парность перпендикулярных трещин. Для Русской платформы давно было принято существование трещин в направлениях С–Ю, З–В, СЗ–ЮВ, СВ–ЮЗ (*Рац, Чернышев,* 1970. С. 47) – всего четырех, и очень неконкретно.

Нами проведен анализ направлений прямолинейных (линеаризованных) участков рек, ручьев и оврагов в окрестностях Изборска, которые обусловлены приуроченностью к динамическим зонам трещиноватости (линеаментам), и прясел стен Изборской крепости (рис. 4).

По этой графической схеме можно сделать следующие наблюдения:

– достоверные овраги, ручьи, долины имеют направления:
  45°, 75°, 105°, **160°**;
– предполагаемые направления рвов, параллельных стенам крепости с западной стороны:
  6°, 15°, **135°**.

Три значения абсолютно совпадают с известными системами трещиноватости (выделены жирным шрифтом), еще три отличаются от известных на 5° в большую или меньшую сторону, что не считается большой погрешностью, при этом два из них строго сохраняют парность. И только одно значение – 6° – выбивается серьезно, хотя для района Пскова характерно направление 2°, повторяющееся неоднократно в крупных промоинах.

Рис. 5. Водораздельная часть видна на старом топографическом плане на участке между башнями Вышка и Талавская (по: Рудакова, 2009. С.79)

Из этого можно сделать уверенное предположение о том, что ров вдоль стены между башнями Рябиновая и Темная был заложен на продолжении оврага, ограничивающего крепость с юга и имеющего два поворота, меняющих его направление на другое, опять же связанное с планетарной трещиноватостью.

Фрагмент стены между башнями Рябиновая и Вышка, возможно, не имел естественных углублений – предшественников рва. Башня Вышка в таком случае располагалась на оси местного узкого водораздела (не оттуда ли название?). Это предположение косвенно подтверждается топографическим планом крепости и ее ближайшей округи, сделанным в 1910 г. (*Рудакова*, 2009. С. 79), на котором виден в этом месте водораздел (рис. 5).

На участке между башнями Вышка и Талавская ближе к северному склону и на местности, и на космическом снимке читается засыпанное понижение. Определить его происхождение (искусственное или природное) без специальных геофизических (георадар, микросейсмика) или археологических исследований сложно. Гораздо легче подтвердить, что понижение типа рва там было, что направление его перпендикулярно понижению вдоль северной стены, следовательно, возможно существование природного предшественника рва. На его «выходе» на северный склон построена часовня на фундаменте из гранитных валунов моренного (ледникового) происхождения, который мог заполнить ров после выведения его из эксплуатации.

По результатам анализа трещиноватости можно утверждать, что размер и форма крепости были продиктованы формой останцовой поверхности, окруженной эрозионными ложбинами разной глубины. Из примерно 600 м крепостной стены лишь 18% нуждалось в искусственных рвах. С фортификационной точки зрения участок очень удобный. К тому же присутствует практически неограниченное количество строительного материала.

По разным данным (*Татарников, Шебеста, Сенькин*, 2009. С. 132; *Шмаенок, Саммет, Беленицкая и др.*, 1963. С. 98) принято считать, что «рассматриваемая территория относится к области современного тектонического поднятия (относительно равномерного), происходящего со скоростью 2–3 мм/год». Однако динамика современных экзогенных геологических процессов, на мой взгляд, эти мнения не подтверждает. При подъеме территории происходит активизация склоновых процессов, донной речной и овражной эрозии. Долина р. Смолки заболочена, а тальвег оврага, расположенного южнее крепости, задернован.

Из развитых на территории *водоносных горизонтов* влияние на инженерно-геологические условия оказывают только два (сверху вниз) (*Шмаенок, Саммет, Беленицкая и др.*, 1963).

Псковско-чудовский водоносный горизонт занимает более 60% всей изучаемой площади. Залегает он на доломитах и мергелях снетогорского возраста.

Водовмещающие породы представлены преимущественно доломитами и сильно доломитизированными известняками, подчиненное значение имеют мергели и глины, встречающиеся в виде редких и тонких прослоев. Мощность водовмещающих пород достигает 26–35 м.

Воды псковско-чудовского горизонта трещинно-пластовые. На территории Изборского заповедника площадь питания горизонта совпадает с площадью его распространения. Разгрузка происходит в родниках вдоль западного борта Изборско-Мальской долины и в оврагах.

Годовая амплитуда колебания уровня составляет 3,0–3,4 м. Температурный режим подземных вод данного горизонта довольно постоянный. Годовые колебания температуры – от +5 до +8°С.

Воды псковско-чудовского водоносного горизонта пресные, с минерализацией 0,2–0,5, редко 0,8–0,9 г/л, по преобладающим компонентам солевого состава – гидрокарбонатные кальциево-магниевые. По степени жесткости эти воды изменяются от умеренно жестких до очень жестких (величина общей жесткости колеблется от 4,8 до 13,6 мг/экв.). Величина окисляемости 0,6–2,1 мгO_2/л.

Снетогорский водоносный горизонт занимает широкую полосу между Изборском и г. Печоры. Мощность его колеблется от 7,5 до 15 м. Водовмещающими породами являются доломиты и мергели с редкими прослоями глин. Водоносность собственно снетогорского горизонта неравномерная и в целом незначительная. Это объясняется тем, что доломиты и мергели, как правило, очень плотные, глинистые, слабо трещиноватые. Именно в силу этих литологических особенностей снетогорские слои являются относительным водоупором.

Разгрузка водоносного горизонта происходит в древней ледниковой долине рек Обдех и Смолка, о чем свидетельствуют многочисленные выходы подземных вод в виде родников. Хотя большие расходы этих родников и их режим заставляют предполагать, что воды в них все-таки псковско-чудовские.

Близость расположения Изборской крепости и Труворова городища к области разгрузки двух развитых в их окрестностях водоносных горизонтов негативно сказывается на условиях эксплуатации этих фортификационных объектов. Глубоко врезанная долина дренирует горизонт как сама, так и по впадающим в нее с левого борта овражно-балочным системам.

Труворово городище ограничено глубокими врезами (более 40 м) с двух сторон, в том числе с северо-запада, откуда идет подток вод псковско-чудовского горизонта.

Изборская крепость имеет глубокие врезы с востока (около 35 м) и юга (от 5–8 до 20–25 м), что меньше мешает подтоку вод. Разгрузка происходит в Словенских ключах на отметке около 55–60 м, а поверхность крепости находится на отметках около 85–87 м, т. е. до уровня грунтовых вод в крепости может быть минимум 20–25 м.

В отношении обеспеченности питьевой водой Изборская крепость расположена несколько удачнее, чем городище: разгрузка единственного водоносного горизонта происходила в овраге, ограничивающем крепость с юго-востока. Именно в этом направлении был проделан подземный ход для водоснабжения.

Для изучаемой территории, прилегающей к Изборской крепости и Труворову городищу, характерен следующий парагенез экзогенных геологических процессов: выветривание, карст, речная и овражная эрозия, осыпи, вывалы.

Выветривание – это сложный процесс преобразования горных пород под влиянием атмосферных факторов (температуры, осадков, солнечной радиации), деятельности растений, микроорганизмов и пр. Оно подразделяется на физическое (без изменения состава пород) и химическое (с изменением минерального состава пород). На территории Изборского музея-заповедника преобладает физическое выветривание. Оно заключается в механическом дроблении известняков в ходе промерзания в переувлажненном состоянии. Этот процесс происходит как в породах, находящихся в коренном залегании (глубина сезонного промерзания грунтов 30–55 см, глубже процесс не развивается), так и в породах, использованных в качестве строительных материалов (стены промерзают, возможно, целиком, интенсивность процесса зависит от режима увлажнения). Именно выветривание разрушает стены, вызывая необходимость реставрации.

Карстовые формы не имеют рельефообразующего значения. Установлены они на площади развития псковско-чудовских слоев вокруг Изборска, где закартировано несколько карстовых воронок максимальной глубиной 4 м. На остальной территории встречены лишь единичные мелкие воронки глубиной 2–3 м. Карстовый процесс идет в зоне активного водообмена, скорее всего, в настоящее время он протекает в нижней части псковских отложений на границе со снетогорскими, на участках, близких к местам разгрузки псковско-чудовского горизонта.

Речная эрозия характерна для р. Смолки. На космических снимках видно, что и Смолка, и Сходница (река, вытекающая из Городищенского озера), протекая по заболоченному дну Изборско-Мальской долины, очень сильно меандрируют, у них нет прямолинейных участков. Это свидетельствует о том, что здесь преобладает боковая эрозия, а донная практически отсутствует, что косвенно подтверждает отсутствие современного поднятия территории.

Овражная эрозия как современный процесс развита слабо. Овражные системы, которые фиксируются южнее Изборской крепости и западнее Труворова городища, начали формироваться по зонам трещиноватости, скорее всего, еще в дочетвертичное время, а оформились окончательно в процессе дренирования вод псковско-чудовского горизонта при изменении базиса эрозии в послеледниковое время и, частично, поверхностного стока в периоды более интенсивных вертикальных тектонических движений.

Осыпи – процесс перемещения по склону под действием силы тяжести продуктов физического выветривания. На природных склонах процесс в настоящее время не развивается, все склоны задернованы. Современное проявление процесса отмечено в одном месте – на северном склоне, ниже Талавского захаба, – совпадающем с расположением разрушенной внешней стены захаба и развитием трещин в сохранившейся внутренней стене. Для выяснения истинных причин деформаций склона и разрушения стены необходимы дополнительные исследования. Предположительно, здесь по зоне повышенной трещиноватости могут в особо влажные периоды разгружаться подземные воды, которые, переувлажняя породы, приводят к ускоренному выветриванию. Необходимо отметить, что вдоль всего Талавского захаба практически отсутствует бровка склона, тогда как далее на восток она сохранилась местами на 2–3 м от основания стены.

Столь незначительное развитие всех эрозионных процессов – донной и овражной эрозии, осыпей, повреждений дерна на склонах – позволяет ставить под сомнение современный подъем территории со скоростью 2 мм/год. Территория, скорее всего, вошла в стадию стабилизации.

Вывалы – процесс выпадения из близвертикальных стенок выработок или обнажений крупных фрагментов пород. Этот процесс происходил в основании башни Луковки, вероятно, в период техногенной подработки северного склона при строительстве крепости. Выпавшие блоки имеют отличные от естественных параметры залегания.

Труворово городище располагалось на мысу, имело традиционные системы обороны, что в данных геологических условиях создавало проблемы с водоснабжением не только в периоды осады, но и в повседневной жизни.

При строительстве Изборской крепости использовались как естественные преграды (склон Изборско-Мальской долины, овраг), так и искусственные. К ним относятся рвы с западной стороны крепости и плоское бессточное понижение с северной стороны, которое образовалось при, вероятно, спланированной добыче строительного камня таким образом, чтобы затруднить доступ к северной стене. Водоснабжение крепости обеспечивалось через наклонный тоннель в ее юго-восточной части.

Литература

Пашкин Е.М., Букреев Д.С., 2002. Характер проявления линеаментной активности в центральной части г. Москвы // Сергеевские чтения: Мат. годичной сессии Науч. совета РАН по проблемам геоэкологии, инженерной геологии и гидрогеологии. М.. Вып. 4.

Рац М.В., Чернышев С.Н., 1970. Трещиноватость и свойства трещиноватых горных пород. М.

Рудакова Л.П., 2009. Военно-археологическое исследование Изборска Императорским русским военно-историческим обществом в 1910–1911 годах // Изборск и его округа: Мат. междунар. науч.-практ. конф. (2007–2008 гг.). Изборск.

Татарников О.М., Шебеста А.А., Сенькин О.В., 2009. Палеогеография и современность изборского ландшафта // Там же.

Шмаенок А.И., Саммет Э.Ю., Беленицкая Г.А., Вербова И.М., Роньшин Н.И., Фейгельсон Н.М., 1963. Отчет о результатах комплексной геолого-гидрогеологической съемки масштаба 1:50000 Псковско-Печорского района (1960–1961 гг.) // РОСГЕОЛФОНД. № 249276.

Sonder R.A., 1938. Die Lineamenttektonik und ihre Probleme // Eclogae Geol. Helv. Vol. 31. № 1.

Т.Ю. Закурина

Предварительные итоги комплексного исследования поселения Камно

T.Yu. Zakurina. Preliminary results of the Kamno settlement composite study

Abstract. The article is devoted to the preliminary results of a composite study of the Kamno settlement near Pskov, conducted in 2010 (the «North-West of Russia: History and Modernity (Pskov region)» grant RHSF, 2010, № 10-01-26704e/B). The project participants were researchers from Pskov and Moscow – archaeologists, biologists, palaeogeographers, geologists, university students.

Gorodishche Kamno is well known in scientific literature. It was studied by the archaeologists S.A. Tarakanova, K.M. Plotkin, B.N. Kharlashov. Cultural stratigraphy and chronology of the settlement is worked out.

Composite study of 2010 was focused on palaeoecology of the Kamno settlement and its surroundings, as well as on the solution of the problem of this unique natural and cultural site conservation. Archaeological excavations were conducted on the open settlement and hillfort, the Kamno vicinity was investigated, the archaeological map of the micro-region was composed, the geological structure of the hillfort territory and its surroundings was studied, the data for natural-scientific study was collected: samples of the cultural layer, plant seeds, charcoal, animal and fish bones. Laboratory researches began.

Ключевые слова: Камно, городище, селище, раннее средневековье, микрорегион, комплексное исследование, естественнонаучные методы.

В 2010 г. в рамках проекта, получившего поддержку в форме гранта регионального конкурса РГНФ «Северо-Запад России: история и современность (Псковская область)» (10-01-26704е/В) было начато комплексное исследование поселения Камно и его округи (руководитель проекта – Т.Ю. Закурина).

Поселение Камно расположено в 3,5 км к западу от современной городской черты Пскова, на мысу при слиянии на заболоченном пространстве двух ручьев – истоков р. Каменки, левого притока р. Великой (в ее нижнем течении). Площадка городища – эллипсоидная в плане, с четкими краями, площадью более 3500 м^2; с юго-восточной стороны она защищена валом и рвом. Высота площадки над уровнем поймы р. Каменки 9–12 м. С юго-востока к укреплениям городища примыкает территория неукрепленного поселения площадью около 30000 м^2. В восточной части площадки поселения располагается церковь Георгия XV в. В настоящее время площадка городища и значительная часть территории неукрепленного поселения свободны от застройки и активной хозяйственной деятельности (рис. 1, на с. 444; рис. 2).

Однако близость к областному центру, новые условия земле- и природопользования в последние годы стали создавать серьезную угрозу экологии памятника и близлежащей округи. В церкви Георгия ведутся богослужения, прицерковное кладбище постоянно растет, занимая западную и южную часть территории селища. В последние годы значительно возросло значение Камно как центра христианского паломничества. В северо-западной части площадки селища продолжается активная хозяйственная деятельность. Значительная ее часть занята

Рис. 2. Городище Камно. Общий вид с северо-запада

огородами. На примыкающей к кладбищу территории регулярно проводятся несанкционированные земляные работы, связанные с благоустройством кладбища. Опрос местного населения показывает, что памятник пользуется большой популярностью среди так называемых «черных археологов».

Тем не менее, в отличие от Пскова, округа Камно пока остается относительно благополучным с точки зрения экологии микрорегионом. Важнейшей его особенностью является хорошая сохранность историко-культурного ландшафта с многочисленными археологическими объектами.

Городище Камно хорошо известно в научной литературе. Треть его площади археологически изучена (рис. 1). Хорошо разработаны вопросы хронологии и периодизации городища. Несомненна ценность этого памятника как историко-культурного объекта. Тем не менее, до настоящего времени не оформлены границы его территории, памятник не внесен в Государственный реестр объектов культурного наследия РФ.

Все названные выше обстоятельства послужили поводом обратиться к этому памятнику вновь.

Первое упоминание погоста «Камно» в Псковской летописи относится к 1237 г. (ПЛ, 1941. С. 13). Позднее он неоднократно упоминается в летописях XIV–XVI вв., актовых источниках XIV–XV вв. (*Марасинова*, 1966) и в писцовых книгах XVI–XVII вв. Погост Камно был одним из наиболее ранних и крупных в Псковской земле (*Харлашов*, 1993. С. 3). По данным писцовых книг в XVI в., погост Камно был центром Каменской губы Завелицкой засады Псковского уезда (СМАМЮ, 1913. С. 138; *Харлашов*, 2000. С. 54, 56–59). Как археологический объект Камно впервые рассматривалось Ф.А. Ушаковым, проводившим в 1896 г. на его валу первые раскопки. Автор раскопок открыл погребение, выявил отложения культурного слоя с вещевыми находками. Однако вал городища был принят им за земляную насыпь кургана (*Ушаков*, 1897). Как городище («городец») Камно впервые фигурирует в публикации материалов для археологической карты Псковской губернии Н.Ф. Окулич-Казарина (1910. С. 235).

На городище, селище и на памятниках близлежащей округи работало несколько поколений археологов. Впервые широкомасштабное исследование городища и селища Камно было предпринято в 1948 г. В течение четырех полевых сезонов здесь работала экспедиция ИИМК АН СССР под руководством С.А. Таракановой. Ею было изучено 522 м^2 культурного слоя городища и селища (*Тараканова*, 1951; 1953; 1956). С.А. Тараканова определила, что отложения городища имеют два явно выраженных слоя, имеющих отличия в морфологии и хронологической принадлежности. Исследовательница датировала отложения городища в пределах раннего железного века и средневековья (III–XII вв.) и считала, что жизнь на городище продолжалась непрерывно (*Тараканова*, 1956). В нижнем слое ею были выявлены четыре горизонта, три из которых имели остатки жилых и производственных сооружений. По мнению С.А. Таракановой, в VII–VIII вв. городище было достаточно крупным ремесленным центром, эмбрионом городского поселения с высокоразвитыми бронзолитейным, железообрабатывающим и косторезным ремеслами. В XII в. жизнь на городище затухает, что, по мнению исследовательницы, было обусловлено как природными, так и социально-экономическими факторами, – удаленностью от крупной водной магистрали (р. Великой) и экономическим ростом Пскова.

В 1973–1975 гг. под руководством К.М. Плоткина раскопки на городище Камно были возобновлены. Раскопом (площадью 606 м^2) исследована центральная часть городища, траншеями прорезаны вал и ров. Общая исследованная площадь составила 620 м^2 (*Плоткин*, 1974а; 1974б; 1975; 1976; 1980; 1989; *Плоткин, Тюленев и др.*, 1976). Одновременно были проведены разведки в низовьях р. Великой, по ее левому и правому берегам. Обследовались 11 могильников с круглыми, длинными и сопковидными курганами, а также ряд селищ. На площадке городища Камно была проведена магниторазведка. Создана карта аномального магнитного поля, что позволило как прогнозировать результаты раскопок, так и интерпретировать в качестве отопительных устройств и производственных печей объекты, не вошедшие в пятно раскопа, и получить информацию для исторической реконструкции поселения. На основании проведенных исследований К.М. Плоткину удалось пересмотреть и скорректировать выводы, сделанные С.А. Таракановой.

Исследователь обосновал оригинальную концепцию периодизации поселения и его округи; он также выделил на городище два слоя, между которыми, по его мнению, существовал хронологический разрыв. Верхний слой, относящийся к древнерусскому погосту, К.М. Плоткин датировал XII–XIII вв., нижний – VIII–IX вв. В соответствии с его концепцией, в X–XI вв. городище оставалось заброшенным. В нижнем слое исследователь выделил 6 горизонтов застройки. Предпринятые им раскопки вала и рва показали, что укрепления были построены первопоселенцами и усовершенствованы на этапе существования погоста. Начало освоения площадки за городищенским валом исследователем отнесено к XII в. По заключению К.М. Плоткина, в основе хозяйственной деятельности обитателей поселения лежали земледелие и скотоводство; важную роль играли домашние промыслы, к которым отнесено и ювелирное производство. В VIII–IX вв. «...Камно было, вероятно, центром небольшой округи, одним из опорных пунктов на территории псковских кривичей» (*Глазунов, Плоткин*, 1978. С. 91). Прекращение жизни на городище в конце IX в. К.М. Плоткин связывает с возросшим значением расположенного поблизости Пскова.

В 1980–1982 гг. в процессе работы над «Сводом памятников истории и культуры Псковской обл.» С.В. Белецкий и В.П. Фролов провели разведочные работы в нижнем течении р. Великой, нацеленные на поиски сельских поселений XIV–XVI вв. На топографические планы землеустройства наносились границы распространения культурного слоя; на основании этих схем снимались глазомерные планы. Хронология памятников определялась на основании подъемного материала, в основном керамики. На тот момент исследователи зафиксировали 30 селищ. По наблюдениям авторов работ, «выявленная в пределах микрорегиона система размещения сельского населения складывается не ранее XIV в.». В пределах исследованного микрорегиона практически не были выявлены памятники древнерусского времени. По мнению исследователей, это связано с изменением в XIV в. требований к выбору мест для поселений, что обусловлено переходом к иной системе хозяйствования (*Белецкий*, 1975).

В 1992 г. Б.Н. Харлашов обследовал два городища в Псковском р-не, в том числе – Камно. Здесь были установлены границы погостского селища и на основании подъемного материала подтверждена предложенная ранее датировка его слоя, сделана топографическая съемка памятника (*Харлашов*, 1993).

Зерновые материалы из раскопок Камно изучались Н.А. Кирьяновой (1992). Керамике городища посвящена специальная статья С.В. Белецкого (1977).

В 2010 г. на поселении Камно был осуществлен проект РГНФ «Комплексное исследование поселения Камно и его округи», направленный на решение основной задачи – комплексного изучения поселения Камно и других археологических и природных объектов, входящих в состав микрорегиона. Главной целью работ было количественное и качественное пополнение источниковой базы исследований, анализ полученных данных с использованием современных методов датировки и изучение образа жизни, быта, хозяйственной деятельности населения.

Основными исполнителями проекта стали археологи И.О. Колосова, А.В. Михайлов, Е.А. Яковлева. В полевых работах приняли участие д. г. н., ведущий научный сотрудник ИГ РАН А.А. Гольева, к. б. н., доц. каф. ботаники и экологии растений ППИ И.Г. Соколова, археологи Э.В. Королева, А.В. Яковлев, Е.В. Салмина, С.А. Салмин, Т.Е. Ершова.

В осуществлении проекта также приняли участие биологи, палеогеографы, специалисты по инженерной геологии, изучению природных условий возникновения и развития древних поселений.

Основным направлением стали полевые работы. Была организована экспедиция для проведения раскопок на городище и селище Камно, а также натурного обследования округи Камно и разведок.

Исследование поселения Камно включало в себя изучение культурных отложений на селище и городище Камно археологическими методами, выбор наиболее перспективных участков поселения для получения материалов естественнонаучного характера, сбор образцов для естественнонаучных исследований. Раскопки проводились по Открытому листу, выданному на имя Т.Ю. Закуриной (2011).

Участниками экспедиции стали студенты-практиканты исторического факультета ПГПУ (27 человек). Руководитель практики – участница проекта, к. и. н., доц. И.О. Колосова.

Рис. 3. Селище Камно, раскоп III. Общий вид на уровне материка. Вид с юга

Площадки раскопов были выбраны заранее, произведена инструментальная привязка и разбивка раскопов.

На памятнике были заложены два раскопа общей площадью 144 м^2. На селище (раскоп III) в восточной части площадки, на расстоянии около 60 м к северо-востоку от кладбищенской ограды (площадью 120 м^2). Выбор места раскопа обусловлен двумя факторами. Во-первых, восточная часть площадки селища не исследовалась. Небольшие раскопы на площадке селища закладывались в его западной и центральной частях. Во-вторых, восточная часть селища свободна от хозяйственной деятельности – не занята огородами. Однако несанкционированные земляные работы, связанные с благоустройством кладбища, постоянно ведутся именно в восточной части селища.

На городище был заложен раскоп XIV в западной части площадки, на расстоянии 37 м к северо-западу от городищенского вала (площадью 24 м^2). Пятно раскопа было привязано к раскопу С.А. Таракановой 1952 г. Выбор места раскопа был обусловлен данными магниторазведки, проведенной в 1970-е гг. Раскоп закладывался в том месте, где, по данным магниторазведки, должна была располагаться постройка с очагом, а следовательно, хорошо стратифицированные отложения, соотносимые с полученными ранее данными по хронологии и периодизации слоев городища.

Основной задачей раскопок на городище было получение образцов культурного слоя, погребенной почвы, углей, костных остатков, семян для естественнонаучных исследований.

Исследования в восточной части площадки селища показали следующее. Мощность культурного слоя вместе с дерном и отложениями переотложенного материка составила от 0,4 м в западной части до 0,25 м – в восточной (рис. 3). Слой сухой, плотный, переотложенный, насыщенный известняковым щебнем и кусочками материковой глины. В северной части раскопа выявлено пять ям. Одна из них – мо-

Рис. 5. Городище Камно, раскоп XIV. Общий вид на уровне пласта 2. Вид с запада

гильная, две – столбовые, две – хозяйственные. Вещевой материал довольно многочислен. В основном представлен фрагментами сероглиняной круговой керамики и костями животных. Встречены единичные находки лепной керамики. Большая часть вещевого материала сосредоточена в западной части исследованной площадки. Особенность керамического материала состоит в его сильной измельченности.

Собрано 27 индивидуальных находок, по большей части это фрагменты железных изделий – обломки стержней, ножей, гвозди. Металл сильно корродирован. Среди находок – фрагмент пастовой инкрустированной бусины (рис. 4, *2*), половина монеты (дирхем, серебро, Сасаниды, ал-Махди, 775–785 гг., место чеканки не определено; выражаю благодарность В.С. Кулешову, сделавшему определение монеты) (рис. 4, *1*), кольцо из цветного металла, костяной наконечник стрелы. Большая часть керамики представлена находками домонгольского времени (XIII в.). Очевидно, именно в этот период восточная часть селища наиболее интенсивно использовалась. Наличие двух датированных более ранним временем находок (дирхем, бусина) может быть объяснено случайными обстоятельствами. Решение этого вопроса могут дать только дальнейшие исследования на площадке селища. Отсутствие явных следов активного строительства (небольшое количество ям), небольшая мощность культурных отложений, измельченность вещевого материала свидетельствуют о том, что данный участок на протяжении всего времени освоения находился на периферии селитебной зоны – использовался в качестве сельскохозяйственных угодий.

На исследованном участке в юго-западной части площадки городища мощность культурного слоя вместе с дерном и отложениями погребенного дерна составила от 0,8 до 1 м (рис. 5). В центральной и восточной частях раскопа были выявлены отложения, сформированные в результате обратной засыпки раскопа С.А. Таракановой (площадью 18,5 м^2). В северо-западной части раскопа исследованы хорошо стратифицированные непотревоженные отложения городища. В верхней

части (до примерно 0,3 м от современной дневной поверхности) они были представлены темно-серым, рыхлым, аморфным переотложенным слоем, залегавшим почти горизонтально. Из этого слоя собраны находки древнерусской гончарной керамики. Остатков застройки в его составе не обнаружено.

Рис. 4. Находки из раскопа III на селище Камно
1 – дирхем; *2* – бусина

Нижняя часть отложений представлена хорошо стратифицированным слоем серо-коричневого цвета, довольно плотной структуры. В составе этого слоя в пределах раскопа выявлены три горизонта застройки. Они представлены остатками очагов, залегавших практически на одном месте с небольшой сдвижкой в плане. Нижний горизонт представлен развалом очага (печи на каменном опечке?), средний и верхний – очагами с каменной обкладкой по краям.

В основании этого слоя на большей части раскопа выявлен слой погребенного дерна мощность до 0,1 м. На глубине 1–1,2 м от современной дневной поверхности выявлена поверхность материка, представленного плотным коричневатым суглинком или дресвянистыми, малопрочными отложениями верхней части девонской плиты.

В раскопе собрано 26 индивидуальных находок, в том числе литейные формы (рис. 6, *1–3*), ножи, глиняные грузила, точильные камни, льячки (рис. 6, *4, 5*), пряслица. Большей частью индивидуальные находки происходят из отложений обратной засыпки раскопа 1952 г.

В ходе работ из хорошо стратифицированных отложений собра-ны образцы для микробиоморфных, фосфатных исследований, угли, семена, кости животных и рыб.

Из стратифицированного слоя городища получено значительное количество лепной керамики. Керамика собиралась с точной привязкой к сооружениям и слоям. Среди основной массы керамического материала встречены все опубликованные типы керамики городища Камно. Из найденных фрагментов всего два имели под венчиком отверстие – особенность, диагностирующая тип Рыуге. Возможно, собранная коллекция позволит в дальнейшем уточнить типологию лепной керамики Камно. Работа над керамической коллекцией еще предстоит.

В результате работ была уточнена привязка раскопов 1950-х гг. Оказалось, что имеющийся в нашем распоряжении опубликованный план городища и селища Камно имеет неточности. В отчетной документации по раскопкам 1940–50–70-х гг. отсутствует план топографической съемки городища, выполненный в 1948 г. (*Тараканова*, 1948). При закладке раскопа XIV была выполнена инструментальная привязка. По расчетам, основанным на опубликованном плане городища, раскоп должен был быть прирезан с северной стороны к раскопу 1952 г. Однако пятно раскопа значительной частью попало в раскоп 1952 г. Это обстоятельство позволило уточнить привязку раскопов С.А. Таракановой. Таким образом, исследованная площадь хорошо стратифицированного слоя городища составила всего 5,5 м^2.

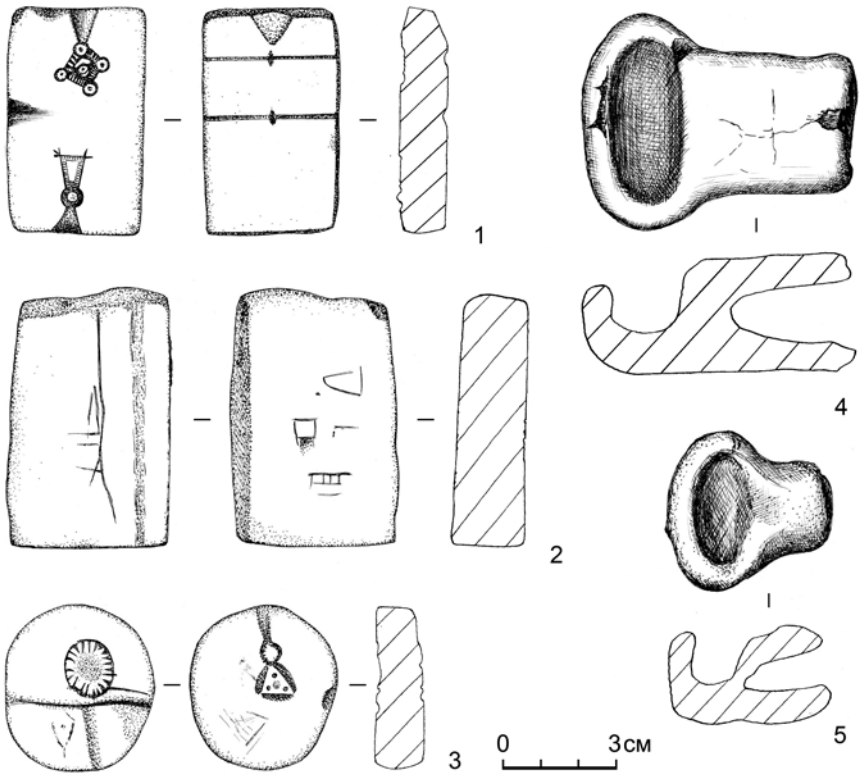


Рис. 6. Находки из раскопа XIV на городище Камно
1–3 – литейные формы; *4, 5* – льячки

В рамках реализации проекта предпринято составление археологической карты микрорегиона. Исполнителем данной части проекта стал А.В. Михайлов (2010). Работа по составлению археологической карты округи погоста Камно проходила в несколько этапов: 1 – архивно-библиографические изыскания, 2 – уточнение локализации памятников на местности, 3 – на современной топооснове была создана археологическая карта микрорегиона. На основании полученной карты с нанесенными археологическими объектами был проведен анализ освоения человеком территории исследования на протяжении средневековья. Кроме того, была предпринята попытка реконструкции средневековой сети коммуникаций в районе погоста Камно.

Всего в округе погоста Камно зафиксировано 45 объектов, из них 3 городища, 7 курганных групп, 3 одиночных кургана, 3 жальничных могильника, 25 селищ, 2 культовых камня, 1 каменный крест, 1 клад. В целом, расположенные в округе Камно памятники распределяются по трем хронологическим периодам: 1 – вторая половина I тыс. н. э.; 2 – XII–XIII вв.; 3 – XIV–XVIII вв. Для двух памятников региона датировка не определена: это городище у д. Щиглицы, известное по сообщениям XIX в. и полностью распаханное на сегодняшний день, и «городище» у д. Кусва – широко известный в литературе «Бухан-городок». Дальнейшая перспектива исследования сети средневековых коммуникаций микрорегиона Камно связана с

точной локализацией местных дорог, известных по письменным источникам, в результате которой будет возможным воссоздание системы сельского расселения.

Одним из важнейших направлений комплексного исследования Камно было получение материалов для изучения палеоэкологии и палеоландшафта поселения. Поэтому в работе экспедиции приняли участие специалисты по палеопочвенным, палеоботаническим исследованиям, инженерной геологии, геоморфологии, изучению природных условий возникновения и развития древних поселений. Под руководством и при непосредственном участии А.А. Гольевой и И.Г. Соколовой отбирались пробы культурного слоя, углей и палеопочвы, проводилось просеивание изучаемых отложений через мелкие сита с целью сбора мелких артефактов – производился сбор семян растений, костей и чешуи рыб.

В настоящее время часть материалов, в частности кости и чешуя рыб, образцы культурного слоя, семена, обработаны. Проведен предварительный анализ остатков рыб по семействам, родам и видам (выполнено Е.В. Салминой). Получены данные по содержанию валового фосфора в культурном слое раскопа XIV на городище (исследования проведены в ИГ РАН под руководством А.А. Гольевой).

Предстоит проведение биоморфного и радиоуглеродного анализа образцов, дальнейшие карпологические исследования. Часть полученного в поле материала передана на исследование в ИГ РАН (руководитель – А.А. Гольева) и на кафедру ботаники и экологии растений ППИ (руководитель – И.Г. Соколова). В настоящее время ведется работа над созданием банка семян, полученных из культурных отложений городища Камно.

В ходе работ получены материалы для археометаллографических и почвенно-геохимических исследований, проведение которых должно стать одним из направлений работы по изучению поселения Камно.

В процессе работы экспедиции были организованы четыре выезда для проведения натурного обследования округи поселения Камно, в которых приняли участие специалисты по инженерной геологии, геоморфологии, изучению природных условий возникновения и развития древних поселений: к. г. н. О.Е. Вязкова, Е.А. Яковлева, д. г. н. О.М. Татарников. Результатом натурного обследования, а также анализа всех данных, стала подробная физико-географическая характеристика района, геологического строения, гидрогеологических условий, проявления экзогенных геологических процессов, анализ влияния инженерно-геологических условий территории городища и селища Камно на историю их существования (*Вязкова*, 2010).

На основе анализа изменения ландшафтно-климатической обстановки в окрестностях городища Камно, материалов археологических раскопок, а также сведений по особенностям расселения мезолитического и неолитического человека на территории Псковской обл., О.М. Татарников делает предположение о том, что заселяться окрестности Камно начали с периода атлантикума, когда «происходила миграция береговых поселений неолитического человека из постепенно затопляемой водами Псковско-Чудской впадины, и над береговым типом расселения первобытного человека стал преобладать долинный тип, с размещением селищ на надпойменных террасах и на мысовых участках, образованных в месте слияния главной реки и ее притоков. Отдельные из таких селищ в бронзовом и железном веках превратились в укрепленные городища» (*Татарников*, 2010. С. 5).

Полученные в ходе выполнения проекта материалы лягут в основу обобщающей работы по изучению природных условий возникновения и развития поселения Камно и его округи.

В ходе работы экспедиции производился опрос местного населения, который показал, что в южной части площадки селища регулярно ведутся «раскопки» так называемыми «черными археологами». От местных жителей получены вещи, найденные в отвале грабительской ямы у южной границы селища: нож и наконечник стрелы. На основании полученной информации были уточнены южные границы селища Камно. В целом сделан вывод о необходимости скорейшего оформления границ территории объекта археологического наследия и внесения его в Государственный реестр объектов культурного наследия РФ.

Литература

Белецкий С.В., 1975. Разведка в низовьях р. Великой // АО 1974 г.

Белецкий С.В., 1977. Керамика городища Камно Псковской области // КСИА. Вып. 150.

Вязкова О.Е., 2010. Заключение об инженерно-геологических условиях участка расположения городища Камно // Отчет по проекту РГНФ «Комплексное исследование поселения Камно и его округи» № 10-01-26704е/В. Приложение 6.

Глазунов В.В., Плоткин К.М., 1978. Археолого-геофизическое изучение городища Камно // КСИА. Вып. 152.

Закурина Т.Ю., 2011. Отчет об археологических раскопках на объекте культурного наследия регионального значения «Городище и селище Камно VIII–XVI вв.». Городище Камно, раскоп XIV, селище Камно, раскоп III // Архив ИА Р-I.

Кирьянова Н.А., 1992. Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI–XV вв. М.

Марасинова Л.М., 1966. Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М.

Михайлов А.В., 2010. Заключение по исследованию округи погоста Камно по археологическим данным // Отчет по проекту РГНФ «Комплексное исследование поселения Камно и его округи» № 10-01-26704е/В. Приложение 3.

Окулич-Казарин Н.Ф., 1910. Материалы для археологической карты Псковской губ. // Тр. ПАО. Вып. 10.

Плоткин К.М., 1974а. К вопросу о хронологии городища Камно Псковской области // КСИА. Вып. 139.

Плоткин К.М., 1974б. Раскопки городища Камно // АО1974 г. М.

Плоткин К.М., 1975. Раскопки городища Камно и разведки в низовьях р. Великой // АО 1975 г.

Плоткин К.М., 1980. Псков и его округа во второй половине I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л.

Плоткин К.М., 1989. Округа Пскова накануне и в период становления города // Становление европейского средневекового города. М.

Плоткин К.М., Тюленев В.А., Тюленева О.И., 1976. Раскопки городища Камно и разведки в низовьях р. Великой // АО 1975 г.

ПЛ, 1941 – Псковские летописи. М.; Л. Вып. 1.

ПЛ, 1955 – Псковские летописи. М. Вып. 2.

СМАМЮ – Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1913. Т. 5.

Тараканова С.А., 1948. Отчет Псковской археологической экспедиции ИИМК АН СССР о работах за 1948 год // Архив ИА. Р-I. № 218, 218а.

Тараканова С.А., 1951. К вопросу о происхождении города в Псковской земле // КСИА. Вып. 46.

Тараканова С.А., 1953. Древности Псковской земли // По следам древних культур. Древняя Русь. М.

Тараканова С.А., 1956. Псковские городища // КСИА. Вып. 62.

Татарников О.М., 2010. Геолого-геоморфологическая и ландшафтная характеристика окрестностей городища Камно // Отчет по проекту РГНФ «Комплексное исследование поселения Камно и его округи» № 10-01-26704е/В. Приложение 4.

Ушаков Ф.А., 1897. Погост Камно Псковской губернии, Логозовской волости и старый при нем могильник // Сб. тр. членов ПАО за 1896 г. Псков.

Харлашов Б.Н., 1993. Отчет об археологической разведке в Псковской области в 1992 году: Рукопись // Архив ГБУК АЦПО. Псков

Харлашов Б.Н., 2000. Посады Пскова и окологородские губы в XVI в. // АИППЗ: Мат. науч. семинара 1996–1999. Псков.

Б.Н. Харлашов

Археологические исследования в Себеже в 2011 г.

B.N. Kharlashov. Archaeological excavations in Sebezh in 2011

Abstract. The first mention of Pskov suburb Sebezh refers to 1414. The archaeological excavations in 2011, with further organization of public services and amenities in the historic center of Sebezh – The Castle Hill in view, proved that the history of Sebezh began long before its first mention in written sources.

The excavations revealed that the settlement at the place of Sebezh Gorodishche emerged not later than the X c. AD and then dynamically developed over the subsequent centuries.

The urban character of the ancient Russian settlement is confirmed by archaeological finds (glass and bronze jewelry, iron household items and weapons, ceramics, stone and bone objects).

Beginning from the XV century the Posad, partially surrounded by a fortress wall in 1535, developed outside the ancient city.

Ключевые слова: древнерусский город, посад, культурный слой, ювелирные изделия, кузнечное ремесло, погребальный обряд

Первое упоминание о городе Себеже относится к 1414 г. Польский хронист М. Стрыйковский повествует о взятии псковского пригорода Себежа войском великого князя Литовского Витовта. В 1535 г., во время очередной русско-литовской войны, Себежская волость была отвоевана Россией. Летом 1535 г. русские войска на полуострове оз. Себежского отстроили новую крепость Ивангород-на-Себеже. В 1579 г. Себеж был завоеван поляками: король Стефан Баторий взял Себеж и двинулся на Псков. После окончания Ливонской войны Себеж, по заключенному на 10 лет Ям-Запольскому перемирию от 1 июня 1582 г., был возвращен России. Последующие перемирия в конце XVI – начале XVII в. до начала польско-шведской интервенции в Россию повторяли условия Ям-Запольского (*Меньшов*. Электронный ресурс).

На протяжении XVII–XVIII вв. Себеж неоднократно переходил из рук в руки, передаваемый из дипломатических соображений Польше, затем возвращаемый в состав Российского государства.

Археологические исследования культурного слоя в Себеже до 2011 г. не проводились. Отдельные находки предметов старины были сделаны местными

жителями при проведении хозяйственных и строительных работ: преимущественно это монеты различного достоинства, относящиеся к XVII–XX вв. Культурный слой визуально обследовался в 1991 г. А.А. Александровым, который пришел к заключению о распространении слоя на все участки города, обозначенные на исторических картах.

Современный рельеф Себежа во многом сохранил особенности периода средневековья. Историческая часть Себежа состоит из «Замковой горы» – укрепленной части города – и неукрепленного посада, простиравшегося к востоку, северу и западу от «Замковой горы». Общая площадь распространения культурного слоя в Себеже в районе «Замковой горы» около 23,38 га (рис. 1, на с. 445).

В 2011 г. в связи с работами по благоустройству мысовой части Замковой горы были проведены раскопки на площади 70 м^2, а также заложены 13 шурфов (1×1 м) на территории посада (*Харлашов*, 2012). Раскоп в мысовой части Замковой горы был выполнен в виде траншеи шириной 2 м и длиной 28 м. Его целью являлось изучение стратиграфии культурных отложений в древнейшей, как предполагалось, части Себежа. Кроме того, здесь же, на мысу, в шурфе 1 (4×4 м) исследовался культурный слой на дне строительного котлована, выкопанного весной 2011 г. для монтажа основания нового памятного знака в честь героического прошлого Себежа.

Еще до начала работ были известны обстоятельства, не позволявшие рассчитывать на хорошую сохранность культурного слоя: в 1942–1944 гг. в мысовой части Замковой горы функционировало немецкое воинское кладбище (более 400 захоронений), а в 2007 г. останки немецких солдат были перезахоронены за пределами Себежа на специально отведенном для этой цели участке.

Археологические работы начиная с уровня дневной поверхности велись вручную, с тщательным просмотром слоя, что позволило извлечь из переотложенного при совершении захоронений и последующей эксгумации грунта довольно много средневековых находок.

В процессе раскопок выяснилось, что культурный слой был нарушен захоронениями на глубину до 1,4 м от современной поверхности. Исследования на раскопе 1 и в шурфе 1 показали, что немецким кладбищем был разрушен в основном мощный верхний слой, составленный гравием, глиной, песком и щебнем, включавший углистые прослойки и довольно крупные фрагменты обугленной древесины. Наибольшая толщина этого слоя была зафиксирована в северном профиле шурфа 1 (до 1,2 м). Остатки того же слоя отмечены и в раскопе 1 между ямами немецкого кладбища.

Ниже повсеместно залегал непереотложенный темно-серый или черный слой толщиной 10–80 см (рис. 2, на с. 445). Под ним – песчано-гравийный материк, в котором зафиксированы многочисленные ямы, связанные с хозяйственной деятельностью на поселении.

В процессе раскопок 2011 г. сделаны находки, позволяющие по-новому взглянуть на раннюю историю Себежа. Самые ранние из них – это фрагменты лепной керамики последней четверти I тыс. н. э. (рис. 3, на с. 446), происходящие как с уровня материка, так и из переотложенного культурного слоя. Найденная керамика толстостенная, хорошо заглаженная, с крупной дресвой. По форме венчиков керамику можно соотнести с известными сосудами культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Также представляется обоснованным отнести к раннему

периоду глиняное биконическое пряслице, найденное в нарушенном кладбищем слое. Культурный слой, с которым можно было бы соотнести ранние находки на участке раскопок, не сохранился. Его остатки отмечены лишь в материковой яме 3.

На исследованной в 2011 г. территории выявлены фрагменты застройки, прослеженные по ямам в материке, которые связаны с вышележащими слоями. Характеризовать эти слои позволяют хотя и немногочисленные, но яркие находки.

К ювелирным изделиям относится фрагмент узкопластинчатого бронзового перстня (рис. 4, *1* – на с. 447), украшенного 4 параллельными выпуклыми линиями; по новгородским аналогиям он датируется концом X – XIII в. (*Седова*, 1981. С. 131). Аналогичный по форме и орнаментации браслет происходит из жальника в могильнике Верхоляны, расположенного неподалеку от восточного берега Чудского оз. и датированного XIII–XIV вв. (*Спицын*, 1903. С. 110. Табл. XXV, *13*). Другой перстень относится к типу перстней с разомкнутыми концами (рис. 4, *3*) и изготовлен из узкомассивного браслета, которые были распространены в основном в X – начале XII в. (*Седова*, 1981. С. 103).

Также найден браслет с завязанными концами (рис. 4, *2*), имеющий аналогии на обширной территории. Такие предметы обнаружены в курганах могильников восточного Причудья Ольгин Крест и Калихновщина, где входят в комплексы находок XI–XII вв. (*Спицын*, 1903. С. 60, 97. Табл. XII, *1, 2*). В числе ближайших к Себежу памятников с такими находками – Люцинский могильник (*Ciglis, Radiņš*, 2002. 89. Lpp., 30. Att.). Согласно наблюдениям В.В. Седова, этот вид браслетов является одним из характерных для памятников смоленско-полоцких кривичей (*Седов*, 1982. С. 163). В частности, на территории Белоруссии такой браслет происходит из комплекса X–XII вв. кургана 12 группы Кублищино (*Дучиц*, 1982. С. 106, 107). Известны такие браслеты и на других памятниках Белоруссии.

Из ювелирных украшений, найденных при раскопках, внимания заслуживают 2 бронзовые цепочки (рис. 4, *8*), состоящие из перекрученных однопроволочных звеньев. Такие цепочки, в частности, использовались в составе нагрудных украшений латгалов для подвешивания трапециевидных привесок, хотя более распространенным видом цепочек оставались состоящие из продетых друг в друга колечек в 2 или более оборота (*Ciglis, Radiņš*, 2002. 182. Lpp. 61. Att.).

Из переотложенного культурного слоя на раскопе 1 (кв. 3) происходит проволочное бронзовое кольцо, которое с большой долей вероятности может рассматриваться либо как височное замкнутоконечное, либо как загнутоконечное (рис. 4, *5*). Его атрибуцию затрудняет поврежденность одного из концов, который расплющен и рассечен надвое. Такие височные кольца имели широкое распространение в славянских древностях VIII–XI вв., в том числе в культуре смоленско-полоцких длинных курганов, встречаются они и на сопредельных территориях (*Седов*, 2007. С. 93). В том же слое и в том же квадрате раскопа 1 найдено деформированное загнутоконечное проволочное височное кольцо с нанизанным на него овальным железным колечком (рис. 4, *6*). Время бытования таких украшений и территория их распространения совпадают с описанными выше. Что касается нанизанного железного колечка, то похожая комбинация выявлена при раскопках Труворова городища в Изборске: на проволочное височное кольцо была надета обоймица для крепления какого-то дополнительного украшения (Там же). Возможно, третьим височным кольцом является деформированный предмет (рис.

4, *7*) из медной проволоки (загнутоконечное височное кольцо?), обнаруженный в том же месте, где и предыдущие 2, но на уровне зачистки материка. Один его конец загнут, другой – заострен.

В переотложенном слое шурфа 1 найдены литая бронзовая фигурная накладка (рис. 4, *4*) и бронзовый ключик (длиной 7 см) от нутряного замка (рис. 4, *9*). Ключ относится к типу сундучных, бытовавших в XII–XIII и начале XIV в. (*Хорошев*, 1997. С. 16. Табл. 7, *25–32*).

С учетом небольшой раскопочной площади важен факт находки стеклянных браслетов (рис. 5, *1–3* – на с. 447). Фрагменты 3 найденных браслетов типологически трудно определимы, поскольку сильно пострадали во время пожара. Один из них, по-видимому, можно отнести к крученым, другой для определения типа нуждается в реставрационной расчистке, от третьего сохранился только срединный круглый стержень. Надо полагать, что в Себеж браслеты попали из Полоцка, расположенного всего в 70 км, в котором существовало собственное производство стеклянных изделий (*Щапова*, 1997. С. 87).

Из раскопа 1 происходят две бусины, также побывавшие в пожаре: одна из них шарообразная пастовая, другая неопределима (рис. 5, *4, 5*).

Большую группу находок составляют пряслица, в числе которых 6 шиферных (биконических и бочковидных), 1 известняковое бочковидное и 1 бочковидное глиняное (рис. 5, *7–12*).

Из костяных изделий в материковых ямах в комплексе с керамикой XI–XIII вв. найдены пряслице и проколка (рис. 5, *13*).

Наиболее яркой находкой стал нательный костяной крестик (рис. 5, *6*), украшенный с обеих сторон циркульным орнаментом. Крестик происходит из переотложенного слоя, но, тем не менее, по стилю оформления с большой долей уверенности может быть отнесен к группе древнерусских изделий (благодарю за консультацию к. и. н. Ю.В. Колпакову).

Изделия из черного металла включают как бытовые вещи, так и предметы вооружения. В материковой яме 8 раскопа 1 найден листовидный ромбического сечения черешковый наконечник копья (длина 38,5 см) с загнутым концом черешка (рис. 6, *1* – на с. 448). Наконечники такой формы не являются широко распространенным видом в древнерусских археологических памятниках. Чаще эта форма черешка встречается у наконечников дротиков, а также характерна для острог. Такие дротики встречены на памятниках латгалов в Кенте и Асоте (X–XIII вв.) (*Седов*, 1987. С. 430. Табл. CXI, *12, 13*), в уже упоминавшемся могильнике Кублищино (*Дучиц*, 1982. С. 105, 106), в кургане 6 могильника Погоща в Браславском Поозерье (*Плавинский*, 2010. С. 201, 302). Однако целая серия наконечников с черешком рассматриваемой формы была обнаружена при раскопках Труворова городища в Изборске в слоях X–XIII вв., что послужило для В.В. Седова основанием подробно рассмотреть эти находки. По его мнению, загнутый конец черешка является признаком метательного оружия (т. е. сулицы), несмотря на то что один из изборских наконечников достигал в длину 40,4 см. Множество аналогичных наконечников известно по раскопкам памятников в Прибалтике. Поэтому, по мнению ученого, попадание их в культурный слой городища, скорее всего, связано с военными действиями под стенами Изборска (*Седов*, 2007. С. 331).

Среди предметов из железа – круглое плоское железное кольцо диаметром 6 см (рис. 6, *10*), также происходящее из древнерусского слоя. Предположительно это пряжка, язычок которой утрачен (аналогии см.: *Седов*, 2007. С. 346).

В коллекции изделий из железа Себежского городища – 4 ножа. Два из них по форме и размерам клинка можно отнести к универсальным ножам хозяйственного назначения (рис. 6, *3, 4*). Клинок третьего обломан не менее чем на 2/3 (рис. 6, *2*). От четвертого ножа сохранился фрагмент клинка длиной 10 см с обломанным концом и ближняя к клинку часть черешка (рис. 6, *5*). С учетом того, что клинок последнего был узким, с прямой спинкой, и имел длину около 15 см, этот нож представляется возможным причислить к боевым. На трех ножах имелись следы деревянных рукоятей.

Из нижнего слоя городища (уровень материковых ям) происходят 2 железных овально-четырехугольных кресала с прямыми боковыми сторонами. Одно из них имеет фигурную выемку (рис. 6, *8*). Как известно, подобные предметы были наиболее широко распространены в XII–XIV вв. Но в Изборске 3 овальных кресала (одно с фигурной выемкой) были найдены в слое, характеризуемом лепной керамикой, одно – в слое второй половины X – XI в. (*Седов*, 2007. С. 87, 278). Овальное кресало с выемками найдено на Бородинском городище XII–XIV вв. на Смоленщине (*Седов*, 1960. С. 118, 119. Рис. 61, *14*). Следует обратить внимание, что себежское кресало с фигурной выемкой происходит из ямы 3, в которой отмечено наибольшее скопление лепной керамики.

К группе древнерусских находок из черного металла относится фрагмент съемного цилиндрического замка со следами медной обтяжки (рис. 6, *9*). Многочисленные аналогии найденному в Себеже экземпляру известны по раскопкам в Пскове, Новгороде, Полоцке и других городах.

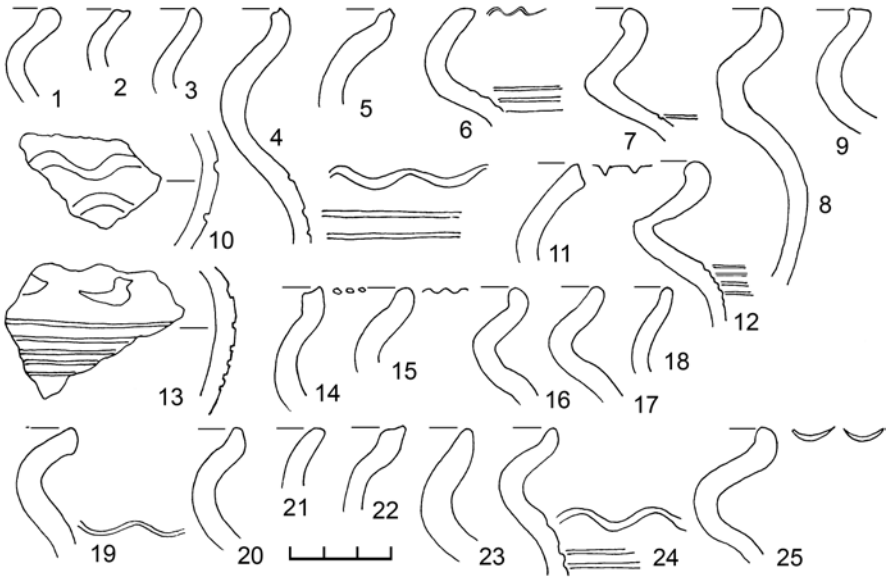


Рис. 7. Профили венчиков и орнаментация керамики XI–XIV вв. из раскопа 1 и шурфа 1

Любопытна находка трех кованых гвоздей с плоскими пятиугольными шляпками, параллельными стержню гвоздей (рис. 6, *б*). Гвозди обнаружены в культурном слое ниже погребения 1 раскопа 1, в районе черепа. На гвоздях во время обнаружения были следы полуистлевшей древесины. Но поскольку следов гроба в погребении не выявлено, связь гвоздей с погребением сомнительна.

Гончарная керамика XI–XIV вв. (рис. 7), обнаруженная в нижнем темно-сером слое, в большинстве представлена сосудами с хорошо выраженным плечиком и отогнутым венчиком. У многих сосудов край венчика загнут внутрь. Так как керамика в основном мелко фрагментирована, судить об интенсивности орнаментации тулова сосудов сложно. Тем не менее, по плечику сосуды, как правило, украшены многорядным линейным орнаментом, иногда в сочетании с однорядной или многорядной волной. Характерной деталью ряда сосудов являются насечки по кромке венчика, а в двух случаях – зубцы.

В сером слое, заполнявшем немецкие могильные траншеи, встречены разновременные находки, в том числе относящиеся к XV–XVIII вв.: обломки сероглиняной неполивной и поливной керамики (рис. 8), изразцов, предметы кузнечного ремесла, осколки посудного и оконного стекла и пр. (рис. 9 – на с. 449). В шурфах на посаде зафиксирован культурный слой толщиной 0,5–1,3 м, который содержал набор находок, аналогичный собранному в верхнем слое городища.

В культурном слое городища обнаружены кости животных и рыб. В частности, в пласте 7 раскопа 1 среди осколков удалось определить кости лося (область задней метаподии, 1ad.). В пласте 8 при зачистке материка найдены кости из области лопатки свиньи, кости из области метаподии лося и нижней челюсти овцы. В яме 8 раскопа 1 обнаружены кости верхней (1 sad.) и нижней челюстей кабана, зубы

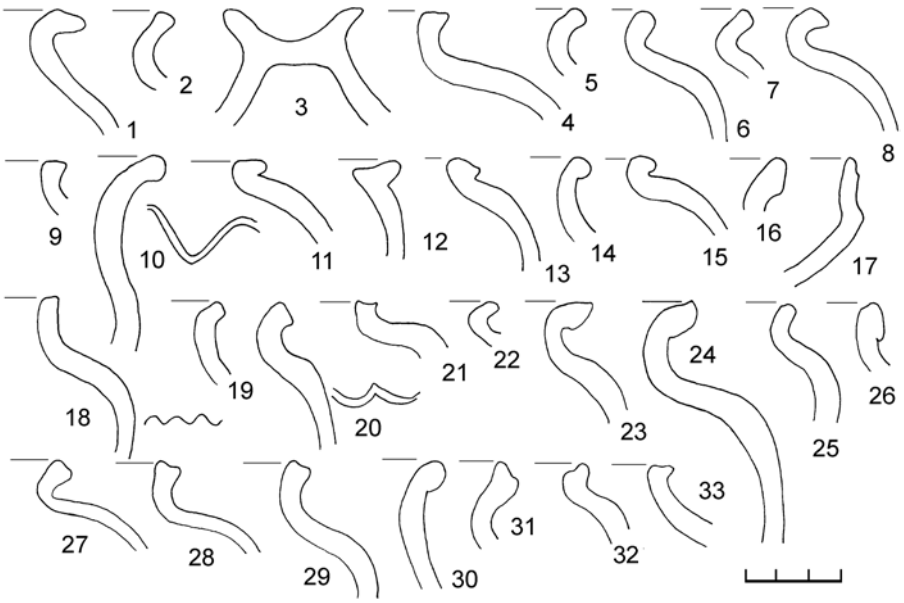


Рис. 8. Профили венчиков и орнаментация керамики XV–XVIII вв. из раскопок на городище и шурфов на посаде

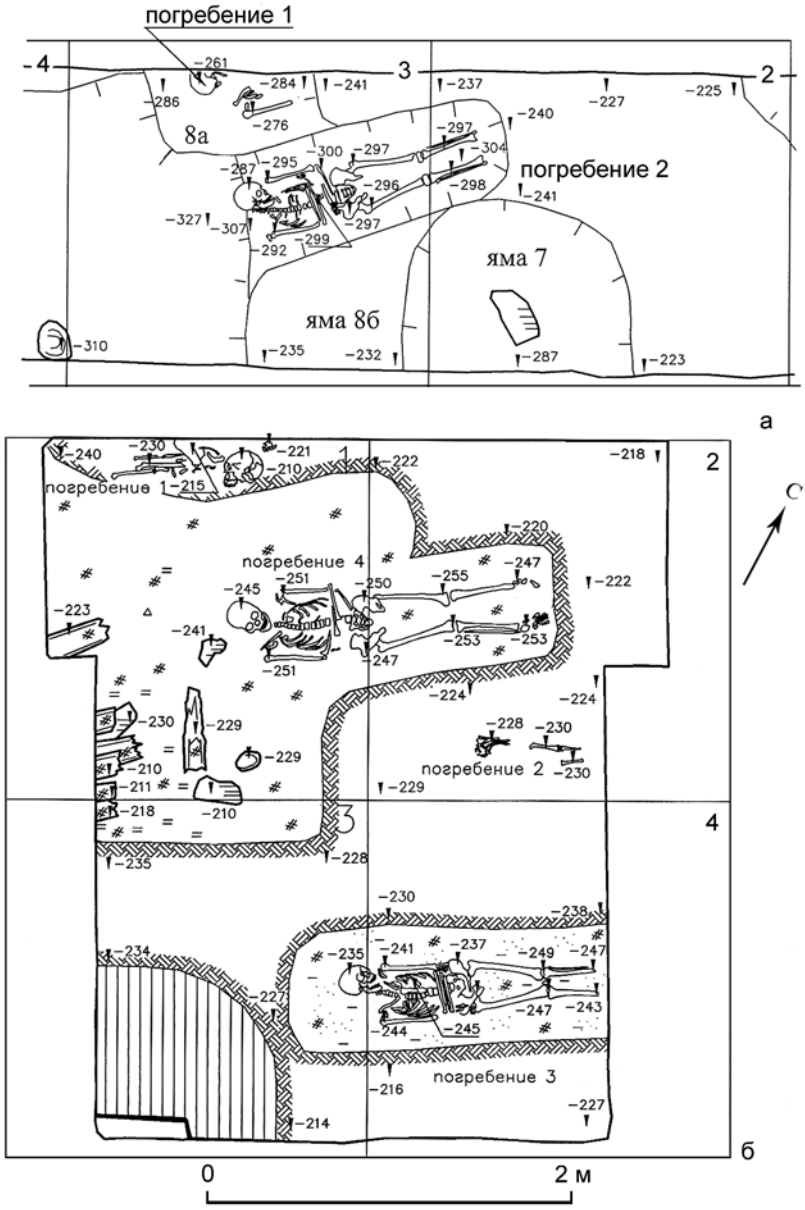


Рис. 10. План погребений в раскопе 1 (а) и шурфе 1 (б)

(1 ad.) и кости из области бедра лося (определение к. б. н. М.В. Саблина). В ямах 7 и 8 раскопа 1, в яме 1 шурфа 1 найдены кости и чешуя леща, язя, окуня, щуки, а также кости рыб семейства карповых (определение к. б. н. А.О. Юрцевой и к. и. н. Е.В. Салминой).

Таким образом, раскопки в Себеже в 2011 г. показали, что поселение в мысовой части Замковой горы возникло уже в конце I тыс. н. э. и развивалось в

последующие века. Очевидно, что его размеры можно определить в пределах мыса, ограниченного хорошо читающимся и в настоящее время валом в районе домов 6 и 9 по ул. Замковой, – приблизительно 180×30–60 м. Это было мысовое городище, возвышающееся над уровнем озера на 21–23 м (по современному урезу воды). Время его функционирования помимо находок подтверждает радиоуглеродный анализ обугленной древесины из темно-серого и черного слоя, залегавшего выше материка и в материковых ямах: образец угля из ямы 3 раскопа 1 датирован в интервале 880–1020 гг. н. э. (Ле-9633, № 9), 7 образцов из раскопа 1 и шурфа 1 дали даты, охватывающие период с 1150 по 1400 г. н. э. (Ле-9625, кв. 11, пл. 8, №1; Ле-9626, шурф 1, №2; Ле-9628, яма 8, кв. 3–4, № 4; Ле-9629, кв. 8, пл. 8, № 5; Ле-9631, кв. 3, пл. 7, № 7; Ле-9632, кв. 2, пл. 8, № 8; Ле-9634, шурф 1, №10).

Слой гравия и обожженной глины, перемешанный с песком и углями, предположительно можно связать с фортификационными работами 1535 г., призванными укрепить сыпучий грунт на площадке крепости. По-видимому, при этих работах была предпринята попытка прокаливания глины путем разведения костров, в результате чего в подсыпке, перекрывавшей ранние отложения, оказались крупные не до конца сгоревшие фрагменты древесины. Радиоуглеродный анализ 4 образцов дал даты от 1470 до 1670 г. (Ле-9630, кв. 5, пл. 6, № 6; Ле-9635, кв. 10, пл. 4, № 11; Ле-9636, кв. 6, пл. 5, № 12; Ле-9637, кв. 5, пл. 5, № 13), что не противоречит нашему предположению.

В составе культурного слоя XI–XIII вв. на уровне материка в раскопе 1 и шурфе 1 выявлены 6 безынвентарных захоронений, из них 2 мужских (25–35 и 35–45 лет), 3 женских (17–18, 25–35 и 45–55 лет), одно – ребенка 2–3 лет (половозрастные определения выполнены к. б. н. Д.В. Пежемским). Захоронения совершены в могильных ямах (следы гробов или домовин не прослежены). Погребенные ориентированы головой на запад, руки положены в области живота, ноги вытянуты (рис. 10). Кости находились в анатомическом порядке (за исключением погребения 1 в шурфе 1). По стратиграфическим данным захоронения можно датировать временем не ранее XV в. и не позднее 1535 г. (строительство новой крепости). По-видимому, после разгрома Себежа литовцами в 1414 г. площадка городища непродолжительное время использовалась для захоронений.

Литература

Дучиц Л.В., 1982. Курганная группа у д. Кублищино // Древности Белоруссии и Литвы. Минск.

Меньшов Н.П. Административно-территориальное деление Себежского уезда в XVI–XVIII вв. (по материалам Российского государственного Архива древних актов // http://www.sebezh.ru/istoria.htm).

Плавинский Н.А., 2010. Курганный могильник Погоща в контексте окняжения северо-западных регионов Полоцкого княжества // АИППЗ. Заседание 55.

Седов В.В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). МИА. № 92.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.

Седов В.В., 1987. Латышские племена. Латгалы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Седов В.В., 2007. Изборск в раннем средневековье. М.

Седова М.В., 1981. Ювелирные украшения древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Спицын А.А., 1903. Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова. СПб.

Харлашов Б.Н., 2012. Отчет об археологических раскопках в г. Себеже в 2011 году // Архив ИА РАН.

Хорошев А.С., 1997. Замки, ключи и замочные принадлежности // Древняя Русь: Быт и культура. М.

Щапова Ю.Л., 1987. Украшения из стекла // Древняя Русь: Быт и культура. М.

Ciglis J., Radiņš A., 2002. Ludzas oducalna kapulauka katalogs. Rīga.

С.Е. Торопов

Находка круглой финской фибулы эпохи викингов в Верхнем Поволховье

S.E. Toropov. Finding of a Round Finnish Fibulae of the Viking Age in the Upper Volkhov Region

Abstract. In 2009, the Novgorod Museum received a collection of random finds associated with the complex of sites on the right bank of the river Volkhov north to the Derevyanitsy district. A part of the complex – the Old-Russian necropolis known as «Derevyanitsky burial» – was investigated in 1977–79. The collection includes a fragment of circular relief fibula with serpentine pattern which is unique for the Ilmen' region. Such fibulae are well represented in the South-West Finland, where they appear before the Viking Age, and live up to the 12th century. Some isolated finds are known from the North-West Russia: in Karelia, South-East Ladoga region and Zalahtovie. Novgorod fibula, obviously, comes from the burial made according to cremation ceremony. Finnish researchers date the fibulae of similar type to the second part of the 10th century. The find from Derevyanitsy refers to the same period. It is associated with the earliest stages of the repository and can be viewed in the context of Novgorod relations with the Baltic-Finnish region at the final stage of the Viking Age.

Ключевые слова: фибулы, могильник, погребение, Верхнее Поволховье, Финляндия, тип, датировка, погребальная насыпь.

В 2009 г. в фонды археологии Новгородского государственного объединенного музея-заповедника от частного лица поступила коллекция находок, собранных на правом берегу р. Волхов в окрестностях современного микрорайона Деревяницы (НГМ КП 45808/А 221-(1–68)). В состав коллекции входят 68 предметов из сплавов цветных металлов: фибулы, перстни, элементы поясной гарнитуры, предметы личного благочестия, бубенчики и пуговицы, подвески, фрагменты браслетов и бусинного височного кольца, весовые гирьки, рыболовная блесна, изготовленная из перстня, обломки дирхемов и милиарисий, превращенный в подвеску. В целом коллекцию можно датировать IX–XIX вв.

Наиболее вероятным местом сбора находок, при условии искренности прежнего владельца, можно считать комплекс археологических памятников, расположенный на правом берегу р. Волхов, примерно в 0,7 км к северо-востоку от современной окраины микрорайона Деревяницы, так называемой «Сметанинской мызы» (рис. 1). Он состоит из средневекового селища и примыкающего к нему с северо-востока некрополя, известного в литературе как «Деревяницкий могильник». Масштабные исследования этого памятника в 1977–1979 гг. проводились экспедицией Новгородского музея под руководством В.Я. Конецкого (рис. 2). Центральная часть могильника была уничтожена карьером еще до начала раскопок, однако его южная и западная части остались не потревоженными. В результате этих работ были изучены 120 погребений по обряду трупоположения, датируемых XI–XII вв., а также ров и часть материкового останца сопки, располагавшейся здесь же и разрушенной еще в древности. Культурные напластования поселения считаются в целом синхронными могильнику, однако необходимо учитывать, что никаких археологических исследований на памятнике не проводилось. В целом комплекс интерпретируется как месторасположение богатого пригородного села

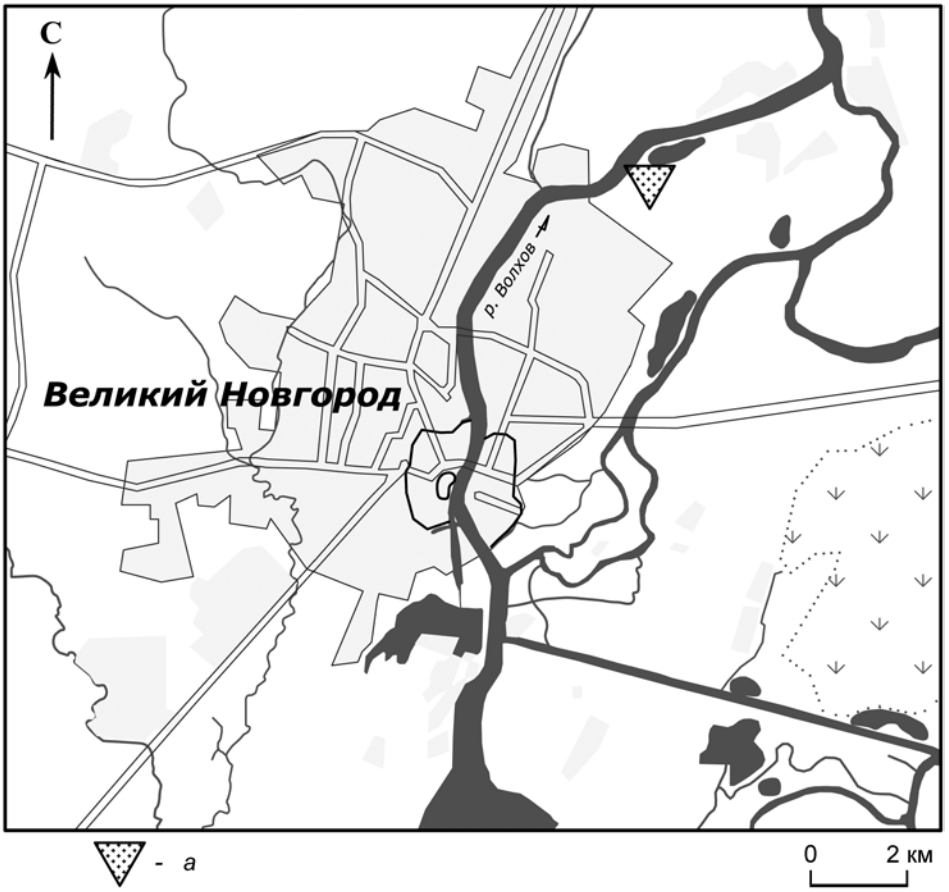


Рис. 1. Схема расположения места сбора коллекции.
а – предполагаемое место сбора находок.

(*Конецкий*, 1984). Состав рассматриваемой коллекции не противоречит такому выводу и в значительной степени сопоставим с материалами изученных погребений.

Среди находок особое внимание привлекает фрагмент крупной круглой выпуклой фибулы (НГМ КП 45808/А 221-1), поверхность которой декорирована выступами, отверстиями и орнаментом из переплетающихся «бороздчатых» лент, вызывающим ассоциации с североевропейскими звериными стилями эпохи викингов (рис. 3). При более тщательном рассмотрении становится ясно, что фибула не имеет прямого отношения к скандинавским украшениям, а относится к типу застежек с так называемым змееподобным декором, хорошо представленным в материале памятников Финляндии. Они встречаются в женских погребениях, где использовались либо парами, для закрепления платья на плечах, аналогично скорлупообразным или равноплечным фибулам в скандинавском костюме, либо поодиночке, для скрепления ворота или концов накидки.

Фрагмент имеет размеры 7×5,5 см, при высоте 1,5 см. Около трети предмета утрачено. На лицевой стороне видны следы оплавленности металла. Край слома

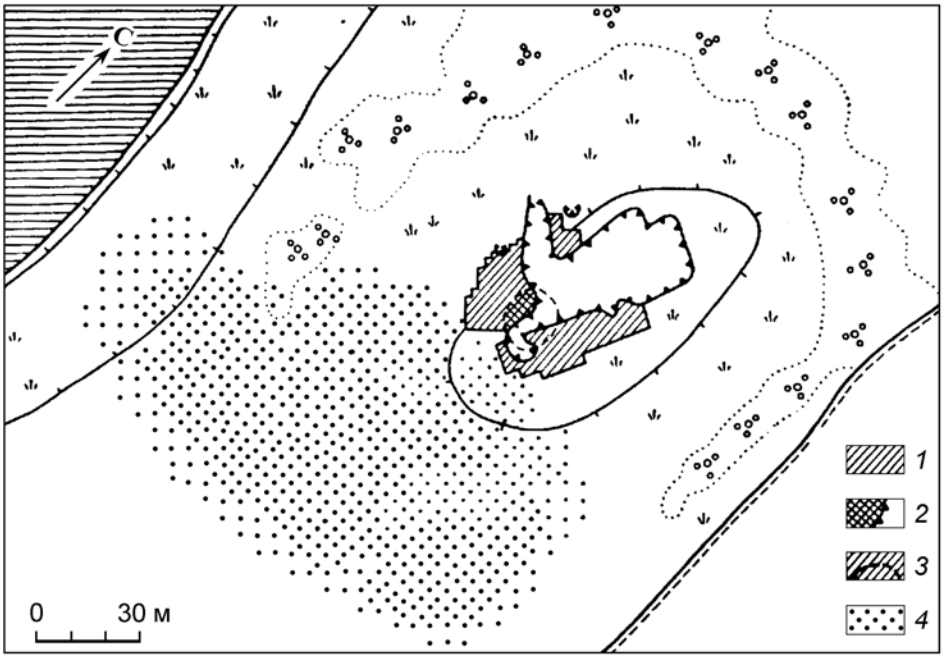


Рис. 2. Комплекс памятников у п. Деревяницы (по: Конецкий, 1984)
1 – раскопы; 2 – карьер; 3 – границы останца сопки; 4 – территория селища

выглядит довольно свежим, как будто был отрублен зубилом или отрезан ножницами. Сколы патины и отсутствие окислов по его краю позволяют предположить, что утраченная часть была удалена уже после извлечения предмета из земли, возможно, с целью придания ему «товарного» вида. Возможно, отломанный фрагмент также был оплавлен. На обороте фибулы сохранился иглодержатель примитивной конструкции в виде плоского выступа с просверленным отверстием. Что касается декора, то ее лицевая поверхность была разделена на 4 равных сектора полосами, состоящими из двух бороздок. В центре фибулы, в перекрестье этих полос, расположено отверстие диаметром 6 мм, окруженное 4 выступами высотой 3–4 мм. Еще 4 аналогичных выступа находятся у края застежки, на концах осевых линий. Сектора заполнены сложным переплетением тройной бороздчатой ленты, в изгибах которой просверлены небольшие сквозные отверстия. Часть отверстий после отливки фибулы осталась не рассверленной. Внешний край представляет собой слегка отогнутый уступчатый карниз шириной около 5 мм.

Круглые выпуклые фибулы с переплетающимся змееподобным орнаментом привлекли внимание финских исследователей еще во второй половине XIX в. Несколько находок с территории Финляндии и Аландских островов в 1880 г. опубликовал Й.Р. Аспелин (*Aspelin*, 1880. S. 267: 1327; 281: 1419–1420; 289: 1510; 292: 1536; 297: 1582; 299: 1596–1597; 316: 1723), а в 1897 г. Х. Аппельгреном-Кивало была предложена система классификации, с некоторыми изменениями используемая до настоящего времени. Исследователь выделил 6 типов застежек (*A–F*), отличающихся характером декора и относящихся к разным хронологическим периодам

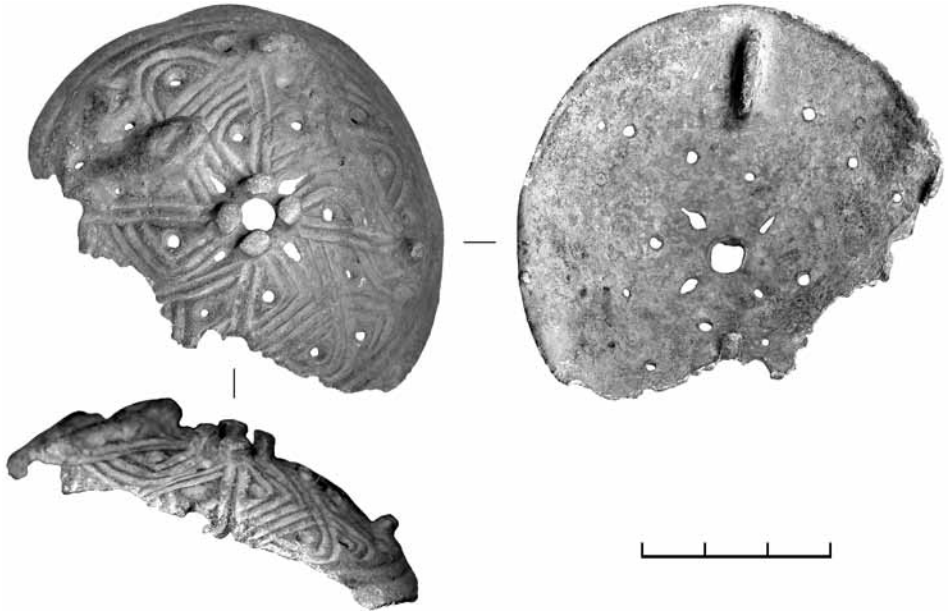


Рис. 3. Фрагмент фибулы (НГМ КП 45808/А 221-1) из коллекции, собранной на берегу р. Волхов у п. Деревяницы

(рис. 4). Наиболее ранние типы (*A* и *B*) он датировал VIII–IX вв., а наиболее поздние (*E* и *F*) – XI в. Бытование типов *C* и *D* было отнесено к X в. (*Appelgren*, 1897. S. 3–5). Истоки орнаментации древнейших вариантов фибул, появившихся еще накануне эпохи викингов, восходят к скандинавским образцам, хотя сами они, вероятно, впервые появились в северной части юго-западной Финляндии. В целом, формирование данной категории предметов происходило под воздействием скандинавских, балтийских и франкских культурных импульсов (*Arwidsson*, 1940. S. 123, 124, 128). К началу 1970-х гг., по подсчетам Э. Кивикоски, на территории Финляндии было известно более 320 находок фибул этой группы, в целом датируемых эпохой викингов, что позволило исследовательнице обозначить их декоративные формы как национальные (*Kivikoski*, 1973. P. 90). С началом многолетних исследований в общине Эура на юго-западе Финляндии общее число известных находок превысило 350. На момент публикации материалов раскопок (1982 г.) там было найдено 29 фибул, представляющих все вышеупомянутые типы по классификации Аппельгрена, исключая тип *F* (*Lehtosalo-Hilander*, 1982. P. 93).

За пределами Финляндии наибольшее количество находок, по крайней мере, к 1930-м гг., зафиксировано в Швеции – 19, из них 10 происходит с о. Готланд (*Floderus*, 1931. S. 13, 19. Fig. 1–7; *Thunmark-Nylén*, 1998. Taf. 73, *7, 8*; 74, *1, 2*). По наблюдениям Э. Флодеруса, на территории Швеции не обнаружено ни одной фибулы древнейших типов *A* и *B*, в то время как остальные представлены в относительно равных пропорциях (*Floderus*, 1931. S. 13). Учитывая тесные связи Новгородского (Рюрикова) городища и Бирки (*Янссон*, 1999), стоит особо отметить, что одна из найденных в Швеции брошей происходит из погребения Bj 104 этого могильника. Шведские исследователи относят ее к типу *C*, по Аппельгрену, комплекс датируется,

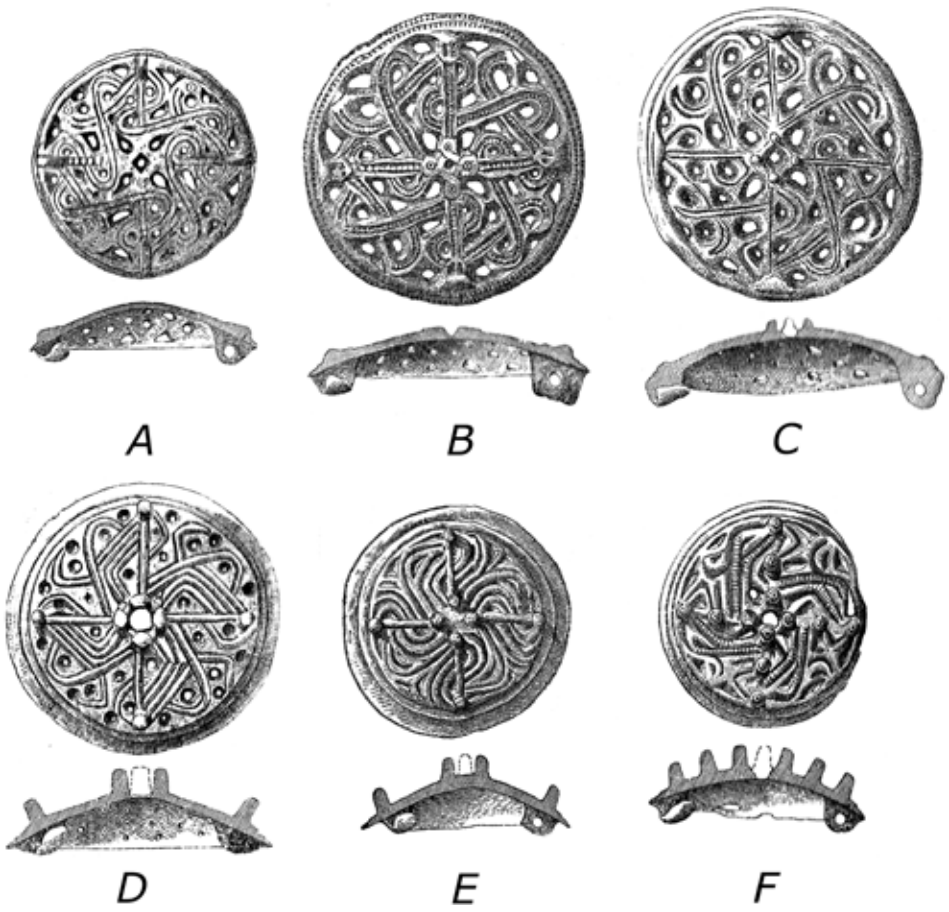


Рис. 4. Типы круглых финских фибул со змееподобным орнаментом (по: *Appelgren*, 1897)

вероятно, второй половиной X в. (*Arbman*, 1940. Taf. 84, *5*; 1943. P. 46, 47. Abb. 32, *1*; *Arwidsson*, 1989. P. 67; *Floderus*, 1931. S. 14, 15. Fig. 15, *3*). Отдельные находки отмечены в Дании (Aros… 2011. P. 40, *2*), Прибалтике и на о. Рюген (*Kivikoski*, 1973. P. 90; *Tõnisson*, 1974. Taf. XXXVIII, *12*). В Карелии круглая фибула типа *B* была обнаружена в составе известного погребального комплекса из Лопотти (*Сакса*, 2010. С. 64, 67. Рис. 12).

Что касается территории Северной Руси, то помимо находки из Верхнего Поволховья мне известно еще о четырех предметах. Одна фибула, относящаяся к типу, промежуточному между *C* и *D*, до Второй мировой войны также хранилась в Новгородском музее, куда поступила в 1887 г. с коллекцией находок из размытого паводком могильника у д. Кривой Наволок в верхнем течении р. Паши (*Носов, Хвощинская, Янссон*, 1994). К сожалению, значительная часть этих артефактов, включая интересующую нас фибулу, во время войны была утрачена. Две фибулы (типа *F*), оказавшиеся недавно в Староладожском музее, происходят из разграбленного кургана у д. Галично, также расположенной в Южном Приладожье (автор благодарит с. н. с. НИИКСИ СПбГУ В.Ю. Соболева и

директора Центра исторических исследований факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в СПб д. и. н. А.А. Селина за предоставленную информацию). Еще одна фибула (типа *D*) была найдена К.Д. Трофимовым в 1908 г. при раскопках кургана Т-37 в могильнике Залахтовье (*Хвощинская*, 2004. С. 83, 257. Табл. CXXXI). В настоящее время это единственный известный на Северо-Западе России экземпляр подобной фибулы с ясным археологическим контекстом.

По мере накопления и осмысления материала система классификации и хронологии круглых финских фибул со змееподобным декором, предложенная Х. Аппельгреном, претерпевала определенные изменения. Так, уже Э. Флодерус, анализируя имеющиеся в его распоряжении находки, охарактеризовал форму одной из фибул как переходную между типами *C* и *D* (*Floderus*, 1931. S. 16. Fig. 1, *4*), а появление застежек типа *E*, следуя за Аппельгреном, рассматривал как «вырождение» более ранних декоративных форм. Для найденных в Швеции фибул типа *C* исследователь определил хронологические рамки как вторую половину X – начало XI в., типа *D* – XI в., типа *E* – конец XI – начало XII в. Фибулы же группы *F*, по его мнению, должны относиться к более раннему периоду, чем тип *E*, т. к. для последних характерна сильная деградация формы (*Floderus*, 1931. S. 19).

Репрезентативная коллекция круглых фибул, полученная в результате раскопок могильника Луистари и других памятников в общине Эура на юго-западе Финляндии, позволила П.-Л. Лехтосало-Хиландер провести детальный анализ этой категории функциональных украшений и выявить особенности их типологической и хронологической эволюции в данном регионе (*Lehtosalo-Hilander*, 1982. P. 93–100). Из всех предложенных Х. Аппельгреном классификационных признаков исследовательница выделила наиболее значимые и четко определяемые для каждого типа фибул. Попытки проследить у более чем 350 предметов другие перечисленные Аппельгреном характерные черты, прежде всего стилистические особенности орнаментации, по ее обоснованному мнению, приводят лишь к росту числа исключений. Ситуация объясняется тем, что украшения изготавливались в течение 200 лет в различных местах, в том числе и таких, где не прослеживается влияние скандинавских звериных стилей (*Lehtosalo-Hilander*, 1982. P. 93).

Еще одним моментом, фиксируемым по материалам Луистари, является значительный хронологический разрыв (более 100 лет) между временем бытования фибул типов *C* и *D*, что отчасти объясняется неполной изученностью некрополя. В то же время, представляется очевидным существование переходных вариантов между этими группами фибул. Выделение таких вариантов в имеющемся материале позволило бы уточнить их датировки (Ibid. P. 97). При общей схожести орнаментальной композиции, характерными чертами фибул типа *C* являются четыре небольших крестообразно сгруппированных выступа вокруг отверстия в центре и отсутствие широкого выступающего поля по краю, а типа *D* – восемь более крупных выступов, четыре из которых также помещаются вокруг центрального отверстия, а остальные расположены на концах осевых линий у края застежки, и широкое поле по краю фибулы. Таким образом, промежуточный тип, по мнению финской исследовательницы, должен иметь 8 выступов на лицевой стороне при отсутствии поля по краю. Именно к этой группе можно отнести некоторые рассмотренные Э. Флодерусом экземпляры из Швеции, в том числе из погребения Bj 104 Бирки,

а также хранившуюся в Новгородском музее фибулу из могильника у д. Кривой Наволок (Ibid. P. 95. Fig. 28, *1*). Что касается украшений типа *D*, наиболее многочисленных и бытовавших значительно более долгий период времени, то в их составе были выделены две хронологические группы, внешне отличающиеся размером и формой поля по краю фибулы.

В целом предложенная П.-Л. Лехтосало-Хиландер хронология всех основных типов круглых фибул со змееподобным орнаментом, базирующаяся на материалах из региона Эура, выглядит следующим образом: типы *A* и *B* – IX в., возможно только 825–875 гг.; тип *C* – 875 (900) – 925 (950) гг.; тип, переходный между *C* и *D* – 925–975? гг.; тип *D narrow-brimmed* (с узким краем) – 950–1000 гг.; тип *D wide-brimmed* (с широким краем) – 1000–1050 гг. Фибулы типов *E* и *F*, как считает исследовательница, могли возникнуть и развиваться параллельно застежкам типа *D* (Ibid. P. 100). Вопрос об использовании этой хронологической шкалы применительно к другим территориям, где были сделаны аналогичные находки, пока остается дискуссионным. Так, нельзя не остановиться на довольно серьезном несоответствии с датировкой по археологическому контексту упоминавшейся ранее фибулы из Залахтовья (тип *D wide-brimmed*). По мнению Н.В. Хвощинской, захоронение в кургане Т-37 «никак не может быть отнесено к XI в. Однако само по себе наличие подобной фибулы в погребении свидетельствует о его древности в сравнении с другими захоронениями этой группы. На наш взгляд, курган № Т-37 может быть датирован… не позднее середины XII в.» (*Хвощинская*, 2004. С. 141). Возможно, причины такого несоответствия могут быть объяснены массовостью и долгим периодом бытования фибул данного типа.

Возвращаясь к находке из Верхнего Поволховья, необходимо отметить, что по морфологическим особенностям она ближе всего к фибулам типа *D narrow-brimmed*, датируемым по материалам Юго-Западной Финляндии второй половиной X в. Вероятнее всего, фибула происходит из разрушенного погребения по обряду кремации, о чем свидетельствуют следы воздействия высокой температуры и деформация предмета. В публикации, посвященной раскопкам Деревяницкого могильника, В.Я. Конецкий отмечает, что в слое мешаного песка, с которым были связаны изучаемые захоронения по обряду ингумации, встречались отдельные кальцинированные кости и оплавленные вещевые находки, относящиеся, по его мнению, к разрушенным погребениям сопки (*Конецкий*, 1984. С. 40). Если рассматриваемый фрагмент фибулы действительно был найден на месте Деревяницкого могильника, то он может относиться к одному из этих разрушенных комплексов. В то же время, нельзя исключать появления на определенном этапе функционирования некрополя погребений по обряду кремации, непосредственно не связанных с возведением находившейся здесь насыпи. Как уже говорилось, центральная часть могильника еще до начала раскопок была уничтожена карьером. По оценке исследователя, количество захоронений могло быть в 2–3 раза большим. Круг вещевых находок, выявленных при изучении рва и останца сопки, датируется VIII–X вв. Ее разрушение, вероятнее всего, нужно связывать с актом «крещения» новгородцев в конце X в. Наиболее же ранние из зафиксированных трупоположений относятся к первой половине XI в. (*Конецкий*, 1984. С. 40, 57; *Кузьмин*, 1995. С. 88). Появление новых погребений по обряду кремации после уничтожения языческого могильника маловероятно.

Вещевой комплекс, полученный при изучении рва сопки, включает в себя сошник, косу, нож с небольшим уступчиком, фрагмент литого круглого браслета с сужающимися концами (?), обломок узкого пластинчатого перстня и чуть более десятка бусин, в основном оплавленных, кроме того, в заполнении рва собраны многочисленные фрагменты лепной керамики. Можно попытаться приблизительно вычислить время сооружения и существования погребальной насыпи, опираясь на находки бус, по крайней мере, те из них, что однозначно связаны с захоронениями и не окончательно расплавились в огне погребального костра. Внимание привлекают два экземпляра (одна целая и фрагмент) цилиндрических мозаичных пронизок (НГМ КП 31899/А 45-278), относящихся к группе I, по З.А. Львовой, с «глазками, имеющими в центре шахматный рисунок в виде крестика». Большая часть пронизок этой категории, в целом датирующихся периодом VIII–X вв., по материалам Старой Ладоги зафиксирована на уровне построек горизонта Д, датируемого X в. (*Львова*, 1968. С. 65–67, 91. Рис. 1, *11, 13*). Необходимо отметить, что оба экземпляра из рва деревяницкой сопки не имеют следов воздействия огня и не могут напрямую быть связаны с погребальными комплексами. Еще одна бусина (НГМ КП 31899/А 45-281), тип которой может быть определен достаточно точно, относится к группе VIII – подгруппе 2, по З.А. Львовой, включающей в себя продольно-полосатые пронизки и «лимонообразные» бусы. Деревяницкий экземпляр украшен широкими синими и печеночными полосками, чередующимися с тоненькими белыми. В Старой Ладоге такие бусы появляются в нижних слоях VIII–IX вв., соответствующих горизонту Е (*Львова*, 1968. С. 85. Рис. 1, *26*). Желтый рубленый бисер представлен двумя отдельными бусинами и оплавленной многочастной пронизкой (НГМ КП 31899/А 45-277, 279). Развитие данного типа бус наиболее полно было прослежено на материалах Старой Ладоги, а в дальнейшем нашло подтверждение в материалах Рюрикова городища. В культурных напластованиях этих памятников желтый бисер доминировал в слоях второй половины IX – середины X в., позднее, со второй половины X в., уступая место зеленому (*Рябинин*, 1982. С. 169; *Носов*, 1990. С. 81). В еще одном фрагменте сплава бус из рва деревяницкой сопки отчетливо прослеживается обожженная четырнадцатигранная бусина из сердолика (НГМ КП 31899/А 45-283). На Северо-Западе Руси аналогичные бусы датируются в основном X–XI вв. (*Давидан*, 1998. С. 123, 124). Даже такой поверхностный анализ имеющихся материалов, на мой взгляд, позволяет с осторожностью отнести возведение сопки, открытой в Деревяницком могильнике, ко второй половине IX – середине X в., а вероятнее всего, это произошло в первой половине X в. Еще одним аргументом для подобной датировки является отсутствие в заполнении сопочного рва раннекруговой керамики, которая появляется в центральном Приильменье, прежде всего на Рюриковом городище, в первые десятилетия X в., а к середине того же столетия уже господствует в Новгороде и появляется в значительном количестве на поселениях центрального Приильменья (*Носов, Горюнова, Плохов*, 2005. С. 74, 119, 135. Табл. 144).

Таким образом, некрополь с погребениями по обряду кремации, важной составляющей которого была погребальная насыпь, расположенная на окраине селища в Деревяницах, возможно, просуществовал всего около 150 лет и был уничтожен в конце X в. В какой-то момент здесь могло быть совершено захоронение, содержащее круглую финскую фибулу типа *D narrow-brimmed*, по классификации

Аппельгрена – Лехтосало-Хиландер. С учетом времени появления фибул данной группы в Юго-Западной Финляндии, вероятнее всего, это произошло во второй половине X в.

В заключение необходимо отметить, что находка в ближайших окрестностях Новгорода подобной фибулы, которая могла попасть сюда как непосредственно с территории Финляндии, так и опосредованно через центры Юго-Восточной Скандинавии или Прибалтики, является еще одним важным свидетельством связей населения центрального Приильменья с Прибалтийско-Финским регионом в эпоху викингов (*Носов, Хвощинская*, 2007).

Литература

Давидан О.И., 1998. Сердоликовые изделия из Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 33: Материалы и исследования по археологии Евразии.

Конецкий В.Я., 1984. Древнерусский грунтовый могильник у поселка Деревяницы около Новгорода // Новгородский исторический сборник. Л. Вып. 2 (12).

Кузьмин С.Л., 1995. Крещение и христианизация Новгородской земли: акт и процесс по данным археологии // Церковная археология. СПб; Псков. Ч. 1: Распространение христианства в Восточной Европе: Мат. Первой Всерос. конф. (Псков, 20–24 ноября 1995 г.) / Отв. ред. С.В. Белецкий.

Львова З.А., 1968. Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. I: Способы изготовления, ареал, время распространения // АСГЭ. Вып. 10: Материалы и исследования по археологии СССР.

Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище / Отв. ред. А.Н. Кирпичникова. Л.

Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В., 2005. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья: Новые материалы и исследования. СПб. (Тр. ИИМК РАН. Т. XVIII.)

Носов Е.Н., Хвощинская Н.В., 2007. Связи населения центрального Приильменья с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб. (Тр. ИИМК РАН. Т. XXIV.)

Носов Е.Н., Хвощинская Н.В., Янссон И., 1994. По следам забытой коллекции Новгородского музея (могильник у дер. Кривой Наволок на р. Паше) // Новгород и Новгородская земля: История и археология. СПб. Вып. 8.

Рябинин Е.А., 1982. Бусы Старой Ладоги (по материалам раскопок 1973–1975 гг.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.

Сакса А.И., 2010. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э.: Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.

Хвощинская Н.В., 2004. Финны на западе Новгородской земли: По материалам могильника Залахтовье // Тр. ИИМК РАН. СПб. T.VI.

Янссон И., 1999. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова Городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина / Ред.: А.А. Гиппиус, Е.Н. Носов, А.С. Хорошев. М.

Appelgren H., 1897. De runda djurspännena i Finland. I: Ormspännen // Finskt Museum. Helsingfors. IV.

Arbman H., 1940. Birka Untersuchungen und Studien. I. Die Gräber: Tafeln. Stockholm.

Arbman H., 1943. Birka Untersuchungen und Studien. I. Die Gräber: Text. Stockholm.

Aros and the world of the Vikings: The stories and travelogues of seven Vikings from Aros: Cover illustrations from the exhibition ‘Seven Vikings’. Moesgård Museum, 2011.

Arwidsson G., 1940. De finländska runda spännena med ornering I sen stil II // Fornvännen. 35. Stockholm.

Arwidsson G., 1989. Spangen, Fibeln und Beschläge / Anhänger verschidener Formen // Birka. Untersuchungen und Studien. II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde / Ed. Greta Arwidsson. Stockholm.

Aspelin J.R., 1880. Muinaisjaannoksia Suomen suvun asumus-aloilta. Antiquites du Nord Finno-ougrien. Helsinki. IV.

Floderus E., 1931. Finländska runda «ormspännen» funna i Sverige // Finskt museum. Helsingfors. XXXVII (1930).

Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands: Bildwerk und Text. (Neuausgabe) Helsinki.

Lehtosalo-Hilander P.-L., 1982. Luistari II: The artefacts // Suomen muinaismuistoyhdistys. Helsinki. 2.

Thunmark-Nylén L., 1998. Die Wikingerzeit Gotlands. Stockholm. Bd. 2: Typentafeln.
Tõnisson E., 1974. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh. – Anfang 13. Jhs.): ein Beitrag zur ostbaltischen Frühgeschichte. Tallinn.

Т.С. Дорофеева

Круглые привески с Городища под Новгородом (по материалам раскопа 2011 г.)[1]

T.S. Dorofeyeva. Round pendants from the Gorodishche near Novgorod (on the excavation 2011 data)

Abstract. In 2011, on the Rurik Gorodishche near Novgorod the area of 108 sq. m. was excavated on the site of the memorial sign "Prince's stone." Four individual finds from the collection of nearly 1,500 items came to be of great interest. They were four round pendants made of non-ferrous metals : one with zoomorphic image in "Borre" style, one with the image of Odin and two ravens, a pendant and a pendant-plate with floral ornament in the form of threefold flowers with new stems. The first two pendants refer to the northern type of antiquities, and those next have analogies both in Birka and things complexes of ancient Hungerian population of the Middle Volga – the pre– Urals region. Finds of such pendants suggest that the early medieval Gorodishche near Novgorod was incorporated into the system of the Volga trade route connecting Scandinavia and Eastern countries. Thus, the materials of Novgorod (Rurik) Gorodishche hillfort provide very important keys for salvation of many issues of the initial period of Russian history.

Ключевые слова: Рюриково городище, круглые привески, древности «северного круга».

В 2012 г. Россия отметила 1150-летие государственности, ведущей отсчет от времени прихода князя Рюрика в Новгород. Уже признано, что летописным Новгородом середины IX в. является современное Новгородское (Рюриково) городище, расположенное в 2 км от новгородского Кремля выше по течению на правом берегу р. Волхов. Общая площадь памятника составляет около 10 га. Археологические работы здесь ведутся с 1901 г., а в 1975 г. Новгородская областная археологическая экспедиция под руководством Е.Н. Носова начала планомерное масштабное изучение памятника. В 2011 г. было проведено исследование участка (108 м^2), предназначенного для установки памятного знака «Княжий камень». Раскоп располагался на центральной площадке памятника к юго-западу от ц. Благовещения и на краю Городищенского холма, выходящего к Волхову. Участок находится на береговой линии домов деревни, существовавшей здесь до Великой Отечественной войны. Во время войны по краю высокого берега проходила передовая линия обороны, поэтому культурный слой в этой части памятника представляет собой перемешанный темно-серый гумус, включающий находки от эпохи раннего металла до современных (*Носов*, 2012б. С. 106, 107).

Коллекция найденных в 2011 г. индивидуальных предметов насчитывает почти 1500 экз. Среди них большой интерес вызывают четыре круглые привески из

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке ОИФН РАН в рамках программы «Нации и государство в мировой истории (проект «Древнерусская культура центральных районов Новгородской земли на перекрестках традиций народов Восточной Европы»).

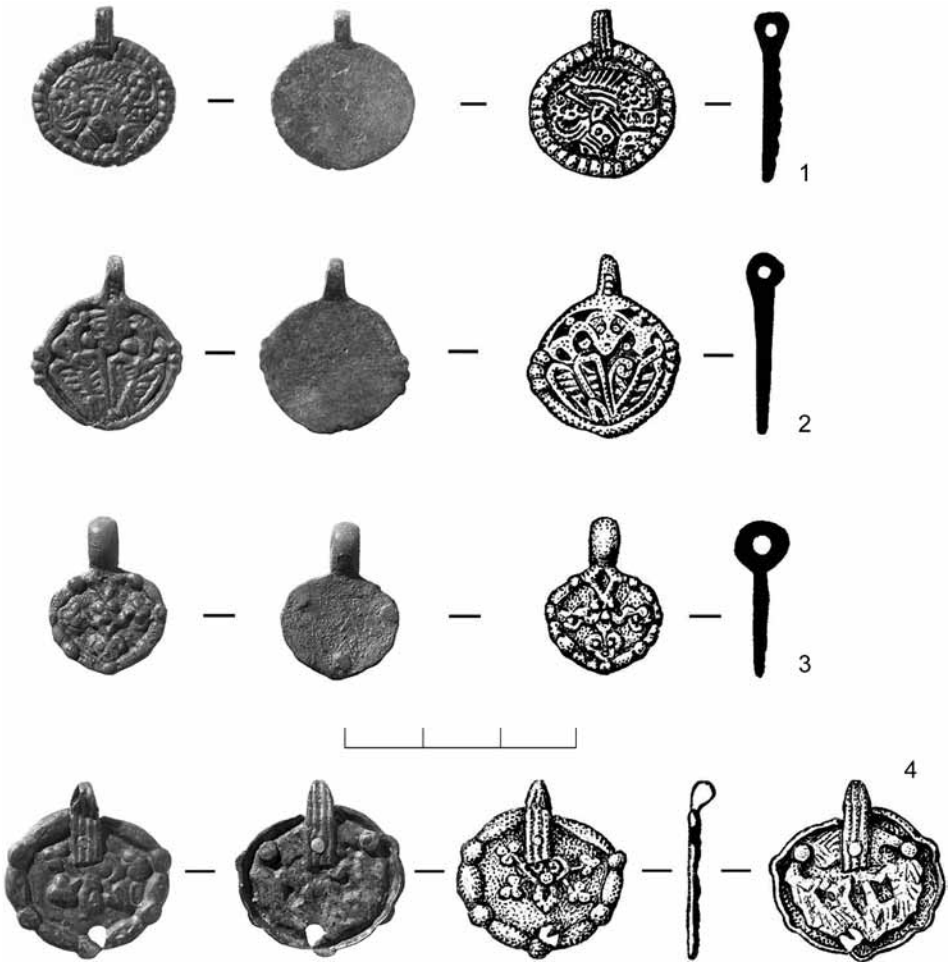


Рис. 1. Круглые привески, найденные на Городище под Новгородом. Фото И.Г. Самоварова, рисунки И.В. Заботиной
1 – с зооморфным изображением в стиле «Борре»; *2* – «Один и вороны»; *3–4* – бляшки-привески с изображением трилистника

цветного металла: на одной имеется зооморфное изображение в стиле «Борре» (рис. 1, *1*), на второй – сюжет «Один и вороны» (рис. 1, *2*), на третьей и четвертой привесках с ободками из вытянутых перлов – орнаменты в виде трехлепестковых цветков с побегами (рис. 1, *3, 4*) (*Носов и др.*, 2012. Рис. на с. 84, 85). Привески были расчищены реставратором ИИМК РАН Н.С. Кургановым. Две первые привески можно отнести к северному кругу древностей, а аналогии двум последним есть как в материалах Бирки, так и в угро-мадьярских вещевых комплексах Среднего Поволжья – Приуралья.

Первая привеска (НОЭ-11, РГ-6; кв. 2, гл. от –1,15 до –1,45 м, темно-серый мешаный слой) с зооморфным изображением в стиле «Борре» – бронзовая, литая, с гладкой обратной стороной (рис. 1, *1*). Ее диаметр 19 мм, высота с ушком – 22

мм. По краю привески идет бордюр, состоящий из перлов, ушко декорировано тремя продольными валиками. Основой композиции является изображение зооморфного существа, скорее всего змея или дракона, с извивающимся лентообразным телом. Голова животного анфас отделена от туловища двумя линиями. Эта привеска – не первая в коллекции Городища находка с зооморфным изображением в стиле «Борре». Так, серебряная привеска с похожим зооморфным изображением была найдена в 2008 г. на центральной площадке памятника к юго-востоку от ц. Благовещения в черном слое X в. при разборке заполнения древнего рва, разделявшего укрепленную и неукрепленные части поселения IX–X вв. (*Носов и др*., 2012. Рис. на с. 84). В материалах могильника Бирка известны две позолоченные бронзовые привески с подобными изображениями, происходящие из женских захоронений Bj. 823 и Bj. 884 (*Arbman*, 1940. Taf. 99, *1, 2*; 1943. S. 296, 344. Abb. 290; *Callmer*, 1986. S. 23).

В раннем средневековье стилизованные изображения змее-драконов были необычайно популярны в искусстве Северной Европы. Ими декорировались самые различные предметы из разнообразных материалов – от деревянных штевней кораблей, изголовий кроватей и деталей саней до ювелирных украшений. К последним относятся, например, скульптурное изображение в виде головы змеи-дракона с открытой пастью на верхнем конце стержня-острия из погребения Bj. 308 или изображение на трехлистной фибуле из погребения Bj. 839 могильника Бирки (*Arbman*, 1940. Taf. 154, *2*; 75, *6*; 1943. S. 313). В коллекции находок с новгородского Городища также есть несколько предметов из цветного металла с изображениями змеи или дракона – например, подковообразная фибула со звериными головками (*Носов и др*., 2012. С. 57), а также два ременных наконечника (НОЭ-06; РГ-927: *Носов и др*., 2006. Рис. 1, *10*; НОЭ-11, РГ-158: *Носов и др*., 2012. Рис. на с. 51). С.С. Рябцева в работе, посвященной ювелирным изделиям, украшенным головками змей и драконов, приводит признаки, по которым можно отличить изображение змеи от дракона: на змеиных головках, «как правило, изображены только круглые глаза и рот (иногда ноздри и чешуя)» (*Рябцева*, 1999. С. 229). К характерным чертам изображения драконов исследовательница относит «часто встречающуюся миндалевидную форму выпуклых глаз, графическое или чаще объемное выделение носа, как правило, переходящего в брови. У дракончиков зачастую изображены и ушки (обычно они прижаты к голове), выделен переход от головы к шее животного (иногда отмечена шерстистость или чешуйчатость тела), на некоторых образцах видны и зубы» (Там же). Змей или дракон, который считается дальнейшим развитием образа змея, – «представленный почти во всех мифологиях символ, связываемый с плодородием, землей, женской производящей силой, водой, дождем, с одной стороны, и домашним очагом, огнем (особенно небесным), а также мужским оплодотворяющим началом – с другой» (*Иванов*, 1991. С. 468–471). С.С. Рябцева отмечает, что «популярность образа змеи в декорировке ювелирных украшений связана, по-видимому, и с ее покровительственной символикой в архаическом сознании» (*Рябцева*, 1999. С. 228). В эпоху викингов «животная орнаментация… пронизана языческими верованиями и магическими представлениями. Известные нам изображения… должны были помогать в жизненной борьбе, отгонять злые силы, привлекать удачу…» (*Гуревич*, 1999. С. 83). Соблазнительно попытаться отождествить изображение на рассматриваемой привеске с образом одного из нескольких великих змеев скандинавской

мифологии: Йормунганда, окружившего кольцом обитаемую землю – Мидгард, и кусающего свой собственный хвост; Нидхёгга, лежащего в колодце Хвергельмир и грызущего один из корней мирового древа Иггдрасиля; Фафнира – чудовищного дракона, стерегущего роковой клад карлика Андвари. Все они относились к чудовищам, воплощающим дикую природную мощь земли и представляющим подземное царство, а потому связывались со смертью и потусторонним миром. Изображения хтонических существ на различных предметах, украшениях, фибулах и т. д. должны были притягивать злобный взгляд недоброжелателя, отвлекая его таким образом от жертвы (*Hedenstierna-Jonson*, 2006. S. 314–324). В античное время, например, от сглаза были популярны «горгонейоны» – маски-талисманы с изображением головы Горгоны Медузы со змеями вместо волос. Такое изображение позднее стало характерной чертой византийских, а потом и древнерусских «змеевиков», служивших амулетами от болезней. Возможно, что найденную на Городище бронзовую привеску с наделенным немалой магической силой изображением змее-дракона могла носить скандинавская женщина как символ плодородия или оберег, выполняющий целительно-охранную функцию.

На второй привеске (НОЭ-11, РГ-359; юго-западная часть кв. 8, гл. от –1,8 м до –2,0 м, темно-серый мешаный слой) изображены две птицы с опущенными крыльями, обращенные клювами к голове человека в центре (*Носов и др*., 2012. Рис. на с. 85). Крылья птиц переданы продольными линиями. Ушко также декорировано тремя продольными линиями. Край привески оформлен рельефным ободком, в центре которого справа и слева по три выпуклых перла. Привеска бронзовая, литая, обратная сторона гладкая (рис. 1, *2*). Ее диаметр 18 мм, высота с ушком – 23 мм.

Немногочисленные привески с таким изображением по археологическим материалам известны давно. В разное время о них писали Т. Арне, Э. Юнг, П. Лундстрем, Л.А. Голубева и др. (*Arne*, 1911; 1914; *Jung*, 1928; *Lundström*, 1961; *Журжалина*, 1960; *Голубева*, 1964), но до сих пор не совсем ясен вопрос о количестве находок. Б.А. Рыбаков опубликовал прорисовки трех «серебряных блях-шек», найденных в Курской и Владимирской обл. и, скорее всего, Черниговской (в подписи к рисунку указаны только Курская и Владимирская обл.) (*Рыбаков,* 1951. С. 410. Рис. 198). Н.П. Журжалина перечисляет пять находок: привеска из первой Седневской группы курганов около г. Чернигова (вслед за А.С. Гущиным она приводит ошибочное название памятника – «Седловская»); из гнездовского клада 1868 г.; бронзовая привеска из Владимирских курганов; и, со ссылкой на Т. Арне, две привески из Бирки (*Журжалина*, 1960. С. 137). Л.А. Голубева писала о 10 привесках с рассматриваемой композицией (*Голубева*, 1964. С. 129). По мнению же Г.Ф. Корзухиной, к привескам с изображением «человека с двумя птицами» можно отнести только 6 экземпляров. «Все привески относятся к X в. и совершенно одинаковы по композиции» (*Корзухина*, 1976. С. 138). Г.Л. Новикова, говоря о скандинавских амулетах в материалах Владимирских курганов, перечисляет памятники на территории Древней Руси, где были найдены известные аналогии владимирской привеске: Седнев, Гнездово, Николаевская Белгородская пустынь (*Новикова*, 1990. С. 31). С.Н. Щавелев, со ссылкой на Б.А. Рыбакова, пишет о привеске из кургана близ Николаевской Белгородской пустыни Курской обл. из раскопок Д.Я. Самоквасова, но бронзовой, а не серебряной (*Щавелев*, 2004. С. 192, 193. Табл. 1, *1*).

Нет единого мнения и в отношении интерпретации сюжета на рассматриваемых привесках. Шведские исследователи со времен Т. Арне относят их к «восточному типу», считая, что на них изображен халиф Ал-Нассир с двумя драконами (*Arne*, 1911. S. 37; 1914. S. 164). С ними согласна российская исследовательница Н.П. Журжалина (1961. С. 135). Б.А. Рыбаков, П. Лундстрем и Л.А. Голубева интерпретировали сюжет изображения как «Александр Македонский с грифонами» (*Рыбаков*, 1951. С. 411; *Lundström*, 1961. S. 193–195; *Голубева*, 1964. С. 129). Э. Юнг, чью точку зрения разделила Г.Ф. Корзухина, считал, что на привесках изображен Один с вещими воронами Хугином и Мунином (*Jung*, 1928. S. 338; *Корзухина*, 1976. С. 138, 139). Мнение Э. Юнга и Г.Ф. Корзухиной поддержала Г.Л. Новикова (1990. С. 31). Многие отечественные исследователи, пытаясь понять смысл изображения, в поисках первоисточника обращаются к скандинавской мифологии, поэтому в современной российской археологической литературе за сюжетом «две хищные птицы и человек между ними» закрепилось название «Один и вороны».

Таким образом, в научных публикациях имеются сведения о семи привесках с изображением «Один и вороны»:

1) серебряная привеска из кургана с сожжением у д. Васильки Владимирской губ. (*Спицын*, 1905. Рис. 5; *Arne*, 1911. Fig. 183; 1914. Fig. 304; *Рыбаков*, 1951. С. 410. Рис. 198, *4*; *Корзухина*, 1976. Рис. на с. 136);

2) серебряная привеска из Гнездовского клада 1868 г. (*Гущин*, 1936. Табл. III, *13*);

3) серебряная привеска из кургана у Николаевской Белгородской пустыни (ныне с. Горнали) Суджанского р-на Курской обл. (*Самоквасов*, 1908. С. 212–216; *Рыбаков*, 1949. С. 285; 1951. Рис. 198, *3*; *Щавелев,* 2004. Табл. 1, *1*);

4) серебряная привеска из кургана первой Седневской группы (*Самоквасов*, 1916. С. 52. Рис. 61, № 3444; *Гущин*, 1936. Рис. 5 на с. 34; *Рыбаков,* 1951. С. 410. Рис. 198, *5*);

5) бронзовая позолоченная привеска из погребения девочки Bj. 762 могильника Бирки (*Arne*, 1911. S. 38. Fig. 181; 1914. S. 164. Fig. 302; *Arbman*, 1943. Taf. 95, *5*; 1940. S. 278; *Lundström*, 1961. Abb. 5, 2: *1*; *Jansson*, 1986. S. 43. Abb. 4, *1*; *Корзухина*, 1976. С. 138);

6) бронзовая привеска из погребения в Скеггесте (Швеция, Сёдерманланд, приход Барва) (*Arne*, 1911. S. 38. Fig. 182; 1914. S. 164. Fig. 303);

7) серебряная привеска из клада в Александрхов, окр. Пренцлау, Германия (*Jung*, 1928. S. 338; *Кулаков*, 1995. С. 68. Рис. 1, *6*).

Из учтенных в статье вместе с городищенской находкой 2011 г. восьми привесок пять были найдены в погребениях (три серебряные в курганах с сожжениями в России и Украине, две позолоченные бронзовые в грунтовых захоронениях в Швеции), две серебряные привески – в составе кладов (одна в России, другая в Германии), и одна бронзовая – при раскопках поселения (новгородское Городище).

То, что в самой Швеции известны только две привески, в Германии одна, тогда как в России и Украине – пять, скорее, подтверждает мнение Т. Арне, отрицавшего их скандинавское происхождение. Т. Арне отмечал, что «предметы, найденные в России и имеющие тип существенно скандинавский, представляют заметный местный оттенок, имеют известную печать влияния, восточного или византийского» (*Arne*, 1914. S. 62). И. Янссон также допускает в орнаментации привесок «вос-

точного типа» присутствие элементов северного влияния (*Jansson*, 1986. S. 43–45). Внешне схожие иконографические сюжеты, переходя из одной страны в другую и попадая в новую среду своего бытования, могут быть переосмыслены в соответствии с местными представлениями о мироустройстве и фольклорными традициями. «Многие элементы дружинной культуры, часть из которых – «восточные» (хазарские, иранские, тюркские и др.), были восприняты викингами опосредованно, через Русь» (*Мурашева*, 1997. С. 71–79). Мотив изображения «человека с двумя птицами» на различных предметах, распространившийся в языческой дружинной культуре Руси в X в., у выходцев из северных скандинавских стран не утратил свой популярности и позднее. А.В. Чернецов, отмечая синкретический характер древнерусской дружинной культуры, который отразился в смешении восточных и северных традиций в изделиях местного производства, пишет, что вместе с воинами скандинавского происхождения «на Русь проникали изобразительные мотивы, связанные со скандинавской мифологией. Так, мотив скандинавской мифологии – Один и его вороны, обнаруженный в восточноевропейском материале Г.Ф. Корзухиной, известен на подвесках и литейной форме, найденных на территории Руси» (*Чернецов*, 1988. С. 151). Каменная литейная форма обнаружена в Суздале на усадьбе богатого дружинника XI в. (*Седов, Седова*, 1983. С. 130–138. Рис. 5; *Седова*, 1997. С. 179). На всех четырех сторонах формы искусно вырезаны углубления, служившие для отливки различных предметов, в том числе привески с изображением человека и двух воронов, сидящих на его плечах. На орнаментальной кайме другой подвески, сохранившейся частично, есть руническая надпись: «этот Олафов» (*Седов, Седова*, 1983. С. 135). Это свидетельствует о том, что ремесленник и заказчик были скандинавами. А.С. Гущин обратил внимание на то, что седневская привеска полностью повторяет привеску из гнездовского клада. По его мнению, «обе эти привески, несомненно, сделаны в одной и той же мастерской и отлиты в одной форме» (*Гущин*, 1936. С. 33, 34). Это также указывает на массовость производства. Привески подобного рода обычно украшали наборные пояса, которые были престижными статусными вещами и имели сакральное значение. Изображение Одина – бога войны и покровителя воинов – значительно увеличивало «чудодейственность» вещи, усиливая ее защитную функцию. Возможно, что и найденные в составе двух кладов (Гнездово и Александрхов) привески были положены туда для магической защиты сокрытых ценностей.

Тем не менее, на основании имеющейся информации мы не можем с уверенностью говорить о принадлежности привесок с изображением «Один и вороны» исключительно к мужскому костюму. Так, позолоченная бронзовая привеска с таким изображением из погребения Bj. 762 в Бирке была найдена в захоронении девочки.

Городищенские привески с зооморфным изображением в стиле «Борре» и сюжетом «Один и вороны» найдены в мешаном темно-сером слое. Среди многочисленных находок этого слоя встречены самые разнообразные по времени и функциональному назначению предметы. Здесь было большое количество бус, в том числе одна янтарная, 17 хрустальных и 11 сердоликовых. Кроме того, найдены четыре целых аббасидских дирхама и несколько их обломков, отчеканенные во второй половине VIII – начале IX в. (в основном – монеты Харуна ар-Рашида), верхняя часть бронзового коромысла от весов и бронзовая 14-гранная весовая гирька, фрагмент скандинавской декоративной бронзовой накладки на щит и две бронзовые миниа-

тюрные кресаловидные привески (*Носов*, 2012а). В.Л. Янин отмечал, что «в славянских вещевых инвентарях не только рубежа VIII–IX вв., но даже и всего IX в. находки весов и гирь не отмечены ни разу» (*Янин*, 2009. С. 115). Поэтому, несмотря на факт находки этих двух привесок в мешаном слое, на основании сопутствующего материала, относящегося к раннему периоду поселения на Городище, а также аналогий изображениям, обе привески можно, скорее всего, датировать началом – третьей четвертью X в.

Третья привеска (НОЭ-11, РГ-542; северная часть кв. 4, гл. от –2,2 до –2,4 м, разборка заполнения ямы в кв. 4, 8, 12) – серебряная, литая вместе с петелькой. Диаметр ее 15 мм, высота вместе с петлей 21 мм. На привеске с ободком из «вытянутых перлов» – орнамент в виде трехлепестковых цветков с побегами. На обратной стороне городищенской привески после расчистки стали заметны следы трех штифтов, что указывает на ее первоначальное использование в качестве накладки наборного пояса.

Ременные накладки с изображением разных вариантов трилистника и своеобразным выпуклым бордюром из «вытянутых перлов» характерны для угро-мадьярских памятников Прикамско-Уральского региона конца VIII – первой половины IX в., таких как, например, Большетиганский могильник (погребения 12, 28) (*Халикова*, 1976. Рис. 4, *6, 7*; 5, *3–7*; *Казаков*, 1992. С. 68, 69, 72, 73. Рис. 20; 21). Подобные накладки известны в комплексах древневенгерских могильников Карпато-Дунайского региона X в. (*Fodor*, 1996. S. 375). В.В. Мурашева в работе, посвященной наборным поясам, выделяет ременные накладки, аналогичные рассматриваемой находке, в «особый» вид О1 (*Мурашева*, 2000. С. 51. Рис. 73). Там же проанализированы встречающиеся на ременных пряжках и накладках орнаментальные мотивы (Там же. С. 85–90), получившие в западной научной литературе название «восточного типа» или «постсасанидских» (*Arne*, 1911; 1914; и др.). О сильном влиянии Востока на раннесредневековое искусство писали и дореволюционные российские исследователи (В.И. Сизов, Б.И. Ханенко и др.). Для территории Древней Руси накладки с похожим «рельефным изображением цветка на лицевой стороне» известны в древностях X в. Например, серебряная бляшка из кургана первой Седневской группы, найденная вместе с серебряной привеской с изображением «Один и вороны» (*Самоквасов*, 1916. С. 52. Рис. 61, № 3445; *Спицын*, 1905. Рис. 47).

Штифты городищенской накладки, вероятно, были сточены, когда ее переделывали в привеску к ожерелью. Превращенные в привески литые с петлей бляшки, орнаментированные изображением трилистника, встречаются в некоторых женских погребениях Бирки (например, Bj. 791 и 860B: *Arbman*, 1940. Taf. 95, *3*; 96, *11*).

В заполнении комплекса, из которого происходит рассматриваемая привеска с растительным орнаментом, ряд предметов – фрагменты инструментов, украшений из цветного металла, а также несколько моточков проволоки, – относится к остаткам ювелирного производства. Здесь также было найдено большое количество бус (166, из них 10 хрустальных, 12 сердоликовых, аметистовая и янтарная); подвеска из аметиста; два кусочка янтаря; девять фрагментов дирхамов чеканки азиатских центров Халифата, относящихся ко второму этапу обращения восточных монет на Руси, который датируется примерно 30-ми гг. IX – рубежом IX–X вв. (*Янин*, 2009. С. 116). Два амулета – железный молоточек Тора на круглопроволочном кольце (на

границе темно-серого мешаного слоя, практически в верхней части заполнения постройки) и круглая подвеска с кресаловидной выемкой – говорят о том, что работавший здесь ремесленник или его заказчики были скандинавами. «Анализ керамического комплекса позволяет датировать комплекс третьей четвертью X в.» (*Носов*, 2012а. С. 14, 15).

Четвертая привеска (НОЭ-11, РГ-615; кв. 9, гл. от –2,22 м до –2,47 м, разборка заполнения ямы в кв. 5, 6, 9, 10) – серебряная, позолоченная, литая, с негативным рельефом на обратной стороне, отогнутым вниз бортиком, ободком в виде вытянутых перлов, углубленным фоном изображения. Диаметр привески – 22 мм, высота вместе с накладной петелькой – 23 мм. Петля сделана из узкой тонкой серебряной пластинки с четырьмя рельефными продольными валиками, прикрепленной к привеске с помощью специальной миниатюрной заклепочки. Изношенность петельки говорит о длительном использовании этого украшения. В нижней части привеска повреждена отверстием неправильной формы. После расчистки поверхности на обратной стороне стали заметны следы двух штифтов. Как и в случае с предыдущей привеской, это означает ее первоначальное использование в качестве ременной накладки. Трилистник на бляшке-привеске дополнен изображениями строенных ягод. Как уже говорилось, ременные накладки с «постсасанидскими элементами» в орнаменте известны на территории Урало-Поволжья в угорских древностях (*Халикова*, 1976. С. 158–178; *Казаков*, 1992. С. 68, 69. Рис. 20; 2001. С. 58. Рис. 1, *1, 2, 15, 16*). Серебряную накладку из коллекции Теплоуховых, происходящую из Гайнской волости Чердынского уезда Пермской губернии, А.А. Спицын на основании орнамента датировал VIII–IX вв. (*Спицын*, 1902. Табл. XVII, *36*). Аналогичный декор есть на поясных накладках из кургана у с. Ново-Николаевка Екатеринославской губернии (совр. Днепропетровская обл.) (*Ханенко*, 1902. Табл. XIX, *682, 739, 819*). Кроме уже упоминавшихся выше бляшек-привесок, ременная накладка, подобно городищенской переделанная в привеску с помощью накладной петли из узкой пластинки, есть в погребении Bj. 518 Бирки (*Arbman,* 1940. Taf. 95, *3*).

Найденная на Городище вторая бляшка-привеска происходит из заполнения комплекса, который представлял собой вытянутую по линии северо-запад – юго-восток яму яйцевидной формы. Северо-западная половина ямы в верхней части была нарушена котлованом подвала дома, стоявшего на этом участке до Великой Отечественной войны. Основную категорию находок составили разнообразные бусины (292 экз., из них 25 каменные – 16 хрустальных и 9 сердоликовых). Выделяется хрустальная бусина в виде восьмигранной призмы с пирамидальными концами – тип, который не встречается после 950 г. (*Callmer*, 1977. P. 225). На территории Древней Руси подобные бусы редки и находятся в основном в «дружинных» памятниках IX–X вв. (*Фехнер*, 1959. С. 156). Кроме того, в заполнении найдены пять фрагментов аббасидских дирхамов, относящихся ко второму этапу обращения восточных монет на Руси, две бронзовые весовые 14-гранные гирьки, фрагмент скандинавской равноплечной фибулы, бронзовая игла от булавки, перстень с крестообразно расположенными лапками без вставки. Отметим, что аналогичные перстни часто встречаются в угро-мадьярских погребениях. Так же как и в предыдущем случае, раннесредневековая постройка «по составу керамического комплекса может быть датирована не позднее третьей четверти X в.» (*Носов*, 2012а. С. 18).

Итак, обе привески с изображением трилистника первоначально были ременными накладками. Накладки с подобным декором известны по угро-мадьярским погребениям конца VIII – первой половины IX в. Находки деталей поясной гарнитуры с характерным бордюром «идут полосой от Прикамья и Башкирии через Среднее Поволжье к Подонью. По комплексам вещей они датируются в большинстве IX или IX–X вв. В X в. они в большой массе отмечаются в Паннонии» (*Казаков*, 1972. С. 165). Венгерские наборные пояса были весьма популярны у скандинавов, участвовавших в восточной торговле по Волжскому торговому пути, который связывал Скандинавию со странами Востока. Путь достиг своего расцвета во второй половине IX в. По летописным данным, в это время варяжский князь Рюрик с дружиной обосновался в истоке Волхова (на Городище). В конце IX в. князь Олег подчинил себе Киев и установил контроль над Днепровским торговым путем, который связал два ключевых центра восточнославянских племен – северный, Новгород, и южный, Киев, – «замыкавших основные водные системы континентальной страны и открывавших внешние выходы за ее пределы к морю» (*Носов*, 1999. С. 164). Пересекавший восточнославянские земли путь стал основой позднейшего пути «из варяг в греки», или «Восточного пути», связавшего Балтийское и Черное моря, страны Скандинавии и Византию. Днепровский торговый путь к середине X в. становится первостепенным, а Волго-Балтийский – постепенно утрачивает свое значение. Поэтому наиболее вероятно, что типичные для угро-мадьярских комплексов поясные накладки могли попасть на Городище во время функционирования Волжского торгового пути, т. е. не ранее второй половины IX в., но вряд ли позднее третьей четверти X в., когда активность жизни на поселении заметно снизилась.

И. Янссон, анализируя находки бляшек мужских поясов «восточного типа» эпохи викингов в Швеции, отмечал, что некоторое количество накладок, преимущественно серебряных, использовались женщинами в качестве подвесок (*Jansson*, 1986. S. 43). Мнение И. Янссона о вторичном использовании бляшек «восточного типа» в качестве женских украшений разделяет В.В. Мурашева. На территории Древней Руси она отмечает семь пунктов находок в погребальных памятниках девяти бляшек, переделанных в привески (*Мурашева*, 2001. С. 154–156). Т.А. Пушкина, подчеркивая немногочисленность находок бляшек-подвесок в древностях Швеции и северо-запада России, предполагает, что они могли быть вывезены скандинавами «с территории Среднего Поволжья, тесно связанного с Хазарским каганатом» в качестве своего рода «сувениров» (*Пушкина*, 2007. С. 331). «Мода использовать не вполне понятные в контексте собственной культуры вещицы в качестве украшений характерна для жителей Скандинавии» (*Мурашева*, 2001. С. 155). Не подвергается сомнению то, что в языческом мире мода не затрагивала общего вида традиционного консервативного женского костюма и убора, которые отражали принадлежность его носительниц к определенной этнической, социальной и возрастной группе населения. Строго регламентированные составляющие убора и костюма были сакрализованы и исполняли роль амулетов-оберегов. «Все компоненты костюма, прежде всего украшения, имели особый смысл для носящего («язык украшений», по терминологии Лео Фробениуса)» (*Петрухин*, 1983. С. 174). Но воображение обладательниц украшений или небольших предметов, сделанных в иных землях и привезенных издалека в качестве

своего рода «сувениров» (например, застежки книг с Запада или поясные бляшки с Востока), вполне могло наделять их магическими свойствами. Над такими предметами местная нечистая сила не должна была иметь власти, а следовательно, была бессильна в причинении вреда владелице украшения. Таким образом, прикрепленные к ожерелью в качестве привесок книжные застежки или ременные бляшки могли выполнять в уборе роль дополнительного оберега, укрепляя защиту от злокозненного воздействия различных колдовских сил.

Неизвестно, попали ли накладки на Городище в одно время или в разное, переделали их в привески здесь или в Скандинавии, а также когда эти предметы выпали в культурный слой. Вполне вероятно, что разновременные бляшки-привески оказались в заполнении комплексов в конце X в., когда обе постройки могли разобрать, а сами ямы, одновременно с городищенским рвом, засыпать культурным слоем, накопившимся за первый период существования поселения. Таким образом, обе рассмотренные бляшки-привески могут быть датированы второй половиной IX – третьей четвертью X в.

К числу круглых привесок можно отнести и половину дирхама (НОЭ-11, РГ-320; кв. 6, гл. от –1,8 м до –2,0 м, темно-серый мешаный слой, вес 1,55 г) с пробитым отверстием неправильной формы, которое показывает, что монета вернулась в обращение с ожерелья или убора. Эта монета представляет собой подражание аббасидскому дирхаму, поскольку обе ее стороны являются оборотными (определения монет выполнены А.А. Гомзиным). Но если видимые фрагменты одной стороны воспроизведены грамотно и очень близко к подлинным монетам, то другая сторона имеет явный имитационный характер, поскольку круговая легенда выполнена зеркально и состоит из нечитаемых значков. Близкое по манере исполнения подражание встречено на предположительно хазарской имитации дирхама аль-Мутасима (794–842), багдадского халифа из династии Аббасидов (Zeno.ru. № 77565). По И.Г. Спасскому, в X в. существовали два центра самостоятельной чеканки подражательных монет, более или менее точно повторявших общий тип восточных дирхамов. Один находился в Волжской Булгарии, через которую булгарские дирхамы вместе с восточными уходили из Поволжья на запад и юго-запад. «Второй центр подобной же подражательной чеканки местных дирхемов существовал где-то на юге, в степях Хазарии» (*Спасский*, 1962. С. 26). Отметим, что из заполнения комплекса, где была найдена первая бляшка-привеска, происходит еще одна имитация дирхама (РГ-1196, кв. 26, гл. от –2,0 м до –2,5 м, разборка заполнения ямы в кв. 4, 8, 12, 25–27, обрезок примерно в половину монеты, вес 1,06 г) – подражание дирхаму Аббасидов. Лицевая сторона имитирует аверс монет ал-Мутаваккила, чеканенных в Сурра ман ра'а в 240–247 гг. х., дата искажена – 2(08?, 30?, 40?) г. х., под полем л. с. – ал-Му'тазз биллах. На обратной стороне имя халифа – ал-Му'тасим биллах (218–227 гг. х.). Интересно, что в свое время о подражательных монетах написал Ф.А. Теплоухов: «Арабские монеты не только были хорошо известны пермской чуди, но и… она особенно ценила их в качестве блестящих привесок, которые носились ею на ожерельях и костюме, а может быть, и на головном уборе. На это указывают, как мы уже заметили, дырочки, которыми снабжены почти все находимые в чудских поселениях монеты, а также подвески в виде поддельных куфических монет, встречающиеся между чудскими древностями, и притом довольно часто» (*Теплоухов*, 1895. С. 247–290).

Ф.А. Теплоухов упоминает, что «такие поддельные арабские монеты найдены в Гайнской вол. Чердынского уезда». Напомним, что из Гайнской вол. Чердынского уезда Пермской губернии происходит серебряная накладка из теплоуховской коллекции, которой аналогична вторая городищенская бляшка-привеска. Таким образом, не исключено, что из Пермского Предуралья были вывезены найденные на Городище ременные накладки, переделанные потом в привески, а возможно, и обе подражательные монеты. Это может быть показателем участия некоторых жителей Городища в торговых операциях на территории Пермского Предуралья.

Подводя итог, отметим, что предметы, найденные на новгородском Городище в 2011 г., еще раз отразили не только участие его жителей в деятельности Волжского торгового пути, достигшего своего расцвета во второй половине IX в., но и тесную их связь с Восточной Скандинавией. Наиболее вероятно, что бронзовые привески – с зооморфным изображением в стиле «Борре» и сюжетом «Один и вороны» – являются продуктом местного производства, хотя и могли быть выполнены скандинавскими ремесленниками и/или для скандинавских заказчиков. Серебряные бляшки-привески принадлежали скандинавским женщинам. Таким образом, почти все рассмотренные круглые привески относятся к женским украшениям, которые носили представительницы социальных верхов – жены проживавших на Городище скандинавских дружинников и купцов.

Литература

Голубева Л.А., 1964. Огнива с бронзовыми рукоятями // СА. № 3.

Гуревич А.Я., 1999. Избранные труды. М.; СПб. Т. 1: Древние германцы. Викинги.

Гущин А.С., 1936. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л.

Журжалина Н.П., 1961. Древнерусские привески-амулеты и их трактовка // СА, № 2.

Иванов В. Вс., 1991. Змей // Мифы народов мира. М. Т. 1.

Казаков Е.П., 1972. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. М.

Казаков Е.П., 1992. Культура ранней Волжской Булгарии (этапы этнокультурной истории). М.

Казаков Е.П., 2001. О локализации мадьяр в IX в. // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань.

Кулаков В.И., 1995. Варианты иконографии Одина и Тора V–XI вв. // Славяно-русские древности. СПб. (Древняя Русь: новые исследования. Вып. 2.)

Корзухина Г.Ф., 1976. Об Одине и кресалах Прикамья // Средневековая Русь. М.

Мурашева В.В., 1997. Реконструкция облика древнерусского наборного пояса X–XI вв. (по материалам «дружинных» курганов) // Археологический сборник. Погребальный обряд. М. (Тр. ГИМ. Вып. 93.)

Мурашева В.В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.

Мурашева В.В., 2001. Бляшки-подвески с территории Древней Руси // XIV конф. по изуч. скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М.; Архангельск.

Новикова Г.Л., 1990. Скандинавские амулеты из Владимирских курганов // Тезисы первых Уваровских чтений. Муром.

Носов Е.Н., 1999. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.

Носов Е.Н., 2012а. Отчет о полевых археологических работах Новгородской областной экспедиции в 2011 году // Научный архив ИИМК РАН, РА. Ф. 35. Оп. 1.

Носов Е.Н., 2012б. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь IX–X вв. М.

Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Смирнов А. М., Хвощинская Н. В., Юшкова М. А., 2007. Раскопки на Городищенском холме // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Мат. науч. конф. (Великий Новгород, 2007). Вып. 21.

Носов Е.Н., Хвощинская Н.В., Медведева М.В., 2012. Новгородская Русь: рождение державы. Свидетельства из глубины столетий. СПб.

Петрухин В.Я., 1983. Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1981 год. М.

Пушкина Т.А., 2007. Сувениры Аустровега // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Мат. междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия). СПб.

Рыбаков Б.А., 1949. Ремесло Древней Руси. М.

Рыбаков Б.А., 1951. Прикладное искусство и скульптура // История культуры Древней Руси: Домонгольский период. М. Т. II: Общественный строй и духовная культура.

Рябцева С.С., 1999. Змеи и драконы: О продолжении одной античной традиции в ювелирном деле эпохи средневековья // Скифский квадрат. Кишинев. (STRATUM plus. № 3.)

Самоквасов Д.Я., 1908. Могилы русской земли. М.

Самоквасов Д.Я., 1916. Могильные древности Северянской Черниговщины: Посмертное изд. М.

Седов В.В., Седова М.В., 1983. Древний Суздаль: Археологическое исследование // Вестник АН СССР. М.

Седова М.В., 1997. Скандинавские древности Суздаля и его округи // XIII конф. по изуч. истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М.; Петрозаводск.

Спасский И.Г., 1962. Русская монетная система. Л.

Спицын А.А., 1902. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // Материалы по археологии России. СПб. Вып. 26.

Спицын А.А., 1905. Владимирские курганы // Изв. Археолог. комиссии. СПб. Вып. 15.

Теплоухов Ф.А., 1895. Древности пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути // Пермский край. Пермь. Т. 3.

Фехнер М.В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ. Вып. 33.)

Халикова Е.А., 1976. Больше-Тиганский могильник // СА. № 2.

Ханенко Б.И. и В.Н., 1902. Древности Приднепровья. Эпоха славянская (VI–XIII вв.). Киев. Вып. V.

Чернецов А.В., 1988. О языческой дружинной культуре Черниговщины // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев.

Щавелев С.П., 2004. Лунница и крест (начало христианизации Курского Посеймья по данным археологии) // Деснинские древности. Брянск. Вып. III.

Янин В.Л., 2009. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.

Arbman H., 1940. Birka I: Die Gräber. Untersuchungen und Studien: Tafeln. Stockholm.

Arbman H., 1943. Birka I: Die Gräber. Untersuchungen und Studien: Text. Stockholm.

Arne T.J., 1911. Sveriges förbindelser med Osten under vikingatiden // Fornvännen. København. Årg. 6.

Arne T.J., 1914. La Suède et l'Orient: Études archéologiques sur les relations de la Suéde et de l'Orient pendant l'âge des Vikings. Uppsala.

Callmer J., 1977. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D. Lund.

Callmer J., 1986. Gegossene Schmuckanhänger mit nordischer Ornamentik // Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stokholm.

Fodor I., 1996. The Ancient Hungarians: Exhibition Catalogue (March 16 – December 31, 1996). Budapest.

Jansson I., 1986. Schmuckanhänger von orientalieschem Typ // Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stokholm.

Jung E., 1928. Altgeweihte Stätten // Archäologische Beiträge zur deutschen Rechtsgeschichte u. Glaubensgeschichte. Mannus. 6. Erg.-Bd.

Hedenstierna-Jonson C., 2006. Borre style metalwork in the material culture of the Birka warriors // Fornännen. Stockholm. Vol. 101.

Lundström P., 1961. The man with the captive birds // Acta Archaeologica. Bd. 31 (1960).

П.Г. Гайдуков, О.М. Олейников

Новгородский буллотирий XIV в.

P.G. Gaidukov, O.M. Oleinikov. Bullotiry from the excavations of Novgorod in 2011.

Abstract. The archaeological season of 2011 will be remembered as the season of the first ancient Russian bullotiry – a tool for making hanging seals. The bullotiry found in Novgorod the Great, is the first in Russia and the fifth in the world. The bullotiry was found in the well of one of the estates on the territory of the excavation Dobrynin-2 at Sophia side in the historic center of Novgorod the Great. The well was a log construction, built of birch and aspen, dated by the XIV century on ceramic finds.The Old Russian bullotiry is much like a Byzantine model, dated by the XI–XII centuries.

In form this is iron hinge tongs with long handles and a cylindrical working surface ("lips"). The difference is that in four Byzantine bullotiries "lips" are in the form of elongated cylinders, and in the ancient Russian one they have a shortened form. On the outer surface of the Novgorod bullotiry there are clearly visible traces of hammering. The bullotiry is well preserved, its length is 20.5 cm, and the maximum extension of handles is 5.5 cm, the diameter of the working surface of the lips is 2.5 cm. The weight is 446 g.

After restoration work it became possible to read mirror inscriptions carved on the bullotiry. On one side a three-line inscription "ESIF'S SEAL" is easily read. On the other side there is a four-line inscription, seen worse, pre-read as " ZAKHARY'S SEAL." The surface of this working section is dotted with blows of a sharp object. On the left there is another, earlier inscription, which underwent an attempt of being erased and replaced by a new one.

The alternation of names "Esif" and "Zakhary" suggests that the bullotiry belonged to a family clan of boyars of Plotnickiy konec (district), who were permanent representatives in posad-nichestvo from the late XIII century to the year 1409. It speaks about Zakhary Mikhailovich (son of Michael Pavshinich) and his sons – Andreyan Zakharievich and Esif Zakharievich (Es'ka). This assumption needs further research.

Ключевые слова. Буллотирий, вислая свинцовая печать, Византия

6 августа 2011 г. в Великом Новгороде найден древнерусский буллотирий – инструмент для изготовления вислых печатей (рис. 1; 2). Покрытый слоем ржавчины железный предмет, похожий на клещи, обнаружен при работах хоздоговорного отряда Новгородской археологической экспедиции ИА РАН.

Практика удостоверения официальных документов металлическими привесными печатями пришла на Русь из Византии в конце X в. Печати свидетельствовали о подлинности скрепленного ими документа, защищали его от дополнительных несанкционированных приписок и подтверждали личность владельца печати. К середине 2012 г. зарегистрировано около 8500 древнерусских печатей X–XV вв. (преимущественно свинцовых), из которых издано более 3700 (*Гайдуков, Янин*, 2008. С. 62).

Право удостоверения документов на Руси принадлежало лишь представителям высшей светской и церковной власти – князьям, митрополитам, епископам, посадникам или чиновникам их административного аппарата. Когда представитель власти умирал или сходил с политической сцены, инструмент для изготовления его печати немедленно уничтожался во избежание фальсификаций. Именно поэтому находки буллотириев чрезвычайно редки.

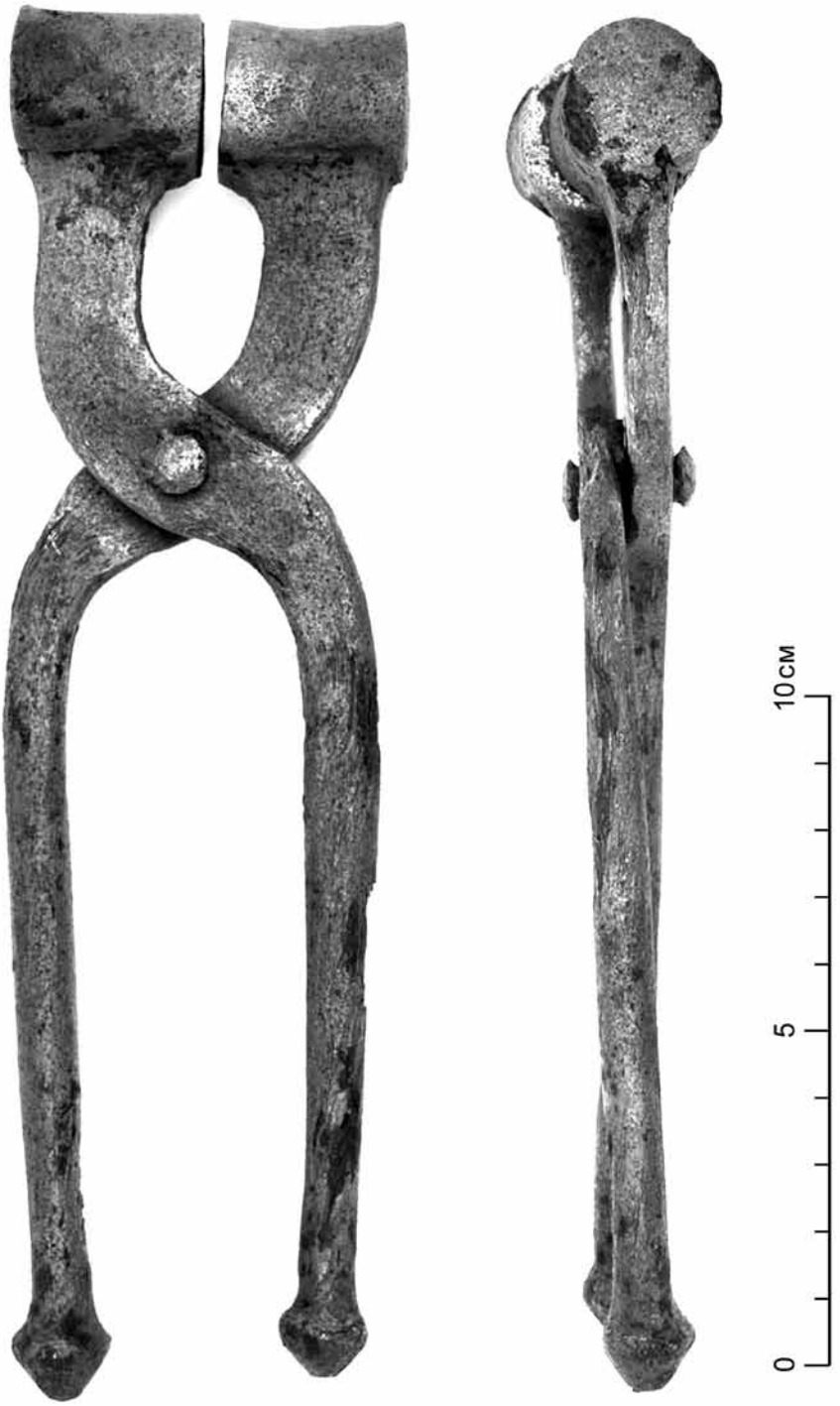


Рис. 1. Новгородский буллотирий XIV в. Фото Е.В. Гордюшенкова

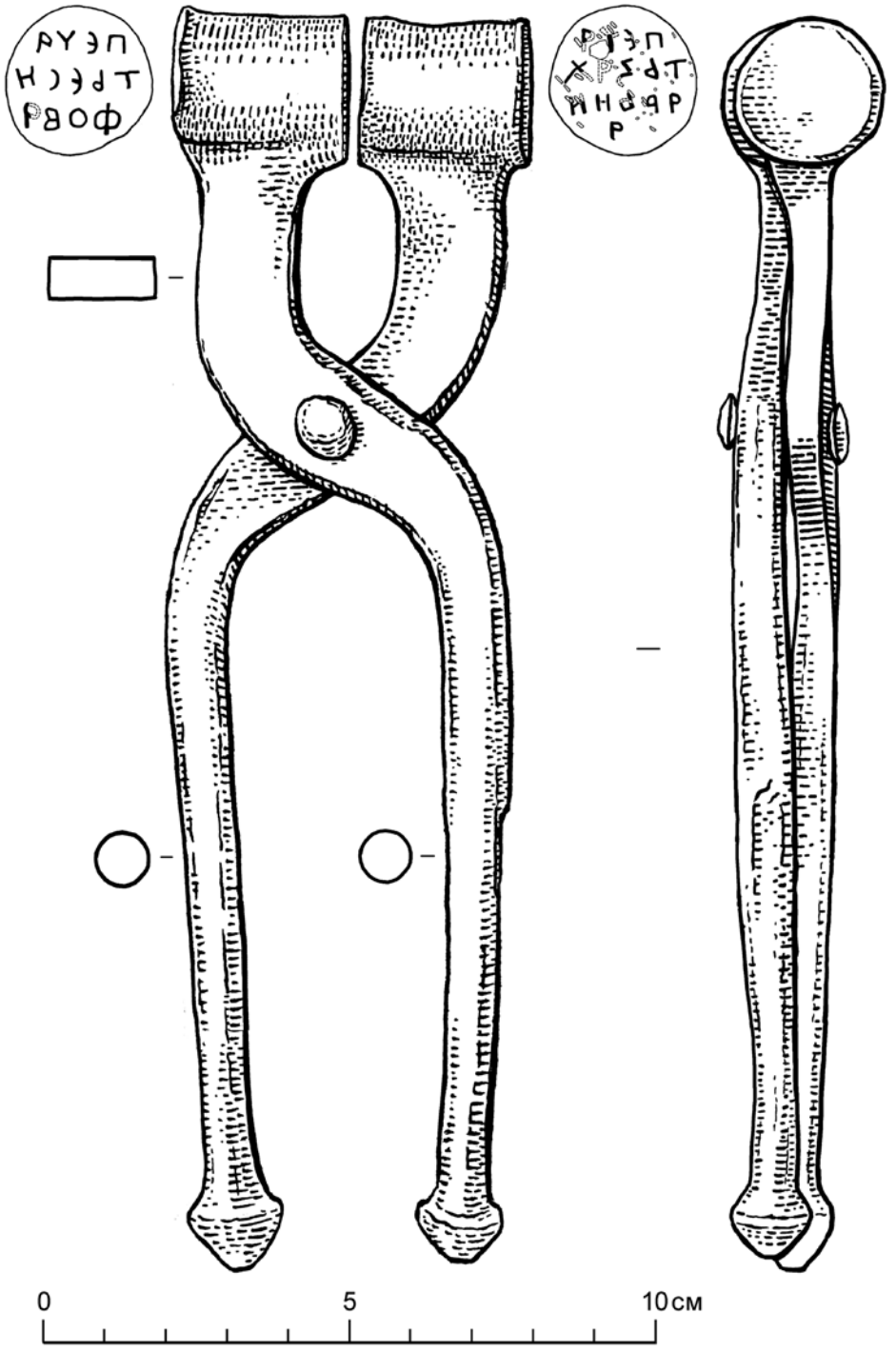


Рис. 2. Новгородский буллотирий XIV в. Рисунок Н.С. Сафроновой

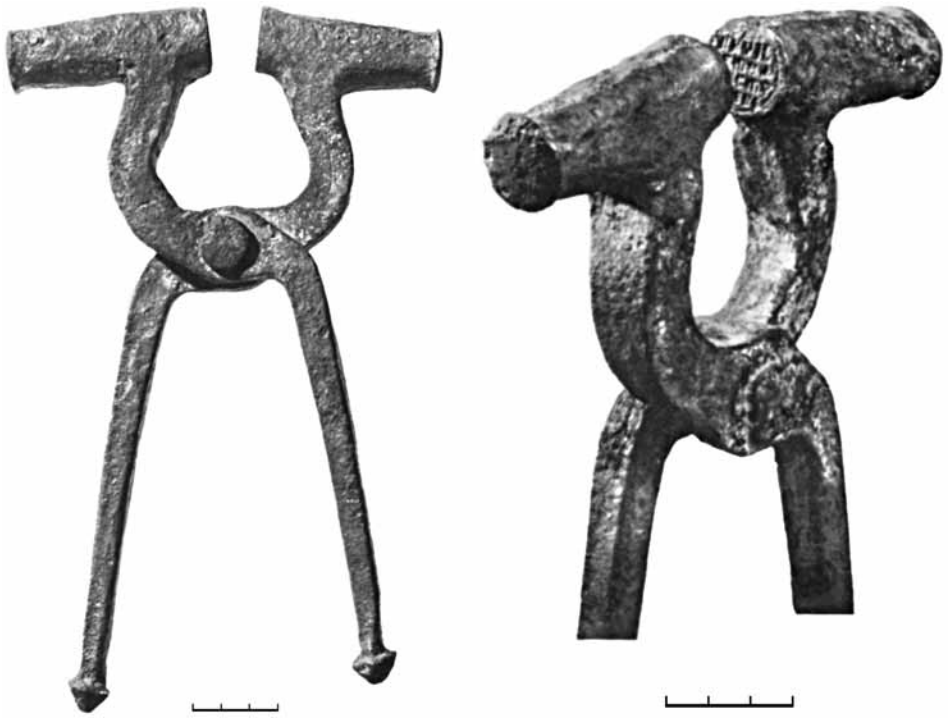


Рис. 3. Византийский буллотирий XI в. (по: *Zakos, Veglery*, 1972. Pl. 1; 2)
а – общий вид; б – фрагмент

Публикуемый инструмент найден при археологических работах в историческом центре Великого Новгорода, на раскопе Добрынин 2 на Софийской стороне. В древности он был выброшен в колодец, расположенный на задворках одной из средневековых усадеб. Колодец представлял собой сруб размерами 1,3×1,3 м, сложенный из бревен березы и осины. По обнаруженной в его заполнении керамике установлено, что колодец функционировал в XIV в.

Буллотирий из Новгорода по своим размерам и конструкции очень похож на византийские образцы, которых известно 4 экземпляра (рис. 3а, б). Все они датируются XI–XII вв. Конструктивно это железные шарнирные клещи с удлиненными ручками и цилиндрической плоской рабочей частью – «губами». Отличие состоит лишь в том, что у всех византийских инструментов рабочая часть имеет форму удлиненных цилиндров, а у древнерусского – укороченных. На внешних торцевых поверхностях новгородской находки хорошо видны следы ударов, что может свидетельствовать об использовании буллотирия по назначению (рис. 4). Инструмент выкован из железа и хорошо сохранился. Его длина 20,5 см, максимальное расширение ручек 5,5 см. Длина рабочей поверхности в сведенном положении 5,6 см, диаметр «губ» 2,5 см. Вес предмета после реставрации 446 г.

Это первый доподлинно русский буллотирий, обнаруженный на территории средневековой Руси. С.В. Белецкий относит к их числу два железных инструмента в виде клещей с плоскими «губами», найденных археологами в древнерусских го-

Рис. 4. Новгородский буллотирий XIV в. Фрагмент. Фото Е.В. Гордюшенкова

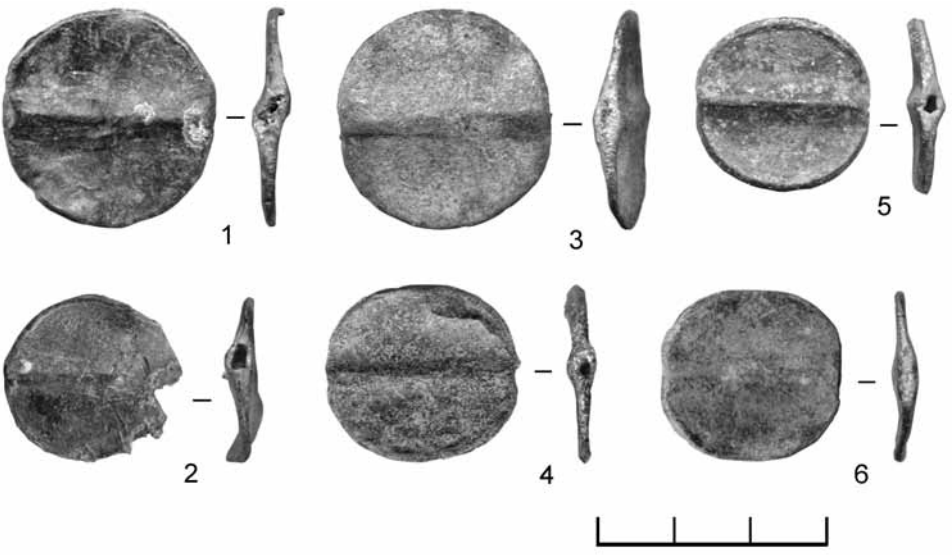


Рис. 5. Свинцовые заготовки печатей XIV–XV вв. Новгород, Десятинный раскоп.
Фото О.М. Олейникова

Рис. 6. Надписи на рабочих поверхностях буллотирия. Реставрация С.Е. Торопова, фото Е.В. Гордюшенкова, прорись Н.С. Сафроновой

родах Новогрудке (в слое XIII в.) и Воине (в слое XII в.) (*Белецкий*, 2001. С. 13, 14). Однако только на основании опубликованных рисунков этих предметов, без визуального осмотра и специального исследования, однозначно атрибутировать их как инструменты для изготовления печатей преждевременно. По размерам эти предметы в два раза меньше новгородского буллотирия (*Гуревич*, 1981. С. 98, 99. Рис. 77, *6*; *Довженок, Гончаров, Юра*, 1966. С. 95. Табл. V, *7*). Если они и относятся к области древнерусской сфрагистики, то могли использоваться лишь для оттискивания свинцовых товарных пломб.

Находка новгородского буллотирия свидетельствует, что техника изготовления древнерусских печатей была аналогична византийской традиции. Инструментом плотно зажимали свинцовую (крайне редко – золотую или серебряную) заготовку, в которую заранее через продольный канал продевался прикрепленный к документу шнур (рис. 5). Торец одного из цилиндров опирался на твердую неподвижную поверхность, а по второму сверху наносился сильный удар молотком. Заготовка расплющивалась и превращалась в печать, прочно закрепленную на шнуре.

После реставрации находки, выполненной С.Е. Тороповым, удалось разобрать зеркальные надписи, вырезанные на его плоской рабочей поверхности

Рис. 7. Зеркальное воспроизведение надписей на рабочих поверхностях буллотирия

(рис. 6; 7). Одна сторона сохранилась хорошо, и трехстрочная надпись читается легко: АЧЕП|НСЕЬТ|АВОФ (ПЕЧАТЬ ЕСИФОВА). Сохранность другой стороны хуже. В древности она была испещрена ударами острого предмета, а в одном месте образовалась глубокая коррозионная каверна размерами 2,5×3,0 мм. Отдельные буквы четырехстрочной надписи здесь плохо различимы или вообще не видны, но реконструировать ее все же удалось: [АЧ]ЕП|Х[А]ЗЬТ|ИНЬРА|А (ПЕЧАТЬ ЗАХАРЬИНА).

Печать, оттиснутая новгородским буллотирием, неизвестна. Подобные двуименные буллы крайне редки. По предложенной академиком В.Л. Яниным классификации древнерусских печатей, они относятся к сфрагистическому разряду двойной принадлежности (рис. 8). В трехтомной серии «Актовые печати Древней Руси X–XV вв.» (*Янин*, 1970а; 1970б; *Янин, Гайдуков*, 1998), содержащей сведения о 2673 древнерусских буллах, насчитываются лишь три печати с именами двух соправителей, широко датирующиеся от третьей четверти XIII до середины XV в. (*Янин*, 1970б. С. 242, № 675а; 215, № 675; 219, № 702.) Из шести владельцев этих печатей по письменным источникам известны лишь два, имевшие различные должности. Это новгородский тысяцкий Кондрат, упоминаемый в грамотах 1264 и 1266 гг., и Иван Прокшинич, названный в новгородской летописи под 1376 г. наместником ве-

Рис. 8. Печати двойной принадлежности XIII–XV вв. (по: Янин, 1979б. № 675а, 675, 702).
а – «Кондратова печать» – «Селивестрова печать», 2-я пол. XIII в.; б – «Печать Иванова Прокшинича» – «Печать Ефимьева», 2-я пол. XIV в.; в – «Печать Степана Павловича» – «Олександра Семеновича?», середина XV в.

Рис. 9. Бронзовая матрица анонимной печати новгородского владычного наместника XIV в. с Новгородского городища. Фото П.Г. Гайдукова

ликого князя Дмитрия Ивановича. Назначение документов, скреплявшихся печатями с именами двух соправителей, не выяснено. Новгородский буллотирий, безусловно, относится к кругу этих редких печатей.

Перекличка имен «Есиф» и «Захария» позволяет высказать предположение, что этот инструмент мог принадлежать семейному клану бояр Плотницкого конца, бывших постоянными представителями среди посадников Новгорода с конца XIII в. по 1409 г. Речь идет о Захарии Михайловиче (сыне Михаила Павшинича) и его сыновьях – Андреяне Захарьиниче и Есифе Захарьиниче (*Янин*, 2003. С. 258, 259, 276, 292, 501, 504, 505).

Новгород, Новгородское городище, окрестности Новгорода и Новгородская земля в целом являются важнейшими сфрагистическими кладовыми средневековой Руси, ежегодно пополняя коллекции новыми свинцовыми печатями, пломбами, а также их заготовками.

В середине 1980-х гг. на Новгородском городище экспедицией под руководством Е.Н. Носова обнаружена створка каменной литейной формы для отливки из свинца заготовок печатей XIV–XV вв. (*Носов*, 1990. С. 129, 131. Рис. 51, *3*; *Носов, Плохов*, 2002. С. 252. Рис. 2). В 1997 г. к ней добавилась бронзовая матрица XIV в. для оттискивания печатей (*Гайдуков, Янин*, 2010) (рис. 9). Теперь обнаружен и сам буллотирий. Эта замечательная находка завершила формирование корпуса материальных свидетельств о важнейших инструментах для изготовления древнерусских свинцовых вислых печатей.

Литература

Белецкий С.В., 2001. Введение в русскую допетровскую сфрагистику. СПб. (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 4.)

Гайдуков П.Г., Янин В.Л., 2008 Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2007 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Мат. науч. конф. Великий Новгород. Вып. 22.

Гайдуков П.Г., Янин В.Л., 2010. Матрица печати новгородского владычного наместника XIV в. с Новгородского городища // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию Е.Н. Носова. СПб.

Гуревич Ф.Д., 1981. Древний Новогрудок (посад – окольный город). Л.

Довженок В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О., 1966. Древньоруське місто Воїнь. Київ.

Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.

Носов Е.Н., Плохов А.В., 2002. Некоторые сфрагистические находки 1985–1988 гг. с Рюрикова городища // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.

Янин В.Л., 1970а. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М. Т. I: Печати X – начала XIII в.

Янин В.Л., 1970б. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М. Т. II: Новгородские печати XIII–XV вв.

Янин В.Л., 2003. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М.

Янин В.Л, Гайдуков П.Г., 1998. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг.

Zakos G., Veglery A., 1972. Byzantine Lead Seals. Basel. Vol. 1. Part 1.

А.В. Шуреев

Керамика Ильменского раскопа в Новгороде: морфологический анализ[1]

A.V. Shureev. Ceramics from the Ilmensky excavation in Novgorod: morphological analysis

Abstract. The Ilmensky excavation of 2009 was carried out in the south– eastern part of the Slavensky end of medieval Novgorod. As far as the excavated area was not enough studied, an additional task to reveal chronological features of ceramics types existence for each of the 4 horizons allocated, was set. For the definition of ceramics types the typology and chronology of Novgorod ceramics of the X–XV centuries based on the materials of the Troitsky XI excavation (Malygin, Gaydukov, Stepanov, 2001) was applied. As a whole similarity of ceramic sets from different districts of the city and tendencies of their development were revealed, as well as features of the material studied.

Ключевые слова: Новгород, керамика, Славенский конец, Троицкий раскоп

Ильменский раскоп был заложен в 2009 г. в юго-восточной части Славенского конца средневекового Новгорода. В археологическом плане данная территория изучена достаточно слабо. В связи с этим определение хронологии культурных напластований и получение информации о характере использования участка имеют большую значимость.

Изучение средневековых отложений позволило сделать несколько заключений по поводу истории данного района. Эта часть городской территории была освоена под жилую застройку в XII в. и впоследствии заброшена на достаточно большой промежуток времени. Затем жилая застройка возникает лишь в последней четверти XIV в. и вновь сменяется в начале XV в. (*Петров*, 2010. С. 24).

По итогам обработки материалов раскопа, на основе стратиграфических особенностей и дендрохронологического датирования сооружений удалось выделить 4 строительных горизонта.

[1] Доклад прочитан на 57-м заседании семинара в 2011 г.

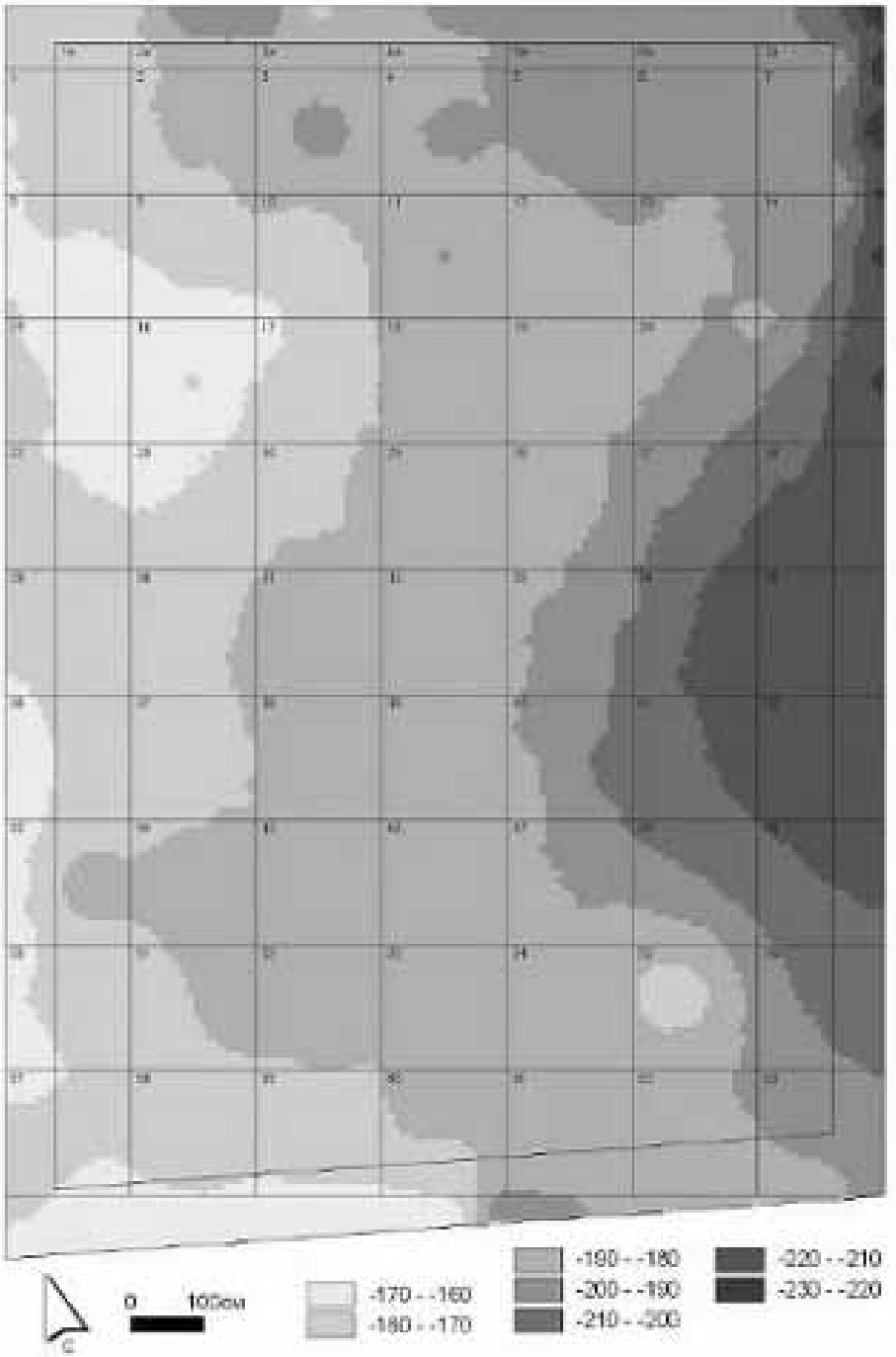


Рис. 1. Поверхность горизонта 1

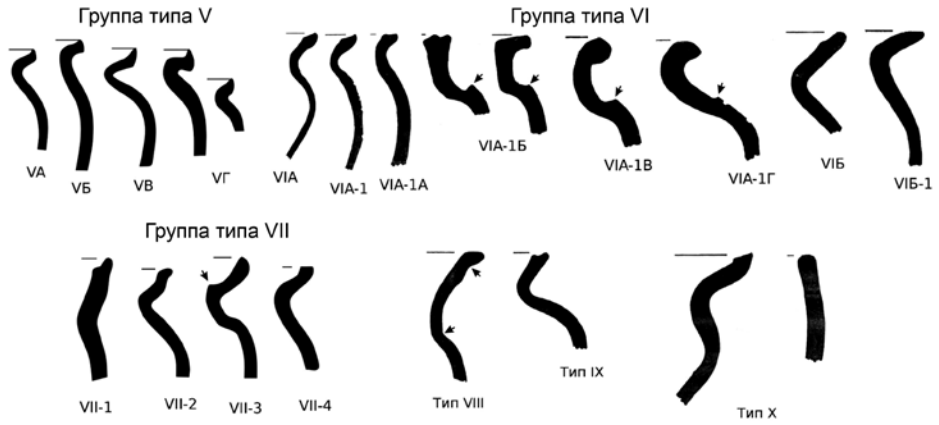


Рис. 2. Типы керамики

В связи со слабой изученностью территории была поставлена дополнительная задача: выявить хронологические особенности бытования типов керамики для каждого горизонта. Для этого при проведении археологических исследований вся обнаруженная керамика бралась в коллекцию поквадратно. В результате отбора керамическая коллекция составила 33000 фрагментов, из них 25345 – стенки, 5885 – венчики, и 1760 – донца (хочется выразить благодарность М.А. Козыревой за активное участие в обработке керамического материала).

При исследовании керамической коллекции для определения типов керамики были применены типология и хронология, разработанные для новгородской керамики X–XV вв. по материалам Троицкого XI раскопа (*Малыгин, Гайдуков, Степанов*, 2001. С. 82–97). Основной метод типологии определен авторами как визуальная классификация профилей верхней трети сосудов с учетом комплекса морфологических, декоративных и технологических признаков и особенностей.

Целью работы является изложение результатов изучения типов керамики Ильменского раскопа, их распределение в выделенных хронологических периодах и сравнение полученных данных с типологией и хронологией керамики Троицкого XI раскопа.

Относительно точному распределению типов керамики в выделенных строительных горизонтах способствовала их поквадратная выборка, это позволило соотнести для каждого горизонта квадраты с перекопами и произвести их сложение или вычет в пользу определенного горизонта. При изучении керамической коллекции подбирающиеся фрагменты керамики склеивались, что в какой-то степени сократило количество обрабатываемого материала (примерно на 1500 фрагментов венчиков).

К горизонту 1 отнесен комплекс сооружений, выявленный в нижних напластованиях раскопа. Наиболее вероятно, что культурный слой, отложившийся за время существования и использования этого комплекса, после ухода жителей подвергся воздействию процессов почвообразования, в результате чего возник так называемый «слой запустения». Плохая сохранность дерева не позволила применить метод дендрохронологического датирования, но вещевой комплекс датирует данный горизонт не ранее XII в.

Для более точного определения верхней границы была построена поверхность горизонта, которая имеет сложный рельеф, частично охватывая пласты 17–22 (рис. 1). Также по характеру вещевого комплекса к данному горизонту была отнесена серия материковых ям. Керамика представлена мелкими фрагментами, что затрудняло ее обработку.

Распределение керамики в горизонте показывает следующую картину (табл. 1): здесь преобладают сосуды групп V, VII, VIБ, VIII и IX (рис. 2). Также отмечено присутствие в горизонте керамики типов VIA-1Б, VIA-1В, VIA-1Г, которые, по хронологии Троицкого XI раскопа, появляются лишь в середине XIV в.

Таблица 1. Распределение типов керамики в горизонтах Ильменского раскопа

Типы	Горизонты			
	1	**2**	**3**	**4**
VA	90	37	48	31
VБ	26	6	16	6
VB	7	-	1	2
VГ	13	5	5	5
VIA	4	-	-	-
VIA-1	32	16	41	21
VIA-1A	6	5	3	-
VIA-1Б	74	80	172	136
VIA-1B	24	28	78	42
VIA-1Г	4	2	-	2
VIБ	8	2	2	1
VIБ-1	19	-	4	1
VII-1	7	-	-	-
VII-2	59	3	4	1
VII-3	4	2	-	4
VII-4	27	4	9	5
VIII	7	1	-	-
IX	8	3	-	-
X-XI	1	15	-	2
Вне типов	77	46	157	139

Количественные пики распределения выделенных типов в пластах показывают, что сосуды группы V, типа VIБ-1, групп VII и IX характерны для нижней части горизонта (пласты 22–24). В пластах верхней части горизонта (пласты 19–21) преобладают сосуды группы VIA. Верхняя часть горизонта является зоной перемешивания. Подтверждают этот вывод наблюдения над распределением в культурном слое фрагментов керамики от одного сосуда, которые фиксируются в диапазоне двух-трех пластов (20–30 см).

Керамика, выделенная по морфологическим признакам в группу вне типов (рис. 3), распределена в пластах горизонта достаточно равномерно (табл. 1). Данные фрагменты не находят соответствий внутри выделенных групп и их, скорее всего,

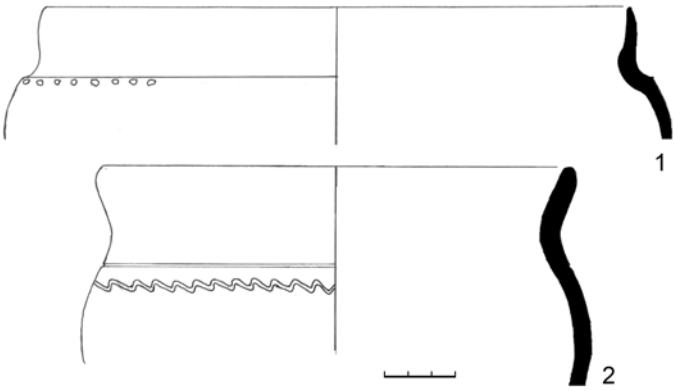


Рис. 3. Горизонт 1. Формы сосудов вне типологии

следует считать венчиками индивидуальных форм. Однако они не выбиваются из хронологических рамок горизонта. Также в горизонте 1 обнаружены фрагменты амфор.

Промежуточный горизонт 1/2 представлен отпечатком сруба, не ориентированного на уличную трассу горизонта 1, но перекрытого «слоем запустения», что также не позволяет отнести его к горизонту 2. Можно предполагать, что в какой-то период времени между разрушением горизонта 1 и возникновением горизонта 2 на этом участке возникает краткосрочная застройка. Однако ни убедительной интерпретации застройки, ни ее хронологических рамок установить не удалось. Вещевой материал, связываемый с этим сооружением, малочислен и не содержит предметов с узкой датировкой. В то же время, необходимо отметить, что практически все обнаруженные стеклянные браслеты концентрируются около этого сооружения.

Обращает на себя внимание распределение типа VIБ-1, максимум которого приходится на пласт 22 (здесь же расположен отпечаток сооружения). Кроме того, зачастую такая керамика встречается в квадратах, где были обнаружены стеклянные браслеты. Также в пласте 22 зафиксированы численный максимум керамики типов VГ, VII-3 и IX и полное отсутствие типов VII-1 и VIБ.

Следующий этап освоения территории приходится на 70–80-е гг. XIV в. (горизонты 2 и 3). В связи с небольшим временным промежутком между выделенными горизонтами керамика имеет схожие закономерности бытования. Общей закономерностью для данных горизонтов является возрастание керамики группы VI в горизонте 2 и ее полное доминирование в горизонте 3.

Отмечено резкое снижение типов керамики, которые активно бытуют в горизонте 1, но в целом они имеют достаточно стабильное присутствие. Из выделенных горизонтов происходит керамика, которая имеет западноевропейское происхождение. Это фрагменты «рейнской керамики» – более 50 обломков.

Керамика, представленная в группе вне типа, имеет морфологические особенности, что отличает ее от керамики группы VI (рис. 4, *1–3*). Отличием является то, что выделенные сосуды не имеют на краю венчика утолщения, уступа с внутренней стороны (шпоры) и уступа с внешней стороны в районе плеча. Также в данных

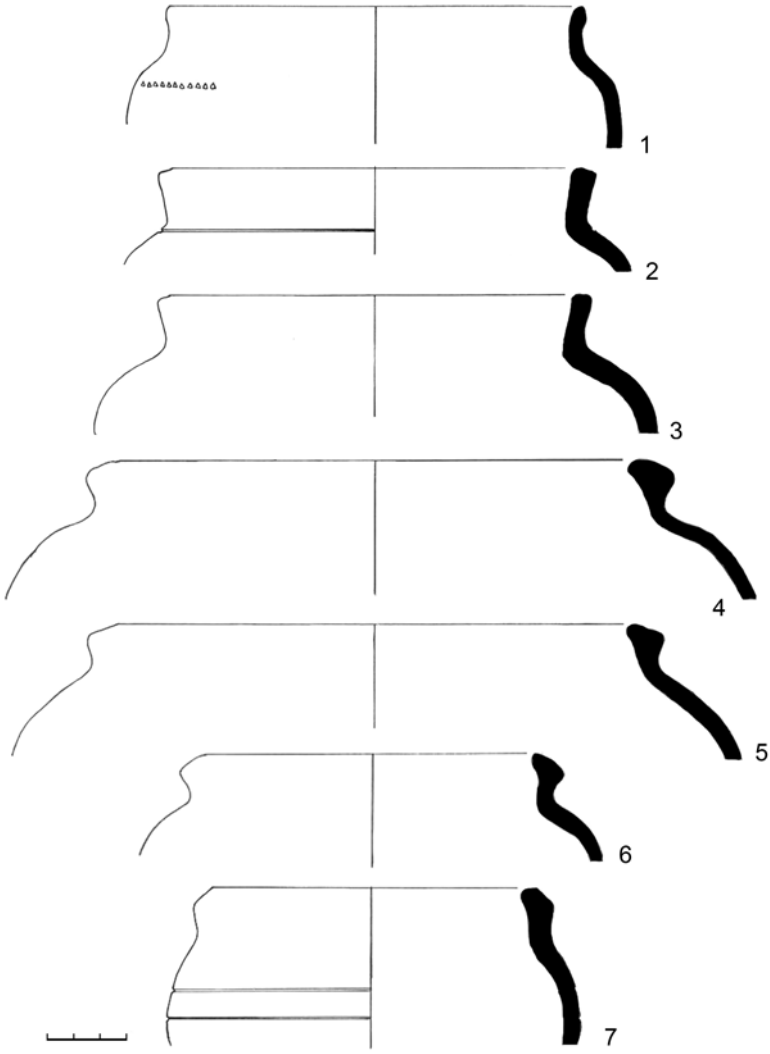


Рис. 4. Горизонт 2–3. Формы сосудов вне типологии

горизонтах начинают встречаться венчики, абсолютно не находящие аналогий в типологии Троицкого XI раскопа (рис. 4, *4–7*).

Застройка, выявленная в горизонте 4, возникает в начале XV в. (1405 г). В выделенных напластованиях продолжают доминировать венчики группы VIA, также продолжает присутствовать керамика групп V и VII. Уменьшение в целом количества венчиков связано с тем, что анаэробные напластования данного горизонта сохранились не на всей площади раскопа. В целом, закономерность распространения керамики данного горизонта схожа с зафиксированной в горизонтах 2 и 3.

В горизонте также присутствует керамика, имеющая аналогичные морфологические отличия от керамики группы VI, отмечено увеличение количества венчиков, не находящих аналогий в типологии Троицкого XI раскопа (рис. 5).

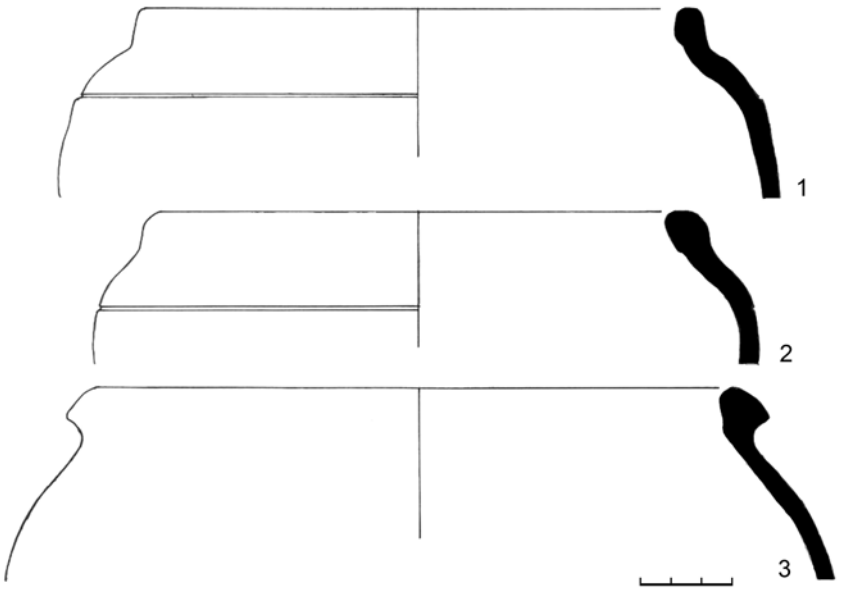


Рис. 5. Горизонт 4. Формы сосудов вне типологии

В культурных напластованиях обнаружены впускные подвальные сооружения и дренажная система, в которых также присутствует керамика. Все сооружения не ориентированы на средневековую застройку, удалось получить датировку лишь одного из них (первая четверть XVIII в). В целом, формы представленной керамики имеют общее сходство с керамикой верхних горизонтов, выделенной вне типологии. Отличительная особенность ее в том, что для изготовления практически всей керамики из впускных сооружений использовалась белая глина.

Сравнение полученных данных с типологией и хронологией керамики Троицкого XI раскопа показывает достаточно близкие закономерности ее распределения. Выделенные хронологические рубежи смены типов керамики на Троицком раскопе находят связь с выделенными горизонтами Ильменского раскопа.

Основные итоги анализа керамики Ильменского раскопа можно сформулировать следующим образом: для горизонта 1 (середина – вторая половина XII в.) отмечено активное распространение керамики групп V и VII, в этом же хронологическом периоде представлены типы VIБ, VIII, IX. Удалось выделить зону перемешивания горизонтов 1 и 2 (пл. 19–21), в которой возрастает число венчиков группы VIA. В пласте 22 вокруг отпечатка сруба, который предположительно относится к XIII в., концентрируется керамика типа VIБ-1. В горизонте 1 завершают свое бытование сосуды типов VIA, VII-1 и основная масса керамики типов VIII и IX.

В вышележащих горизонтах также присутствует керамика типов V и VII, но в гораздо меньших количествах. Основную массу составляют венчики подтипа VIA. Данные горизонты содержат достаточно большой процент керамики, не представленной в типологии Троицкого раскопа, причем их возрастание фиксируется в го-

ризонтах 3 и 4 (конец XIV – начало XV в.). Скорее всего, это связано с тем, что напластования XV в. на территории Троицкого раскопа имеют достаточно плохую сохранность.

Особенности бытования типов керамики на Ильменском раскопе могут быть связаны с его расположением на окраине городской территории. Полученные данные требуют дальнейшего изучения с привлечением керамического материала из раскопов как Славенского конца, так и Новгорода в целом.

Литература

Петров М.И., 2010. Славенский конец средневекового Новгорода: Ильменский раскоп // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород. Вып. 24.

Малыгин П.Д., Гайдуков П.Г., Степанов А.М., 2001. Типология и хронология керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород. Вып. 15.

С.В. Белецкий

Княжеские знаки на новгородских деревянных цилиндрах

S.V. Belecky. Princely signs on Novgorodian wooden cylinders

Abstract. Objects found during excavations in Novgorod and known from literature as «wooden cylinders», for the long time remained one of the mysteries of archaeology of Novgorod. These are small wooden objects in the form of a cylinder with through, mutually perpendicular channels, some of which have remains of ropes and wooden plugs. On the surface of some cylinders inscriptions, pictures of swords and princely signs are carved. The researches of V.L. Yanin clarified the purpose of them as tag-locks for fur bags sealing.

Ten of 51 cylinders found in Novgorod revealed images of princely signs. Most items, according to V.L. Yanin, came from the last quarter of the layer of the 10th – 11th cc. However, not all cylinders refer to that time. Signs on four cylinders (№ 1, 4, 7 and 11) belonged to the princes of the 12th and 12th –13th cc. Marks on cylinders № 6, 19, 25, 30, 36 and 43, hypothetically, can be dated to the end of the 10th – the beginning of the 11th cc. But five of them are from the layer dated, according to V.L. Yanin, to the end of the 11th or by the turn of the 11th – 12th cc.

Ключевые слова: новгородские деревянные цилиндры, княжеские знаки, датировки.

Предметы, обнаруженные при раскопках в Новгороде и получившие в литературе наименование «деревянные цилиндры», долгое время оставались одной из загадок новгородской археологии. Это небольшие (высота 3,5–9,5 см, диаметр 3,5–5,5 см) деревянные предметы в форме цилиндра со сквозными взаимно перпендикулярными каналами, в некоторых из последних сохранились остатки веревок и деревянных пробок. На поверхности нескольких цилиндров вырезаны надписи, изображения мечей и княжеские знаки. В.Л. Янин (1982; 2001) убедительно доказал, что деревянные цилиндры служили бирками-замками для опечатывания мешков с пушниной. Судя по опубликованным данным, большая часть находок происходит из слоя последней четверти X – XI в.

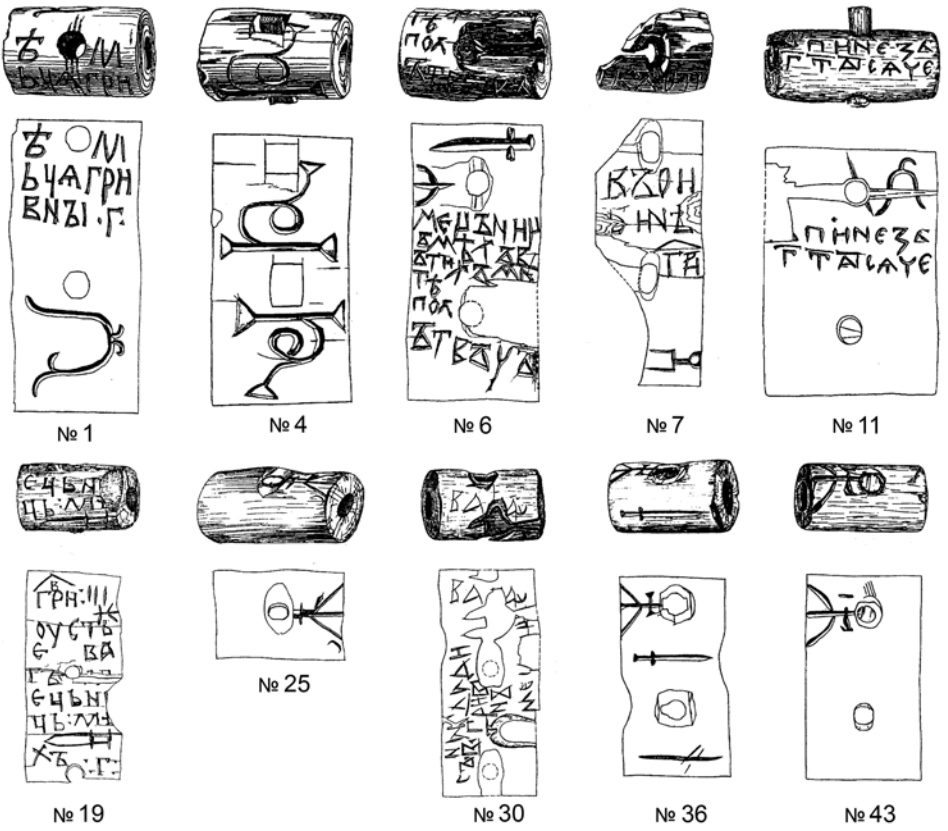


Рис. 1. Новгородские деревянные цилиндры (по: Янин, 2001)

Из 51 найденного в Новгороде цилиндра на десяти вырезаны изображения княжеских знаков (рис. 1). Четыре из них (знаки на цилиндрах № 1, 4, 7 и 11) принадлежали князьям не X–XI вв., а более позднего времени.

Цилиндр № 1[1] (рис. 2, №1) найден в 1951 г. (*Янин*, 2001. С. 93, 110) на Неревском раскопе в слое 23 яруса (1055–1076 гг.). Аналогии знаку имеются на пломбах из Дрогичина (рис. 2, *1, 2*) (*Лихачев*, 1930. Рис. 64, четвертый сверху ряд; правая, пятый сверху ряд, вторая слева) и Старой Ладоги (рис. 2, *3, 4*) (*Белецкий, Петренко*, 1994. С. 237, 238. Рис. 67; 68), что не позволяет датировать цилиндр временем ранее XII–XIII вв. Если справедлива персонификация знака на памятном камне из Троицкого на Кловке монастыря (Смоленск) князю Ростиславу Рюриковичу (1172–1218) (*Белецкий*, 2000. С. 216–225), то знак, вырезанный на цилиндре № 1, с наибольшим вероятием персонифицируется его дяде, князю Роману Ростиславичу (ок. 1130–1180), дважды – в 1171–1173 и 1174–1176 гг. – занимавшему великий киевский стол. Вероятнее всего, цилиндр № 1 следует датировать временем не ранее 70-х гг. XII в.

Цилиндр № 4 (рис. 2, №4) найден в 1970 г. на Михайловском раскопе в слое 23 яруса (1059–1083 гг.) (*Янин*, 2001. С. 94, 112). Аналогия двум вырезанным на

[1] Номера цилиндров соответствуют номерам в каталоге В.Л. Янина (2001).

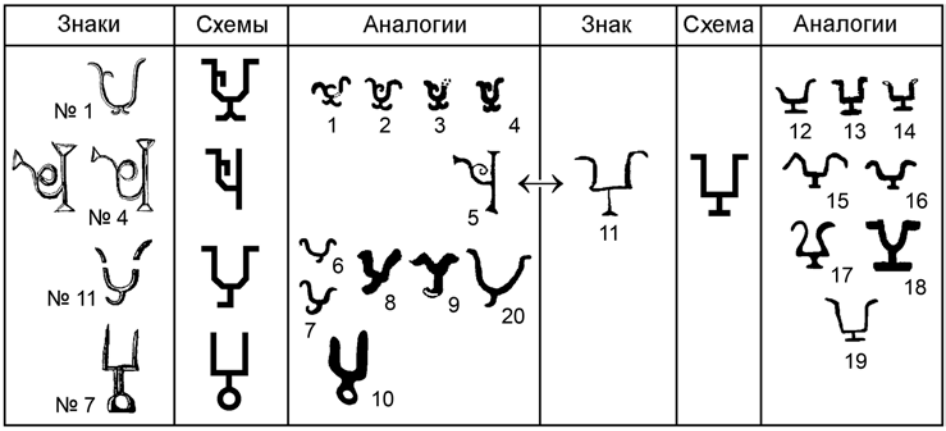


Рис. 2. Знаки на цилиндрах № 1, 4, 7, 11: схематизация и аналогии
1–4, 6, 7, 12–14 – пломбы (*1, 2, 6, 7, 12–14* – Дрогичин; *3, 4* – Ладога); *5, 11* – можжевеловая палочка (Новгород); *8, 9, 15, 16, 18* – строительная керамика (*8* – ц. Спаса, Владимир; *9* – ц. на Окопном кладбище, Смоленск; *15, 16* – ц. Параскевы Пятницы, Чернигов; *18* – ц. Дмитрия Солунского, Псков); *10, 17, 19, 20* – гончарные клейма (*10* – Киев; *17* – Владимир; *19* – Дрогичин; *20* –Трубчевск)

цилиндре одинаковым знакам имеется на можжевеловой палочке, найденной в Новгороде (рис. 2, *5*) (*Колчин*, 1968. Рис. 12, *7*) в слое 21 яруса Неревского раскопа (1096–1116 гг.). Вместе с этим знаком на палочке вырезан двузубец (рис. 2, *11*) (Там же. Рис. 12, *6*), который А.А. Молчанов считал знаком Мстислава Великого (1076–1132), княжившего в Новгороде в 1088–1093 и 1095–1117 гг. (*Молчанов*, 1985. С. 82. Табл. II). Ранее я также считал двузубец, процарапанный на можжевеловой палочке, персонифицируемым Мстиславу Великому (*Белецкий*, 1999. С. 11–19). Однако форма ножки у этого двузубца Т-образная, в то время как у знака Мстислава Великого ножка вертикальная. Двузубец с отогнутыми наружу зубцами и Т-образной ножкой принадлежал внуку Мстислава Великого, Владимиру Всеволодичу († ок. 1141), занимавшему новгородский стол в 1036 г. (*Белецкий*, 1999. С. 11–19). Знак этого князя известен достаточно широко – он зафиксирован в гончарных клеймах из Владимира (рис. 2, *17*) (*Кадиева*, 1999. Рис. 1, *17*) и Дрогичина (рис. 2, *19*) (*Musianowicz*, 1969. S. 25. Tabl. V, *13*), в клеймах на кирпичах из ц. Параскевы Пятницы в Чернигове (рис. 2, *15, 16*) (*Холостенко*, 1956. С. 287. Рис. 18, верхний ряд, правый кирпич, и второй сверху ряд, правый кирпич) и из ц. Дмитрия Солунского в Пскове (рис. 2, *18*) (*Белецкий*, 1998. С. 42. Рис. А, *3*), а также на дрогичинских пломбах (рис. 2, *12–14*) (*Лихачев*, 1930. Рис. 64, четвертый снизу ряд, третья слева пломба; *Musianowicz*, 1982. S. 135. Илл., верхний ряд, центральная пломба, и второй сверху ряд, центральная пломба). Таким образом, деятельность владельца знака, дважды вырезанного на цилиндре № 4, приходится на первую половину XII в. Предполагая, что на новгородской палочке вырезаны знаки князей, один из которых сменил другого на новгородском столе, знак на цилиндре № 4 можно персонифицировать Святославу Ольговичу (ок.1116 – 1164), сменившему в 1136 г. Владимира Всеволодича и занимавшего новгородский стол трижды – в 1136–1138, 1139–1141 и 1142–1143 гг. В таком случае, цилиндр № 4 следует датировать второй половиной 30-х – началом 40-х гг. XII в. (но не позднее 1164 г.).

Цилиндр № 11 (рис. 2, № 11) найден в 1991 г. на Троицком раскопе в слое первой четверти XII в. (*Янин*, 2001. С. 97, 118). Аналогии знаку, вырезанному на этом цилиндре, зафиксированы на пломбах из Дрогичина (рис. 2, *6, 7*) (ЛСА, 1936. Табл. XXV, № 29; *Лихачев*, 1930. Рис. 64, четвертый сверху ряд, четвертая слева пломба), в клейме на плитке пола из ц. Спаса во Владимире (рис. 2, *8*) (*Воронин*, 1961. С. 309. Рис. 152, *з*) и на кирпиче из храма на Окопном кладбище в Смоленске (рис. 2, *9*) (Раппопорт, 1999. Табл. I, *9*), а также в гончарном клейме из Трубчевска (рис. 2, *20*)[1]. Это не позволяет датировать цилиндр временем ранее XII–XIII вв. Если знак принадлежал одному из не поименованных в летописи потомков князя Мстислава Всеволодича (†1168) (*Белецкий*, 2006. С. 87. Рис. 8), цилиндр № 11 вряд ли может быть датирован ранее середины XII в.

Цилиндр № 7 (рис. 2, № 7) найден в 1980 г. на Троицком раскопе в слое 22–25 яруса (973–1051 гг.) (*Янин*, 2001. С. 95, 96, 115). Двузубец, вырезанный на этом цилиндре, В.Л. Янин атрибуировал Ярополку Святославичу (†980) (*Янин*, 1982. С. 151. Рис. 9). Однако полная аналогия этому знаку зафиксирована в гончарном клейме XII–XIII вв. из Киева (рис. 2, *10*) (*Каргер*, 1958. С. 443. Рис. 123, второй ряд, в центре), так что цилиндр № 7 вряд ли датируется ранее этого времени.

Знаки на цилиндрах № 6, 19, 25, 30 и 43, с известной гипотетичностью, могут быть датированы концом X – началом XI в.

Цилиндр № 6 (рис. 1, № 6) найден в 1980 г. на Троицком раскопе в слое 22–25 яруса (973–1051 гг.) (*Янин*, 2001. С. 95, 114). Комментируя знак, вырезанный на этом цилиндре, В.Л. Янин безоговорочно атрибуировал его князю Владимиру Святославичу (ок. 963–1015), княжившему в Новгороде в 970–977 и 980 гг. (*Янин*, 1982. С. 147, 148). Конечно, уверенности в такой персонификации нет (ср.: рис. 3, *А* и *Б*), поскольку знак, строго говоря, принадлежит не к лично-родовым знакам Рюриковичей, а к тамгам типа «птичья лапа», известным в разных культурах и датирующимся от эпохи первобытности до современной этнографии. Однако и оснований для отказа от атрибуции, уверенно предложенной Яниным, также, как будто бы, нет.

Цилиндр № 19 (рис. 1, № 19) найден в 1999 г. на Троицком раскопе в слое конца XI (*Янин*, 2001. С. 99, 100, 125) или рубежа XI–XII вв. (*Янин*, 2004. С. 111). Вырезанный на цилиндре знак представляет собой трезубец, близкий трезубцу на цилиндре № 6, но отличающийся от него формой ножки – у знака на цилиндре № 19 ножка осложнена перекрестием. Точно такие же знаки вырезаны на ***цилиндрах № 25, 36 и 43*** (рис. 1, № 25, 36, 43). Все они найдены в 1999 г. на Троицком раскопе в слое третьей (№ 36, 43) и последней (№ 25) четверти XI в. (*Янин*, 2001. С. 102, 105, 107, 129, 138, 145).

Если В.Л. Янин прав в персонификации знака на цилиндре № 6 Владимиру Святославичу, то знак на цилиндрах № 19, 25, 36 и 43, отличающийся от знака на цилиндре № 6 на один элемент, должен быть атрибуирован одному из сыновей Владимира Святого. И т. к. трезубцы младших сыновей Владимира отличаются от отцовского трезубца формой вершины центрального зубца, а знак на цилиндрах № 19, 25, 36 и 43 сохраняет форму зубцов исходного трезубца, отличаясь от него формой ножки (рис. 3, *В*), решусь предположить, что трезубец на цилиндрах № 19, 25, 36 и 43, может быть с наибольшим вероятием атрибуирован старшему

[1] Пользуюсь случаем поблагодарить О.А. Щеглову (ИИМК РАН, СПб), предоставившую мне прорисовку клейма.

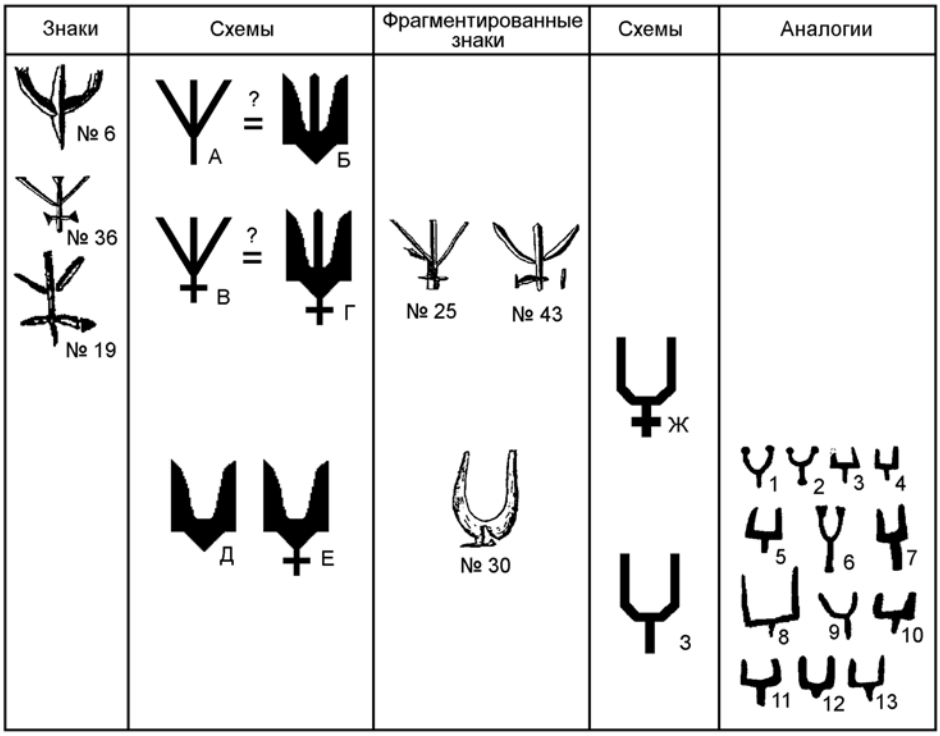


Рис. 3. Знаки на цилиндрах № 6, 19, 25, 30, 36, 43: схематизация и аналогии
1–5 – пломбы (*1–3* – Дрогичин; *4* – Ратминское поселение; *5* – Городец на Волге); *6, 8* – строительная керамика (*6* – ц. на Рву, Полоцк; *8* – ц. на Протоке, Смоленск); *7, 9–13* – гончарные клейма (*7* – Дорогобуж; *9* – Киев; *10* – Вышгород; *11* – Тверь; *12* – Изяславль; *13* – Осовик)

сыну Владимира Вышеславу (ок. 980–1010), занимавшему новгородский стол в 988–1010 гг.

Непонятна ситуация с изображени*ем* на ***цилиндре № 30*** (рис. 1, №30), найденном в 1999 г. на Троицком раскопе в слое последней четверти XI в. (*Янин*, 2001. С. 103, 104, 132). Ни в описании цилиндра № 30 (Там же. С. 103), ни в тексте подробного комментария к надписи на цилиндре (Там же. С. 55, 56) не сказано ни слова о наличии на цилиндре княжеского знака. Судя по прорисовке (Там же. С. 132), на поверхности цилиндра рядом с надписью изображен двузубец, сохранивший фрагмент ножки. Как будто бы, на прорисовке знака угадывается перекрестие на ножке, однако уверенности в этом нет.

Если знак, вырезанный на цилиндре № 30, являлся родовым двузубцем Рюриковичей (рис. 3, *Д*), он мог принадлежать и Святославу Игоревичу (†972), и Ярополку Святославичу (после 972–980), и даже Святополку Ярополчичу (до 1013). Если же этот знак имел крестовидную ножку (рис. 3, *Е*), то он принадлежал Ярополку Святославичу (до 972). Знак Ярополка Святославича, использовавшийся князем при жизни отца, в Новгороде был хорошо известен. Он зафиксирован, в частности, на деревянной счетной бирке (рис. 4), найденной в 1998 г. на Троицком XI раскопе в Новгороде (*Ковалев*, 2003. С. 37. Рис. 1). Бирка происходит из слоя 26–27 яруса,

т. е. из отложений, сформировавшихся в 970–1020 гг. (*Гайдуков, Дубровин, Тарабардина*, 2001. С. 81).

Впрочем, нет никакой уверенности в том, что знак на цилиндре № 30 принадлежал одному из князей X – начала XI в. Если схематизировать этот двузубец по линейной схеме (рис. 3, *Ж* или *3*), то знак уверенно впишется в систему лично-родовых знаков XII–XIII вв. Правда, знаки схемы Ж, как будто бы, пока не фиксировались. Однако аналогии для знака схемы З среди известных геральдических памятников представлены достаточно широко. Мы знаем такие знаки на пломбах из Дрогичина (рис. 3, *1–3*) (*Тышкевич*, 1865. № 3; *Авенариус*, 1890. № 32; *Hanc-Maikowa*, 1988. Tab. I, № 1), из Ратминского поселения – древнерусского города Дубна (рис. 3, *4*) (*Белецкий*, 2001а. С. 68, 166. Табл. 54, *1*), и из Городца на Волге (рис. 3, *5*) (*Петров*, 1997. Табл. 3, *1, 3*), в гончарных клеймах из Дорогобужа (рис. 3, *7*) (*Прищепа, Нікольченко*, 1996. Рис. 84, *35*), Твери (рис. 3, *11*) (*Белецкий*, 2001б), Киева (рис. 3, *9*) (*Шовкопляс*, 1964. Табл. IV, *13*), Вышгорода (рис. 3, *10*) (*Довженок*, 1950. С. 78. Табл. IV, *10*), Изяславля (рис. 3, *12*) (*Рыбаков*, 1948. С. 403. Рис. 126, *1*) и городища Осовик – летописного города Заруб (рис. 3, *13*) (*Павлова*, 1997. С. 112. Рис. 2, *6*; *Panno-*

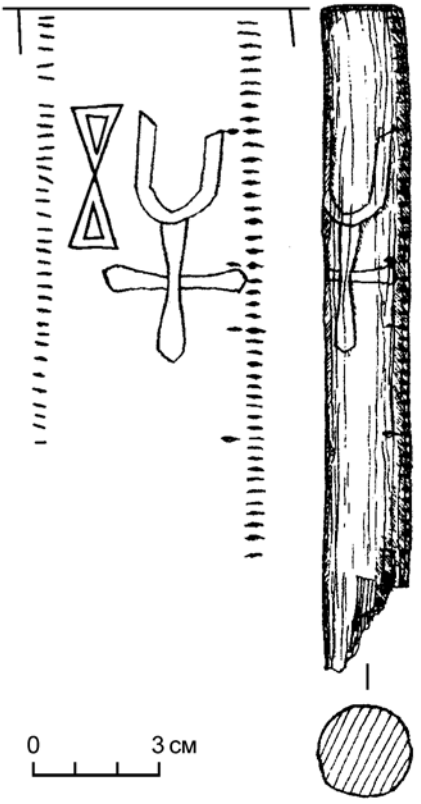


Рис. 4. Деревянная счетная бирка (Новгород)

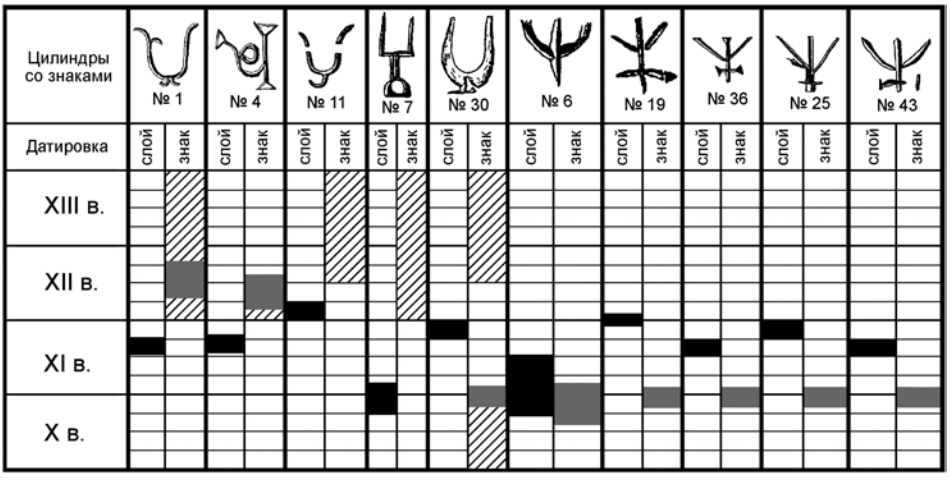


Рис. 5. Хронология новгородских деревянных цилиндров с изображениями княжеских знаков

порт, Павлова, 1973. С. 216), а также в клеймах на кирпичах из храма на Протоке в Смоленске (рис. 3, *8*) (*Раппопорт*, 1999. Табл. I, *4*) и из храма на Рву в Полоцке (рис. 3, *6*), возведение которого, по мнению Н.Н. Воронина и П.А. Раппопорта, относится к концу XII или самому началу XIII в. (ФА ИИМК. № 2183-168; *Воронин, Раппопорт*, 1979. С. 300–329).

Изложенные наблюдения за хронологией новгородских деревянных цилиндров со знаками для удобства сведены в таблицу (рис. 5). Нетрудно заметить, что датировка знаков на всех десяти рассмотренных предметах расходится со стратиграфической датой находок, причем расхождение это колеблется от четверти до трех четвертей столетия. Замечу, что все *стратиграфически ранние* цилиндры (№ 1, 4, 7, 11) несут изображения княжеских знаков более позднего, чем стратиграфические даты, времени, а на большинстве *стратиграфически поздних* цилиндров (№19, 36, 25, 43) изображены знаки, предположительно более раннего, чем стратиграфические даты, времени. Исключением оказывается только цилиндр № 6, стратиграфическая датировка которого совпадает с датировкой вырезанного на цилиндре знака. Забавным также оказывается соотношение стратиграфической датировки цилиндра № 30 с вероятными датировками вырезанного на цилиндре знака: при схематизациях знака по линейному типу цилиндр датируется на половину столетия позднее стратиграфической даты, а при схематизациях знака по архаическому типу датируется как минимум на три четверти столетия раньше стратиграфической даты.

Литература

Авенариус Н.А., 1890. Еще несколько слов о дрогичинских пломбах. СПб.

Белецкий С.В., 1998. К истории строительства ц. Дмитрия Солунского в Пскове // Церковная археология. СПб. Вып. 4: Мат. Второй Всерос. церковно-археолог. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Н.В. Покровского (1847–1917) (Санкт-Петербург, 1–3 ноября 1998 г.).

Белецкий С.В., 1999. Каменное грузило с изображениями княжеских знаков из раскопок в Пскове // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.

Белецкий С.В., 2000. Древнерусский княжеский знак как памятный объект // Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения: XII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР Вл. Тер. Пашуто: Мат. конф. М.

Белецкий С.В., 2001а. Знаки Рюриковичей. Ч. 2: Знаки XII–XIII вв. на памятниках сфрагистики (материалы к своду) // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. СПб. Вып. 3.

Белецкий С.В., 2001б. Предметы с изображениями тамгообразных знаков из раскопок в Тверском кремле // Тверской кремль: Комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб.

Белецкий С.В., 2006. Кто был похоронен в Василевском саркофаге? // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М.

Белецкий С.В., Петренко В.П., 1994. Печати и пломбы из Старой Ладоги (свод) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.

Воронин Н.Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М. Т. 1.

Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.

Гайдуков П.Г., Дубровин Г.Е., Тарабардина О.А., 2001. Хронология Троицкого XI раскопа: Тез. докл. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород. Вып. 15.

Довженок В.И., 1950. Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934–1937 р. // Археологія. Київ. III.

Кадиева Е.К., 1999. Керамические клейма на сосудах из усадьбы второй половины XII – XIII вв. г. Владимира (предварительное сообщение) // Вторая Тверская археолог. конф. (23–27 марта 1999 г.). Стендовый доклад.

Каргер М.К., 1958. Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л. Т. 1.

Ковалев Р.К., 2003. Бирки-сорочки: упаковка меховых шкурок в средневековом Новгороде // Новгородский исторический сборник. СПб. Вып. 9 (19).
Колчин Б.А., 1968. Новгородские древности: Деревянные изделия // САИ. Вып. Е1-55. М.
Лихачев Н.П., 1930. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Л. Вып. 2.
ЛСА, 1936 – [Лихачев Н.П.] Сфрагистический альбом. Ч. I: Русские металлические печати / Текст описания составлен Н.П. Лихачевым. Л., 1936 // РА ИИМК. Ф. 35. Оп. 2. Д. 444.
Молчанов А.А., 1985. Об атрибуции лично-родовых знаков князей-Рюриковичей X–XIII вв. // ВИД. № XVI.
Павлова К.В., 1997. Гончарные клейма городища Осовик // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. СПб; Псков. Т. II.
Петров П.Н., 1997. Русские средневековые свинцовые пломбы из находок в Городце на Волге // Древности Нижегородского Поволжья. Нижний Новгород. Вып. II: Нумизматический сборник. Т. 1.
Прищепа Б.А., Нікольченко Ю.М., 1996. Літописний Дорогобуж в період Київської Русі: До історії населення Західної Волині в X–XIII століттях. Рівне.
Раппопорт П.А., 1999. Княжеские знаки в памятниках древнерусского зодчества // Средневековая архитектура и монументальное искусство: Раппопортовские чтения. СПб.
Раппопорт П.А., Павлова К.В., 1973. Городище Осовик // СА. № 1.
Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло древней Руси. М.
Тышкевич К.П., 1865. Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогичина // Древности: Тр. Московского археолог. общества. М. Т. 1. Вып. 2.
Холостенко Н.В., 1956. Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г. Чернигове (1953–1954 гг.) // СА. Т. XXVI.
Шовкопляс Г.М., 1964. Знаки на древньоруському посуді з Києва // Археологія. Київ. № 17.
Янин В.Л., 1982. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.
Янин В. Л., 2001. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород.
Янин В.Л., 2004. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М.
Hanc-Maikowa E., 1988. Plomby drohiczynski ze zbiorow muzeum archeologicznego i etnograficznego w Lodzi // Prace i materialy muzeum archeologicznego i etnograficznego w Lodzi. Ser. numizmatyczna i konserwatorska. № 8.
Musianowicz K., 1969. Drohiczyn we wczesnym sredniowieczu // Materiały wczesnośredniowieczny. Wrocław; Warszawa; Kraków. T. VI.
Musianowicz K., 1982. Drohiczyn od VI do XIII wieku: Dzieje i kultura. Bialystok.

Е.В. Торопова, К.Г. Самойлов, С.Е. Торопов, П.П. Колосницын

Освоение левобережья р. Порусьи (Малашки) в Старой Руссе по данным археологии

E.V. Toropova, K.G. Samoilov, S.E. Toropov, P.P. Kolosnitsyn. Development of the left bank of the Porusya (Malashka) river in Staraya Russa on archaeological data

Abstract. The recent studies have provided important data on the time of development of a city district known as Mininsky End according to the scribers book of the Shelon pyatina of 1497–98. Originally, the area was used as a farmland. Developing of the road network begins there, apparently, at the same time (as shows a section of dirt road discovered in the pre-subsoil layer in Georgievsky III excavation). The first manors appeared there in the first quarter of the 12th c., then occupying the highest part of the hill. The building in the southern part of the Mininsky End was completed not earlier than the 14th c., and of the west – in the 15th–16th cc. (probably, after the engineering works associated with the cutoff of the Porusya river – Pererytitsy). The logical completion of this territory formation as an area of medieval town became the erecting of stone temples in the first third of the 1 th c.

Ключевые слова: Старая Русса, Порусья (Малашка), гидрологическая сеть, археологические данные, усадебная застройка.

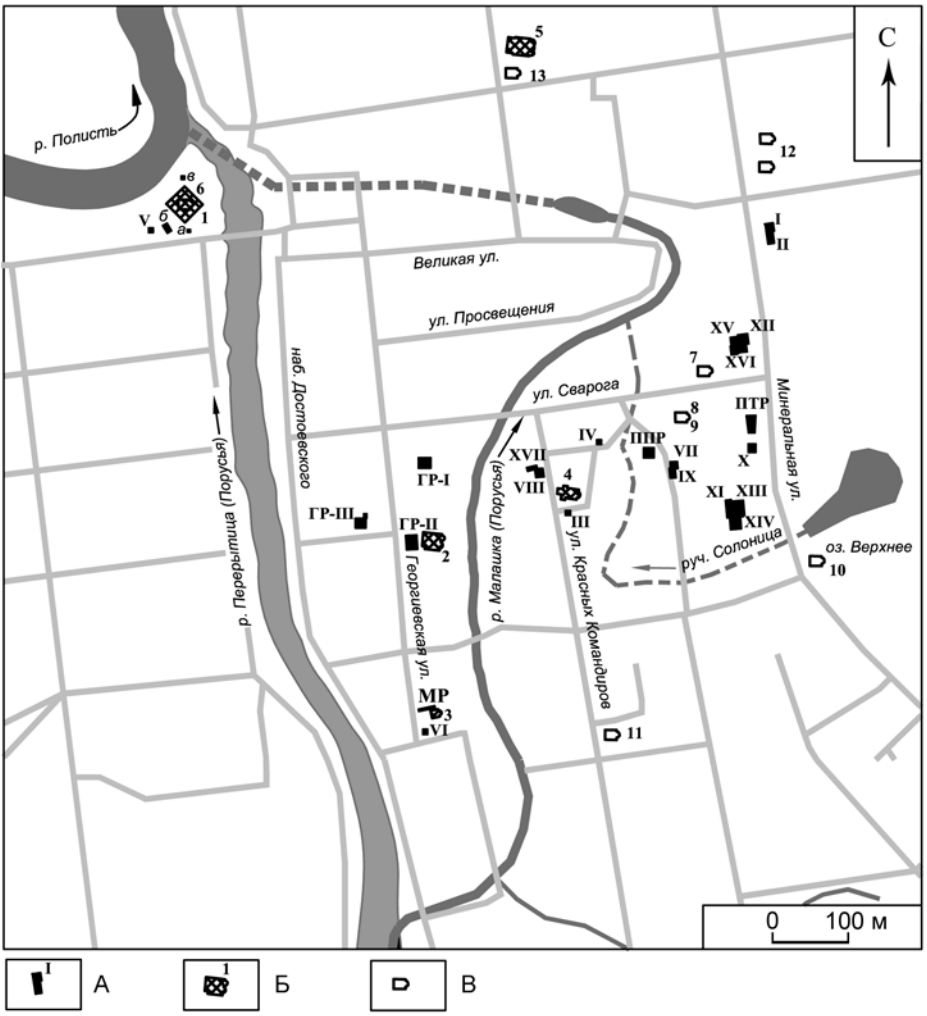


Рис. 1. Схема расположения археологических раскопов в Старой Руссе

А – археологические раскопы: а, б, в – раскопы 1939 г.; *I* – раскоп I 1966 г.; *II–VI* – раскопы II–VI 1967 г.; *VII* – раскоп VII 1967–68 гг.; *VIII* – раскоп VIII 1968 г.; *IX* – раскоп IX 1969 г.; *X* – раскоп X 1969–70 гг.; *XI* – раскоп XI 1970–71 гг.; *XII* – раскоп XII 1971–74 гг.; *XIII* – раскоп XIII 1972 г.; *XIV* – раскоп XIV 1976–77 гг.; *XV* – раскоп XV 1978–87 гг.; *XVI* – раскоп XVI (Борисоглебский) 1988–2001 г.; ПТР – Пятницкий раскоп (с 2002 г.); ГР-I – Георгиевский I раскоп 2002 г.; ГР-II – Георгиевский II раскоп 2006 г.; ППР – Петропавловский раскоп (начат в 2007 г.); МР – Мининский раскоп 2009 г.; ГР-III – Георгиевский III раскоп 2011 г.

Б – Сохранившиеся храмы: *1* – Воскресенский собор; *2* – цц. Св. Георгия и Благовещения; *3* – ц. Св. Мины; *4* – ц. Св. Николая; *5* – ц. Св. Троицы.

В – Не сохранившиеся храмы: *6* – ц. Св. Иоанна Предтечи; *7* – ц. Свв. Бориса и Глеба; *8* – ц. Св. Параскевы-Пятницы; *9* – ц. Свв. Петра и Павла; *10* – ц. Св. Анастасии; *11* – ц. Св. Дмитрия Солунского; *12* – цц. Ильи Пророка и Архангела Михаила; *13* – ц. Знамения

Развитие территории любого города во многом определяется существующим рельефом местности и гидрологической сетью. План современной Старой Руссы рассечен несколькими водными артериями. Это, в первую очередь,

сливающиеся реки Полисть и Порусья. Кроме того, обращает на себя внимание наличие частично заключенной в трубу и заболоченной старицы р. Порусьи – так называемой Малашки, далее – Порусьи (Малашки). Вплоть до 1950-х гг. это был полноводный водоем, который еще до 1920-х гг. и именовался Порусье – Старая Порусья. Вероятнее всего, перед нами древнее основное русло реки. Современные же карты считают основным руслом р. Порусьи так называемую р. Перерытицу, спрямляющую извилистое русло Малашки. Само название «Перерытица» (впервые фиксируемое в письменных источниках в начале XVII в.), как уже неоднократно отмечалось исследователями, вероятно, отражает ее искусственный характер.

Все имеющиеся к настоящему моменту данные письменных источников и археологические материалы однозначно свидетельствуют о том, что историческое ядро города располагалось на правом берегу Порусьи (Малашки). Этот факт во многом определил и степень археологической изученности этого района – после начала планомерных раскопок в Старой Руссе именно он, за редкими исключениями, становился объектом научного интереса исследователей (*Миронова*, 1990. С. 202–220) (рис. 1). Древнейшие слои на правом берегу датируются рубежом X–XI вв.; по всей видимости, именно с этого момента и можно вести историю поселения на месте Старой Руссы.

Левый берег Малашки (Порусьи) до последнего времени был своего рода «белым пятном» в силу малой археологической изученности. И лишь в результате исследований последнего десятилетия получены важные данные о времени освоения этого района.

Начнем с информации, содержащейся в письменных источниках, хотя следует отметить, что эти сведения крайне фрагментарны.

На рассматриваемой территории располагались несколько средневековых каменных храмов, из которых только один имеет летописную дату. Под 1410 г. Новгородская первая летопись сообщает о строительстве каменной сдвоенной церкви Св. вмч. Георгия и Благовещения: «Того же лѣта… в Русѣ поставиша двѣ церкви камены: святого Георгиа и Благовѣщение Богородици» (НПЛ, 2000. С. 402). Другой сохранившийся храм – Св. вмч. Мины (возведен в первой трети XV в.: *Антипов*, 2009. С. 302–305) – не имеет летописной даты, и его первое упоминание относится к писцовому описанию 1497/98 г. (Писцовые… 2009. С. 27, 28). Еще меньше известно о храмах Иоанна Предтечи и Захарии, находившихся приблизительно на месте Воскресенского собора, построенного в конце XVII в. у слияния рек Полисти и Порусьи (там, где в Смутное время была устроена крепость). Как каменные они фиксируются в Росписи новгородских церквей 1615 г.: «На Иванской улицы Иван Предтеча да Захарей, оба каменные» (Писцовые… 2009. С. 328*)*. Наиболее раннее упоминание о наличии здесь ц. Св. Иоанна (неизвестно, каменной или деревянной) содержится в двух купчих грамотах Николо-Островского монастыря 1460–1470х гг., в которых на указанном участке при слиянии Полисти и Порусьи отмечается еще и некий «Старый Городок» (*Анкудинов*, 2004. С. 3–7).

Еще более дискуссионен вопрос об административном делении рассматриваемой части города. Домосковские письменные источники вообще не содержат такой информации. Впервые она фиксируется в Писцовой книге Шелонской пятины 1497/98 г., где территория города делится на «все четыре конца» – Рогов, Середка, Песий, Мининский (Писцовые… 2009. С. 32). (Вопрос о том,

существовало ли данное деление в новгородский период или является московским нововведением, не может быть убедительно решен при нынешнем состоянии источниковой базы, однако второй вариант представляется более вероятным.) Левобережье Порусьи, судя по всему, относится к «Мининскому концу за рекою за Порусьею», в котором на момент переписи отмечено 303 двора (1085 человек) (Писцовые… 2009. С. 20, 32).

К сожалению, писцовые описания Руссы XVI в. не сохранись, и следующим документом является Дозорная книга Старой Руссы 1611 г. Следует обратить внимание, что это первый источник, упоминающий Перерытицу. Согласно книге, в Руссе десять концов – *Васильев, Егорьевский, Емецкий/Емца, Ильинский, Мининский, Никольский, Песий, Рогов, Середецкий, Троицкий*, – из которых три (Егорьевский, Мининский и Емецкий/Емца) располагаются на левобережье Порусьи (Писцовые… 2009. С. 35–110). Фиксируемая картина деления Руссы заставляет усомниться в том, что описываемые «концы» могут претендовать на роль древних «самоуправляющихся городских районов», а не обозначают просто названия определенных территорий.

Ситуацию еще больше запутывают письменные источники, относящиеся к периоду после Смуты. Писцовая книга Старой Руссы 1624 г. отмечает на данной территории Мининский и Емецкий концы *(всего в Русе их 5 – Мининский, Никольский, Песий, Рогов, Емецкий)* (Писцовые… 2009. С. 111–275), а Оброчная книга Старой Руссы 1672/1673 г. – Егорьевский и Мининский (*всего в Русе их 4 – Дмитриевский, Егорьевский, Мининский, Рогов*) (Там же. С. 335–391).

Теперь обратимся к археологическим материалам.

На современном плане города привлекает внимание мыс при слиянии рек Полисти и Порусьи. Треугольная форма, крутые берега просто подталкивают к мысли о высокой вероятности расположения здесь мысового городища. Привлекательности такой интерпретации добавляет и строительство здесь в начале XVII в. деревоземляной крепости (*Рабинович*, 2011. С. 20, 21).

Очевидно, что не случайно именно этот участок в 1939 г. был выбран А.А. Строковым для первых археологических раскопок в Старой Руссе. На мысу были исследованы три небольших участка (мощность изученных культурных напластований составила около 2 м). Автор уверенно пишет об обнаружении «древнейшего Старорусского поселения», которое он датировал на основании «немногочисленных фрагментов лепной керамики» IX–X вв. (*Строков*, 1940. С. 19–31). Тем не менее, тщательное рассмотрение опубликованных материалов (сами находки и отчетная документация были утрачены во время Второй мировой войны) не позволяет согласиться с этими выводами. Вероятнее всего, данный участок городской территории был освоен не ранее XIV–XV вв., что подтверждается и материалами раскопок А.Ф. Медведева (1968а; 1968б). Отсутствие древнейших напластований на мысу, на первый взгляд столь удобном для поселения, объясняется, по нашему мнению, искусственным и достаточно поздним происхождением участка р. Порусьи, который носит название Перерытица.

В 1967 г. А.Ф. Медведев заложил небольшой раскоп неподалеку от ц. Св. Мины. Его интерес к этому месту, несомненно, вызван тем, что, по данным Писцовых книг, именно этот храм (к тому же, по представлениям того времени, древнейший в Старой Руссе) дал наименование Мининскому концу. Общая

мощность вскрытого культурного слоя составила чуть более полутора метров. На основании полученных материалов А.Ф. Медведев сделал следующий вывод: «Раскопки близь ц. Мины показали, что в данном месте городское поселение, судя по характеру и стратиграфии наслоений, по вещевым находкам и керамике появилось не ранее XIV в.» (Медведев, 1968б).

Следующий этап археологического изучения левобережья Порусьи (Малашки) связан с активизацией частной застройки в этом районе города в первое десятилетие XXI в. Здесь велись различные охранные работы - раскопки (Георгиевские I, II и III), многочисленные шурфовки и наблюдения за прокладкой инженерных сетей. Шурфовки проводились как на участках, отведенных под строительство, так и для уточнения характеристик культурного слоя – по просьбе владельцев, желающих определить перспективы использования своей земли. Это позволило получить данные о мощности и стратиграфии культурных напластований на рассматриваемой территории, за исключением левого берега Перерытицы.

Важные наблюдения сделаны в процессе осуществления археологического надзора за работами по замене опор линии электропередач. В северной части левобережья Порусьи (Малашки), в районе улиц Великой и Просвещения, зафиксированы следы древнего Емецкого болота, упоминаемого в источниках XVII в. Кроме того, важные материалы получены в ходе наблюдений за прокладкой траншеи протяженностью 484 м для электрокабеля от дома 3 по ул. Сварога до ТЭЦ-44 на ул. Правосудия. На правом берегу Перерытицы (вдоль набережной Достоевского) на глубине 0,15–0,7 м от дневной поверхности залегают напластования стерильного речного песка мощностью до 0,5 м, образовавшиеся, предположительно, в процессе прорытия русла Перерытицы. Под ними зафиксирован культурный слой, содержащий многочисленные фрагменты керамики XIV–XV вв. На западном берегу Перерытицы удалось уточнить территорию распространения культурного слоя (*Торопова и др.*, 2011. С. 11, 12).

Археологические раскопки, несмотря на относительно небольшую площадь исследованных участков, послужили основным источником информации. В 2002 г. были проведены охранные исследования на участке, отведенном под строительство частного жилого дома (Георгиевская ул., 18). В пятне застройки был заложен раскоп площадью 165 м^2, получивший наименование Георгиевский I – по церкви Св. Георгия, расположенной в 90 м к югу. Общая мощность культурных напластований составила около 3 м. В процессе разборки слоя зафиксированы остатки 11 срубных сооружений, участка замощения и 3 отхожих мест, которые были распределены по 8 строительным ярусам. В раскоп попали части территории двух смежных усадеб XII–XIII вв. с очень плотной застройкой, что, видимо, объясняется дефицитом пригодного для строительства не подтопляемого пространства. Наиболее ранние культурные напластования здесь, вероятно, можно датировать первой четвертью XII в., а до того, судя по следам пахоты на материке, территория использовалась в качестве сельхозугодий (*Торопова и др.*, 2003. С. 23–29).

Работы на еще одном раскопе, получившем название Георгиевский II, проводились в 2006 г. в связи с проектом восстановления колокольни у храма Св. вмч. Георгия. Общая площадь раскопа составила 210 м^2, максимальная мощность культурных напластований – 3,6 м. Особенностью данного раскопа стало то, что в исследованную площадь попала как жилая, так и кладбищенская территории,

а датировки, помимо дендрохронологии, опирались и на прослойки, связанные со строительством Георгиевского храма в 1410 г. В культурном слое зафиксированы остатки 13 разновременных сооружений, 8 из которых относятся к эпохе средневековья. Одним из ярких открытий в ходе работ на Георгиевском II раскопе следует считать обнаружение в его восточной части средневекового кладбища второй половины XIV - начала XV в. Интерес вызывает наличие в составе некрополя погребений, совершенных до строительства каменного храма в 1410 г. Это позволяет предположить существование здесь более древней культовой постройки (вероятно, деревянной), не вошедшей в пределы изучаемой площади. После зачистки материка практически на всей площади раскопа удалось проследить отпечатки оснований изгородей и следы древней пахоты. Отмечено несколько взаимно перпендикулярных направлений борозд, оставленных двузубым орудием (сохой). Древнейшие культурные напластования на этом участке сильно повреждены и фактически полностью переотложены в результате функционирования описанного выше некрополя. Наличие в перемешанных кладбищенских напластованиях находок, время бытования которых не выходит за пределы XII в., позволяет, в порядке рабочей гипотезы, датировать начало освоения данной территории этим периодом (*Торопова и др.*, 2007. С. 68–81).

В 2002, 2007–2009 гг. были проведены охранные работы в непосредственной близости и внутри церкви Св. вмч. Мины (*Торопова и др., 2008*. С. 274, 275; 2009. С. 107, 108; 2010. С. 95, 96). Напомним, что А.Ф. Медведев на основании керамического материала датировал начало освоения территории, прилегающей к храму с юго-запада, временем не ранее XIV в. Данные, полученные в ходе наших работ, свидетельствуют об отсутствии поселенческого слоя под храмом. На участке юго-восточнее церкви напластования кладбища перекрывают поселенческий слой, образовавшийся уже после строительства каменного храма. Изученная часть некрополя датируется концом XV - XVII в. В настоящее время имеющиеся материалы не дают возможности ни подтвердить, ни опровергнуть датировку А.Ф. Медведева.

В 2011 г. были проведены охранные раскопки на месте будущего строительства частного дома (Школьный пер., 4), в 80 м к западу от Георгиевского храма, у подножия холма (Георгиевский III раскоп). Общая площадь – 165 м^2, мощность напластований – 1,8 м. Характерной особенностью изученного участка является практически полное отсутствие следов каких-либо сооружений, кроме остатков частоколов и изгородей.

При зачистке предматерика обнаружен участок грунтовой дороги, пересекающей раскоп в направлении СЗ–ЮВ. Дорога выделяется в виде полосы (шириной около 3 м) спрессованной перемешанной почвы с высоким содержанием пыли. По мнению почвоведов А.Л. Александровского и А.В. Долгих (пользуемся случаем, чтобы поблагодарить их за любезную консультацию), до начала интенсивного хозяйственного освоения исследованная территория была занята луговиной и лесом, не подвергалась распашке. Возможно, эта территория представляла собой затапливаемую в половодье низину на окраине средневековой Руссы.

Направление грунтовой дороги маркируется ц. Св. вмч. Мины и мысом, образованным Полистью и Порусьей. Судя по отдельным находкам, начало

функционирования трассы дороги может быть отнесено ко времени не позднее XII в. Культурный слой в этот период не формировался, фрагменты керамики XII–XIV вв. отсутствуют, что говорит о том, что участок не застраивался, а хозяйственная деятельность была минимальна. По всей видимости, уличная застройка вдоль дороги начинает формироваться в первой трети XV в. Территория делится на усадьбы (фрагменты трех из них вошли раскоп). При этом сама дорога утратила свое значение и в какой-то момент вошла в границы одной из сформированных усадеб. Судя по отсутствию остатков построек и большому количеству индивидуальных находок, а также массового материала, изученные участки усадеб, вероятнее всего, представляли собой «задворки». Тем не менее, отсюда происходят две вислые свинцовые печати, 4 заготовки печатей, фрагмент двусторонней берестяной грамоты, обломок свинцового оконного переплета и фрагмент оконного стекла (*Торопова*, 2012).

Хотя исследования на левобережье Малашки-Порусьи еще далеки от завершения, полученные материалы позволяют сделать некоторые предварительные выводы о времени освоения этого района города. Можно выделить несколько этапов. Первоначально эта территория использовалась в качестве сельхозугодий (на материке Георгиевских I и II раскопов зафиксированы следы древней пахоты). По всей видимости, в это же время начинает формироваться дорожная сеть. На Георгиевском III раскопе при зачистке предматерика обнаружен участок грунтовой дороги, которая, возможно, вела от моста или переправы через Малашку, в обход Георгиевского холма, к переправе через р. Полисть. Начало функционирования трассы дороги может быть отнесено ко времени не позднее XII в. Начиная, как минимум, с первой четверти XII в. появляется застройка на более высокой части холма, т. е. территория города распространяется на левобережье Малашки-Порусьи. Характерной особенностью усадебной планировки является очень близкое расстояние между постройками, в некоторых случаях – менее 1,5 м. Материальная культура имеет яркий городской облик. Интересна находка на Георгиевском I раскопе в слоях XII в. берестяной грамоты, посвященной кредитной операции с участием киевлянина, а также комплекса привесок, связанных с восточно-финно-угорским миром.

Усадебная застройка в южной части Мининского конца формируется не ранее XIV в. Возможно, к этому же времени относится заселение холма при слиянии Полисти и Порусьи. Освоение территории к западу от Георгиевского холма осложнялось пониженным рельефом этого участка, вероятно, частично затапливаемого. Начиная со второй трети XV в. ее освоение активизируется. Не исключено, что окончательное формирование условий для интенсивного заселения этой территории происходит только после прорытия Перерытицы (вероятно, в XV–XVI вв.), способствующей дренированию. Логичным завершением оформления этой территории как района средневекового города стало появление каменных храмов в начале – первой трети XV в. - цц. Св. вмч. Георгия (1410 г.), Св. вмч. Мины (первая треть XV в.) и, вероятнее всего, Иоанна Предтечи.

Освоение участка в излучине Малашки-Перерытицы, в районе современных улиц Великой и Просвящения, очевидно, затруднялось наличием здесь так называемого Емецкого болота и может быть датировано временем не ранее XVI в. Характерно, что в XVII в. на этой территории, которая именуется Емецким концом

(концом Емца), нет ни одного храма, зато ведется активная производственная деятельность, связанная с солеварением.

Литература

Анкудинов И.Ю., 2004. Две купчие XV в. новгородского Николо-Островского монастыря на земли в Старой Руссе // Русский дипломатарий. М. Вып. 10.

Антипов И.В., 2009. Новгородская архитектура времени архиепископов Евфимия II и Ионы Отенского. М.

Медведев А.Ф., 1968а. Отчет об археологических раскопках в г. Старая Русса в 1967 г. Раскоп V // Научный архив учебно-научной лаборатории НовГУ «Старорусская археологическая экспедиция». Ф. 3. Оп. 1. Д. 59.

Медведев А.Ф., 1968б. Отчет об археологических раскопках в г. Старая Русса в 1967 г. Раскоп VI // Там же. Д. 56.

Миронова В.Г., 1990. История археологического изучения Старой Руссы // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.

НПЛ, 2000 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М. Том III.

Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV - XVII вв. М., 2009.

Рабинович Я.Н., 2011. Старая Русса в Смутное время: Исторический очерк. Великий Новгород.

Строков А.А., 1940. Отчет об археологических работах в Старой Руссе в 1939 г. // Новгородский исторический сборник. Новгород. Вып. 7.

Торопова Е.В., 2012. Отчет о спасательных археологических исследованиях на Георгиевском-III раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2011 г. // Архив ИА. Р-I.

Торопова Е.В., Пежемский Д.В., Торопов С.Е., Самойлов К.Г., 2007. Археологические исследования у ц. Св. Георгия в Старой Руссе в 2006 году // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 21. Великий Новгород.

Торопова Е.В., Торопов С.Е., Самойлов К.Г., Колосницын П.П. и др., 2011. Работы Старорусской археологической экспедиции НовГУ в 2010 году [Электронный ресурс] // Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого: http://www.novsu.ru/file/927287 (дата обращения 15.08.2012).

Торопова Е.В., Торопов С.Е., Самойлов К.Г., Колосницын П.П. и др., 2008. Археологические исследования 2007 года в Старой Руссе // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород. Вып. 22.

Торопова Е.В., Торопов С.Е., Самойлов К.Г., Колосницын П.П. и др., 2009. Археологические исследования 2008 года в Старой Руссе // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород. Вып. 23.

Торопова Е.В., Торопов С.Е., Самойлов К.Г., Колосницын П.П. и др., 2010. Археологические исследования 2009 года в Старой Руссе // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород. Вып. 24.

Торопова Е.В., Торопов С.Е., Самойлов К.Г. и др., 2003. Итоги археологических исследований на Пятницком и Георгиевском раскопах в Старой Руссе в 2002 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород. Вып. 17.

П.Е. Сорокин

Крепость Ландскрона: некоторые итоги историко-археологического изучения

P.E. Sorokin. Landskrona Fortress: results of historical and archaeological research

According to written sources the fortress of Landskrona was founded by Swedes in summer 1300, and destroyed by Russian troops in 1301. The detailed description of the campaign and fortifications built on the bank of Neva river contains the Eric Swedish chronicle of the early 14th c.

Landskrona's remains are preserved on the area of 20000 square meters. The excavations revealed that it was a regular rectangular fortress, surrounded by two lines of defensive ditches. The fortress area was leveled before construction works, and a rectangular artificial platform, having in the base 8–16 m wide logs oriented to the cardinal points, parallel to the ditches, was erected. All this indicates that the fortress was erected as a single project, and was to have a regular layout. Thus, the idea of Landskrona being a typical cape fortification formed on the basis of written evidence is not confirmed. The fortification type and design features are similar to ones of the medieval fortifications in Western Europe.

Ключевые слова: крепость Ландскрона, крепостные стены, средневековые укрепления.

Крепость Ландскрона была построена летом 1300 г. на Неве шведскими войсками под руководством королевского наместника Тергильса Кнутсона. Краткое описание ее имеется в шведской хронике Эрика начала XIV в.: «над тем рвом стояла стена с восемью башнями с бойницами; ров был вырыт между обеими реками, за ними стояло все войско» (*Шаскольский*, 1987. С. 18–25). Согласно Новгородской первой летописи, в строительстве крепости участвовали мастера из Рима и она была укреплена – «твердостию несказанной». Оборона крепости была усилена камнеметными машинами. Подошедшие вскоре русские войска не смогли взять ее штурмом. Вскоре после их ухода шведский флот отплыл в Швецию, оставив в Ландскроне гарнизон в 300 человек. По свидетельству Новгородской первой летописи, в 1301 г. великий князь Андрей с войсками из северо-восточной Руси и новгородцами осадил крепость и 18 мая взял ее штурмом. Гарнизон частью погиб, частью был взят в плен, а город сожжен и разрушен (НПЛ, 2000. С. 91).

Никаких следов укреплений Ландскроны и связанных с ней случайных находок на Неве известно не было. Основным местом ее локализации всегда считалось устье р. Охты, т. к. именно эта река упомянута в русских летописях. Хроника Эрика указывает на устье р. Черной. Поэтому часть историков XIX в. помещали Ландскрону на место современного Александро-Невского монастыря, построенного при впадении р. Монастырки (ранее она называлась Черной) в Неву.

Устье Охты известно и другими историческими событиями – в XVII в. на мысу между Невой и Охтой существовала шведская крепость Ниеншанц, которая в 1703 г. была взята русскими войсками и впоследствии разрушена. В XIX в. здесь размещалась Охтинская корабельная верфь, а в XX в. – возникший на ее основе Петрозавод (*Сорокин*, 2000). Поскольку на этой территории начиная с XVII в. велось масштабное строительство, существовало мнение, что от древних памятников здесь ничего не сохранилось.

Именно поэтому все исследования крепости Ландскрона основывались исключительно на письменных документах. Из текста хроники складывается представление о крепости, которая была построена относительно небольшими силами в короткие сроки, прерываемые военными действиями, и в основе своей представляла типичное мысовое укрепление (*Hornborg*, 1944. S. 214, 216; *Jaakkola*, 1958. S. 391–395; *Шаскольский*, 1987. С. 37–39). Это был наиболее простой вариант укреплений на треугольном в плане мысу, при котором основные оборонительные сооружения возводились с одной, не защищенной водными преградами, стороны. Учитывая, что ширина перешейка между двумя реками в 200 метрах от их слияния составляла еще в XVII в. около 300 м, именно такой протяженности и должны были быть основные укрепления крепости, которые позволяли защитить мыс с на-

польной стороны. Глубина внешнего рва, который для неприступности должен был быть заполнен водой, определялась особенностями рельефа в этой части мыса.

Исследования на Охтинском мысу были начаты в 1992 г. Санкт-Петербургской археологической экспедицией Северо-западного института культурного и природного наследия по программе «Изучение допетровских памятников на территории Петербурга» (*Сорокин*, 1994; 2000. С. 40–42, 65–72, 110). В то время территория крепости Ниеншанц, известная по шведским планам XVII в., была на 80–90% перекрыта заводскими сооружениями и инженерными коммуникациями. Однако разведочные раскопки показали, что здесь сохраняются участки культурного слоя XVII в., насыпные слои, вероятно связанные с фортификацией, а также позднесредневековые захоронения. По результатам этих работ была подготовлена охранная документация, и в 2001 г. мыс при впадении Охты в Неву был поставлен на государственный учет в качестве выявленного объекта культурного наследия «Ниеншанц (Охта 1) шведская крепость 1611–1703 гг.: участки культурного слоя, грунтовый могильник». Это создало законодательную основу для продолжения изучения этой территории при проведении здесь последующих строительных работ.

В 2006 г. в связи с подготовкой нового строительства на этой территории корпуса Петрозавода были снесены, что позволило продолжить здесь раскопки на больших площадях. Первый участок деревоземляных сооружений Ландскроны был обнаружен в том же году в центральной части мыса. Масштабные раскопки 2007–2010 гг. позволили исследовать значительную часть территории крепости (около 70%), включающую центральную площадку и оборонительные рвы с восточной и, в значительной степени, с южной и северной сторон крепости (рис. 1, на с. 450). Не была исследована только западная линия укреплений со стороны Невы (*Сорокин*, 2008; 2008а; *Сорокин, Поляков, Иванова*, 2009; *Сорокин и др.*, 2010).

Сопоставление археологических данных и сведений письменных источников показывает, что они во многом расходятся. Исследования показали, что планировка крепости была регулярной, с прямоугольными очертаниями стен, и с внешней стороны она была защищена двумя линиями оборонительных рвов. Предположение о том, что шведы использовали удобное для строительства место, не подтвердилось – в древности мыс был сильно пересеченным. Укрепления Ландскроны, изученные в процессе раскопок, поражают своей масштабностью – они занимали территорию около 40000 м^2 между Невой и Охтой. Наземные части исторических крепостей на мысу оказались почти полностью срыты и спланированы в период существования здесь Охтинской верфи в XIX в. и Петрозавода в XX в. Значительно лучше сохранились засыпанные крепостные рвы различных периодов существования фортификационных сооружений на этой территории. Можно выделить четыре этапа их строительства. Два последних (третий и четвертый) связаны с сооружением Ниеншанца в первой и второй половине XVII в. Второй этап крепостного строительства был связан с Ландскроной, а первый – с не известным из документов средневековым мысовым городищем.

Поверхность мыса, на котором была построена Ландскрона, была пересеченной и покрытой смешанным лесом. Перепады высот в пределах площадки местами превышали 2 м. В центре этой местности по ложбине (шириной 20–30 м, глубиной 1,5–2 м) протекал ручей. Поэтому при сооружении крепости здесь были проведены масштабные планировочные работы. Первоначально был вырублен лес, при этом

мелкая растительность выжигалась. Русло ручья, так же как и другие пониженные части территории, было заполнено связками из веток произраставших здесь деревьев (сосны, ели, березы, дуба, ольхи), которые служили гатью в процессе проведения работ и дренажом – после засыпки их грунтом. Вся территория будущей крепости была спланирована подсыпками из рвов и повышена до уровня наиболее возвышенных участков мыса. В центральной части мыса, севернее ложбины, обнаружены ров и канава, протяженностью около 80 м, которые были засыпаны при строительстве деревоземляных укреплений Ландскроны. Датирующих находок в них не обнаружено, однако учитывая их стратиграфическое положение – под сооружениями Ландскроны 1300 г., – можно связывать появление этих укреплений с более ранним временем. Вероятно, это остатки оборонительных сооружений мысового городища-убежища, существовавшего здесь до основания Ландскроны.

Открытые при раскопках два рва Ландскроны окружали центральную площадку крепости, располагаясь параллельно друг другу на расстоянии 15–18 м. Они были изучены с восточной, северной и южной сторон крепости, на тех участках, которые не были перекрыты в XVII в. рвами Ниеншанца. Лучше других – на полную длину – сохранился восточный участок внутреннего рва протяженностью 136 м, располагавшийся со стороны р. Охты. Южная линия рва с напольной стороны, раскопанная на протяжении около 105 м, выходит за пределы исследованной территории в западном направлении (рис. 2). Хорошая сохранность восточной и южной линий внутреннего рва объясняется тем, что они попадают внутрь укреплений

Рис. 2. Внутренний ров Ландскроны. Юго-восточный угол

Рис. 3. Внешний ров Ландскроны с южной стороны

Ниеншанца. Северная линия рва, значительно поврежденная рвами этой крепости и сооружениями Охтинской верфи XIX в., сохранилась только на отдельных участках. Внешний ров, в большей степени перерезанный рвами XVII в., также сохранился частями – с восточной и южной сторон (рис. 3). На севере он почти полностью оказался перекрыт рвом Ниеншанца, сохранившись в незначительной степени за его пределами – в северо-восточном углу и в центральной части, на месте Старого бастиона этой крепости. Реконструируемая длина внешнего рва с восточной стороны составляет около 181 м. С южной он был прослежен на протяжении около 148 м, а далее выходил за пределы исследуемой площади. Изученные юго-восточные и северо-восточные углы обоих рвов близки к 90º. В северо-восточной части крепости исследован соединительный ров, проходивший между внутренним и внешним рвами и связывавший их с р. Охтой. При этом он проходил под углом к ним, т. к. был проложен по трассе рва предшествовавшего Ландскроне мысового городища.

Рвы Ландскроны имели в разрезе трапециевидную форму и были облицованы деревянными конструкциями из плах и стволов молодых сосен диаметром 10–20 см, уложенных по склону вплотную друг к другу. Снизу – в основании склона – они были закреплены продольными плахами и рядом вертикальных колов, вбитых в грунт. Внешний ров шириной около 15 м сохранился на глубину до 2,4 м. Стенки рва, имевшие угол наклона около 40°, были укреплены от оплывания стволами молодых, преимущественно сосновых, деревьев или плахами – расколотыми пополам бревнами, уложенными по склону вплотную друг к другу. Снизу они были затесаны и вбиты в дно рва, а в основании закреплены рядом вбитых в грунт вертикальных колов и уложенными вдоль склонов рва продольными плахами**.** В 15–18 м от внешнего рва, параллельно ему, был расположен аналогичный по конструкции внутренний ров, шириной около 11 м в верхней части, глубиной до 2,8 м. Стенки этого рва имели более крутой угол наклона (около 60°).

На внутреннем склоне внутреннего рва исследованы нагромождения сгоревших деревянных конструкций, вероятно остатки крепостных стен. В некоторых местах зафиксированы их значительные скопления, что позволяет предполагать существование там укреплений крепостных башен. В деревянных конструкциях и в нижней части заполнения внутреннего рва обнаружены арбалетные болты (в том числе от баллист – станковых арбалетов-«самострелов») и наконечники стрел. Во рву и на площадке крепости найдены два наконечника копий. Все эти предметы вооружения могут быть датированы рубежом XIII–XIV вв.

В верхнем слое засыпки рвов Ландскроны, относящемся к XVII в., с южной стороны крепости, найдено около 300 переотложенных погребений. В двух местах во внешнем рву, где были сложены останки около двух сотен человек (в том числе черепа и кости), они носили следы перезахоронения. Отдельные человеческие кости и их небольшие скопления встречались также в засыпке внутреннего и внешнего рвов и в других местах. При этом часть костей принадлежала детям и женщинам, что позволяет связывать их с разрушенным позднесредневековым могильником, выявленным ранее вблизи этого места на берегу Охты. Предварительная датировка могильника – XVI – начало XVII в. Могильник был сильно разрушен уже в середине XVII в., когда в его северной части был сооружен бастион крепости Ниеншанц, получивший название Мертвый. Значительное преобладание в составе перезахороненных в XVII в. во рвах Ландскроны человеческих останков мужчин зрелого возраста может свидетельствовать о том, что среди них могут быть и останки шведских воинов, погибших в Ландскроне в 1301 г., перезахороненные вместе с другими останками в XVII в.

На основании археологических находок и данных радиоуглеродного анализа рвы датированы рубежом XIII–XIV вв. Дендрохронологический анализ деревянных конструкций Ландскроны, проведенный на основании сравнения с Новгородской шкалой, дал дату 1300 г. (*Сорокин, Тарабардина*, 2012).

На внутренней площадке крепости исследована насыпная платформа, в основе которой были взаимно-перпендикулярные линии деревянных сооружений – городней шириной 6–9 м, изготовленных из сосновых деревьев перекладной техникой (рис. 4). Внешние – тройные – линии городней располагались параллельно рвам крепости. На внутренней площадке через центр образуемого внешними линиями квадрата проходили две линии городней, пересекавшиеся в середине. Внутри они были заполнены бревнами, ветками, дерном и песком. Песчаное заполнение имели и свободные пространства платформы внутри них. Лучше всего – на высоту до 3 м – они сохранились в пониженной западной части крепости.

В западной части внутренней площадки крепости обнаружено срубное сооружение – погреб с колодцем, вероятно, находившиеся в основании крепостной башни (рис. 5). В плане оно представляло собой квадрат (5,3×5,3 м) и сохранилось на высоту до 3,8 м. Основание его было впущено с древней дневной поверхности и заглублено ниже современного уровня Невы примерно на 1,8 м. Сооружение было срублено «в лапу» из бревен диаметром до 30 см. Внутри сруба на уровне обгоревшей верхней части прослежены вырубки под лаги перекрытия. В нижней части зафиксированы остатки настилов на двух уровнях и другие конструктивные детали.

В песчаном заполнении сруба обнаружены обгоревшие бревна и доски, свидетельствующие о сильном пожаре, булыжники различных размеров, железистые

Рис. 4. Дерево-земляная платформа крепости

Рис. 5. Подземное срубное сооружение

шлаки, а также средневековые предметы быта: деревянные детали колеса, бочек, части лопаток, черпак. Основание срубного сооружения с подземными помещениями пока является единственным сооружением, которое может соотноситься с погребом, упоминаемым в Хронике Эрика как последнее пристанище остатков гарнизона крепости во время штурма 1301 г. После разборки заполнения сооружение было временно законсервировано до осуществления мероприятий по его сохранению.

Можно предположить, что линии городней маркируют планиграфию крепостных сооружений. Подземные деревянные конструкции не только предохраняли насыпную платформу от оплывания, но, вероятно, закладывались в основание будущих крепостных построек. Если рассматривать структуру городней как такую основу, то планируемые постройки должны были быть сделаны в форме каре. Основой новой крепости должен был стать так называемый «конвент хаус», известный в североевропейской фортификации начиная с середины XIII в. Подобные сооружения появляются в землях Восточной Прибалтики, входивших в состав Тевтонского ордена, уже в XIV в. Таким образом, строительство современной по тем временам крепости, судя по всему, действительно велось архитекторами из Италии, где подобный тип квадратных и прямоугольных крепостей с восемью башнями, располагавшимися по углам и сторонам стен, был хорошо известен уже в XIII в.

В какой степени был осуществлен план строительства крепостных построек, судить сложно, т. к. верхний уровень напластований, связанных с Ландскроной, был полностью срыт при последующих перепланировках этой территории. Однако структура подземной платформы неоспоримо свидетельствует о том, что крепость возводилась по единому проекту и должна была иметь регулярную планировку. Нельзя исключать и планов возведения на деревоземляных конструкциях каменных корпусов. Однако, в отличие от Финляндии и Карелии, где шведы строили каменные крепости, камня для этого здесь недоставало. В то же время, гранитные булыжники, использовавшиеся как метательное оружие, были найдены на территории крепости, преимущественно в ее рвах, в значительном количестве.

Крепость имела очертания, близкие к прямоугольным, что характерно для регулярных европейских крепостей развитого средневековья. Ее опоясывали две линии рвов П-образной формы, замыкавшиеся на берег Невы. Можно предположить, что и с западной стороны были аналогичные укрепления, с тем лишь отличием, что здесь отсутствовал внешний ров, т. к. он не вписывался в территорию мыса. Поэтому, вероятно, в этой части он мог замыкаться на берег Невы. Северо-западный угол внутреннего рва, попадающий на реконструируемый берег Невы, мог также соединяться с ней. Уточнить планиграфию крепости с западной стороны возможно только после проведения раскопок в этой части мыса. Еще одной проблемой является уточнение параметров Охтинского мыса – прохождение береговых линий Невы и Охты – во время строительства Ландскроны. Согласно историческим планам этой территории, на протяжении XVII–XX вв. происходило увеличение площади мыса за счет искусственных подсыпок при строительстве. В результате береговые линии обеих рек сместились на расстояние около 20 м, за границы мыса, обозначенные на картах XVII в., а окончание мыса при строительстве моста через Охту было увеличено примерно на 100 м.

Изученная часть укреплений показывает, что внутренняя площадка крепости была размерами 114×114 м, таким образом, ее площадь составляла около 13000 м^2.

Реконструируемая площадь крепости по периметру внешнего рва – до 180×180 м, или 32400 м^2. По своим размерам Ландскрона была достаточно крупной крепостью и значительно превосходила первоначальный Выборгский замок, построенный шведами в 1293 г. под руководством того же Тергильса Кнутсона. Сложившееся на основании документов представление о Ландскроне как о типичном мысовом укреплении, которое могло быть построено в короткие сроки, не подтверждается.

Значительные масштабы строительных работ 1300 г. на мысу между Невой и Охтой, зафиксированные в процессе раскопок, свидетельствуют о том, что со шведской стороны в походе участвовало большее количество людей, чем упоминает Хроника Эрика. Вероятно, в строительных работах принимало участие и захваченное в плен местное ижорское и карельское население. Именно этим может объясняться быстрое сооружение такой масштабной и хорошо укрепленной крепости.

Дальнейшее исследование территории в устье р. Охты позволит получить новые данные по устройству Ландскроны.

Литература

НПЛ – Новгородская первая летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 3.

Сорокин П.Е., 1994. Археологические исследования в устье реки Охты // Петербургские чтения. СПб.

Сорокин П.Е., 2000. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб.

Сорокин П.Е., 2008. Археологические исследования города Ниена, крепости Ниеншанц и перспективы создания Археологического музея Петербурга // Реликвия № 18. СПб.

Сорокин П.Е., 2008а. Археологические исследования Ландскроны и Ниеншанца // Тр. II (XVIII) Всерос. археолог. съезда в Суздале. М. Т. II.

Сорокин П.Е., Поляков А.В., Иванова А.В., Михайлов К.А., Лазаретов И.П., Гукин В.Д., Ахмадеева М.М., Глыбин В.А., Попов С.Г., Семенов С.А., 2009. Археологические исследования крепостей Ландскрона и Ниеншанц в устье реки Охты в 2008 г.: Предварительные результаты // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 3.

Сорокин П.Е., Попов С.Г., Семенов С.А., Михайлов К.А., 2010. Изучение шведской крепости Ниеншанц XVII в. в Санкт-Петербурге // АО 2007 г.

Сорокин П.Е., Тарабардина О. А., 2012. Археологические раскопки на Охтинском мысу и перспективы создания дендрохронологической шкалы Петербурга // Новгород и Новгородская земля: История и археология: XXV науч. конф., посвящ. памяти В.И. Поветкина (Великий Новгород, 25–27 января 2011 г.). Новгород.

Шаскольский И.П., 1987. Борьба Руси за сохранение выхода в Балтийское море в XIV веке. Л.

Hornborg E., 1944. Finlands Havder. Helsingfors. I.

Jaakkola J., 1958. Suomen varhaiskeskiaika. Porvoo. Helsinki.

Ю.В. Катышевский, С.Е. Шуньгина

Археологические исследования на территории Большого Успенского монастыря в Тихвине в 2010 г.[1]

Yu. V. Katyshevsky, S. Ye. Shun'gina. Archaeological researches in the Bolshoy Uspensky Monastery in Tikhvin in 2010.

Abstract. The article presents materials of archaeological researches in the Bolshoy Uspensky Monastery in Tikhvin near Zhitennye cells. In the trench VII (122,5 m^2) there were opened untouched cultural layers which provided valuable materials from the time of existence of Pretchistensky churchyard onwards. 65 graves dated from 18th to 19th cc. were investigated in the

[1]Доклад прочитан на 57-м заседании семинара в 2011 г.

western part of the trench; eastern boundary of the cemetery, almost immediately next to the cells, was defined. Excavations in the central part of the trench gave information on the constructive principles of Zhitennye cells' foundations.

Ceramics and individual findings enable us to fix the clearly dated strata. Among the findings the most valuable are the wooden Image of Our Lady's Assumption and the forged items of local production.

Ключевые слова: Тихвин, Ленинградская обл., Большой Успенский монастырь, Житенные кельи, фундамент, монастырское кладбище, погребение, керамическая коллекция.

В связи с производством земляных работ по реконструкции инженерных сетей ансамбля Большого Успенского мужского монастыря выполнялись комплексные археологические исследования на участке, расположенном к северу от сохранившейся части Житенных келий (в настоящее время здесь располагается административная часть ТИМАХМ). В рамках осуществления проекта была заложена траншея VII (по общей нумерации с 1975 г.), площадью 122,5 м^2. Длина траншеи 67 м, ширина – 2–1,5 м.

Самые ранние сведения о Тихвинском Пречистенском погосте – поселении, на месте которого вырос сначала посад, а позже город, – относятся к 1383 г. (ПСРЛ, 1965. С. 83). Позже, в 1495–1496 гг., писец Ю.К. Сабуров в Новгородской писцовой книге упоминал «погост Тихвинский, а в нём церковь деревянная». В 1510–1515 гг. на средства московского великого князя Василия III новгородский строитель Дмитрий Сырков и мастер Фрязин возвели монументальный каменный Успенский собор, сохранившийся до наших дней. К этому времени вокруг Успенской церкви уже были построены кельи монахов, дома церковнослужителей и посадских людей, а также торговые помещения. Таким образом, на этом этапе территория нынешнего монастыря выполняла функции монастыря и посада одновременно. В 1560 г. по указу царя Ивана IV начинается строительство двух монастырей-крепостей – Успенского мужского (ПСРЛ, 1841. С. 159) и малого Введенского женского. Одновременно с организацией большого Успенского монастыря в середине XVI в. по распоряжению царя с этой территории был перенесен посад на две версты южнее, на возвышенность, где стояла деревня Киселево, которая принадлежала «тихвинским попам» Успенской церкви, а потом была пожалована монастырю. К 1564 г. относится первая перепись населения Пречистенского погоста, произведенная Андреем Лихачевым. По этим данным, на Тихвинском посаде значилось 60 дворов, 37 лавок и 1 церковь Преображения. Население составляло 96 человек. Отделение посада от монастыря и перенесение его на новое место не было вызвано соображениями строительного порядка, а диктовалось политикой государственной власти, которая нашла свое отражение в Судебнике 1550 г., 91 статья которого запрещала торговым людям жить в монастырях. Это право оставалось лишь за нищими (*Сербина*, 1951. С. 22, 23). В XVII–XVIII вв. Тихвинский посад как единое образование достиг экономического расцвета. На высоком уровне было здесь ремесленное производство. Особенным спросом пользовались изделия тихвинских кузнецов.

Внутри монастыря выделяется замкнутое пространство (каре), ориентированное по сторонам света. С севера его замыкает комплекс построек Северных братских келий (1686–1697 гг.), включавших Клиросские, Просвиренные, Сетную кельи и Хлебные амбары (данному комплексу в связи с проектом реставрации посвящены следующие исследования: *Фомин*, 1984; *Варакин*, 2009; *Шуньгина*, 2009), с восто-

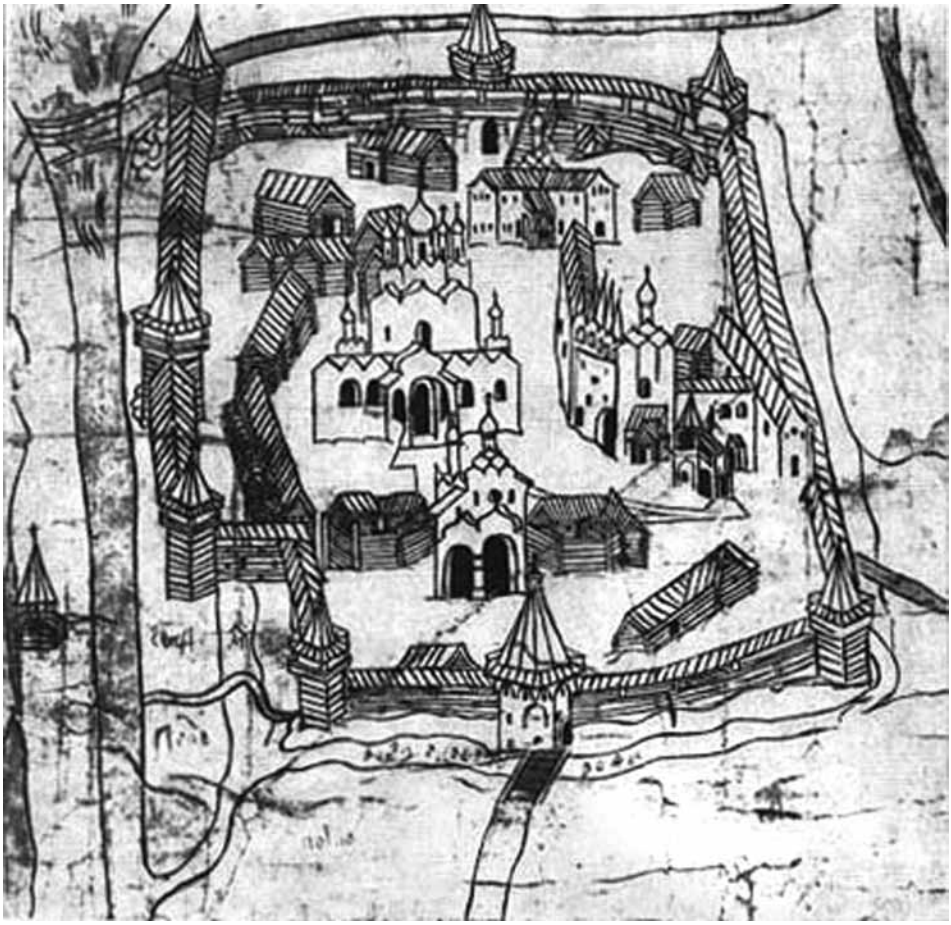


Рис. 1. Копия фрагмента плана И. Зеленина и П. Евстафьева, 1678 г.
(Архив СПб ИИ РАН. Колл. 220. № 167)

ка – Больничные кельи с церковью 12 апостолов (1679 г.), Крестовоздвиженская церковь (1697–1702 гг.) и Житенные кельи (1699–1700 гг.). Таким образом, по устоявшейся традиции, в северо-восточной части монастыря располагались постройки хозяйственного назначения.

Житенные кельи, в непосредственной близости от которых была заложена траншея, изначально практически примыкали к амбарам северной линии построек, возведенным в 1693–1697 гг.

О первых монастырских «житенных амбарах», или «житницах», предназначенных для хранения зерна, муки и других запасов, нам ничего не известно. К наиболее ранним относится запись 6 апреля 1640: «…да на монастыре ж монастырских девять житниц. Три житницы порожних, а шесть житниц с хлебом» (Книга переписная… Л. 75). В них хранились запасы не только монастыря, но и посадских людей. Графическое подтверждение тому имеется на плане И. Зеленина и П. Евстафьева 1678 г. (рис. 1), на клейме иконы Тихвинской Божьей Матери (1680 г.).

В апреле 1697 г. случился пожар (поджог?), в результате которого деревянные постройки сгорели: «…к (10) числу в первом часу ночи и выгорело города мало по два прясла а ветер в то время был север как загорелеся от севера на мнстрь и что было в городе посадцких жителей житниц с хлебом и харчевым запасом и те житницы от того огня загорелися…» (Черновые отпуски… Став 4, 5).

Решение построить новые каменные «житницы» появилось, по всей видимости, задолго до пожара. Во всяком случае, 8 марта 1697 г. монастырь заключил договор на изготовление 100 тысяч кирпичей, что говорит о его больших строительных замыслах. Одновременно администрация монастыря ходатайствовала перед царем о разрешении возвести «каменные кельи» и «иные монастырские службы», для которых уже имелись «готовая подошва» и «заготовления» («известь и кирпич, и тес и всякие подобные припасы»). Разрешение было получено 26 марта 1697 г. По мнению В.В. Фомина, данная информация напрямую связана со строительством каменных сооружений восточной линии каре монастыря, в которую входили ворота с Покровской (ныне Крестовоздвиженской) церковью и Житенный корпус (*Фомин*, 1986. С. 11–13). Таким образом, к рубежу XVII–XVIII вв. внутреннее каре монастыря было полностью замкнуто каменными постройками. Представление о том, какими были каменные Житенные кельи, нам дает опись 1739 г.: «Меж тех амбаров и житенною кельей в огород ворота длиною на 1 сажени. От тех ворот келья с сенми каменная житенной службы: под тою кельею кладовая полата длиною на 4-х шириною на 5 саженях. От той житенной кельи 4 хлебные амбара каменные в одной линии длиною на 9 саженях шириною на 5 саженях вверху тех амбаров чулан каменной. Подле тех амбаров вверху келья каменная пустая длиною на 4-х шириной на 5 саженях под тою кельею палата кладовая». К концу 1740-х гг. к зданию Житенных келий был пристроен деревянный грузовой перрон, зафиксированный на плане Сляднева 1747 г. Аналогичная пристройка была сооружена у хлебных амбаров северной линии.

В 1741 г. в монастыре поселяется крупный в прошлом церковный деятель Варлаам Ванатович, проживший здесь 10 последних лет своей жизни. Согласно сведениям, приведенным А.И. Башуцким, Ванатович занимал южную келейную секцию Житенного корпуса (*Башуцкий*, 1854. С. 20). В 1751 г. В. Ванатович умирает, и вплоть до 1763 г. келья его стоит пустая. В 1763 г. она была отдана в аренду тихвинскому уездному казначейству, которое расположило здесь свою денежную кладовую (*Бередников*, 1859. С. 149, 150).

Вплоть до середины XVIII в. в кельях хранятся имущество и запасы посадского населения, монастырем они не используются. Так, например, в 1766 г. помещения первого яруса были отданы в «казенное пользование» для хранения здесь соли и вина. Обмерный план 1825 г. свидетельствует о том, что все дверные проемы находятся на восточном фасаде, а проемы монастырского фасада почти все заложены, за исключением помещения бывших сеней южной секции, продолжавшего служить монастырю.

По-видимому, в конце XVIII – начале XIX в. были построены новые кладовые, которые расположились в монастырском остроге вдоль восточной линии фасада между Никольскими воротами и северо-восточной башней. Они отдавались в «наем для поклажи казенной соли» (*Бередников*, 1859. С. 41). В связи с этим можно предположить, что со времени постройки новых кладовых старые перестали фун-

кционировать. В 1826 г. из корпуса выезжает и кладовая казначейства, и помещения остаются пустыми вплоть до 1857 г. С этого года здесь появляются братские кельи. Кроме того – вероятнее всего, из-за того, что часть здания приходит в упадок, – его северная половина разбирается. Тогда же были разобраны и амбары Северного братского корпуса. К 1860-м гг. относится возведение на месте утраченной части здания Житенных келий стены.

На протяжении Великой Отечественной войны в разные промежутки времени на территории монастыря существовало 5 госпиталей (*Дергачева*, 2006). В послевоенное время сохранившаяся с XIX в. южная часть Житенных келий была приспособлена под жилой дом. Территория, где была северная, разобранная часть здания, сейчас находится в собственности у частного владельца.

Другая тема, которую следует осветить, – *монастырское кладбище*. Отдельные прицерковные захоронения раннего периода истории монастыря внутри и рядом с Успенским собором известны по материалам комплексных научных и реставрационных исследований 1980-х гг. Новый этап бытования монастырского кладбища начинается с 1778 г., когда по просьбе архимандрита Евфимия Святейшим Синодом было разрешено совершать погребения городских жителей (Историко-статистическое описание… 2004. С. 186). Причем, как и прежде, это не зависело от заслуг или знатности рода покойного. Монастырь принимал пожертвования: за взрослое погребение вносили от 5, за детское – от 3 рублей. К концу XIX в. монастырское кладбище распространилось на всю площадь внутреннего каре. В 1930-е гг. были разобраны почти все памятники на внутреннем монастырском кладбище, имевшие каменные надгробья. Еще большему разрушению оно подверглось во время Великой Отечественной войны, в 1941 г., когда во время короткой оккупации города территория монастырского двора была перекопана под немецкие солдатские захоронения. В настоящее время вся территория закрыта газоном, отдельные захоронения и сохранившиеся намогильные плиты располагаются у восточных и северных стен Успенского собора.

Таким образом, накопленный исторический материал стал хорошей основой для наших изысканий и подтвердился во время полевых работ.

На участке А по всей его площади были исследованы грунтовые захоронения. Всего выявлено 65 погребений, совершенных по обряду трупоположения (1–60). Погребение 58 оказалось пустой могильной ямой, впущенной в материк, четыре погребения получили номера с дополнительным буквенным обозначением (4А, 11А, 42А, 52А), погребения 9 и 10, выявленные в склепах 3 и 4, не разбирались, т. к. уходят в южную и северную стенки траншеи и вследствие своего местоположения и глубины залегания не мешают прокладке коммуникаций. Погребения 59 и 60 не раскрыты, т. к. выявлены при зачистке южной и северной стенок и зафиксированы только на чертежах стратиграфии.

Более поздние захоронения монастырского кладбища нарушали более ранние, поэтому в раскопе раскрыты как полные, непотревоженные костяки, так и фрагментарно сохранившиеся. Всего насчитывается 3 яруса захоронений, нижние находятся на глубине около 2,5 м от уровня современной дневной поверхности (рис. 2). Все они ориентированы головой на запад, ногами на восток. Выявлены как взрослые, так и детские погребения, в двух погребениях – женщины с младенцами. По способу погребения выделяются захоронения в деревянных гробах, в кирпичных

склепах и гробах (их исследовано 4) и в могильных ямах. Деревянные гробы вытянутой трапециевидной формы имели на углах ножки, которые не везде сохранились, но их отпечатки остались в слое песка и супеси.

В погребениях обнаружены кипарисовый образок Успения Божией Матери, накрытый сверху стеклом (рис. 3, на с. 451), медный крест, кружки и другая посуда. Культурных напластований более раннего периода на данном участке не выявлено. Могильник полностью их уничтожил. Восточная граница кладбища была зафиксирована на участке Б и проходила на расстоянии около 71 см от фундамента Житенных келий.

Рис. 2. Участок А после выборки погребений на уровне материка. Общий вид с востока

Фрагмент валунного фундамента западной стены несохранившейся части Житенных келий на участке Б был раскрыт в кв. 12–13. Верхние нивелировочные отметки зафиксированы на уровне –88 – 99 см (в качестве репера была выбрана точка отмостки СЗ угла сохранившейся части Житенных келий, значение которой равно 39,003 м БС), подошва – на глубине –237 – 225 см; кладка высотой около 1,5 м и шириной 2,48 м состоит из 4 рядов валунов. Фундамент заглублен от уровня материковых отложений на 43–48 см. В его нижней части располагаются более мелкие камни (32–22 см в поперечнике), верхний ряд выложен большими камнями шириной около 40–50 см. Между рядами находятся довольно мощные прослойки сырой голубой глины шириной 8–11 см. Над камнями нижнего ряда зафиксированы также линзы мелкого и среднего кирпичного боя. Между 3 и 4 рядами для укрепления фундамента пролит известково-песчаный раствор со щебнем и битым кирпичом. Поверх валунов фундамента также зафиксирован известково-песчаный раствор, на котором выводились кирпичные стены здания (по визуальному соотношению со стенами существующей части Житенных келий). В разрезе линия фундамента ровная, практически отвесная. Незначительное уширение, по подошве составляющее 18 см, зафиксировано только с западной (внешней) стороны в северном профиле. Для сооружения фундамента была выкопана траншея, граница которой четко читается в профиле раскопа. В верхней части она по своим размерам была не намного шире самой кладки, в основании ее граница проходит по краю валунов.

Рис. 4. Подготовка дна фундаментного рва восточной стены Житенных келий, раскрытая после выборки его заполнения. Вид с Ю

По своей структуре фундамент аналогичен фундаментам Северных братских келий, раскрытых в 2009 г. Как видно, традиции сооружения этих построек сохраняются (завершение строительства Северных братских келий относится к 1697 г.).

В кв. 17–18 валунная кладка основания восточной стены не сохранилась, вероятнее всего, она была выбрана в середине XIX в. вместе с разборкой ветхой части келий, а валуны использованы при строительстве монастырской гостиницы, примыкавшей к восточной стене и располагавшейся рядом с Никольскими воротами (ныне не сохранились). Это позволило нам исследовать ров фундамента стены, заполненный крупным строительным мусором – крупным кирпичным боем, раствором, кусками сырой голубой глины. Его ширина составляет 2,72 м, высота такая же, как у сохранившегося фундамента. В ЮЗ углу на дне рва, на глубине –223 см, сохранился единственный валун, относившийся к основанию стены здания. Кроме того, после выборки забутовки на дне расчищены остатки деревянных свай, устроенных для уплотнения материкового грунта. Их диаметр не превышает 8 см, заглубление в материк составляет около 8–12 см (рис. 4). Раскрыто около 5 рядов свай (колышков), ориентированных по оси З–В; в северной части квадрата порядовка читается четче, чем в южной. Расстояние между ними составляет от 31 до 54 см, какого-либо четкого шага их размещения не наблюдается.

На территории, прилегающей к кельям с восточной стороны, зафиксированы следы ее благоустройства. Дневная поверхность на тот период была утрамбована слоем битого кирпича, а поверху выстелена досками. В связи с тем, что дерево и другая органика здесь практически не сохраняются, дерево превратилось в тлен.

К более раннему периоду относятся довольно мощные следы пожара, которые зафиксированы на всей площади участка Б. Он предварительно датируется концом XVII в. По письменным данным нам известно, что до каменного строения келий примерно на этом месте располагалась деревянная постройка того же назначения, сгоревшая в апреле 1697 г. Вероятнее всего, с нею можно связать сохранившиеся

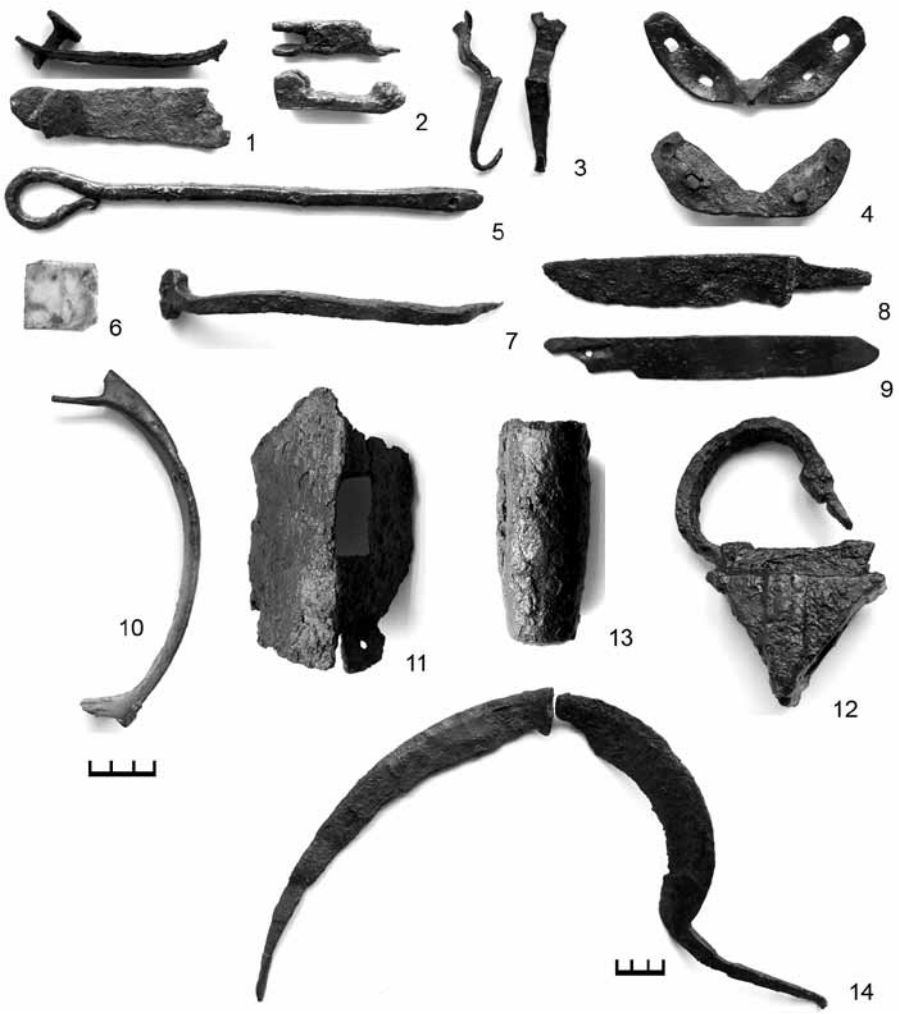


Рис. 5. Предметы из железа (*1–5, 7–14*) и фрагмент слюды с отверстиями для оковки (*6*)
1 – фрагмент предмета пластинчатого кованого с гвоздем (жиковины?); *2* – деталь кованая; *3* – фрагмент кованого крючка (?); *4* – подкова обувная; *5* – светец; *7* – костыль кованый; *8, 9* – ножи; *10* – фрагмент стремени; *11* – личина замка; *12* – замок навесной; *13* – предмет втульчатый; *14* – серп

многочисленные столбовые ямы и пятна от столбов, которые выстраиваются почти параллельными линиями по оси ЗЮЗ–ВСВ. Эта датировка подтверждается находками керамики XVI–XVII вв.

Ниже на участке В зафиксированы непотревоженные напластования темно-коричневого культурного слоя домонастырского поселения, датируемые по керамике XV–XVI вв. На участке Б они залегают под углистыми прослойками, к ним же здесь относятся большие ямы с керамикой того же времени. Кроме того, эти слои были насыщены находками, большую часть которых составляют кованые железные предметы, фрагменты слюды, крупные части керамических сосудов; находки из кости единичны (рис. 5).

К самому раннему периоду заселения территории, который датирован по керамическим материалам XII–XIV вв., относим появление ям 32 и 34 на участке В. Их ширина составляет около 4 м, дно плоское, стенки имеют небольшие ступени, в материк заглублены примерно на 37–44 см. Расстояние между ямами составляет 2,16 м (1 сажень). Не исключено, что по своему назначению они могли быть землянками. Засыпка ям в основании представлена пестроцветным гумусированным песком с углями. В этом слое обнаружены фрагменты сероглиняных сосудов с линейным орнаментом (№ 207, 210; здесь и далее номера фрагментов керамики даны по описи. хр. фондов ТИМАХМ, колл. МА ТМ ВП № 771), которые по форме венчика и внешнему облику могут быть отнесены к древнерусскому времени. Также три венчика сероглиняных сосудов этого периода найдены в нижних слоях на участке Б (№ 73, 81, 90).

Для более четкого представления о сохранности культурного слоя и порядке образования напластований приводим ниже анализ керамического материала.

Всего при производстве раскопок собрано 838 фрагментов керамики. По технологическим характеристикам керамическая коллекция раскопок 2010 г. на территории Большого Успенского монастыря подразделяется всего на пять групп:

1) *«серая» гладкая керамика.* Изготовлена из красножгущихся глин, черепки с визуально почти не различимой примесью песка, слоистость в изломе не просматривается, черепок светло-серый, гладкий;

2) *«серая» грубая керамика.* Изготовлена с примесью дресвы, имеет слабо заглаженную шероховатую поверхность;

3) *белоглиняная гладкая керамика.* Изготовлена из беложгущихся глин с визуально слабо различимой примесью песка, черепок светло-серый, белый или соломенно-желтый;

4) *красноглиняная гладкая керамика.* Изготовлена из красножгущихся глин с визуально почти неразличимой примесью песка; слоистость в изломе не просматривается, черепок гладкий, темно-красный или оранжевый;

5) *чернолощеная керамика.* Изготовлена из красных глин с визуально почти не различимой примесью песка; слоистость в изломе не просматривается, лощение сплошное или полосатое.

Обращает на себя внимание преобладание на участках Б и В сероглиняной керамики, вероятно, местного производства.

В конце 1980-х гг. А.А. Никонова выделила 13 типов керамических сосудов (*Никонова*, 1990. С. 52–56; чертеж, лист № 30895). На этой основе мы представляем керамическую коллекцию 2010 г. (рис. 6).

Из общего количества фрагментов керамической посуды, полученных с участка А, было отобрано 36 фрагментов – исключительно венчики гончарных сосудов. В большинстве своем венчики восходят к ранним формам керамических сосудов, бытовавших в Тихвине в конце XV – XVI в. Подавляющее большинство фрагментов керамики с участка А имеют характеристики типов 1 и 2. Кроме того, по мнению В.И. Кильдюшевского, сосуды типа 2 бытовали на землях Русского Севера в это же время (в частности, в Кореле, Копорье, Орешке).

На участке А в 2010 г. обнаружены фрагменты керамической посуды, очевидно, более позднего периода. По мнению Ю.В. Катышевского, венчики такой формы близки по своим характеристикам типу 5: возможно, они являются прототипом ке-

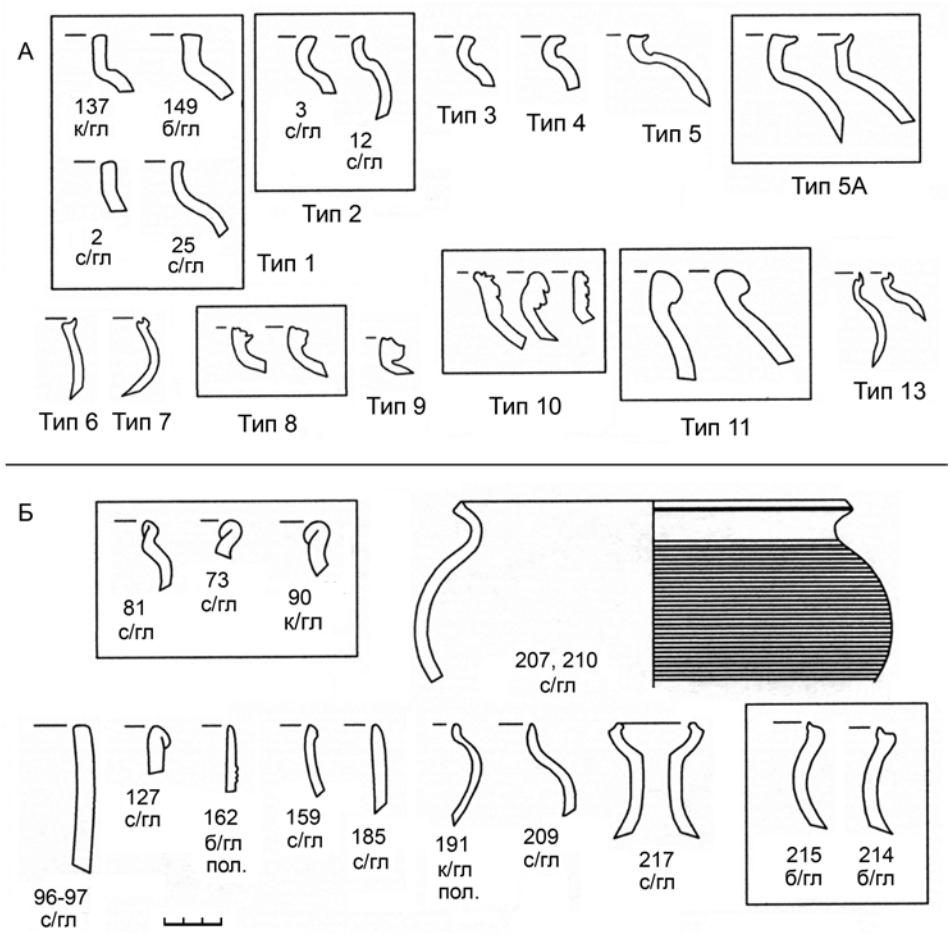


Рис. 6. Основные формы керамики из траншеи VII (указаны номера фрагментов по описи).
А – типовые формы по классификации А.А. Никоновой: т.1 – XV–XVI вв.; т.2 – кон. XV – XVI в.; т.3, 4 – XVI в.; т.5 – XVII–XVIII вв.; т.6, 7 – XVII–XVIII вв.; т.8–10 – XVIII в.; т.11 – конец XVII – XVIII в.; т.13 – конец XV – XVI в. Б – формы венчиков вне классификации (см. комментарии в тексте).

рамики типа 5 (или переходной формой к типу 6, выделенному А.А. Никоновой). В 2010 г. для наименования этих форм керамической посуды, полученных при раскопках на территории Тихвинского посада (возникшего в XVI в.), было предложено условное номенклатурное название «тип 5А». Поскольку типы 5 и 6 датируются XVII–XVIII вв., обнаруженные фрагменты, с их относительно архаичной для Тихвина формой и грубым тестом, можно весьма уверенно отнести к концу XVI – XVII в. Также на этом участке встречены единичные фрагменты керамики типов 5 (XVII–XVIII вв.) и 8 (XVIII в.)

Исходя из изложенного, уместно предположить существование на этом участке поселенческого «домонастырского» культурного слоя периода XV–XVII вв., уничтоженного впоследствии перекопами кладбища. В целом керамическая коллекция участка А позволяет подтвердить датировку кладбища периодом не ранее

середины XVII в., поскольку форм поздних для Тихвина типов сосудов здесь не обнаружено. Значит, участок не находился в ареале хозяйственного освоения в Новое время, когда в слой могли выпадать фрагменты керамики XVIII–XIX вв.

Для изучения керамической коллекции с участка Б было отобрано 117 фрагментов. Участок оказался насыщен керамическим материалом во многом потому, что имеет не только сложную строительную историю, но и высокую сохранность остатков комплексов. Слой в западной части участка исследований (кв. 12–17) оказался «законсервирован» корпусом Житенных келий, поэтому резонно утверждать, что отложения XVIII – середины XIX в. здесь практически отсутствуют, а отложения более позднего периода не могут вызывать интереса в связи с многочисленными этапами благоустройства площадки в XX в.; керамическая коллекция же, полученная из квадратов 12–17, в свою очередь, уверенно получает «верхнюю» датировку – не позднее конца XVII в.

Впрочем, уже в пласте 1 встречены фрагменты керамических сосудов, относящихся к XV–XVII вв. Здесь же присутствует керамика XVII–XVIII вв., представленная тремя фрагментами мисок. Пласт 2 участка Б содержит формы венчиков гончарной посуды Тихвина, бытовавшие в XV–XVII вв. В этой части коллекции имеются формы типов 1, 2, 5А. Из слоя пласта 3 происходят фрагменты гончарных сосудов, архаичных для Тихвина. Речь идет исключительно о периоде XV–XVI вв. (тип 1, 16 фр.). Сосуды, формы которых сообразны формам типа 2 (XVI в.), встречаются реже (8 фр.). В пласте 3 встречены также формы, не представленные в известной классификации. Форма сосуда, венчик которого оформлен валиком, отогнутым к внешнему объему сосуда (рис. 6, *127*), для Тихвина пока представляется нетрадиционной и может быть отнесена к XV–XVI вв. Здесь же обнаружены фрагменты венчиков, не показанных в классификации А.А. Никоновой, которые имеют короткую выгнутую к внутреннему объему горшка шейку, отогнутый наружу короткий закругленный венчик, оформленный подгибом к внутреннему же объему горшка (рис. 6, *81, 73, 90*). Известны сосуды такого типа по материалам раскопок во Владимиро-Суздальских землях, Ярославле и Москве; их датировки устанавливаются в пределах XII–XIV вв. (*Курбатов*, 2007. С. 90–97; *Томсинский*, 2004. С. 218, 219, 312). При разборке пласта 4 обнаружены фрагменты гончарных сосудов, соответствующих описаниям типа 1, правда, с несколько более отогнутым по отношению к тулову горшка, но высоким, венчиком. В ходе выборки материковых ям в пяти из них в слое найдены фрагменты керамики, которые равномерно датируют их заполнение XV–XVI вв. В основном это формы типов 1 и 2, по одному фрагменту – типов 3 и 4. В целом хронология антропогенных отложений участка Б уверенно укладывается в рамки XV–XIX вв. Наиболее интенсивно отложения формировались в XV – начале XVII в.

Участок В, наименьший по площади раскрытий, дал коллекцию из 598 фрагментов гончарной керамики, преимущественно ранней для этого памятника. Из этого количества отобрано лишь 67 единиц для прорисовки и анализа. Преобладающей формой сосудов на участке В оказались изделия типов 1 и 2.

Керамические находки пласта 1 представлены венчиками гончарных сосудов, относящихся к XVI–XVII вв.: тип 4 представлен 1 фрагментом, который уверенно можно датировать серединой XVI – XVII в. по материалам раскопок прошлых лет. В этом же пласте встречены фрагменты типов 1 и 2; возможно, это результат позд-

него перекопа. Особый интерес вызывает впервые полученный нами (за последние 3 года исследований) фрагмент типа 13, датировка которого А.А. Никоновой не представлена в материалах ее исследований, но, по нашему представлению, такие сосуды бытовали в конце XV – XVI в. На участке исследований в кв. 25 обнаружен фрагмент, не относящийся к ранее выделенным типам, – венчик сероглиняного кувшина, тонкостенный с невыраженной шейкой, край которого оформлен наружным малым валиком (рис. 6, *159*). Интересным представляется и фрагмент белоглиняного поливного сосуда с прямым высоким венчиком (рис. 6, *162*), оформленным тремя маленькими валиками снаружи, расположенными в 30 мм от плавно закругленного края тонкостенного сосуда. Не исключено, что это осколок белоглиняной поливной чашки. Установить датировку описанных форм сосудов представляется сложным в условиях малых площадей раскрытий и единичных находок с такими профилями, вероятно, привозных.

В пласте 2 преимущественно обнаружены фрагменты гончарной керамики, бытовавшей на этой территории в XV–XVI вв. (типы 1, 2, 5, 5А). Здесь также найдены единичные фрагменты поздних форм керамической посуды: фрагмент типа 10 (№ 173), выпавший в слой не ранее XVIII в., и 2 фрагмента красноглиняных поливных сосудов – № 172 (тонкостенный кувшин) и 171 (толстостенная миска). Эти фрагменты могут быть отнесены к середине XIX – началу XX в. В ходе разборки слоя обнаружены ранее не встреченные нами венчики гончарных сосудов типа 11, по А.А. Никоновой (№ 178, 179), бытование которых В.И. Кильдюшевский уверенно относит к концу XVII – XVIII в. Однако при работах на посаде в 2010 г. Ю.В. Катышевский не встретил ни одного фрагмента такой формы.

Обращает на себя внимание фрагмент сероглиняного сосуда (рис. 6, *185*) нетрадиционной для Тихвина формы: вертикальный прямой венчик без видимой шейки. Датировка его неясна.

Из слоя пласта 3 происходят фрагменты, относящиеся к типам 4, 5А и 13. Интересна находка фрагмента (№ 191) небольшого красноглиняного поливного горшочка с максимальным расширением в верхней трети тулова, короткой шейкой и закругленным венчиком. На тулове прослежены волнистый и линейный фрагменты. Сосуд может быть отнесен к московской керамике XVI в.

На участке В, в яме 32, обнаружены фрагменты сосудов, не имеющие сходства с ранее выявленными в Тихвине формами. Особого внимания заслуживает фрагмент сосуда (рис. 6, *209*) со слабопрофилированным венчиком, почти не выраженной шейкой и суженным скругленным краем. Аналогичный фрагмент был найден в 2008 г. на участке к югу от ансамбля Южных братских келий на горизонте подзолистой структуры. Датировка фрагмента неясна. По мнению С.В. Белецкого, такая посуда могла бытовать в лесной зоне Восточной Европы в XI–XII вв. (устное сообщение). Еще два фрагмента архаичных венчиков от разных раннегончарных горшков выбраны из нижнего горизонта ямы 32 (рис. 6, *207, 210*). Аналогии таким сосудам встречаются в материалах раскопок поселений и могильников. Например, в приладожских курганах керамика такого типа датируется X–XI вв. (*Спиридонов*, 1989. С. 303–315). З.В. Прусакова датирует подобные формы по материалам раскопок на могильнике Конезерье XI–XII вв. (*Прусакова*, 1982. С. 55–60). С.В. Белецкий предполагает возможное бытование сосудов такого типа на исследуемом памятнике в конце XII в. Помимо рассмотренных фрагментов, из верхнего горизонта ямы 32

получена поздняя керамика (выбрана из прогиба слоя XV–XVI вв.). Основываясь на этих данных, определенно можно говорить о том, что верхний горизонт комплекса ямы 32 был нарушен в результате активной хозяйственной деятельности, осуществлявшейся на этом участке в XV – начале XVII в.

Яма 34 предоставила материал для весьма важного вывода о датировке гончарных сосудов типа 5А: одновременная находка фрагментов сосудов типа 5А в «закрытом» комплексе и керамики типа 1, бытовавшей уверенно в конце XV – XVI в., позволяет определить бытование типа 5А по меньшей мере уже с середины XVI в. В этом же комплексе обнаружен фрагмент горлышка сероглиняной кубышки со сливом (рис. 6, *217*); аналогичный фрагмент обнаружен Ю.В. Катышевским в слое серой супеси, залегавшем на предматериковом подзоле при южной стене колокольни (памятник первой трети XIX в.) церкви Св. вмц. Екатерины Тихвинского Введенского женского монастыря, при работах внутри помещения (1 ярус) по инженерному обследованию фундаментов. Датировка слоя, из которого произошел этот фрагмент, – последняя треть XVI – первая половина XVII в. Из этого же комплекса ямы 34 извлечены два фрагмента белоглиняных толстостенных кувшинов со сливом, вероятно, московского происхождения (рис. 6, *214, 215*). Толщина стенок – около 0,8 см; переход от тулова к короткой и широкой горловине плавный; венчик отогнут незначительно, по внутреннему его краю гончаром выведен обращенный кверху тонкий заостренный «карнизик». Датировка сосудов, по материалам исследований Москвы, – XVI–XVII вв. (*Розенфельд*, 1968. С. 46.). Таким образом, комплекс ямы 34 уверенно датирован временем не позднее первой половины XVII в. В целом, антропогенные отложения участка В оказываются весьма ценными. Полагаем, что обнаруженные предметы достоверно позволяют говорить о первичном освоении этой территории во второй половине XII в.

Литература

Башуцкий А.П., 1854. Тихвинские монастыри. СПб.

Бередников Я.И., 1859. Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого большого мужского монастыря. СПб.

Варакин Е.П., 2009. Северные Братские кельи в ансамбле Тихвинского Богородичного Успенского мужского монастыря: Историческая справка // Архив ООО «Предприятие “Каменное зодчество”», шифр 2107-01-4. СПб.

Дергачева А.Б., 2006. Из истории тихвинских госпиталей: Рукопись // Библиотека ТИМАХМ. Тихвин.

Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинскаго Богородицкаго большого мужского монастыря: Репринт. изд. 1888 г. СПб, 2004.

Книга переписная монастырскому имуществу, составленная по царскому указу Ф.А. Тяпкиным да подьячим Иваном Черкасовым при отводе этого имущества игумену монастыря Сергию // СПб ИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71.

Курбатов А.В., 2007. Раскопки 2003–2004 гг. у торговых рядов в г. Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли: Мат. науч. семинара. М.

Никонова А.А., 1990. Большой Успенский монастырь. Археологические исследования на территории монастыря. Научно-проектная документация. Комплексные научные исследования. Ч. 9: Сводный отчет по археологическим исследованиям 1982–1989 гг. // Архив ОАО НИИиП «Спецпроектреставрация». № 4634. Л.

Опись Тихвинского Успенского монастыря, составленная по указу коллегии-экономии новгородским дворянином Максимом Фирсовым и служителем монастыря Петром Шпилькиным // СПб ИИ РАН. Ф. 132. Оп.1. Карт. 125. Д. 18.

Прусакова З.В., 1982. Топография могильников у д. Конезерье на о. Врево // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.

ПСРЛ, 1841 – Полное собрание русских летописей. СПб. Т. III: Новгородская вторая летопись.
ПСРЛ, 1965 – Полное собрание русских летописей. М. Т. IX–XII.
Розенфельд Р.Л., 1968. Московское керамическое производство // САИ. Вып. Е1-39.
Сербина К.Н., 1951. Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. М.; Л.
Спиридонов А.Н., 1989. Керамика Приладожской курганной культуры // Кочкуркина С.И. Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск.
Томсинский С.В., 2004. Углече поле в IX–XIII вв. СПб.
Фомин В.В., 1984. Историческая справка по Северным Братским кельям XVII века // Архив ОАО НИИиП «Спецпроектреставрация». № 2863. СПб.
Фомин В.В., 1986. Житинный корпус: Историческая справка // Архив ОАО НИИиП «Спецпроектреставрация». № 3307а. СПб.
Черновые отпуски отписок архимандрита Боголепа вкладчикам монастыря // СПб ИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 46. № 138.
Шуньгина С.Е., 2009. Северные братские кельи в ансамбле Тихвинского Богородичного Успенского мужского монастыря в г. Тихвине Ленинградской области: Отчет об археологических исследованиях в 2009 г. // Архив ООО «Предприятие “Каменное зодчество”», шифр 2/211-09. СПб.

Е.А. Яковлева, Н.В. Лопатин, А.В. Михайлов

Археологический парк на Труворовом городище: основные предпосылки и принципы проектирования

E.A.Yakovleva, N.V. Lopatin, A.V. Mikhailov. Archaeological park on Truvor Gorodishche: basic preconditions and principles of projection

Abstract. To the 1150 anniversary of the first mention of Izborsk a concept of an open-air exposition on Truvor Gorodishche is developed. It is offered to be carried out as a part of the archaeological park which will be a department of the Izborsk museum-reservation.

The project is planned on the basis of the data of archaeological excavations of the site under the guidance of V.V.Sedov. A complete natural and cultural archaeological ensemble, with high quality scientific and informative, and also esthetic and demonstrative character is planned.

The project is based on the principles of scientific reliability of the designated (but not recreated) elements of fortifications and other constructions of different periods, and also safety of a natural landscape and cultural remains.

Ключевые слова: археологический парк, экспозиция под открытым небом, Изборск, Труворово городище.

В 2012 г. Изборск отмечал 1150-летие первого упоминания его в летописи. Местом, с которым летопись связывает события 862 г., является Изборское (Труворово) городище, расположенное на северной окраине современного поселка Старый Изборск, на западном берегу Городищенского озера. К юбилею Изборска авторами настоящей статьи была разработана концепция музеефикации Труворова городища.

Музеефикацию предлагается осуществить в виде экспозиции под открытым небом в составе **археологического парка**, который будет являться отделом Изборского музея-заповедника. Именно форма археологического парка, исходя из особенностей самого памятника, окружающего ландшафта, специфики расположения центрального музеефицируемого объекта, представляется наиболее соответствующей и актуальной.

В музееведческой литературе весьма часто встречаются упоминания об археологических парках, в первую очередь применительно к мировой практике музеефикации объектов археологического наследия (*Алексеев*, 1990; *Бадер*, 1978; *Массон*, 1996; *Ahrens*, 1990). При этом в специализированной литературе отсутствует определение археологического парка, их классификация, внятные критерии выделения археологического парка как особой формы музеефицирования археологического объекта (объектов). Вероятно, единообразное теоретическое форматирование этого понятия невозможно. Особенности археологических парков определяют музеефицируемые памятники. Тем не менее, анализируя мировой опыт музеефикации и экспонирования объектов археологического наследия, считаем возможным выделить ряд общих черт, свойственных именно археологическому парку, а также особенности, присущие конкретным паркам.

В процессе работы над эскизным проектом музеефикации Труворова городища удалось выделить ряд критериев, определяющих форму музеефикации применительно к данному памятнику:

– сформировавшийся уникальный историко-культурный ландшафт;

– легко определимый и опознаваемый ключевой объект (памятник);

– отсутствие или малое число привнесенных в культурный ландшафт элементов (современная застройка, промышленные и хозяйственные сооружения и т. д.);

– высокая степень изученности объекта музеефикации и прилегающей к нему территории;

– развитость туристической и транспортной инфраструктуры (дороги, подъезды, коммуникации, гостиницы, точки питания и пр.);

– наличие комплекса археологических памятников, хронологически и территориально близких основному объекту музеефикации.

Для археологического парка важнейшим критерием является исторический ландшафт, сформировавшийся в результате длительного взаимодействия человека и природы. Понятие «культурный ландшафт», зародившееся в первой половине XX в., связано с развитием культурной географии – направления, возникшего на волне гуманизации географической науки и заключающегося в изучении человека в качестве создателя духовных ценностей (*Веденин, Кулешова*, 2001. С. 7, 8).

В процессе формирования культурного ландшафта воздействие человека на природу имеет явный преобразующий характер, причем следы воздействия не обязательно ведут к агрессивному внедрению в ландшафт материальных элементов антропогенного свойства. Общество и географическая среда не просто взаимодействуют, но и находятся в единстве, т. е. при определенных условиях переходят друг в друга.

Современные исследователи (Ю.А. Веденин, Р.Ф. Туровский) предлагают модели культурно-ландшафтного районирования, определяющиеся этнической спецификой проживающего населения, историей формирования культурного пространства, лингвистическими, хозяйственными, административно-политическими и другими характеристиками (*Веденин, Кулешова*, 2001. С. 7–14*)*.

Именно комплексное восприятие и сохранение природного ландшафта и органически вписанных в него культурных элементов является отличительной чертой археологического парка, его главной особенностью по сравнению с другими формами музеефикации. Предлагаемые в концепции методы и приемы музеефикации

призваны обеспечить сохранность природно-культурного ландшафта местности, неизменность ландшафтного облика территории, придание ландшафту функции основного, базового компонента музейного показа. При этом приемы и методы музеефикации объекта культурного ландшафта выполняют функцию повторной аккультурации: происходит включение памятника в современную культуру, развивается его социально-пространственное окружение (*Булатов*, 1997).

Для эффективного использования при создании археологического парка потенциала культурного ландшафта крайне желательно отсутствие в районе парка, а также в зоне его визуально воспринимаемых окрестностей, участков застройки, диссонирующей с ландшафтом (особенно промышленной и хозяйственной), иных индустриальных элементов (например, высоковольтных ЛЭП, других трассовых коммуникаций). В случае с Труворовым городищем количество привнесенных элементов, инородных сформировавшемуся историко-культурному ландшафту, минимально – это сельскохозяйственные строения (сушилка и склады) на Словенском поле, к ВСВ от Городища. В процессе развития парка необходимо решать вопрос о «реанимации» этих участков окружающего ландшафта, демонтаже диссонирующих конструкций. Эта задача является стратегической для всего Изборского музея-заповедника, являющегося также и природно-ландшафтным заповедником.

Хорошая изученность ключевого памятника археологического парка (Труворова городища) предоставляет значительную информационную базу для достоверной, научно обоснованной музеефикации. Чем меньше гипотетических элементов появляется в процессе музеефикации, тем более ценным оказывается ее результат. Недопустимо создание на Труворовом городище новых реконструктивных элементов, воссоздающих некогда существовавший исторический объект в полном объеме (стены, башня, постройки и т. п.), – для подобных реконструкций нет достаточных оснований. Такая реконструкция неизбежно приведет к изменению сложившегося баланса между естественными и антропогенными элементами ценного природно-культурного ландшафта.

Результаты работы Изборской экспедиции под руководством В.В. Седова являются ценнейшим источником по истории Северо-Западной Руси времен становления отечественной государственности. Труворово городище – один из ключевых памятников ключевой эпохи в истории России. Однако состояние археологических остатков, обусловленное комплексом причин, важнейшей из которых являются инженерно-геологические условия местности, делает памятник сложным для «прочтения» неспециалистами. Задача адаптации и передачи обширной научной информации посетителям разных уровней подготовленности – одна из основных задач музеефикации. Неразрывно связана с ней задача обеспечения сохранности, как законсервированных (уже изученных раскопками) объектов, так и находящихся в составе культурного слоя. На Труворовом городище практически полностью отсутствует возможность экспонирования подлинных исторических объектов (кроме самой площадки Труворова городища, вала и рва с напольной стороны, ц. Николы на Городище, Труворова креста и «вавилонов»). Состояние и внешний вид иных (археологизированных) объектов не позволяют рассматривать вопрос об их экспонировании: остатки конструкций, заглубленных в материк, представляют интерес для узкого круга специалистов и абсолютно не информативны (да и не презентабельны) для простого посетителя. Большинство элементов планировки поселения, остат-

ки сооружений и отопительных устройств после изучения были разобраны еще в процессе раскопок. Крепостная каменная стена и башня, которые были законсервированы с целью последующей музеефикации, также не пригодны для показа: современные консервационные материалы и методы консервации не способны обеспечить длительную гарантированную сохранность этого знакового для поселения элемента. В случае экспонирования (хотя бы и частичного) стене неминуемо грозит полное разрушение. Объекты, сохраняющиеся до настоящего времени в культурном слое городища и при этом пригодные для показа, единичны (как пример – культовый камень).

Как уже отмечалось, Труворово городище является одним из наиболее археологически изученных средневековых укрепленных поселений на Северо-Западе России. Результаты многолетних работ Изборской экспедиции ИА АН СССР под руководством В.В. Седова позволили восстановить картину жизни древнего Изборска на протяжении VIII–XIV вв. и поставить вопрос о музеефикации памятника, проект которой был предложен в свое время автором раскопок и Л.Е. Грушиной (Сергеевой) в докладе на семинаре «Археология и история Пскова и Псковской земли» (*Седов, Сергеева*, 1983). Однако сейчас, по прошествии 30 лет, с учетом осуществленных научных и методических изысканий, этот проект, предполагавший объемное воссоздание оснований крепостных и жилых сооружений города на XIII в., не может быть принят к исполнению.

Итоги полевых исследований и их последующее осмысление представляют огромную ценность. Именно поэтому предлагается «маркирующая», «информационно-интерпретирующая» музеефикация, позволяющая получить представление не только о самом объекте, но и о результатах его исследования (рис. 1, на с. 451).

Визуализация облика раннего Изборска, в которой объяснимо и абсолютно логично наличие реконструируемых элементов, предполагается осуществить с использованием мультимедийных технологий **вне** основной экспозиции под открытым небом, в административно-информационном центре, экспонирование находок из раскопок на Труворовом городище должно осуществляться в основной экспозиции Музея-заповедника «Изборск».

Существование развитой туристической и транспортной инфраструктуры в районе создания археологического парка, обусловленное уникальностью и комплексностью Изборского музея-заповедника, будет являться залогом туристической привлекательности нового музейного объекта, особенно на первых порах его существования. Близость крупных автомагистралей, развитость гостиничной и ресторанной сети, музейной индустрии гостеприимства, предусмотренные планами и концепцией развития, будут способствовать росту числа посетителей и снизят финансовые затраты на продвижение («раскрутку») нового туристического объекта.

Еще одной отличительной чертой археологического парка является наличие на его территории комплекса археологических объектов, связанных между собой исторически, территориально, хронологически, культурно. Для Труворова городища мы имеем полный комплекс памятников, характеризующих структуру древнерусского города: город с крепостью, неукрепленный посад (к югу от городища), городской некрополь на Словенском поле. Музеефикация должна осуществляться с учетом и использованием всех указанных элементов археологического комплекса

в рамках функционально-территориального зонирования. Зонирование содержит потенциал развития музейного подразделения и включает следующие проектные территориально-функциональные элементы:

1. Экспозиция под открытым небом – располагается на площадке Труворова городища, представлена объемно-информационными экспозиционными объектами и сопроводительной информацией (информационные надписи – «этикетаж», использование аудиогидов), иллюстрирующими основные планировочные элементы крепости и поселения в соответствии с уровнем научных знаний о них.

2. Ландшафтно-парковая площадка – визуально и структурно связанная с городищем территория посада к югу от городища, средневекового некрополя на Словенском поле, площадки с «Труворовым» крестом и «вавилонами», участком ближнего берега Городищенского озера. Развитие ландшафтно-парковой функции связано с демонстрацией биологического (в первую очередь флористического) многообразия Изборско-Мальской котловины. Городище и прилегающая к нему территория рассматриваются в данном случае как уникальный ботанический павильон, в котором широко представлено видовое разнообразие растений округи Изборска, в том числе и редких.

3. Административно-информационный центр (визит-центр) – располагается за пределами экспозиции, за валом и рвом городища в северной части посада, и включает мультимедийную площадку, пост охраны, кассу, сувенирную лавку, туалеты. Место размещения административно-информационного центра и его внешний вид должны камуфлировать саму постройку, не допуская диссонанса сооружения с окружающим культурным ландшафтом.

4. Зона, резервированная для научных исследований, – территория средневекового посада к югу от городища, Словенское поле, где могут (и должны) проводиться дальнейшие научные исследования. Проведение регулярных полевых археологических работ должно стать одним из элементов событийного туризма в музее-заповеднике. Кроме решения чисто научных задач (изучение посада, исследование курганной группы на Словенском поле), действующий раскоп должен быть включен в маршрут туристических групп и являться формой популяризации археологического наследия и значимости его изучения. Раскопки на территории археологического парка могут стать толчком для развития археологического туризма в Музее-заповеднике «Изборск», а также местом проведения международного полевого семинара, объединяющего археологов России и Европейского Союза (в первую очередь из стран Балтии).

5. Рекреационная зона (вне границ распространения культурного слоя) – площадка над Городищеским озером, на которой возможно проведение фестивалей реконструкторов, иных массовых мероприятий. К рекреационной зоне следует отнести и пристань на берегу Городищенского озера с репликой средневековой ладьи.

Для обеспечения функционирования археологического парка в составе Музея-заповедника «Изборск» необходимо предусмотреть создание отдельной структуры, задачей которой должны стать сохранение, изучение и популяризация объектов, расположенных на территории археологического парка, а также разработка и осуществление комплекса мероприятий, позволяющих эффективно реализовывать очерченный круг задач.

Археологический парк представляется нам не только оригинальной и привлекательной для туристов формой музеефикации археологического наследия, но и источником развития территории Музея-заповедника «Изборск». Благодаря археологическому парку создается еще одна (помимо Изборской крепости и Славянских ключей) «точка интереса» для туристов в пределах Музея-заповедника. Главным преимуществом археологического парка является то, что именно эта форма музеефикации археологических памятников предоставляет возможность эффективной реализации комплекса мер по сохранению, изучению и популяризации объектов археологического наследия, находящихся на его территории.

Процесс превращения археологического памятника в объект культурного, предпочтительно музейного, назначения определяется внутренними и внешними факторами. При этом необходимо учитывать тип и назначение памятника, степень его сохранности, изученности, месторасположение и т. п. (*Булатов*, 1997; *Бадер*, 1978). Одним из ключевых моментов музеефикации является определение принципов, с использованием которых памятник археологии превращается в музейный объект.

Принцип сохранности. Это основной принцип музеефикации любого объекта культурного наследия, неоднократно декларированный нормами российского и международного законодательства, принцип сохранности подлинных археологических объектов. Он отражает основные задачи музеефикации, которая является формой деятельности, направленной на сохранение, изучение и популяризацию объекта культурного наследия.

В результате многолетних раскопок Труворова городища открыты остатки монументальной фортификационной архитектуры, элементы жилой и хозяйственной застройки, иные следы планировочной структуры поселения. Часть открытых архитектурных остатков сохранена и законсервирована засыпкой из песка и грунта после завершения раскопок в третьей четверти XX в. Конструктивные особенности и техническое состояние указанных остатков, зафиксированные уже в момент раскрытия, не позволяют в рамках проектируемой музеефикации ставить задачу их раскрытия и показа в натуральном виде. Этот принцип предлагается как основной для принятия конструкторско-технических решений при разработке Проекта рабочей документации. Проектируемые мероприятия по музеефикации и благоустройству территории не должны содержать прямой или косвенной угрозы археологическим объектам, сохраняющимся в пределах территорий памятников.

Принцип приоритета сохранения природно-культурного ландшафта. Объект музеефикации представляет собой один из основных элементов природно-культурного ландшафта Изборско-Мальской долины, в свою очередь являющейся ценнейшим объектом культурного и природного наследия народов Российской Федерации. Исходя из этого положения, необходимыми представляются:

– высотно-пространственные ограничения при создании новых элементов;

– ландшафтная «реабилитация» визуально воспринимаемых и входящих в состав археологического комплекса окрестностей (ликвидация диссонирующих компонентов, ограничение нового строительства и хозяйственной деятельности);

– разработка комплекса природоохранных мероприятий, направленных на сохранение естественных компонентов природно-культурного ландшафта.

Принцип достоверности предусматривает соответствие музеефицированных объектов уровню научно обоснованной информации об их первоначальном облике. В результате многолетних масштабных исследований городища экспедицией под руководством В.В. Седова накоплена и обработана объемная археологическая информация. Несмотря на значительную степень изученности, археологические объекты сохранили лишь часть информации о прошлом. Ряд вопросов периодизации и датировки памятника, реконструкции отдельных его элементов и зон, на данном этапе развития археологической и всей исторической науки в целом остаются открытыми. В связи с этим не допускается применение «типологического подхода», позволяющего детализированно воссоздавать первоначальный облик отдельных объектов на основании данных об аналогах с других территорий, без достаточных научных обоснований.

С учетом этого принципа воссоздание применяется лишь в «археологических окнах», на местах раскопок, где воспроизводится облик археологизированных остатков отдельных объектов (визуализация археологических планов), при наличии достаточных оснований (фото– и чертежной документации). Эти элементы музеефикации в рамках данного проекта получили название объемно-информационных экспозиционных объектов.

Принцип маркирующей визуализации. С учетом принципов сохранности и достоверности, во избежание потенциально возможных фальсификаций при попытках детального воспроизведения первоначального облика объектов, обнаруженных при раскопках, предлагается наиболее значительные элементы планировочной структуры обозначить в основном символически (земляной вал – над остатками каменной стены; спилы бревен – по трассе укреплений детинца; столбы – на месте восточных ворот, и т. п.), через создание объемно-информационных экспозиционных объектов, не нарушающих целостности природно-культурного ландшафта местности. Основные методы при этом – «трассирующие», «маркирующие», основанные на документированной археологической информации.

Принцип целостности. Учитывая вышеизложенные принципы, одной из основных задач музеефикации наряду с обозначенными признается стремление к созданию целостного природно-культурного археологического ансамбля с высокими качествами не только научно-познавательного, но и эстетико-демонстрационного характера.

Принцип целостности также предусматривает следующие аспекты:

– демонстрация Труворова городища в контексте синхронных историко-культурных объектов ближайшей округи и в единстве историко-культурного ландшафта (единства человека и природы);

– музеефицированные объекты не создают диссонанса ландшафтному облику памятника, рассматриваются как гармоничные элементы существующего природно-культурного комплекса.

Музеефикации подлежит не какой-то отдельный период развития укрепленного поселения на городище, а элементы, имеющие для этого наиболее убедительные научные основания и представляющие интерес для посетителей. Это снимет остроту и необходимость разрешения дискуссионных научных проблем в сжатых временных рамках проектирования и реализации проекта, даст больший простор для проектировании и обеспечит достоверность предлагаемой к ознакомлению ин-

формации. Детальной реконструкции (музеефикации) подлежат прежде всего артефакты и объекты, открытые в результате раскопок (рис. 1).

Принцип обратимости и функциональности. Все элементы музеефикации и применяемые технологии в случае необходимости и (или) по мере истечения срока эксплуатации, утраты конструктивных и эстетических качеств, предусмотренных проектом, могут быть демонтированы без ущерба для первоначального облика природно-культурного комплекса и подлинных объектов, имеющих историко-культурную ценность. Технологии, применяемые при благоустройстве и музеефикации, не наносят ущерба (не создают угрозу сохранности) природно-культурным, археологическим объектам, сохраняющимся в культурном слое и в консервирующей засыпке, на месте раскопов прошлых лет. Музеефикация не создает препятствий для дальнейшего изучения (в том числе археологического) объекта культурного наследия. Некоторые приемы выполняют консервирующие функции. Технологии и материалы, применяемые при создании экспозиции под открытым небом, предусматривают удобство обслуживания, безопасность и функциональность ее использования.

Принцип «многослойности». Проектируемый объект содержит несколько слоев заложенной информации, которые открываются посетителю в соответствии с его запросом и уровнем «погружения», заинтересованности объектом. Баланс антропогенной и природной составляющих музеефицированного объекта, являющегося частью Государственного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника «Изборск», позволит привлечь посетителей, интересующихся как историей, так и природой этого уникального уголка Северо-Запада России.

При проектировании, с учетом изложенных принципов музеефикации, важно учитывать следующие рекомендации.

Музеефикации предшествует вертикальная планировка площадки городища, выполненная за счет выравнивающей подсыпки (толщиной до 0,4 м, что соответствует глубине микроперепадов высоты современной дневной поверхности на площадке). Нивелирующая подсыпка будет выполнять функцию консервационной «подушки» и позволит реализовать проектные предложения без ущерба для археологических объектов.

Основные материалы, используемые при музеефикации и благоустройстве, – местные, природные (дерево, камень, грунт и т. п.), аутентичные памятнику. В ряде случаев, с учетом функциональной целесообразности, для реконструируемых и моделируемых объектов, а также элементов благоустройства, возможно применение современных, аналоговых материалов.

При проектировании новых элементов музеефицированного объекта необходимо учитывать высотно-глубинные и пространственно-объемные ограничения, связанные с требованиями обеспечения сохранности архитектурно-археологических остатков в составе культурного слоя и слое засыпки раскопов прошлых лет, а также с учетом положений принципа приоритета сохранности ландшафта.

Элементы музеефикации должны быть выполнены в антивандальных технологиях и материалах, с учетом климатических и инженерно-геологических условий местности. Экспозиция под открытым небом должна быть удобна и безопасна в эксплуатации.

При воссоздании элементов природного каркаса площадки музеефикации как части музейной экспозиции нужно следовать следующим рекомендациям:

– элементы должны быть зрелищными;

– наряду с этим – не заслонять, а дополнять экспозицию;

– не создавать диссонанса в восприятии музеефицированного объекта;

– включать, если таковые имеются, аутентичные виды и природные объекты (материалы);

– существовать, по возможности, длительное время;

– не нарушать экологического благополучия территории.

Литература

Алексеев В.П., 1990. Музееведение, музеефикация, культура // Вестник музейной комиссии. М.

Бадер О.Н., 1978. Музеефикация археологических памятников // СА. № 3.

Булатов Н.М., 1997. Проблемы музеефикации археологических памятников // Археологический фактор в планировочной организации территории. М.

Веденин Ю.А., Кулешова М.Е., 2001. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Изв. АН. Сер. географ. № 1.

Массон В.М., 1996. Исторические реконструкции в археологии. Самара.

Седов В.В., Сергеева Л.Е., 1983. Музеефикация Изборского городища // АИППЗ.

Ahrens C., 1990. Wiederaufgebaute Vorzeit: Archäologische Freilichtmuseen in Europa.

Л.Я. Костючук

Местные слова в помощь пониманию древних текстов

L.Ya. Kostiuchuk. The use of local words as keys to understanding of ancient texts

Abstract. The publication is dedicated to the contribution of B.A.Larin, Doctor of Philology, professor of Leningrad University, academician of the Lithuanian Academy of Sciences, who was a scientist closely associated with Pskov and its Linguistic school, to the creation of folk language research methodology and its application to ancient texts study.

The focus in the publication is laid on B.A.Larin's reasoning of the necessity of the colloquial (everyday) language of the past study, realization of a regional dialect dictionary of a definite territory with lexicographical information on the history of language fixed in the monuments of the same area included, and the creation of the first issues of "Pskov regional dictionary with historical data", the work at the compilation and publication of which still continues nowadays.

Ключевые слова: лексикография, история языка, Псковский областной словарь с историческими данными, Б.А.Ларин

При обращении к древним текстам специалисты разных профилей (лингвисты, литературоведы, историки, археологи и др.) должны адекватно понимать содержание древнего произведения, чтобы верно определить план содержания через план выражения, избранный писцом. Неслучаен интерес Б.А. Ларина на протяжении ряда десятилетий к проблеме разговорного русского языка – см. не только статьи 1920-х гг. о современной городской речи (*Ларин*, 1977а; 1977б), но и специальные статьи и обоснование методики вычленения объекта исследования и отбора соответствующих памятников при разработке новаторской темы разговорного русского

языка Московской Руси (*Ларин*, 1977в) и при подготовке плана создания «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (*Ларин*, 1977в).

Создав «Проект Древнерусского словаря» в 1930-е гг. (*Ларин*, 2003), руководя коллективом сотрудников, формируя Картотеку Древнерусского словаря в Ленинграде, написав со своими сподвижниками пробные статьи для исторического словаря, с переводом Картотеки в Москву Б.А. Ларин был лишен возможности реализовать замысел Древнерусского словаря.

Однако творческая энергия ученого была направлена, прежде всего, на обоснование необходимости исследования разговорного (обиходного) языка прошлого: «Разговорная речь Московской Руси в ее сложном многообразии с XV по конец XVII в. должна изучаться как предпосылка и глубокая основа национального языка…» (*Ларин*, 1977в. С. 167). Как всегда, Б.А. Ларин наметил и методику выявления такого языка: «Обратимся же к источникам XV в. Где и как в них искать “отражение” разговорной речи?» (Там же). Следовательно, важен отбор произведений соответствующих жанров. Кроме того, необходимо тщательно текстологически изучить все списки и варианты памятника: «Историк языка… должен проследить всю литературную историю того памятника, из которого он берет свои факты, тщательно изучить все варианты, критику текста, и тогда он может выделить наиболее ценный в плане изучения разговорной речи средневековый материал». Это важно потому, что «каждая следующая переработка все более стирает следы непосредственного воспроизведения живой речи» (Там же. С. 168).

В зависимости от характера произведения важно различать, от имени простого народа или знати отражалась и в первоначальных редакциях разговорная речь разных слоев населения. Ученый делал такой вывод не умозрительно, а на основе глубокого знания памятников и подробного анализа их текстов: «Ни из имеющихся источников, ни из соображений исторического порядка никак не вытекает предположение о близости обиходно-разговорной речи феодалов и крестьян, “черного люда”» (Там же).

При этом Б.А. Ларину помогало знание и смелое введение в научный обиход источников сведений о русском языке, составленных в прошлые века иностранцами (*Ларин*, 2002). Это положило начало новому направлению в изучении русского языка, тем более его истории.

Творческая мысль Б.А. Ларина была также направлена на реализацию регионального, диалектного словаря одной территории, с отражением лексикографических сведений по истории языка, зафиксированного в памятниках той же самой территории, чтобы можно было проследить непрерывность развития лексико-семантической, лексико-словообразовательной систем в области лексики на протяжении веков бытования лексико-фразеологических единиц на соответствующей территории (*Ларин*, 1961). Эта идея оказалась реализованной и до сих пор реализуемой при создании выпусков «Псковского областного словаря с историческими данными» (ПОС, 1967–2011).

Обращение к лексическому составу памятников письменности способствует 1) пониманию текстов; 2) обнаружению общерусских и местных, региональных, названий для соответствующих реалий, описанных в памятниках; 3) выяснению особенностей жизни и деятельности людей в прошлом и настоящем; 4) познанию специфики восприятия людьми окружающего мира…

Методика исследования народного языка, которую рекомендовал Б.А. Ларин, продолжает разрабатываться и совершенствоваться теми, кто разделяет идеи филолога.

Так, Л.М. Марасинова опубликовала в 1966 г. открытые ею псковские грамоты XIV–XV вв., касающиеся земельных и других объектов собственности и сохранившиеся в основном в списках XVII в. (*Марасинова*, 1966), когда по прошествии нескольких веков потомкам необходимо было подтвердить право наследственного владения. При расшифровке и при пояснении в комментариях отдельных слов и выражений из этих грамот историк шел верным путем к познанию истины и к пониманию смысла документа: Л.М. Марасинова искала аналогичное название или однокоренные единицы к сведениям, получаемым не только из исторических, но и из лингвистических источников (словарей, картотек, исследований). Приведем примеры того, как знание смежных дисциплин и разнообразных объектов помогает исследователю выяснять смысл древнего произведения.

В Раздельной грамоте 1417–1434 гг. в списке 1671 г. (грамота № 12) (*Марасинова*, 1966. С. 55) речь идет о трех земельных участках, которые были в первой трети XV в. поделены между тремя хозяевами. Для каждого участка подробно описаны его границы. Трудности вызывают некоторые наименования объектов, или рельефов, или рукотворных созданий (в частности, неясно, писать ли эти названия с малой или с большой буквы – ***мостъ, могчило***: это нарицательные или собственные, микротопонимические названия?). Сама Л.М. Марасинова слово ***мостъ*** пишет с малой буквы, а в примечании сообщает: «Значение этого слова неясно. Может быть, следует читать “***Мостъ***”» (Там же. С. 56). Исследователь сомневается, означает ли это слово реалию «*мост*» или является топонимическим наименованием какого-то географического объекта.

Второе слово (***Могчило***) вызвало еще большее сомнение у Л.М. Марасиновой: «Так в ркп., возможно, слово искажено. Значение его неясно. Буква “*г*” написана над строкой более светлыми чернилами» (Там же). Подчеркнем, что этот комментарий был написан в 1966 г. Автор сомневался, не искажено ли слово, т. к. смысл его казался неясным, вид лексемы был непривычен.

Если сейчас возможно учесть, что надписанная над строкой буква может быть в другом месте (ближе к концу слова: “***-гло***”), а к данному при публикации месту оказалась нестрого прикрепленной в результате возможного редактирования, проверки текста писцом в XVII в., когда он или увидел пропущенный графический знак, или связал слово со своим, вполне допустимым произношением, тогда можно признать такой вид не собственного, а нарицательного слова: «***мочигло***» / «***из мочигла***» в значении ‘специальная яма с водой для вымачивания льна при его обработке’. Такой вид названия соответствует более распространенному варианту произношения ***мочило***.

Опознавательные знаки границы участка связаны с сырой местностью: ***мостъ, мыс*** (‘вдающаяся в водоем часть суши’), ***мочило*** в сырой почве, ***Милечкий*** (от названия населенного пункта ***Мильцы***) ***мох*** (‘название мохового болота недалеко от деревни ***Мильцы***’). Л.М. Марасинова справедливо обратилась и к лингвистическим сведениям, она ссылается на мнения В.И. Даля: «***Мох*** – моховое болото»; О.С. Мжельской: «***Мох*** – сырое топкое место, покрытое мохом и кочками» (*Марасинова*, 1966. С. 185). В 1966 г. еще не были широко известны наблюдения

С.М. Глускиной о том, что древнее явление сохранения старых сочетаний ***dl, *tl*** в виде звуковых комплексов (***гл***), (***кл***) под влиянием балтийских языков служит показателем типично псковской черты. Это мнение разделил и А.А. Зализняк, который обосновал теорию «древнего псковско-новгородского диалекта» (*Зализняк*, 1995. С. 40).

Так внимание как будто к мелочам в памятниках свидетельствует, что это вовсе не мелочи, если исследователи ищут и находят ответы для объяснения причин необычных фактов.

Даже в житиях (т. е. в церковнославянском языке русского извода) Б.А. Ларин рекомендовал искать «“отражение” разговорной речи» (*Ларин*, 1977в. С. 167). Первый список памятников для учета лексики в исторической части «Псковского областного словаря…» был утвержден ученым (ПОС. Вып. 1. С. 21–26), затем он пополнялся.

В псковских редакциях житий псковских святых Саввы Крыпецкого (Память… 1908), Никандра (Житие… 1908) встречаются слова с корнем ***мох-***, который заключает идею ‘моховое болото’. Наше внимание обратило на себя слово ***примошие***, созданное префиксально-суффиксальным способом по словообразовательному типу «***по–*** + ***-ij***(е)». Слово означает ‘возвышенное место около мохового болота’. Сюда пришел Савва и основал Крыпецкой монастырь. Это слово ни в одном из исторических словарей не зафиксировано. Можно считать его псковским регионализмом.

Исследование же сложной системы значений у существительного ***мох*** в псковском регионе по материалам местных памятников и современных говоров свидетельствует о широте лексико-семантического пространства лексемы и непрерывности процессов формирования плана содержания у единицы при отражении действительности языковым сознанием носителей языка в прошлом и настоящем. Покажем это.

В Житии Никандра в псковской редакции тоже встречается слово ***мох***: «Островецъ мал в лѣсе и во **мху**, меж дороги псковския и порховския» (Житие… 1908. С. 539, 1582 г.). Слово использовано как оттенок ‘место, пространство, поросшее этим растением (= ‘споровое растение…’)’ к основному значению 1 ‘стелющееся и имеющее прямые стебли споровое растение без корней и цветков, растущее на мокрых местах и образующее сплошной покров’ (ПОС. Вып. 18. С. 414, 408). Итак, лексема ***мох*** в современных псковских говорах многозначна, т. к. обозначает разные реалии (это не наблюдается даже в «Новгородском областном словаре»: НОС. С. 567): указанное первое значение с оттенком; значение для реалий с названиями, предполагающими сему ‘болото’ с учетом не только мха на болоте (значение 5), но и разных водолюбивых растений на болоте (значение 6), а также многие другие значения, о чем свидетельствует объем словарной статьи, включающей современную и историческую части (ПОС. Вып. 18. С. 408–414). Составлена словарная статья замечательным лексикографом Ю.Ф. Денисенко.

Лексема обнаруживается не только в псковских грамотах XIV–XV вв. в публикации Л.М. Марасиновой, в которых много местных, региональных слов (составлялись грамоты ведь местными писцами), но и в житиях святых, Повести о Псково-Печерском монастыре, с разными значениями, соответствующими значени-

ям в современных псковских говорах. Различить такие значения можно не только при учете контекстов. Пример из писцовых книг: «Да на отхожей пожни в **мхѣхъ** и на болотѣхъ сена 40 копенъ» (Книга писцовая… 1913. С. 97, 1585–1587 гг.) – это значение 8 ‘зарастающая луговыми травами часть болота; сенокосный участок на таком болоте’ (узнать значение помогает сообщение о копнах сена) (ПОС. Вып. 18. С. 411). Это значение известно и современным псковским говорам. В памятниках обнаружено слово и в значении 10 ‘земельное владение на неудобьях (пустошь, луг, лес на болоте и т. п.)’, являющееся устаревшим (помета «*устар.*») в современных псковских говорах (Там же), но характерное для времени создания древних памятников: «А Радишу и Кузьмѣ и спасовскихъ чьрньцовъ **мха** лишихомъ» (ГВНиП, 1949. С. 338. № 348, XIII в.).

Помогает же выяснить значение слова ***мох*** в памятниках и знакомство с местным географическим пространством, описанным в конкретных памятниках прошлого (значит, лексикограф должен быть и географом…). Проиллюстрируем это некоторыми примерами.

Крыпецкой монастырь, основанный Саввой Крыпецким, находится в окружении моховых болот. Отсюда и значение слова ***мох***, и производное слово ***примошие*** в Житии Саввы Крыпецкого имеют сему ‘моховое болото’.

В Повести о Псково-Печерском монастыре (краткая редакция) лексема ***мох*** означает соответствующее споровое растение в лесу (значение 1: ПОС. Вып. 18. С. 414); встретилась эта лексема в конструкции дательного самостоятельного: «Древу ж оному ис корени валшуся с горы сеа, аки со стѣны, в подгорие и совлекшу с собою с корением, яко дернян плат от тины и **мху** съгущен, и от того открыся пещера сиа» (Повесть… 1908. С. 547, 1531 г.).

В пространной редакции Повести слово ***мох*** использовано в значении 5 ‘моховое болото’, как и в Житии Саввы Крыпецкого: «И ходихъ по **мхамъ** и болотамъ непроходимымъ» (Повесть… 1849. С. 157, к. XVI – н. XVII в.).

Наблюдения можно продолжать и выяснять своеобразие семантики в зависимости от объективных картин действительности и от контекстов.

Многоаспектное внимание к словам в тексте, учет разных конкретных реалий из окружающего мира, использование методики анализа лексико-семантических особенностей слов и содержания ближайшего и более широкого контекста, – все это способствует не просто пониманию текста, но и выявлению синхронно-диахронных процессов в лексико-семантической системе языка. Язык ведь оформляет соответствующие жанровые и территориальные разновидности речевой реализации текстов.

Прав был Б.А. Ларин в обосновании своей идеи выявлять и исследовать своеобразие живой речевой стихии, отраженной в письменных памятниках прошлого: «Как старатели намывают щепотку черного золотого песка из куч пустой породы, так из обильной, из века в век разрастающейся русской средневековой письменности всех почти жанров можно по крупицам собрать фрагментарные данные о различных (территориально и социально) разговорных диалектах и Киевской и Московской Руси» (*Ларин*, 1977в. С. 169).

Как многие высказанные ученым новаторские мысли, реализуется и задача создания словаря, собирающего и фиксирующего сведения о разговорной речи прош-

лого. Это «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» (2004–2011) под редакцией О.С. Мжельской.

Литература

ГВНиП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.

Житие и подвизи преподобного отца нашего Никандра пустынножителя, иже на Демане езере жившаго, Порховския области // Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. (Чтения ОИДР. Кн. IV.)

Зализняк А.А., 1995. Древненовгородский диалект. М.

Книга писцовая I: 1585–1587 гг. Псков и его пригороды // СМАМЮ. М., 1913. Кн. V.

Ларин Б.А., 1961. Инструкция Псковского областного словаря. Л.

Ларин Б.А., 1977а. К лингвистической характеристике города: Несколько предпосылок // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание: Избр. работы. М.

Ларин Б.А., 1977б. О лингвистическом изучении города // Там же.

Ларин Б.А. 1977в. Разговорный язык Московской Руси // Там же.

Ларин Б.А., 2002. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб.

Ларин Б.А., 2003. Проект Древнерусского словаря // Ларин Б.А. Филологическое наследие: Сб. статей. СПб.

Марасинова Л.М., 1966. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М.

НОС – Новгородский областной словарь. СПб, 2010.

Память преподобного отца иноческого Саввы пустынножителя, нового чудотворца Псковского // Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. (Чтения ОИДР. Кн. IV.)

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л./СПб, 1967–2011. Вып. 1–22.

Повесть о начале и основании псковского Печерского первоклассного монастыря, взятая из древних летописцев, обретающихся в книгохранильнице оного монастыря: Пространная редакция. 2-е изд. Псков, 1849.

Повесть о начале Печерского монастыря: Краткая редакция // Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. (Чтения ОИДР. Кн. IV.)

Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков / Под ред. О.С. Мжельской. СПб, 2004–2011. Вып. 1–4.

Г.И. Площук

О семантике купальского «пережина»

G.I. Ploshchuk. About the semantics of Kupala rereaping “perezin”

Abstract. In the article mythological stories about witches and sorcerers who, according to national beliefs, on the night of Ivan Kupala “spoil” the crops, arranging the so-called “zalomy” (breakings) and “pereziny” (rereapings) are investigated. Both words used define magic actions with grain cereals.

Bearing in mind the fact that it was the latest layer of mythological stories where archaic images are rethought often to its direct opposites and kept the original lines only in the form of rudiments that was kept to nowadays, the author seeks to reveal archaic semantics of “zalom” and “perezin”, considering these events and the related plots and motives in a wide folklore and ethnographic context.

The author comes to the conclusion that it was an ancient ceremonial complex, the essence of which lay in magic programming of abundance, quality and safety of the eared crop that served the generating environment for mythological stories of kupala cycle about magical “zalomy” and “pereziny”, developing the motive: The Witch/sorcerer spoils the crop.

The analysis of mythological stories and popular beliefs about kupala sorcerers and witches allowed to reveal the structure of this complex in general.

Ключевые слова: Иван Купало, Иванов день, ведьма, колдун, закликуха, залом, пережин.

Известны и широко распространены поверье и рассказы о том, что в ночь на Ивана Купалу ведьмы и колдуны «портят» урожай, устраивая так называемые *заломы* и *пережины*. То и другое представляет собой магические действия с хлебными злаками.

Способ залома состоит в том, что, «придя на загон, колдун хватает, не вырывая, пук зеленого хлеба и заплетает, закручивает, связывает его особым образом» (*Криничная*, 2004. С. 525). Это сооружение «в некоторых локальных русских и – шире – в восточнославянских традициях называлось *«куклой», «куколкой»* и, по-видимому, некогда имело ***антропоморфные очертания***, как бы персонифицируя заключенную в нем колдовскую силу…» (Там же. С. 524). Способ пережина состоит в том, что ведьма/колдун особым образом выборочно выжинает или выстригает рожь, срезая колоски.

С помощью залома и пережина, по народным поверьям, колдуны отбирают у зерна спор (Зап. от А.В. Федоровой, 1999. Т. 16/1527. Л. 22; Зап. от А.В. Тумановой, 1992. Т. 10/1249-50, № 2; Мифологические рассказы, 2007. № 1035, 1041), т. е. качество урожая («если хлеб споркий, съешь кусочек и сыт, а если неспоркий, сколько ни ешь – сыт не будешь»: *Лобкова*, 2000. С. 23) или сам урожай – «уводят хлеб» (Мифологические рассказы, 2007. № 1006, 1007).

Бытующие названия ведьм и колдунов, совершающих в купальскую ночь магические действия на хлебном поле, отражают народные представления о характере их действий: ***пережинаха*** (нижегородск.) (Там же; *Корепова*, 2005. С. 83); ***пережница***, ***пережинница*** (владимирск.), ***пережинщик***, ***пережинальщик*** (костромск.) (Там же); ***прожинщица*** (*Виноградова*, 2004. С. 682); ***стрига***, ***стрижка*** (нижегородск., костромск.) (Мифологические рассказы, 2007. С. 244), ***закликуха***/***закликун*** (пск.)[1]; о цели совершения колдовского обряда: ***спорыньевщик*** (владимирск.), ***порчельник*** (отобрать споркость у хлеба, «испортить» урожай) (*Виноградова*, 2004. С. 682); о сверхъестественных помощниках, которых имеет колдун и с помощью которых он совершает колдовство: ***чертяшница***/***чертятница*** (в мужской ипостаси ***чертяшик***) (нижегородск.) (*Корепова*, 2005. С. 83).

Стремясь выявить архаическую семантику залома и пережина, мы исходим из принципов, сформулированных и успешно примененных Н.А. Криничной (2004): во-первых, следует иметь в виду, что до нас дошел позднейший пласт мифологических рассказов, где архаические образы переосмыслены часто до прямой своей противоположности и сохранили свои первоначальные черты лишь в виде рудиментов. Отсюда необходимость использовать, хотя и с большой осторожностью, такой инструмент реконструкции изначальных форм, как «обращение» образа. И, во-вторых, эти образы и связанные с ними сюжеты и мотивы следует рассматривать в широком фольклорно-этнографическом контексте.

«Деревенские колдуны и знахари – это далекие наследники древних волхвов» (*Криничная*, 2004. С. 397), на что указывают бытующие и в наши дни их названия –

[1] «**Закликун** – *кто заклинает, колдун.* Зъкликун был, заломы делають, рош кълясом скрутить, кто жнет, руки балять. *Оп.*; **закликуха** *женск.* – **закликун**» (ПОС, 1995. С. 245).

волхва, *волховит* (пск.), «*волхвунья*», «*волховитка*», «*волхид*» (сев.-рус.). Служители дохристианского языческого культа, волхвы были знатоками и исполнителями/руководителями соответствующих обрядов. Мы исходим из предположения, что отрицательное восприятие *залома* и *пережина* может быть результатом позднейшего, под влиянием христианства негативного, переосмысления некогда положительного образа *ведьмы*/*волхвы* и, следовательно, совершаемых ею обрядовых действий. В таком случае сооружение «залома» и совершение «пережина» на хлебном поле могли быть некогда важным, а может быть, судя по их отнесенности к периоду летнего солнцеворота, кульминационным звеном в цепи годовых аграрных обрядов, составляющих единое целое и направленных на обеспечение урожая зерновых.

Повествования о «заломах» рассмотрены нами (*Площук*, 2011. С. 42–53) на фоне троицко-семицких обрядов завивания березки, жатвенного обряда завивания «бороды» (последних колосьев), а также северо-псковского обряда «резать Бабу». Последний описан и исследован Г.В. Лобковой (2000). В основе обряда лежит поверье о мифической хозяйке нивы, которую информанты представляют себе в виде маленькой, не выше нивы, горбатой бабы в красном платочке и называют Бабой, Бабой Ягой, Бабой Горбатой, Пожиналкой.

Символическим воплощением Бабы в завершающем жатву обряде были последние колосья, заплетенные в косу, которая приобретала антропоморфный вид благодаря устраиваемому в верхней части косы выпуклому «лобику» и расходящимся «юбочкой» вниз от косы прикорневым частям злаков, заплетенных в косу (рис. 1) (*Лобкова*, 2000. С. 78).

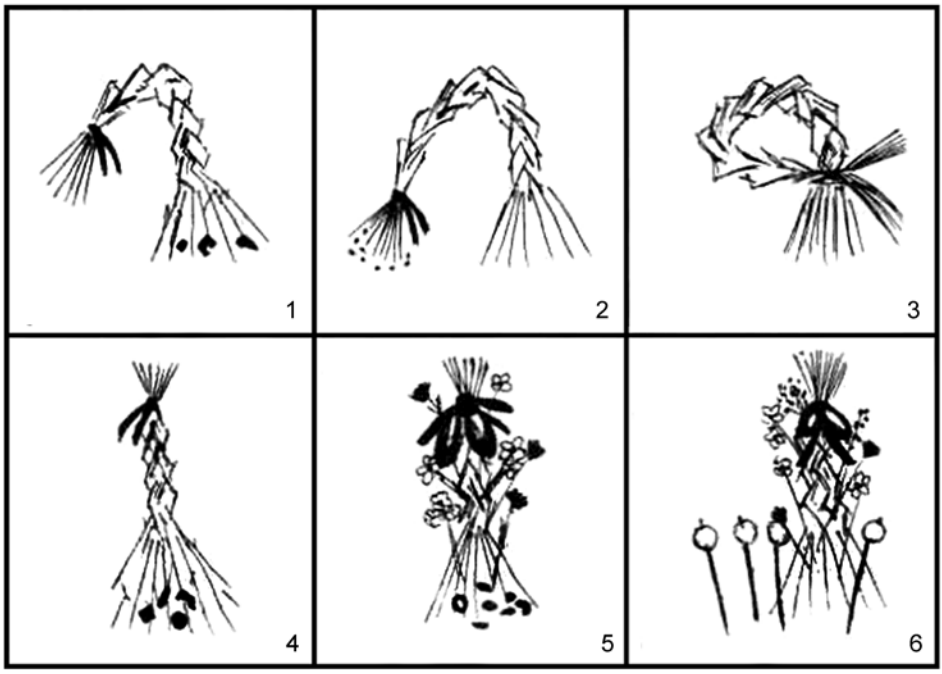


Рис. 1. Варианты видимого образа косы из последних колосьев

В ходе обряда Бабу «умерщвляли» (отрезали колосья-«голову» и кричали: «*Зарезали! Зарезали бабу!*»), исполняли круговую пляску посолонь или навстречу солнцу, что должно было магически способствовать «новому рождению» Бабы уже в качестве некой «невесты», которую, как следует из содержания исполнявшейся при этом песни, тут же «выдавали замуж» за Деда – «хозяина хлебных амбаров и покровителя человеческого рода». Затем следовала обрядовая трапеза, при этом «кормили» и Бабу. По завершении трапезы Бабу криками «прогоняли в лес», очевидно, до будущего года (Там же. С. 59–90).

Традиционное псковское название купальских ведьм и колдунов *закликуха*/*закликун* (от *закликать* – ‘зазывать’) и акустические детали в рассказах о поведении купальских ведьм/колдунов, а также аналогии (если не тождество) в устройстве и названии («залом»-«*кукла*» и «Баба»-«*кукла*») позволили высказать предположение, что мифологические рассказы о криках колдунов в Ивановскую ночь в ржаном поле и об устройстве ими залома во ржи донесли до нашего времени рудименты обряда призывания и вывода на поле мифического существа, от которого, по архаическим представлениям, зависело обеспечение сохранности и качества урожая, и что сооруженный «залом»-кукла был символическим воплощением этого существа и означал, что оно явилось на зов и отныне пребывает на ниве.

Особый интерес представляют следующие наблюдения Г.В. Лобковой: «в некоторых случаях отмечается вредоносный характер Бабы Яги и Бабы в красном платке (они ***пережинают рожь***, ***отбирают спор***) (Гд., Пл.)» (Там же. С. 27) Г.В. Лобкова пишет: «Существует несколько записей из Плесновской и Добручинской волостей Гдовского района… Клочок ржи на краю полосы, заплетенный и украшенный, оставляли с колосьями – “для Бабы Яги” и приговаривали: «***Баба Яга***, ***вот ты пережинала нам наш хлеб***, ***а это – тебе*** только вот осталось ***от нас***…» (Гд.) (Там же. С. 81–82; курсив наш. – *Г. П.*). А вот формула при обряде кормления Бабы: «***Ну вот***, ***Баба***, ***мы тебя накормили***, ***а ты нас тоже не забывай кормить!***» (Гд.).

В выделенных нами фрагментах текста, на наш взгляд, содержатся рудименты древних представлений о том, что магический обряд пережина совершало само мифическое существо (в гдовской традиции, как уже говорилось, ***Баба***, ***Баба Яга***, ***Пожиналка*** – ***супруга Деда***, покровителя человеческого рода, предка, обладателя, судя по акцентированному в песне атрибуту, необычайной производительной силы), и этот обряд был призван обеспечить урожай и благополучие людям, за это Бабу и благодарят и просят у нее этой милости и впредь.

Обратимся к обряду пережина. Н.А. Криничная указывает на контуры архаического обряда, в какой-то степени обозначенные в рассказах о *заломах*. Во-первых, это ***приготовление к колдовству***: колдун, прежде чем выйти в поле, *раздевается догола*, т. е. лишается статуса в мире людей, обретает положение «между мирами»; *взъерошивает волосы* (знак возбуждения магической силы). И, во-вторых, это ***магические действия на самом поле*** (*Криничная*, 2004. С. 524, 525).

В псковских рассказах о *колдуньях*/*колдовках*/*закликухах*/*бабках*, *пережинающих* рожь в ивановскую ночь, упоминания об их наготе и распущенных/встрепанных волосах постоянны (Зап. от П.Н. Петровой, 2004. Т. 4/55-56. Л. 38, об.; Пустошкинский р-н, д. Петраши; Зап. от Е.Ф. Удальцовой, 2004. Т. 1/679-80. Л. 3; Народная традиционная культура… 2002. С. 496, № 6).

Помимо распущенных, растрепанных волос и наготы купальской ведьмы/колдуна, отправляющихся в поле для совершения магических действий, известны и другие варианты их внешности. По опубликованным материалам фольклорного архива Нижегородского университета, ведьма-*пережинаха*, *или стрига*, «*в определенный день и час*, говорят, *на Иван-цветник*, ***наряжается в смертное платье*** (***саван надевает***)… *и идет в поле*…» (Мифологические рассказы, 2007. № 1027); колдуны «***одевались во все белое***, ***как покойники***» (Там же. № 1022); нижегородский материал содержит архаические черты, восходящие к тотемистическим представлениям: отправляясь в поле в ночь на Иванов день, ведьма превращается в собаку или черную кошку, т. е. обретает зооморфный облик (Там же. № 1033, 1035).

Одеяние «знающих людей», совершающих свои магические действия на поле, – саван, «все ***белое***», вывернутая мехом наружу шуба – говорит о том, что ведьма/колдун, а некогда волхва/волхв, могли во время обряда пережина выступать в качестве воплощения предка.

Укажем еще на некоторые черты архаического обряда, отложившиеся в мифологических рассказах. Таков ***особый способ передвижения ведьмы/колдуна к полю***, ***на котором*** совершается ***им/ею магический обряд***, ***и обратно***, ***с поля***, ***а также по самому полю***. По нижегородским материалам, ведьма движется ***задом наперед*** (Мифологические рассказы, 2007. № 1026). А «в Буйском районе Костромской области рассказывали, что колдунья-пережинщица перекусывает стебли ржи зубами, при этом она ***ходит вверх ногами или на голове*** (*Виноградова*, 2004. С. 683; *Терновская*, 1984. С. 117– 129)[1]. То и другое, по народным представлениям, свойственно обитателям «того света», где, по сравнению с «этим светом», все наоборот (*Неклюдов*, 1979. С. 134; см. также: *Виноградова*, 2002. С. 462, 463), и согласуется с архаическими представлениями о поле/лесе как открытом «иному» миру сакрализованном пространстве, сакральная напряженность которого усиливается до предела в «пороговое» годовое (летний солнцеворот) и суточное (ночь, полночь) время.

Колдуны могут и «ехать». «Транспортным средством» в этом случае служат *клюка* (кочерга), *сковоронник* (сковородник), *помело*, иногда его называют *метлою* (насаженный на длинную палку хвойный веничек, которым выметают под – нутро печи), ухват (Зап. от А.В. Тумановой, 1992, Т. 10/1249-50, № 2; Зап. от М.М. Александровой, 1992. Т. 8/1245-46, № 31; Зап. от А.В. Федоровой, 1999. Т. 16/1527. Л. 22; Мифологические рассказы, 2007. № 1017).

Общеизвестно, что народные поверья и мифологические рассказы, ими порожденные, упорно связывают ведьму с печью. И рассказы о *закликухах*, как видим, не исключение. Очаг, подпечье, запечье – локусы домового (предка-родоначальника). Кочерга, помело, сковородник, ухват в народном сознании осмысляются как *символы*, *атрибуты и эманации домового* (*Криничная*, 2004. С. 183), *генетическим предшественником которого*, как показали исследования Н.А. Криничной, *является образ предка-тотема* (Там же. С. 199). Не означает ли использование этих предметов в обрядах Ивановой ночи ведунами, что некогда, по древним представ-

[1] О.А. Терновская (1984. С. 120) выделила на широком русском материале два типа поверий о пережине, пространственно определяемых как 1) юго-западный, который по характеру основного персонажа назвала «ареалом простоволосых пережинщиц в белой одежде»; 2) северо-восточный – «ареал перевернутых колдунов».

лениям, ведьма (а когда-то жрица/жрец-волхв/*волхва*), будучи в «пограничном» состоянии (нагота, распущенные волосы), в сакральный час взаимопроникновения двух миров, «того» и «этого», совершала свои магические действия, находясь под покровительством или имея в качестве «чудесного помощника» самого предка-родоначальника или же выступая в качестве его воплощения?

В Гдовском р-не Псковской обл. записан рассказ, согласно которому рожь для ведьмы пережинает змея (Зап. от Н.Т. Федоровой, М.А. Моисеевой, З.Н. Моисеевой, 1991. Т. 3/148-49, № 44). Как известно, змея – одна из ипостасей предка-домового (*Левкиевская*, 1999. С. 120; 2002. С. 145; *Гура*, 2002. С. 188).

С предположением о ведьме/колдуне, мыслившимся в обрядовой ситуации Ивановой ночи воплощением предка, согласуются и огненные признаки *пережинахи* (об огневых образах банника/домового, генетическим предшественником которого является образ предка-тотема, см.: *Криничная*, 2004. С. 36–39; 136, 137). Там, где по полю передвигалась колдунья/колдун, остается обожженный след (Мифологические рассказы, 2007. № 1012, 1014, 1015, 1019, 1034). После пережинахи в поле остается «узкая тропочка, по которой через каждые два шага срезана горсть колосьев на поларшина от земли («и ***солома будто припалена***») (*Виноградова*, 2004. С. 682).

Итак, по древним представлениям, в обрядах «залома» и «пережина» в союзе с благосклонными к человеку духами-«хозяевами» природы так или иначе участвовал предок/предки, по представлениям древнего земледельца, заботившиеся о потомках и родовой земле, на которой из поколения в поколение трудились их сородичи.

В чем же состояла суть обряда пережина? В своей монографии Г.В. Лобкова пишет, что купальская колдунья, действуя «вопреки логике и закрепленным в традиции взаимосвязям, ***начинает жать в то время***, ***когда рожь еще не созрела*** – в ночь накануне Иванова дня, и ***завязывает узлы из колосьев***, когда урожай еще не собран. Колдунья пережинает (“обжинает”) рожь поперек полос, через все поле (***крест-накрест тонкими дорожками – шириной в три колоска***) верхом на клюке, бежит *голая. Волосы распущены*, платок завязан сзади, как мешок, три колоска отрежет – бросает себе за спину, три отрежет – бросает *на землю*, и всегда у нее был хлеб, а у хозяина – “спора не будет”…» (Гд.) (*Лобкова*, 2000. С. 28, 29; Мифологические рассказы, 2007. № 1022). После пережинахи в поле остается «узкая тропочка, по которой ***через каждые два шага срезана горсть колосьев*** на поларшина от земли…» (*Виноградова*, 2004. С. 682).

Если учитывать, что действия закликухи были переосмыслены как вредоносные в позднейшую, христианскую, эпоху, а некогда таковыми не считались, то они приобретают очевидную логику: по-видимому, это имитационная продуцирующая магия, подобная святочному обряду окликания плуга, когда пахали снег, имитируя весеннюю вспашку поля, и величали (а некогда заклинали) орудие труда, что должно было магически обеспечить успешность весенних земледельческих работ (*Пропп*, 2000. С. 59, 60). Ведьма-пережинаха имитирует сбор и закладку на хранение будущего урожая: собирает сжатые колоски в завязанную в виде мешка косынку за плечами, а затем, как это зафиксировано в мифологических рассказах Нижегородского Поволжья, сама доставляет эти колоски в амбар, двери которого были открыты всю купальскую ночь, или же это делали ее помощ-

ники, в рассказах – «*черти*» (нижегородск.), «змея» (Гд.), что, очевидно, должно было обеспечить успешность осенних работ по уборке урожая и будущее реальное наполнение хлебных хранилищ зерном нового урожая: «***У нее амбар открыт – ей туда черти зерно возят***…» (Мифологические рассказы, 2007. С. 242, № 1013); «[**Змея**] ***калдунам целый анбар наноси***(т) ***хлеба****! – зярна! – на Иванов день*» (Гд.) (*Лобкова*, 2000. С. 28; см. также: Мифологические рассказы, 2007. № 1006, 1015, 1018, 1027–1029, 1039).

Этот же обряд, по-видимому, включал и и м и т а ц и ю с е в а , что должно было магически обеспечить наличие посевного материала из урожая нынешнего и успешность посевных работ следующего года: совершая пережин, ведьма кидает сжатые колоски не только в мешок за спину, но и *на землю* (Мифологические рассказы, 2007. № 1007).

Завязывание узлов из колосьев ведьмами в Ивановскую ночь, очевидно, сопровождалось вербальной магией и носило не только продуцирующий, но и о х р а н и т е л ь н ы й характер. Сравним: «…когда на хлебныя растенія нападаетъ червь, то нарочно-приглашенная знахарка три зори выходитъ въ поле, *нашептываетъ заклятія* и делаетъ при концахъ загоновъ у з л ы на колосьяхъ: это называется "*заламывать* червей", т. е. преграждать им путь на зеленеющія нивы» (*Афанасьев*, 1994. С. 439).

Совершая пережин, колдунья/колдун движется не произвольно, а по определенному направлению: переезжает поле к р е с т - н а к р е с т поперек полос или по диагонали, оставляя после срезанных и подпаленных колосков *полосу*/*полоску*/*дорожку*/*тропочку*, шириной *в три колоска* / *в два пальца* / *в пять сантиметров*, объезжает его по кругу (Зап. от А.В. Федоровой, 1999. Т. 16/1527. Л. 22; Мифологические рассказы, 2007. № 1002, 1007, 1017, 1024, 1025, 1027, 1028, 1032, 1039, 1040, 1042).

Такой крест (в предлагаемом далее примере, очевидно, косой, образованный диагоналями) мог быть с и м в о л и ч е с к и м , т. е. только намеченным: «*Поглядите*, ***с четырех углов обжаты поля****!*» (Мифологические рассказы, 2007. № 1008). Совершался ведьмой и объезд по периметру поля: «*Мальга у нас в Шишкине была*, *прозвище ей такое было. Вот она на кочерге ездит*. *Там*, *где она ездит*, *поле маленько обожжено было*. *Она* ***по кругу поля ездила***, *объезжала его*, *это чтобы у нее все было*» (Там же. № 1012).

Такая «геометрия» *пережина* напоминает пиктограмму засеянного поля. Это «древний еще энеолитический символ ***поля и плодородия в виде ромба или квадрата***, поставленного на угол и ***разделенного на четыре части***. Этот знак устойчиво бытовал несколько тысячелетий. Он хорошо отражен в русском средневековом прикладном искусстве и в церковной декоративной росписи и широко представлен в этнографическом материале, преимущественно в узорах свадебной одежды невесты, что еще раз свидетельствует о связи с идеей плодородия» (*Рыбаков*, 1987. С. 481).

Может ведьма/колдун, пережиная поле, оставлять на нем «***нечетное число сжатых кругов*** ("*величиной с блюдце*")» (*Виноградова*, 2004. С. 682). Последняя деталь (выжатые на ниве небольшие круги) также вызывает ассоциации с ромботочечным мотивом в энеолитических изображениях, который «связывается исследователями с архаическими представлениями о вспаханной и засеянной земле, с на-

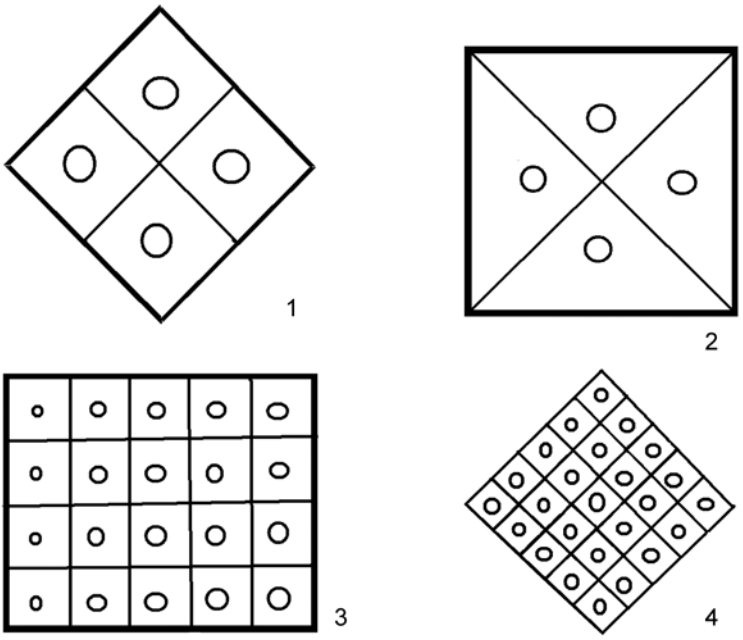


Рис. 2. Узоры на древнерусских ритуальных браслетах

чалом новой жизни, с образом плодородия» (*Русакова*, 1989. С. 83; *Рыбаков*, 1989. С. 575) (рис. 2).

В небольшой этнографической коллекции Научно-образовательной лаборатории региональных филологических исследований ПсковГУ имеется полоска ткани шириною 12,5 см из д. Ермаково Палкинского р-на Псковской обл., представляющая собою заготовку для украшения низа подола (рис. 3). На темно-красном фоне вышит белый узор, который составляют ряд прямоугольников, почти квадратов, пересеченных крестами; кресты представляют собою либо пересекающиеся диагонали прямоугольника и делят его на четыре треугольника, либо составляющие крест полосы пересекаются под прямым углом, соединяя середины противоположных сторон, и делят прямоугольник на четыре квадрата. Прямоугольники с тем и другим видом креста последовательно чередуются. Крест, как известно, древний символ тепла, огня, солнца. Полоски, составляющие кресты, изнутри заполнены двумя перевитыми волнистыми линиями. Такие же полоски представляют собою общие стороны расположенных в ряд прямоугольников. По внешней верхней линии соединенных прямоугольников проходит волнистая линия. В прямоугольниках, разделенных крестом на квадраты, она соприкасается с пересекающимися волнистыми линиями внутри креста. Волнистая линия в народном прикладном искусстве является, как известно, символом воды или змеи. Обнаруженное в узоре на древнерусском ритуальном браслете, предназначенном для совершения аграрно-магических действий, соединение «водной плетенки» со знаком солнца (крестом), как считает Б.А. Рыбаков, символизирует прогретую солнцем летнюю воду (*Рыбаков*, 1989. С. 707). В прямоугольниках с пересекающимися диагоналями с внутренней верхней

Рис. 3. Низ подола. Псковская обл., Палкинский р-н, д. Ермаково

стороны перпендикулярно ей расположены петельки-капельки, символизирующие, очевидно, оплодотворяющую небесную влагу – дождь. Наличие солнечного тепла и влаги – необходимое условие для урожая.

В прямоугольниках, разделенных крестом на квадраты, в каждом из четырех квадратов, заполняя внутреннее пространство, расположены цветы из восьми лепестков, похожие на ромашку, которые могут быть солярным знаком, но скорее символизируют цветущее поле.

Особый интерес представляют прямоугольники с пересекающимися диагоналями. Внутреннее пространство в трех из четырех треугольников, образуемых диагоналями, заполнено изображением стилизованного растения с тремя округлыми листьями, напоминающего антропоморфную фигурку с укороченным телом, большою головою и разведенными в стороны руками. В нижнем же, обращенном к краю подола треугольнике рисунок иной. Он представляет собою две расходящиеся из одной точки и направленные вверх и в стороны линии, затем спиралеобразно закручивающиеся вниз. Рисунок, в основе которого содержатся подобные расходящиеся из одной точки и направленные вверх и в стороны линии, восходит к позе роженицы (*Русакова*, 1989. С. 81, 93, 94) (рис. 4). Из угла, образованного расходящимися в стороны и вверх линиями, поднимается такое же точно растение, как изображенное в других трех треугольниках, но уменьшенного размера. Очевидно, рисунок вышивки символизирует поле рожающее, а может быть, существо, по представлениям древнего земледельца, воплощающее плодородную растительную силу.

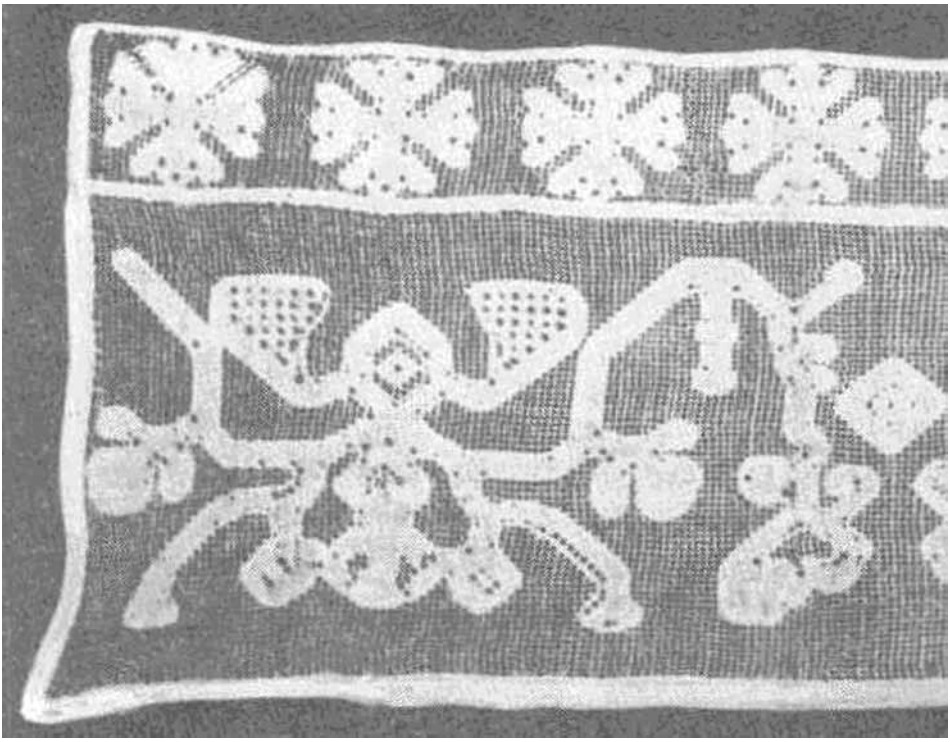


Рис. 4. Женщина-лось, рожаница, – древнейшее божество плодовитости и плодородия

Нельзя не заметить некоего соответствия геометрического узора на вышивке, магический, продуцирующий плодородие смысл которой не вызывает сомнения, геометрической форме совершаемого в купальскую ночь *закликухой/пережинахой/стригой пережина* ржаного поля. А изображение рожающего существа на вышивке, по-видимому, соотносимо по своей семантике с *заломом*, сооружаемым закликухой на ржаном поле и представляющем собою антропоморфную фигурку-*куклу*. Древние узоры заключали в себе священные языческие знания и были в архаическом сознании идентичны магическому заклинанию и обряду. Указанное выше сходство узора традиционной народной вышивки и рисунка магического обряда Ивановой ночи, на наш взгляд, свидетельствует о том, что *пережин* и *залом* некогда составляли единый обрядовый комплекс, программировавший качество урожая и направленный на магическое обеспечение и сохранение урожая зерновых.

Болгарские материалы донесли до нашего времени детали, представляющие собой рудименты вербальной магии, некогда, очевидно, сопровождавшей архаический продуцирующий обряд пережина: «В ночь накануне Иванова дня (*Еньовден*) женщина-ведьма (*магьосница*) сжинает крест-накрест колосья в чужом злаковом поле, приговаривая время от времени: «*Свети Яно, къде си? Знаєш ли, защо сам дошла? Да ми дадеш берекето на таа нива!* [С в я т о й Я н , где ты? Знаешь, зачем я пришла? Ч т о б ы т ы д а л м н е у р о ж а й с э т о й н и в ы] (Пир: 450)» (*Виноградова*, 2004. С. 684).

Не случаен и запрет появляться на ржаном поле в период колошения злаков: здесь, по древним представлениям, на благо человека трудились благосклонные к нему «хозяева» природы в союзе с первопредком или предками рода. Отсюда понятен и широко известный мотив кары, постигающей вольного или невольного нарушителя пережина. В поздней традиции мотив трагических последствий для нарушителя *залома* или *прожина* органично связался с образом ведьмы как вредоносного существа: «*Но были у нас волхвы. Ага. Были, были! Были такие. И раньше были*, *и давно были*, *говорили*. *Были. А ходили*, *бывало*, *на Иван. Рожь пережинали на Иван… И вот* ***если на этот пережин попадешь…*** ***Как схвати***(т), ***зареже***(т) ***в спину – ижно с места не сойти!***» (Зап. от М.Е. Ивановой, 1991. Т. 4/150, № 30, кассета ГД 91-8).

Требует рассмотрения и **мотив выгоды**, получаемой ведьмой/колдуном от совершения пережина и устройства залома.

Варианты мотива «***колдуну/ведьме достается урожай***» донесли до нас сведения о вознаграждении волхва за исполненный обряд. По новгородским материалам, после пережина зерно само «ползет» с поля ***во время общей жатвы*** в амбар колдуна (новгород.) (*Виноградова*, 2004. С. 683); нижегородские рассказы о купальских колдунах уточняют: «*Вся* ***рожь***, ***которую сожнут в первый день***, *должна была перейти в амбар к этой колдунье-стрижке*» (Мифологические рассказы, 2007. № 1021, 1028), т. е. пережинахе, по обычаю, доставался с каждой полосы урожай, убранный в первый день жатвы.

Волхв, не занимаясь хлебопашеством, имел хлеба больше, чем любой крестьянин, причем самого качественного хлеба, т. к., по народному поверью, первое собранное зерно обладает особой споркостью. Этими обстоятельствами, а не только позднейшим негативным, связанным с принятием и упрочением христианства, переосмыслением образа волхва-закликухи/пережинахи/стриги, обусловлены мотивы «***Колдун пережинает рожь***, ***чтобы у него было много хлеба***», «***Колдун отбирает хлеб***», «***Колдун отбирает спор***», «***Хлеб сам течет в амбар к колдуну***», «***Житница колдуна сама собою заполняется зерном***».

Итак, порождающей средой для мифологических рассказов купальского цикла о колдовских *заломах* и *пережинах*, развивающих мотив ***Ведьма/колдун портит урожай***, был древний обрядовый комплекс, сущность которого – в магическом программировании обилия и качества урожая заколосившегося хлеба, которого должно было хватить для пропитания в текущем году и для сева будущего года.

Анализ мифологических рассказов и поверий о купальских колдунах и ведьмах в общих чертах проявил следующую структуру этого комплекса.

1. Подготовка к обряду:

– волхва/волхв принимает необходимый для совершения ритуала облик (раздевается донага, распускает и взъерошивает волосы; надевает шубу мехом наружу или саван, белую одежду);

– распахивает двери амбара, клети.

2. Передвижение к полю, на поле и с поля:

– пешком – задом наперед, вверх ногами;

– «верхом» – на кочерге, сковороднике, ухвате, помеле.

3. Ритуал выведения на поле духа-«хозяйки/хозяина» нивы – хранителя нивы, воплощения ее плодородной силы:

– «закликание» (призывание духа-«хозяина» на поле);

– сооружение «залома»-куклы, символизирующего пребывание «хозяйки»/ «хозяина» нивы на поле («закрепление» духа-«хозяина» на ниве).

4. Ритуал «пережина» (практикование продуцирующей и охранительной магии) – имитация жатвы и сева с одновременным реальным или символическим нанесением на ниву магического знака плодородия – пиктограммы «засеянного поля»: передвижение по полю крест-накрест, поперек полос или по диагоналям и выжинание (или состригание) и припаливание колосков по ходу движения (с огнем связано представление о плодородии) или (а может быть, и) «точечное» (небольшими кругами) выжинание колосков; вербальная магия.

5. Завязывание узлов из колосьев (охранительная магия).

6. Имитация закладки урожая на хранение в закрома (всю ночь «носят» и «возят» колосья в амбары).

7. Заклинание нерушимости «залома» и «пережина», призывание кары на головы тех, кто посмеет прикоснуться к «залому» и «пережину».

Материалы ФА ПсковГУ

Зап. от Александровой М.М., 1904 г. р., в д. Голубы, Москвинской вол. Псковского р-на – ПСК 1992.

Зап. от Ивановой М.Е., 1904 г. р., в д. Ямок Полновской вол. Гдовского р-на Псковской обл. – ГД 1991, кассета ГД 91-8.

Зап. от П.Н. Петровой, 1935 г. р., в д. Замогилье Спицынской вол. Гдовского р-на. – ГД 2004.

Зап. от А.В. Тумановой, 1916 г. р., в д. Волчья Яма Москвинской вол. Псковского р-на – ПСК 1992.

Зап. от Е.Ф. Удальцовой, 1926 г. р., в д. Голубово Вишлевской вол. Новоржевского р-на – НРЖ 2004.

Зап. от А.В. Федоровой, 1922 г. р., в д. Городище Ритупской вол. Пыталовского р-на. – ПЫТ 1999.

Зап. от Н.Т. Федоровой, 1911 г. р., М.А. Моисеевой, 1911 г. р., З.Н. Моисеевой, 1928 г. р., в д. Глушь Полновской вол. Гдовского р-на Псковской обл. – ГД 1991, кассета ГД 91-6.

Литература

Афанасьев А.Н., 1994. Поэтические воззрения славян на природу. М. Т. III.

Виноградова Л.Н., 2002. «Тот свет» // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.

Виноградова Л.Н., 2004. Пережин // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5-ти т. М. Т. 3.

Гура А.В., 2002. Змея // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.

Корепова К.Е., 2005. Нижегородские поверья о колдунах, уводящих урожай // Традиционная культура: Научный альманах. № 1.

Криничная Н А., 2004.Русская мифология: Мир образов фольклора. М.

Левкиевская Е.Е., 1999. Домовой // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5-ти т. М. Т. I.

Левкиевская Е.Е., 2002. Домовой // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.

Лобкова Г.В., 2000. Древности Псковской земли: Жатвенная обрядность: Образы, ритуалы, художественная система. СПб.

Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / Сост.: К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова. СПб, 2007.

Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов: В 2-х т. / Авт. проекта, сост., науч. ред. А.М. Мехнецов. СПб; Псков, 2002. Т. II.

Неклюдов С.Ю., 1979. О кривом оборотне (к исследованию мифологической семантики фольклорного мотива) // Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Д.К. Зеленина). Л.

Площук Г.И., 2011. О семантике купальского «залома» // Кирилло-Мефодиевские традиции в Пскове: Мат. круглого стола (19 мая 2011 г., Псковская областная универсальная научная библиотека). Псков.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. СПб, 1995. Вып. 11.

Пропп В.Я., 2000. Русские аграрные праздники. М.

Русакова Л.М., 1989. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск.

Рыбаков Б.А., 1987. Язычество Древней Руси. М.

Терновская О.А., 1984. Пережины в Костромском крае: По материалам анкеты «Культ и народное сельское хозяйство» 1922–1923 гг. // Славянский и балканский фольклор: Этногенетическая общность и типологические параллели. М.

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ПРИБАЛТИКИ

О.М. Татарников

Влияние изменения базиса эрозии р. Великой в позднеледниковье и голоцене на расселение мезолитического и неолитического человека

O.M. Tatarnikov. Influence of erosion basis of the Velikaya river change in late ice age and Holocene period on Mesolitic and Neolitic men settlement migration

Abstract. The erosion basis of the Velikaya river in the late Pleistocene – the early Holocene gradually went down as a result of a regular phasic pre-Ice Age reservoir regressions. During water regression of the last Chudskoy pre-Ice Age reservoir it went no less than 20 m down. However, in the middle of the Holocene, owing to the rise of differentiated glyatsioizostatic raisings activity, on the area of the last continental freezing there came a distortion in the southern direction of the Pskov-Chudskaya hollow. It caused the break of water drain from Small Chudskoye Lake – a relict of the Chudskoy pre-Ice Age reservoir – in the Baltic Sea hollow. There began gradual filling of Pskov-Chudskaya hollow with lake waters that led to 10 meter erosion basis of the Velikaya river gradual increase.

Change of hydrographic situation on the area of water drain basins of the Velikaya river and Pskov-Chudskoy reservoir was constantly reflected in features of this territory development by primitive men, causing their settlement migration.

Ключевые слова: голоцен, гидрографическая обстановка, р. Великая, Псковско-Чудской водоем

Базисом эрозии называется уровневая поверхность водоприемного водоема или главной реки, достигая которой, речной поток теряет свою кинетическую энергию (живую силу), и ниже которой он не способен углублять свое русло. В настоящее время базисом эрозии р. Великой является урез водной поверхности Псковского озера, имеющий абсолютную отметку 30,4 м в Балтийской системе высот. Однако в позднеледниковье, когда край Псковской ледниковой лопасти стадиально отступал в северном направлении и на освобожденной от ледниковых масс территории Псковской гляциодепрессионной низменности стали формироваться верхние звенья водосборного бассейна р. Великой, ее более высокими базисами эрозии являлись уровни водной поверхности стадиальных подпрудных водоемов: Опочецкого; Островского; Псковского и Чудского стадиальных приледниковых озер. Они формировались за счет того, что талые ледниковые воды в результате обратного уклона ледникового ложа не могли оттекать от отступающего края позднеплейстоценового покровного ледника и накапливались перед ним, как перед дамбой. Последний, Чудской, приледниковый водоем образовался на территории Псковской гляциодепрессионной низменности в то время, когда активный фронт Чудского языка Псковской ледниковой лопасти пересекал освобождающуюся от ледниковых масс

Псковско-Чудскую впадину по линии, примерно соответствующей полосе холмисто-грядового рельефа Гдовско-Раскопельских краевых образований (*Раукас, Ряхни*, 1969. С. 113–126; *Татарников*, 2008. С. 194–199). Время формирования этих краевых образований датируется невской (пандиверской) стадией активизации позднеплейстоценового покровного ледника, т. е. около 12000 л. н. Уровень водной поверхности сформировавшегося у края ледникового языка подпрудного озерного бассейна имел абсолютные отметки, близкие к 40,00 м. Относительно хорошо выраженные в рельефе его абразионно-аккумулятивные древнебереговые зоны, нередко сопровождаемые полосами комплексов дюнного рельефа, наблюдаются ныне вдоль подножья уступа девонской куэсты на ее отрезке от д. Печки до г. Печоры, западнее д. Опочицы, в южной части г. Пскова (Промежицы), у деревень Абижа, Жидилов Бор, Малая Толба, Елизарово вдоль побережья полуострова Самолва и других местах. Река Великая впадала в этот приледниковый водоем, определявший ее раннеголоценовый базис эрозии, по-видимому, несколько севернее деревень Выбуты и Волженец, а ее наносы сформировали в окрестностях деревень Корытово и Орлецы дельту, которая здесь ныне выражена в рельефе в виде системы песчаных гряд, разделенных ложбинами. В этот же водоем впадали современные правые притоки р. Великой – реки Многа, Череха и Пскова. Однако в позднем дриасе (около 10000 л. н.) в связи с деградацией Псковской ледниковой лопасти начинается регрессия Чудского приледникового озера и в северной, наиболее низкой, части Псковско-Чудской впадины сохраняется только его реликт – Малое Чудское озеро с уровнем около 20 м абс. отм., который определяет уровень нового базиса эрозии р. Великой. С этого времени начинает формироваться нижнее звено водосборного бассейна и долины р. Великой на отрезке примерно от современных Выбутских порогов до впадения этой реки в Малое Чудское озеро. Постепенное понижение базиса р. Великой почти на 10 м вызвало активизацию процесса глубинной эрозии и образование достаточно глубокого вреза ее русла в толщу четвертичных осадков, заполняющих наследуемую рекой в низовьях доледниковую долину. Следует отметить, что этот врез до сих пор полностью не заполнен речными осадками и поэтому днище русла современной реки здесь расположено ниже отметок дна во впадине Псковского озера на несколько метров. Таким образом, р. Великая за период раннеголоценовой регрессии последнего приледникового водоема осваивает осушенные впадины Псковского и Теплого озер и южную часть Чудской впадины и, впадая в Малое Чудское озеро около современного о. Пийрисаар, формирует здесь свою дельту. Реки, ранее впадавшие в Чудской приледниковый водоем с юго-запада, юга и юго-востока, становятся на новом отрезке долины р. Великой ее правыми и левыми притоками и также в своих низовьях врезаются в дно осушенных участков Псковско-Чудской котловины. Водный поток в русле этого раннеголоценового звена долины р. Великой, по-видимому, отличался относительно высокой скоростью, представляя собой на отрезке от современных Выбутских порогов до современной дельты р. Великой перекат. Возможно, главная протока этой ныне подтопленной и островной дельты, отражая такую особенность гидрологического режима в историческое время, была обозначена гидронимом «*Ворона*» (от лат. *voro; vorago* – порожистый).

Однако ликвидация нагрузки ледниковых масс на земную кору после окончательной деградации последнего оледенения в конце позднего дриаса привела к активизации положительных компенсационных дифференцированных гляциоизоста-

тических движений, скорость которых убывала в направлении от бывшего центра оледенения к его периферии. В связи с этим в северной части субмеридионально ориентированной Псковско-Чудской впадины скорость таких движений была выше, чем в ее южной части. Это привело к перекосу поверхности котловины в южном направлении и к постепенному повышению порога стока вод из акватории Малого Чудского озера в формирующийся бассейн Балтийского моря. В результате этого началось заполнение озерными водами Псковско-Чудской впадины, сопровождаемое медленной трансгрессией водных масс нового водоема в южном направлении. Вследствие этого происходит постепенная ликвидация отрезка долины р. Великой от о. Пийрисаар до ее современной дельты и превращение здесь подтопленных устьевых участков долин ее притоков в заливы-эстуарии. Уже в атлантический период голоцена (7000–6000 л. н.) уровень водного бассейна, сформировавшегося в Псковско-Чудской впадине, достиг абсолютной отметки около 25,00 м, а в суббореальный период (около 2 500 л. н.) он устанавливается на абсолютной отметке в 27,0 м. Последнему уровню, вероятно, соответствует созданная деятельностью волновых процессов абразионная терраса, затопленная площадка которой наблюдается ныне на глубине 2,0–2,5 м. Уступ этой террасы, высотой до 5,0–6,0 м, расположенный на удалении 400–500 м от современного уреза воды в Псковско-Чудском озере, получил у местного население название «зрубья» и прослеживается от п-ова Мтеж до г. Гдова. Это свидетельствует о некоторой стабилизации в суббореальном периоде голоцена уровня вод в этом водоеме. По-видимому, именно в этот период начинается формирование в устье р. Великой ее авандельты. В середине субатлантического периода (около 2000 л. н.) уровень вод в формирующемся Псковско-Чудском водоеме достигает абсолютных отметок 28,5–29,0 м, что приводит к подтоплению озерными водами дельты р. Великой и к превращению отрезка ее долины ниже устья р. Черехи в залив Псковского озера эстуариевого типа (*Татарников*, 2005. С. 5–8; *Карпухина, Татарников*, 2010. С. 430, 431).

Трансгрессия водных масс Псковско-Чудского озера в южном направлении продолжается и в историческое время. По данным Т.Ю. Тюлиной (1966. С. 103–121), в северной части Теплого озера за 700 лет уровень вод повысился на 1,5 м. По сведениям Г.А. Желнина (1973. С. 79–87), южную часть Псковского озера оконтуривает изобаза опускания в 1,0 мм/год, а по наблюдениям эстонских исследователей (*Мийдел и др.*, 1975. С. 50–55), скорость поднятия уровня вод в этой части озера составила за последние 1600 лет в среднем 0,6 мм/год.

Таким образом, базис эрозии р. Великой в позднем плейстоцене и начале голоцена постепенно понижался в результате регрессии очередного приледникового бассейна. За период с момента образования Чудского приледникового водоема до образования его реликта – Малого Чудского озера – базис эрозии понизился приблизительно на 30 м. Примерно с середины голоцена в связи с активизацией компенсационных гляциоизостатических движений земной коры, нарушивших сток вод из акватории Малого Чудского озера в формирующийся бассейн Балтийского моря, началось заполнение водами поверхностного и подземного стока Псковско-Чудской впадины и базис эрозии р. Великой стал повышаться. К настоящему времени он повысился примерно на 10 м.

В связи с тем что поселения человека в мезолите и неолите всегда тяготели к гидрологическим объектам природы, эволюция гидрографической обстановки на

площади водосборных бассейнов р. Великой и Псковско-Чудского озера существенно влияла на особенности локализации и миграции поселений первобытного человека. В позднеледниковье, когда по мере освобождения Псковской гляциодепрессионной низменности от ледниковых масс значительную часть ее территории занимали подпрудные приледниковые водоемы, стоянки и поселения мезолитического и ранненеолитического человека локализовались, как правило, на южных побережьях этих озер (*Долуханов, Микляев*, 1967. С. 44–48; *Долуханов*, 1971. С. 54–65; *Татарников*, 2008. С. 194–198). При их направленных поисках следует руководствоваться установлением местоположения древнебереговых линий этих озерных бассейнов.

Регрессия вод последнего Чудского приледникового бассейна вызвала миграцию поселений неолитического человека с его южного побережья на территорию осушенной части Псковско-Чудской впадины и локализацию последних на побережье реликтового Малого Чудского озера, главным образом в устьевых участках впадающих в него рек. Заполнение озерными водами большей части ранее осушенной Псковско-Чудской впадины явилось причиной постепенной миграции поселений неолитического человека в южных направлениях и концентрацию их на берегах заливов эстуариевого типа, которые сформировались в результате подтопления нижних участков речных долин бывших притоков р. Великой (рек Эмайыги, Выханду, Пиуза, Обдех, Желча, Толба и др.), впадающих теперь с юга, юго-запада и юго-востока в раннеголоценовое Псковско-Чудское озеро. Следовательно, при направленных поисках поселений каменного века в южной части Псковско-Чудской впадины следует учитывать, что неолитические поселения, существовавшие на большей части ее территории, осушенной в раннем неолите, ныне затоплены или находятся под слоем торфа мощностью в несколько метров.

Литература

Долуханов П.А., 1971. О колебаниях уровней озер Псковской области и Прибалтики в голоцене // Природа и хозяйственное использование Псковской области и прилегающих областей: Мат. науч. конф. Псков.

Долуханов П.А., Микляев А.М., 1967. Голоценовая история озер на юге Псковской области в связи с развитием поселений неолита и бронзы // Мат. II симпозиума по истории озер Северо-Запада СССР. Минск.

Желнин Г.А., 1973. Результаты изучения современных движений Прибалтики // Современные движения земной коры. Тарту.

Карпухина Н.В., Татарников О.М., 2010. Генезис и эволюция Псковско-Чудской впадины // Геоморфологические процессы и их прикладные аспекты: Тр. VI Щукинских чтений. М.

Мийдел А.. Пиррусс Р., Раукас А., Ряхни Э., 1975. Основные этапы развития Псковско-Чудской впадины // История озер в голоцене: Тез. докл. IV всесоюз. симпозиума по истории озер. Л. Т. 3.

Татарников О.М., 2005. Эволюция дельтово-эстуариевой системы р. Великой // Экологический мониторинг дельты реки Великой. Псков.

Татарников О.М., 2008. Палеогеографический прогноз местоположения памятников каменного века на площади водосборного бассейна Псковского озера // АИППЗ.

Тюлина Т.Ю., 1966. К вопросу о природных условиях в XIII в. в северной части Теплого озера // Ледовое побоище 1242 г.: Тр. комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л.

С.Г. Попов

Восточное Причудье в раннем железном веке и раннем средневековье

S.G. Popov. Eastern Prichud'e during the Early Iron Age and Early Middle Ages

Abstract. Eastern "Prichud'e" area (territory to the East of Chudskoye Lake) in the Neolithic period and the Bronze Age was sparsely populated. Individual finds of these periods occur in the later sites bedding. A small number of sites can be traced to the early Iron Age. These are mainly hillforts without any cultural layer, located in the remote places. Hillfort Storozhinets arises in 185–80 BC, but the main part of the cultural layer refers to the second half of I millennium BC. In the XII century an old Russian guard lodge "storozhnitsa" was arranged there. The early stage of the settlement Gorka on the Plussa" is also connected with the antiquities of the early Iron Age.

On the middle Plussa a system of settlemenst dating back to the second half of the I millennium BC, associated with the culture of long barrows was revealed. It included hillforts, open settlements, ancient roads and the Plussa crossings. Significant long barrow groups were also detected in the basin of the river Zelcha. Materials from hillfort Storozhinets, burial grounds of Storozhinets (series of radiocarbon dating), Zalahtovie, Nadozerie, Bez'va, Gorsko-Rogovo etc., Gorka and Gorka-10 open settlements, suggest the early development of the north-western borders of the areal of long barrow culture by its carriers – not later than the V c. AD. However, this culture is genetically and chronologically, not connected with the preceding antiquities of the early Iron Age. At the end of the X – early XI cc. it comes included in the formation of ancient Russian culture on the western borders of the Novgorod Land.

Ключевые слова: Восточное Причудье, ранний железный век, раннее средневековье, культура длинных курганов.

Восточное Причудье – термин, давно сложившийся в науке и обозначающий определенную историко-географическую территорию на западных рубежах Новгородской земли. Она включает непосредственно прилегающие к побережью Чудского озера земли и присоединяющиеся к ним бассейны р. Желча и среднего течения р. Плюсса. С востока основная часть региона ограничена непроходимыми болотами, а связующими нитями еще в древности являлись водные артерии с присущими их берегам в ряде мест боровыми террасами.

Безусловно, древности раннего средневековья в Восточном Причудье в значительной степени связаны с памятниками верхнего течения Плюссы, боровых территорий («Сороковой бор») к востоку от летописной «Узмени» и Псковского озера, а также юго-западных притоков р. Луга. В ряде археологических контекстов они пересекаются с более ранними или более поздними древностями северо-восточного Причудья (низовьев Плюссы, Понаровья и северо-восточной Эстонии), с памятниками юго-западной окраины Ижорского плато – его Ополья.

Последовательность памятников, открытых Н.Н. Гуриной в Принаровье, позволила ей выделить яркую нарвскую неолитическую культуру с подвариантами. В юго-восточной Эстонии ряд поселений связан с находками позднего мезолита и неолита (*Kiristaja*, 2009. P. 23–35; *Kiristaja, Lillak*, 2012. P. 66).

Абсолютно иная картина расселения сложилась в Восточном Причудье. Надо сказать, что систематические поиски памятников эпох неолита – бронзы в Восточном Причудье не проводились. Здесь древности, предшествующие раннему

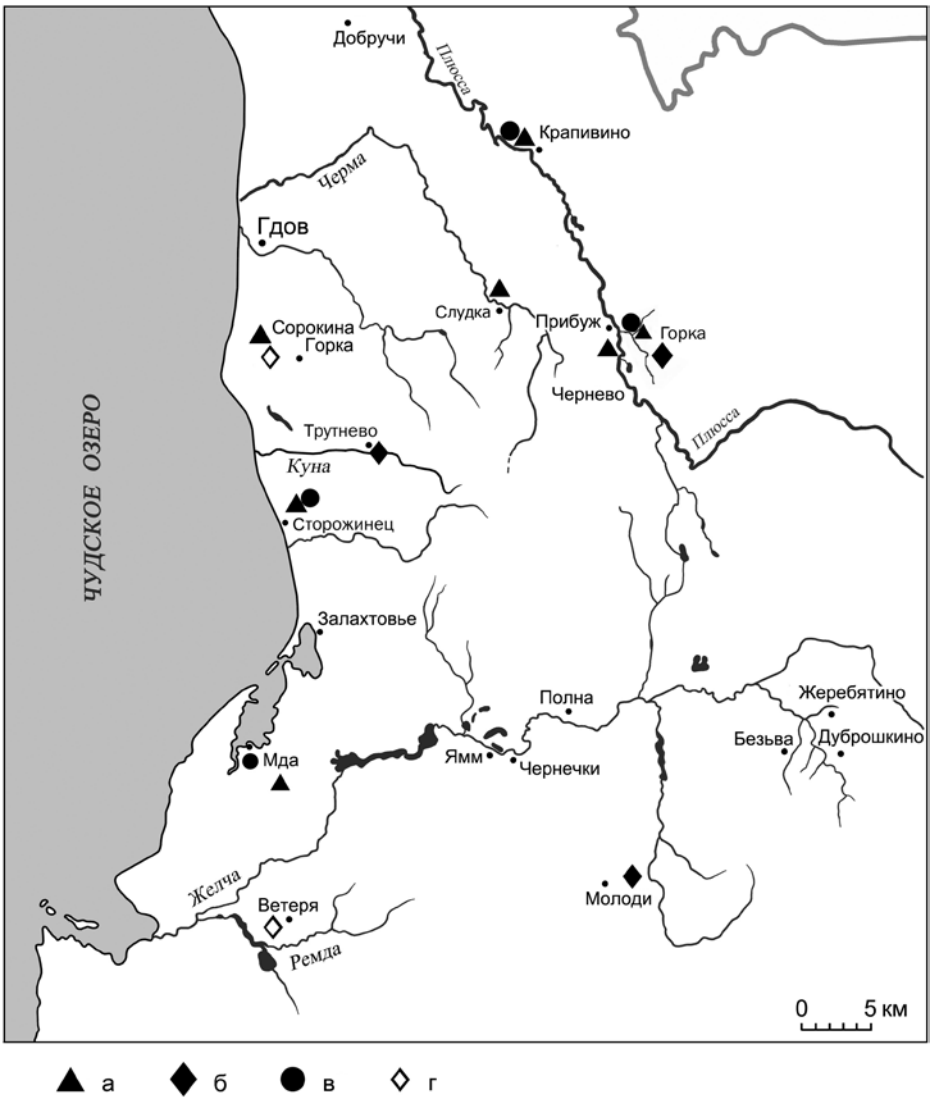


Рис. 1. Карта археологических памятников раннего железного века на территории Гдовского р-на Псковской обл. Условные обозначения: а – городище; б – культовый камень, «святилище»; в – селище; г – памятник не сохранился

железному веку, представлены лишь отдельными находками. Это немногочисленные фрагменты кремневых орудий, микролиты, отщепы эпохи неолита, найденные в переотложенном виде в слоях последующих эпох на городище Сторожинец и поселении Горка.

Но регион фундаментально изучался в течение XIX–XXI вв. Археологическая карта Гдовского уезда, первоначально составленная Г.Р. Шмидтом (1886) и базирующаяся на описных данных, была опытным путем проверена и дополнена несколькими поколениями исследователей. Сейчас мы обладаем наиболее полной картой

Рис. 2. Схема расположения городищ раннего железного века к востоку от Псковско-Чудского водоема
1 – Б. Крюково; 2 – Люботеж; 3 – Мда; 4 – Сторожинец; 5 – Сорокина Горка; 6 – мыза Белая (Слудка); 7 – Прибуж; 8 – Горка; 9 – Крапивно

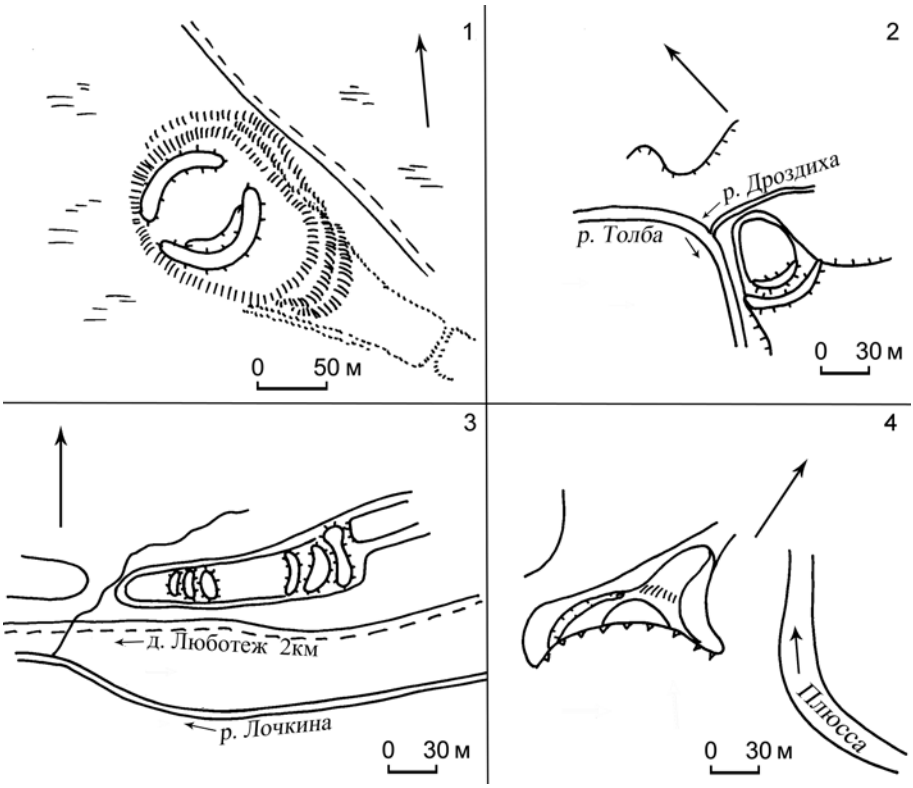


Рис. 3. Глазомерные схемы городищ
1 – у д. Мда; *2* – у д. Б. Крюково; *3* – у д. Люботеж(ь); *4* – у д. Прибуж

распространения памятников раннего железного века – позднего средневековья и Древней Руси на пространствах нынешнего Гдовского р-на Псковской обл.

С находками эпохи поздней бронзы в этом регионе возможно соотнести лишь «пламевидный» втульчатый бронзовый наконечник копья, добытый кладоискателем у городища Сторожинец (сообщение сотрудника ИИМК РАН В.А. Трифонова).

В Восточном Причудье нам известны лишь единичные памятники раннего железного века; плотность населения в это время была здесь ничтожной по сравнению с западным побережьем Псковско-Чудского водоема и юга Псковщины. Отдельные памятники, которые возможно косвенно связать с культурой эстонских каменных могильников и их реминисценциями, прослежены на территориях, смежных с нынешней Эстонией – к югу и к северо-востоку от Псковско-Чудского водоема. Таковы памятники в нижнем бассейне р. Великая: могильник Выбуты, селища у деревень Усадище и Ключище, возможно, могильник Ключище (*Белецкий*, 1996. С. 35, 36). Погребальные памятники, во многом схожие с «тарандами», на юго-западной окраине Ижорского плато, у деревень Валговицы и Великино, исследованы Е.А. Рябининым (1987. С. 408–411). В последние годы подобные древности II–III вв. н. э. – вплоть до VI в. н. э. (могильники с каменными обкладками – Кёрстово 1 и 2) на этой же территории, в лужском Ополье, распознаны и исследуются М.А. Юшковой (ИИМК РАН) (*Юшкова*, 2010а. С. 316–329; 2010б. С. 46–52).

Мате-риалы кладоискательских раскопок из могильника у д. Удосолово опубликованы П.Е. Сорокиным (2008. С. 312–323).

С памятниками раннего железного века к востоку от Псковско-Чудского водоема можно связать несколько городищ, поселений и культовых мест (рис. 1; 2). Часть их исследована раскопками. Принадлежность городищ к тому или иному культурно-хронологическому пласту обозначается рядом признаков.

А.Г. Фурасьев классифицировал городища-убежища Псковской обл. с применением кластерного анализа (учитывалась система оборонительных сооружений и другие параметры). Он соотносил их исключительно со второй половиной I тыс. н. э. (*Фурасьев*, 1995. С. 143–150). Тем не менее, ряд городищ рассматриваемого региона сочетает в себе внешние черты разных культурно-хронологических этапов, не связанных между собой.

Большинство городищ раннего железного века не имели культурного слоя и располагались в труднодоступных местах. Они, как правило, занимали мысовые возвышенности между болотистой низиной, оврагом, ручьем или речкой – таковы городища Люботеж(ь) на р. Лочкина (рис. 3, *3*), Слудка на р. Черма (рис. 4), Б. Крюково на р. Толба (рис. 3, *2*), Мда (рис. 3, *1*). Им свойственна мощная фортификационная система из нескольких валов и

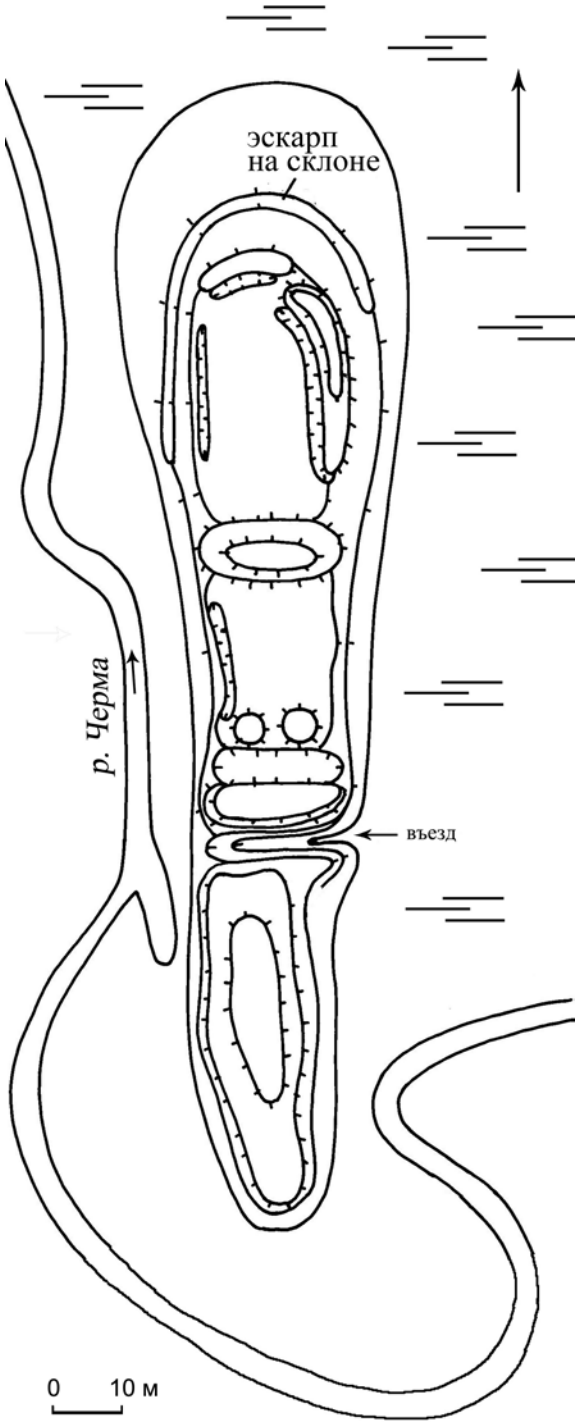


Рис. 4. Глазомерный план городища Слудка (по: *Popov*, 2009a)

Рис. 5. Арбалетовидная фибула из раскопок близ д. Городня (по: *Tallgren*, 1938)

рвов. А.М. Тальгреном опубликована бронзовая арбалетовидная фибула с железной иглой (последней нет на фото), якобы происходящая с городища у д. Городня (рис. 5) (*Tallgren*, 1938. P. 96, 97. Fig. 14.). В этой же работе упоминается подобная фибула III–IV вв. с городища Люботеж(ь). Деревня Городня расположена недалеко от д. Люботеж(ь), но при ней городища не наблюдается. Вероятно, речь идет об одном и том же памятнике и одной и той же фибуле.

Городище у д. Слудка (близ бывшей мызы Белой) в излучине р. Черма (рис. 4), классический памятник фортификации раннего железного века, напоминает «пилькальнис», как и Люботеж(ь). Слудка имеет две площадки, одна из которых является своеобразной цитаделью. Для попадания на нее необходимо преодолеть тройную систему укреплений. На мысу городище защищено валом, рвом и эскарпом на склоне. Городище у д. Б. Крюково, с овально-треугольной площадкой, расположено на высоком мысу при впадении в р. Толбу ручья Дроздиха. Оно защищено с материковой стороны двумя валами (длина внутреннего – 50 м) и рвом между ними. Его можно также отнести к докурганной эпохе.

Городище-убежище близ д. Мда занимает холм среди болотистой местности, с подходом по узкому боровому перешейку. Оно имеет круглую площадку с кольце-

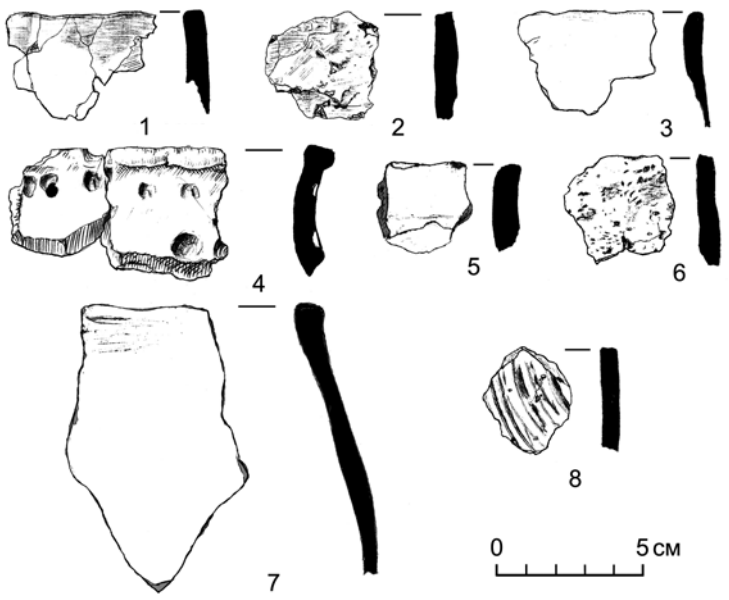


Рис. 6. Фрагменты лепных сосудов из раскопок городища Сторожинец

вым валом, прерывающимся с северо-запада и юго-востока. С востока склон эскарпирован. Нижняя площадка, у основания вала, также защищена рвом. Культурный слой отсутствует, и факт находки П.А. Раппопортом (1961) на нижней площадке фрагментов лепной «славянской» керамики X–XI вв. не позволяет достоверно соотнести городище с финальным этапом культуры длинных курганов. На значительном удалении от городища, непосредственно у д. Мда, нами открыто практически разрушенное карьером селище (*Попов*, 1991): в обрезе карьера в культурном слое найдено несколько фрагментов керамики раннего железного века.

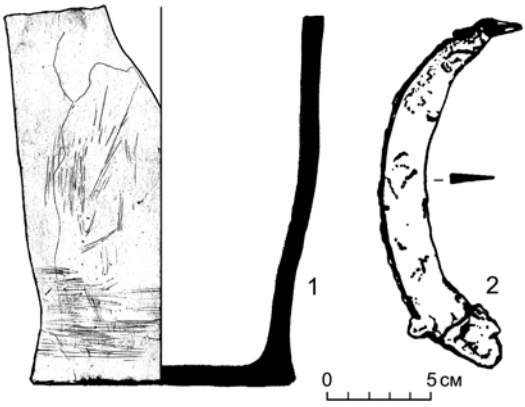


Рис. 7. Лепной сосуд и серп из раскопок городища Сторожинец

Мысовое городище Сторожинец на берегу оз. Речицкое, близ побережья Чудского оз., исследовалось нами в течение ряда лет (площадка – 2100 м^2, общая площадь раскопов – 417 м^2) (*Попов*, 1989а. С. 45–57; 2008. С. 316–336). Возникновение городища связано с культурой раннего железного века финно-угорского круга древностей. К этому этапу, датируемому 185–80 гг. до н. э. (по целой серии радиоуглеродных дат), относятся два яруса сгоревших оборонительных сооружений. Нижний ярус реконструируется как легкая стена или изгородь, укрепленная столбами и навалом из неокоренных стволов деревьев. Второй ярус обозначен двумя линиями наборных бревенчатых стен на базе столбов. Столбы и основания стен укреплялись камнями. Вдоль внутренней стены могли располагаться постройки, фиксирующиеся по нескольким рядам столбовых ям (наподобие жилых стен смоленских городищ). К этому этапу существования городища относится комплекс грубой лепной, подлощенной сетчатой керамики, керамики с замытой штриховкой, фрагмент железного серпа, часть тюльпановидного сосуда грубой выделки (рис. 6; 7). В конце I тыс. до н. э. наряду с городищем функционировало и селище к северо-востоку от него. Ранний этап сторожинецкого городища тяготеет к древностям Эстонии раннего железного века, представленным материалами каменных могильников и соответствующих им по времени поселений и городищ.

В раннем железном веке (судя по системе фортификации) основано и городище у д. Сорокина Горка (близ заброшенной д. Городище), расположенное на моренной возвышенности в холмистой местности в прямой видимости Чудского оз. (*Раппопорт, Станкевич, Голунова*, 1966. С. 33; *Попов*, 1989б). Его площадка, овальной формы, с сильным уклоном на запад, ограничена кольцевым валом (рис. 8). Площадка городища с эскарпированными склонами отделена на северо-востоке, востоке и юго-востоке от соседней возвышенности рвом (гл. 6–7,5 м). Внешний северный вал и ров плавно начинаются в нижней трети западного склона городища. В культурном слое на площадке найдены фрагменты керамики второй половины I тыс. н. э. А.А.Спицыным также был разрезан в четырех местах внутренний вал

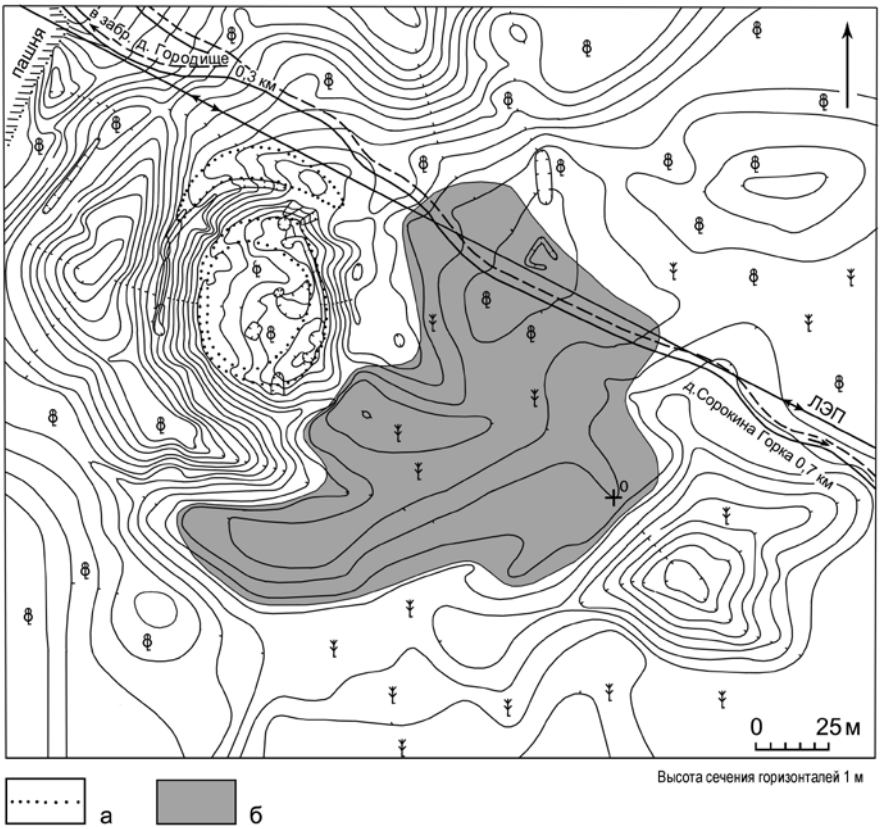


Рис. 8. Инструментальный план городища и селища у д. Сорокина Горка (по: *Попов*, 1989б)
Условные обозначения: а – границы вала и площадки городища; б – селище.
Высота сечения горизонталей 1 м

городища (ОАК, 1911). Его раскопки показали, что песчаный вал высотой до 1,75 м перекрывал погребенный дерн. В основании его зафиксированы остатки деревянных конструкций («пропластки из дерева»), местами насыпь сверху была укреплена валунами. Укрепления, по-видимому, сооружены в два этапа – «угольные пропластки по средине высоты в валу» соответствуют, очевидно, погибшим в огне деревянным конструкциям одного из этапов. Кроме того, А.А. Спицыным отмечены у вала в трех местах каменные площадки (вероятно, вымостки) из хорошо уложенных валунов. По архивным данным известен длинный курган у д. Городище, наполовину раскопанный А.А. Спицыным в 1911 г. (*Спицын*. Д. 61. Л. 4 об.). Близ городища нами зафиксирован могильник из трех круглых насыпей культуры длинных курганов и мощное селище, на котором в бороздах лесопосадок собрано значительное количество фрагментов грубой лепной керамики исключительно второй половины I тыс. н. э. (*Попов*, 1989б). Остатков гипотетического «мольбища» на «Городийских горах», зарисованного П.Н. Шульцем (1928а; 1928б), нами не обнаружено. Вероятно, эта мегалитическая конструкция разрушена старыми карьерами.

Время основания городищ на средней Плюссе (Горка, Крапивно, возможно, и Прибуж), восходит также к раннему железному веку. Вместе с тем, они распо-

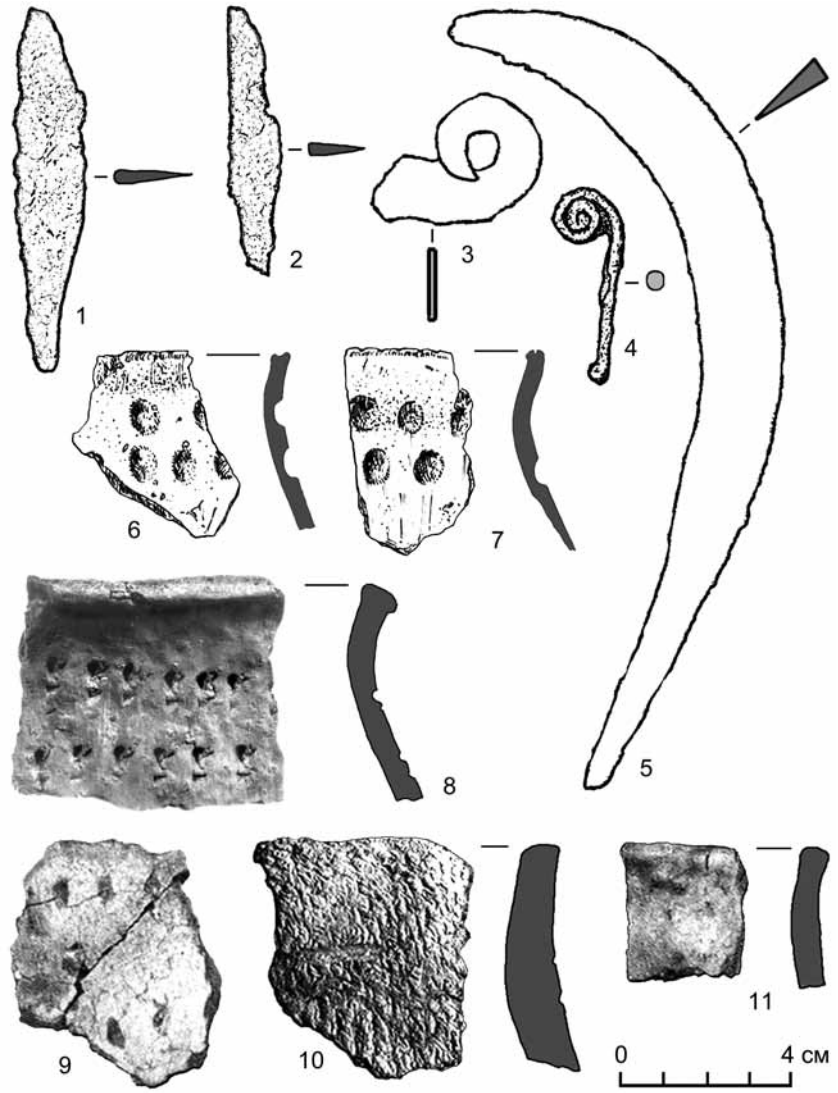


Рис. 9. Фрагменты лепных сосудов и находки раннего железного века из раскопок селища Горка

ложены в ключевых местах, служивших опорными пунктами системы расселения второй половины I тыс. н. э., включающей в себя, кроме них, поселения, могильники культуры длинных курганов и связующие их древние дороги и переправы через Плюссу (*Попов*, 1992а. С. 33–41; 2009. С. 218–233).

Одно из этих городищ, у д. Горка, расположено на мысу борового плато при впадении ручья в р. Стяглу. Площадка его ограничена с напольной стороны валом и рвом, склоны к пойме очень крутые – высота над ней 30–35 м. На городище культурный слой не выявлен, но за ручьем, в непосредственной близости от него, находится селище с комплексами раннего железного века и культуры длинных курганов. Селище Горка исследовалось в течение ряда лет нашими раскопками. Всего в

пределах двух раскопов исследовано 488 м^2 поселения. Выявлены 4 строительных горизонта, из которых три верхних связаны с интенсивной производственно-хозяйственной деятельностью носителей культуры длинных курганов.

Формирование горизонтов IV–IVa на поселении, ряд углубленных в материк комплексов соотносятся с древностями раннего железного века – середины I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э. (*Popov*, 2009a. P. 426–428). Этому этапу существования поселения свойственна слабопрофилированная лепная керамика (часть – с вдавлениями по шейке или срезу венчика) (рис. 9). Подобная керамика встречалась в слоях первой половины I тыс. н. э. (и в более ранних) ряда памятников – в среднем горизонте Тушемли, городищ Западной Двины, на поселениях Приильменья. На поселении Горка присутствует керамика с текстильным и штрихованным орнаментом; фрагменты сосудов хорошей выделки – с гладкой или подлощенной поверхностью. Этому этапу соответствуют изделия из железа (рис. 10): серп варианта А группы I (*Минасян*, 1978), два ножа с плавным переходом от черенка к выпуклому лезвию, булавка со спиралевидным навершием, часть кованого предмета с волютообразным навершием. Они имеют аналогии в древностях Западного Подвинья, Смоленщины, Средней и Восточной Латвии, Южной Эстонии, относящихся ко второй половине I тыс. до н. э. – I–IV вв. н. э. (*Минасян*, 1978. С. 74–85; *Станкевич*, 1960; *Третьяков*, 1963; *Короткевич*, 1989. С. 11–14).

Городище у с. Крапивно (рис. 10) также лишено культурного слоя. Система оборонительных сооружений подразумевает устройство его в раннем железном веке. Городище расположено на высоком холме террасы в излучине р. Плюсса. Площадка со стороны реки ограничена одним валом, а с напольной стороны отделена от продолжения террасы системой из двух валов и рвов (длиной по дуге около 210 м). Въезд на городище вел вдоль восточного склона и выходил к среднему рву. На втором этапе существования Крапивенское городище, вероятно, входило в вышеупомянутую систему расселения, контролируя на северо-западной границе ареала культуры длинных курганов мощную водную артерию – р. Плюссу. В его окрестностях известны 2 селища и могильники культуры длинных курганов, а также могильники древнерусского времени и селища XII–XVII вв. (*Попов*, 1989б; 1990).

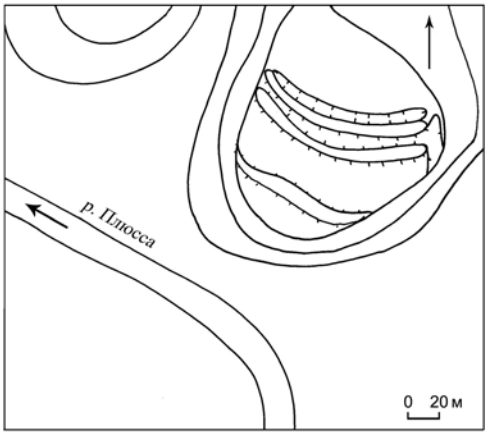


Рис. 10. Глазомерный план городища у д. Крапивно

В значительной степени уничтоженное карьером городище в урочище «Подгородок» близ погоста Прибуж на левом берегу р. Плюсса (рис. 3, *4*) имело культурный слой. Его облик позволяет восстановить описание Н.В. Иванова (1928). Оно занимало холм, соединенный узкой перемычкой с северо-запада с общим над береговым плато. По краю овальной площадки прослеживаются остатки невысокого вала. На 2/3 высоты холма на склоне еще видны следы эскарпа – терраса со рвом. Никаких материалов в культурном слое в обрезе карьера – сильно гумусированном песке с гравием

(мощностью до 0,3 м) – нами не найдено. Городище могло возникнуть в раннем железном веке, но, судя по остаткам оборонительных сооружений и наличию гумусированного слоя, наиболее вероятно может быть отнесено ко второй половине I тыс. н. э.

Нами описаны немногочисленные памятники раннего железного века Восточного Причудья. Дальнейшие раскопки их – в первую очередь городищ – дадут новые данные для уточнения хронологии этих древностей.

В Восточном Причудье проходит северо-западная граница ареала культуры длинных курганов. Здесь выявлены 91 могильник, 12 открытых поселений и ряд вышеописанных городищ второй половины I тыс. н. э.

Наибольшая концентрация памятников наблюдается в бассейнах рек Плюссы и Желчи, в тех ландшафтах, где водные артерии пересекают озерно-ледниковые песчаные отложения (рис. 11). Севернее с. Крапивно и г. Гдова известны лишь отдельные могильники этой культуры. Именно эта приблизительная граница боровых ландшафтов и заболоченных местностей соответствует северо-западной границе распространения памятников длинных курганов.

Крупнейшая группировка длинных курганов выявлена на средней Плюссе. Здесь значительные скопления могильников взаимосвязаны с селищами и городищами, контролирующими окраину ареала расселения. Нами реконструирована система древних дорог, соединяющих синхронные поселения, городища и могильники, а также древние переправы через р. Плюсса (подробно см.: *Попов*, 2009. С. 218–234).

Многочисленные длинно-курганные могильники известны и в бассейне р. Желчи – близ деревень Безьва, Жеребятино, Светлые Вешки, Ново-Жуковская, Горско-Рогово, Надозерье, Молоди, Елешно, Гвоздно, Лесная, Желча, Полна, Аксово и др.

По своему внешнему облику, погребальной обрядности, находкам и хронологии памятники культуры длинных курганов Восточного Причудья не отличаются от большинства древностей этого круга других регионов. Важно, что на этой территории у культуры длинных курганов нет существенной подосновы раннего железного века и на ее развитии не сказалось влияние культуры сопок, в отличие от более восточных областей.

Ряд погребально-поселенческих памятников в Восточном Причудье был подвергнут раскопкам. Курганы с сожжениями разных форм в 1970–1990-х гг. (*Попов, Хвощинская*, 2007. С. 199–216) раскапывались в могильниках Залахтовье, Безьва, Надозерье, Сторожинец. Один из форпостов культуры длинных курганов в Восточном Причудье – комплекс памятников у д. Сторожинец, включающий описанное выше городище, 2 селища и могильник из 38 насыпей. Основная часть культурного слоя, верхний ярус оборонительных сооружений, жилая постройка и ряд комплексов, исследованные на городище, относятся ко второй половине I тыс. н. э. (*Попов*, 1989а. С. 45–56; 2008. С. 316–339). В сторожинецком могильнике исследовано 9 курганов с сожжениями и впускными трупоположениями (*Попов*, 2012. С. 90–143). Результаты раскопок этих памятников, совокупность серий радиоуглеродных датировок, находки предметов, типичных для V(VI)–X вв., – бронзовых пластинчатого браслета и фрагмента, колоколовидных привесок, спиралек, тисненой ременной накладки, сережек с оплавленными синими стеклянными бусинами; 14-гранных стеклянных бусин, фрагментов лепных сосудов слабопрофилированных и баночных пропорций, сосуда с легкими каннелюрами и пр. – позволяют го-

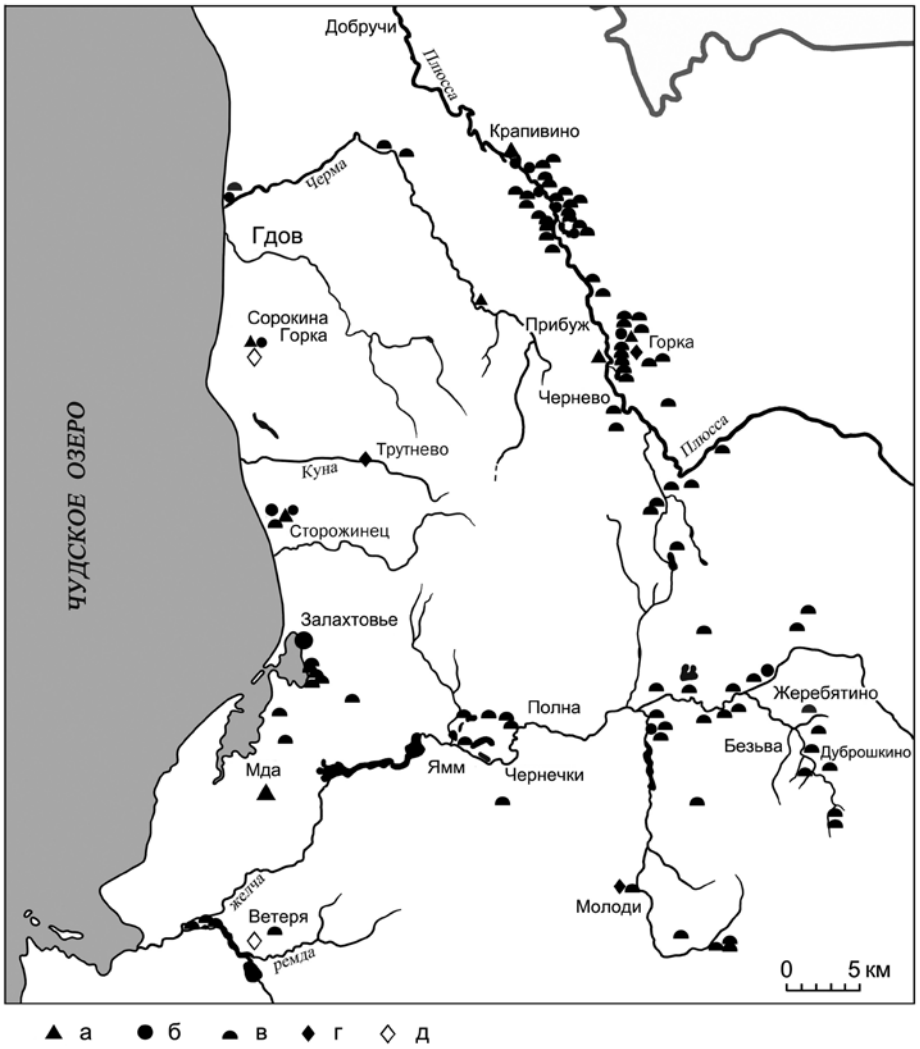


Рис. 11. Карта археологических памятников культуры длинных курганов на территории Гдовского р-на Псковской обл. Условные обозначения: а – городище; б – селище; в – курган; г – культовые камни, «святилища»; д – памятник не сохранился

ворить о непрерывности развития округи с V(VI) в. по X в. Материалы сожжений конца X – начала XI в., ранние ямные трупоположения древнерусского времени, основание на городище «сторожницы» дают представление о дальнейшем развитии этой территории.

Комплекс памятников у д. Городище в 5 км южнее г. Гдова – городище у д. Сорокина Горка, селище, могильник с сожжениями (*Попов*, 1986; 1989б), упоминавшиеся выше, – самый значительный северный комплекс памятников второй половины I тыс. н. э. на восточном берегу Чудского оз.

Упоминавшееся выше поселение у д. Горка на Плюссе дало интересные материалы, связанные с железоделательным производством, ткачеством и другими ас-

пектами жизни населения эпохи длинных курганов. Поселение Горка 10 в «Княжем борке» предоставило уникальные материалы (в частности, ранние хронологические индикаторы), позволившие при синхронизации с материалами поселения Горка отнести время их возникновения к V в. (подробнее см. недавние публикации: *Попов*, 2010а. С. 146–154; 2010б. С. 365–378; *Попов, Шаровская, Румянцева*, 2010. С. 155–161). Небольшие раскопки на селище Крапивно дали возможность отнести его культурный слой к последней четверти I тыс. н. э. (*Попов*, 1989б; 1990).

Сложна хронологическая детерминация древних культовых памятников. Это культовый комплекс у д. Трутнево, который включает камень-следовик и пещеры; культовые камни при могильнике у д. Молоди, гипотетическое святилище у д. Подсосонье, не сохранившиеся «мольбище» на Городийских горах и камень-следовик близ д. Ветеря. Они требуют отдельной публикации.

Таким образом, наши исследования с учетом разработок предшественников показали, что расселение носителей культуры длинных курганов в Восточном Причудье произошло не позднее V в. н. э. Никакой культурно-генетической и хронологической связи (что дополнительно подтверждается сериями ^{14}C-датировок) между культурой раннего железного века и культурой длинных курганов на этой территории нет. В конце X – начале XI в. культура длинных курганов органически включается в формирующуюся древнерусскую культуру – с учетом влияния самобытной «эстской» культуры в прибрежной контактной зоне и расселенческих импульсов из центральных районов Новгородской земли.

Литература

Белецкий С.В., 1996. Начало Пскова. СПб.

Иванов Н.В., 1928. Отчет о маршрутном палеоэтнологическом обследовании Гдовского р-на Лужского округа, произведенном членом Гдовского общества краеведов Ивановым Н.В. // НА ИИМК, РА. Ф. 2. № 115.

Короткевич Б.С., 1989. Верхнее Подвинье в раннем железном веке // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин.

Минасян Р.С., 1978. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. Вып. 19.

ОАК, 1911 – Отчет археологической комиссии за 1911 г. СПб.

Попов С.Г., 1986. Отчет Гдовского отряда ЛОИА АН СССР о работах в 1986 г. // НА ИИМК РАН, РА.

Попов С.Г., 1989а. Городище Сторожинец // КСИА. Вып. 198.

Попов С.Г., 1989б. Отчет Гдовского отряда ЛОИА АН СССР о работах в 1989 г. // НА ИИМК РАН, РА.

Попов С.Г., 1990. Отчет Гдовского отряда ЛОИА АН СССР о работах в 1990 г. // НА ИИМК РАН, РА.

Попов С.Г.,1992а. Работы Гдовского отряда в Восточном Причудье, бассейнах рек Плюссы и Желчи // Новгород и Новгородская земля: История и Археология. Великий Новгород.

Попов С.Г., 1992б. Материалы инвентаризации Гдовского р-на // Архив АНО ПАЦ. Псков.

Попов С.Г., 1995. Городища Восточного Причудья // Фортификация в древности и средневековье. СПб.

Попов С.Г., 2008. Городище Сторожинец в Восточном Причудье // Setumaa kogumik. Tallinn. 4.

Попов С.Г., 2009. Раннесредневековая система расселения на средней Плюссе // АИППЗ. 54.

Попов С.Г., 2010а. К вопросу о ранней хронологии культуры длинных курганов (по материалам поселений Горка и Горка-10) // АИППЗ. 55.

Попов С.Г., 2010б. Некоторые проблемы ранней хронологии культуры длинных курганов на Северо-западе России // Диалог культур и народов Средневековой Европы. СПб.

Попов С.Г., 2012. Курганы второй половины I тыс. н.э. могильника Сторожинец (исследования 1988–1990 гг.) // Setumaa kogumik 5. Tallinn.

Попов С.Г., Румянцева З.Р., 2011. К вопросу о типологии и хронологии ранних насыпей культуры длинных курганов // АИППЗ. 56.

Попов С.Г., Хвощинская Н.В., 2007. Некоторые итоги изучения Гдовского р-на: К 30-летию Гдовского отряда ИИМК РАН // АИППЗ. 52.

Попов С.Г., Шаровская Т.А., Румянцева З.Р., 2010. Биконические пряслица с поселений второй половины I тыс. н. э. среднего Поплюсья // АИППЗ. 55.
Раппопорт П.А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в X–XV вв. // МИА. № 105.
Раппопорт П.А., Станкевич Я.В., Голунова И.К., 1966. Археологическое обследование восточного побережья Чудского озера // Ледовое побоище 1242 г. М.; Л.
Рябинин Е.А., 1987. Об обследовании средневековых могильников води в Ленинградской области // Изв. АН Эстонской ССР. Таллин. 36/4.
Сорокин П.Е., 2008. Находки римского времени на Северо-Западе России // АИППЗ.
Спицын А.А. Д. 61 // НА ИИМК РАН, РА. Ф. 5. Д. 61.
Станкевич Я.В., 1960. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. // Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. (МИА. № 76.)
Третьяков П.Н., 1963. Древние городища Смоленщины // П.Н.Третьяков, Е.А.Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.; Л.
Фурасьев А.Г., 2005. Городища-убежища Псковщины второй половины I тысячелетия н. э. // Петербургский археологический вестник. СПб. № 9.
Шмидт Г.Р., 1886. Археологическая карта с объяснительной запиской Гдовского уезда Петербургской губ. // НА ИИМК РАН, РА. Ф. 4. № 176.
Шульц П.Н., 1928а. Отчет о маршрутном палеоэтнологическом исследовании в Гдовском районе Гдовского округа, произведенном аспирантом ГАИМК П.Н. Шульцем в 1928 году: Чертежи, рисунки и карты // НА ИИМК РАН, РА. Ф. 2. № 114.
Шульц П.Н., 1928б. Отчет о маршрутном палеоэтнологическом исследовании в Гдовском р-не Лужского округа, произведенном П.Н. Шульцем в 1928 г. // НА ИИМК РАН, РА. Ф. 2. № 114.
Юшкова М.А., 2010а. Новая группа памятников культуры могильников с каменными оградками (die Tarandgräbercultur) на западе Ижорской возвышенности // Диалог культур и народов Средневековой Европы. СПб.
Юшкова М.А., 2010б. Могильник Кёрстово-1 – уникальный памятник эпохи римских влияний на Северо-Западе России // Вестник СПбГУ. СПб. 2/3.
Kiristaja A., 2008. Formation and development of settlement of the Western Setumaa from the Stone Age up to the Modern Era // Setumaa kogumik. Tallinn. 4.
Kiristaja A., Lillak A., 2012. The settlement of Northern Setomaa in Prehistoric times // Setumaa kogumik. Tallinn. 5.
Popov S., 2009a. Ida-Peipsimaa vanemal rauaajal // Setomaa. Tartu. 2.
Popov S., 2009b. Ida-Peipsimaa pikk-kääbaste ajal // Setomaa. Tartu. 2.
Tallgren A.M., 1938. The prehistory of Ingria // ESA. XII.

Е.Р. Михайлова

Насыпь у деревни Репьи: место среди погребальных памятников Северо-Запада конца I тыс. н. э.

E.R. Mikhailova. The mound near Repji village and its place among burial sites of the North-West at the end of the 1st mill. AD

Abstract. Revisiting the high mound near Repji village, excavated in 1972 by G.S. Lebedev (1978), the article examining the structure of the mound, clarifying its chronology, listing similar sites in other regions. The reconstruction bases on reports, field documents and collection of finds from Repji. These sources sometimes disagree with the publication of 1978, and in some details allow the interpretation that differs from the previously proposed by G.S. Lebedev.

Ключевые слова: культура псковских длинных курганов, высокие насыпи, погребальный обряд, раннее средневековье.

Сорок лет назад, в 1972 г., Г.С. Лебедев исследовал высокую погребальную насыпь близ д. Репьи на восточном берегу Черменецкого озера в Лужском р-не Ленинградской обл. (*Лебедев*, 1978). По своим размерам и форме насыпь еще до раскопок была интерпретирована как сопка и в таком качестве вошла в соответствующие каталоги (*Чернягин*, 1941. С. 119; *Седов*, 1970. С. 46). Материалы раскопок в Репьях во многом легли в основу концепции Г.С. Лебедева о гипотетической единой «предкурганной культуре» – предшественнице и сопок, и длинных курганов.

В начале 1970-х гг. представления о сопках как отдельном типе погребальных памятников основывались на материалах дореволюционных раскопок (работы Н.Е. Бранденбурга, Н.Г. Богословского, Л.К. Ивановского и др.). Сопки в бассейне р. Луги, к которому относится Черменецкое озеро, оставались практически не изученными. Исключение составляли сопка у с. Косицкое (раскопки Н.Г. Богословского, 1878 г.) и сопка у д. Средние Озерцы (раскопки К.Д. Трофимова,1903 г.). Таким образом, раскопки у Репьев были призваны в первую очередь пополнить недостаточную источниковую базу.

Как характеризовал памятник сам Г.С. Лебедев, «сопка, стоявшая на окраине верхней надпойменной террасы, представляла собой классический образец такого рода насыпей: высотой 2,7–3,8 м, диаметром 18–20 м, с уплощенной вершиной и хорошо заметной каменной вымосткой (венцом) по основанию с южной стороны. С юга, востока и отчасти с севера она была окружена курганно-жальничными насыпями» (*Лебедев*, 1974. Л. 37).

Стратиграфию насыпи у д. Репьи исследователь схематически представил следующим образом:

ярус 0 (самый верхний) – каменные конструкции и набросы из валунов и плит, среди которых собраны фрагменты круговой керамики XII–XIV вв.;

ярус 1 – слой красного песка мощностью до 0,5 м; в этот слой впущено 27 безынвентарных ингумаций в могилах, перекрытых каменными кладками яруса 0;

ярус 2 – слой серого песка мощностью 1 м и более, покрытый погребенной почвой; под слоем серого песка находились два обширных пятна угля, золы и пережженных костей, сопровождавшиеся находками;

ярус 3 – первоначальная уплощенная насыпь, сложенная из крупного красного песка (в публикации – суглинка) с включениями гумуса и золы. Ее диаметр составлял 13–15 м, высота достигала 1,3 м. С этим ярусом связано несколько кремаций; из них некоторые, по мнению автора раскопок, могли быть совершены на месте.

В настоящее время очевидно, что насыпь у д. Репьи не является сопкой. Это сложный по своему составу комплекс, связанный с традициями культуры псковских длинных курганов (КПДК). Кажется, первым в литературе это отметил Е.Н. Носов (1981. С. 50, 51).

Попробуем реконструировать внутреннюю структуру насыпи и уточнить ее хронологию с учетом накопленных к настоящему моменту материалов. В основу реконструкции положена отчетная и полевая документация (дневник, описи, полевые этикетки на находках), коллекция находок (хранится в Государственном музее истории религии в Санкт-Петербурге). Эти источники местами расходятся с публикацией 1978 г., а в ряде деталей позволяют интерпретацию, отличную от предложенной ранее Г.С. Лебедевым.

I этап сооружения насыпи. В основании насыпи находилось овальное пятно погребенной подзолистой почвы размерами около 5×6 м, вытянутое в направлении северо-запад – юго-восток. Приблизительно по контуру этого пятна отмечен полукольцевой ровик с большим разрывом с юго-западной стороны. Во время раскопок ровик был зафиксирован как полоса черного гумусированного песка, и заполнение его не разбиралось. Не исключено, что ров был, как у большинства псковских длинных курганов, кольцевым, с менее ярким заполнением в юго-западной части.

На поверхности погребенной почвы лежали многочисленные угольки и крупные обугленные плахи, сосредоточенные в северной части подкурганной площадки.

С погребенной почвой под первоначальной насыпью связано несколько погребений по обряду кремации на стороне: погребения 3, 5 и 6, объединенные Г.С. Лебедевым в ***3-й ярус погребений***.

Погребение 3 – под этим общим обозначением фигурирует обширное зольно-угольное пятно с пережженными косточками в северной части пятна погребенной почвы. При разборке пятна были обнаружены два отдельных захоронения, располагавшиеся в 1,5 м друг от друга. Одно из них было совершено в материковой ямке (погребение 3а), другое представляло собой плотное компактное скопление пережженных костей, возможно, сложенных в деревянный или берестяной сосуд (погребение 3б). Находки были собраны в основном среди костей в предполагаемой деревянной урне и вокруг нее. Это фрагмент бронзовой бляшки-скорлупки, железная двойная прямоугольная накладка с заклепками, D-образные скобочки из бронзовой проволоки, бронзовая пластинчатая трапециевидная привеска, многочисленные фрагменты оплавленной бронзы (рис. 1).

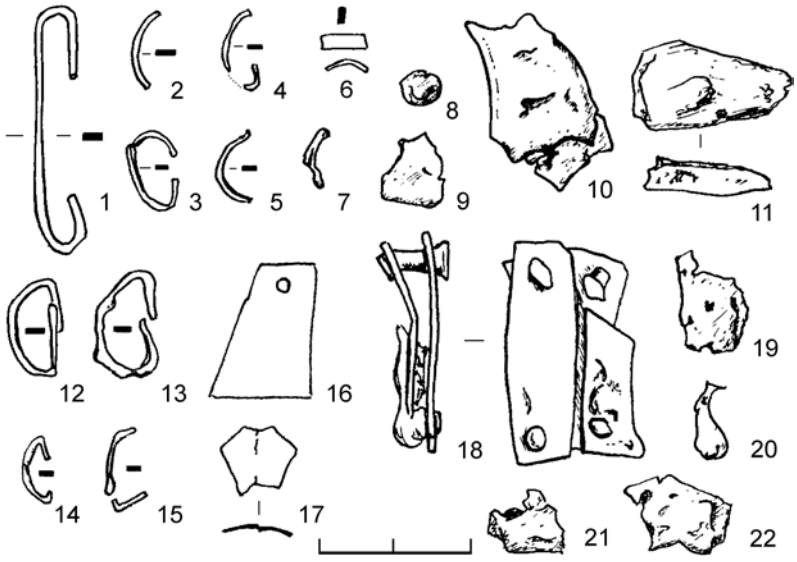


Рис. 1. Насыпь у д. Репьи. Находки из погребения 3 (*1–11*) и 3б (*12–22*). Рис. автора
1–5, 7, 12–15 – D-образные проволочные скобки; *6–11, 19–22* – оплавленные обломки неопределенных предметов; *16* – трапециевидная привеска; *17* – фрагмент бляшки-скорлупки; *19* – двойная накладка. (*1–17, 19–22* – бронза; *18* – железо)

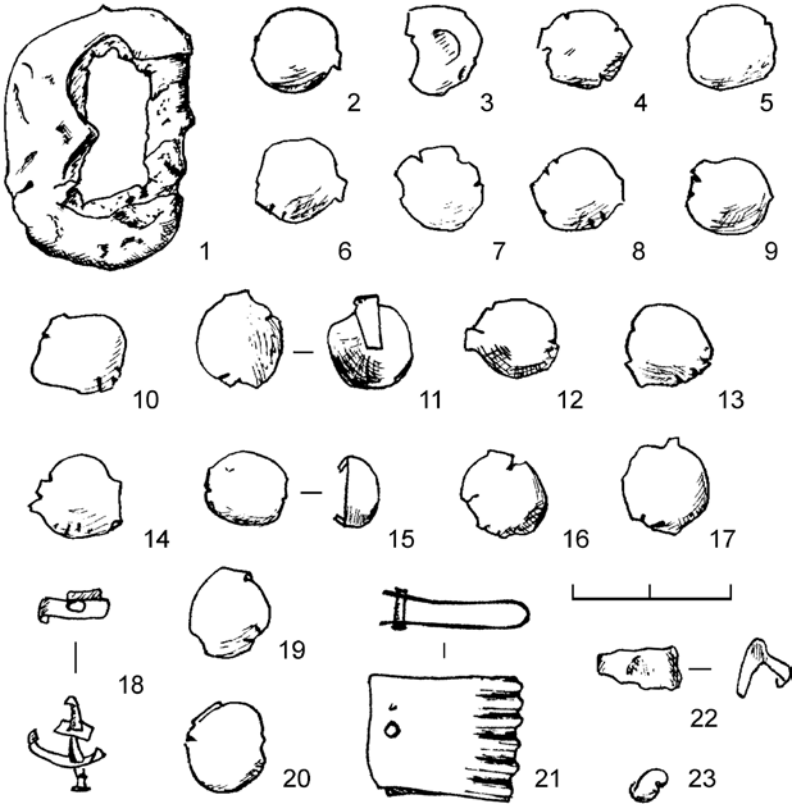


Рис. 2. Насыпь у д. Репьи. Находки из погребения 5. Рис. автора
1 – пряжка с D-образной рамкой; *2–17, 19, 20, 22* – бляшки-скорлупки и их фрагменты; *18* – заклепка; *21* – обойма; *23* – капля бронзы. (*1–18, 21–23* – бронза; *19–20* – серебро)

Погребение 5 – вытянутое полосой скопление пережженных костей и углей на юго-западном краю слоя погребенной почвы. Среди костей собраны: бронзовая пряжка с D-образной рамкой, бляшки-скорлупки (17 бронзовых и 2 серебряные), бронзовая обойма, бронзовая заклепка (рис. 2).

Погребение 6 – захоронение в грунтовой ямке на южном краю пятна погребенной почвы. Здесь найдены бронзовые квадратные бляшки-обоймицы (4 экз.), бронзовая умбоновидная накладка, обломки двух бронзовых браслетов с массивными расширенными концами (целый и часть другого), сильно оплавленные стеклянные бусы из прозрачного бесцветного и темно-синего стекла, обожженная округлая уплощенная бусинка из сердолика, короткий железный стержень (рис. 3).

II этап. Из взятого на месте материкового красного песка на слое погребенной почвы была возведена плоская округлая насыпь, чуть вытянутая в направлении северо-запад – юго-восток. Отмеченные при раскопках многочисленные прослойки и линзы погребенного дерна и суглинка свидетельствуют о неоднородной структуре насыпи. На ее поверхности зафиксированы остатки вымостки из каменных плит, уложенных в ряд по северному склону, и отдельные крупные обугленные плахи длиной до 1 м.

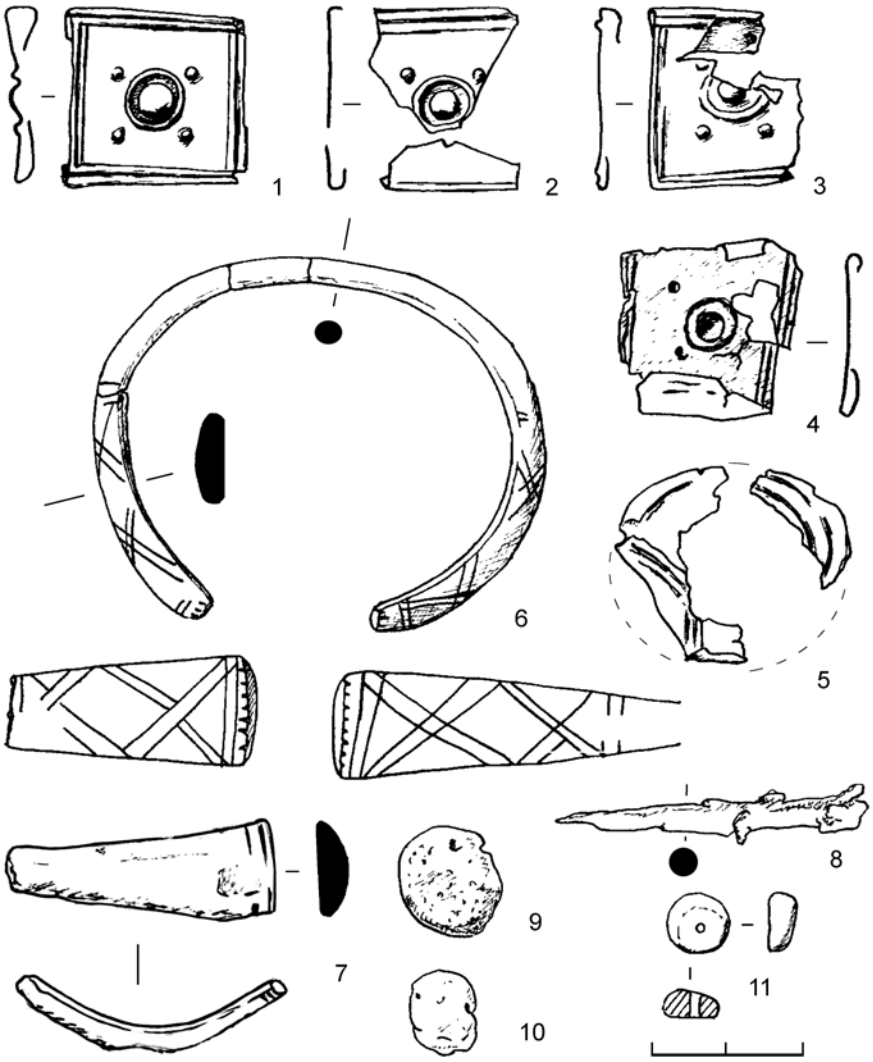


Рис. 3. Насыпь у д. Репьи. Находки из погребения 6. Рис. автора
1–4 – бляшки-обоймицы; *5* – умбоновидная накладка; *6, 7* – браслеты с утолщенными концами; *8* – короткий заостренный стержень; *9–11* – бусы со следами пребывания в огне. (*1–7* – бронза; *8* – железо; *9, 10* – стекло; *11* – сердолик)

На поверхности этой первоначальной насыпи были обнаружены три кремации, объединенные Г.С. Лебедевым во ***2-й ярус погребений***, связанный с выделенным им 2-м ярусом насыпи.

«Погребение 2» – большое (4×2 м) угольное пятно на юго-восточном склоне насыпи, вытянутое вдоль ее края. На этом пятне расчищено несколько скоплений пережженных костей. С «погребением 2» связаны находки трапециевидной привески, прикрепленной к пятиугольной обоймице, другой пятиугольной обоймицы и 12 фрагментов тонкой бронзовой или биллоновой пластины (на некоторых фраг-

ментах сохранились следы круглых отверстий) (рис. 4). Рядом с кострищем, выше по склону, найдены черепки лепного сосуда и железная сковорода (рис. 5).

На вершине первоначальной насыпи были расчищены два погребения (1 и 4) – россыпи пережженных костей и углей, разделенные прослойкой прокаленного песка и суглинка мощностью 10–20 см.

Погребение 1 – россыпь костей и углей на поверхности насыпи, в центре. Основная часть костей сожжения была собрана в берестяной (?) туесок, от которого сохранилось донце (рис. 6, *1*). Здесь найдены неопределенные металлические обломки. При разборке бровок на уровне погребения 1 был найден также костяной предмет с углублениями (рис. 6, *2*).

Погребение 4 – обширная россыпь костей и углей на поверхности первоначальной насыпи, под погребением 1. Среди костей найдены обломок узкой прямоугольной бронзовой пластины (фрагмент браслета?), капли бронзы и синего стекла (рис. 7).

Таким образом, среди погребений яруса 2 можно наметить определенную стратиграфическую последовательность. Погребение 1, совершенное поверх погребения 4, можно связывать с поверхностью первоначальной насыпи, а можно рассматривать как захоронение, совершенное непосредственно перед досыпкой насыпи вверх и связанное, таким образом, уже со следующим этапом сооружения насыпи.

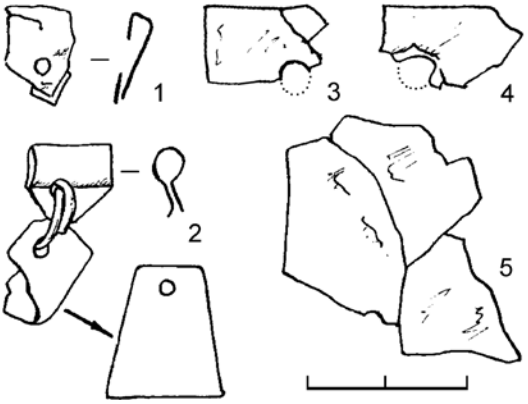


Рис. 4. Насыпь у д. Репьи. Находки из «погребения 2». Рис. автора
1 – пятиугольная обоймица; *2* – пятиугольная обоймица с трапециевидной привеской; *3–5* – фрагменты пластин с отверстиями. (*1, 2* – бронза; *3–5* – неопределимый медный сплав)

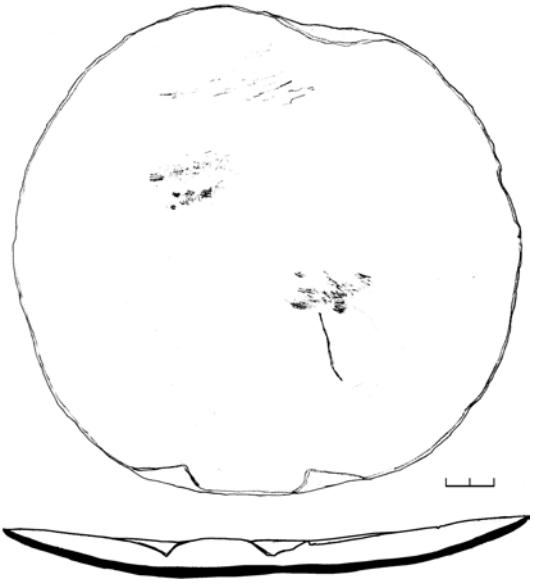


Рис. 5. Насыпь у д. Репьи. Железная сковорода. Рис. автора

III этап. Первоначальная насыпь была перекрыта мощным (около 1 м) слоем серого песка и стала высокой и крутобокой. Общая высота насыпи составила 2,5–3 м. В таком виде насыпь простояла в течение довольно длительного времени: по

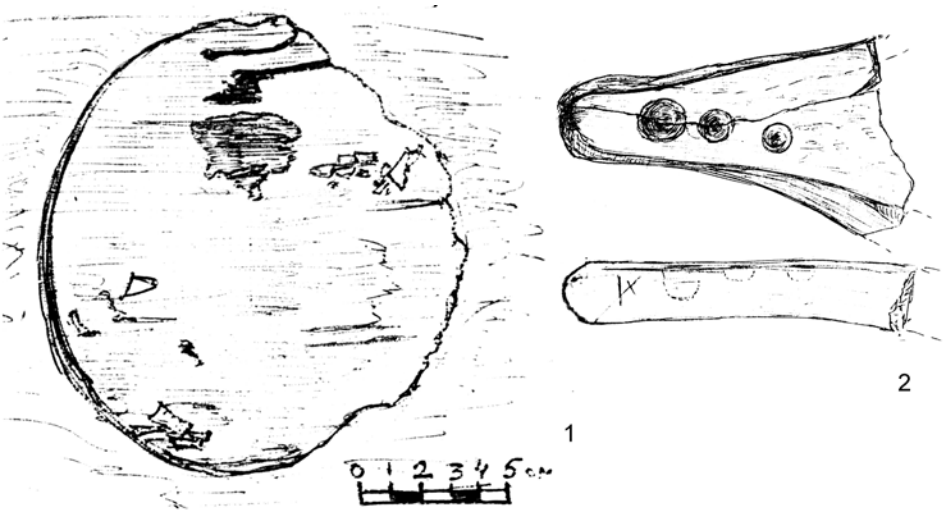


Рис. 6. Насыпь у д. Репьи. Находки из погребения 1. Рис. Г.С. Лебедева
1 – туесок-урна; *2* – фрагмент неопределенного предмета. (*1* – береста; *2* – кость)

всей ее поверхности прослежен не нарушенный слой погребенного дерна. Каких-либо погребений на этом этапе не совершалось (если не рассматривать погребение 1 как погребение в основании слоя серого песка).

IV этап. Заключительный этап сооружения насыпи у д. Репьи – еще один слой красного песка мощностью до 1 м, перекрывший всю поверхность насыпи.

В поверхность окончательной насыпи, в основном в южный склон, было впущено 27 трупоположений (*ярус 1 погребений*, по Г.С. Лебедеву). Некоторые из погребений были совершены в деревянных гробах, некоторые сопровождались обкладками из валунов или каменных плит. Каменные конструкции над поздними могилами оказались разрушены и оползли вниз по склону, образовав плотный развал камней у южного подножия (выделены Г.С. Лебедевым в *ярус 0*). Среди камней были найдены отдельные фрагменты средневековой круговой керамики и спираль из узкой бронзовой пластины; при расчистке погребения 26 встречены кованые гвозди гроба (рис. 8). Все ингумации безынвентарные, что говорит об их сравнительно поздней датировке. Были ли погребения впущены в насыпь сразу же после ее окончательной досыпки или по прошествии какого-то времени, сказать трудно.

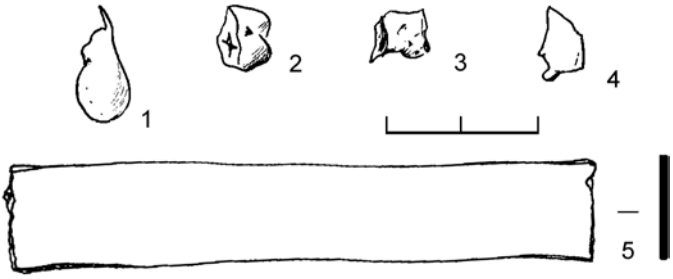


Рис. 7. Насыпь у д. Репьи. Находки из погребения 4. Рис. автора
1–3 – оплавленные бусы; *4* – оплавленный обломок; *5* – фрагмент пластины (браслета?). (*1–3* – стекло; *4, 5* – бронза).

Главный интерес представляют находки, связанные с первоначальной насыпью. Они отчетливо распадаются на две группы:

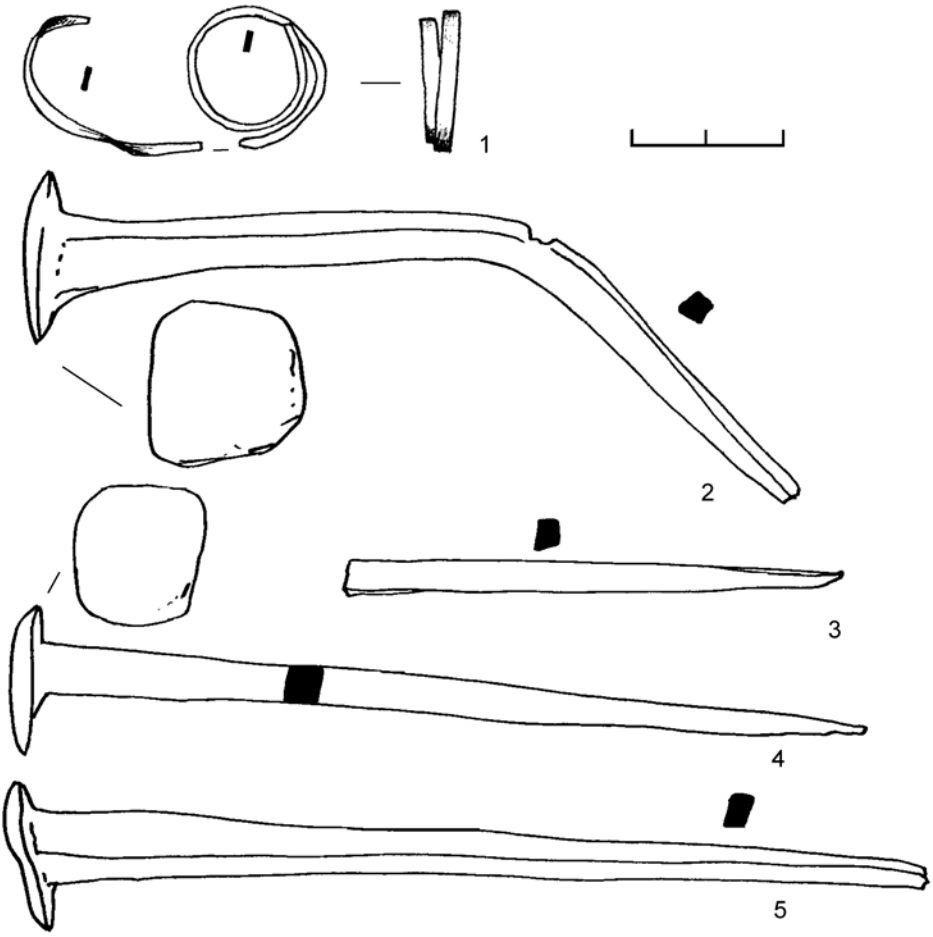


Рис. 8. Насыпь у д. Репьи. Находки из верхнего яруса. Рис. автора
1 – сломанная спираль; *2–5* – кованые гвозди. (*1*– бронза; *2–5* – железо)

а) предметы, характерные для культуры псковских длинных курганов;

б) «чужие» вещи, появляющиеся в КПДК лишь на позднем этапе ее существования.

Рассмотрим их подробнее.

Браслеты с утолщенными концами округлого и овального сечения, украшенные геометрическим орнаментом, хорошо известны в погребениях культуры псковских длинных курганов. Браслеты из Репьев (рис. 3, *6, 7*) выделяются на общем фоне заметной уплощенностью своих концов, а также наличием насечек на гранях торцов. Г.С. Лебедев счел точной аналогией находкам из Репьев браслеты, найденные на дьяковском Успенском городище: по одному браслету найдено здесь при раскопках А.В. Успенской в 1953 г. и при осмотре городища Р.Л. Розенфельдтом в 1960-х гг. (*Смирнов*, 1974. С. 56. Табл. VII, *6*). Однако браслеты из Успенского и из Репьев различаются целым рядом существенных деталей. Заметим также, что бра-

слеты из Успенского – единственная находка браслетов с утолщенными концами на дьяковском памятнике (*Лазукин*, 2005. С. 131).

В целом в Восточной Европе браслеты с утолщенными концами наиболее характерны для древностей V–VII вв., хотя в меньшем количестве бытуют и на протяжении VIII–X вв.; единичные известны в комплексах начала II тыс. (подробнее см.: *Михайлова*, 2011. С. 534–536). Недавно сведения о браслетах с утолщенными концами, покрытыми геометрическим орнаментом, обобщил М.Е. Левада (2010. С. 568–573), анализируя материалы клада у д. Сухоносивка в Нижнем Поднепровье. К сожалению, им учтены далеко не все находки с территории Восточной Европы – в частности, за пределами его сводки остались браслеты из псковских длинных курганов (за исключением находки из могильника Любахин I).

Квадратные бляшки-обоймицы (рис. 3, *1–4*), помимо находок в КПДК, известны в материалах дьяковских городищ. Большинство из них украшено точечным орнаментом (иногда – фигурами из точек) на гладком поле, и лишь несколько (с городищ Луковня и Дьяково) похожи на находки из КПДК (*Розенфельдт*, 1982. Рис. 1, *7, 8*; *Кренке*, 2011. С. 73. Рис. 145, № 870–884). Нужно отметить, что по орнаментации лишь одна из них точно соответствует находкам КПДК – найденная в Луковне квадратная бляшка, орнаментированная косым крестом с выпуклым кружком в центре. Еще одна бляшка-обоймица из Луковни и обе бляшки из верхнего слоя Дьякова городища демонстрируют не свойственный изделиям КПДК разнобой в оформлении краев: два края орнаментированы «рифлением», а два других – рядом выпуклых точек. Наконец, еще одна находка из Луковни представляет собой обломок «рифленого» края. На самом Дьяковом городище бляшки-обоймицы интересующего нас облика происходят из верхнего горизонта верхнего слоя, который формировался с IV в. вплоть до VI–VII вв. (*Кренке*, 2011. С. 145). В материалах, связанных с традициями КПДК, квадратные бляшки-обоймицы известны и в более позднее время (подробнее см.: *Михайлова*, 2007. С. 158–160).

Поясной набор из погребения 5 включал в себя пряжку с утолщенной спереди D-образной рамкой с обращенным внутрь рамки выступом, бронзовые и серебряные бляшки-скорлупки, невыразительную заклепку и пластинчатую обойму-наконечник с «рифлением» на месте перегиба (рис. 2). Аналогии пряжке мне не известны. Бляшки-скорлупки употреблялись на всем протяжении существования КПДК. Хронологическим ориентиром в этом комплексе может послужить обойма – аналогичные известны в VII в. в аварских памятниках и на Северном Кавказе (*Garam*, 1992. Taf. 45, *1, 2, 4–6*; *Гавритухин, Обломский*, 1996. С. 72–76. Рис. 75, *1–44*; *Амброз*, 1989. С. 80, 81. Рис. 26, *31*; 37, *30*). Возможно, к южным образцам восходит и обойма из Репьев.

Не характерны для КПДК гладкие трапециевидные привески с пятиугольными обоймицами, округлая сердоликовая бусина, плоская железная сковорода. Здесь они служат не столько культурным, сколько хронологическим признаком и позволяют датировать первоначальную насыпь в Репьях временем не ранее VIII в. (*Михайлова*, 2011. С. 540, 545). Важно отметить, что в Репьях эти поздние вещи встречены в тех же стратиграфических условиях и даже в тех же комплексах, что и украшения, свойственные длинным курганам V–VII вв. Наиболее правдоподобным объяснением этому кажется предположение о длительном существовании тради-

ционного убора КПДК, сложившегося на протяжении V–VII вв., но бытовавшего и позднее (по крайней мере, как погребальный убор).

Сама по себе насыпь у д. Репьи также характерна для курганов культуры псковских длинных. Типичны размеры и пропорции первоначальной насыпи (соотношение высоты к диаметру приблизительно 1: 10). Следы деревянных конструкций и скопления крупных обугленных плах нередко фиксируются при раскопках насыпей КПДК. Не менее характерно для псковских длинных курганов и нахождение насыпи в составе позднейшего курганно-жальничного могильника (такие памятники нередки на Луге, Плюссе, Великой).

Справедливости ради нужно отметить, что некоторые черты памятника находят свои параллели и в сопках: внешний вид окончательной насыпи, приуроченный к подножию поздний могильник. Развал крупных деревянных плах на поверхности насыпи был отмечен К.Д. Трофимовым в сопке у д. Средние Озерцы.

Можно было бы определить насыпь у д. Репьи как уникальный пример взаимодействия «длиннокурганных» и «сопочных» традиций, однако подобные памятники теперь известны и в других регионах. Высокие насыпи, разные ярусы которых содержат разновременные материалы, исследованы в бассейне Мологи и в Верхневолжье.

Могильник **Усть-Белая I** на р. Кобоже, притоке Мологи. Высокий курган 8 раскопан А.Н. Башенькиным в 1987 г. (*Башенькин, Васенина*, 2004. С. 23–24). Насыпь высотой 5 м и диаметром 26 м располагалась на краю боровой террасы старицы р. Кобожи. Она была сооружена в 3 этапа.

Первоначальная насыпь, как и в Репьях, была невысокой (1,4 м при диаметре 22 м), окруженной кольцевым рвом. На втором этапе сооружения высота кургана достигла 2,7 м. С двумя первыми этапами связываются погребения культуры псковских длинных курганов; причем погребения второго этапа на основании вещевого материала можно датировать VIII в. (*Башенькин, Васенина*, 2004. Рис. 24–25).

На третьем этапе сооружения насыпь достигла своих окончательных размеров. С последним этапом ее сооружения связаны 5 кремаций, где найдены железные ножи, выполненные в технологии трехслойного пакета, так называемый футляр для фитиля, стеклянные бусы (в том числе прессованные бочонковидные и полихромные с пересекающейся волной) и другие предметы, находящие свои аналогии, в частности, в сопках.

Примечательно, что и в усть-бельскую насыпь были позднее впущены 15 безынвентарных ингумаций.

Высокий курган в Усть-Белой практически аналогичен кургану в Репьях. Еще одна насыпь менее похожа на них, но тоже может быть поставлена в этот ряд.

Могильник **Струйское** на Верхней Волге. Курган 4 раскопан О.М. Олейниковым в 1987 г. (*Олейников*, 2001). Насыпь диаметром около 20 м и высотой 3,5 м стояла на краю курганной группы, на возвышенности на берегу Волги. Первые два этапа сооружения насыпи связаны с традициями КПДК; сооружение первоначальной насыпи, по мнению автора раскопок, произошло в пределах третьей четверти I тыс., погребение 2 этапа он датирует концом VII – IX в. Предложенные О.М. Олейниковым датировки основываются как на собственно археологических данных (характеристике погребального обряда и находок), так и на результатах спорово-пыльцевого анализа погребенных почв.

Начиная с 3 этапа насыпь была использована для совершения нескольких впускных ингумаций, датирующихся серединой X – первой половиной XI в., причем одна из этих ингумаций была совершена в прямоугольной камере размерами 270×460 см. Совершение этих захоронений сопровождалось увеличением высоты кургана.

И, наконец, в конце XIII в. в насыпь были впущены две могилы с безынвентарными трупоположениями.

Таким образом, мы видим в удаленных друг от друга регионах высокие многоярусные насыпи, в основании которых лежат ранее возведенные курганы.

По всей вероятности, высокие насыпи такого типа отражают взаимное влияние различных культурных традиций в последней четверти I тыс. и некие общие тенденции в развитии погребальной обрядности в лесной зоне Восточной Европы, которые еще предстоит изучить. Возможно, широкое распространение многоярусных сопковидных насыпей начинается в VIII в., знаменуя общие изменения в погребальной обрядности, происходившие на значительной территории.

Литература

Амброз А.К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.

Башенькин А.Н., Васенина М.Г., 2004. Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кобоже: 20 лет исследований // Чагодощенская земля: культура, история, люди. Вологда.

Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.

Кренке Н.А., 2011. Дьяково городище: Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.

Лазукин А.В., 2005. Новые находки на Успенском городище // Археология Подмосковья. М. Вып. 2.

Лебедев Г.С., 1974. Отчет о работах в Лужском районе Ленинградской области СЗАЭ 1972/73 гг. Л. // Архив ИА. Р-1. № 8766.

Лебедев Г.С., 1978. Сопка у д. Репьи в Верхнем Полужье // КСИА. Вып. 155.

Левада М.Е., 2010. Сухоносивка // Terra Barbarica. Łódź; Warszawa. (Monumenta Archaeologica Barbarica. Ser. Gemina. T. II.)

Михайлова Е.Р., 2007. Тисненые бляшки-обоймицы из памятников культуры псковских длинных курганов // Археологические вести: Сб. науч. тр. в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб.

Михайлова Е.Р., 2011. Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов // Петербургский апокриф: Послание от Марка. СПб.; Кишинев. (Библиотека «Stratum».)

Носов Е.Н., 1981. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье // СА. № 1.

Олейников О.М., 2001. Курган № 4 курганной группы «Струйское» // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород. Вып. 15.

Розенфельдт И. Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.

Седов В.В., 1970. Новгородские сопки // САИ. Вып. Е1-8. М.

Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М.

Чернягин Н.Н., 1941. Длинные курганы и сопки (археологическая карта) // Этногенез восточных славян. М.; Л. Т. 1. (МИА. № 6.)

Garam É., 1992. Die münzdatierten Gräber der Awarenzeit // Awarenforschungen. Wien. I.

М.В. Медведева, В.Ю. Соболев

Раскопки у д. Замошье в 1910 г.: архивные материалы и музейные коллекции. Дополнение к публикации А.А. Спицына

M.V. Medvedeva, V.Y. Sobolev. Excavations near Zamoshie village: archival materials and museum collections. An addition to the A.A. Spitsyn's publication

Abstract. In 1910 a part of medieval burial ground in the Luga district of St. Petersburg Province near Zamoshie village was excavated by a group of university students under supervision of A.A. Spitsyn. We have several survived sources containing information about the excavations: 1) a brief publication by A.A. Spitsyn, 2) manuscripts and photographs from the Scientific Archive of Material Culture History Institute (St. Petersburg), 3) a Hermitage collection.

Consolidation, comparison and analysis of these sources have provided additional information about the planning and stratigraphy of the investigated mounds as well as about the methodology of excavations.

Ключевые слова: история археологии, древнерусские погребальные памятники, древнерусские курганы, А.А. Спицын.

В 1910 г. группа университетских слушателей под руководством А.А. Спицына произвела археологическое обследование у д. Замошье в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии. Еще в 1906 г. земский начальник 6 участка Псковского уезда сообщил в Императорскую Археологическую комиссию об обнаружении древнего могильника близ д. Замошье и уведомил, что местные крестьяне самовольно производили раскопки курганов и нашли «много древнего происхождения медных вещей, как то колец, цепочек, частей панцирей» (РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1906. Д. 121. Л. 1). Замошские курганы располагались на частных землях. По просьбе Археологической комиссии землевладелец, инженер-техник М.Н. Гротен, разрешил провести раскопки, предоставил жилье и помощь, но попросил оставить нетронутыми два кургана, особо почитаемые в местной традиции (РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1910. Д. 79. Л. 3 об., 10, 12).

В мае 1910 г. под руководством А.А. Спицына группой студентов было раскопано 15 курганов: «полуфинских-полурусских, весьма интересных своими обложениями из камня, которым подобные позднее были обнаружены под Ладогой»; «старый удлиненный курган, интересно сооруженный» и «несколько маленьких курганов особого типа, встречающихся очень редко» (*Спицын*, 1914. С. 94).

К настоящему времени сохранилось несколько источников, содержащих информацию об этих раскопках: 1) публикация А.А. Спицына (1914); 2) архивное дело, хранящееся в рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН, – «Отчет о раскопках в Удрай-Замошье Лужского у. Ленинградской губ.: Александрова, С. Дубинского, К. Кудряшова, Н. Лаврова, Любомирова, Вл. Острогского, Покровского, Садикова, Саханева, Тищенко, Чернова и Балицкого. Май 1910 г.» (рис. 1); 3) коллекция находок, хранящаяся в фонде Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (ОАВЕС ГЭ); 4) небольшая коллекция фотографий, сделанных в процессе этих работ (рис. 2; 3). Сведение воедино,

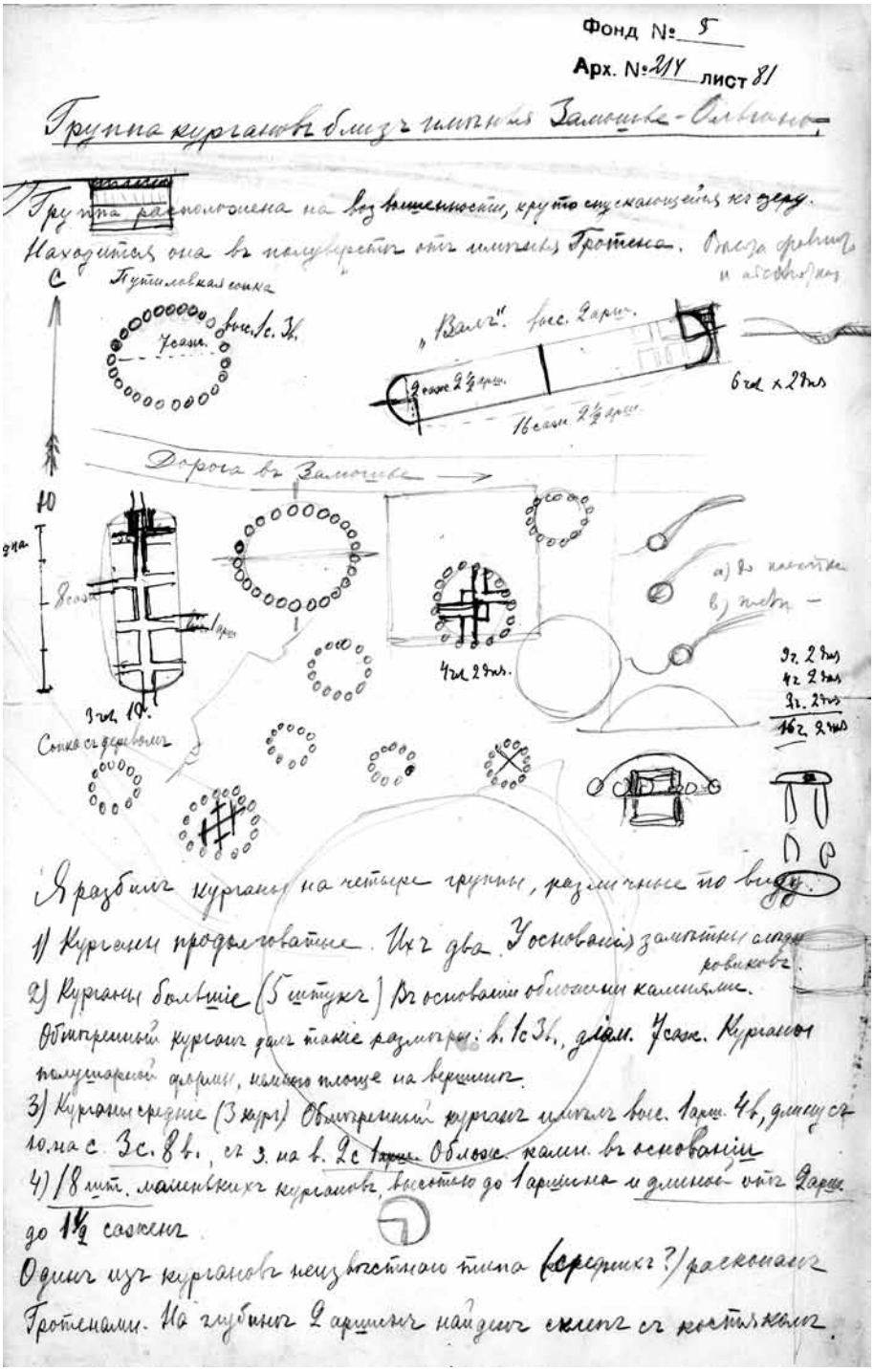


Рис. 1. Лист из полевого дневника А.В. Тищенко (РО НА ИИМК. Ф. 5. Д. 214. Л. 81)

Рис. 2. Раскопки курганов у д. Замошье (ФО НА ИИМК. О-732-5)

Рис. 3. Раскопки курганов у д. Замошье (ФО НА ИИМК. О-732-4)

сопоставление и анализ этих источников позволили выявить новые данные о раскопках в Замошье в 1910 г.

В подготовленной А.А. Спицыным публикации приведены краткое обобщенное описание как самой курганной группы, так и внешнего вида и стратиграфии курганных насыпей, подробности размещения погребенных и находок. Единственная иллюстрация – план курганной группы.

В архивных материалах собраны рукописные отчеты студентов, составленные ими самостоятельно. Они написаны в свободной форме и отличаются друг от друга по уровню качества исполнения с точки зрения методики полевых исследований. А.А. Спицын отредактировал и дополнил отчеты студентов, после чего опубликовал в Известиях ИАК, указав под описанием каждого кургана имя производившего раскопки студента. Наиболее профессионально выполнены отчеты К.В. Кудряшова, С.А. Дубинского, В.А. Острогского, П.А. Садикова.

Ниже приводятся полностью тексты рукописных отчетов студентов (РО НА ИИМК. Ф. 5. Д. 214). Авторский стиль изложения сохранен, орфография и пунктуация изменены на современные.

Отчет П.Г. Любомирова, С.Н. Чернова и Б.В. Александрова о раскопках длинного кургана из группы у д. Замошье (Л. 40–43; *Спицын*, 1914. С. 88. Курган № 1). «В группе круглых курганов имеется один длинный больших размеров. Длина его с сев.-запада на юго-восток – 27 арш. 6 верш., ширина – в наиболее широком месте (несколько отступя от середины к сев.-зап. концу) 12 арш. Высота его по различным сторонам не одинакова: по сев.-зап. от высшей точки (на расстоянии 16 арш 3 в. от конца) 1 арш. 11 в., по юго-зап. – 1 арш. 7 ½ в. Из поперечных склонов юго-зап. выше и круче сев.-восточного: первый – 1 арш 13 в., второй – 1 арш. 9 в. Эта неравномерность высоты зависит от того, что кругом кургана углубление неодинаковой глубины, из которого, очевидно, брали землю при насыпании кургана, ибо песок насыпи – смесь идущих здесь под черноземом слоев песка. Раньше это углубление было правильным, довольно глубоким рвом, теперь затянутым черноземом и отчасти, может быть, песком; проведенные за пределы кургана канавки обнаружили дугообразно опускающийся слой чернозема, толщиною доходящий до 14 в., длиною до 1 арш. 10 в.

Форма кургана – овал, несколько испорченный выкидами двух ям в насыпи его (позднейшего происхождения). Сооружен курган, как показали разрезы, сделанные ниже материка, на небольшом природном возвышении. Насыпь однородная, из местного песка, толщиною в центральных частях до 13 в. Дерн – от 2 в верхней части до 4½ в. у подножия кургана; слой материкового гумуса имеет до 4½ в. толщины. Ниже лежит красный с прослойками белого песок, уходящий языками в графель.

Раскопки произведены широкими выемками, по 3 с каждой продольной стороны, с узкими перегородками. Почти на средине кургана, в 12 арш. от юго-восточного конца его, на глубине 13 вершк. от вершины был обнаружен зольный с большим количеством угля слой. Форма его почти круглая – 1½ арш. длины (по длине кургана) и 1¼ арш. ширины, толщина его 2–3 вершка. Расположено это пятно по сев.-восточному склону, почти касаясь диаметра длины кургана; от материка отделено слоем песка насыпи в 4½ – 5 в. толщиной. Среди углей масса мелких кусочков жженых костей, сосредоточивающихся более в одном месте; никаких остатков по-

делок при тщательном просеивании не оказалось. Ниже по тому же склону прямо на материке обнаружен еще небольшой площади слой угля с остатками недогоревшего дерева. Отдельные угольки попадались на том же сев.-вост. склоне и в первой выемке на юго-вост. конце кургана на глубине около 1 арш.

Никаких вещей при раскопке не было найдено, кроме железной поделки (в насыпи) неизвестного назначения и едва не позднейшего происхождения».

К отчету прилагаются план раскопа на кургане и разрез.

Отчет С.А. Дубинского (Л. 23–26; *Спицын*, 1914. С. 90. Курган № 2). «Группа курганов, раскопанных экскурсантами, находится на берегу живописного озера, на земле помещика Гротена, охотно разрешившего раскопки и любезно приютившего экскурсию. Некоторые курганы уже были раскопаны; помимо обычных вещей, судя по рассказам, найдены были какие-то каменные плиты с загадочными надписями. Все курганы расположены в сухой местности, уже давно очищенной от леса, что облегчало раскопки. Курган, взятый мною для раскопки, лежит в юго-западной стороне могильника. <…>

Внешний вид кургана.

Значительные оползни земли на западе. Каменная обкладка почти целиком разобрана под хозяйственные постройки, и изучить ее не представляется возможным; уцелевшие камни совершенно вросли в землю под корнями. С северо-запада и юго запада торчат три пня; форма кургана – растянутый плоский полушар. Общая длина его 6½ арш., ширина 4¾ арш., высота 1½ арш.; длина его без оползня 5½ аршин; благодаря оползням, курган имеет скат к западу, где его раздвинули значительно корни деревьев.

<…> Оползни появились в силу того что для этого кургана и для соседних двух брали в древнее время землю меж курганов, <…> и образовавшаяся яма постепенно заполнялась оседающей с кургана землей; потому-то и раскопку пришлось начать в восточной половине кургана. Рабочему эстонцу был начертан слегка продолговатый четырехугольник 1¾ × 2 аршина. Траншея была заложена с севера на юг с целью облегчить себе труд по отысканию перерывов. Сначала землю копали на полный размер лопаты, а затем разрабатывали уже на штык, пока не обозначились легкие, едва заметные следы стенок могилы. Вскоре лопата дотронулась до черепа, и пришлось перейти к добавочной выемке в 1½ аршина на восточной половине кургана.

Зачистку костяка я начал с ног, где с южной стороны попался кусочек дерева, а с северной стороны кусочки угольков у стопы ноги и уголек около бедра. Костяк лежит головой на с.-запад под углом 20º; он довольно хорошо сохранился. Ступня левой ноги вывернута внутрь, а ступня правой ноги протянута вперед; берцовые и бедренные кости лежат правильно; таз несколько погнил, ребра сдвинуты внутрь, очевидно давлением земли с боков; правая рука согнута в локте, и кисть ее положена на грудь, на суставе среднего пальца медное кольцо (*) [(*) – косточка, на которой было кольцо, взята для более ясного решения этого вопроса], гладкое, истлевшее и сломанное уже; левая рука неестественно загнута к плечу, пальцы разбросаны у ключицы; кольца нет. Череп от давления земли разошелся по швам, теменная кость отодвинута в сторону, лицом повернут к югу. Нижняя челюсть на месте, зубы целы и крепки еще. Около височных костей найдены были украшения, а именно: с левой стороны височное кольцо № и ушная витая серьга №; с правой стороны, под

черепом, на дне могилы, височное кольцо № с загнутыми концами; на лопастях спиральный орнамент. Вокруг шеи отысканы бусы разного вида и материала, бус всего найдено семь экземпляров; думается, что их было несколько больше, но некоторые как слишком хрупкие, из слабо обожженной глины, рассыпались.

Налицо, во всяком случае, две сердоликовые бусы, одна гранчатой суживающаяся к концам, другая цилиндрической формы; две светлых глиняных круглых, две желтых глиняных, одна металлическая, по-видимому, серебряная, покрытая выпуклым точечным орнаментом; особая шейная привеска из серебра четырехугольная с приклепанным к ней медным ушком. Кроме того около ключицы найдена металлическая пуговка с ушком №.

Других каких-либо предметов и черепков не найдено, земля же с предполагаемыми остатками ткани взята для дальнейшего исследования. На основании находок можно признать это погребение женским, а судя по находкам, отнести погребенное лицо к славянскому племени.

Найденный у ноги кусочек дерева – случайного характера, и никоим образом не может быть отнесен к остаткам гробовища.

Измерения костяка и могилы дали следующие (приблизительные) цифры: костяк длиною 2 ар 5½ вершков; высота от humus'а 1 ар 7½ в.; ширина могилы 1 ар 1–2 в.; длина впускной могилы 2 арш. 14–15 в. и глубина ее от ленты до дна 8½ – 9 вершков. Состав и толщина почвы следующие: под дерновым слоем в 1½ вершка идет песчаный каменистый насыпной слой в 1½ ар., затем слой humus'а 2–3 в.; под ним слой гравеля в 6 вершков; ниже гравеля начинается светлый жвировой песок, до которого была доведена выемка земли для погребения, и на светлом пласте его была положена покойница».

В отчете содержатся схематический план курганной группы, зарисовки внешнего вида кургана с южной и западной сторон, страница из печатного дневника с отмеченными сохранившимися в погребении костями и расположением находок.

Отчет К.В. Кудряшова (Л. 27, 30; *Спицын*, 1914. С. 90. Курган № 3). «Западная сторона кургана выше восточной. Первою он примыкает слева ко рву, окружающему соседний курган, справа – к оползню от того же кургана. Форма его круглая, несколько продолговатая, с плоской вершиной.

Диаметр его с сев. на юг 5 арш. 3 вер., с вост. на зап. 4 арш. 14 верш.

Со всех сторон курган покрыт слоем дерна толщиною в 2 верш., в некоторых местах у подошвы он обложен одним-двумя рядами камней, несколько штук которых было найдено на вершине под дерном и в самой насыпи, расположенными в виде арки над изголовьем костяка.

Высота кургана до материка 1 арш. 2 верш., глубина погребения – 10 верш.

Костяк сохранился плохо. Череп раскололся в нескольких направлениях и распался; обращен на северо-запад, ближе к западу; лежит на правой – восточной стороне.

Длина костяка: от плеч до пят – 14 верш., от темени до ниж. чел. – 3 верш. Обрез имеет углы закругленные. Его размеры: длина – 1 арш. 14 верш., ширина – 14 верш.

В изголовье костяка, у черепа, с северной стороны, найдены остатки истлевшего дерева; затем у черепа обнаружена серебряная монета XI в., по надписи относящаяся ко времени Оттона. К монете приделано небольшое ушко. На груди

костяка, непосредственно за черепом, найдены 2 кусочка свинца. Других находок курган не дал».

К отчету прилагаются рисунки: внешний вид кургана до раскопа, план и разрез насыпи.

Отчет Н.Ф. Лаврова (Л. 32–33; *Спицын*, 1914. С. 90. Курганы № 4, 5). Курган 4 из группы у д. Замошье по публикации А.А. Спицына: «По своему основанию курган имеет кладку из крупных камней в один ряд. Около кургана имеются ямы, из которых брали землю на курган. Диаметр кургана С.Ю. – 6 арш. 2 вершка; В.З. – 5 ар. 12 вершков. Высота его 1 ар. 5 верш. Насыпь песчанистая. Размеры ямы: длина 2 ар. 12 вер.; ширина ее 12½ вершков; глубина 10 вер.

Найденный мужской костяк был расположен к западу с уклоном к северу на 8º. Длина его 2 арш. 4 вер. Череп повернут землей на правую сторону, нижняя же челюсть лежала вверх.

Правая рука вытянуто вдоль костяка; плечевая кость ее сломана; пальцы сохранились. Левая рука положена на грудь, кости ее все целые. Ребра также сохранились все, но 4 ребра правых и 4 левых переломлены. Грудная кость свернута на сторону. Позвоночник сохранился. Не оказалось вовсе нижних костей правой ноги до колена. Левая нога в колене несколько согнута направо.

Никаких вещей в кургане найдено не было». Иллюстраций нет.

Курган 5 из группы у д. Замошье по публикации А.А. Спицына: «Курган в диаметре СЮ 1 сажень 3 вершка, В.З. – 1 сажень. Кругом кургана обнаружена кладка из камней средней величины.

Около кургана имеются ямы, из которых брали на курган землю. Насыпь кургана из смешанной песчанистой земли. Высота кургана 12 вершков. Размеры ямы: длина 1 арш. 10 вер.; ширина 12 вер., глубина 6 вершков. Обнаружен костяк ребенка, длиною 1 ар. 5 вер., он расположен с севера на юг с уклоном к западу на 30°. Костяк хорошей сохранности, руки вытянуты вдоль костяка. С левой стороны костяка у пояса найден нож. У пальцев правой руки было найдено медное проволочное кольцо; такое же кольцо было найдено и у кисти левой руки.

Точно указать сохранность костяка не могу, т. к. костяк был кем-то разрушен до окончательной его разборки. Вещей больше найдено не было, хотя земля была пересеяна сквозь сито». Иллюстраций нет

Отчет П.А. Садикова (Л. 53 об., 54, 56–60; *Спицын*, 1914. С. 90, 91. Курган № 6, 7). Курган 6 по публикации А.А. Спицына: «Курган правильной и довольно красивой формы, почти без оплывов. Обкладка сохранилась только с ЗЮЗ и в ней можно наметить 3 ряда. Кругом кургана 5 продолговатых ям <…>. (Из этих ям, может быть, брали землю для насыпки описываемого и других курганов.) Диаметр основания курганной насыпи: С.–Ю. – 2 саж. 2 арш. 4 верш., В.–З. – 2 саж. 2 арш. 13 верш. Высота кургана – 1 арш. 11½ в.

Раскопка велась траншеей на ВСВ (склонение к В на 30°). Перпендикулярно к этой траншее – другая, по наложению могильной ямы (последняя под углом в 60° к СЗ).

Курганная насыпь состояла: во 1-х, из слоя так назыв. «серого гравеля» (приблизительно 1 арш. 5 верш.) и во 2-х, какого-то темного пласта, очень утолщенного около могильной ямы (до 10 верш.). В этом слое попадались при раскопке угли (небольшое количество). Лента humus'а шла под темным пластом и обрисовыва-

ла естественную яму, через углубление на 5 вершков послужившую и могильной. Обрез могильной ямы был длиною в 2 арш. 13 в., а шириною в 12–13 вершков.

Костяк лежал головою на СЗ, хорошей сохранности, мужской. Голова повернута налево, ребра, вероятно, от тяжести земли поломаны, кисти рук симметрично сложены на тазовых костях, ступни ног повернуты обе правую сторону. Длина костяка 2 арш. 8¾ верш.

В головах костяка найден железный стержень вроде гвоздя, вероятно, от гробовища; на груди маленькое железное кольцо. Слева, немного ниже тазовой кости – точильный брусок, тесно прижатый к железному ножу (острие вниз). На левой тазовой кости найдены: кусок кремня, железное огниво, две костяные обкладки ручки от ножа с клетчатым орнаментом и медное поясное кольцо. У правой стороны таза, плоской стороной своей к костяку, большое железное поясное кольцо. Под правой тазовой костью, ближе к ноге – медная пряжка с железной пуговкой внутри.

На костях правой ноги и таза сохранились почти истлевшие остатки ткани».

В отчете содержатся карандашный набросок внешнего вида кургана до раскопок, «часть юго-восточной стенки главной траншеи», схематический план кургана и погребения.

Курган 7 по публикации А.А. Спицына: «Курган правильной формы, без оплывов; покрыт пнями деревьев. Обкладка не сохранилась; осталось только несколько мелких камней, да кое-где видны места больших. Диаметр основания: С–Ю – 2 саж. 11 вер., В.–З. – 2 саж. 7 верш. Высота кургана – 1 арш. 1 в.

Раскопка велась сквозной траншеей в направлении В–З.

Костяк был расположен прямо на слое humus'a, без грунтовой могильной ямы, головою на С-З (под углом в 60° к СЗ). Корнями деревьев его так испортило, что остались только кости распавшегося черепа (размер теменной кости: длина 5 вер., ширина 5 3/16 вер.) и несколько других костей. Голова, видимо, была поворочена налево. Корнями все сохранившиеся кости подняты выше черепных костей.

Погребение мужское; судя по костям черепа, – мальчика.

Поперек предполагаемого положения костяка, сверху реберных (уцелевших) костей, найдена железная острога с одним зубом; слева найдены: железный нож, железный же продолговатый круглый предмет и 2 медных кольца (похожих на обручальные, одно – не цельное). С правой стороны найден кусок дерева с железным стержнем – остаток гробовища».

К отчету прилагается схематический план кургана.

Отчет В.А. Острогского (Л. 44–46; *Спицын*, 1914. С. 92. Курган № 9). «Членами археологического Кабинета при СПетербургском Универс. была раскопана группа курганов на земле, принадлежащей г. Гротену, близ деревни Замошье Лужск. у. СПетер. Губ. Местонахождение курганов – участок земли в 6½ верст от имения г. Гротена, <…> занимает площадь прибл. 800 кв. с., вытянут в NS направл. На северн. конце участка курганы разбросаны довольно редко, наоборот – на южн. тесно скучены. По величине и форме сразу намечается три группы курганов: 2 удлиненных, несколько высоких и больших сопок и десятка полтора небольших, низких курганов, стесненных преимущественно на S конце участка. Мною раскопан курган, принадлежащий последней группе, расположен почти на самой южной границе участка. Насыпь 1 арш. 1 вер. выш.; диам NS 4 арш. 6 вершк.; WO

5 арш. 1 верш., причем к W насыпь сползла (ввиду легкого наклона местности в этом направлении), сползень легко учитывается: его длина 1 ар. 12 вершков, т. ч. WO диаметр 6 арш. 13 вершков. Цельной обкладки насыпи камнями не замечается: несколько камней-валунов на западн. конце <…> и восточн. конце, 2–3 валуна у верхушки кург. С SO и NW стор. насыпи заметны 2 довольно значительных ямы (очевидно, из них брали землю для самой насыпи кургана). Раскопка кургана велась сначала траншеей в 1½ арш. шир., направл. NS, пересекавшей всю насыпь кургана и заходившей на ¼ арш. за нее, в ту и друг. сторону. Состав насыпи след.: сверху 1½ – 2 вершк. слой дерна, затем довольно смешан. характера почва – светлый песок вперемежку с камнями небольшими, куски светлой и красной глины, преобладает песок. На глубине 1 арш. 13 вершк. от верш. кургана – на западном конце, и 1 арш. 6 вершков – восточн., намечается нулевая линия, которая, следовательно указывает небольшой уклон почвы к западу. За нулевой линией идет слой «хвержа» – темный песок с большим количеством мелких камней; в этом слое часто попадаются мелкие угольки; слой хвержа тонок – на штык; его сменяет светл. песок, в который вкраплены пятна светлой и красной глины; на этом светлом фоне начинает вырисовываться темный контур грунтовой ямы, который идет в направлении WO. С этого момента раскопка уже идет большой ямой, захватывающей почти всю насыпь кургана. После зачистки дна раскопа на штык или два ниже нулевой линии вырисовывается довольно ясно весь контур грунтовой ямы, который сейчас же намечается небольшими колышками. Дальнейшая раскопка состоит в основном в вынимании земли из грунтовой ямы. На глубине прибл. 1 арш. от нулевой линии лопата натыкается на череп погребенного. Сначала зачищается верхняя часть туловища, затем таз и нижние конечности, причем у правой ноги найдены 4 поделки медных и железных, у левой ноги – железная поделка.

Костяк длиною в 2 арш. 7 вершк.; средней сохранности. Головой расположен на W, лицом на N; нижняя челюсть откатилась в сторону; thorax раздавлен, истлел, руки сложены на груди; кости кисти, фаланга пальцев перемешались с остатками ребер и sternum. Позвоночный столб почти весь истлел. Таз мужской, раздвинут давлением насыпи. Кости ног – хорошей сохранности. По удалении костяка и найденных вещей, сняты размеры грунтовой ямы: длина ее 3 арш. 9 вершк., ширина – 1 арш 1½ вершк., глубина (считая от нулевой линии) – 1 арш. 1 верш. При костяке найдены следующие вещи: 1) у внутренней поверхн. правой бедровой кости, ближе к нижнему ее концу – небольшая медная пряжка без стрелки; 2) у внутренней поверхности правой большой берцовой кости (tibia), у верхн. ее конца, – железная пряжка; 3) у внутр. поверхн. правой tibia, у нижн. ее конца, – железная пряжка; 4) у внутр. поверхн. малой берцовой кости (fibula), у верхн. ее конца, – медное колечко; 5) у внешней поверхн. левой малой берцовой кости (fibula), ближе к верхн. ее концу, – железная поделка (обоймица?).

По выполнении всех работ: срисовывании, съемок и т. д. кости снова зарыты; насыпь кургана сровнена с поверхностью земли».

В отчете имеются небольшие рисунки на полях с внешним видом, планами и разрезами кургана, а также страница печатного дневника с обозначением сохранившихся костей погребения и находками.

Отчет С.И. Покровского (Л. 51 об. – 52; *Спицын*, 1914. С. 92. Курган № 10). «Курган не имел каменной обкладки, ее, может быть, увезли крестьяне на поделки.

Верх у кургана был очень плоский. Внутри насыпи попадаются угольки. Размеры кургана очень невелики: высота кургана – 14 в.; диаметр кургана с С – Ю – 2 ар. 3 в., СЗ – В – 2 ар. 10 в., длина могилы – 2 ар. 10 в.; ширина могилы – 1 ар. 1 в.; глубина могилы 1 ар. 5 в.

В могиле два костяка, лежащие головами на запад.

Костяк № 1 мужской, вещей не найдено, с лицом, повернутым на север. Таз и ноги лежат не нормально, как будто бы костяк был положен вниз лицом и вверху спиною. Начиная с крестца и позвонков, а также и верхние конечности лежат нормально. Длина костяка 1 арш. 15 в.

Костяк № 2, женский, лежит рядом с костяком № 1, к северу от него, с правильно расположенными частями и головою, обращенною на запад, лицом на север. Найдены бусина и остатки височного кольца спиральной формы. Длина костяка 1 арш. 11½ в.

Оба костяка хорошей сохранности.

Почва: I – гумус. II – Гравель (песок с мелким камнем). III – Гумус материковый. IV – Мешаная земля. М – Песок белый». Графической документации нет.

Отчет П.А. Балицкого (Л. 3, 9; *Спицын*, 1914. С. 92. Курган № 11). «Высота кургана от уровня наружной поверхности 2 арш. 9 вершк.

Костяк обнаружен лежащим не в яме, а на поверхности земли; он хорошей сохранности, слегка искривлен.

При нем найдены: под грудной клеткой, с правой стороны позвоночника, монета. Под левым локтем ножик. Под левым тазом огниво, лежавшее усиками кнаружи.

На пальце левой руки кольцо с расширением.

Длина костяка 2 арш. 10 в., ширина в плечах 10 вершков».

Прилагается схема расположения ям вокруг основания кургана.

Отчет не подписан (Л. 14–18; *Спицын*, 1914. С. 92–93. Курган № 12) (курган, не вошедший в публикацию А.А. Спицына). «Курган № 12. Диам. кургана 4 а. 3 в. (С.–Ю.) × 3 а. 10 в. (З.В.). Высота – 1 а.

Выпуклость (насыпь) кургана имеет приплюснутую форму.

Каменная кладка вокруг основания кургана разрушена и унесена. В могиле – детский скелет, совершенно разрушенный прошедшими через него корнями деревьев. Длина его 1 ар.

В ногах скелета с правой стороны, в ю.в. углу могилы оказался небольшой горшочек. Около левой руки были монеты и под левой ногой – небольшой ножик (из железа).

Размеры могильной ямы: 2 а. 5 в. в длину и 14 в. в ширину. Дно ее посыпано слоем белой глины или известки». В отчете содержатся схематичные план и профиль кургана.

Курган без номера, не вошедший в статью А.А. Спицына: «Диаметр кургана 5 а. 1 в. (С–Ю) × 6 а. (З–В). Высота 1 а. ¾ в. С южной стороны у основания кургана один ряд больших камней; на север на той же высоте кладка из мелких камней. На восточной стороне кургана камни отсутствовали, а на зап. встречались лишь изредка. Форма кургана полусферическая с отвесными стенками у основания, кроме западной стороны, сползшей в находящуюся в соседстве грунтовую яму; благодаря этому круглая линия основания кургана в западной своей части нарушена и образует довольно большой (в 1 а.) выступ.

В центральной части кургана на глуб. 1 а. 5 в. найден черепок с веревочным орнаментом; здесь и угольки. У основания тоже слой углей и под ним очертания могильной ямы (дл. 2 а. 14 в.; шир. 14½ в.).

Положение костяка погребенного здесь человека было правильно – головой на запад. Череп и верхняя часть скелета сильно повреждены, ребра истлели. Руки покоятся на тазе, причем пальцы и кисти рук не сохранились, голени и ноги целы.

Длина скелета 2 а. 10 в.». В отчете содержится схематический разрез насыпи кургана.

Отчет А.В. Тищенко (Л. 63–65; *Спицын*, 1914. С. 93. Курганы № 13, 14). Курган 13 по публикации А.А. Спицына: «Размеры кургана: высота 15 вершк., длина с З. на В. 1 с. 12 в., с В. на З. 1 с. 8 в. Курган плоско-полушарой формы, западная сторона несколько круче. Каменное ограждение в основании местами совсем выбрано, местами сохранились лишь отдельные камни. С восточной стороны ограждение сохранилось лучше. По остаткам каменного ограждения можно судить, что оно шло в два ряда: первый ряд сложен из довольно крупных валунов до ¾ аршина в диаметре, верхний же из более мелкого камня. Раскоп повел с В. на З. широкой траншеею. С В. стороны камни из ограждения разобраны и, чтобы определить прежний нуль, на месте камней выкопана яма. Когда лента определилась, траншею повели на 2 в. глубже ее. Приблизительно на четверть выше нуля появились отдельные угольки и кусочки обожженной бересты. В траншее появился обрез ямы (дл. 2 арш. 9 в., шир. 14 в.) с закругленными краями. Яма оказалась 6 в. глубины и на дне ее расположен, по-видимому, женский костяк на спине, руки которого сложены на лонном соединении. Костяк расположен головою на З. и уклонился только на 8 градусов к Ю.». К отчету прилагается карандашный рисунок внешнего вида кургана до раскопа.

Курган 14 по публикации А.А. Спицына: «Маленький курганчик плоской формы. Каменное ограждение выбрано, а часть его скатилась в яму, из которой, по-видимому, был насыпан курган. Размеры его: высота 14 вершков, длина с В. на З. 1 с. 5 в., с С. на Ю. 2 арш. 15 в. Насыпь кургана снята вся сплошь. Обнаружен обрез ямы неправильной формы. Длина ее с З. на В. 2 арш. 7 в., ширина же в различных местах различная. На 10½ вершк. ниже нуля появился череп, перевернутый на теменную кость. В зап. углу ямы найдено одно ребро, ниже челюсть и несколько фаланг пальцев. Других костей, а равным образом и вещей, в яме обнаружить не удалось». Иллюстраций нет.

В отличие от публикации, в рукописных отчетах студентов часто дается более детальное наблюдение за стратиграфией и планиграфией курганов, подробнее описаны погребения и находки, тексты отчетов в большинстве случаев сопровождаются иллюстрациями – одной или несколькими, которые отсутствуют в печатном изложении: общие виды и планы курганов, разрезы, наброски отдельных из найденных вещей. В свою очередь А.А. Спицын вместо описания находок отсылает к их опубликованным аналогиям. Анализ архивных материалов дает дополнительную информацию о конструктивных особенностях исследованных курганов и о методике произведенных раскопок.

Приведем краткое сопоставление информации о каждом кургане, полученное при анализе всех доступных источников; нумерация курганов дана по публикации А.А. Спицына.

Курган 1: В архивном деле более подробно даны размеры кургана, особенно его высота, не одинаковая по всей длине. Описания стратиграфии и расположения погребений разнятся, в публикации приводятся данные о цвете и иной окраске материка под погребением, отсутствующие в отчете авторов раскопок. Находка железного предмета у А.А. Спицына описана иначе и связана с погребением, в то время как в отчете говорится, что он найден в насыпи, без связи с погребениями. В коллекции в ОАВЕС ГЭ данной находки обнаружить не удалось.

Курган 2. В рукописном отчете содержится больше информации о самом могильнике и кургане до исследований, подробнее описаны раскопки кургана и погребения, местоположение находок. В хранящейся в ОАВЕС ГЭ коллекции есть «лишний» – не упомянутый ни в публикации, ни в рукописном отчете – фрагмент металлического предмета. Рукописный текст позволяет более точно определить типы бус, в том числе и несохранившихся, из ожерелья погребенной.

Курган 3. Разница в размерах кургана и скелета, а также в находках – в описании А.А. Спицына присутствуют височные кольца и бусина, которых нет у автора раскопок. В коллекции в ОАВЕС ГЭ есть только бусина, височных колец нет.

Курган 4. Разница в размерах кургана и в размерах могилы: в публикации данные округлены, опущены подробности расположения костей скелета погребенного.

Курган 5. Разница в размерах кургана и в размерах могилы (у А.А. Спицына данные округлены). В статье А.А. Спицыным среди находок указаны «железные обломки», в коллекции ГЭ они отсутствуют, но имеется сохранившийся железный нож.

Курган 6. Описание автора раскопок более подробно, есть рисунок стратиграфического разреза насыпи, а также план погребения, на котором отмечены находки.

Курган 7. Описание строения насыпи и погребения в отчете П.А. Садикова значительно более подробное, точно определена ориентировка погребенного, приведены половозрастные данные, более точно зафиксировано положение находок в погребении. В публикации А.А. Спицына размеры кургана округлены.

Курган 8. В архивном деле отсутствует рукописный отчет В.В. Саханева, в ОАВЕС ГЭ находки, описанные в публикации А.А. Спицына, отсутствуют.

Курган 9. В отличие от печатного варианта, в тексте отчета В.А. Острогского есть подробная характеристика окружающей курганную группу местности и самого занятого курганами участка, приведен анализ состава группы исходя из внешнего вида насыпей. Автор раскопок более детально фиксирует форму исследуемой насыпи и ее размеры до раскопок, стратиграфическое строение, сохранность и размещение останков и вещей в могиле.

Курган 10. Описания кургана в отчете и в публикации практически идентичны, весьма лаконичны; в ОАВЕС ГЭ находки из этого кургана отсутствуют.

Курган 11. Описания кургана в отчете и в публикации практически идентичны.

Курган 12. Автором раскопок данного кургана А.А. Спицын указал С.А. Дубинского. Анализ почерка отчета и плана курганной группы позволяет с большей долей вероятности приписать авторство К.В. Шероцкому.

Курган 13. В публикации размеры кургана округлены. В отчете А.В. Тищенко приведено больше информации о каменной обкладке и строении насыпи, точнее указана ориентировка и положение костяка, но нет сведений о находках.

Курган 14. Отчетная информация несколько более подробна, но опубликованный текст ей полностью соответствует.

В публикации А.А. Спицына отсутствует информация об одном из двух курганов, раскопанных К.В. Шероцким, а в архивном деле отсутствует отчет о раскопках кургана 8 (16), исследованного В.В. Саханевым.

Литература

Спицын А.А., 1914. Раскопки 1910 г. в Лужском уезде Петроградской губернии // Изв. ИАК. СПб. Вып. 53.

Архивные дела

РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1906. Д. 121: Об открытии могильника близ деревни Замошья, Паниковской волости, Псковского у.

РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1910. Д. 79: О раскопках члена Комиссии А.А. Спицына в С.Петербургской, Новгородской, Тверской губерниях.

РО НА ИИМК. Ф. 5. Д. 214: Отчет о раскопках в Удрай-Замошье Лужского у. Ленинградской губ.: Александрова, С. Дубинского, К. Кудряшова, Н. Лаврова, Любомирова, Вл. Острогского, Покровского, Садикова, Саханева, Тищенко, Чернова и Балицкого. Май 1910 г.

И.В. Стасюк, В.Н. Кузнецова

Новый памятник средневековой води

I.V. Stasiuk, V.H. Kuznetsova. A new site of the Medieval Vod'

Abstract. The burial ground near Manuilovo village (on the west of Leningrad region) was found at the top and on the northern slope of the moraine hill during the excavation in 2011. It includes oriented eastwards burials in wooden coffins placed in shallow grave pits. Surface material and funeral rite features fixed in the burial ground allow to trace it to the burial sites of the Baltic-Finnish tribe Vod' and date it to the late Middle Ages.

Ключевые слова: водь, финно-угорские племена, Ижорское плато, захоронения.

Водь – малый прибалтийско-финский народ, населяющий в наши дни несколько деревень на южном побережье Финского залива в Кингисеппском р-не Ленинградской обл. Этноним води отразился в наименовании крупных средневековых территориальных единиц – Водской земли и, позднее, Водской пятины Великого Новгорода.

Впервые водь упомянута в русских летописях в 1069 г. как союзник князя Всеслава Брячиславича в его втором, неудачном, походе на Новгород и как сторона, понесшая наиболее тяжелые потери в битве на Гзени (НПЛ, 2000. С. 17). В последующих летописных сообщениях, начиная с 1147 г., водь фигурирует уже как союзник Новгорода и составная часть «всей волости Новгородской» (*Рябинин*, 2001. С. 10, 11).

Археологические древности води были выделены А.А. Спицыным. Анализируя материалы массовых раскопок Л.К. Ивановского на западе Петербургской губер-

нии, исследователь отнес к водским два курганных могильника в бассейне нижней Луги – Мануйлово и Войносолово, – отличавшихся от основного массива курганов Ижорского плато обилием предметов прибалтийских типов и располагавшихся в зоне этнографического расселения води (*Спицын*, 1896. С. 48–52). Говоря об остальных курганах региона, А.А. Спицын справедливо склонялся к их древнерусской принадлежности, однако не исключал, что и они могут принадлежать води, при условии, что водь заимствовала у славян вещи и обряд погребения (Там же. С. 37).

Попытку разделить могильники Ижорского плато на славянские и водские на основе комплексного изучения погребального обряда, материальной культуры и антропологического типа погребенных предпринял В.В. Седов. В качестве этноопределяющих признаков водских могильников им были обозначены погребения в сидячем положении, многобусинные височные кольца и некоторые другие типы украшений (*Седов*, 1953. С. 190–229; 1984. С. 156–160; 1987. С. 35–40). Однако предложенная им концепция, построенная на источниковедчески ограниченных материалах дореволюционных раскопок, не нашла подтверждения в результатах позднейших исследований (*Конькова*, 2001. С. 209, 210; *Рябинин*, 2001. С. 107–110).

Особое значение для изучения истории води имеют труды Е.А. Рябинина. Им впервые были выявлены и исследованы широкими раскопками несколько могильников на территории водского прихода Котлы (Каттила). Преемственная связь погребального обряда и материальной культуры этих памятников с этнографической водью была убедительно доказана и, таким образом, именно благодаря работам Е.А. Рябинина можно охарактеризовать археологические древности води XIII–XVI вв. (*Рябинин*, 1997. С. 16–59). Расширить верхнюю хронологическую границу водских древностей до XVII в. помогли недавняя находка деталей водского традиционного костюма в Кингисеппском р-не (*Хвощинская*, 2010. С. 96 – 100) и работы К.В Шмелёва, в 2011 г. обследовавшего позднесредневековый водский могильник в д. Краколье в Усть-Луге.

Обобщающее исследование водской проблемы предприняла Н.В. Хвощинская. Проанализировав весь накопленный в XIX–XX вв. материал, она сочла возможным отвергнуть не раз высказывавшуюся в историографии гипотезу о широком расселении води, в древности и раннем средневековье будто бы занимавшей обширные территории Причудья, Приильменья и Ижорского плато. Согласно выводам исследовательницы, водь была сравнительно небольшим окраинным народом, занимавшим в средние века компактный ареал в Понаровье, Нижнем Полужье и у западного подножия Ижорского плато (*Хвощинская*, 2009. С. 306, 307). Именно с этим ареалом связана и рассмотренная ниже находка.

Летом 2011 г. при прокладке кабеля от д. Большая Пустомержа к д. Поречье Кингисеппского р-на рабочие заметили в траншее человеческие кости. Захоронение поначалу было принято за братскую могилу времен Великой Отечественной войны. В известность были поставлены местная администрация, представители поисковых отрядов г. Кингисеппа и Кингисеппский историко-краеведческий музей. Первичный осмотр места находки произвели поисковики, ими же в музей были переданы три найденных с останками грушевидных бронзовых бубенчика. Благодаря активной деятельности директора музея И. Грековой все работы на вновь выявленном памятнике были остановлены, а информация о находке поступила к археологам. Обследование памятника было произведено нами вскоре после его выявления.

Могильник расположен в 2 км южнее д. Мануйлово, в лесу, в 100 м восточнее шоссейной дороги Веймарн – Ивановское, на высоком моренном всхолмлении, поросшем густым кустарником и смешанным лесом. Траншея шириной 4–5 м, прорезавшая холм с севера на юг в поперечном направлении, разрушила от 6 до 8 захоронений по обряду трупоположения, расположенных на вершине и северном склоне возвышенности. Погребения были совершены в неглубоких (до 0,6 м) могильных ямах без следов наземных насыпей и каменных конструкций. Судя по положению верхних эпифизов больших берцовых костей, сохранившихся in situ в западной стенке траншеи, как минимум одно погребение имело восточную ориентировку. Найденные в отвалах грунта фрагменты истлевшей древесины и кованые гвозди (рис. 1, *2–5*) указывают на то, что захоронения были совершены в деревянных гробовищах. Из-за отсутствия внешних признаков захоронений определить их численность и границы могильника за пределами разрушенного траншеей участка не представляется возможным.

В отвалах и перемешанном грунте траншеи найдено большое количество переотложенных человеческих костей, принадлежащих взрослым людям и детям. Встречены также отдельные детали костюма и предметы погребального инвентаря. Среди них – типичные для водских захоронений XIII–XVI вв. спиральные пронизки из тонкой бронзовой проволоки, нанизанные на плетеный шерстяной шнурок (рис. 2, *4, 5*). Как отмечают исследователи, такие спиральки служили характерным украшением костюма средневековой води и использовались для декорирования головных уборов, краев верхней одежды, подола передников (*Рябинин*, 1997. С. 35, 36, 55–57). Миниатюрные гладкие грушевидные бубенчики с крестообразной прорезью (рис. 2, *2, 3*) также хорошо известны в составе водских нагрудных украшений (Там же. С. 36–38), хотя распространение этого типа на обширной территории Новгородской земли не позволяет считать его сугубо водским. Примечательно, что в курганах и жальниках Ижорского плато этот тип бубенчиков не встречен даже на поздних стадиях (*Спицын*, 1896. С. 23, 44; *Рябинин*, 2001. С. 78). Вероятно, подобные бубенчики использовались в русской среде по иному назначению и, в отличие от води, не входили в состав погребального убора.

К орудиям труда относится сломанный железный серп, найденный поисковиками с помощью металлоискателя в стороне о траншеи на небольшой глубине (рис. 2, *1*). Наличие в погребениях преднамеренно испорченных орудий труда отмечено Е.А. Рябининым как специфическая черта водских могильников (*Рябинин*, 1997. С. 33). Действительно, преднамеренная порча погребального инвентаря характерна для захоронений в западной части курганного ареала Ижорского плато (могильники Ополье, Ратчино, Малли) и для грунтовых могильников води. Для большинства курганов региона, традиционно определяемых как древнерусские, типично положение в погребение исправных, не сломанных серпов и кос.

Ножи, как и остальной хозяйственно-бытовой инвентарь, в погребениях Ижорского плато исчезают еще на стадии перехода от подкурганных погребений на горизонте к подкурганным погребениям в неглубоких могильных ямах. Происходит это, по оценке Е.А. Рябинина, в середине – третьей четверти XIII в. (*Рябинин*, 2001. С. 137, 138). В позднейших погребениях – курганах-жальниках и жальничных могилах – они отсутствуют. В грунтовых могильниках води, напротив, помещение орудий труда и хозяйственно-бытового инвентаря в могилы продолжается на про-

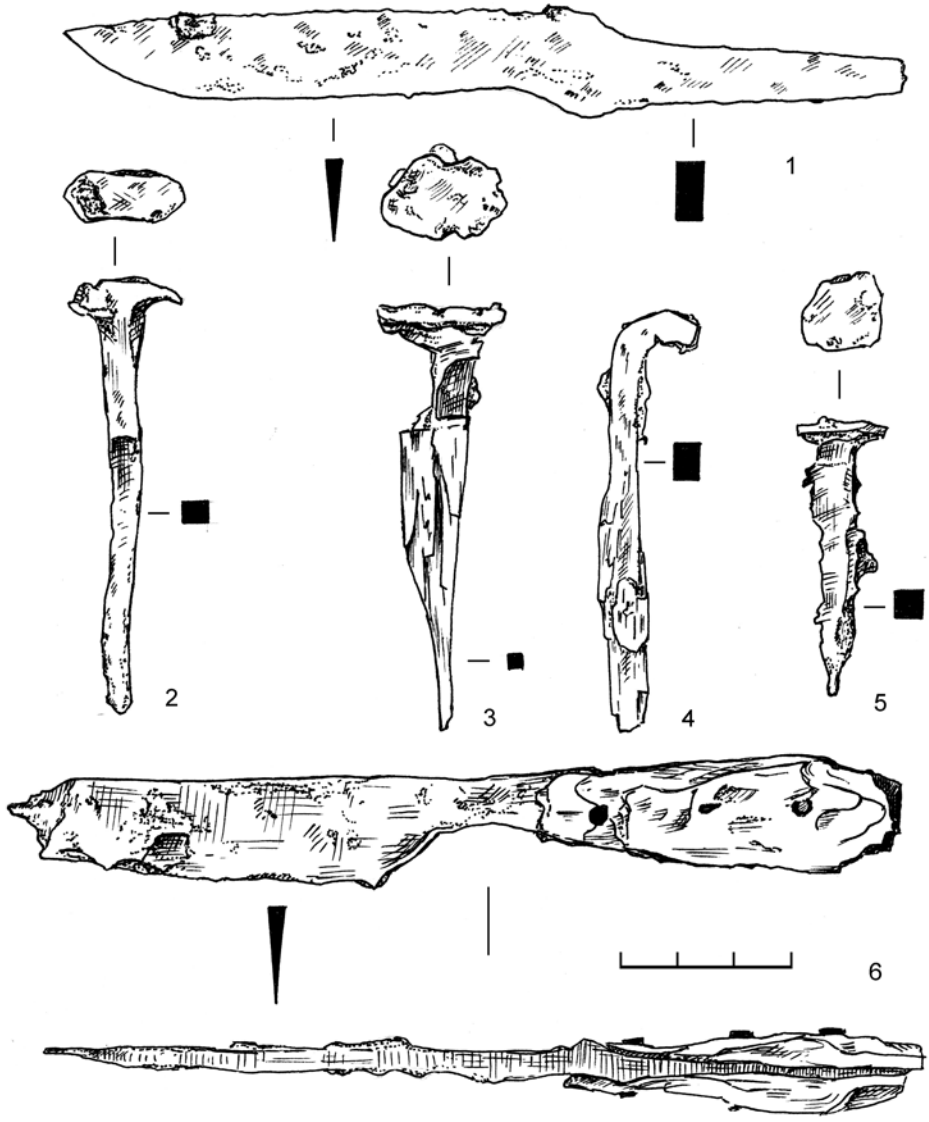


Рис. 1. Грунтовый могильник Мануйлово, подъемный материал
1, 6 – ножи, железо; *2–5* – гвозди от гробовищ, железо

тяжении всего позднего средневековья. Найденные в Мануйлово ножи (рис. 1, *1, 6*) относятся именно к позднесредневековым типам.

Таким образом, даже незначительное количество находок в сочетании с уловимыми деталями погребального обряда позволяет отнести грунтовый могильник Мануйлово к позднесредневековым кладбищам води. Мануйловские захоронения имеют близкие аналогии в водских кладбищах Валговицы, Великино, Вердия, Краколье. К сожалению, подъемный материал не позволяет датировать разрушенные погребения более узким хронологическим интервалом.

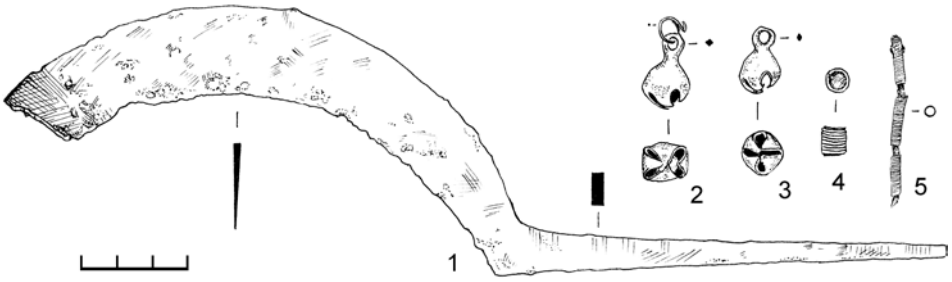


Рис. 2. Грунтовый могильник Мануйлово, подъемный материал
1 – серп, железо; *2, 3* – бубенчики, бронза; *4, 5* – спиральные пронизки из бронзовой проволоки на шерстяном плетеном шнурке

Территориально ближайший археологический памятник – курганный могильник Мануйлово, располагавшийся в 3 км севернее и исследованный в конце XIX – начале XX в. Л.К. Ивановским и В.Н. Глазовым, – датируется XII – первой половиной XIII в. (*Рябинин*, 1997. С. 29). Он также был отнесен А.А. Спицыным к древностям води. Однако в свете последних находок на западе Ижорского плато представляется вероятной его связь с древнеэстонским населением. Это тем более вероятно, что Е.А. Рябинин недвусмысленно указал на эстонские параллели курганных могильников Мануйлово и Войносолово, сближающие их с памятниками круга Залахтовья (Там же. С. 29–32, 45). Возможно, ближайшими в культурном отношении к этому кругу памятников окажутся могильники Ополье, Ратчино, Малли в пределах бывших Опольского и Ратчинского погостов «в чуди». К нему же следует отнести и ранние прибалтийско-финские захоронения Бегуниц.

Нам, вслед за Е.А. Рябининым (1997. С. 45), представляется, что культура позднесредневековых водских кладбищ даже с учетом хронологических различий вряд ли восходит непосредственно к культуре курганов горизонта Залахтовья – Ополья – Ратчино, которые можно с большой вероятностью отнести к собственно «чуди», т. е. к эстам. Они, в свою очередь, непосредственно связаны с предшествующим горизонтом трупосожжений в ямках, хорошо изученных в Залахтовье (*Хвощинская*, 2004) и зафиксированных нами в Ратчино и Ополье.

Следует констатировать, что вопрос происхождения води, времени и характера процесса отделения ее как особого народа от северной группы эстов еще далек от разрешения. Представляется вероятным, что формирование водского языка, обособление материальной культуры и погребального обряда являли собой асинхронные процессы, шедшие разными темпами и путями в разных частях водского ареала. Новые находки на западе Ижорского плато позволяют надеяться, что в ближайшее время будут получены материалы для более основательного изучения происхождения и ранней истории води.

Литература

Конькова О.И., 2001. Ингерманландская историко-культурная зона в свете данных гуманитарных наук // Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. Л.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

Рябинин Е.А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.

Рябинин Е.А., 2001. Водская земля Великого Новгорода. СПб.

Седов В.В., 1953. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода // СА. Т. 18.

Седов В.В., 1984. Водь // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.
Седов В.В., 1987. Водь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. (Археология СССР.)
Спицын А.А., 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского // МАР. № 20.
Хвощинская Н.В., 2004. Финны на западе Новгородской земли. СПб.
Хвощинская Н.В., 2009. Племя водь и его культура в составе новгородской земли // Великий Новгород и средневековая Русь. М.
Хвощинская Н.В., 2010. Уникальная находка деталей водского костюма XVII в. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород. Вып. 24.

С.В. Малышев

Жальники и грунтовые могильники: историографический комментарий к проблеме типологии древнерусских погребальных памятников центральных районов Новгородской земли

S.V. Malyshev. Zhalniks and ground burials: historiographical commentary on the problem of typology of ancient burial sites of the central districts of Novgorod Land

Abstract. In the late 70s – early 80s of the 20th c. a new category – ground burials – was introduced into the typology of the early Russian period burial sites of the Novgorod Land central districts' population. According to some researchers, this type of medieval cemeteries differed from zhalniks (the synchronous category of burial antiquities) by following features: absence of boulder facing upon the graves, their distribution area, and topographic confinement to the hilly places. However, these arguments do not permit, taking into account the modern state of the source base, to resolve all existing uncertainties in validity of division of the non-mound burials into two simultaneously existing categories.

Ключевые слова: Новгородская земля, древнерусский период, погребальные памятники, жальники, грунтовые могильники, историография, типология.

В течение XI столетия на территории Новгородской земли происходит смена погребального обряда. Археологически это прослеживается в появлении новых типов погребальных памятников, содержащих захоронения по обряду трупоположения. Наиболее масштабные исследования древнерусских погребальных древностей в центральных районах Новгородской земли проводились во второй половине 1970-х – 1980-е гг. (*Лебедев*, 1982. С. 21). Результаты этих раскопок, к сожалению, до сих пор в значительной степени не введены в научный оборот.

Обобщение и анализ значительной части корпуса полученных материалов позволили В.Я. Конецкому в диссертационном исследовании предложить разделение погребальных объектов XI–XIII вв. на три основные категории: древнерусские курганы, жальники и грунтовые могильники (*Конецкий*, 1984б). На наш взгляд, проблема установления типологической разницы между двумя последними из указанных категорий памятников требует дополнительного анализа имеющегося материала и существующей историографии, разбору которой и посвящена данная работа.

На начальном этапе археологического изучения Новгородской земли внимание исследователей в первую очередь привлекали древности, хорошо различи-

мые визуально, к числу которых относятся и жальники. Первые документально зафиксированные сведения об этой категории объектов относятся к 1819–1820 гг., когда известный исследователь славянских древностей З. Доленга-Ходаковский провел раскопки нескольких жальников в Новгородской губернии. Отметим следующее: памятник, изученный на территории современного г. Кириши (*Торопова*, 2007. С. 24), согласно описанию исследователя, не обладал признаками на поверхности (*Доленга-Ходаковский*, 1839. С. 152, 153). Позднее З. Доленга-Ходаковский раскопал несколько погребений на объектах в Бежецах, не имевших, по замечанию исследователя, гладкой поверхности, как в Киришах, что, однако, не помешало автору раскопок отнести их к жальникам (*Доленга-Ходаковский*, 1844. С. 376). З. Доленга-Ходаковский отметил, что местные жители использовали слово «жальник» в нескольких значениях: «у староверцев – и оставленные кладбища, где ныне хоронят только младенцев, умерших без Св. крещения. Иные относят сие название к теперешним кладбищам и церковным оградам» (*Доленга-Ходаковский*, 1839. С. 153). Позднее исследователь обобщил имевшийся у него материал и дал жальникам следующее определение: «…древние кладбища, оставленные погосты, где также хоронились покойники, и вообще малые могилы мирных жителей» (*Доленга-Ходаковский*, 1844. С. 376). Обратим внимание на то, что З. Доленга-Ходаковский исходил прежде всего из функционального назначения жальников как мест погребения усопших, а не из их внешних признаков.

В начале 70-х гг. XIX в. археологические памятники Новгородской губернии становятся объектом пристального внимания со стороны ученого сообщества. Вероятно, это связано с подготовкой II Археологического съезда, который должен был пройти в 1871 г. в Санкт-Петербурге (*Торопова*, 2007. С. 69). В этот период о жальниках писали такие исследователи, как А.С. Уваров, А.П. Волкенштейн, Л.К. Ивановский.

А.С. Уваров в своей рукописи, к сожалению, так и не опубликованной, оставил сведения об интересующих нас древностях. Под жальником он понимал «…собрание многочисленных могил под одною насыпью известного объема». Исследователь отмечал, что жальники известны в Валдайском и Боровичском уездах Новгородской губернии. Работа А.С. Уварова – это первая, но не законченная, попытка обобщения сведений о погребальных памятниках Новгородской губернии, основой для которой послужили письменные и библиографические источники (*Торопова*, 2004. С. 242, 243; 2007. С. 91–95).

В 1870 г. студентом Петербургской медико-хирургической академии А.П. Волкенштейном были раскопаны несколько жальников в Валдайском уезде. Исследователь писал, что «жальниками в Новгородской губернии называют древние кладбища». Он также обратил внимание на то, что для них характерны такие признаки, как расположение на «объемистых горах», состоящих из «песчаного грунта», наличие леса, по предположению исследователя, посаженного специально. Однако наиболее важным А.П. Волкенштейн считал наличие валунных обкладок на поверхности погребений: «…самое характеристичное и существенное в жальниках – это могилы, представляющиеся в виде правильных фигур каменной кладки» (*Волкенштейн*, 1881. С. 4). Также им было отмечено, что под «жальником» понимаются только кладбища подобного типа и ни к чему другому это понятие не применяется (Там же. С. 9). Обратим внимание на то, что при обобщении данных

исследователь привлек письменные и библиографические источники. Кроме того, подчеркнем высокий методический уровень работы А.П. Волкенштейна, благодаря которому она не теряет своей актуальности и на современном этапе развития археологической науки.

Сведения, полученные А.П. Волкенштейном, были оценены по достоинству уже современниками. Один из членов Предварительного комитета II Археологического съезда Ф.П. Ландцерт предложил, в связи с успехом экспедиции 1870 г., отправить в Новгородскую губернию новую, во главе с ассистентом кафедры описательной анатомии Петербургской медико-хирургической академии Л.К. Ивановским. И в 1871 г. по поручению Императорского Русского археологического общества Л.К. Ивановский обследовал курганы и жальники к югу от оз. Ильмень с целью изучения средневековых краниологических материалов (*Торопова*, 2007. С. 70, 71, 100). Исследователь обратил внимание на такие присущие жальникам черты, как расположение в лесах, обычно на луках рек, которые (т. е. луки рек) в народе называются могильными. Кроме того, Л.К. Ивановский отметил, что жальники, как правило, имеют камни на поверхности захоронений (*Ивановский*, 1881. С. 58–60).

В 1897–1899 гг. определенные итоги в изучении погребального обряда Новгородской губернии были подведены А.А. Спицыным, который в числе прочих рассмотрел и вопросы, связанные с жальниками. Этой категории памятников исследователь дал следующее определение: «жальник – кладбище из грунтовых могил, обставленных по верху кругом или прямоугольником валунов». Отдельные погребения, которые в народе назывались «могилами», по его мнению, в «специальной» литературе удобнее было бы называть «жальничными погребениями» (*Спицын*, 1899. С. 11).

В это же время (1899 г.) А.А. Спицын и Н.И. Веселовский подготовили программу поиска и изучения памятников археологии. Цель раскопок в Новгородской губернии была обозначена как определение типов вещей и погребального обряда IX–XIII вв., т. е. «между временем сопок и жальников». Составители рекомендовали особое внимание уделить раскопкам курганов «средней величины» и древних жальников, которые, по их мнению, бытовали в обозначенный период и, соответственно, маркировали смену погребального обряда (*Торопова*, 2007. С. 140–142). Однако в результате исследований, предпринятых в рамках реализации этой программы, подобных курганных древностей обнаружено не было, а в Старорусском уезде был отмечен прямой переход от сопок к жальникам. Н.К. Рерих, непосредственно занимавшийся обследованием этой территории, связал эту ситуацию с ранним проникновением христианства (*Рерих*, 1899. С. 3–7, 22). Таким образом, теория «памятников переходного типа» не получила подтверждения фактическим материалом.

Подведем некоторые итоги. В течение XIX в. постепенно происходит отход от определения жальников через функциональное назначение к определению через морфологические признаки, ведущим из которых была признана валунная обкладка. Объяснить этот процесс можно стремлением исследователей найти универсальные критерии для интерпретации названной категории объектов. По нашему мнению, это предположение может подтвердить и то, что в конце XIX в. А.А. Спицын предложил разделить сопки и курганы на отдельные категории памятников, используя универсальный критерий – высоту насыпи (*Спицын*, 1899. С. 1).

В 1903 г. А.А. Ширинский-Шихматов на Тверском археологическом съезде сделал доклад о раскопках могильника у д. Федово. Особенность изученного памятника заключалась в том, что он визуально не «читался» на местности, располагался недалеко от сопки и содержал погребения по обряду трупоположения. Доклад А.А. Ширинского-Шихматова привлек пристальное внимание А.А. Спицына, который датировал Федовский могильник XI–XII вв. и рассматривал его как новый тип памятников, занимающий промежуточное положение между сопками и жальниками (*Спицын*, 1905. С. 1–5).

Отметим следующее. В конце XIX в. А.А. Спицын определил жальники как памятники, однозначно имеющие каменные обкладки на поверхности могил. Кроме того, А.А. Спицын был составителем программы по изучению памятников археологии Новгородской губернии, одним из важнейших пунктов которой был поиск памятников, датирующихся IX–XIII вв., т. е. бытовавших между сопками и жальниками. Как мы помним, Федовский могильник, располагавшийся недалеко от сопки, был датирован все тем же исследователем XI–XII вв. Таким образом, мы считаем, что на выделение названного памятника как нового типа погребальных объектов повлияло, во-первых, признание каменной обкладки главным признаком жальников, а во-вторых, имевшаяся у А.А. Спицына на момент открытия могильника у д. Федово установка на существование искомых им «переходных памятников».

В 1920–1930-е гг. интерес исследователей, занимавшихся изучением погребальной обрядности древнерусского времени, вызывали в основном курганные древности. В этот период были проведены раскопки курганных могильников у деревень Хрепле, Дрегли, Пестово. Однако в 1931 г. был издан свод жальников, подготовленный Н.И. Репниковым (1931. С. 1–24). В данной работе им были обобщены и систематизированы все имевшиеся на то время сведения о жальниках. Отметим, что в основу этого свода легли данные, полученные и опубликованные И.С. Романцевым (1911), что уже отмечалось в литературе (*Торопова*, 2006. С. 26). В 1940-е гг. из-за войны исследования были практически свернуты.

В 1950–1960-е гг. археологические изыскания не носили системного характера. Со второй половины 1970-х гг. ситуация в изучении памятников археологии меняется. По мнению Г.С. Лебедева, увеличение интенсивности археологического изучения Новгородской обл. было вызвано организацией Всероссийского общества охраны памятников в 1965 г., а также подготовкой и принятием в 1976 г. Закона об охране памятников истории и культуры (*Лебедев*, 1982. С. 21). В это время благодаря проведению масштабных археологических разведок и раскопок было открыто и изучено значительное число памятников. Исследование средневековых погребальных древностей в данный период связано с именами В.Я. Конецкого, В.В. Милькова, Т.Л. Верхорубовой, Е.Н. Носова, Г.Н. Пронина. Отметим, что полученный в результате полевых исследований массив качественно новой информации послужил базой для изучения, решения и постановки ряда проблем.

В частности, в конце 1970-х гг. Г.С. Лебедев и Е.А. Рябинин обратили внимание исследователей на проблему перехода от захоронения в сопках к захоронениям в жальниках. Исследователи считали, что период, в который произошла смена обряда трупосожжения на трупоположение, маркируют «каменные круги и некоторые другие формы погребальных сооружений», подобные жальнику у д. Юрьево (*Лебедев, Рябинин*, 1978. С. 160). Таким образом, можно констатировать, что авторы данной

гипотезы для решения упомянутой выше проблемы вернулись к высказанной А.А. Спицыным в конце XIX в. теории «памятников переходного типа». Однако вскоре появились работы, в которых критиковался предложенный Г.С. Лебедевым и Е.А. Рябининым вариант развития погребального обряда. Исследователи указывали на необоснованность выделения «каменных кругов» и Юрьевского жальника как «памятников переходного типа» (*Белецкий, Пронин*, 1980. С. 332; *Конецкий, Носов*, 1982. С. 40, 41; *Носов*, 1982. С. 66–68). Тем не менее, В.Я. Конецким и Е.Н. Носовым было высказано мнение, что Г.С. Лебедев и Е.А. Рябинин своевременно обратили внимание исследователей на проблему непосредственной связи сопок и жальников (*Конецкий, Носов*, 1982. С. 41).

Отметим, что в этот период происходит обращение не только к гипотезе А.А. Спицына о памятниках переходного типа, но и в целом к его построениям относительно погребального обряда древнерусского времени. Данная тенденция прослеживается и в том, что жальники как категория памятников с этого времени определяются через предложенную А.А. Спицыным формулировку, согласно которой основным признаком жальников была каменная обкладка (*Лебедев*, 1982. С. 37; *Седов*, 1982. С. 180; *Конецкий*, 1984а. С. 76; *Седов*, 2000. С. 7): «жальник – кладбище из грунтовых могил, обставленных по верху кругом или прямоугольником валунов» (*Спицын*, 1899. С. 11).

Во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. наступает новый этап в изучении погребального обряда средневекового населения центральных районов Новгородской земли. В.Я. Конецким был открыт и в значительной степени изучен ряд памятников, схожих по своему устройству и особенностям погребального обряда с могильником у д. Федово (Деревяницкий, Шелгуновский и Нередицкий могильники). Эти и подобные им объекты исследователь выделил в особую категорию погребальных памятников древнерусского времени, получившую название «грунтовые могильники» (*Конецкий, Верхорубова*, 1979. С. 16, 17; *Конецкий*, 1980. С. 11, 12; 1981а. С. 83–86; 1981б. С. 89–98; 1984а. С. 39–61; 1984б. С. 27–75; 1984в. С. 154–172; 1989. С. 3–19). Существование выделенного В.Я. Конецким пласта древностей признавали и некоторые другие исследователи (*Лебедев*, 1982. С. 37–39; *Носов*, 1982. С. 67–69). Обратим внимание на то, что В.Я. Конецкий придает большое значение открытию грунтовых могильников, потому что они, как писал исследователь, «заполняют лакуну погребальных древностей в самом центре Новгородской земли и дают эталон славянской материальной культуры XI–XII вв. в данном регионе» (*Конецкий*, 1984б. С. 27). Тем не менее, самим В.Я. Конецким был поставлен вопрос об отсутствии «резкой типологической разницы» между грунтовыми могильниками и другой синхронной им категорией средневековых кладбищ – жальников (Там же. С. 28).

В 1986 г. с резкой критикой построений В.Я. Конецкого выступили В.И. Кулаков и Г.Н. Пронин. Они считали недостаточной предложенную В.Я. Конецким аргументацию в пользу отсутствия хронологического разрыва между сопками и грунтовыми могильниками, а также преемственности населения, оставившего данные категории объектов: «абсурдно утверждение автора об “отсутствии хронологического разрыва между этими типами памятников”, базирующееся фактически лишь на единичных спорных примерах из повторных раскопок вблизи Старой Ладоги. В связи с этим неубедителен и один из основных

выводов автора (В.Я. Конецкого. – *С. М.*): "…грунтовые могильники представляют собой единый пласт древностей, вырастающий из памятников предшествующей эпохи на данной территории"». Кроме этого, по мнению исследователей, топографическая приуроченность грунтовых могильников к сопкам свидетельствовала не о преемственности населения, оставившего их, а о том, что данные места были топографически более удобными для захоронений. Обратим внимание на следующий момент: В.И. Кулаков и Г.Н. Пронин отметили, что зафиксированное на некоторых грунтовых могильниках использование камня дает основания рассматривать «грунтовые могильники с трупоположениями как жальники с разрушенными каменными конструкциями» (*Кулаков, Пронин*, 1986. С. 271).

По нашему мнению, в связи со сказанным необходимо пристальнее рассмотреть типологические признаки, которые, по мнению В.Я. Конецкого, позволяют считать грунтовые могильники отдельной категорией объектов.

В качестве обоснований приводилось следующее: 1) отсутствие каменной обкладки на поверхности могил; 2) топографическая приуроченность данных объектов к сопкам; 3) особый ареал (*Конецкий*, 1984б. С. 27–29, 40). Для жальников, по мнению исследователя, определяющим признаком является наличие камней на поверхности погребений (Там же. С. 76).

Вместе с тем, В.Я. Конецкий пишет о том, что, во-первых, на некоторых грунтовых могильниках отмечено использование камня и наличие обкладок, а на некоторых жальниках есть погребения как с деревянной обкладкой, так и без таковой. Во-вторых, известны жальники, располагающиеся в одних комплексах с сопками. В-третьих, обозначенные исследователем ареалы данных категорий объектов не исключают их бытования на одной территории (Там же. С. 27–29, 76–77, 82, 83, 86, 87).

В публикации 1996 г. В.Я. Конецкий уже менее категорично высказывался относительно разделения жальников и грунтовых могильников на две категории памятников. Он подчеркнул отсутствие принципиальной разницы между жальниками и грунтовыми могильниками и завершил этот тезис следующим образом: «…различия между грунтовыми могильниками и жальниками определяются прежде всего местными условиями, то есть обкладки на жальниках являются утилитарной деталью, служащей для надежного обозначения могил на поверхности, а главная суть жальничного обряда состоит в том, что это грунтовые бескурганные захоронения» (*Конецкий*, 1996. С. 200).

Подведем итоги. Все вышеизложенное показывает, что типологические признаки, обозначенные для грунтовых могильников и жальников, не являются бесспорными. Кроме того, отметим, что применение типологии, созданной в конце 1970–1980-х гг., затрудняется тем, что не совсем ясно место, отводимое в ней курганным могильникам, имеющим грунтовые погребения в межкурганном пространстве.

По нашему мнению, в настоящее время наиболее логичным выглядит решение, предложенное Ю.М. Лесманом, который разделил пласт грунтовых могильников на жальничные грунтовые могильники (т. е. имеющие валунные обкладки) и могильники, не имеющие каменных конструкций (*Лесман*, 1984. С. 118, 119).

Тем не менее, на современном этапе развития археологической науки вопрос о рассмотрении жальников и грунтовых могильников как различных категорий

сосуществовавших погребальных памятников нельзя считать решенным в полной мере. Прояснить ситуацию, на наш взгляд, может следующее: 1) анализ коллекций находок, полученных в результате раскопок синхронных памятников; 2) анализ имеющихся архивных источников и введение их в научный оборот; 3) привлечение материалов из прилегающих к центральным районам Новгородской земли регионов; 4) археологические разведки; 5) раскопки памятников «широкими площадями»; 6) нанесение объектов на одну карту.

Литература

Белецкий С.В., Пронин Г.Н., 1980. Проблемы этнической истории Северной Руси // СА. № 1.

Волкенштейн А.П., 1881. Несколько слов об антропологии жальников Валдайского уезда // Тр. II АС в Санкт-Петербурге. СПб. Вып. 2.

Доленга-Ходаковский З., 1839. Отрывок из путешествия Ходаковского по России. Ладога. Новгород // Русский исторический сборник, издаваемый Императорским обществом истории и древностей российских. М. Т. 3. Кн. 2.

Доленга-Ходаковский З., 1844. Жальники // Русский исторический сборник, издаваемый Императорским обществом истории и древностей российских. М. Т. 7.

Ивановский Л.К., 1881. Материалы для изучения курганов и жальников юго-запада Новгородской губернии // Тр. II АС в Санкт-Петербурге. СПб. Вып. 2.

Конецкий В.Я., 1980. Исследования грунтовых могильников и сопок в Приильменье // АО 1979 г.

Конецкий В.Я., 1981а. Нередицкий могильник // КСИА. Вып. 164.

Конецкий В.Я., 1981б. Хронология и этапы формирования Федовского могильника // КСИА. Вып. 166.

Конецкий В.Я., 1984а. Древнерусский грунтовый могильник у поселка Деревяницы около Новгорода // Новгородский исторический сборник. Л. Вып. 2 (12).

Конецкий В.Я., 1984б. Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э.: Дис. … канд. ист. наук. Л.

Конецкий В.Я., 1984в. Некоторые итоги изучения грунтовых могильников и сопок в Приильменье // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.

Конецкий В.Я., 1989. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // Новгородский исторический сборник. Л. Вып. 3 (13).

Конецкий В.Я., 1996. Жальники XI–XII веков в центральных районах Новгородской земли: проблемы и итоги изучения // Древности Русского Севера. Вологда. Вып. 1.

Конецкий В.Я., Верхорубова Т.Л., 1979. Работы Новгородского музея // АО 1978 г.

Конецкий В.Я., Носов Е.Н., 1982. Юрьевский жальник и некоторые вопросы формирования древнерусских погребальных памятников Новгородской земли // КСИА. Вып. 171.

Кулаков В.И., Пронин. Г.Н., 1986. [Рецензия] // СА. № 2.

Лебедев Г.С., 1982. Археологическое изучение Новгородской земли // Новгородский исторический сборник. Л. Вып. 1 (11).

Лебедев Г.С., Рябинин Е.А., 1978. Сопки и жальники // Проблемы археологии. Л. Вып. 2: Сб. ст. в память проф. М.И. Артамонова.

Лесман Ю.М., 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.

Носов Е.Н., 1982. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // Новгородский исторический сборник. Л. Вып. 1 (11).

Репников Н.И., 1931. Жальники Новгородской земли: Материалы к вопросу о расселении славян по области // Изв. Гос. академии истории материальной культуры. М.; Л. Т. 9. Вып. 5.

Рерих Н.К., 1899. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца: Раскопки, произведенные в 1899 году по поручению Императорского Русского Археологического Общества. СПб.

Романцев И.С., 1911. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии: Алфавитный указатель селений, при которых находятся археологические памятники, с кратким описанием последних. Новгород.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М. (Археология СССР. Т. 14.)

Седов В.В., 2000. Жальники // РА. № 1.

Спицын А.А., 1899. Сопки и жальники. СПб.

Спицын А.А., 1905. Старейшие русские могильники в Новгородской области // Изв. Императорской Археологической комиссии. СПб. Вып. 15.

Торопова Е.В., 2006. Археологическое изучение Новгородской земли в начале XX в.: Указатель памятников археологии И.С. Романцева // Вестник НовГУ. Сер. Гуманитарные науки. № 38.
Торопова Е.В., 2004. «О значении раскопок для истории славян ильменских» – рукопись А.С. Уварова из фондов ОПИ ГИМ // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Мат. науч. конф. (Новгород, 27–29 янв. 2004). Великий Новгород. Вып. 18.
Торопова Е.В., 2007. Памятники археологии Новгородской области: история изучения (XVIII – начало XX в.): Дис. … канд. ист. наук. М.

Р. Спиргис

Археологические свидетельства распространения христианства на землях даугавских ливов в XI–XII вв.[1]

R. Spirgis. The spread of Christianity among the Livs of the lower Daugava river in the 11th–12th cc.

Abstract. An opinion that in 11th–12th cc. Christian influence among the local population was observed, but the people still remained pagan, dominates the current Latvian historiography. The symbolism of Liv artifacts is traditionally interpreted only from mythological and pagan point of view. Nevertheless, the rejection of long imposed dogmas and outdated methodology as well as expanding the range of sources and application of the latest developments in the scientific literature of neighboring countries offers a very different picture. Even superficial acquaintance with symbolism of the ancient Livs reveals symbolism of Christian Paradise, attributes of Christian saints and pilgrims signs, indicating unilaterity of the traditional notions. New interpretations allow to describe the Livs as carriers of Christian culture before the first German missionaries appearing in the lower reaches of the Daugava river.

Ключевые слова: ливы, распространение христианства, христианские символы.

По вопросу распространения христианства написано много, и если в прибалтийско-немецкой историографии местные жители характеризуются как языческие варвары, то латвийские исследователи в период между мировыми войнами видели в исследовании языческих верований историческую основу новообразованного национального государства. Приход римско-католической церкви ассоциировался с завоеванием и потерей свободы. Влияния восточного христианства исследователи воспринимали позитивно, т. к. это было неотъемлемо связано с возникновением первых государственных объединений – княжеств Кокнесе и Ерсика – еще до появления немцев (*Balodis*, 1940. 13., 62., 86. lpp.; *Švābe*, 1936. 28., 29. lpp.).

В советское время благодаря негласной установке на раскрытие контактов с Древней Русью Эвалд Мугуревич смог опубликовать ряд работ о находках нательных крестиков и распространении христианства на территории Латвии (*Мугуревич*, 1965. С. 63–71; *Mugurēvičs*, 1974. 220.–239. lpp.; 1987. 17. lpp.), где он приходит к выводу, что к концу XII в. земли современной Латвии уже нельзя рассматривать как чисто языческие (*Mugurēvičs*, 1987. 17. lpp.).

Подобные, основанные на анализе предметов личного благочестия, исследования были не характерны для советской науки из-за атеистической позиции

[1] Иллюстрации к статье см. на с. 452–459

государственной власти. Сложилась парадоксальная ситуация: латвийские археологи находили влияния восточного христианства, однако достоверные христианские захоронения выделить не могли, т. к. в то время исследователи восточнославянских древностей трактовали погребальные традиции и символику находок преимущественно как наследие язычества.

В настоящее время в латвийской историографии ничего не изменилось. Доминирующее мнение, что влияние христианства на местные народы как бы наблюдается, но простые люди все же держались язычества, всех устраивает. Ситуацию усугубляет то, что после распада СССР нарушились связи между специалистами соседних стран и информация о появлении серьезных исследований и нового подхода к проблеме в Латвию не попадает.

Ливский растительный орнамент – христианская символика?

В латвийской археологической литературе с христианской семантикой связываются только нательные крестики, фигурки ангелов и писанки (*Zemītis*, 2004. 45., 46. lpp.). Но действительно ли это всё?

Одна из неразрешенных проблем – это появление растительного орнамента у ливов. После сильно дегенерированных и почти не орнаментированных овальных фибул в конце XII в. распространяются изделия с растительными мотивами. Этот орнамент начинают использовать в декоре фибул, цепедержателей, подвесок, других украшений и оружия (рис. 1). Какова была семантика растительного стиля?

Растительный орнамент приходит с Востока, где он всегда был связан с символикой райского сада. Эту идею восприняло христианское искусство, и нескончаемые соединения пальметт были для эстетического восприятия человека того времени как видения таинственного мира и символы божественного откровения (*Лелеков*, 1975. С. 66–75). Тезис о растительном орнаменте как символе рая подтверждает Евангелие Добрейшко начала XIII в., где над одной заставкой из шести пальметт в сердцевидных обрамлениях, вписанных в круглые медальоны, и четырьмя птицами по углам композиции, расписанной в растительном стиле (рис. 2), есть надпись: «…се есть рай иже нарицается парадис» (*Лавыш*, 2008. 86. lpp.).

Таким образом, с XII в. целый ряд так называемых «этнически определяемых» ливских предметов несет на себе символику, которая, несомненно, могла нести христианское содержание. Но понимали ли ливы смысл этого орнамента?

Звездообразные застежки – символ Вифлеемской звезды?

В этой связи хороший пример – звездообразные фибулы (рис. 3; 4, *2*). В низовье Даугавы – это редкая находка; известны три экземпляра (*Spirģis*, 2008. 431. lpp. 204. att.; *Zariņa*, 2006. 270., 327. lpp. 135. att., *17*; 153. att.). В Латвии они чаще всего встречаются на территории проживания латгалов (*Vilcāne*, 1983, 63.–65. lpp.). Их находят также в Литве и на территории Древней Руси. Вначале исследователи в звездообразных застежках видели этнически определяющее украшение, которое приписывали радимичам (*Рыбакоў*, 1932. С. 87. Табл. 3, *12*). Позже, когда выяснилось, что у латгалов их найдено больше, исследователи начали связывать их с балтами (*Седов*, 1982. С. 156). Но звезда на застежке не абстрактная, а конкретная – Вифлеемская звезда, которая в Вифлееме, в базилике Рождества

Христова, маркирует место рождения Христа (рис. 3)! Такая интерпретация семантики звездообразных застежек снимает с повестки дня вопрос этнической принадлежности. По мнению литовского археолога Евгениуса Светикаса, часть из них служила знаками паломников (*Svetikas*, 2004. P. 34).

Конечно, в паломничество пускались только по-настоящему верующие христиане, и ливы, скорее всего, просто купили или скопировали эти застежки, а ни сами предметы, ни их собственники никогда в Палестине не были. Или все же были?

Большие раковины каури и паломничества в восточной церкви

В материале ливов есть нечто такое, что невозможно изготовить на месте, а так или иначе надо было доставить из далеких стран. В обоих захоронениях могильника Саласпилс Лакскола № 96 и 590, рядом со звездообразными застежками найдены исключительно редкие (с территории Латвии автору известна еще только одна раковина из захоронения 112 могильника Долес Вампениеши II) большие раковины каури (рис. 4: *3*). Было ли сочетание звездообразных застежек и больших раковин каури случайным?

Традиционно паломники из Палестины приносили листья пальмы, экзотические растения, камни из святых мест, изделия из перламутра, что находит подтверждение и в археологическом материале (*Мусин*, 2009. С. 242–244). Можно предположить, что в таком качестве использовались и сами раковины, что делает закономерным нахождение их в упомянутых захоронениях XI/XII вв. рядом со звездообразными застежками. Такое сочетание находок паломнических сувениров свидетельствует о том, что ливские паломники посетили две крупнейшие христианские святыни – базилику Рождества Христова и храм Гроба Господня. Форма раковин как раз символизирует раскрытый Гроб Господень и Воскресение (*Becker*, 2008. S. 200).

Надо отметить, что представление о раннесредневековом обществе как о мире домоседов, неразрывно связанных со своим постоянным местом жительства, не совсем справедливо. Из письменных источников известно, что начала древнерусского паломничества надо искать уже в начале XI в. (*Артамонов*, 2011. С. 64). В начале XII в. игумен Даниил составил описание своего путешествия (Житье... 1896), которое стало популярнейшим путеводителем для паломников. В XII в. паломничества на Руси стали настолько часты, что церковники начали беспокоиться: не кроется ли за этим грех и не надо ли как-то ограничить или запретить это движение (*Иконникова*, 1896. С. 67, 68)?

Фигурки вооруженных мужчин – знаки паломников?

В латвийской археологической литературе в последние годы появились первые исследования о находках римско-католических паломнических знаков (*Vitola*, 2005. 38.–41. lpp.; *Berga*, 2011. 72.–76. lpp.), которые появляются в XII в. и особую популярность приобретают в XIV–XV вв. Широко известны раковины из места захоронения св. Якова в Сантьяго-де-Компостела (Испания). В других местах их изготовляли различной формы, обычно из металла, чаще всего из сплава свинца с оловом. Они пришивались к одежде на видном месте. Такие сувениры служили наглядным подтверждением того, что паломничество достигло цели.

Вполне возможно, что идея таких западноевропейских паломнических знаков была заимствована в Византии, которая до XIII в. была главным «поставщиком» символов и эмблем для остальной Европы (*Пастуро*, 2012. С. 278.). В этой связи нельзя обойти вниманием одну примечательную группу находок – бронзовые фигурки вооруженных мужчин. В ливском археологическом материале известна одна фигурка препоясанного мечом мужчины, одна фигурка стреляющего из лука всадника и две фигурки всадника с топором. Отсутствие петельки для подвешивания, размер, гладкая обратная сторона, ажурное исполнение сближают рассматриваемые предметы с западноевропейскими знаками паломников.

Находки упомянутых фигурок часто привлекали внимание исследователей (*Ģinters*, 1938. 77.–83. lpp.; *Ozols*, 1979. 9.–9. lpp.; и др.). До сих пор фигурки из-за их военного характера не воспринимались как религиозные символы (*Zemītis*, 2004. 66. lpp.), но такое представление небесспорно. В христианстве известен целый ряд святых воинов Христовых, культ которых особенно расцветает в дружинной среде. Так, св. Евстафий Плакида часто изображался натягивающим лук в попытке поразить оленя (рис. 5) в тот момент, когда между рогов оленя появляется Иисус. Известны фрески, на которых наконечник стрелы имеет вилкообразную форму (*Гладкова и др.*, 2008. С. 319), что совпадает с изображением на даугмальской фигурке. Такие раздвоенные наконечники стрел уменьшали вероятность рикошета и служили для пробивания доспехов или шкуры крупных животных (*Коробейников, Митюков*, 2007. С. 124–126). В древней Руси св. Евстафий почитался как воин-великомученик и был княжеским святым. Мощи святого хранились в Константинополе (*Гладкова и др.*, 2008. С. 315, 316).

Фигурка препоясанного мечом мужчины (рис. 6, *2*), возможно, изображает мученика Нестора Солунского. По агиографии, св. Нестор с благословения св. Димитрия победил в схватке гладиатора императора Максимиана, проводившего гонения на христиан. Расстроенный император, вместо награды, повелел отрубить Нестору голову его же мечом (*Иванова и др.*, 2007. С. 156, 157). Так, на реликварии XII в. (рис. 6, *1*) изображена сцена, когда Димитрий благословляет препоясанного мечом Нестора на поединок. Открытая ладонь показывает, что Нестор просит о помощи. За левым плечом мученика видна подвешенная плетеная веревка; возможно, что и на бронзовой даугмальской фигурке в левой руке у Нестора изображен не мученический венец победы, а моток веревки, с помощью которой он проник в темницу к св. Димитрию. Небольшая, но выразительная бородка мужчины на фигурке тоже соответствует описанию Нестора.

Культ святого великомученика Димитрия и его соратника Нестора был очень популярен, а Фессалоники стали важным центром паломничества. Греки называли св. Димитрия мироточцем, т. к. из его могилы сочилось миро. Паломники собирали его и увозили в специальных ампулах, находки которых известны на территории Древней Руси (*Мусин*, 2009. С. 240–241). Воины мазались этим миром перед сражением (*Иванова и др.*, 2007. С. 158).

Относительно фигурки всадника с топором надо отметить, что на даугмальской находке, которая выделяется проработкой деталей, на шее всадника отчетливо виден подвешенный крест, который образуют пять кружочков (рис. 7, *2*). Крестик, бесспорно, связывает этот образ с христианством. В свою очередь топор является атрибутом апостола Матфия.

Матфий по жребию стал двенадцатым Апостолом после предательства Иуды. Он принял мученическую смерть в Иудее – был побит камнями и уже мертвому ему отрубили голову, почему его атрибутом и стал топор (Lexikon… 1990. S. 602–607). Надо отметить, что большая часть мощей Матфия, покоящаяся в городе Трир в Германии, была очень притягательным объектом для паломников (*v. Beuningen, Koldeweij*, 1993. S. 180). Там также изготовлялись паломнические знаки, на которых Апостол Матфий изображался с топором в руке (рис. 7, *1*), часто верхом на лошади (рис. 7, *4, 5*), вместе с одним из первых епископов этого города, которого обычно идентифицируют с Матернусом.

В то же время, прямые аналогии ливским фигуркам всадника с топором – только в ажурном овальном обрамлении – найдены в княжеских катакомбах Северного Кавказа (*Габуев*, 2005. С. 68, рис. 135). Поэтому надо думать, что рассматриваемые ливские находки связаны с паломничеством в восточном направлении: в Константинополе в церкви Святых Апостолов хранилась голова Матфия (Дмитрий Ростовский, свт., 1910. С. 143).

Подвески с головой быка – амулеты или знаки паломников?

Более сложным является вопрос происхождения круглых подвесок с изображением головы быка. Такие подвески на территории Латвии найдены в двух захоронениях, а на городище Даугмале обнаружены бронзовая литейная формочка для их изготовления и фрагмент оловянной отливки (*Radiņš*, 1994. 92., 94. lpp., 3. att., *2, 3*; *Brūzis, Spirģis*, 2009. P. 287. Fig. 3, *1–4*).

Еще в конце XIX в., после первых древнерусских находок, А.А. Спицын трактовал их как «подвески радимичского типа» (*Спицын*, 1905. С. 4), но констатируемое сейчас широкое распространение – около 40 подвесок из 23 мест находок (*Зайкоўскі*, 2007. С. 167–177) – не позволяет связать их с каким-либо определенным этносом. Однако несмотря на это, стремление дать этому символу этническую привязку среди ученых сохраняется (см., напр.: *Khvoshchinskaya*, 2006. P. 115). После находки литейной формы на Даугмальском городище происхождение подвесок ищут в зоне контактов прибалтийских финнов, балтов и славян. Но как тогда объяснить находку еще одной идентичной литейной формы в Хедебю (*v. Carnap-Bornheim, Hilberg*, 2007. P. 213. Fig. 7, *4*)?

Относительно семантики: в публикациях приводится широкий спектр верований различных народов, которые свидетельствуют о древнем культе быка. Белорусский исследователь Эдвард Зайковский отмечает, что эти подвески редки и в основном происходят из могил женщин, и приходит к выводу, что с такими амулетами могли хоронить языческих жриц (*Зайкоўскі*, 2007. С. 167–177). Но глядя на захоронение 12-летней девочки из ливского могильника Огресгала Чабас, трудно представить, что она была «языческой жрицей» (рис. 8).

До недавнего времени ни в одной работе, где рассматривались эти подвески, не было упомянуто, что бык является символом нескольких святых, например Евстафия Плакиды или Сильвестра (*Фергюсон*, 1998. С. 11, 186, 212, 213). По мнению украинской исследовательницы Наталии Хамайко, бык на этих подвесках является символом евангелиста Луки (*Хамайко*, 2008. С. 331). Но это не единственно возможная интерпретация. Голова быка у подвесок полая (рис. 10, *4*), и в этой связи

на память приходит св. Евстафий Плакида, который, по преданию, вместе с семьей был заживо зажарен в медном быке (рис. 9).

Орудие казни – медный бык Фаларида – появилось в античности. Медного быка привезли в Константинополь из Пергама во времена Феодосия I (346–395). Во времена гонений при Нероне в Пергаме в нем было замучено много христиан, среди которых самый известный – епископ Пергама Антипа. По некоторым данным, бык простоял в Константинополе вплоть до VIII в., а в IX в., возможно, именно на его месте была построена церковь в честь мученика Антипы (*Бугаевский и др.*, 2001. С. 542, 543). (Кстати, к этому священномученику особенно обращались при зубных болях.) Поэтому возможно, что подвески с головой быка служили сувенирами паломников из Константинополя и связаны с культом св. Антипы.

Ливские подвески – язычество или христианство?

Рассмотренные знаки паломников все же достаточно редки. Намного чаще находят различные «языческие» символы в виде подвесок, которые считаются одним из характерных признаков ливской культуры. Но соответствует ли это общепризнанное мнение действительности?

В ливских ожерельях и цепевидных украшениях встречаются различные **лунницы**, которые еще совсем недавно в литературе было принято считать исключительно языческими оберегами. В низовьях Даугавы найдено 70 лунниц XI–XV вв. (*Kuniga*, 2002. 95.–103. lpp.). Их происхождение связано с Древней Русью. По мнению В.В. Седова, они были необходимой составляющей женских украшений у ряда восточнославянских племен (*Седов*, 1995. С. 366, 368, 370, 371. Рис. 102–116), что как бы указывает на важность лунниц в языческих верованиях славян. Б.А. Рыбаков проводил параллели с культом богини Селены из античной мифологии (*Рыбаков*, 1971. С. 8). Случаи, когда лунницы были найдены вместе с крестиками, обычно интерпретировались как свидетельства двоеверия.

В настоящее время эти взгляды подвергаются критике. Отмечаются одновременность распространения лунниц с приходом христианства и связь символа с образом Богоматери (*Хамайко*, 2008. С. 319–338).

К символам, которые находят у ливов, относятся миниатюрные, обычно бронзовые, бытовые предметы: **ключики, половники** (рис. 10, *1, 2*), иногда **ковшики**, **дуршлаги** или **цедилки** и **ножики**. В латвийской археологической литературе эти предметы традиционно расцениваются как языческие амулеты, обеспечивающие сытость, богатство и благосостояние (*Svarāne*, 1991. 42. lpp.).

В христианской религии ключ является атрибутом охранника рая небесного, Апостола Петра, и символом папской власти (*Becker*, 2008. S. 260). Однако, поскольку ключи в основном находят в женских могилах, иногда с бронзовыми подвесками-половниками или ковшиками, для ливок более близким мог быть образ св. Марфы. Марфа была сестрой Марии и Лазаря. Когда Христос посетил их дом, Марфа, пока Мария сидела у ног гостя и слушала его речи, взяла на себя все заботы по хозяйству и обслуживала гостя (Евангелие от Луки 10: 38–42). Поэтому образ св. Марфы олицетворяет хлопотливую хозяйку и ее атрибутами (рис. 11) стали рассматриваемые бытовые предметы (Lexikon… 1990. S. 566–567).

Однозначно языческими символами считаются ливские **подвески-птички**. В подтверждение этого приводятся: 1) финно-угорский миф о том, что из яйца птицы

произошли Земля и жизнь на ней (*Zemītis*, 2004. 106. lpp.); 2) распространение находок на территории проживания финно-угров (*Zemītis*, 1997. 109. lpp.); 3) фигурки водоплавающих птиц каменного века (*Svarāne*, 1991. 34. lpp.); 4) народные верования латышей, для которых птица связывалась с удачей, счастьем и процветанием. Считалось, что, когда люди умирают, душа покидает тело в облике птицы (*Svarāne*, 1991. 34. lpp.).

В связи с этим хочется сделать несколько замечаний. Связывать ливские подвески-птички с образцами искусства каменного века нет никаких оснований. Из-за хронологического и этнического несоответствия кажется непродуктивным и проецирование латышских верований XIX в. на прибалтийско-финское население. К тому же часть этих верований перекрывается или даже происходит из христианской мифологии. В свою очередь, в мифах и поверьях ливов, как это отмечают исследователи мифологии, влияние христианства очень сильно, а сведения о язычестве очень скудны (*Karma*, 1994. 232.–236. lpp.). Надо отметить, что подобные – весьма шаткие – основания нередко использовались для языческой атрибуции в советское (и не только советское) время (*Клейн*, 2004. С. 58–62).

В отношении семантики подвесок-птичек странным кажется то, что в финно-угорском мифе фигурирует утка, в то время как в археологическом материале ливов наблюдается большое разнообразие птиц (рис. 12, *1–5*). Известна фигурка петуха (рис. 12, 5). Образ петуха в христианстве символизирует духовное возрождение; Христа как солнце веры, которое начинает новый день и обращает вспять силы тьмы и зла; бдение и бдительность против зла; сопротивление духовной темноте. Не зря фигура петуха (*gallus mysticus)* украшает верхушки церковных башен, где он встречает рассвет – образ Воскресения Христова, показывает направление, откуда грозит опасность, и охраняет колокольню в темное время суток, когда молчат колокола (*Forstner, Becker*, 2007. S. 235–237; *Becker*, 2008. S. 111).

У ливов часто встречаются пластические подвески-голуби (рис. 15, *2*), а голубь для христиан был символом чистоты и невинности. Именно голубь после мирового потопа принес на Ноев ковчег оливковую ветвь как знак того, что Бог поменял гнев на милость. Голубь мог символизировать Святой Дух, Иисуса Христа, душу человека, а также благородный полет души праведника или мученика (*Фергюсон*, 1998. С. 13; *Becker*, 2008. S. 300).

Большая часть ливских плоских прорезных подвесок-птичек имеет пышный хвост и длинную шею (рис. 12, *3, 4*), что противоречит образу утки. На части подвесок мог быть изображен лебедь (рис. 12, *3*). В христианстве лебедь являет собой чистоту, милосердие и символизирует Богоматерь. Согласно древним верованиям, лебедь перед смертью поет (отсюда выражение – лебединая песня), что символизирует последние слова Иисуса Христа на кресте. Таким образом, лебединая песня – это страдания мучеников и христианское смирение (Лебедь [Электронный ресурс]).

У многих подвесок на голове птицы видны «рожки» (рис. 12, *4*), что, возможно, указывает на павлина, который в христианской мифологии отражал веру в бессмертие души. Это представление основывается на древнем представлении о нетленности мяса этой птицы. Павлин считался райской птицей, и на византийских мозаиках, фресках, гравюрах и украшениях часто изображалась пара павлинов с крестом или потиром для причастия посередине (рис. 12, *6*). Другой сюжет – павлины поедают плоды в райских кущах. В этих композициях павлины символизируют

души умерших, которые в раю вкушают плоды учения Христа (*Forstner, Becker*, 2007. S. 242, 243).

Теперь, принимая во внимание семантику подвесок-птичек, их частое появление в захоронениях, становится понятным, что они могли символизировать надежду на присутствие и поддержку Святого Духа, на воскрешение и рай.

Надо отметить, что в ранних ливских захоронениях второй половины X в. подвески-птички не встречаются и начинают стремительно распространяться только со второй половины XI в. (*Spirģis*, 2008. 210. lpp.). И вдруг, в XII–XIII вв. такие подвески широко распространяются в Земгале – 74 подвески из 14 объектов (*Vasiliauskas*, 2003. P. 32–55). Может быть, находки этих подвесок свидетельствуют о проникновении новой религии?

Свидетельствуют ли погребальные традиции ливов о язычестве?

В советской археологической литературе бытовала тенденция всё объяснять язычеством, не только символику, но и погребальный ритуал.

Захоронения ливов часто сопровождались богатым инвентарем. Если среди древнейших могил даугавских ливов (вторая половина X – вторая четверть XI в.) преобладали кремации, то в середине XI в. они исчезают. Иногда даже на одном могильнике параллельно существуют как грунтовые, так и курганные захоронения. Но изменения в погребальном ритуале у ливов в общих чертах имеют те же тенденции, что и на Руси. Например, в X в. у восточных славян в окрестностях Киева доминировали кремации в курганах. После принятия христианства кремации сменяются ингумациями. Вначале были распространены наземные захоронения под насыпью кургана. Позже переходят на подкурганные захоронения с могильными ямами. Только после этого постепенно происходит переход к обычным в нашем понимании грунтовым кладбищам (*Моця*, 2011. С. 6). В свою очередь, на северо-западе Новгородской земли курганы с ингумациями появляются только в третьей четверти XI в., т. е. почти век спустя после крещения и уже после распространения грунтовых христианских могил. Есть мнение, что курганы продолжают насыпать в соседстве с грунтовыми христианскими погребениями и церквями вплоть до XV в. (*Мусин*, 2002. С. 225).

Восточная церковь была более терпима к традиционным погребальным традициям. Особенно это проявляется на периферии. Так, польские археологи рубеж между землями римско-католического и восточного христианства определяют по распространению курганов, т. е. воспринимают эту границу чисто конфессионально, а не по этническому принципу (*Zoll-Adamikowa*, 1997. S. 74–75. Rys. 7). Такой вид погребальных памятников северо-запада Руси, как жальники, захоронения в которых символически повторяют захоронение Христа в скале (*Валк*, 2010), в настоящее время воспринимаются как локальные формы, сложившиеся и временно существовавшие в период распространения христианской религии (*Мусин,* 2002. С. 223).

Такое разнообразие различных локальных проявлений было вызвано тем, что унификация погребального ритуала восточной церкви на Руси началась только в конце XIII в. и происходила на базе монастырской традиции (*Мусин*, 2002. С. 67). Поэтому в современных работах по данной теме определяющим признаком считается отказ от кремаций (Там же. С. 215), который у ливов произошел уже в XI в.

Выводы

Вульгаризированная марксистская теория в трудах латвийских археологов была отброшена после восстановления независимости, но это было не единственное наследие коммунистической идеологии. Важнейшим «достижением» историографии советской эпохи было виртуозно выполненное разделение истории на светскую и церковную, что в условиях мифологического мышления человека средневековья было немыслимо. Совокупность таких идеологических и методологических установок пагубным образом повлияла на вопрос о влиянии христианства в Прибалтике. Ситуацию усугубляет то, что навязывавшаяся из Москвы глорификация язычества совпала с вектором представлений о язычестве древних латышей, пестовавшихся национальными исследователями 1920–1930-х гг. Поэтому и после восстановления независимости Латвии движение продолжается по раннее взятому направлению. Но теперь, через 20 лет независимости, на мой взгляд, наконец, все же надо отказаться от представлений, взращенных мифологической школой и пересмотреть некоторые общепринятые взгляды.

Ливские древности несут в себе шифр забытой символики, разгадка которого сможет раскрыть истинный смысл этой культуры. Расширение базы источников, отказ от сложившихся стереотипов и устаревшего методологического подхода, а также привлечение примеров новых интерпретаций из литературы соседних стран, открывают неожиданную картину и позволяют предложить характеристику ливов как христиан уже до появления немецких проповедников и крестоносцев на берегах Даугавы.

Литература

Артамонов Ю.А., 2011. Письменные и эпиграфические источники о древнерусском паломничестве в Константинополь // Церква – наука – суспільство: питання взаємодії: На пошану київського митрополита Євгенія (Болховітінова): Мат. Дев'ятої Міжнар. наук. конф. (25–27 травня 2011 р.). Київ.

Бугаевский В.А., Лосева О.В., Никифорова А.Ю., Герасименко Н.В., 2001. Антипа // Православная энциклопедия. М. Т. II.

Валк Х., 2010. О ранних жальниках // АИППЗ. Псков. 55.

Византийская книга эпарха / Вступ. ст., пер., комм. М.Я. Сюзюмова М., 1962.

Габуев Т.А., 2005. Аланский всадник: Сокровища князей I–XII веков: Каталог выставки. Владикавказ.

Гладкова О.В., *Лукашевич А.А., Герасименко Н.В., Чичинадзе Н.*, 2008. Евстафий Плакида // Православная энциклопедия. М. Т. XVII.

Дмитрий Ростовский, свт. // Жития святых (Чети-Минеи): В 12-ти т. М., 1910. Т. 12.

Житье и хожденье Данила Русьскыя земли игумена // Русская классная библиотека, издаваемая под ред. А.Н. Чудинова: Пособие при изучении русской литературы. СПб, 1896. Вып. 24.

Зайкоўскі Э., 2007. Яшчэ раз да пытання пра падвескі з выявай галавы буйной рагатай жывёлы // ГАЗ. 23.

Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С., 2007. Димитрий Солунский // Православная энциклопедия. М. Т. XV.

Иконникова В.С., 1896. Паломничество // Русская классная библиотека, издаваемая под ред. А.Н. Чудинова: Пособие при изучении русской литературы. СПб, 1896. Вып. 24.

Клейн Л.С., 2004. Воскрешение Перуна: К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.

Коробейников А.В., Митюков Н.В., 2007. Баллистика стрел по данным археологии: Введение в проблемную область. Ижевск.

Лебедь [Электронный ресурс] // Simbolarium: Краткая энциклопедия символов: www.symbolarium.ru/index.php/%D0%9B%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D0%B4%D1%8C

Лелеков Л. А., 1975. Искусство древней Руси в его связях с Востоком (к постановке вопроса) // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М.
Моця О.П., 2011. Поширення християнства на Русі: можливі шляхи проникнення // Церква – наука – суспільство: питання взаємодії: На пошану київського митрополита Євгенія (Болховітінова): Мат. Дев'ятої Міжнар. наук. конф. (25–27 травня 2011 р.). Київ.
Мугуревич Э., 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига.
Мусин А.Е., 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках: Погребальный обряд и христианские древности. СПб.
Мусин А.Е., 2009. Паломничество в Древней Руси: исторические концепции и археологические реалии // Archeologica Avraamica: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М.
Покровская Л.В., 2007. Металлические предметы скандинавского происхождения из раскопок на Троицком раскопе: топография // У истоков Русской государственности: Историко-археолог. сб.: Мат. междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород). СПб.
Пастуро М., 2012. Символическая история Европейского средневековья. СПб.
Рыбакоў Б.А., 1932. Радзімічи // Працы сэкцыі археолёгіі Беларускай Акадэмии Навук. Мінск. Т. III.
Рыбаков Б.А., 1971. Декоративно-прикладное искусство Руси X–XIII веков. Л.
Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М.
Седов В.В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.
Спицын А.А., 1905. Старейшие русские могильники в Новгородской области // Изв. Императорской Археологической комиссии. 15.
Фергюсон Д., 1998. Христианский символизм. М.
Хамайко Н., 2008. Древнерусские лунницы XI–XIII вв.: Проблема происхождения и семантики // Наукові записки з української історії: Зб. наук. ст. Переяслав-Хмельницький. Вип. 20.
Backhous J., 1993. The Isabella Breviary. London.
Bayet C., 2009. Byzantine Art. New York.
Becker U., 2008. Lexikon der Simbole. Freiburg; Basel; Wien (8. Auflage)
Balodis F., 1940. Jersika un tai 1939. gadā izdarītie izrakumi. Rīga.
Berga T., 2011. Santjago de Kompostelas piligrimu zīmju atradumi Latvijas teritorijā // Regina in castro Wenda. Rakstu krājums – veltīts Cēsu ordeņpils pētniecei arheoloģei Dr.vist.h.c. Zigrīdai Apalai 75 gadu dzīves jubilējā. Rīga.
v. Beuningen H.J.E., Koldeweij A.M., 1993. Catalogus // Rotterdam Papers. Heilig en Profan: 1000 Laatmiddeleeuwse Insignes 8.
Brūzis R., Spirģis R., 2009. The Ogresgala Čabas cemetery and horse sacrifice // Archaeologia Baltica. Klaipėda. 11: The horse and man in European antiquity (worldview, burial rites, and military and everyday life).
v. Carnap-Bornheim C., Hilberg V., 2007. Recent archaeological research in Haithhabu // Milenium-Studien zur Kultur und Geschhichte des ersten Jahrtausends n. Chr. (Millennium Studies in the culture and history of the first millennium). 5/1 / C.E. Brandes W., Demandt A., Krasser H., Leppin H., Möllendorff P. (Eds.).
Die Welt von Byzanz – Europas Östliches Erbe. Glany, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur / Wamser L. (Hg.). München, 2004.
Forstner D., Becker R., 2007. Lexikon: Christlicher Symbole. Wiesbaden.
Ģinters V., 1938. Daugmales pilskalna jātnieka figūra // Veltījums izglītības ministram prof. A. Tentelim. Rīga.
Karma T., 1994. Lībiešu mitoloģija // Mitoloģijas enciklopēdija. Pasaules tautu mitoloģiskās būtnes un priekšstati, 2. sēj. Rīga.
Khvoshchinskaya V.N., 2006. On the appearance of pedants with bull head images in ancient Rus' // AE. 23.
Kraume H., 2008. Auf heiligen Wegen: Geschichte, Mythos und Kultur des Pilgerns. Ostfildern
Kuniga I., 2002. Mēness veida piekariņi Latvijas arheoloģiskajā materiālā // LVMR 8. Latvijas arheoloģija. Pētījumi un problēmas.
Lexikon, 1990. Lexikon der christlichen Ikonographie: Ikonographie der Heiligen. Rom; Freiberg; Basel; Wien. Bd. 1–8.
Mugurēvičs Ē., 1974. Krusiņveida piekariņi Latvijā laikā no 11. līdz 15. gs. // AE. 9.
Mugurēvičs Ē., 1987. Kristogвs ticobas izplatoba Latvijas teritorijв 11.–12. gs. un katoпu baznocas ekspansijas sвkums. LZAV. 5(478).
Ozols J., 1979. Daugmales pilskalna vikinga attēls // Latvijas senatnei: Rakstu krājums veltīts Valdemāram Ģinteram 80. dzimšanas dienā. Stokholm.
Radiņš A., 1994. Daugmales pilskalnā atrastā 12. gs. bronzas veidne // AE. 17.
Spirģis R., 2008. Bruņurupuču saktas ar krūšu važiņrotām un lībiešu kultūras attīstība Daugavas lejtecē 10.–13. gadsimtā. Rīga.

Svarāne D., 1991 Doles salas lībiešu kapulaukos atrastie 10.–13. gadsimta piekariņi – amuleti un rotaslietas // Daugavas raksti. No Aizkraukles līdz Rīgai. Rīga.
Svetikas E., 2004. Betliejaus žvaigždės segės Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje ir Livonijoje: insignijos ar devocionalijos? // Lietuvos istorijos metraštis 2003. 1.
Švābe A., 1936. Jersikas karaļvalsts // SM. 1.
Vasiliauskas E., 2003. XII–XIII a. zoomorfiniai pakabučiai ž emgalos teritorijoje // Lituanistica. 2 (54).
Vilcāne A., 1983. Zvaigžņveida saktu tipi un to izplatība Latvijas PSR teritorijā 10.–13.gs. // Latvijas PSR vēstures problēmas: Rīgas pilsētas jauno vēsturnieku zinātniskās konferences referātu tēzes. Rīga.
Vitola G., 2005. Turaidas pilī atrastās liecības par svētceļojumiem // Kristietības ienākšana Līvzemē: Zinātniska konference, veltīta Krimuldas baznīcas astoņsimtgadei 2005. gada 9. jūnijā. Turaidas muzejrezervāts.
Zariņa A., 2006. Salaspils Laukskolas kapulauks. 10.–13. gadsimts. Rīga.
Zemītis G., 1997. Christliche und heidniche Symbole aus Burgen des 9.–12. Jahrhunderts in Zentrallettland (Daugmale, Talsi, Mežotne) // M. Müller-Wille (Ed.). Rom und Byzanz im Norden: Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum wдhrend des 8.–14. Jahrhunderts. Mainz; Stuttgart. Vol. II.
Zemītis G., 2004. Ornaments un simbols Latvijas aizvēsturē. Rīga.
Zoll-Adamikowa H., 1997. Stan Badań nad obrezędowością pogrzebową słowian // Slavia antiqua. 38.

Р. Йонайтис

Исследования на «Civitas Rutenica» в 2011 г. Проверка теорий

R. Yonaytis. Studies in «Civitas Rutenica» in 2011. Testing theories

Abstract. During the study of the Russian End of Vilnius a number of suppositions were made about the location of the central part of the necropolis, the main features of the burial rite, and the exact location of the church of Christ Nativity. The excavations of 2011 confirmed some versions and denied others. The excavations confirmed the suppositions about the location of the central part of the cemetery, eastern and southern boundaries of the necropolis were fixed. Stones in the burials were acknowledged to be a typical feature of the ceremony. Unfortunately, the main hypothesis has not been proved: no traces of the Nativity Church have been found on the territory studied. Along with this, it became possible to define the size of the house, whose foundations were discovered during the excavations of 2006–2007.

Ключевые слова: православные, Русский конец, могильник, погребальный обряд, украшения, антропология.

В 2011 г. были продолжены раскопки в центральной части Русского конца в Вильнюсе (рис. 1 – илл. к статье см. на с. 460, 461). О предыдущих исследованиях мы уже неоднократно сообщали на Псковских семинарах (*Йонайтис*, 2009; 2011а; 2011б). В 2011 г. были заложены 7 и доисследованы 2 раскопа, заложенные еще в 2010 г. Всего в 2011 г. изучена территория общей площадью около 747 м^2.

В западном дворе комплекса по ул. Бокшто, 6, был заложен всего один раскоп, его площадь составила 63 м^2. Как и в исследованных ранее раскопах, горизонт погребений был зафиксирован на глубине около 2,5 м. К сожалению, большая часть культурного слоя в этом раскопе была уничтожена в послевоенное время, когда здесь был оборудован колодец. Поскольку колодец оказался глубже укрепленного фундамента близлежащего здания, решено было до дна его не копать. Там, где культурный слой был не поврежден, выявлено 11 погребений по обряду трупоположения. Как и ранее найденные захоронения, вновь обнаруженные были ориентиро-

ваны головами на запад, совершены в неглубоких, до 50 см, могильных ямах. Все захоронения были безынвентарными.

Подтвердилось предположение о наличии знаков на бывшей поверхности могильника – дорожек, крестов, знаков из камня и т. п. Погребения в этом раскопе были расположены ровными рядами (рис. 2). Как и во время предыдущих сезонов, было обнаружено немало погребений с камнями. Камни были размещены как на самих костяках, так и вокруг них. Версии насчет погребений с камнями остаются прежними: либо это знаки на поверхности земли, указывающие место могилы; либо это камни, обнаруженные при выкапывании могилы в материке и положенные обратно в могильную яму; либо это преграда от диких зверей; либо камни уложены на умершего для того, чтобы он не беспокоил живых.

В восточном дворе закончены 2 раскопа, начатые еще в 2010 г. Толщина культурного слоя в раскопе, заложенном в центральной части восточного двора, составляла до 5 м. Структуру культурного слоя составил насыпной грунт с многочисленными материалами XVII–XVIII вв., преобладающая часть находок – изразцы эпохи Ренессанса. В другом раскопе, также начатом в 2010 г., на глубине 4,5 м был обнаружен фрагмент фундамента здания, сложенный из камней и кирпича, связанных глиной. Сам фундамент был неширок – до 25 см. В верхней части фундамента зафиксирован ровный ряд кирпичей, что позволило предположить существование на этом фундаменте какой-то деревянной ограды (забора). Пока не удалось точно определить назначение этой ограды; возможно, это прояснится при дальнейших исследованиях. Фундамент датируется рубежом XV–XVI вв.

Площадь раскопа, заложенного в юго-западном углу восточного двора, составила около 100 м^2. На глубине 70–90 см от уровня поверхности были обнаружены фрагменты нескольких фундаментов. При дальнейшей расчистке выяснено, что все они принадлежат одному строению. Часть фрагментов сложена из камня, часть – из камня и кирпича вторичного использования. Здание имело колонны – обнаружены два одинаковых квадратных в плане фундамента. Постройка была жилая, на это указывают обнаруженные остатки печи. Постройка датируется началом – серединой XVII в.

На большей глубине в северо-западном углу раскопа обнаружено большое скопление мелких и средних камней. Камни располагались вдоль террасы, четко прослеженной по всему восточному двору комплекса. Надо обратить внимание, что эта терраса совпадает с восточной границей могильника. Восточнее террасы обнаружено лишь единственное погребение. Как видно, горожане максимально использовали всю удобную для погребений территорию могильника. Обнаруженные камни были разбросаны без какого-либо порядка. Как и предполагалось, под камнями были обнаружены костяки. Ориентация погребений ничем не отличалась от других погребений могильника – они ориентированы по оси восток – запад, головами на запад. В этом сезоне подтвердилось предположение о сильных родственных связях умерших – обнаружено немало захоронений, где умерших пытались хоронить в одну и ту же яму (при этом, правда, допускалось небольшое отклонение по оси).

В раскопе, расположенном у восточной стены центрального здания, обнаружено продолжение фундамента, найденного еще при раскопках 2006–2007 гг. Так получилось, что часть обнаруженного фундамента была внутри ныне стоящего здания, а часть – снаружи. После расчистки всего фундамента удалось установить

точные размеры древнего здания. В плане оно имело форму квадрата, площадь его составляла около 45 м^2, максимальная толщина стен – до 60 см. Внутри здания была вымостка. Пока не ясно, было ли здание жилым, или это были мастерские. Фундамент датируется рубежом XV–XVI вв.

К юго-востоку от здания обнаружен слой костей из разрушенных погребений, толщиной до 50 см. Это скопление костей датируется временем строительства здания, когда при постройке обнаруженные погребения сбрасывались в фундаментную яму. Некоторые фрагменты разрушенных костяков лежали в анатомическом порядке. Это навело на мысль, что погребенных сбрасывали в яму для фундамента еще до полного разложения мягких тканей. Очевидно, что у строителей конца XV – начала XVI в. эти действия не вызывали моральных терзаний.

Внутри здания под вымосткой выявлено большое скопление камней, напоминающее плохо сложенную мостовую. Так как подобные скопления на этом объекте уже встречались, мы знали, чего ожидать. Под камнями было обнаружено скопление детских погребений. Как и раньше, наблюдалось большое количество погребений с камнями – на костяках и вокруг них. Выявлены также многочисленные погребения, где умершие были погребены в одной яме. В центральной части восточного двора наблюдалась подобная картина – над горизонтом погребений выявлено большое количество камней, причем камни фиксируются и над костяками.

Как уже упоминалось, все погребения ориентированы головами на запад, лежат на спине. Однако в 2011 г. было обнаружено несколько погребений, выпадающих из общего контекста. В восточной части могильника один умерший был обнаружен лежащим на животе (рис. 3). Следы древесного тлена вокруг костяка подтверждают, что умерший был погребен, а не просто сброшен в яму. В литовской археологической литературе есть несколько версий по поводу такого обряда – либо это очень набожный и кающийся человек, либо это духовное лицо, погребенное таким образом среди своих прихожан (*Svetikas*, 2003. P. 151). Другая точка зрения – что так могли быть погребены люди, умершие в результате самоубийства, убийства, несчастного случая (*Vėlius*, 2010. P. 69).

Из общего контекста выпадает также группа погребений, обнаруженная к востоку от восточной границы могильника (рис. 4). Три погребения – мужское, женское и детское (семья?) – ориентированы абсолютно свободно: мужское по оси восток – запад, женское по оси юго-восток – северо-запад, детское по оси север – юг. От других погребений эта могила, расположенная за чертой могильника, отличается также и глубиной – около 1 м, тогда как большинство погребений совершено в могильных ямах глубиной до 50 см. В настоящее время трудно ответить, почему эти умершие погребены именно здесь. Может быть, по какой-то причине общество не принимало их при жизни, не приняло и после смерти? Может быть, они умерли от заразной болезни? Надеемся, что антропологические данные позволят ответить на эти вопросы.

Весь погребальный инвентарь, обнаруженный во время полевого сезона 2011 г., на данный момент находятся на реставрации. Состав находок соотносим с ранее найденными. Найдены венчик из позолоченных бляшек треугольной формы, венчик из металлических позолоченных ниток, а также несколько перстней с плетеной передней частью и несколько перстней с печатками.

На данный момент мы уже располагаем предварительными антропологическими данными. Анализ всех погребений (до 2011 г.) выявил интересную картину.

Анемией (возможная причина – неполноценное питание) в основном болели женщины и дети. Артрит (возможная причина – тяжелый физический труд) в основном выявлен у мужчин. В то же время, в 9 случаях на скелетах мужчин старше 40 лет обнаружены признаки DISH (Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis – анкилозирующий гиперостоз, заболевание костно-мышечной системы) – ожирения вследствие хорошего питания (*Jankauskas, Urbanavičius*, 2008. P. 103–112). Очевидно отсутствие какой-либо социальной дифференциации в распределении мест погребений – рядом погребены как люди, питавшиеся плохой пищей и занимавшиеся физическим трудом, так и горожане более высокого социального статуса. Из более любопытных открытий можно выделить один случай заболевания сифилисом (?), и один случай проказы (?). Если это подтвердится, то станет первым случаем находки заболевания проказой в Литве. За все время раскопок в могильнике выявлены 3 погребенных с признаками насильственной смерти. Все погибшие были мужчины. Удалось установить, что все трое погибли от ударов острым металлическим оружием – скорее всего, мечом. На то, что это были обыкновенные горожане, а не военные люди, указывает отсутствие каких-либо иных травм, присущих воинам. Видимо, жители Русского конца не были равнодушны к судьбе города и участвовали в его обороне. Антропологам удалось обнаружить один интереснейший случай – погребение женщины с «политравмой». Такие увечья в нынешнее время фиксируются при авариях, при падении с большой высоты. Особенно удивителен тот факт, что женщина жила после получения этой множественной травмы. То, что она смогла жить дальше, говорит о том, что общество не было к ней равнодушно, не отвергло ее, а заботилось о ней как о полноправном своем члене.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что часть теорий, выдвинутых нами ранее, подтвердилась, а часть – нет. К примеру, подтвердилась версия (с небольшой вариацией) о местоположении центральной части могильника; удалось точно установить восточную границу могильника – она не была искусственной, а совпадала с краем террасы. Могильник представлял собой место упокоения обычных горожан. Подтвердилась теория об отсутствии какой-либо социальной дифференциации при выборе места погребения горожан. К сожалению, не подтвердилось предположение о местонахождении церкви Рождества Христова. В 2011 г. не удалось обнаружить каких-либо очевидных доказательств ее присутствия на территории исследуемого комплекса. Во время будущих работ мы еще надеемся получить ясный ответ на вопрос, где стояла эта церковь.

Литература

Йонайтис Р., 2009. Новейшие раскопки на территории «Civitas Rutenica» в Вильнюсе: предварительный анализ результатов // АИППЗ. Заседание 54. Псков.

Йонайтис Р., 2011а. Община «Русского города» XIII–XIV веков в Вильнюсе в свете новейших археологических открытий // АИППЗ. Заседание 56. М. – Псков.

Йонайтис Р., 2011б. Раскопки на территории «Civitas Rutenica»: Продолжение исследования // АИППЗ. Заседание 57. М. – Псков.

Jankauskas R., Urbanavičius A., 2008. Possible indications of metabolic syndrome in Lithuanian paleoosteological materials // Papers of anthropology. Tartu. XVII.

Svetikas E., 2003. Alytaus kapinynas: christianizacijos šaltiniai. V.

Vėlius G., 2010. Sugrįžtantys numirėliai: “netradicinė laidosena Lietuvos viduramžių senkapiuose // Lietuvos istorijos studijos, 25 t. V.

И. Каплунайте

Археологические исследования «Немецкого города» в Вильнюсе

I. Kaplunayte. Archaeological study of the German City of Vilnius

Abstract. The district of Catholic clergy, artisans and merchants of Catholic affiliation began to shape in Vilnius in the second half of the 14th c. In the early stage of its existence, it occupied an area of three hectares, and at the culmination time of the 15th–early 16th cc. increased to 30 hectares. The data from 29 historic neighborhoods of the southwestern part of Vilnius was collected. The finds from 259 archaeological excavations were processed and used. On the part of the sites cultural layers associated with the Catholic suburb were fixed. History and characteristics of the material culture of the Catholic suburb of Vilnius are being recreated by comparing archaeological data with the features of the original topography, the reconstructed network of roads and river beds, as well as with the documentary sources.

Ключевые слова: католики, францисканцы, костел, урбанистика.

На рубеже XIII–XIV вв. на территории Вильнюса впервые возникает компактное поселение людей, исповедующих католицизм. На территории языческого города оно могло располагаться только возле резиденции правителя, на юго-западном подножье горы Гядимина. Существование Католического поселения прекращается не позднее 1399 г., когда Вильнюсские замки были опустошены пожаром (*Remecas*, 2010. Psl. 82). Однако еще в третьей четверти XIV в. имели место события, оказавшие влияние на жизнь католической общины Вильнюса.

В первую очередь это вторжения крестоносцев в глубь страны, среди которых выделяется поход 1365 г., когда крестоносцы впервые достигли Вильнюса (*Gudavičius*, 1999. Psl. 137, 138). Юго-западное подножье горы, имеющее важное стратегическое значение для обороны замка, приобрело особое значение для великого князя.

Не менее важным было усиление конфронтации между католиками и язычниками. Результатом ее стало «мученичество францисканцев» в 1369 г., когда, без ведома великого князя, в Вильнюсе был убит весь действующий конвент – пять монахов-францисканцев (*Baronas*, 2010. Psl. 87). Вскоре после всех этих событий, в последней трети XIV в., в юго-западной части нынешнего Вильнюсского старого города, «на песках», появляется новый католический район (рис. 1, на с. 462).

Строительство костела и выделение земель для францисканцев в этой части города тесно связаны с именем прибывшего из Риги вильнюсского старосты и старшины немецкой общины Ганула (*Firkovičius*, 1989. Psl. 39–40). Вероятно, в связи с этим в историографии этот район получил название Немецкого города. Однако говоря об этнической принадлежности католического района «на песках», надо подчеркнуть, что примерно с 1369 г. францисканцев из Ливонии, действовавших в Вильнюсе, сменяют монахи из Польши и Чешской провинции (*Baronas*, 2010. Psl. 89). Наиболее вероятно, что первыми жителями района «на песках» являлись переселенцы из соседних католических государств, особенно из Польши. После официального крещения Литвы в 1387 г. местные литовцы-неофиты также селились в районе «на песках». Нет ни исторических, ни археологических сведений о

разделении между католиками-переселенцами и литовскими неофитами. Тем более что в средневековье религиозные различия были важнее, чем национальные (*Sedlar*, 1994. P. 417).

В письменных источниках католический район города впервые упоминается в привилее (*przywilej)* Великого князя литовского и короля Польши Ягайло (Владислав-Ягайло) епископу Вильнюса от 16 февраля 1387 г. Там же впервые дано описание района, к сожалению, очень неконкретное (Lietuvos TSR... 1955. Psl. 58). Иконографии по раннему периоду существования католического района в XIV–XV вв. также нет. Вследствие ограниченности информации об этой части города до сих пор не были детально проанализированы ее образование, развитие, территория, внутренняя структура, а высказываемые предположения недостаточно аргументированы. В этой ситуации особую важность приобретает археологический материал, происходящий с этой территории. Тем более что исследования здесь ведутся с 1960-х гг. и к настоящему времени накоплены обширные археологические данные.

Для достижения максимального результата были собраны и проанализированы данные из всей юго-западной части старого города, которая представлена 29 историческими кварталами, занимающими площадь примерно в 50 га. Для нашего исследования использованы данные 266 археологических раскопов, взятые из отчетов о полевых исследованиях, которые хранятся в отделе рукописей института истории Литвы. При необходимости рассматривались находки в фондах музея, уточнялась их датировка (автор благодарит археолога Г. Вайткявичуса за консультации по датировке ранней вильнюсской керамики). На план города было нанесено местонахождение выделенных культурных слоев и отдельных находок (рис. 1). Соотнесение этих данных с особенностями первоначального рельефа, реконструированными руслами рек, сетью дорог и историческими данными позволяет реконструировать развитие католического района Вильнюса.

Хронологические рамки данного исследования охватывают период от первых признаков заселения данного района до возведения Вильнюсской оборонительной стены в 1503–1522 гг., объединившей все районы города воедино.

Юго-западная часть Вильнюса расположена в амфитеатре, окруженном моренными высотами (*Morkūnaitė*, 2010). Она отличается спокойным, ровным рельефом. Такое место не особенно пригодно для обороны, но благоприятно для селитьбы. В южной, западной, северной и северо-западной частях района находились источники воды (рис. 1, *2*). Особо важную роль при освоении данного района сыграла дорожная сеть (рис. 1, *1*). Здесь пересекались основные городские пути западного направления – на Тракай, Пруссию, Ливонию, рядом были дороги южного направления – на Рудининкай и Мядининкай (*Sarcevičius, Vaitkevičius, Valionienė*, 2006). К северу и северо-востоку от этого района находились территории, занятые местным населением, там же располагалась резиденция великого князя. К востоку от характеризуемого района на рубеже XIII–XIV вв. начинает формироваться «русский» конец. На запад и юг от данной местности, за руслами рек, располагались болотистые торфяники, освоенные только в XVI–XVII вв.

Самые ранние следы заселения юго-западной части старого города Вильнюса датируются последней третью XIV в., еще до крещения Литвы (рис. 1, *3*). Видно, что прежде всего была освоена территория у дороги северного – юго-восточного

направления, соединяющей пути на Ливонию и Ольшаны. В северной части она пересекается с дорогой западного направления, ведущей на Тракай и Пруссию. В западной части – с дорогой, идущей от замка на Рудининкай. В западной части старого города находилось и русло речушки Вингре (Кочарги). Можно предположить, что именно в этом квартале находились владения уже упомянутого Ганула, которые он в 1388–1392 гг. подарил францисканцам (*Kantak*, 1937. S. 305). К востоку от этих владений был построен самый ранний католический костел (рис. 1, *7*), датируемый примерно восьмым десятилетием XIV в. Это костел Св. Николая, упомянутый в 1387 г. в привилее Ягайло (Lietuvos TSR... 1955. Psl. 58). Вероятнее всего, изначально костел был деревянным, и только позже, в 1387–1392 гг., он был перестроен в камне (*Firkovičius*, 1990. Psl. 39, 40). Выбор места для костела не случаен – он построен на единственном в этом районе возвышении, возле перекрестка дорог, возле западного ответвления дороги на Рудининкай. С этого места началось освоение территории католического района. К западу от костела зафиксирован не только культурный слой с бытовой керамикой, но и следы деревянной застройки. Еще одно местонахождение находок было чуть севернее (рис. 1, *8*). Вероятнее всего, именно здесь мог располагаться дом францисканцев, упомянутый в привилее 1387 г. Именно здесь через несколько десятилетий были построены францисканский монастырь и костел. Можно предположить, что в юго-западной части города первоначально появились монахи-францисканцы со своим приютом и костелом, а возле них компактно селились первые жители района – приезжие католики, в основном купцы и ремесленники.

На раннем этапе своего развития католический район мог занимать площадь примерно в 3 га. Показательно, что первая католическая миссия и костел, основанные возле великокняжеского двора у подножия горы Гядимина, размещались на площади в 1,7 га (*Vaitkevičius*, 2010).

Второй этап – период после католического крещения Литвы в 1387 г., рубеж XIV–XV вв. На данном этапе очевиден быстрый рост католического района (рис. 1, *4*). Этому способствовало официальное крещение Литвы. Можно предположить, что с этого времени здесь могло селиться и местное население, принявшее католическую веру. В 1387 г. основываются первый францисканский монастырь и еще один костел (*Firkovičius*, 1990. Psl. 8). Как было уже упомянуто, они могли быть построены на месте бывшего дома францисканцев (рис. 1, *8*). Из письменных источников известно, что в XV–XVI вв. обширные территории вокруг монастыря принадлежали францисканцам. Эти монахи пользовались любовью и почитанием в Вильнюсе, получая владения от князей и вельмож.

Заметно разрастание района, особенно в северном и южном направлениях. Католический район на этом этапе состоит как бы из двух полос (рис. 1, *4*). Одна из них на востоке ограничена дорогой северного – юго-восточного направления, на западе – склоном речушки Вингре. Другая полоса на юге граничит с дорогой на Тракай и Пруссию. На востоке эта равнинная территория ограничена руслом реки и естественным склоном.

По археологическим данным, территория в низине, к востоку от этого склона, была освоена не раньше чем в XV в., когда эта территория принадлежала епископу. Надо заметить, что следов человеческой деятельности ранее конца XV в. на довольно хорошо исследованной обширной территории (около 5 га) (рис. 1, *9*) не

обнаружено. Пока что не представляется возможным объяснить, почему эта территория не была заселена вплоть до XVI в. Только тогда здесь начал формироваться заселенный евреями район, официально им назначенный привилеем 1633 г. (см.: *Šiaučiūnaitė-Verbickienė*, 2009. Psl. 136–148). Рост южной части района (рис. 1, *4*) связан с интенсивным развитием торговой жизни Вильнюса. Позже, в первой четверти XVI в., после сооружения Вильнюсской оборонительной стены, здесь располагались одни из ворот.

Отдельные находки рубежа XIV–XV вв. обнаружены на участке между двумя дорогами, ведущими с севера на юг, от замка в сторону Рудининкай и Мядиникай (рис. 1, *10*). Здесь, на перекрестке дорог, на средства горожан был построен первый в Вильнюсе приходской костел Св. Иоанна (*Drėma*, 1997. Psl. 4–6). Здесь же формируется еще одна развивающаяся часть города. Можно предположить, что здесь, между двух дорог, была нейтральная территория, «полоса», разделяющая католический и православный районы.

Еще одно скопление находок также выявлено возле дорог, ведущих на Пруссию и Ливонию (рис. 1, *11*). Это может быть связано со строительством в начале XV в. века костела доминиканцев. Как уже упоминалось, район на данном этапе имеет два центра. Возможно, это связано с двумя разными приходами – францисканским и доминиканским.

На данном этапе развития немецкий город занимает площадь примерно в 23 га. Такой быстрый рост поселения площадью в 3 га отражает не только благоприятное положение католической церкви в Вильнюсе, но также рост численности населения и возрастающую экономическую мощь города в рамках общего роста товарно-денежных отношений в Литве.

Керамика, обнаруженная на охарактеризованных объектах, не позволяет определить этническую принадлежность жителей. На нескольких объектах обнаружены останки деревянной застройки, предположительно – следы защитных рвов и хозяйственные ямы различного назначения. Обнаружены следы пожарищ, связанных с набегами крестоносцев в конце XIV в.

Следующий этап – первая половина XV в. Границы католического района по-прежнему ярко выражены (рис. 1, *5*). В восточной части фиксируется интенсивное накопление культурного слоя (рис. 1, *12*). Вероятно, это связано со строительством городской Ратуши, основанием и функционированием возле нее рынка, который по археологическим, историческим и архитектурным данным датируется четвертым десятилетием XV в. (*Kaplūnaitė, Jonaitis*, 2005. Psl. 79). Этот центр стал нейтральной, разделяющей (или соединяющей?) зоной между княжеским замком, православными и католиками, развитие этого центра обусловило освоение новых территорий.

Во время раскопок на территории католического района были обнаружены материалы первой половины XV в.: фрагменты бытовой и строительной керамики, изделия из металла, кости, кожи. Увеличение монет этого периода в археологическом материале связано с повышением качества и ростом стоимости монеты и увеличением монетного оборота в Литовском государстве. Обнаружены следы деревянных построек, частоколов, фрагменты каменных мостовых. В северо-западной части района зафиксированы участки, которые исследователи сопоставляют с огородами.

Последний этап существования района «на песках» – это вторая половина XV – начало XVI в., вплоть до построения оборонительной стены. Хорошо видно, что и на данном этапе границы района остаются неизменными (рис. 1, *6*), заметно только расширение в сторону центральной части города. Даже в период своего максимального развития район не распространился за речушку Вингре. Эта естественная преграда была использована в 1503–1522 гг. при возведении городской оборонительной стены. Как уже упоминалось, самая восточная часть района до XVI в. оставалась неосвоенной (рис. 1, *9*). В то же время возрастает интенсивность накопления культурного слоя в пределах Ратушной площади (рис. 1, *12*). Во второй половине XV в. здесь воздвигнуты первые каменные постройки. На территории католического района обнаружены также остатки деревянных водосточных коммуникаций и других деревянных конструкций. Собрано большое количество фрагментов бытовой и строительной керамики. Среди интересных находок можно выделить обнаруженные в северо-западной части района остатки предполагаемой мастерской по обработке металла с характерными находками, такими как обломки тиглей, куски шлака, плавильная печь. До возведения вильнюсской оборонительной стены католический район занимал площадь примерно в 28 га.

В начале XVI в. из-за усиления татарских набегов возникла необходимость возведения городской вильнюсской стены. Возможность такого строительства, требующего значительных финансовых и человеческих ресурсов, обусловливалась не только усилением великокняжеской власти, но и интенсивным развитием города. С этой поры уже можно говорить не об отдельных районах, а о едином Вильнюсе, окруженном оборонительной стеной.

Литература

Baronas D., 2010. Vilniaus pranciškonų kankiniai ir jų kultas XIV–XX a. Vilnius.

Drėma V., 1997. Vilniaus Šv. Jono bažnyčia. Vilnius.

Firkovičius R., 1989. Kulto pastatai ir jų vietos Vilniaus mieste: Katalikų bažnyčių ir vienuolynų istorijos apybraižos (XIII–XX a.). Istoriniai tyrimai. T. 1. F. 5. b. 5033. Vilnius.

Firkovičius R., 1990. Kulto pastatai ir jų vietos Vilniaus mieste: Katalikų bažnyčių istorijos apybraižos (XIII–XX a.). Istoriniai tyrimai. T. 2. F. 5. b. 5563. Vilnius.

Gudavičius E., 1999. Lietuvos istorija. Vilnius. T. I.

Kantak K.X., 1937. Franciszkanie Polscy. Kraków. T. 1: 1237–1517.

Kaplūnaitė I., Jonaitis R., 2005. Numizmatiniai ir sfragistiniai radiniai iš Vilniaus Rotušės aikštės // Numizmatika. Vilnius. 6.

Lietuvos TSR istorijos šaltiniai. Vilnius, 1955.

Morkūnaitė R., 2010. Įvadinės mintys apie Vilniaus miesto istorinį žemėvaizdį // Miestų praeitis. Vilnius. 2.

Remecas E., 2010. Vilniaus gaisro datavimo problematika: ar tikrai Vilniaus pilis sunaikino 1419 m. gaisras? // Lietuvos pilys. Vilnius.

Sarcevičius S., Vaitkevičius G., Valionienė O., 2006. Vilniaus archeologijos atlasas (skaitmeninė archeologinių tyrimų duomenų bazė). Vilnius.

Sedlar J. W., 1994. East Central Europe in the Middle Ages, 1000–1500. Washington.

Šiaučiūnaitė-Verbickienė J., 2009. Žydai Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės visuomenėje. Sambūvio aspektai. Vilnius.

Vaitkevičius G., 2010. Vilniaus tapsmas // Miestų praeitis. Vilnius. 2.

Н.А. Плавинский

Древнерусские граффити как источник по истории вооружения: к постановке вопроса

M.A. Plavinsky. The Old-Russian graffiti as a source for weapons history: preliminary statements

Abstract. The wide range of sources is at the Old-Russian weapons historians disposal. It is obvious that archaeological finds are of major importance for weapons studies. They are indeed the most numerous and informative. At the same time the data obtained from the written primary sources, works of minor sculpture and iconography present the information of great value as well. A special group of sources among the works of iconography is graffiti

A brief review of the Old Russian military graffiti makes it possible to state that they belong to the valuable sources on the history of weapons of the 11th–13th cc. This paper just outlines the issue of the above-mentioned finds interpretation. More precise conclusions may be drawn only after the complete catalogue of all the known Old Russian graffiti is created

Ключевые слова: древнерусское оружие, источниковедение, граффити, меч, шлем, щит.

Специалисты по древнерусскому вооружению имеют в своем распоряжении достаточно широкий круг источников. Очевидно, что первоочередное значение в оружиеведческих исследованиях имеют археологические находки, являющиеся наиболее многочисленными и информативными. Вместе с тем, большую важность представляют также сведения письменных источников, памятники мелкой пластики и иконографии. Среди последних выделяется особая группа источников – граффити.

Граффити с изображениями воинов и отдельных предметов вооружения, конечно, отличаются от других памятников иконографии схематичностью и минимальной проработкой мелких деталей. Эта особенность предопределена самим характером изображений, которые могли наноситься самыми разнообразными острыми предметами на любую более или менее пригодную для этого поверхность: на монеты, кости, пряслица, оселки, строительные материалы и т. д. Граффити наносились обычными людьми, которые не имели художественных навыков и, вероятно, не ставили перед собой цель создания изображений, которые бы долго сохранялись. Вместе с тем, очевидно, что авторы граффити очень хорошо знали предметы, которые рисовали, т. к. они сопутствовали им в повседневном быту. Кроме того, подобные рисунки максимально свободны от иконографических традиций, под влиянием которых находились профессиональные мастера. Это особенно важно для древнерусского периода, когда с принятием христианства в искусство были привнесены иконографические каноны, в том числе и принципы изображения святых воинов.

Именно поэтому граффити являются ценными источниками, передающими бытовые реалии своего времени, хотя схематичность этих изображений заставляет максимально осторожно подходить к их интерпретации. Вместе с тем, специального анализа древнерусских граффити как источника по истории вооружения до сих пор, насколько мне известно, никто из исследователей не предпринимал. При этом специальные работы, посвященные древнерусским изобразительным граффити, достаточно многочисленны и представлены как публикациями отдельных находок, так и рядом обобщающих исследований (*Васильев*, 2001; *Никитина*, 1990; *Разина*, 2007; *Рождественская*, 1997; *Рыбина*, 1998; *Седова*, 2004; и др.).

Вероятно, единственной работой, в которой специально обращено внимание на древнерусские воинские граффити, является монография А.Е. Мусина «Milites Christi Древней Руси» (*Мусин*, 2005. С. 246–254). Однако в ней А.Е. Мусин рассматривает этот источник не с оружиеведческих позиций, а в контексте выявления особенностей воинской культуры Древней Руси.

Такое положение вещей вызывает особенное удивление, если учесть, насколько плодотворным стал опыт изучения граффити эпохи викингов на арабских монетах-дирхамах, осуществленный И.Г. Добровольским, И.В. Дубовым и Ю.К. Кузьменко (1981. С. 60–63; 1991. С. 51–62).

Учитывая сказанное, данное сообщение имеет целью предварительный анализ древнерусских граффити как источника по истории вооружения XI–XIII вв. Вместе с тем, до момента создания полноценного каталога древнерусских воинских граффити какие-либо обобщения могут носить только предварительный характер. Эта статья может рассматриваться только как начало работы по каталогизации и анализу данного типа источников.

Перед рассмотрением собственно граффити XI–XIII вв. следует отметить их отличия от граффити эпохи викингов. Главное отличие заключается в том, что для эпохи викингов было характерно изображение отдельных предметов вооружения и

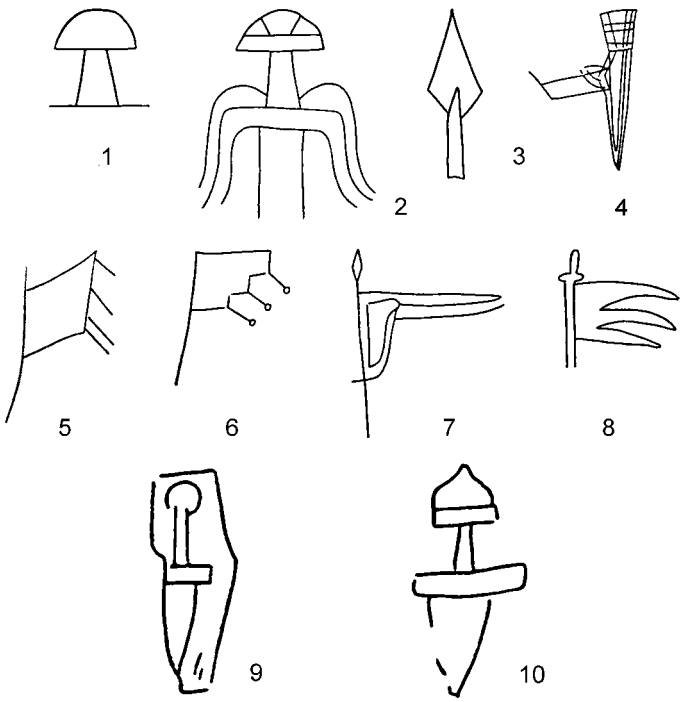


Рис. 1. Граффити на восточных монетах (*1–8*) и артефактах (*9–10*) эпохи викингов (по: *Добровольский, Дубов, Кузьменко*, 1991. С. 51–67)

1 – Фридрихсгофский клад; *2* – Ериловский клад; *3* – клад неизвестного происхождения (Эстония); *4, 5* – клады неизвестного происхождения; *6* – Гнёздово, курган 97 (раскопки С.И. Сергеева 1899 г.); *7, 8* – Погорельщинский клад; *9, 10* – Тимерёво

снаряжения: мечей, скрамасаксов, копий, флагов (*Добровольский, Дубов, Кузьменко*, 1981. С. 60–63; 1991. С. 51–62). Это касается не только монет, но и других предметов с процарапанными рисунками, найденных на территории Руси (рис. 1) и относящихся к эпохе викингов (*Дубов*, 1982. Рис. 39, *11*; 40, *12*).

Что же касается рисунков XI–XIII вв., то тут полностью преобладают именно воинские граффити – изображения вооруженных людей. Эти рисунки наносились на самые разнообразные поверхности. В соответствии с этим можно выделить несколько групп граффити:

– на стенах храмов,

– на различных бытовых предметах,

– на бересте – одной из наиболее представительных серий рисунков являются грамоты новгородского мальчика Онфима (*Арциховский, Борковский*, 1963. С. 29–32; *Янин*, 1975. С. 46–53).

Известные к настоящему моменту воинские граффити могут быть условно разделены на две группы: изображения святых воинов и изображения светских воинов.

Изображения святых воинов немногочисленны. К ним могут быть уверенно отнесены три рисунка. Первый из них датируется концом XI – XIV в. и происходит из Киевского Софийского собора. Второе граффити – из церкви Спаса на Нередице в Новгороде – датируется временем не ранее самого конца XII в. (храм возведен в 1198 г.). Третий рисунок – из Благовещенской церкви в Витебске – относится ко второй половине XIII в. (*Высоцкий*, 1976. С. 118. Табл. CXXXVI; *Разина*, 2007. С. 72–73. Рис. 10; *Селицкий*, 1992. С. 83. Рис. 51). Изображения сильно различаются по степени искусности выполнения (рис. 2, *1–3*). Граффити из Киевской Софии,

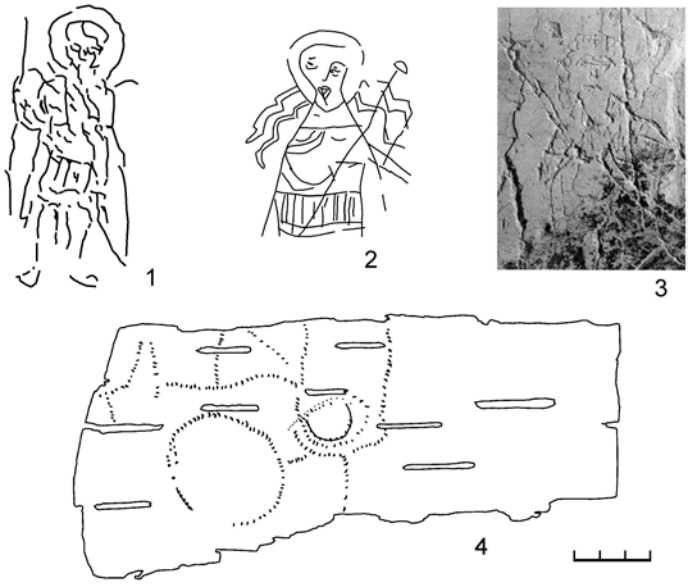


Рис. 2. Древнерусские граффити-изображения святых воинов
1 – Софийский собор в Киеве; *2* – Благовещенская ц. в Витебске; *3* – ц. Спаса на Нередице в Новгороде (по: *Разина*, 2007. Илл. 10); *4* – Полоцк. (*1, 2, 4* – прорисовка автора по фотографии)

очевидно, нанесено достаточно профессиональной рукой, в то время как рисунки из Витебской Благовещенской и Нередицкой церквей характеризуются примитивностью. Вместе с тем, все изображения фактически копируют канонические для византийского и древнерусского искусства изображения святых воинов.

Святой (или архангел) со стены Киевской Софии в правой руке держит копье, в левой – щит, вероятно миндалевидной формы (рис. 2, *1*). Он облачен в плащ и, по всей видимости, доспех с птеригами (*Высоцкий*, 1976. С. 118. Табл. CXXXVI). Святой из Витебской Благовещенской церкви также одет в плащ и доспех с птеригами и вооружен копьем (рис. 2, *2*) (*Селицкий*, 1992. С. 83. Рис. 51). В отличие от двух предыдущих изображений, воин на граффити в церкви Спаса на Нередице показан без нимба (рис. 2, *3*). Однако о том, что это именно святой воин, говорит его характерная для иконографии поза. В правой, согнутой в локте руке он держит меч, а в левой – миндалевидный щит (*Разина*, 2007. С. 72–73. Илл. 10).

Очевидно, что эти рисунки не отражают древнерусских военно-технических реалий своего времени и являются своеобразными «копиями» фресок или икон.

Возможно, изображением святого воина с нимбом и щитом в руке является также рисунок XII в. на куске бересты из Полоцка (рис. 2, *4*). Однако учитывая крайнюю схематичность изображения и то, что оно, вероятно, входило в какую-то композицию, его можно относить к числу воинских граффити только условно (*Плавінскі*, 2011. С. 18. Мал. 2).

Изображения светских воинов составляют абсолютное большинство древнерусских воинских граффити. Их рассмотрение целесообразно осуществить в хронологическом порядке. При этом следует учитывать, что многие рисунки не имеют узкой датировки и могут быть только широко датированы древнерусским временем. Это в первую очередь относится к граффити, нанесенным на стены храмов.

Одним из древнейших древнерусских воинских граффити является изображение, вырезанное на известняковой плитке XI в. из Бреста (*Лысенко*, 1985. С. 225. Рис. 259). Воин, вероятно, одет в доспех (кольчугу?). На его голове виден шлем стожковой (конической) формы, в левой руке он держит овальный щит, на котором нарисован крест (рис. 3, *1*).

Из Троицкого раскопа в Новгороде происходит берестяное дно туеса (рис. 3, *2*). По поводу датировки и интерпретации граффити существуют разные мнения. Е.А. Рыбина относит его к XII в. и считает, что на рисунке изображен шатер с крестообразным завершением, у входа которого стоит человек с топором (*Рыбина*, 1998. С. 20). В то же время, А.Е. Мусин относит его к середине XI в. и предполагает, что на дне туеса изображен воин с крестом и топором в руках на фоне шатрового храма, увенчанного крестом (*Мусин*, 1999. С. 149).

Ко времени не ранее самого конца XII в. относятся два граффити из новгородской церкви Спаса на Нередице. Первое из них (рис. 3, *3*) изображает идущего человека с мечом в левой руке и небольшим круглым щитом в правой. На втором показан воин (рис. 3, *4*) в открытом сфероконическом шлеме, доспехе (?), с коротким мечом (?) в правой руке (*Разина*, 2007. С. 72. Илл. 9; *Рождественская*, 1997. Рис. 6).

К XI–XII вв. относится пряслице из раскопок на площади Ленина в Пскове (рис. 3, *5*). На пряслице изображены две фигуры – танцующая женщина и мужчина в стожковом шлеме с топором в правой руке (*Лабутина*, 1975). Несмотря на схема-

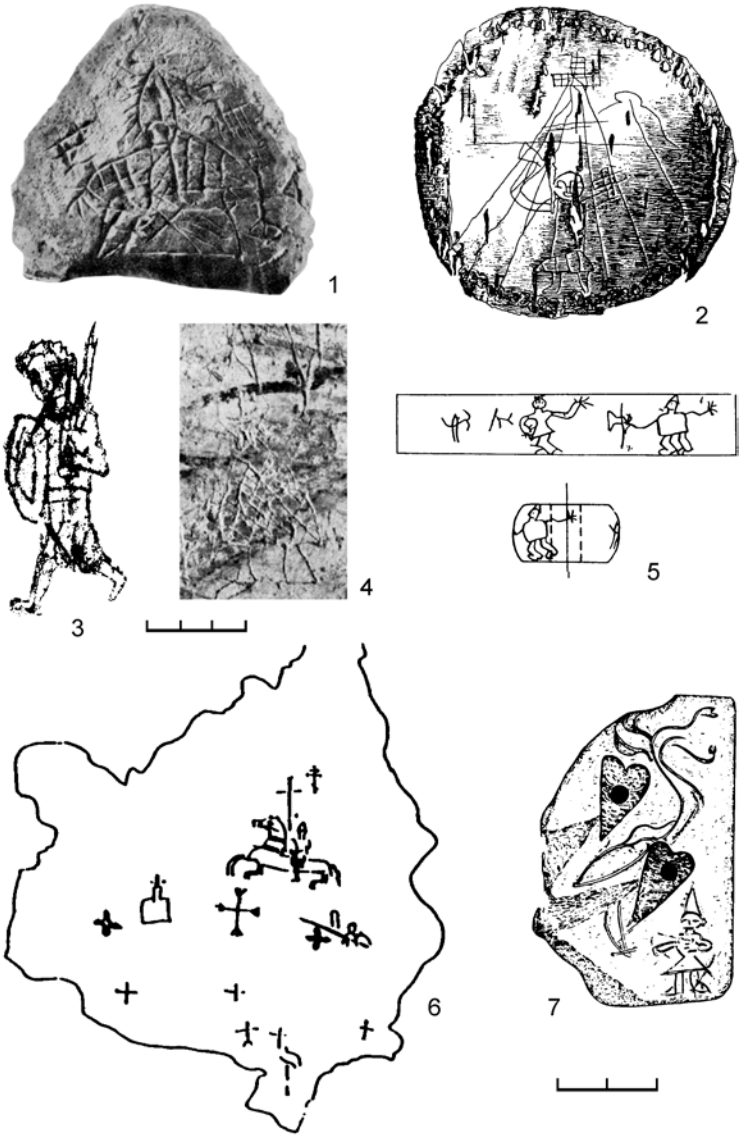


Рис. 3. Древнерусские граффити-изображения светских воинов
1 – Брест (по: *Лысенко*, 1985. Рис. 259); *2* – Новгород (по: *Мусин*, 1999. Рис. 5); *3, 4* – ц. Спаса на Нередице в Новгороде (по: *Разина*, 2007. Илл. 9); *5* – Псков (по: *Лабутина*, 1975); *6* – ц. Успения в Старой Ладоге (по: *Васильев*, 2001. Рис. 4); *7* – Владимир (по: *Седова*, 2004. Рис. 1, *2*)

тичность изображения, можно предположить, что это широколезвийный топор с достаточно длинной рукоятью – возможно, типа М, по Я. Петерсену (2005. С. 78, 79).

Ко времени не ранее XII в. (время возведения храма) относятся граффити на стенах церкви Успения в Старой Ладоге (*Васильев*, 2001. С. 233. Рис. 4). На рисунке изображен всадник на (вздыбленном?) коне (видна конская упряжь). В правой руке

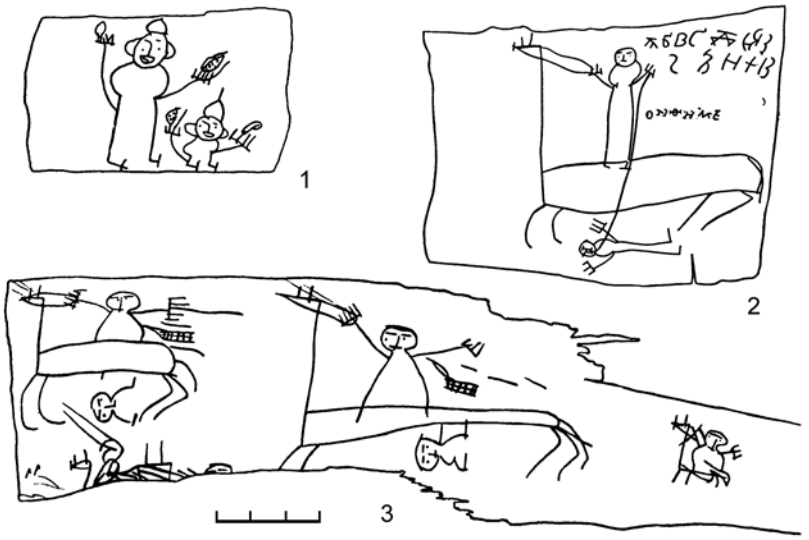


Рис. 4. Рисунки Онфима (по: *Янин*, 1975. С. 46–53)

всадник держит копье или крест, у него на голове стожковый шлем (рис. 3, *б*). Рядом с ним погрудно изображен второй воин – с копьем в правой и щитом в левой руке.

К 20–30-м гг. XIII в. относится серия граффити на берестяных грамотах новгородского мальчика Онфима (*Арциховский, Борковский*, 1963. С. 29–32; *Янин*, 1975. С. 46–53). Несмотря на то что маленький Онфим не всегда мог правильно посчитать количество пальцев на руках, он довольно точно передал форму сфероконических шлемов (рис. 4, *1*) и движение всадника, колющего копьем поверженного на землю противника (рис. 4, *2*).

Целый ряд граффити не имеет узкой датировки, но может быть отнесен к древнерусскому времени в целом (XI–XIII вв.).

К их числу принадлежит серия граффити из Киева. Кроме уже упомянутого изображения святого или архангела на стенах Киевского Софийского собора было выявлено еще два воинских граффити XI–XIV вв. На первом рисунке изображены два воина в стожковых шлемах, доспехах (?), с небольшими щитами (один из которых, без сомнения, близок по форме к треугольному) и копьями (рис. 5, *1*). Оба воина нарисованы достаточно детально (*Высоцкий*, 1966. С. 114–115. Табл. LXXVII). Хорошо передан динамизм их движений – щиты воинов в полусогнутых руках выставлены вперед, копья занесены над головой.

Второе воинское граффити из Киевской Софии изображает воина в шлеме и доспехе (?). В его правой руке показана стрела (рис. 5, *2*). Предмет в левой руке с уверенностью идентифицировать трудно. С.А. Высоцкий считал, что это «как будто лук» (*Высоцкий*, 1976. С. 117. Табл. CXXXVI). Рядом с рисунком двумя разными почерками процарапаны слова «воин» и «Георги». Учитывая тот факт, что граффити нанесено в апсиде Георгиевского придела на южной стене храма, оно может изображать св. Георгия. Однако наличие шлема вместо нимба заставляет воздержаться от подобной интерпретации, на что было справедливо указано С.А. Высоцким (1976. С. 117).

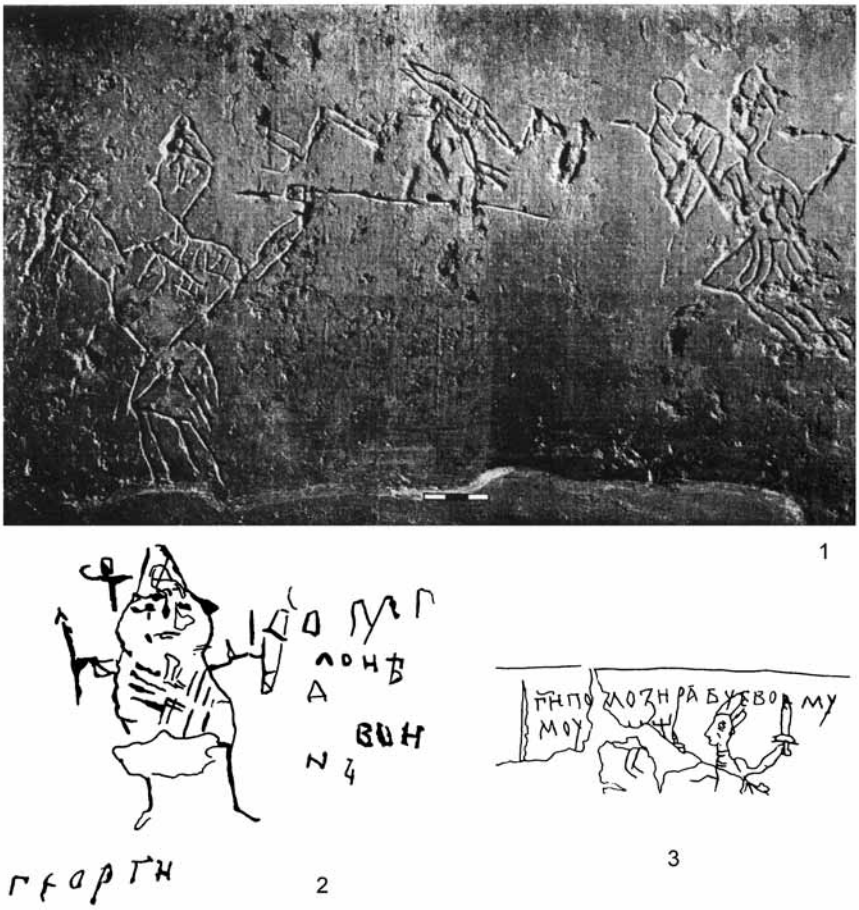


Рис. 5. Древнерусские граффити-изображения светских воинов в Киеве
1 – Софийский собор (по: *Высоцкий*, 1966. Табл. LXXVII); *2* – Софийский собор (по: *Высоцкий*, 1976. Табл. CXXXVI); 3 – Золотые ворота (по: *Высоцкий*, 1985. Табл. V)

Еще одно интересное для нас граффити было выявлено в Киеве на стене Золотых ворот (*Высоцкий*, 1985. С. 13–15. Табл. V). По мнению С.А. Высоцкого, на рисунке изображен человек в монашеском клобуке. В левой руке он держит клинковое оружие, вероятнее всего – меч (рис. 5, *3*). С.А. Высоцкий интерпретировал данное граффити как изображение борьбы монаха с плотью (Там же. С. 15), что, однако, может рассматриваться лишь как остроумная гипотеза.

Самая представительная серия древнерусских воинских граффити происходит с городища Масковичи Браславского р-на Витебской обл. В ходе раскопок городища, культурный слой которого датируется временем от рубежа X–XI вв. до рубежа XIII–XIV вв., Л.В. Дучиц обнаружила 107 костей животных с разнообразными граффити (*Дучыц*, 1991. С. 79–82). Е.А. Мельникова, специально занимавшаяся изучением этих находок, датировала их XII–XIII вв. и разделила на три основные группы: 1) рунические надписи, руноподобные знаки и отдельные знаки; 2) рисунки, среди которых преобладают изображения людей; 3) изображения сеток. Из 18 изобра-

жений людей 11, вероятно, показаны с оружием. По мнению Е.А. Мельниковой, техника нанесения изображений, знаков и рисунков совпадает, а это позволяет уверенно говорить о том, что они наносились одновременно и одним человеком (*Мельникова*, 2001. С. 213–247). Из 11 граффити, вероятно являющихся изображениями вооруженных людей, не менее 6 могут рассматриваться как достаточно информативные. Остальные, по причине крайней схематичности, не поддаются определенной интерпретации.

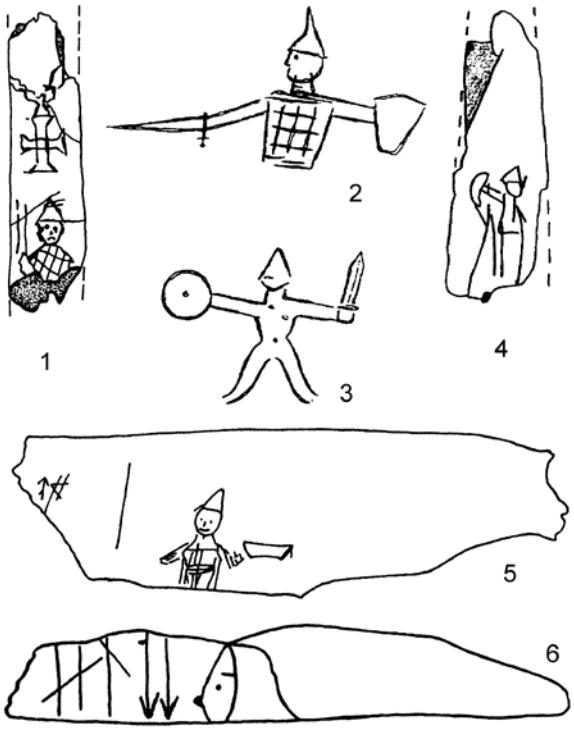


Рис. 6. Древнерусские граффити-изображения светских воинов с городища Масковичи Браславского р-на Витебской обл. (по: *Дучыц*, 1991)

Среди хорошо проработанных граффити следует отметить:

– изображение воина в стожковом шлеме с мечом и круглым щитом в правой руке (рис. 6, *3*);

– два изображения воинов в стожковых шлемах и, вероятно, в доспехах (рис. 6, *1, 5*);

– изображение воина в стожковом шлеме с выпуклым круглым щитом (рис. 6, *4*);

– изображение головы в стожковом шлеме (рис. 6, *6*);

– изображение воина в шлеме (рис. 6, *2*), вероятно стожковом, с мечом и ранней формой щита-повезы без желоба в руках (*Плавінскі*, 2011. С. 18–19), представляющее наибольший интерес из всех масковичских граффити.

Остальные масковичские граффити крайне схематичны, однако следует отметить, что все «вероятно вооруженные люди» держат в руках предметы, которые могут быть интерпретированы как мечи.

Наконец, во Владимире была найдена литейная формочка, на которой изображен человек, выпустивший стрелу из лука (*Седова*, 2004. С. 361. Рис. 1, *2*). На его голове, вероятно, показан стожковый шлем (рис. 3, *7*).

На основании анализа рассмотренного материала можно сделать несколько интересных наблюдений. Так, очевидно, что граффити, изображающие всадников, появляются не ранее XII в., что хорошо согласуется с существующими представлениями о распространении тактики конного боя «тяжелой» кавалерии на Руси (*Кирпичников*, 1973. С. 85, 86).

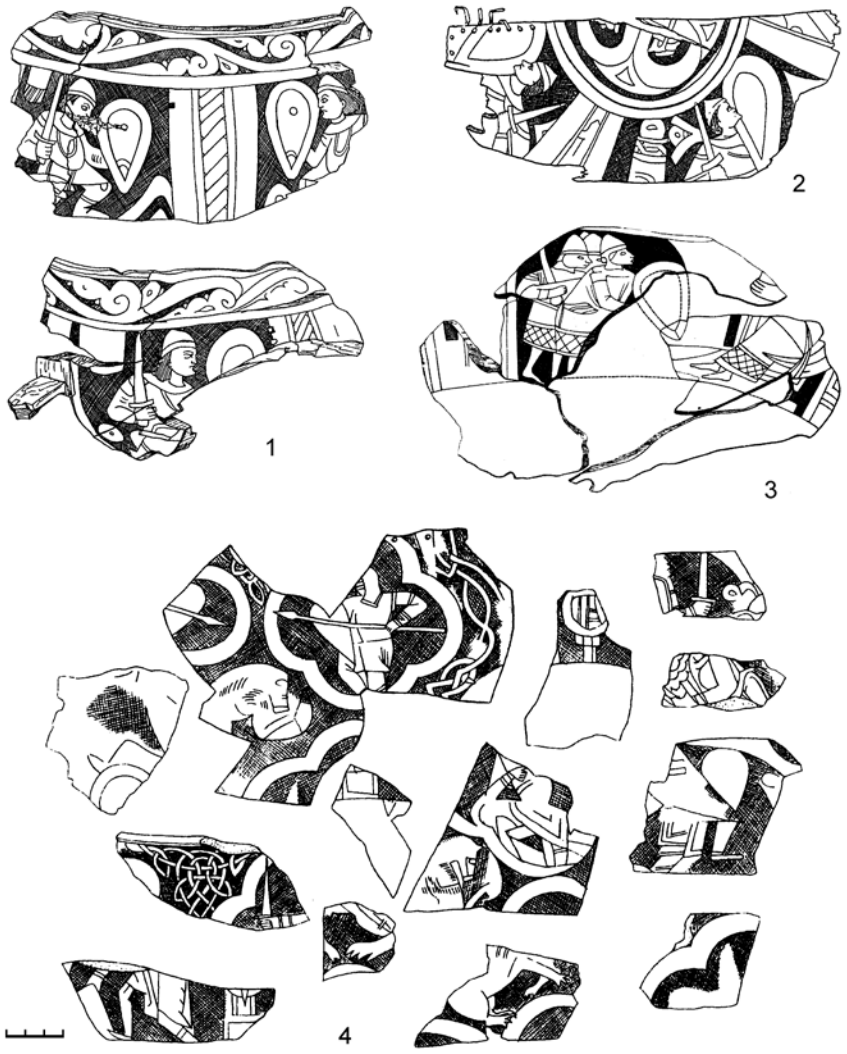


Рис. 7. Деревянные резные чаши с воинскими сценами
1 – Новгород, Троицкий раскоп (по: *Сорокин, Тянина*, 2006. Рис. 3); *2* – Новгород, Неревский раскоп (по: *Сорокин, Тянина*, 2006. Рис. 1); *3* – Ростиславль (по: *Алексеев*, 1980. Рис. 28, *1*); *4* – Чернигов (по: *Моця, Казаков*, 2011. С. 149)

При всем разнообразии и схематизме рисунков нетрудно заметить, что наиболее часто отражаемыми на граффити с изображениями светских воинов предметами являются шлемы (на 14 рисунках из 19), щиты (на 7), мечи (на 6). Остальные элементы вооружения встречаются значительно реже (интерпретация заштриховки туловищ воинов как доспехов может быть только предположительной и потому в данных подсчетах не принимается во внимание). Это позволяет сделать вывод, что именно шлем, щит и меч были основными атрибутами «настоящего» воина в повседневном сознании людей древнерусского времени.

Такое заключение хорошо согласуется с другими категориями иконографических источников, которые не испытали серьезного влияния канонов изображения святых воинов. К числу подобных памятников относятся, в первую очередь, деревянные резные чаши с воинскими сценами (рис. 7). На чашах первой половины XIII в., происходящих из Новгорода (с Неревского и Троицкого раскопов) и Ростиславля (Смоленская обл.), изображены воины в шлемах, со щитами и мечами (*Алексеев*, 1980. С. 182. Рис. 28, *1*; *Сорокин, Тянина*, 1999; 2006. С. 465–470). Воины на чаше XII – первой половины XIII в. из Чернигова, которая сохранилась только в мелких фрагментах, держат в руках небольшие миндалевидные щиты, мечи и копья (*Моця, Казаков*, 2011. С. 149). Судить о наличии или отсутствии шлемов на их головах не представляется возможным из-за плохой сохранности фрагментов.

Таким образом, краткий обзор древнерусских воинских граффити позволяет считать их ценным источником по истории военной техники XI–XIII вв. Более детальные заключения могут быть сделаны после создания полноценного каталога всех известных древнерусских граффити.

Литература

Алексеев Л.В., 1980. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.

Арциховский А.В., Борковский В.И., 1963. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М.

Васильев Б.Г., 2001. Рисунки-граффити церквей XII в. в Старой Ладоге // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород. Вып. 15.

Высоцкий С.А., 1966. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев. Вып. I.

Высоцкий С.А., 1976. Средневековые надписи Софии Киевской: По материалам граффити XI–XVII вв. Киев.

Высоцкий С.А., 1985. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев.

Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К., 1981. Классификация и интерпретация граффити на восточных монетах (коллекция Эрмитажа) // Тр. ГЭ. Т. XXI. Нумизматика. 5. Л.

Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К., 1991. Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л.

Дубов В.И., 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л.

Дучыц Л.У., 1991. Браслаўскае Паазер'е ў IX–XIV стст.: Гісторыка-археалагічны нарыс. Мінск.

Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36.

Лабутина И.К., 1975. Раскопки в Пскове // АО 1974 г.

Лысенко П.Ф., 1985. Берестье. Минск.

Мельникова Е.А., 2001. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации: Тексты, перевод, комментарий. М.

Моця О., Казаков А., 2011. Давньоруський Чернігів. Київ.

Мусин А.Е., 1999. Меч и крест: Новое религиозное сознание Древней Руси по данным археологии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.

Мусин А.Е., 2005. Milites Christi Древней Руси: Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб.

Никитина Ю.И., 1990. Рисунки-граффити из Софии Новгородской // СА. № 3.

Плавінскі М.А., 2011. Старажытнарускія графіці з тэрыторыі Беларусі як крыніцы па гісторыі ўзбраення // Беларускі гістарычны часопіс. № 9.

Петерсен Я., 2005. Норвежские мечи эпохи викингов: Типохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб.

Разина Н.А., 2007. Изобразительные граффити на стенах новгородских храмов XI–XIV вв. // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Новгород.

Рождественская Т.В., 1997. Средневековые рисунки-граффити на стенах двух храмов Новгорода // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии: Памяти В.Д. Белецкого. СПб; Псков. Т. II.

Рыбина Е.А., 1998. Рисунки средневековых новгородцев (по археологическим материалам) // Историческая археология: Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М.
Седова М.В., 2004. Рисунки на камнях из Владимира и Суздаля // АИППЗ. 50.
Селицкий А.А., 1992. Живопись Полоцкой земли XII–XIII вв. Минск.
Сорокин А.Н., Тянина Е.А., 1999. Древнерусские деревянные сосуды с изображениями воинов // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород.
Сорокин А.Н., Тянина Е.А., 2006. Из истории древнерусской воинской культуры // Świat Słowian wczesnego średniowiecza. Szczecin; Wrocław.
Янин В.Л., 1975. Я послал тебе бересту… Изд. 2-е, испр. и доп. новыми находками. М.

В.А. Плавинский

Ланцетовидные наконечники стрел с территории Беларуси

V.A. Plavinsky. Lance-type arrowheads from Belarus'

Abstract. Lance-type arrowheads are one of the most representative types of arrows. For the years of research on the territory of Belarus' the collection of more than a hundred finds of four types of lance-type arrowheads was formed. Dissemination of such tips received little attention in the existing literature, so this is the first attempt of systematization of the available material. Most arrowheads came to the sites cultural layers in the period of the 10th – first half of the 11th cc. as the result of military activity of druzhinas (squads), which embraced persons from northern Europe. As a result of intercultural contacts these arrowheads could have been copied by local warriors, as evidenced by some of the hybrid forms of arrows.

Ключевые слова: ланцетовидные наконечники стрел, дружинная культура, Беларусь.

В комплексе предметов вооружения североевропейского происхождения с территории Беларуси наиболее широко представлены наконечники стрел ланцетовидной формы, до недавнего времени не становившиеся предметом отдельного исследования. В контексте публикаций материалов памятников особое внимание уделено находкам наконечников из Прудников (*Шадыро, Ласкавый*, 1994. С. 217–225), Лукомля (*Еремеев, Штыхов*, 2007. С. 110–135), Кульбачино (*Пивоварчик*, 1994. С. 190–202). Металлографический анализ 2 стрел был проведен М.Ф. Гуриным (1987. С. 74, 75; *Гурын*, 1996. С. 100. Мал. 1, *8*). Часть наконечников с территории Беларуси попала в картографический каталог ланцетовидных стрел с территории Древней Руси С.Ю. Каинова (1999. Рис. 7). В последнее время к находкам подобных стрел обращался С.Д. Дернович. В его каталог североевропейских древностей с территории Беларуси включены 57 наконечников (*Дернович*, 2006. С. 58–60). Предлагаемая статья имеет целью обобщить известные находки.

Всего на данный момент известно не менее 99 находок ланцетовидных наконечников стрел. Часть из них публиковалась в разное время, часть до сих пор не введена в научный оборот. Для начала рассмотрим типологическую принадлежность артефактов. В соответствии с классической типологией А.Ф. Медведева (1966), к ланцетовидным наконечникам можно отнести четыре типа – 62 (входящий в отдел плоских наконечников) и типы 75, 77, 78 (входящие в отдел граненых наконечников).

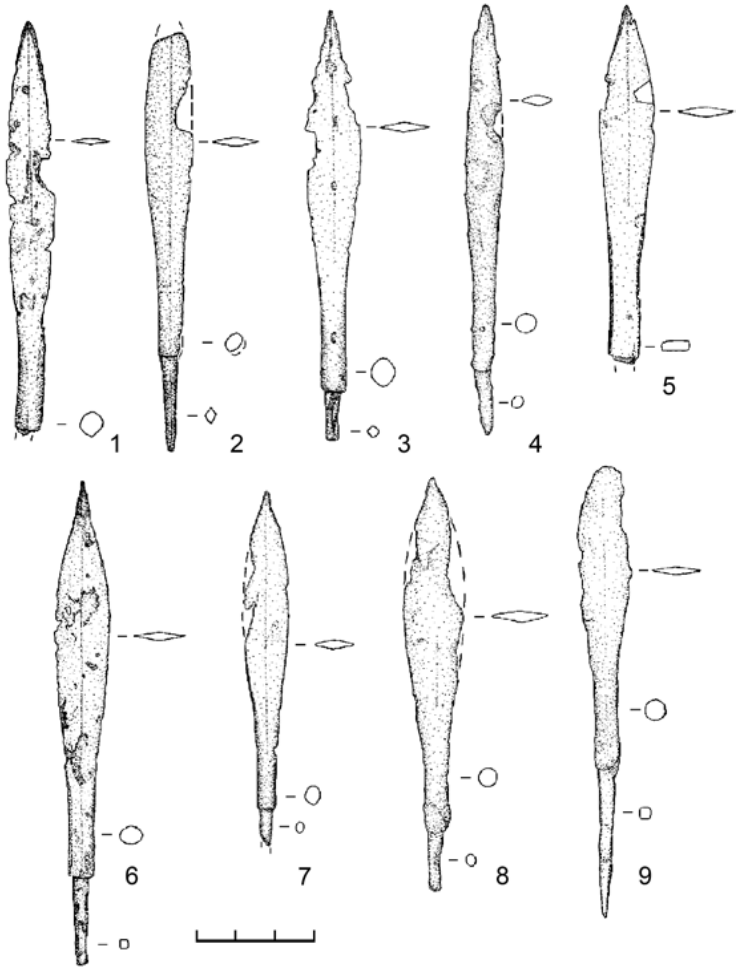


Рис. 3. Ланцетовидные наконечники стрел типа 62
из археологического комплекса Прудники (рисунок Н.А. Плавинского)

Тип 62. Ланцетовидные плоские (79 экз.; рис. 1; 2; 3). Выделяются два варианта типа, отличающиеся между собой наличием упора (*Медведев*, 1966. С. 73). К первому варианту относится всего один наконечник с территории Беларуси (рис. 1, *1*), найденный во время раскопок Г.В. Штыхова на Верхнем Замке в Полоцке в 1965 г. (*Штыхов*, 1975. Рис. 30, *1*). Все остальные наконечники относятся ко второму варианту.

Наибольшее количество наконечников типа 62:2 найдено на территории Белорусского Подвинья. Два экземпляра происходят с территории Нижнего Замка в Витебске (*Штыхов*, 1978. Рис. 45, *5*; *Еремеев, Дзюба*, 2010. Рис. 385, *5*). Два наконечника найдены в слоях городища Кастрица Лепельского р-на Витебской обл. (*Штыхов*, 1966. Рис. 34, *5*). Один из них сохранился в виде фрагмента пера длиной 59 мм. Вероятно, в целом виде длина наконечника составляла примерно 110 мм.

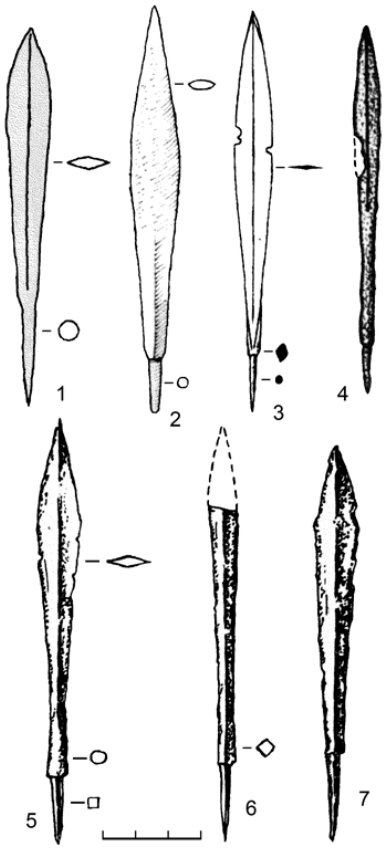


Рис. 1. Ланцетовидные наконечники стрел типа 62 с территории Беларуси
1 – Полоцк, Верхний Замок (*Штыхов*, 1975. Рис. 30, *1*); *2, 3* – Витебск, Нижний Замок (*Штыхов*, 1978. Рис. 45, *5*; *Еремеев, Дзюба*, 2010. Рис. 385, *5*); *4* – городище Франополь (*Іоў*, 2011. Мал. 1, *6*); *5–7* – городище Кульбачино (*Пивоварчик*, 1991. С. 31)

Напластования городища содержат материалы от днепро-двинской культуры до древнерусской эпохи.

Наиболее интересны и многочисленны наконечники стрел, происходящие из археологических комплексов Лукомль Чашницкого р-на и Прудники Миорского р-на Витебской обл.

В напластованиях Лукомля найдено 13 плоских ланцетовидных стрел (рис. 2). Часть из них происходит из раскопов, затронувших оборонительные сооружения городища. Из 13 стрел 11 имеют значимые деформации пера и черешка, вероятно полученные в результате использования их по назначению либо иного контакта с твердой поверхностью (*Еремеев, Штыхов*, 2007. С. 111).

Самая значительная коллекция стрел типа 62:2 происходит из напластований археологического комплекса Прудники – 30 (*Шадыро*, 1984. Рис. 9; 1986. Рис. 17, *4, 10*; 1988. Рис. 34, *1–4*; 1989. Рис. 23, *2–5*; 1990. Рис. 21, *4, 6, 7*; 1991. Рис. 25, *2, 3*; 1992. Рис. 22, *2, 3*; 1998. Рис. 12, *2*; *Шадыра*, 1994. Рис. 14, *6, 7*). Наконечники имеют следующие размеры: общая длина – 80–125 мм, длина пера – 60–90 мм, ширина пера – 8–15 мм, длина черешка – 12–25 мм (рис. 3). При этом длина абсолютного большинства рассматриваемых стрел превосходит 90 мм, только 5 экземпляров короче. 22 наконечника происходят с городища, 8 – с селища. Металлографический анализ одной стрелы был сделан М.Ф. Гуриным. Наконечник произведен из кричного железа с небольшим количеством углерода (*Гурин*, 1997. С. 74).

Ланцетовидным наконечником типа 62:2 принято считать в литературе экземпляр с селища Свила 1 Глубокского р-на Витебской обл. (*Мітрафанаў, Карубушкіна*, 1975. Мал. 1, *3*). Наконечник найден в заполнении хозяйственной ямы, содержавшей лепную керамику (вероятно, фрагменты одного сосуда).

С территории городища Кульбачино Щучинского р-на Гродненской обл. происходят 13 стрел (рис. 1, *5, 7*). Их длина – 117–142 мм, длина пера – 90–122 мм, набольшая ширина пера – 14 мм, длина черешка – 19–25 мм. Найдены они в слоях второй половины X – начала XI в. Среди синхронных предметов вооружения на городище отмечены 2 копья типа Е, по Петерсену (*Пивоварчик*, 1991. Рис. 1, *5–7*; 1992. С. 12; 1994. С. 190). Кроме ланцетовидных стрел найдены 3 наконечни-

ка типа 41 X–XI вв., а также около 10 наконечников стрел разных типов X–XIII вв.

Шесть наконечников найдены на городище Муравельник в Волковыске, в слоях конца X – начала XI в. Длина их 98–114 мм, длина пера – 74–97 мм, ширина пера – 14–17 мм (*Зверуго*, 1975. С. 108). В 150 км к северу от городища Муравельник во время раскопок 1969 г. под руководством Я.Г. Зверуги был исследован курган, находившийся на территории частного хутора. В кургане выявлено погребение по обряду ингумации. В культурном слое под насыпью найдено несколько железных предметов, среди которых серп X–XI вв., 2 двушипных стрелы типа 2 X–XI вв. и ланцетовидный наконечник типа 62:2 (*Звяруга*, 2006. С. 212).

В материалах, опубликованных Ф.Д. Гуревич, насчитываются 7 наконечников из Новогрудка. 5 из них найдены на территории Малого Замка. Длина – 9–11 см (*Гурэвіч*, 2003. С. 169).

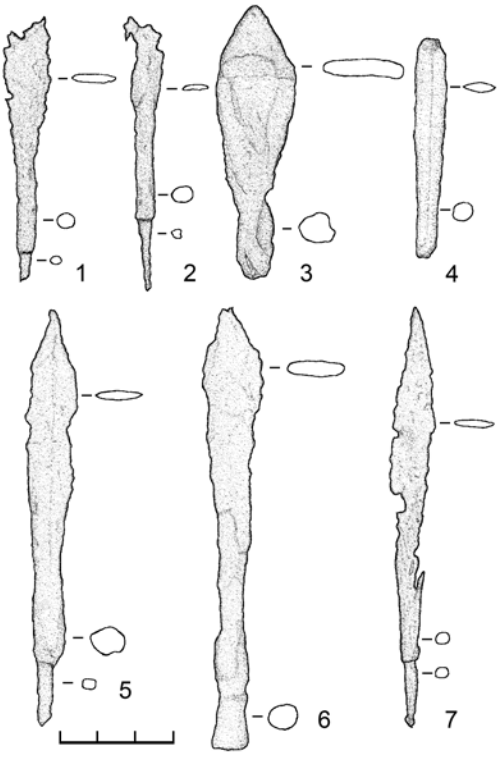


Рис. 2. Ланцетовидные наконечники стрел типа 62 из археологического комплекса Лукомль (рисунок автора)

Несколько стрел найдены на юге современной территории Беларуси. Два наконечника происходят из культурного слоя городища Кимбаровка в Мозыре. Один найден в 1982 г. в раскопе 2, в заполнении постройки 3 в юго-западной части городища, рядом с валом. Также в заполнении постройки – фрагменты лепной и круговой керамики, глиняные и шиферные пряслица, наконечник стрелы типа 41:1 (*Залашко, Булкин*, 1983. С. 388, 389). Ланцетовидный наконечник погнут по границе пера и шейки, вероятно, в результате использования его по назначению. Второй наконечник найден в 2005 г. в раскопе 5, в заполнении постройки 4 у подножия вала. В комплексе с ним – фрагменты лепной и круговой керамики (*Колосовский*, 2005. С. 11).

Один наконечник происходит из раскопок О.В. Иова на городище Франополь Брестского р-на (*Іоў*, 2011. Мал. 1, *6*).

Тип 75. Ланцетовидные треугольного сечения (10 экз.; рис. 4, *1–5*). Выделяются два варианта типа: 1 – без валика на шейке, 2 – с валиком (*Медведев*, 1966. С. 78, 79).

К первому варианту относятся 7 экземпляров. Три из них происходят с городища Лукомль, все три деформированы (рис. 4, *1–3*). Один наконечник найден в Полоцке, на селище около Красного моста – так называемом «селище на Полоте», ранние слои которого датируются X в. (*Плавінскі, Штыхаў*, 2006. С. 70). Кроме

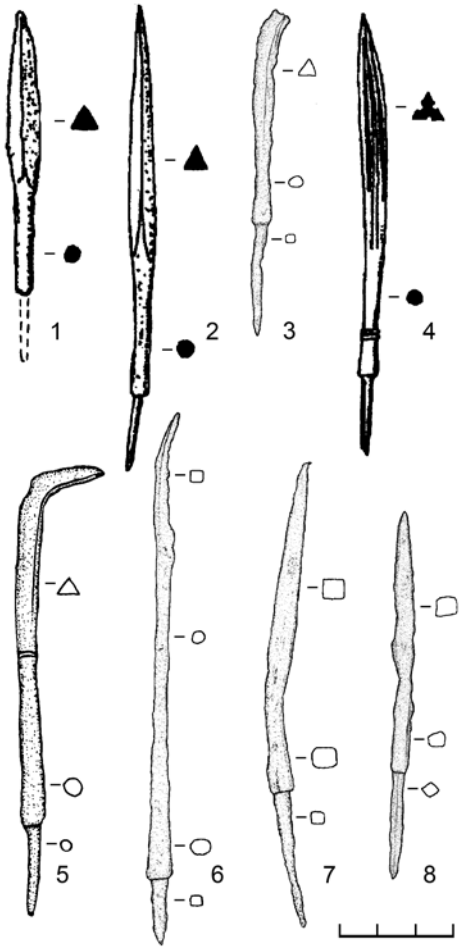


Рис. 4. Ланцетовидные наконечники стрел типов 75 (*1–5*) и 77 (*6–8*)

1, 2, 4 – археологический комплекс Лукомль (*Еремеев, Штыхов*, 2007. Рис. 14:3, *11–14*); *5* – городище Кимбаровка; *6–7* – археологический комплекс Прудники; *8* – городище Лукомль

лепной керамики в слоях селища интерес вызывает наконечник стрелы типа 46, по А.Ф. Медведеву. Также 3 экземпляра найдены в одной точке на городище Прудники (*Шадыро*, 1998. Рис. 38, *2, 4*). Все три чрезвычайно плохой сохранности, черешки наконечников не сохранились. Длина пера – 71, 81, 92 мм, ширина – 8, 7, 9 мм соответственно.

Три наконечника имеют валик на шейке. Один из них найден на городище в Лукомле, острие его погнуто в результате удара о твердую поверхность. Один наконечник происходит из постройки 2 раскопа 1 1982 г. на городище Кимбаровка (рис. 4, *5*). Постройка размещалась рядом с частоколом у подножия вала. Также в заполнении постройки обнаружены 175 лепных и 115 круговых фрагментов керамики, половина дирхема (монетный двор аль-Мухаммедия, 798–799 гг.), подковообразная фибула и др. (*Колосовский*, 2005. С. 10). Острие стрелы сильно погнуто, вероятно, в результате удара о твердую поверхность. Наконечник был подвергнут металлографическому анализу М.Ф. Гуриным. В результате установлено, что стрела сделана из нескольких слоев низкоуглеродистой стали и железа (*Гурын*, 1996. С. 100. Мал. 1, *8*).

Один наконечник найден на городище Лукомль. Один – на городище Кульбачино (*Пивоварчик*, 1994. С. 195). Его длина – 75 мм, длина головки – 58 мм, ширина головки – 6 мм.

Тип 77. Ланцетовидные квадратного сечения (8 экз.; рис. 4, *6–8*). А.Ф. Медведев выделил три варианта типа: 1 – с длинной боевой головкой и коротким черешком, 2 – без упора для черешка, 3 – с длинным черешком, поздняя разновидность (*Медведев*, 1966. С. 79).

На территории Беларуси найдено 8 стрел типа 77, относящихся к первому варианту. Один экземпляр происходит из постройки 1 раскопа 1 1982 г. на городище Кимбаровка. Постройка размещалась рядом с частоколом у подножия вала (*Залашко, Булкин*, 1985. С. 388). Наконечник деформирован в результате применения.

Еще один экземпляр найден на территории детинца Гомеля в заполнении рва № 1. Среди прочих находок – несколько наконечников стрел X–XII вв., а также ран-

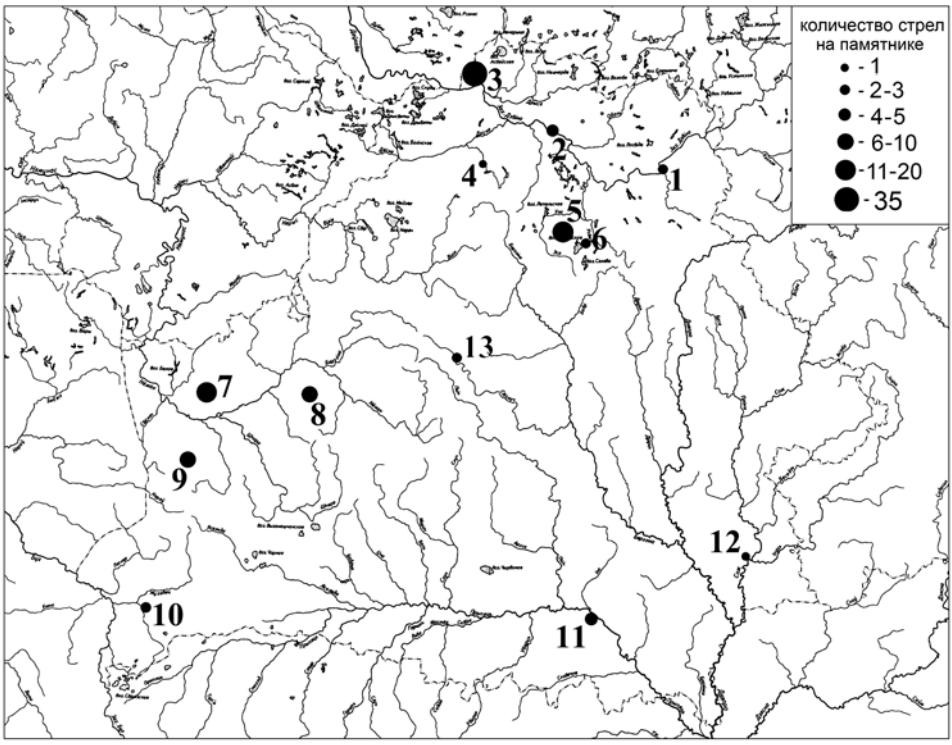


Рис. 5. Распространение ланцетовидных стрел на территории Беларуси
1 – Витебск, Нижний Замок; *2* – Полоцк; *3* – археологический комплекс Прудники; *4* – городище Свила 1; *5* – археологический комплекс Лукомль; *6* – городище Кастрица; *7* – городище Кульбачино; *8* – Новогрудок; *9* – Волковыск, городище Муравельник; *10* – городище Франополь; *11* – городище Кимбаровка; *12* – Гомель; *13* – Минск, Замчище

некруговая керамика X–XI вв. (*Макушников*, 1993. С. 166). Ланцетовидная стрела сильно деформирована, имеет погнутость, а также облом острия, вероятней всего, в результате его использования.

Три стрелы типа 77:1, найденные при раскопках на Малом Замке в Новогрудке, упоминаются в публикациях Ф.Д. Гуревич (2003. С. 170).

В напластованиях городища Прудники найдены 2 наконечника, оба имеют свои особенности (рис. 4, *6, 7*). Длина первого – 132 мм, что значительно больше обычного. Длина второго – 115 мм, при этом черешок его – длиной 37 мм, что соответствует наконечникам третьего варианта, по А.Ф. Медведеву. Но с учетом ряда обстоятельств этот наконечник отнесем также к первому, раннему варианту типа 77.

Один экземпляр найден на городище Лукомль (*Еремеев, Штыхов*, 2007. Рис. 14, *15*).

Тип 78. Ланцетовидные ромбического сечения (2 экз.). По пропорциям пера А.Ф. Медведев выделил два варианта типа (*Медведев*, 1996. С. 80). На территории Беларуси найдены два экземпляра, относящиеся к первой, ранней разновидности. Один из них найден в Минске, в прослойке наносного речного песка (*Заяц*, 1996. Рис. 27, *19*), второй – на селище у Красного моста в Полоцке (*Плавінскі, Штыхаў*, 2006. С. 70)

Существует множество мнений о происхождении и путях распространения тех или иных вариантов ланцетовидных стрел. Работа по их обобщению была проделана С.Ю. Каиновым (1999. С. 49–62). На данный момент можно утверждать, что большинство ланцетовидных наконечников стрел IX – начала XI в., найденных на территории Древней Руси, имеют североевропейские корни.

Типология ланцетовидных наконечников из Швеции была разработана Э. Вегре и дополнена П. Линдбамом (*Wegreus*, 1986; *Lindbom*, 1994). Ими были выделены следующие типы.

Тип A. Ланцетовидные плоские (соответствует типу 62, по А.Ф. Медведеву). Делятся на два варианта: A1 – с узким пером и шейкой короче пера, и A2 – с шейкой длиннее пера. Вариант A1 делится на два подварианта: AS1 – узкий и легкий, и AJ1 – широкий и тяжелый. Наконечники AS1 использовались в боевых условиях, AJ1, так же как и A2, – на охоте.

Из всех наконечников типа A с территории Беларуси только один экземпляр из Прудников можно точно отнести к подтипу AJ1. Одна стрела из Новогрудка и одна из Лукомля относятся к типу A2 (*Гурэвіч*, 2003. Мал. 65, *10*; *Еремеев, Штыхов*, 2007. Рис. 14-3, *16*). Все остальные плоские ланцеты относятся к подтипу AJ1.

Тип D. Ланцетовидные граненые (соответствует типам 75, 77, 78, по А.Ф. Медведеву). Тип исключительно боевых наконечников. Делится на варианты D1 – граненые трехгранные, и D2 – граненые квадратные.

Существует относительно устоявшаяся хронология типов рассматриваемых наконечников стрел. А.Ф. Медведев датировал тип 62 IX–X вв., тип 75 – X в., 77:1 – X–XI вв., 78:1 – IX–X вв. (*Медведев*, 1966. С. 73, 74, 78–80).

Находки из Скандинавии датируются следующим образом: тип A1 – IX–X вв., A2, D1 – X – первой половиной XI в., D2 – второй половиной X – первой половиной XI в. (*Wegreus*, 1986. S. 32).

На территории Древней Руси ланцетовидные наконечники появляются в IX в. и широко распространяются в X в., изредка встречаются в XI в. Поздние экземпляры ланцетовидных стрел отличаются укороченным пером и удлиненным черешком, что связано с приспособлением их для стрельбы из сложного лука (*Каинов*, 1999. С. 55). Среди находок с территории Беларуси классических поздних ланцетов нет.

В соответствии с подсчетами С.Ю. Каинова, на территории Древней Руси найдено 360 ланцетовидных наконечников в 52 пунктах (*Каинов*, 1999. С. 59). С территории Беларуси в каталог С.Ю. Каинова попало около 70 единиц из 7 пунктов. На данный момент можно говорить о 99 стрелах из 14 пунктов (безусловно, учитывая некоторые неопубликованные материалы, а также предметы, имеющиеся в коллекциях «черных археологов», количество которых возрастет). Учитывая топографию находок, заметим, что широкого распространения ланцетовидные стрелы на территории Беларуси не имели (рис. 5).

Обращаясь к топографии, можно отметить, что находки ланцетовидных стрел на территории Беларуси маркируют основные военно-торговые пути X–XI вв.

Можно выделить два региона, где найдено более всего ланцетовидных наконечников, – Белорусское Подвинье и Понеманье.

Из 61 наконечника из Подвинья 52 происходят с территории всего двух археологических комплексов – Лукомль и Прудники.

Археологический комплекс Прудники Миорского р-на Витебской обл. находится на белорусско-латвийском пограничье, на левом берегу р. Вята, за 1,5 км от Западной Двины. Комплекс состоит из городища, которое функционировало с V по XVII в., и селища V – начала XI в.

Общее количество найденных в Прудниках ланцетовидных стрел – 35. Из экземпляров с городища, место находки которых точно зафиксировано, 12 наконечников происходят из раскопов, затронувших конструкции вала на северо-восточном склоне городища. 5 стрел найдены в раскопе 1983 г., в слое со следами сильного пожара, там, где, возможно, находились жилые постройки. 8 наконечников найдены в слоях селища.

26 стрел (70% коллекции) имеют следы непосредственного использования, соприкосновения с твердой поверхностью. На нескольких имеются следы пребывания в огне. При этом из 8 ланцетовидных наконечников, найденных на селище, перо и черешок сильно деформированы у 4. Из 11 стрел, найденных в раскопах, затронувших конструкции вала, деформировано 9 экземпляров. Учитывая планиграфию и морфологию артефактов, можно предположить, что абсолютное большинство ланцетовидных стрел попало в культурный слой городища в результате военного нападения.

По внешним признакам (присутствие рядом с плоскими стрелами граненых наконечников классических пропорций) можно отнести коллекцию ко второй половине X – началу XI в.

В X–XI вв. в регионе Браславского Поозерья происходят значительные изменения. В курганах КСПДК появляются погребения по обряду ингумации с оружием древнерусских и североевропейских типов. Связаны эти изменения с продвижением Полоцкого княжества в регион запада Белорусского Подвинья. В это же время, в конце X – начале XI в., на городище и селище Прудники в балтские традиции материальной культуры проникают традиции древнерусские. Находки оружия дальнего боя свидетельствуют о том, что на протяжении столетий городище Прудники подвергалось нападениям неоднократно. Стрелы других типов второй половины X – первой половины XI в. немногочисленны. Можно констатировать, что примерно в то же время, когда древнерусские традиции проникают в материальную культуру Прудников (вторая половина X – первая половина XI в.), на городище совершает нападение дружина, в которой присутствовали выходцы из Северной Европы.

Ланцетовидные стрелы из Лукомля опубликованы И.И. Еремеевым и Г.В. Штыховым, поэтому не будем подробно на них останавливаться. В слоях городища отчетливо прослеживается разрушительный пожар конца X в., ставший результатом военного нападения. Вследствие этого нападения ланцетовидные стрелы попали в культурный слой комплекса. 14 из 16 наконечников значительно деформированы. Иного вооружения в материалах городища не прослеживается.

Ланцетовидные наконечники в Верхнем Понеманье обнаружены в Волковыске и Новогрудке – крупнейших центрах региона, а также на городище Кульбачино. Городище Кульбачино Щучинского р-на Гродненской обл. было основано в X в. как крепость – опорный пункт колонизации правобережья Немана. 13 ланцетовидных наконечников стрел, 2 наконечника копий типа E, по типологии Я. Петерсена, десяток иных наконечников стрел с ромбическим пером X–XI вв. свидетельствуют о

той военной роли, которую играло поселение, а также о присутствии на нем носителей североевропейских военных традиций.

Единичны находки ланцетовидных наконечников на юге современной территории Беларуси. Городище Франополь находится в Брестском р-не на р. Рита. Оно имеет округлую форму (диаметр 30 м) и окружено валом высотой от 1,5 до 2,5 м. Кроме керамики в слоях найдено значительное количество предметов вооружения: наконечники копий, топоры, наконечник ножен меча рубежа X–XI вв. Городище возникло в 950–1000 гг. и, судя по масштабным следам пожарища, было разрушено в результате одного нападения на рубеже X–XI вв. (*Кулаков, Иов*, 2001. С. 80, 81). Также в слоях городища присутствуют различные наконечники стрел X–XI вв. 4 наконечника происходят из заполнения построек городища Кимбаровка в г. Мозыре. Г.М. Залашко и В.В. Булкин, исследовавшие городище, датировали его слои VIII – началом XI в. (*Залашко, Булкин*, 1982. С. 389). Три ланцетовидных наконечника сильно деформированы в результате использования по назначению. Обращает на себя внимание присутствие в слое ряда наконечников стрел различных типов X–XI вв. Поселение было крупным торгово-ремесленным центром, в жизни которого принимали участие выходцы из Северной Европы (*Колосовский*, 2005. С. 12). Присутствие в заполнении построек, находящихся рядом с валом, большого количества наконечников стрел, часть из которых сильно деформированы, свидетельствует о возможном нападении на городище.

Обращает на себя внимание состав коллекций наконечников стрел с памятников, на которых найдены интересующие нас ланцетовидные стрелы. Так, в раскопах Гомеля и Франополя, где ланцетовидные экземпляры единичны, найдено более десятка ромбовидных стрел конца X – начала XI в. В Кимбаровке те и другие встречены примерно в равном количестве. В напластованиях городища Муравельник в Волковыске и Малого Замка в Новогрудке количество ланцетовидных стрел не превышает 15% от общего числа наконечников X–XI вв. На городище Кульбачино ланцетовидных стрел на несколько единиц больше, чем иных синхронных наконечников. Все приведенные факты еще раз свидетельствуют о том, что широкого распространения в рассматриваемом регионе интересующие нас типы стрел не имели. Вероятно, большинство ланцетовидных стрел попали в культурные напластования памятников на территории Беларуси вследствие событий второй половины X – начала XI в., связанных со становлением границ древнерусского государства. Можно предположить, что в этих событиях принимали участие выходцы из Северной Европы или носители североевропейских военных традиций.

То, что большинство имеющихся в нашем распоряжении ланцетовидных стрел с территории Беларуси найдено в Белорусском Подвинье, неудивительно. В середине X – начале XI в. начинается активное использование водных артерий Западнодвинского пути. Этот период связан с усилением в регионе роли Полоцка. Наличие ланцетовидных наконечников стрел, а также иных предметов вооружения североевропейского происхождения, свидетельствует об участии в этом процессе выходцев из Северной Европы. Однако немногочисленность находок предметов вооружения ближнего боя североевропейских типов позволяет предполагать, что территория Полоцкой земли являлась одним из регионов Восточной Европы, слабо насыщенных в X–XI вв. оружием скандинавского происхождения (*Плавинский*, 2008. С. 218). Причины этого явления следует, вероятно, искать в особенностях

исторического развития региона. На фоне единичных находок ланцетовидных наконечников стрел в комплексах с большим количеством других стрел X–XI в. выделяются археологические комплексы Лукомль и Прудники. Особенно интересны Прудники, где найдена треть всех известных на территории Беларуси ланцетовидных наконечников. Вероятно, наконечники эти попали в напластования памятника в результате нападения, которое имело место в период продвижения интересов Полоцкого княжества в регион Браславского Поозерья. Следует отметить, что на городище «Замок», находящемся в Дрисвятах (Браславское Поозерье), также имеются следы значительного разрушения конца X – начала XI в. Однако в напластованиях памятника, содержащих три десятка наконечников этого периода, не найдено ни одной ланцетовидной стрелы (*Семенчук*, 2001. С. 301).

Таблица 1. Общее количество ланцетовидных наконечников стрел различных типов, найденных на территории Беларуси

Комплекс	Тип					
	62		75		77:1	78
	62:1	62:2	75:1	75:2		
Полоцк, Верхний Замок	1					
Витебск, Нижний Замок		2				
Волковыск, городище Муравельник		6				
Городище Кастрица		2				
Городище Кимбаровка		2		1	1	
Городище Кульбачино		13		1		
Лукомль, селище 1		12	1			
Лукомль, городище		1	2	1	1	
Новогрудок, Малый Замок		7			3	
Прудники, городище		22	3		2	
Прудники, селище		8				1
Городище Свила 1		1				
Городище Франополь		1	1			
Полоцк, селище						
Гомель, детинец					1	
Минск, Замчище						1

Таким образом, имеющиеся материалы (табл. 1) позволяют предположить, что местные воины не использовали широко ланцетовидные наконечники. Поздних форм рассматриваемых типов стрел – с длинным черешком и укороченным пером – в памятниках региона не отмечено. Нет оснований говорить о местном производстве ланцетовидных стрел. Гибридным типом можно считать ланцетовидные наконечники типа 78, которые встречаются на восточноевропейских памятниках, однако отсутствуют в Скандинавии (на территории Беларуси выявлено 2 подобных наконечника). Возможно, позднейшими гибридами являются некоторые стрелы типа 63 с длинными черешками, которые встречаются в большом количестве в слоях XI–XIII вв. (однако это тема для иного исследования). Абсолютное большинство ланцетовидных стрел попали в напластования памятников на территории Беларуси в результате их применения по назначению, вследствие военных нападений, связанных с событиями X – начала XI в.

Литература

Гурин М.Ф., 1987. Кузнечное ремесло Полоцкой земли. IX–XIII вв. Минск.

Гурын М.Ф., 1996. Металаграфічнае вывучэнне кавальскіх вырабаў з Мазыра і Рэчыцы // ГАЗ. Мінск. № 7.

Гурэвіч Ф.Д., 2003. Летапісны Навагрудак. СПб.; Навагрудак.

Дзерновіч С. Дз., 2002. Вікінгі на Усходзе: Каталог. Мінск.

Еремеев И.И., Штыхов Г.А., 2007. Древний Лукомль: Лепная керамика и раннесредневековый культурный слой // Acta Archaeologica Albaruthenica. Минск. Vol. 1.

Еремеев И.И., Дзюба О.Ф., 2010. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб.

Залашко Г.М., Булкин В.А., 1985. Городище Кимбаровка // АО 1983 г.

Заяц Ю.А., 1996. Оборонительные сооружения Менска XI–XIII вв. Минск.

Зверуго Я.Г., 1975. Древний Волковыск. Минск.

Звяруга Я.Г., 2006. Раскопкі курганоў у вярхоўях Росі і Зэльвянкі // ГАЗ. № 22.

Іоў А.В., 2001. Кімбараўка //Археалогія Беларусі: Энцыклапедыя. У 2 т. Мінск. Т. 2: Л–Я.

Каинов С.Ю., 1999. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнёздова // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.

Колосовский Ю.В., 2005. Средневековый город // Мазыр: гісторыя і сучаснасць. Мінск.

Кулаков В.И., Иов О.В., 2001. Наконечники ножен меча из кургана 174 могильника Кауп и с городища Франополь // КСИА. Вып. 211.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36.

Мітрафанаў А.Р., Карубушкіна Т.М., 1975. Археалагічны помнік расказвае // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск. № 4.

Пивоварчик С.А., 1991. Отчет о проведении работ на городищах Белорусского Понемонья в 1990 г. // Архив Института истории НАН Беларуси. Д. 1247.

Пивоварчик С.А., 1992. Отчет о полевых исследованиях на городищах Белорусского понемонья в 1991 г. // Архив Института истории НАН Беларуси. Д. 1396.

Пивоварчик С.А., 1994. Вооружение и снаряжение всадников из Понеманских городищ (X–XIII вв.) // ГАЗ. № 3.

Плавінскі М.А., Штыхаў Г.В., 2006. Ляпная кераміка полацкага селішча // ГАЗ. № 21.

Плавинский Н.А., 2008. Оружие североевропейских типов в комплексе вооружения Полоцкой земли X–XI вв. Минск.

Семенчук Г.Н., 2001. Раннесредневековый археологический комплекс Дрисвяты // Lietuvos archeologija. Vilnius. 21.

Шадыра В.І., 1994. Справаздача аб раскопках гарадзішча «Замак» каля в. Пруднікі Міёрскага р-на Віцебской вобл. // Архив Института истории НАН Беларуси. Д. 1484.

Шадыро В.И., *1984.* Раскопки городища «Замок» близ д. Прудники Миорского района в 1983 г. // Архив Института истории НАН Беларуси. Д. 893.

Шадыро В.И., 1987. Отчет о раскопках селища и городища близ д. Прудники Миорского района Витебской области (зона затопления Даугавпилской ГЭС) в 1986 году // Архив Института истории НАН Беларуси. Д. 951.

Шадыро В.И., 1988. Отчет о раскопках городища и селища близ д. Прудники Миорского р-на в 1987 г. // Архив Института истории НАН Беларуси. Д. 1013.

Шадыро В.И., 1989. Отчет о полевых исследованиях в Городокском и Миорском районах Витебской области в 1988 г. // Архив Института истории НАН Беларуси. Д. 1090.

Шадыро В.И., 1990. Отчет о полевых исследованиях в Миорском и Глубокском р-нах Витебской обл. в 1989 году // Архив Института истории НАН Беларуси. Д. 1138.

Шадыро В.И., 1991. Отчет о раскопках в Глубокском, Миорском и Браславском р-нах Витебской обл. в 1990 г. // Архив Института истории НАН Беларуси. Д. 1206.

Шадыро В.И., 1998. Отчет о раскопках селища близ д. Прудники Миорского р-на Витебской обл. в 1997 г. // Архив Института истории НАН Беларуси. Д. 1717.

Шадыро В.И., 1999. Отчет об исследованиях городища и селища Прудники Миорского района Витебской области в 1988 г. // Архив Института истории НАН Беларуси. Д.1752.

Штыхов Г.В., 1975. Древний Полоцк (IX–XIII вв.) Минск.

Штыхов Г.В., 1978. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск.

Штыхов Г.В., 1966. Отчет об археологических исследованиях в Витебской области и Логойске в 1965 г. // Архив Института истории НАН Беларуси. Д. 295.
Kazakevičius V., 2004. Geležies amažiaus strėlės Lietuvoje II–XII/XIII a. Vilnius.
Lindbom P., 1994. Pilspetsarna fran Valsgärde 13 // Tor. Uppsala. 27.
Wegraeus E., 1986. Die Pfeilspitzen von Birka // Birka II: 2. Stockholm.

А.А. Александров

Первые упоминания славян в поздних римских источниках

A.A. Aleksandrov. The first mentions of Slavs in the late roman source

Abstract. The article gives the mentions of Slavs in the late antique sources: Elegies of the Roman poet Sextus Propertius (I century AD), "Germany" by Tacitus (98 AD), Titulatura of the Emperor Volusianus (251–253 AD), "Getika" by Iordanes (VI century AD), "Barbarous tribes which extended under Emperors" (III–IV centuries AD), Tabula Peutingeriana (III–IV centuries AD), Hippolitus the Roman's "Chronicle" (III century AD), a devotion inscription from Chersonesus (270 AD), an inscription on an amphora from Tanais (III–IV centuries AD), "Answers" by Pseudo-Cesarius (VI c. AD), Claudius Ptolemaeus's "Geography"(II c. AD), the Roman diploma (68 AD), a votive Roman inscription from Savaria (188 AD), a votive Roman inscription from Intercisa (II–III centuries AD), a toponym from Pavtalia (III c. AD) and others. Special researches were conducted on the materials of little-known or insufficiently studied sources

Ключевые слова: славяне, венеты, Эридан, Рипеи, Славус, Стлабониус, ставаны-стлаваны

В «Элегиях» известного римского поэта Секста Проперция (50–16 гг. до н. э.) упоминается «венетский Эридан» (более подробно см.: *Александров*, 2009б. С. 73–94). От верного понимания того, какой из двух Эриданов имел в виду поэт, многое зависит. К северу от Эридана-По действительно жили венеты. Однако, как показывает карта, в эпоху поздней республики южнее и юго-западнее венетов жили цеономаны, которые и занимали северный берег По. Только по административному делению Августа южная граница провинции Venetia et Histria проходит по северному берегу По, нигде, впрочем, не заходя на южный берег этой реки, за исключением устья (*Машкин*, 1950. Приложение. Карта 4). Понятно, что и после августова административного деления цеономаны и венеты остались на месте. Строго говоря, Пад-По во время жизни и творчества Проперция никогда не был венетским, а земли по Padus'у никогда не были для римлян невообразимой далью, как у Проперция.

Рассмотрим другую возможность. Противопоставление отдаленных территорий иногда велось по меридиональному принципу, например, Скифии и Ливии, наиболее удаленных по меридиану частей населенного мира, как у современника Проперция, поэта Овидия. Проперций, исчисляя степень отдаленности этого расстояния, мерит его «от себя», и его привлекает его максимальная протяженность. Искомый Эридан может находиться еще дальше Гипаниса-Южного Буга. К северу от этого Гипаниса, на противоположном конце ойкумены, действительно располагался еще один Эридан (Рубон, Рудон) – река, в общем, известная античной географической науке, хотя бы в связи с мифами о Фаэтоне, гелиадах и тем реальным янтарем, который завозился **из района устья этой реки** в античный мир.

Знал Проперций и Рипейские горы, Борисфен и Танаис (Проперций. Элегии. I, 6). Проперций значительно осведомленнее своего современника Тибулла, который знает только реки Танаис и Гебр (совр. Марица).

В этом контексте северный пассаж Проперция является не таким уж неожиданным, как это может показаться вначале. Рипейские горы и Танаис в первой половине I в н. э. описывал уже Помпоний Мела (Кн. I. Гл. XIX).

Из Рипейских же гор вытекает северный Рудон-Эридан, в значительной части своей протекавший через территории северных венетов-венедов и в этом смысле «более венетский», чем Эридан-По. Кроме того, в «Космографии» Юлия Гонория две горы стоят по соседству и последовательно: ***«Северный океан имеет следующие горы: гора Гиперборей Рипеи /гора Гипанис/»*** (Гонорий, 30) – Рипейские горы Европейской Скифии, из коих вытекает Рудон-Западная Двина, и некая гора, из коей вытекает Гипанис-Южный Буг, названная, за отсутствием ее наименования, горой Гипанис. Хотя реально истоки этих рек значительно разнесены, существенно их общее северное направление в представлении писателей античности.

Тем не менее, элемент сомнения в том, какой же Эридан имеется в виду – северный или южный, – все равно остается. Но вот сам источник:

«Так много ту от моего ложа отделяет миль
Столько Гипанис венетского отстоит Эридана...»

(Проперций. Элегии. I, 12).

Существенно, что Проперций за отправную точку берет не Эридан-По, **естественным образом измеряя расстояние «от себя»**, а Гипанис. Следовательно, как будто, искомый венетский Эридан должен находиться еще дальше, – вероятно, где-то в районе тех самых Рипейских гор, о которых поэт пишет в своих «Элегиях» несколько раньше. Для такого серьезного поэта, как Проперций, конечно, ничего не стоило в рифме стиха начать отсчет от Эридана (По). Он же начал с Гипаниса. Схема могла бы быть приблизительно следующая:

венетский Эридан

↑

Рим → Гипанис

Ближайшие по времени «венеты» в Европейской Скифии есть у Тацита (см. ниже). После упоминания «венетского Эридана» у Проперция до «Германии» Тацита прошло 113 лет, но в археологическом отношении обстановка на берегах Эридана-Рудона-Западной Двины существенным образом не поменялась: в верхнем течении это днепро-двинская культура, в нижнем течении – культура штрихованной керамики. Венеты же Тацита, попадая в пространство между певкинами-зарубинцами и феннами-финнами с их сетчатой керамикой к северу от пограничья с днепро-двинцами, как раз и могут быть связаны именно с днепро-двинской культурой, либо – шире – суммарно с днепро-двинской и штрихованной керамики культурами. Впадает же этот венетский Эридан-Рудон в залив Venedicus sinus (Венедский залив), т. е. в Балтику. Здесь, в низовьях Западной Двины, в раннее средневековье еще жили какие-то венеды. Плиний в 52–79 гг. н. э. также знает неких венедов на южном берегу Балтики. Но это – венеды, а не венеты.

Что до Гипаниса, то Юлий Гонорий также уводит исток реки Гипаниса (гора Гипанис) по направлению к северу, т. е. опять же в меридиональном направлении. А к северу от этого Гипаниса действительно располагался еще один Эридан, он же Рубон, Рудон. Сей северный Эридан, очень далекий от Гипаниса, имеющий исток на севере, в Рипейских горах, как раз и мог стать символом некой бесконечной дали, которую и хотел отобразить поэт в своем творении с характерной ему склонностью к меридиональным сопоставлениям максимально отдаленных объектов. При этом он называет этот далекий Эридан венетским. Если Тацит, который жил позднее, размещает венетов, в которых многие – и не без основания – видят предков славян, в узком промежутке Восточной Европы «между феннами и певкинами», т. е. финноязычными народами и бастарнами, то ничто не мешало образованному римлянину иметь точно такие же сведения о северных венетах-венедах на полтора-два столетия раньше. Любопытно, что при этом Тацит в начале II в. н. э. в «Германии» приводит наименование именно венеты, как у Проперция, а не венеды, как немного позднее, в III в. н. э., на Певтингеровой карте. Надо отметить и то, что Эридан-Рудон-Западная Двина на время Секста Проперция протекал по тому этногеографическому пространству (от галиндов и судинов до аланов), население которого Птолемей обозначил единым названием – «ставаны» или *«стлаваны»; по Тациту же, здесь жили венеты. Сторонний наблюдатель действительно мог назвать Эридан венетским, поскольку бóльшая часть его течения пролегала по некому единому «венетскому» этногеографическому массиву, при том что этнические различия внутри этого массива оставались для этого внешнего наблюдателя скрытыми и неразличимыми.

Причины же столь хорошей географической осведомленности Проперция имеют свое объяснение: известно, что по приказанию императора Августа в I в. до н. э. в Риме на Марсовом поле, в Випсаниевом портике, была установлена большая карта Римской империи. Составил ее сподвижник императора Марк Випсаний Агриппа. Карта эта оказала влияние на всю дальнейшую римскую картографию. Существовало мнение, что отраженное на этой карте измерение, кроме земель собственно Римской империи, охватывало также земли Скифии по самое Балтийское море (*Шафарик*, 1848. I, 1. С. 244). Так вот, Секст Проперций эту или подобные ей карты, судя по всему, видел и даже оставил в своих «Элегиях» проникновенные впечатления о них, высказанные от имени девушки Аретузы, которая пишет письмо своему жениху Ликоту, солдату римской армии:

«Принуждена изучать я по картам раскрашенным страны,
Всё, что премудрый творец вырастить там порешил –
Где цепенеет земля от морозов, где сякнет от зноя,
Или какие ветра парус в Италию мчат»

(перевод Л. Остроумова).

Судя по всему, имеются здесь в виду «рисованные дорожники» – *itinerarium pictum*, из коих единственный дошедший до нас в копии экземпляр – известная Певтингерова карта (ПК). Вероятно, на таких рисованных цветных географических картах были и Борисфен, и Танаис, и Гипанис, и Рипейские горы Северной Скифии, и венетский Эридан, и многое другое. Учитывая описание цепенеющей от морозов земли, какие-то северные земли на этих картах изображены были.

Плиний в «Естественной истории» (52–79 гг. н. э.) упоминает венедов на Балтике, в устье Вислы (Плиний, V.IV.97). В этом же ряду стоит Venedicus sinus – Балтика, – но этнонимы и топонимы на венд-, винд-, судя по всему, изначально не имеют отношения к венетскому Эридану. Ранее венедов Плиния даже соотносили со славянами; сейчас принято считать, что к славянам они никакого отношения не имеют. Отождествление же венетов с венедами в Восточной Европе, судя по Певтингеровой карте и другим источникам, происходит только в III в. н. э.

Итак, венеты, согласно ранним античным представлениям, оказываются в устье Эридана-Западной Двины. По мере уразумения того факта, что Эриданов два, а не один, по-видимому, происходит и разделение надвое «венетских» представлений, и, симметрично адриатическим венетам, половина отныне разорванной этикетки «венеты» наклеивается на некий северный этнос, предпочтительно связанный с северным Эриданом. Какое-то время термин был еще не устоявшимся. Это видно из того, что то же пространство, что и у Тацита, только не в меридиональном, а в широтном направлении, Птолемей в своем «Географическом руководстве» (от сер. II в. до 168 г. н. э.) маркирует термином «ставаны», который, однако, в античной географической номенклатуре не прижился. Был термин венеды, а вначале венеты. Эта «этикетка» – именно в написании «венеты» – уже присутствует у Тацита в пространстве между феннами и певкинами, захватывая значительную часть днепро-двинской культуры, включая, естественно, и большую верхнюю часть бассейна Западной Двины, т. е. северного Эридана, берущего свое начало в Рипейских горах Европейской Скифии, которые Проперций знает. Но для того чтобы «этикетка» «венеты», по Тациту (98 г. н. э. – дата упоминания), более широко распространилась в Европейской Скифии – от балтийского побережья и течения северного Эридана с севера на юг до границы с певкинами-бастарнами-«зарубинцами», – требовалось некоторое время. Первоначально же этот северный Эридан (после отделения от южного) мог восприниматься как «венетский»; затем название-«этикетка» распространилось на весь народ, живущий по его берегам (днепро-двинская культура) и далее, вплоть до его южной границы с певкинами. Так что Проперций именно до этого времени, приблизительно за сто с небольшим лет до Тацита, вполне мог назвать этот Эридан венетским.

Итак, то этногеографическое пространство, которое Тацит обозначил в меридиональном направлении и назвал термином «венеты», а Птолемей обозначил в широтном направлении как ставаны-*стлаваны, на тот период в лице днепродвинской археологической культуры действительно занимало верхнюю половину течения Западной Двины-Рудона-Эридана, обнаруживая при этом тенденцию к дальнейшему распространению. Часть же среднего течения Двины по южному ее берегу занимала культура штрихованной керамики, которую Птолемей в свое этногеографическое понятие «ставаны» включал. Иначе говоря, весьма велика вероятность того, что Секст Проперций совершенно случайно назвал обитавших в верховьях Западной Двины предков славян венетов-венедов за век до Тацита. Это весьма ценное приложение к Вергилию, который в то же самое время и то же самое пространство обозначил (иногда довольно детально и красочно), но «насельников» его по имени никак не назвал (Вергилий, Георгики, III. С. 349– 380).

Далее следует Тацит, который в своей работе «Германия» перечислил все значительные племена по состоянию на 98 г. по Р.Х. Принято считать, что венеты,

упомянутые Тацитом, и есть ранние славяне. Приведу сам источник: «Здесь конец Свевии. Я колеблюсь, причислить ли народы певкинов, венетов и феннов к германцам или сарматам. Впрочем, певкины, которых некоторые называют бастарнами, в отношении речи, образа жизни, мест обитания и жилищ ведут себя как германцы. Все они живут в грязи, а знать в бездействии. Смешанными браками они обезображивают себя почти как сарматы. Венеты многое усвоили из [их] нравов, ведь они обходят разбойничьими шайками все леса и горы между певкинами и феннами. Однако они скорее должны быть отнесены к германцам, поскольку и дома строят и носят [большие] щиты, и имеют преимущество в тренированности и быстроте пехоты – это все отличает их от сарматов, живущих в повозке и на коне» (Тацит. Германия. 46 (1)).

Певкинов или бастарнов М.Б. Щукин отождествляет с зарубинецкой культурой, и эта версия представляется наиболее приемлемой. Была проделана работа по выделению локальных вариантов позднезарубинецкой культуры I–II вв. по Р.Х., т. е. времени Тацита; при этом авторы данной работы, А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский, отождествляют эти позднезарубинецкие памятники с таситовскими венетами (*Обломский, Терпиловский*, 1991. С. 104–108), с чем трудно согласиться. Дело в том, что венеты Тацита локализуются им в меридиональном направлении между певкинами (бастарнами) и феннами. Если принять версию М.Б. Щукина и обвести изолинией позднезарубинецкие древности указанного времени, то получаем зону обитания бастарнов (они же певкины). Следующая граница в меридиональном направлении – это граница феннов. Реальные границы со стороны финских группировок Восточной Европы такие: это граница финской гидронимии и граница распространения сетчатой керамики, которая считается бесспорно финской. Если взять любую из них, или обе сразу, то становится видно, что между двумя этими границами – бастарнов, с одной стороны, и финских группировок, с другой, – существует обширная зона, в которую попадают: культура штрихованной керамики, днепродвинская и верхнеокская культуры.

В связи с ранними упоминаниями славян следует остановиться на титулатуре императора Волузиана, 251– 253 гг. (подробнее см.: *Александров*, 2009а. С. 337–355). Официальный титул этого императора: Imp. Caesar C. Vibius Afinius Gallus Veldumnianus Volusianus Augustus.

Но известны две монеты или медали, посвященные Волузиану, – одна с греческой надписью, а другая – с латинской. В греческом варианте: «Финский, Галиндский, Венедский Волузиан» (Φίννικος, Γαλίνδικος, Ούένδικος Ούολοσιανος) (*Вилинбахов, Энговатов*, 1963. С. 238–240). В латинском варианте надписи также есть венеды: «…Vendico Volusiano Augusto» (*Мишулин*, 1939. С. 300, 301).

Легенды на монетах Волузиана разнообразны. Из наиболее часто встречающихся обозначение VEND есть на четырех:

IM.C.AF.GAL.VEND.VOLVSIANO AVG.;

IM.C.V.AF.GAL.VEND.VOLVSIANO AVG.;

IMP.C.V.AF.GAL.VEND.VOLVSIANO AVG.;

IMP.C.V.AF.GAL.VAL.VEND. VOLVSIANVS AVG. (*Кастен, Фустер*, 1996. С. 264).

Таким образом, даже при ненадежности первых двух этнонимов, в сухом остатке остаются венды-венеды.

Правление двух императоров-соправителей – Требониана Галла и его сына Волузиана Галла – это 251–253 гг. н. э. В этом узком хронологическом промежутке Волузиану и пришлось иметь дело с венедами вместе с готами рекса Книвы.

«**Во время беспечного правления Галла скифы сначала тревожили соседние с ними народы**, а затем, двигаясь дальше, опустошили все области до самого моря…» (Зосим. Кн. Iб, 24– 26). Итак, после Абритта, в правление Требониана Галла и Волузиана, победоносные готы, заключив мир и даже союз с Римом на каких-то очень выгодных для них условиях, обратили оружие против своих соседей.

Обычно в таком походе захватывались многочисленные пленные, которые поселялись на рубежах империи. Среди них должны были превалировать именно венеды, племена которых, по Иордану, были весьма многолюдны, а оружие их – весьма слабым. Их-то, этих военнопленных, римляне и сажают, по сложившейся традиции, на землю где-то к северу от Дуная, ближе к его устью. На римском дорожнике III в. н. э. появляется дубликатный этноним Venedi в отрыве от их основного массива, окраина которого на некотором удалении от низовьев Дуная обозначена как Venadi- Sarmatae, а на археологической карте – культура Этулия.

По-видимому, именно временем после похода Волузиана можно датировать упоминания венетов-венедов на Дунае. Так, отмечено, что сходную с Певтингеровой картой номенклатуру народов дает список народов Европы «Gentes barbarae quae pullularaverunt sub imperatoribus» («Варварские племена, которые распространились при императорах»), сохранившийся в составе анонимного источника «Nomina provinciarum omnium», датируемого III– IV вв. Перечень европейских народов, идущий с запада на восток, дает в конце имена: «Vandali, Sarmatae, Sciri, Carpi, Scythae, Gothi, I Indii…»; последний этноним А.В. Подосинов реконструирует как *Vinidi. Отсюда делается вывод о еще одном упоминании венедов в Восточной Европе (*Подосинов*, 1990. С. 72).

Поскольку первые шесть народов входили в контакт с империей, то и седьмой народ – виниды – также должен был как-то контактировать с римлянами, а это группировка Venedi Певтингеровой карты на Дунае.

Венеды под несколько измененным именем упоминаются в «Хронике» Ипполита Римского III в. н. э.: «Вот каковы обращенные к северу народы Иафета… сарматы, савроматы, мэоты, скифы, тавры, фракийцы, бастарны, илирии, македонцы, эллины, лигиры, **истрийцы, венны, давнийцы**, иапиги, калабры…» (*Ведюшкина*, 1993. С. 93).

Итак, венны упоминаются в перечне между истрийцами и давнийцами. В античное время верхнее течение Дуная именовалось Данувием, а нижнее – Истром (Страбон. VII, III, 13). Граница между двумя названиями могла проходить по линии Железных Ворот (*Анфертьев*, 1991. С. 121, 122), так что венны относятся примерно к району Нижнего Дуная, что полностью соответствует номинации Нижнего Подунавья Певтингеровой карты. По-видимому, они соответствуют венедам, размещенным близ устья Дуная, этого римского дорожника. Этот этноним вставлен между двумя именно дунайскими народами. Псевдокесарий же позднее сообщает: «…и одной [реке] имя Фисон… и у иллирийцев и рипианов, живущих вдоль потока, – Данубий, у готов – Дунавт». Фисон здесь соотносится с Истром, т. е. с нижним течением реки.

Папиен или Папиос Ант из Керчи, т. е. Херсонеса, надгробие которого относят к 270 г., умирает как раз через 18 лет после готско-римской военной операции в Восточной Европе, отраженной также в титулатуре Волузиана. Как заметил А.Л. Погодин, на большой посвятительной таблице, где упомянут Папиен или Папиос Ант, встречается много имен иранского, еврейского происхождения, и среди них имя Πάγας, которое Погодин считает мордовским (*Погодин*, 1902. С. 163, 164). Как известно, «mordens» есть у Иордана в списке народов, завоеванных Германарихом. Такие военнопленные могли попасть и на рынки рабов в античные города Причерноморья.

В Танаисе латинская надпись ANT имеется на амфоре III–IV вв. (*Книпович*, 1949. С. 75. Рис. 29, *2*). Очевидно, что римляне называли венедами весь массив родственных племен, без деталировки его составляющих. В том, что пленный именно ант, а не стлавин-склавин, разобрались уже на месте жители Херсонеса и Танаиса.

Предполагается, что и в дальнейшем, в первой четверти – середине V в., славяне все еще фиксируется в Подунавье. В пользу этого приводятся как славянские два гидронима, упомянутые Приском, – реки Τισας и Τιθήσας, у Иордана – Tisia и Tibisia, современные левые притоки Дуная, впадающие в него недалеко друг от друга, рядом с Белградом, – Тиса и Тимиш. К V в. относится упоминание пункта Кремниской между Дунаем и Днестром, который также сближали со славянскими топонимами (*Тихомиров*, 1947. С. 127). Кроме того, Иорданом и Приском отмечены два слова – strava и μέδος, которые также считаются славянскими. Посольство Максимина, в котором участвовал Приск, состоялось в 448 г. А в начале VI в. уже происходит глобальное расселение славян в Подунавье.

Еще один источник – Псевдо-Кесарий. В датировке этого источника исследователи колебались и даже относили к IV в. н. э. Сам источник гласит: «А как же [могло случиться, что] находящиеся в другом поясе склавины и фисониты, называемые также данувиями – первые с удовольствием поедают женские груди, когда [они] наполнены молоком, а грудные младенцы [при этом] разбиваются о камни, подобно мышам, в то время как вторые воздерживаются даже от общепринятого и безупречного мясоедения? Первые живут в строптивости, своенравии, безначалии, сплошь и рядом убивая [будь то] за совместной трапезой или в совместном путешествии, своего предводителя и начальника, питаясь лисами и лесными кошками, и кабанами, перекликаясь же волчьим воем. Вторые же воздерживаются от обжорства, и подчиняются и повинуются всякому» (Псевдо-Кесарий, 1991. С. 254).

Исследователи, которые пытались датировать сведения ПК, останавливались обычно на разительном контрасте между этими сведениями и подробным, деловитым рассказом Прокопия Кесарийского о жизни славян на Дунае. Иначе столь душераздирающие подробности непременно попали бы на страницы других византийских авторов, никак к славянам не расположенных. Впрочем, исследователи не исключают возможности, что ПК мог использовать более древние источники. Но пока это предположение не доказано. Упоминание в источниках животных – лисы, лесной кошки, кабана, волка – в целом наводят на ассоциации с некой лесной зоной. Но леса и все означенные животные есть и на Дунае.

Упоминание Псевдо-Кесария о том, что славяне, в числе прочего, питаются также лисами, лесными кошками и кабанами, заставляет остановиться на ареале обитания кошки в первой половине I тыс. н. э. Сразу же надо упомянуть, что к это-

му времени в Восточной Европе имелись два вида: дикая кошка и домашняя кошка. Только в VI–VII вв. домашняя кошка появляется в лесной зоне – ее останки найдены близ Ярославля, на мерянском поселении и в слое Пскова. К этому же времени она известна в Литве и Латвии. Далее, в VII–IX вв. она появляется в Старой Ладоге и в Среднем Поволжье, а в X–XIII на территории Древней Руси – в Новгороде, Старой Рязани, Ярославском Поволжье, Москве и Подмосковье, а также в Киеве (*Карпов*, 1987. С. 450, 451).

Таким образом, в раннем железном веке домашняя кошка крайне редка в лесостепи и практически отсутствует в лесной полосе Восточной Европы (*Цалкин*, 1964. С. 4, 6). Единственное исключение – городище Лабенщина.

Следовательно, для гастрономических интересов ранних славян действительно более подходит дикая лесная кошка. В настоящее время ареал обитания лесной кошки сохранился в центральной Германии. Но некогда он занимал всю Европу – и Западную, и Восточную, исключая Скандинавию. Таким образом, широкий ареал обитания дикой лесной кошки не дает ответа на вопрос – какие именно земли имел в виду Псевдо-Кесарий: Подунавье или лесную полосу Восточной Европы.

Несколько интереснее другой аргумент – упоминание «камней». Однако термин πέτρα в греческом имеет несколько значений: «камень, огромный камень, скала, утес». И, по контексту источника, этих камней или скал много. В таком случае это либо Дунай с его скалами и утесами, либо север Восточной Европы с его ледниковым ландшафтом с многочисленными валунами.

Казалось бы, решающее значение имеет «людоедский» аргумент. После Плиния о людоедах в Восточной Европе из античных авторов никто не сообщает.

А.А. Котляревскому при изучении обычного права балтийских славян удалось выявить уникальные свидетельства источников относительно обычая умерщвления в старости у балтийских славян. Это писатель XI в. Ноткер: «…велеты… не стыдятся утверждать, что съедают своих родителей с большим правом, чем черви…»; и Цайллер: «…в прежнее время в Вагрии, Люнебурге и других славянских землях дети убивали своих престарелых родителей и родственников, варили и съедали их или заживо погребали…» при полном согласии последних (*Котляревский*, 1874. С. 118–123; *Велецкая*, 1978. С. 62). «Людоедский аргумент» как датирующий признак отпадает.

В целом описание источника производит впечатление глубокой архаики. Слово catta появилось в вульгарной латыни в IV в. Из латыни не раньше VI в. появилось греческое обозначение καττα. Сейчас сам источник – Псевдо-Кесарий – уверенно датируется серединой VI в. Но это никак не свидетельствует о дате первоисточника ПК. Исследователь текста ПК по этому вопросу отмечает, что слависты останавливались «…лишь на разительном контрасте между фантастическими сведениями о славянах у ПК и деловитым, обстоятельным рассказом Прокопия и объясняли этот контраст относительно большей древностью сообщения ПК. Однако оба автора, несомненно, современники… хотя данный факт и **не исключает возможности того, что ПК пользовался источниками более древними, чем те, которые были известны Прокопию**. Впрочем, и это предположение остается недоказанным» (*Иванов*, 1991. С. 255).

Есть только одна подробность у ПК, которая никак и нигде у славян более не фиксируется – это частичная антропофагия. Этот обычай имеет некоторую террито-

риальную привязку. Как известно, в литовских и русских сказках сохранились упоминания как о людоедстве вообще (Королева-Лебедь… 1965. С. 111–113, 118–121; *Афанасьев*, 1984. С. 93, 104, 106–112), так и о неком культе ампутированных грудей. Кажется, что литовское и русское предания дополняют друг друга. А это уже определенная территория, и она находится на балто-славянском северном пространстве.

В сообщении ПК, как можно понять, подобные людоедские зверства имеют место в период ведения каких-то междоусобных боевых действий. При этом должно было пройти довольно много времени, чтобы этот обычай исчез и чтобы славяне появились на Дунае в VI в. уже без него. Иначе говоря, речь идет о лесных территориях северо-запада Восточной Европы в неопределенно далекое от VI в. архаическое время. Существенно, что в источнике камни названы во множественном числе – πέτραις, что типично для моренного ландшафта северо-запада Восточной Европы в славяно-литовском пограничье с его многочисленными валунами. В отличие от более южной «безвалунной зоны» ополий, эта зона – валунная.

В этом случае, остается только одна возможность: ПК использовал ранний источник, сообщающий о некой драматической междоусобице в среде северных племен в той этногеографической зоне, которую Птолемей обозначил как *стлаваны. Эти сведения, для усиления полемической стороны произведения, ПК извлекает из античных архивов и «навешивает» на современных ему славян.

Клавдий Птолемей в своей работе «Географическое руководство» отражает ситуацию середины – третьей четверти II в. по Р.Х.: «А занимают Сарматию очень большие народы – венеды вдоль всего Венедского залива… **ниже венедов, суть галинды и судины и ставаны вплоть до аланов**…» (Птолемей. III. 5. С. 7–9).

В силу чисто географических причин сразу же становится понятно, что венеды Плиния вовсе не соответствуют венетам Тацита – это совершенно разные группы населения. Существенно, что Птолемеем упоминаются финны. По-видимому, это те же финны, что отмечены Тацитом.

Основное внимание славистов привлекло то место, где от галиндов и судинов некие ставаны расселялись «вплоть до аланов». Места обитания средневековых галиндов и судинов в междуречье Вислы и Немана известны. К востоку от них идут ставаны. Если описание Тацита идет в меридиональном направлении, то Птолемея – в широтном. Относительно аланов, до мест обитания которых располагались ставаны, до недавнего времени было известно, что позднесарматские памятники, с которыми можно было бы соотнести аланов, распространены в основном в степях. Таким образом, восточная граница ставанов с аланами оказывалась неопределенной. Сейчас позднесарматские памятники выявлены по течению Дона до его верховьев и немного западнее их. Они имеют широкие аналогии в сармато-аланском мире. При этом наиболее поздние верхнедонские могильники датируются II – серединой III в. по Р.Х. (*Медведев*, 1990. С. 8, 192, 193, 199. Рис. 1; *Обломский*, 1997. С. 237). Затем тот вакуум, который образовался здесь после ухода сарматов, заполняется неким «скифоидным» населением при участии черняховско-киевских группировок (*Обломский*, 1997. С. 244, 245). Ergo, ситуация с аланами как восточными соседями ставанов соответствует именно предптолемеевскому и птолемеевскому времени. Однако скорее следует склониться к более ранней дате. Дело в том, что сам Птолемей – компилятор, который за пределы Александрии не выезжал, а в качестве основы использовал труд Марина Тирского, своего предшественника. Дата

рождения Клавдия Птолемея определяется как 110–115 гг. по старым разработкам или как «около 90 г.» – по новым. Прожил он до 168 г. Карта Марина Тирского, которую он использовал, может быть датирована «до 114 г.», поскольку на этой карте еще не учтены территориальные результаты войн Траяна в Парфии. Ф. Браун полагает, что в момент рождения Птолемея Марин Тирский был еще жив (*Браун*, 1899. С. 176). Следовательно, ситуация со ставанами, расположенными между галиндами и судинами с одной стороны и аланами – с другой, относится либо к началу II в., либо к концу I в.

Таким образом, по описанию Птолемея, восточным соседом галиндов и судинов во II в. по Р.Х. и до середины III в. оказывается культура штрихованной керамики, а западными соседями верхнедонских сарматов-аланов – верхнеокская культура.

В широтном направлении пространство ставанов у Птолемея приблизительно соответствует меридиональному направлению венедов Тацита. Это один и тот же этнографический массив, который Тацит именует венетами, а Птолемей – ставанами.

Другой источник относится ко времени императора Гальбы (68 г.). Известен список ветеранов I Вспомогательного легиона, среди которых упомянут человек по имени M. Slavi Putiolani – *M. Slavus Putiolanus, которому жалуется право гражданства. Опубликовавший эти сведения А.Л. Погодин отметил: «Нельзя ли видеть в этом загадочном носителе племенного имени славян одного из славян, попавшего в плен в войнах римлян с фракийцами или потомка славянина-военнопленного» (*Погодин*, 1902. С. 165). Следует отметить, что наличие славян среди фракийцев в это время исключено.

Военнопленных ставанов-*стлаванов в Империи не было – далеко. Остается третья возможность: армии не хватало солдат, и в ауксилиарии принимали всех желающих. В экстремальных ситуациях брали даже рабов самых разнообразных национальностей. Известно, что воины вспомогательных частей служили при Августе 25 лет, с середины I в. н. э. – 26 лет (*Ле Боэк*, 2001. С. 53). Так что 42–43 гг. н. э. как время начала службы этого ауксилиария здесь наиболее вероятны. Судя по его имени, в это время ставаны-славаны-*стлаваны как отдельный народ уже существовали. И тогда это будет первое известное до сих пор упоминание славян под их собственным именем. Третья же часть имени (cognomen) – Putiolani – чисто италийская и происходит от города и крупного морского порта Путеолы в Италии близ Неаполя (Страбон. Кн. V. IV.6).

В источнике интересующее нас имя стоит между другими: «**D(ecimi) Alari Pontificalis Caralitani / M(arci) Slavi Putiolani Caralitani / C(ai) Iuli Enecionis Sulcitani / L(uci) Graeci[n]i Felicis Caralitani…»** (*Nesselhauf*, 1936. P. 1958). Из них по порядку: nomen Alari – явно германское, затем nomen Slavi, затем nomen Iuli – обычное римское, и далее nomen Graeci[n]i обозначает национальность – «грек». Так что, по положению в перечне, nomen Slavus соответствует по месту национальному nomen Graeci[n]us. Следовательно, nomen Slavus в этом контексте может быть только национальным. Как и зачем M. Slavus добрался до римских Путеол – сие неизвестно.

Итак, состав I Вспомогательного легиона в это время был очень пестрым, и там были люди самых разных национальностей – в том числе и славяне. Его части

были расквартированы в Нижней Паннонии не позднее 23 г. н. э. Ян Ле Боэк приводит – с глухой отсылкой на «Анналы» Тацита – красочное описание этого воинства: «Естественно, среди этих воинов встречаются лишь варвары. Тацит, который, правда, презирает солдат, сообщает, что их внешний вид поражал своей необычностью, а говорили они на непонятных языках» (*Ле Боэк*, 2001. С. 87).

Еще одно упоминание славянского этнонима известно в составе имени в вотивной надписи времени правления императора Александра Севера, датируемой 188 г. н. э., из провинциального римского городка Саварии (ныне Szombathely) в Верхней Паннонии. В надписи перечислены куриалы этого городка. Среди этих куриалов есть имя Stlabon(ius) Fuscinus (*Heineman*, 1987. № 4150; *Fitz*, 1962. P. 88). Как верно заметил тот же А.Л. Погодин: «Это – единичная форма, еще плохо приспособленная и оторванная от родной почвы» (*Погодин*, 1902. С. 165). Известно, что во главе поселений в Паннонии часто ставили вышедших в отставку ветеранов, они же входили и в состав курий в провинциальных римских городках (*Колосовская*, 1973. С. 84). Время – 188 г. – практически синхронно данным Птолемея о ставанах-*стлаванах на их родине.

Таким образом, если ставаны-*стлаваны-склавины как отдельная этногеографическая группировка упоминаются в 68 г., то анты, говорившие в VI–VII вв. на том же языке, что и склавины, будучи на Дунае, упоминаются как отдельный народ в 270 г., как свидетельствует известная надпись из Керчи, передающая имя «᾽΄Αντας Παπι…», т. е. Папион или Папиос Ант на большой посвятительной таблице (*Latyschev*, 1890. P. 30. № 29; КБН, 1965. С. 40. № 36; *Погодин*, 1902. С. 163, 164).

Среди «красных знаков» на амфорах Танаиса конца II – III в. по Р.Х. есть надпись ANT, возможно также свидетельствующая о присутствии антов в северо-причерноморских позднеантичных городах (*Книпович*, 1949. С. 75. Рис. 29, *3*). В 376 г. анты уже воевали с готами Винитария.

Территориально *стлаванам на это время, в соответствии с географическими данными источников, могли бы соответствовать последовательно культуры штрихованной керамики, днепро-двинская культура (еще до среднетушемлинских зарубиноидных инноваций) и верхнеокская, за которой уже – аланы. Антам же, как окраинному народу, более соответствует юхновская культура. В одной из последних работ Д.А. Мачинский отметил, что σταυανοί-ставаны Птолемея – в первоначальном написании *στλαυανοί-*стлаваны, и это можно считать доказанным (*Мачинский*, 2009. С. 473). С учетом римских данных, плюс к этому, получается показательное сопоставление:

Ставаны – Птолемей

Славаны – от имени ауксилиария Славана

*Стлаваны – реконструкция по Птолемею

Стлабоны – от имени куриала Стлабона

Следует отметить, что у Птолемея в этнониме выпала буква «л», в имени ауксилиария – буква «т», а в имени куриала вообще ничего не выпало. Кроме того, два последних проименования славян типа «стлавины» существовали довольно долго наряду с проименованием «склавины» (*Александров*, 2011. С. 29–31).

Также из Нижней Паннонии (Intercisa на Дунае, ныне город Дунауйварош) происходит надпись с упоминанием бога по имени Dobrates или Dobratis. Полный же текст такой: «Богу Добрату Евтихий раб воздал (посвятил)» (*Кудрявцев*, 1957.

С. 103). На самом барельефе изображен всадник на лошади. В пользу славянской этимологии имени этого божества в последнее время привел убедительные аргументы О.Н. Трубачев (1991. С. 100, 101). Тогда как О.В. Кудрявцев в 1957 г. писал: «Если же имя Dobrates (Dobratis) будет признано славянским, то можно будет почти с полной определенностью утверждать, что в составе населения римской Паннонии во II и во всяком случае в III в. н. э. уже имелись славяне. Это могли быть отдельные группы славян, проникшие на территорию империи по своей инициативе… но могли быть – и это более вероятно – внеимперские славяне, зачисленные в римские вспомогательные войска или даже легионы в смутной обстановке III в. (случаи зачисления варваров, не имевших римского гражданства, в легионы имели место уже во время Маркоманнских войн) и поселенные затем на территории провинции, или же рабы и колоны из военнопленных, которых римское правительство со второй половины II в. стало селить на положении колонов на территории империи, главным образом в пограничных провинциях. Надпись богу Добрату воздвигнута, в частности, рабом» (*Кудрявцев*, 1957. С. 110). Могли быть и небольшие славянские поселения: «Такие поселения могли иметься во II и особенно в III в. н. э. и на территории Паннонии, которая, в отличие от Фракии, граничила непосредственно с внеимперскими областями и была расположена значительно далее на север и, следовательно, ближе к основной территории расселения славянства…» (Там же. С. 111).

Надписи, очень близкие к славянским, также имеются в придунайских провинциях. Так, во Фракии, в районе Павталии, известно географическое название BIILACOST, которое относится, вероятно, к III в. н. э. и которое Кудрявцев считал славянским (Там же. С. 43–45, 110).

Исходя из имен M. Slavus Putiolanus и Stlabon(ius) Fuscinus, первый из которых выходит в отставку в 68 г. н. э., а второй состоит куриалом в Интерцизе (по-видимому, тоже ветеран-отставник) в 188 г., сведения о северных землях ставанов-*стлаванов римляне могли получать без всяких затруднений из первых рук, по крайней мере, со второй четверти I в. н. э. При Нероне три легиона из Паннонии были направлены на борьбу с Парфией, где и оставались до и после смерти Нерона (68 г.) (Там же. С. 164). Здесь Марин Тирский в своем портовом Тире (или кто-то из его предшественников) вполне мог получить сведения от M. Slavi Putiolani либо, скорее, от его сослуживцев-соотечественников. Затем их использовал Клавдий Птолемей. В этом случае сведения о ставанах-*стлаванах могут относиться к несколько более раннему времени – концу второй четверти I в. н. э. Отсюда – и ставаны-*стлаваны – до аланов, при том что верхнеокская культура, входящая в понятие и пространство «ставаны», заканчивает существование во II в. н. э. Как и подозревалось ранее, сведения несколько запоздали. Возможно, что именно к этому же времени и к этому информационному горизонту начала I в. н. э. относятся душераздирающие подробности Псевдо-Кесария о глубинных северо-западных областях ставанского-*стлаванского континуума.

О том же самом северном пространстве немного ранее – около 90 г. до н. э. – сообщает безымянный автор (предположительно Скимн Хиосский) в своем «Землеописании»: «Ефор говорит, что… к востоку за Борисфеном так называемое Полесье заселяют Скифы, за ними к северу земледельцы, потом опять простирается на далекое пространство пустынная местность, за нею живет скифское племя Людоедов, а за ними опять пустыня» (Скимн Хиосский, 1890. Отр. 841). Вот где-то

там и «сидели» *стлаваны, подспудно дожидаясь реформ Августа, чтобы в лице наиболее активных своих представителей вступить в ряды ауксилиариев и затем «засветиться» как в римских надписях, так и в раскладке племен в свитках Марина Тирского и Клавдия Птолемея.

Источники

Вергилий Марон. Гергики // Латышев В.В., 1904. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб. Т. II. Вып. 1: Латинские писатели.

Гонорий Юлий. Космография // Подосинов А.В., 2002. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М.

Зосим. Новая история // ВДИ. 1949. № 2 (28).

Королева-Лебедь: Литовские народные сказки. Вильнюс, 1965.

Мела Помпоний. О положении земли // Боднарский М.С., 1953. Античная география. М.

Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В 3-х т. М., 1984. Т. I.

Плиний Гай Секунд. «Естественная история в 37 книгах» // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. I (I–VI вв.).

Проперций Секст. Элегии // Валерий Катулл, Альбий Тибулл, Секст Проперций. М., 1963.

Псевдо-Кесарий. Ответы на вопросы // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. I (I–VI вв.).

Птолемей. Географическое руководство // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). М., 1991.

[Скимн Хиосский]. Землеописание // *Латышев В.В.,* 1890. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб. Т. I: Греческие писатели.

Страбон. География. В 17-ти кн. Л., 1964.

Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Сочинения. В 2-х т. М., 1993. Т. I.

Литература

Александров А.А., 2009а. Венеды Волузиана и венеды Певтингеровой карты // АИППЗ. 54.

Александров А.А., 2009б. Реки русского Северо-Запада в античное время (историко-географический комментарий) // Земля Псковская, древняя и современная: Мат. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Древлехранилища музея и 120-летию со дня рождения А.А. Пурышева (24–25 ноября 2008 г.). Псков.

Александров А.А., 2011. Об имени князя Святослава на печати X века // Кирилло-Мефодиевские традиции в Пскове: Мат. круглого стола (19 мая 2011 г., Псковская областная универсальная научная библиотека). Псков.

Анфертьев А.Н., 1991. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. М. Т. I (I–VI вв.).

Браун Ф., 1899. Разыскания в области гото-славянских отношений. I: Готы и их соседи до V века. Первый период: готы на Висле. СПб.

Ведюшкина И.В., 1993. Фрагмент о разделении земли сыновьями Ноя в «Хронике» Ипполита Римского (III в. н. э.) // Восточная Европа в древности и средневековье: Спорные проблемы истории: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто (Москва, 12–14 апреля 1993 г.): Тез. докл. М.

Велецкая Н.Н., 1978. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.

Вилинбахов Б.В., Энговатов Н.В., 1963. Предварительные замечания о западных галиндах и восточной голяди // «Slavia occidentalis». Т. 23.

Иванов С.А., 1991. Псевдо-Кесарий // Свод древнейших письменных известий о славянах. М. Т. I (I–VI вв.).

Карпов В., 1987. Кошка на Руси // На суше и на море: Альманах. М.

Кастен К., Фустер К., 1996. Римские императорские монеты. М.

Книпович Т.Н., 1949. Танаис: Историко-археологическое исследование. М.; Л.

Колосовская Ю.К., 1973. Паннония в I–III веках. М.

Котляревский А.А., 1874. Древности юридического быта балтийских славян: Опыт сравнительного изучения славянского права. Прага. Ч. I.

Кудрявцев О.В., 1957. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М.
Ле Боэк Ян, 2001. Римская армия эпохи ранней Империи. М.
Машкин Н.А., 1950. История древнего Рима. М.
Мачинский Д.А., 2009. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII – середине XI в. // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света: Мат. Междунар. конф. (14–18 мая 2007 г., Гос. Эрмитаж). СПб. (Тр. ГЭ. XLI.)
Медведев А.П., 1990. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж.
Мишулин А.В., 1939. Древние славяне и судьбы восточноримской империи // ВДИ. № 1 (6).
Обломский А.М., 1997. Этническая ситуация в лесостепном Подонье в позднеримское время // Проблемы славянской археологии: Тр. VI Междунар. Конгресса славянской археологии. М. Т. 1.
Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в I–II вв. н. э. М.
Погодин А.Л., 1902. Эпиграфические следы славянства // Сборник статей по археологии и этнографии. СПб.
Подосинов А.В., 1990. Венеды в позднеантичной латинской геокартографии // VI междунар. конгресс славянской археологии (г. Прилеп, Югославия, 1990 г.): Тез. докл., подготовленных советскими исследователями. М.
Тихомиров М.Н., 1947. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. М.
Трубачев О.Н., 1991. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М.
Цалкин В.И., 1966. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА. № 135.
Шафарик П., 1847. Славянские древности. М. Т. I. Кн. I.
Fitz J., 1962. A military history of Pannonia from the Marcoman wars to the death of Alexander Severus (180–235) // AAH. № 14.
Heineman M., 1987. Inscriptiones Asie, provinciarum Graecarum, Illiriei. Berolini. Pars 1. (CIL. Vol. III.)
Latyschev B., 1890. Inscriptiones antiquae orae septentrioalis Ponti euxini graecae et latinae. Vol. II. Petropoli, MDCCCXC.
Nesselhauf H., 1936, 1955. Diplomata militaria. Berolini. (CIL. Vol. XVI, 1936+Suppl. 1955.)

Е.В. Торопова

Первые мероприятия по сохранению археологического наследия на Северо-Западе России во второй половине 1920-х гг.

Статья перепечатана в следующем выпуске АИППЗ (2014, № 29 (59).

Д.А. Безруков, П.П. Колосницын, К.Г. Самойлов,
Е.В. Торопова, С.Е. Торопов

Опыт борьбы с незаконными разведками и раскопками в Новгородской области в 2011 г.

D.A. Bezrukov, P.P. Kolosnitsyn, K.G. Samoilov, S.E. Toropov, E.V. Toropova. An experience in dealing with illegal prompt and archaeological excavations in Novgorod region in 2011

Abstract. In 2011 some events to combat the illegal prompt and archaeological excavations were organized. In the course of joint activities of the Committee of Culture, Ministry of Internal Affairs of Novgorod, archaeologists of Novgorod University and Novgorod Museum a number of perpetrators was arrested. The Police officials made up reports on the administrative violation of the article 7.15. of the Administrative Code of RF. The trial found the detainees guilty, they were fined and sentenced to the confiscation of metal detectors, shovels and finds. The most important result was working out of a mechanism of perpetrators detaining, bringing the case in court and the media coverage. The broad dissemination of the experience gained will contribute much to more effective dealing with illegal prompt and archaeological excavations.

Ключевые слова: борьба с незаконными археологическими раскопками, законодательство.

В настоящее время одной из серьезнейших угроз для археологических памятников является так называемый «любительский металлопоиск» (поиск и извлечение из земли предметов прошлых эпох с использованием металлодетектора). В последние годы он стал для многих россиян крайне популярным хобби, способом дополнительного, а иногда и основного, заработка. Предметами их поиска являются, прежде всего, монеты различных эпох, средневековые ювелирные украшения, свинцовые печати и пломбы, детали средневекового оружия и различные предметы, оставшиеся на местах боевых действий Великой Отечественной войны. Полученные в результате грабительских раскопок предметы сбываются через антикварный рынок или интернет-аукционы и оседают в частных коллекциях.

Валообразный рост количества «любителей металлопоиска» в последние годы приводит к плачевным для объектов археологического наследия результатам. В 2009 г. по итогам инвентаризации памятников двух достаточно удаленных от крупных городов районов Новгородской обл. было установлено, что более 25% охраняемых объектов археологического наследия в той или иной степени повреждены в результате грабительских «раскопок» (*Торопова, Торопов, Самойлов, Колосницын*, 2011. С. 135– 137). В окрестностях Новгорода вследствие большей транспортной доступности этот процент гораздо выше.

В течение 2011 г. в Новгородской обл. был проведен ряд успешных мероприятий по борьбе с грабительскими «раскопками». Важнейшим их результатом стала разработка механизма задержания правонарушителей, представления дела в суде и освещения в СМИ. Максимальное распространение полученного опыта, на наш взгляд, позволит более эффективно бороться с разграблением археологического наследия и в других регионах России.

30 апреля – 1 мая 2011 г. в Новгородском р-не Новгородской обл. была проведена акция по борьбе с незаконными раскопками. Она была организована Управлением по охране объектов культурного наследия Новгородской обл., Управлением МВД России по Новгородской обл., сотрудниками Новгородского музея-заповедника и Старорусской археологической экспедицией Новгородского государственного университета.

Районом проведения рейда стало Ильменское Поозерье – микрорегион в ближайших окрестностях Новгорода, густо насыщенный археологическими памятниками и в связи с этим очень популярный у «кладоискателей» и «любителей металлопоиска». В результате была пресечена деятельность двух групп, производивших незаконные раскопки на селищах Георгий I и Еруново I. Вызванные сотрудники полиции составили протокол об административном правонарушении и изъяли орудия производства работ.

Дела нарушителей, задержанных на селище Еруново I, были переданы в мировой суд, который признал их виновными в правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 7.15 КоАП РФ (ведение археологических разведок или раскопок без разрешения), назначил наказание в виде штрафа и конфискации металлодетекторов, лопат и наушников (общей стоимостью около 70000 руб.). Правонарушители потребовали повторного пересмотра дела в вышестоящей инстанции, но районный судья оставил решение об их виновности в силе. Важно, что суд обеих инстанций квалифицировал поиск с металлодетектором как проведение археологических разведок и раскопок без получения специального разрешения (Открытого листа), **вне зависимости о того, относятся или нет данные земельные участки к памятникам археологии**.

Данные судебные решения показали, что существует действенный механизм, позволяющий воспрепятствовать «металлопоиску» (который опасен не только разрушением охраняемых объектов, но и ежегодным разграблением еще не выявленных и не учтенных памятников археологии) в целом.

Следует отметить, что всего несколько лет назад такой механизм отсутствовал. Вследствие несогласованности различных законодательных норм возникали существенные сложности при его юридической квалификации. Ситуация, как нам кажется, коренным образом изменилась в 2009 г., после передачи права выдачи От-

крытых листов Росохранкультуре (с 2011 г. – Министерству культуры РФ). Новое «Положение о порядке выдачи открытых листов» имеет одно весьма важное преимущество – оно издано не Российской академией наук, а государственным органом власти и является подзаконным актом, разъясняющим некоторые положения, недостаточно четко прописанные в Федеральном законе от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Данный механизм был еще раз реализован на практике осенью 2011 г., на этот раз – не на памятнике археологии. 26 ноября в Старорусском р-не, на поле между деревнями Буреги и Солобско, был замечен еще один «любитель металлопоиска» – Н.Н. Героев (сейчас его имя широко известно в интернете). Был вызван наряд полиции, при виде которого правонарушитель попытался скрыться, разобрать и спрятать металлодетектор. После непродолжительной погони он был доставлен в отделение полиции для составления протокола. Мировой суд Старорусского р-на принял решение, аналогичное летнему. Н.Н. Героев, заручившись поддержкой группы единомышленников по хобби, подал апелляцию в районный суд. Этот случай вызвал большой резонанс на «кладоискательских» сайтах, где велось активное обсуждение, был объявлен сбор денег на судебные расходы и т. п. Юридическую помощь Н.Н. Героеву оказала новообразованная Федерация приборного поиска России (*Елизарьев*, 2012. С. 1, 4). Это не случайно, ведь вопрос, по сути, был поставлен о том, что металлопоиск как таковой (вне зависимости от характера земельного участка и результатов поиска) при отсутствии Открытого листа является противозаконным и наказуемым деянием. Однако районный суд оставил апелляционную жалобу без удовлетворения. Областной суд также подтвердил предыдущие решения о виновности Н.Н. Героева.

Последнее задержание группы из двух «черных копателей» произошло в мае 2012 г. в Новгородском р-не на селище Васильевское II. В настоящий момент дело передано в суд.

В итоге проведенных мероприятий и участия в судебных процессах был получен существенный опыт, позволяющий сформулировать определенные рекомендации по борьбе с незаконными археологическими разведками и раскопками в рамках существующего российского законодательства.

Среди «любителей металлопоиска» бытует мнение, что их хобби не является противозаконным. Большинство из них убеждено, что «копать нельзя только на АКР» (сленговое наименование стоящих на охране объектов археологического наследия), что, впрочем, не мешает значительной их части не обращать на этот запрет никакого внимания.

Однако это распространенное мнение в корне неверно. Металлопоиск (поиск и извлечение из земли древних предметов, монет и т. п.) попадает под действие следующих законодательных документов:

1) Европейская конвенция об охране археологического наследия ETS № 143. 1992 г. (ратифицирована Госдумой РФ 17 июня 2011 г.);

2) Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»;

3) Положение о порядке выдачи разрешений (открытых листов) на право проведения работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия

(утверждено Приказом Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия от 3 февраля 2009 г. № 15).

Все указанные документы однозначно требуют, чтобы поиск археологических древностей проводился квалифицированными специалистами, обладающими специальным разрешением – Открытым листом. Даже при том, что сохраняются некоторые сложности, связанные с расплывчатым формулированием в Гражданском кодексе понятия «клад», по смыслу указанных выше законодательных норм поиск с металлодетектором является по сути «**проведением на земельных участках изыскательских, а также локальных земляных работ с общей площадью раскопов не более 20 кв. метров, в том числе с полным или частичным изъятием археологических находок**». Это, согласно «Положению о порядке выдачи разрешений (открытых листов)», подпадает под определение археологической разведки и требует получения специального разрешения – Открытого листа, выдаваемого в установленном законом порядке.

Поиск и изъятие археологических предметов без Открытого листа подпадает под действие ст. 7.15 Кодекса об административных правонарушениях (Ведение археологических разведок или раскопок без разрешения).

В более серьезных случаях предусмотрена уголовная ответственность в соответствии с УК РФ:

– ст. 243 (Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры);

– ст. 164 (Хищение предметов, имеющих особую ценность);

– ст. 175 (Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем).

Необходимо отметить, что отсутствие правоприменительной практики и относительная сложность доказательства умысла затрудняют применение данных статей Уголовного кодекса даже по отношению к лицам, производящим незаконные раскопки охраняемых памятников археологии.

В этой связи все более широкое применения в разных регионах страны получает в аналогичных случаях статья 7.15 КоАП РФ. Предусмотренное ею наказание для физических лиц не очень серьезное. Это штраф до 2500 руб., однако более чувствительной является конфискация оборудования, т. е. детектора (стоимостью от 10000 руб.), лопат и т. д. Важно, что эти правонарушения относятся к юрисдикции мирового суда, а кроме того, в случае административного правонарушения легче строить доказательную базу.

Здесь необходимо с благодарностью отметить работу координаторов Общественного движения и Межрегиональной общественной организации в защиту археологического наследия «АМАТОР» (и лично В.Е. Еременко). Распространяемые ими памятки (*Еременко, Кириллов, Рутковский*, 2012), содержащие подборки законодательных актов и практические рекомендации по борьбе с разграблением памятников археологии, оказали нам серьезную помощь (особенно на первом этапе, когда собственный опыт был минимален).

Итак, в случае обнаружения факта проведения незаконных разведок и раскопок дальнейшие действия разбиваются на три важнейших этапа: 1) задержание и составление протокола об административном правонарушении;

2) работа в суде; 3) освещение в средствах массовой информации.

Этап 1. Задержание и составление протокола должны производить представители правоохранительных органов. В случае обнаружения незаконных раскопок следует:

– позвонить в полицию и сообщить о том, что происходит правонарушение, предусмотренное ст. 7.15 КоАП РФ. Нужно быть готовым, что уже на этапе телефонного разговора придется объяснять сотрудникам полиции, в чем заключается данное правонарушение и его общественная опасность;

– в процессе ожидания не пытаться остановить правонарушителей, не подходить к ним. Лучше всего издали, не привлекая внимания, наблюдать за их действиями, стараясь запомнить подробности и, по возможности, зафиксировать на фото и видео процесс поиска и локальные земляные работы;

– поставить в известность госорганы охраны памятников, которые также могут оказать содействие в ускорении прибытия наряда полиции;

– дождаться и встретить наряд полиции, еще раз разъяснить ее сотрудникам происходящее. Обязательно упомянуть о том, что при задержании правонарушитель скорее всего попытается скрыть находки и оборудование. Дело в том, что на «кладоискательских» форумах получили широкое распространение настоящие инструкции по уходу от ответственности по ст. 7.15 КоАП РФ, содержащие практические рекомендации, что говорить и что делать, чтобы избежать наказания.

Прибывшие сотрудники полиции должны:

– остановить правонарушителей;

– составить протокол об административном правонарушении (важно, чтобы в нем были правильно указаны формулировка статьи 7.15 – «ведение археологических разведок или раскопок без разрешения») и пункт статьи;

– изъять находки, металлодетекторы, лопаты и др. оборудование (с составлением протокола об изъятии);

– задокументировать свидетельские показания, в которых должны быть отражены факты проведения поиска и локальных земляных работ, охраняемый статус территории (если он есть), характеристика изъятых находок;

– осмотреть местность и задокументировать повреждения почвенного покрова и/или культурного слоя (это важно для доказательства факта земляных работ);

– по возможности составить схему места правонарушения.

Взаимодействие с полицией может быть организовано по-разному. В частности, в ходе подготовки к весеннему рейду были сформированы 5 оперативных групп, состоящих из представителей Управления по охране объектов культурного наследия и специалистов-археологов (2–3 человека на автомобиле). Для каждой группы был выделен район патрулирования (участок территории с несколькими археологическими памятниками). В случае выявления людей, ведущих раскопки с металлодетектором на памятнике археологии, вызывался наряд полиции, который проводил задержание. Оперативная реакция полиции была обеспечена предварительной договоренностью. По итогам весеннего рейда руководством полиции по охране общественного порядка Новгородской обл. в районные ОВД было разослано Указание об усилении борьбы с грабительскими раскопками (от 28 июня 2011 г. № 20/506).

Этап 2. Работа в суде. После этого материалы передаются мировому судье для рассмотрения. Необходимо следить за ходом дела, заранее узнать о судебном заседании. Важно, чтобы на нем присутствовали все свидетели и была представ-

лена потерпевшая сторона. На этом этапе принципиальное значение имеет позиция представителей государственных органов охраны памятников. Идеально, если именно они представляют потерпевшую сторону в суде, ведь как раз на нее во многом ложится бремя доказательства вины правонарушителя в ходе судебных прений.

Кроме того, для успешной работы в суде необходимо подготовить все необходимые аргументы – показания, выдержки из законодательных норм, документальные свидетельства (схемы расположения ближайших археологических памятников, копии их паспортов, фотографии, сделанные на месте правонарушения, экспертные заключения и т. п.) – и приобщить их к материалам дела.

Правонарушители так или иначе будут доказывать то, что их действия не являются археологическими разведками и раскопками и, соответственно, не требуют разрешения (Открытого листа). Тактика защиты может быть основана на нескольких видах аргументов:

1) отрицание самого факта поиска (здесь принципиальное значение приобретают показания свидетелей и сотрудников полиции, осуществлявших задержание);

2) отрицание факта поиска конкретно археологических предметов и объяснение своих действий поиском потерянного кольца жены, металлолома, деталей сельхозтехники, договором с собственником земли на очистку участка от металлического мусора и т. д.;

3) попытка доказать ложный тезис, что наказание за металлопоиск наступает только в случае его проведения на территории археологического памятника, включенного в реестр объектов культурного наследия.

При подготовке к судебному заседанию следует учитывать, что возможности ухода от ответственности активно обсуждаются и пропагандируются на различных «кладоискательских» интернет-ресурсах.

Таким образом, успех прений зависит от того, насколько потерпевшая сторона четко и аргументированно сможет доказать суду, что привлекаемый к административной ответственности осуществлял именно археологические разведки и раскопки. Для этого необходимо, со ссылками на соответствующие законодательные акты, показать, что **поиск скрытых в земле металлических предметов** (являющихся следами человеческой деятельности) и локальные земляные работы по извлечению найденных предметов из грунта являются **поиском (выявлением) объектов археологического наследия**.

Последнее прямо проистекает из ратифицированной 17 июня 2011 г. Россией Европейской конвенции об охране археологического наследия ETS № 143 («**все остатки и предметы** и любые другие следы человечества прошлых эпох считаются элементами археологического наследия») и статьи 3 Федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия» (где объектами археологического наследия считаются «частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека**, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки»**). В эту категорию попадают практически все металлические предметы, являющиеся целью «кладоискателей».

Если это доказано, то действия правонарушителя по поиску и извлечению скрытых в земле металлических предметов квалифицируются как археологическая

разведка и/или раскопки, что требует наличия Открытого листа, выдаваемого в установленном законом порядке. Что и требовалось доказать.

Важно, что действие указанной статьи наступает независимо от статуса или формы собственности земельного участка – при этом собственник участка не имеет права собственности на скрытые в земле объекты археологического наследия, а также права вести раскопки без соответствующего разрешения.

Этап 3. Освещение в СМИ. Крайне важно подключить средства массовой информации. Если о происходящем не узнают широкие круги общественности, то эффект будет значительно ниже. По-возможности, следует развернуть широкую PR-кампанию. Могут быть подключены местное телевидение, пресса, хорошие возможности дают электронные СМИ и социальные сети. Каждый этап судебного разбирательства может и должен стать хорошим информационным поводом для привлечения внимания широкой общественности к состоянию памятников археологии и проблеме их постоянного разграбления. Чем целенаправленней будет осуществляться эта кампания, чем тщательней будет работа с журналистами (включая отбор авторов и частичную редактуру их текстов), тем больший эффект будет получен.

В нашем случае события задержаний и решения судов (особенно по делу Н.Н. Героева) вызвали большой интерес как журналистов, так и читателей, а статьи в Интернете показывали высокое количество просмотров.

В завершение необходимо остановиться на вопросе о конкретных задачах борьбы с разграблением памятников археологии. Очевидно, что аналогичные описываемым акции остаются единичными, они не смогут остановить этот процесс.

Одной из главнейших задач становится создание устойчивой правоприменительной практики по статье 7.15 КоАП РФ во всех регионах страны. По мере ее становления сотрудники полиции будут пресекать данные правонарушения уже и без участия археологов.

Второй задачей представляется формирование общественного мнения и доведение до максимального количества россиян того факта, что поиск древностей с металлодетектором незаконен.

В-третьих, хочется надеяться, что часть «любителей металлопоиска» (прежде всего законопослушные граждане), узнав об активных акциях и задержаниях, откажутся от своего хобби или же будут заниматься им, находясь под постоянным напряжением и угрозой наказания, прячась от каждого подозрительного человека.

Кроме того, исключительная важность привлечения общественного внимания к масштабам любительского металлопоиска и его опасности для археологического наследия как никогда подчеркивается подготовкой законопроекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии».

Хотелось бы надеяться, что изложенный опыт поможет коллегам защитить памятники археологии в своих регионах. Представляется, что одним из способов такой защиты могло бы стать согласованное проведение новых акций.

В связи с тем, что в период подготовки к публикации текста доклада, представленного на псковском семинаре в апреле 2012 г., в Государственную думу РФ (ГД РФ) были внесены два законопроекта, прямо затрагивающих рассматриваемую проблему, считаем необходимым прокомментировать их потенциал с точки зрения

имеющегося практического опыта борьбы с незаконными археологическими разведками и раскопками.

В декабре 2012 г. депутатом ГД РФ В.Н. Левичевым был направлен законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам введения лицензирования использования металлоискателей, детекторов неоднородности почв и иного специального поискового оборудования для обнаружения объектов археологического наследия и (или) археологических предметов».

Согласно данному документу, Федеральный закон № 73-ФЗ предлагается дополнить нормой о том, что «использование металлоискателя, детектора неоднородности почв и иного специального поискового оборудования для обнаружения объектов археологического наследия и (или) археологических предметов подлежит лицензированию». В статью 7.15 КоАП РФ предлагается внести наказание за использование «поискового оборудования для обнаружения объектов археологического наследия и (или) археологических предметов лицом, не имеющим лицензии на данный вид деятельности».

Представляется, что данные предложения вступают в серьезное противоречие с существующим законодательством в области охраны культурного наследия. Согласно существующим нормам, «обнаружение объектов археологического наследия и (или) археологических предметов» является археологической разведкой и требует не лицензии (порядок получения которой в предлагаемом В.Н. Левичевым законопроекте не прописан), а Открытого листа. Наказание, предусматриваемое за использование металлоискателя без лицензии, незначительно. Это особенно существенно в связи с тем, что акцент фактически переносится с наказания за отсутствие Открытого листа (как подтверждения квалификации исследователя и выполнения им существующих норм проведения археологических работ) на наказание за отсутствие лицензии на использование металлоискателя. Кроме того, законопроект В.Н. Левичева совершенно не затрагивает такую важнейшую сферу, как незаконный оборот археологических находок. Принятие данного законопроекта, на наш взгляд, может привести не к улучшению, а к усложнению ситуации, т. к. создаст путь легализации деятельности «любителей металлопоиска», лишь имитируя соответствие Европейской конвенции об охране археологического наследия ETS № 143.

Совершенно иное впечатление оставляет проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии», разработанный Министерством культуры РФ и внесенный в ГД Правительством РФ в начале февраля 2013 г. К несомненным достоинствам данного законопроекта может быть отнесено следующее:

- законопроект впервые формулирует понятие «археологический предмет», что дает возможность определить его принадлежность к системе культурных ценностей. Данная формулировка представляется крайне важной и давно назревшей, т. к., придавая охраняемый статус отдельным артефактам, позволяет ликвидировать существенную лакуну в действующем законодательстве;
- законопроект вносит изменения в Федеральный закон № 73-ФЗ, предусматривающие более конкретную формулировку понятия «объект археологического наследия». Кроме того, в указанный Федеральный закон переносятся нормы, опре-

деляющие виды полевых археологических работ и регулирующие порядок их проведения. Также важнейшей новацией является законодательное оформление положения о том, что поиск объектов археологического наследия или археологических предметов при помощи металлоискателя (и иного специального поискового оборудования) требует Открытого листа, т. е. может производиться исключительно профессиональным археологом, полномочия и квалификация которого подтверждены Российской академией наук и Министерством культуры РФ. Представляется, что прямая формулировка данного положения однозначно определяет незаконный характер действий «любителей металлопоиска». Принципиальное значение имеет также норма, предполагающая обязательную передачу в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации культурных ценностей (в том числе археологических предметов), полученных в ходе любых хозяйственных работ;

- законопроект прямо устанавливает уголовную ответственность за незаконную добычу археологических предметов (в том числе с использованием металлоискателей и других специальных технических средств поиска или землеройных машин). Такая формулировка, как представляется, исключает возможность ухода «любителей металлопоиска» от ответственности. Ужесточение наказания за указанные деяния, на наш взгляд, является своевременным и соответствует общественной значимости сохранения археологического наследия народов России от разграбления;
- законопроект предусматривает уголовную ответственность за уклонение от обязательной передачи археологических предметов (обнаруженных в результате полевых археологических, землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ) в государственную собственность и административную ответственность за незаконный оборот археологических предметов, что однозначно определяет его нелегитимность. Такие меры, аналогичные принятым во многих зарубежных странах, представляются крайне важными, т. к. позволят эффективно бороться с частным коллекционированием и «черным рынком» археологических предметов.

Таким образом, проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» является крайне своевременным и актуальным. Скорейшее принятие данного закона Федеральным Собранием Российской Федерации станет действенной мерой, способной защитить археологическое наследие народов России от угрозы гибели в результате бесконтрольного разграбления.

Литература

Елизарьев А., 2012. Поисковику – помогать, с учеными – сотрудничать: Федерация приборного поиска уже взяла под защиту первого поисковика // Кладоискатель. Золото. Клады. Сокровища: Рекламно-информационное издание клуба «Кладоискатель и Золотодобытчик». №2 (8). [Электронный ресурс] // http://minelab.com.ru/gazeta/8-28-02-12/kladoiskatel-newspaper-8.pdf (дата обращения 25.05.2012).

Еременко В.Е., Кириллов А.Н., Рутковский В.А., 2012. Действия граждан и сотрудников правоохранительных органов в случае обнаружения несанкционированных разведок, раскопок, металлопоиска и торговли археологическими артефактами. Нижний Новгород.

Торопова Е.В., Торопов С.Е., Самойлов К.Г., Колосницын П.П., 2011. Современное состояние и проблемы сохранения памятников археологии Новгородской области по материалам инвентаризации 2009 г. // АИППЗ. Мат. 56-го засед., посвящ. 130-летию Псковского археологического общества. М.; Псков.

Сведения об авторах

Александров Анатолий Алексеевич. Псков, Псковский государственный музей-заповедник
Баранов Александр. Берлин, Свободный университет
Безруков Денис Александрович. Великий Новгород, Комитет культуры Новгородской области
Белецкий Сергей Васильевич. Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН
Бессуднова Марина Борисовна. Липецк, Липецкий государственный педагогический университет
Быков Александр Владимирович. Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Вязкова Ольга Евгеньевна. Москва, Российский государственный геологоразведочный университета им. Серго Орджоникидзе
Гайдуков Пёр Григорьевич. Москва, Институт археологии РАН
Галик Альфред. Вена, Университет ветеринарной медицины
Данилов Василий Владимирович. Тверь, Тверской филиал Государственной академии славянской культуры
Деркач Виктория Александровна. Псков, Археологический центр Псковской области
Дорофеева Татьяна Семёновна. Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН
Закурина Татьяна Юрьевна. Псков, Археологический центр Псковской области
Зорин Александр Васильевич. Курск, Курский государственный областной музей археологии
Зубкова Елена Сергеевна. Псков, Псковский государственный музей-заповедник
Йонайтис Ритис. Вильнюс, Институт истории Литвы
Каплунайте Ирма. Вильнюс, Институт истории Литвы
Катышевский Юрий Владимирович. Санкт-Петербург, ОАО «СПб НИиПИ по реставрации памятников истории и культуры»
Колосницын Павел Павлович. Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Колпакова Юлия Вячеславовна. Псков, Псковский государственный университет
Конов Артём Петрович. Санкт-Петербург, НИИ «Спецпроектреставрация»
Королёва Эльвира Валерьевна. Псков, Псковский государственный музей-заповедник
Короткевич Борис Сергеевич. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж
Костючук Лариса Яковлевна. Псков, Псковский государственный университет
Кузнецова Валентина Николаевна. Санкт-Петербург, Российский этнографический музей
Лопатин Николай Владимирович. Москва, Институт археологии РАН
Малышев Сергей Владимирович. Великий Новгород, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
Медведева Мария Владимировна. Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН
Михайлов Александр Валерьевич. Псков, Археологический центр Псковской области
Михайлов Андрей Александрович. Санкт-Петербург, Институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ
Михайлова Елена Робертовна. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет
Олейников Олег Михайлович. Москва, Институт археологии РАН
Плавинский Владимир Александрович. Минск, Национальный исторический музей Республики Беларусь
Плавинский Николай Александрович. Минск Национальный исторический музей Республики Беларусь
Площук Галина Ивановна. Псков, Псковский государственный университет
Подгорная Розалия Геннадиевна. Псков, Археологический центр Псковской области
Попов Сергей Германович. Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН
Романовский Антон Борисович. Псков, Археологический центр Псковской области
Салимов Алексей Маратович. Тверь, Тверской филиал Государственной академии славянской культуры
Салмин Сергей Анатольевич. Псков, Псковский археологический центр
Салмина Елена Вячеславовна. Псков, Археологический центр Псковской области
Самойлов Кирилл Глебович. Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Соболев Владислав Юрьевич. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет
Сорокин Пётр Егорович. Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН
Спиргис Роберт. Рига, Институт истории Латвии при Латвийском университете
Стасюк Иван Вадимович. Гатчина, Музей-усадьба Н.К. Рериха «Извара»
Татарников Олег Михайлович. Псков, Псковский государственный университет
Торопов Сергей Евгеньевич. Великий Новгород, Новгородский государственный объединенный музей заповедник
Торопова Елена Владимировна. Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Турилов, Анатолий Аркадьевич. Москва, Институт славяноведения РАН
Харлашов Борис Николаевич. Псков, Псковский археологический центр
Чернецов Алексей Владимирович. Москва, Институт археологии РАН
Шуньгина Светлана Евгеньевна. Санкт-Петербург, НИИ «Спецпроектреставрация»
Шуреев Андрей Викторович. Великий Новгород, Новгородский музей-заповедник
Юрцева Анастасия Олеговна. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет
Яковлева Елена Александровна. Псков, Археологический центр Псковской области

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Е.А. Яковлева. Археология в Пскове в 2011 г.

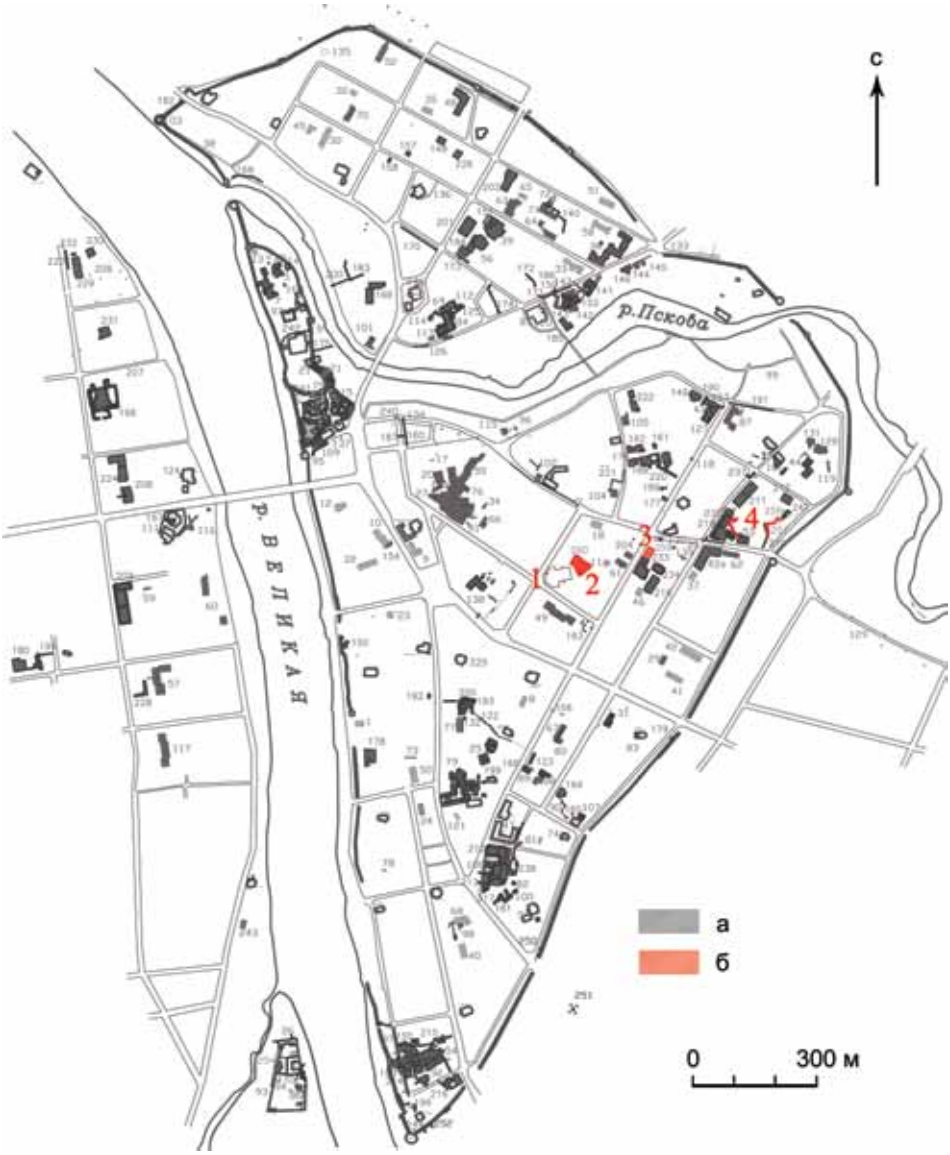


Рис. 2. Схема расположения раскопов 1912–2010 гг. (*а*) и 2011 г. (*б*) в г. Пскове
1 – шурфы у здания Областного драматического театра; *2* – Лужский II раскоп;
3 – Новоторговский X раскоп; *4* – Петровские XIII–XV раскопы

Рис. 4. Кресты из камня и янтаря, найденные с бусинами
1 – ПГОИАХМЗ, кол. 8251, № 2426, ПГпр-72, Е-76-14, № пол. 9; *2* – ПГОИАХМЗ, кол. 6370, № 983, ППИ-70, А-4-15, № пол. 130; *3* – ПГОИАХМЗ, фонд хранения археологии, кол. 2208, № 555, Кремль-48, кв. 154, пл. 2; *4* – ГЭ, ПСК-672, Довмонтов город, 1959, ПВ-148 (фото из: *Белецкий,* 1991)

Рис. 5. Кресты из камня и янтаря, найденные с бусинами
1 – ПГОИАХМЗ, кол. 3542, № 14, Гроздилов-54; *2* – ПГОИАХМЗ, кол. 16017, № 15, ПЛ-82, Ь-380-9 (–178); *3* – ПГОИАХМЗ, кол. 5689, № 546, ППИ-68, Ж-90-10, № пол. 20; *4, 5* – ПГОИАХМЗ, кол. 5689, ППИ-68, № 794, Е-95-10, № пол. 15; *6* – ПГОИАХМЗ, кол. 28283, № 126, ПЛ-83-V, И-551-6 (–118), № пол. 5

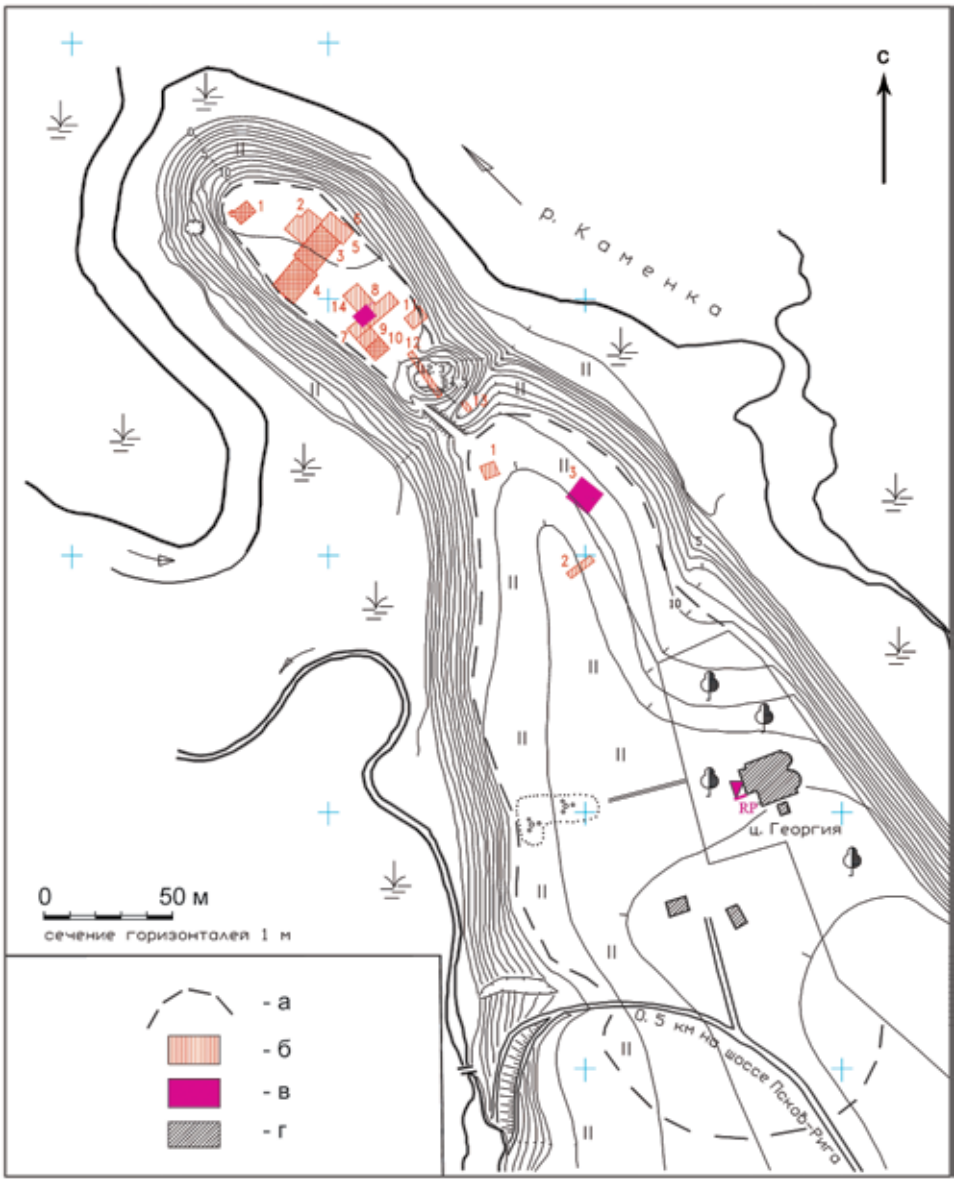


Рис. 1. Городище и селище Камно. Ситуационный план раскопов. Обмеры Б.Н. Харлашова, 1992 г. Условные обозначения: *а* – граница культурного слоя, *б* – раскопы 1948–49, 1951–52, 1973–76 гг., *в* – раскопы 2010 г., *г* – постройки на погосте.

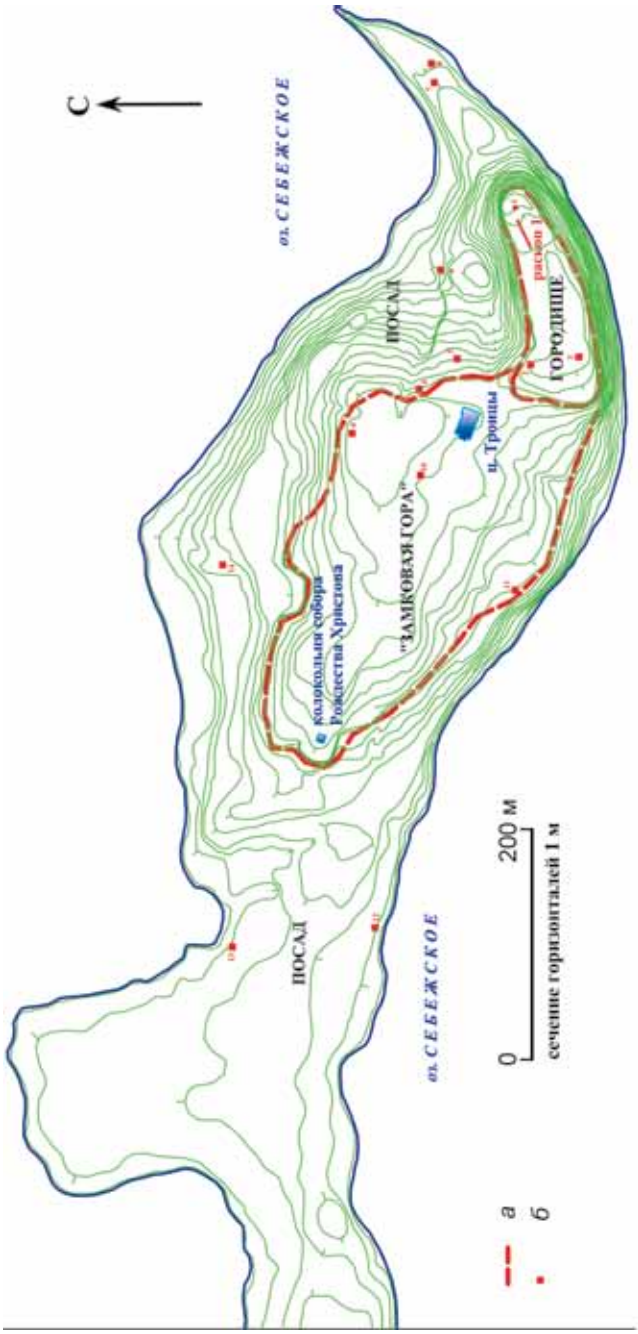


Рис. 1. План расположения раскопа 1 и шурфов в г. Себеже.
а – приблизительные границы внутренних средневековых территорий Себежа; *б* – раскопы и шурфы

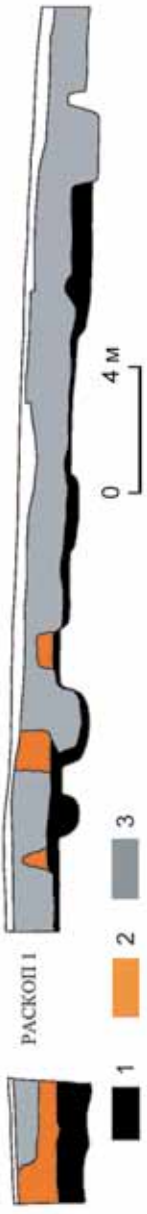


Рис. 2. Разрез культурного слоя в центральной части Себежского городища (северо-западный профиль раскопа 1 и шурфа 1)
1 – темно-серый непереотложенный слой; *2* – слой гравия, глины, песка, щебня; *3* – слой немецкого кладбища

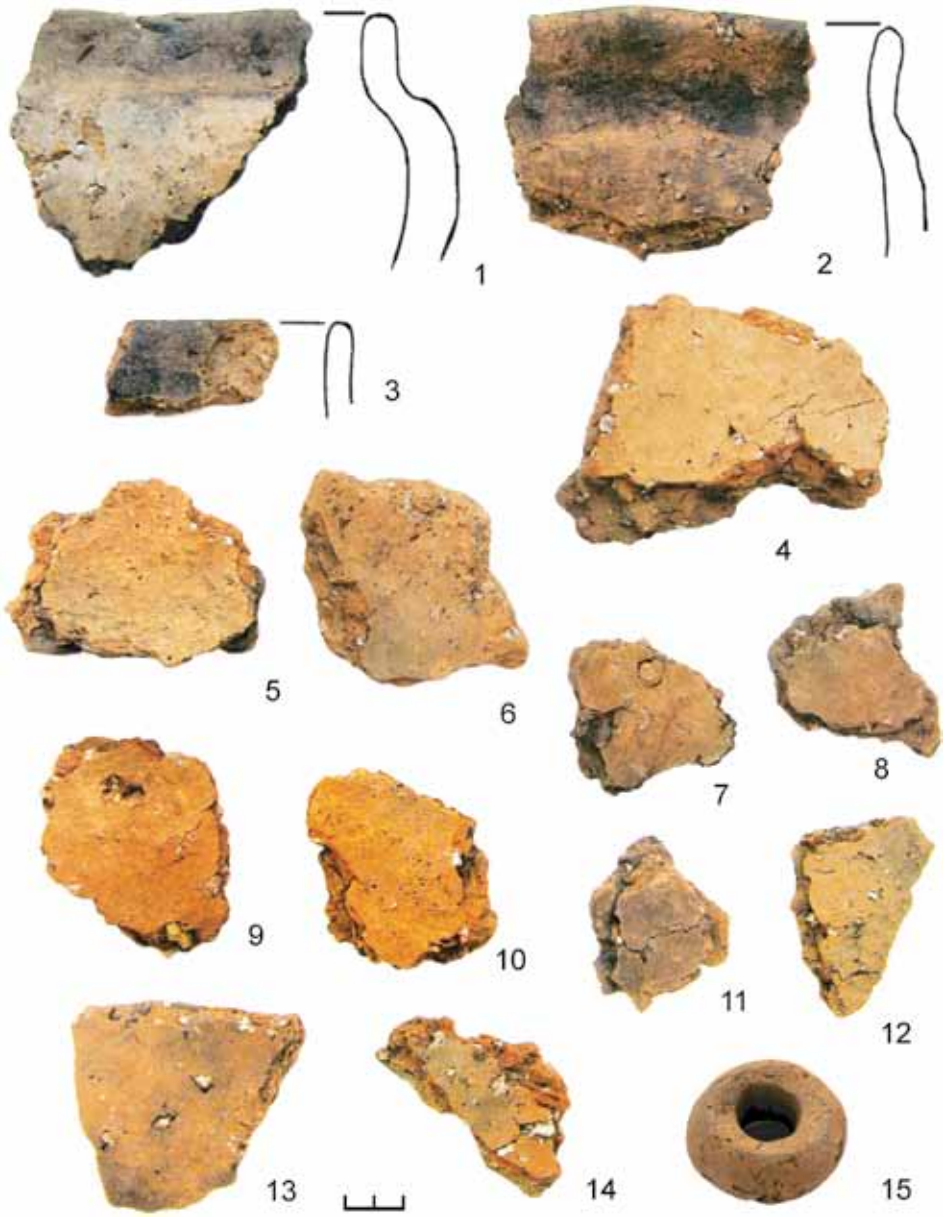


Рис. 3. Находки из предматерикового слоя раскопа 1
1–14 – фрагменты лепной керамики; *15* – глиняное биконическое пряслице

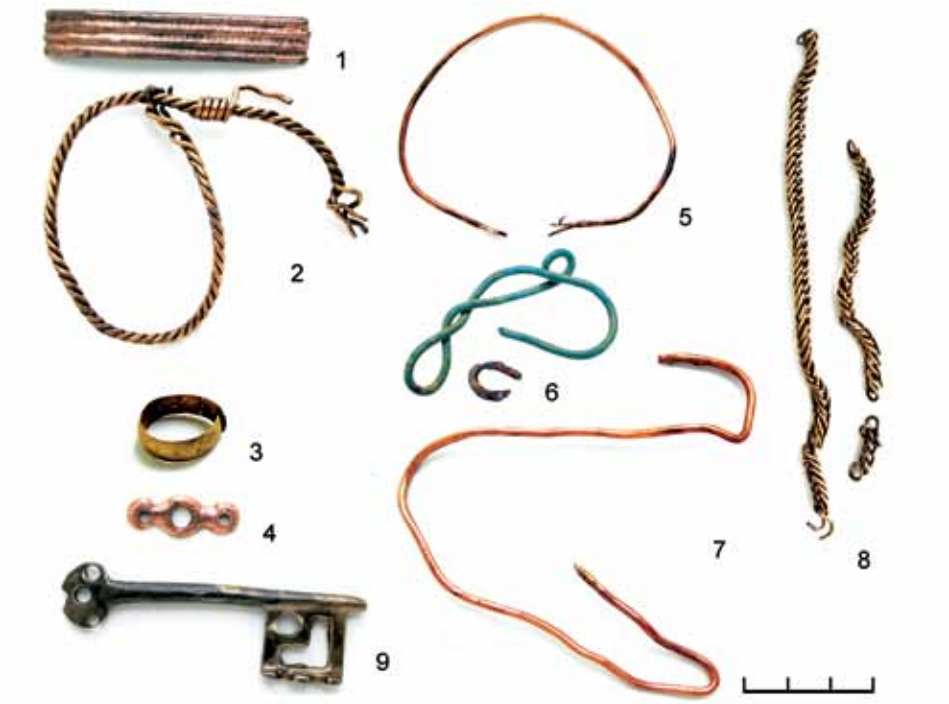


Рис. 4. Бронзовые изделия из раскопа 1 и шурфа 1
1 – фрагмент узкопластинчатого перстня; *2* – трехпроволочный витой браслет с завязанными концами; *3* – узкомассивный перстень; *4* – фигурная накладка; *5–7* – проволочные височные кольца; *8* – цепочки; *9* – ключик от нутряного замка

Рис. 5. Изделия из стекла, кости и камня
1–3 – фрагменты браслетов; *4–5* – бусы; *6* – нательный крестик; *7–12* – пряслица; *13* – проколка. (*1–3, 5* – стекло; *4* – паста; *7–11* – шифер; *12* – глина; *6, 13* – кость)

Рис. 6. Железные изделия
1 – черешковый наконечник копья; *2–5* – ножи; *6* – гвоздь с фигурной шляпкой; *7, 8* – овально-четырехугольные кресала; *9* – цилиндрический замок; *9* – кольцо

Рис. 9. Находки XV–XVIII вв. из раскопок на городище и посаде Себежа
1 – ключ в медной обтяжке; *2* – рукоять ножа; *3* – ядро; *4* – ключ; *5* – шило; *6* – светец; *7* – клин; *8* – обувная подковка; *9* – носик водолея; *10, 13* – сетевые грузила; *12* – фрагменты изразца; *14* – фрагменты оконного стекла. (*1–4, 7, 11* – раскоп 1; *5* – шурф 13; *6* – шурф 5; *8* – шурф 14; *9* – шурф 7; *10, 13* – шурф 9; *12* – шурф 3; *14* – шурф 10)

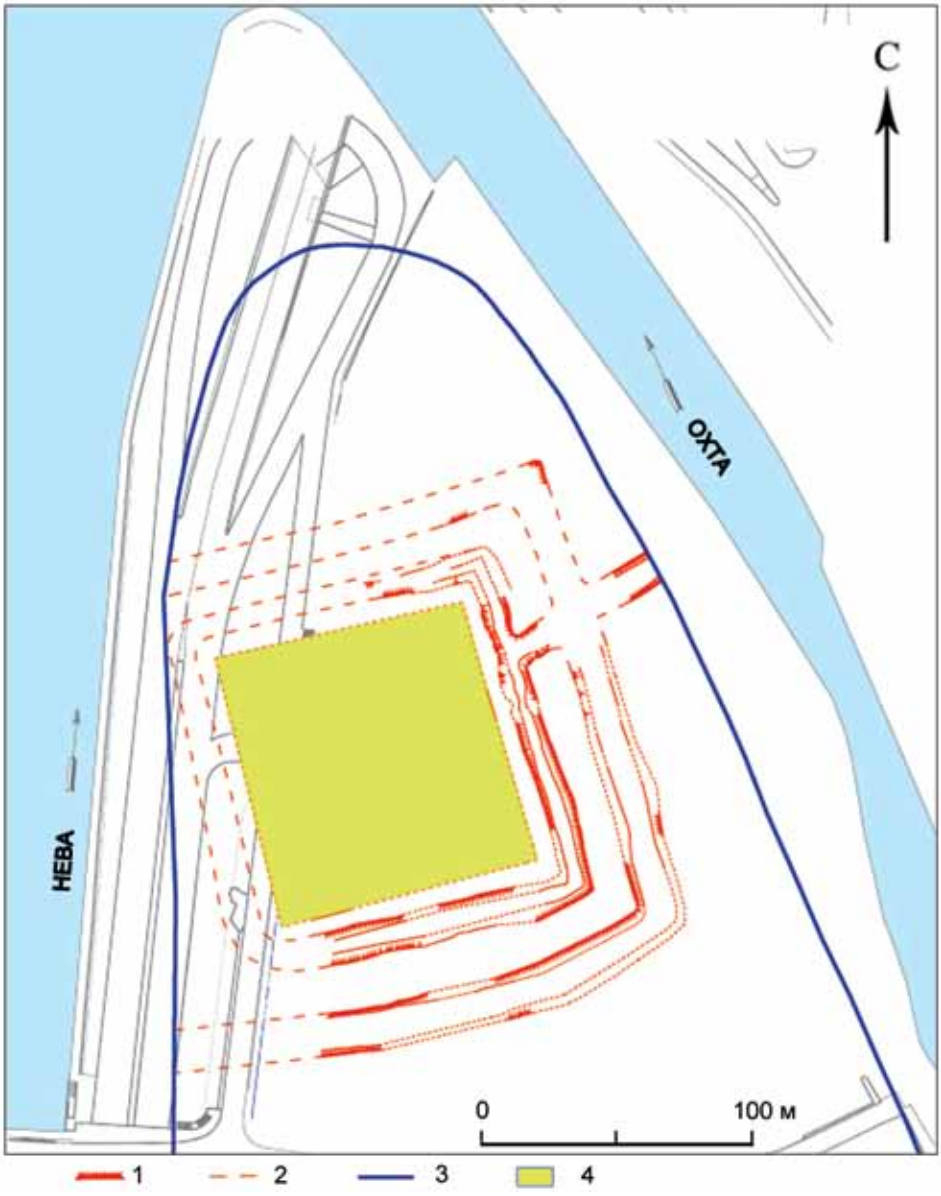


Рис. 1. План крепости Ландскрона
1 – изученные участки крепостных рвов; *2* – реконструируемые участки рвов; *3* – реконструируемая береговая линия; *4* – дерево-земляная платформа в основании крепости

Ю.В. Катышевский, С.Е. Шуньгина. Археологические исследования на территории Большого Успенского монастыря в Тихвине в 2010 г.

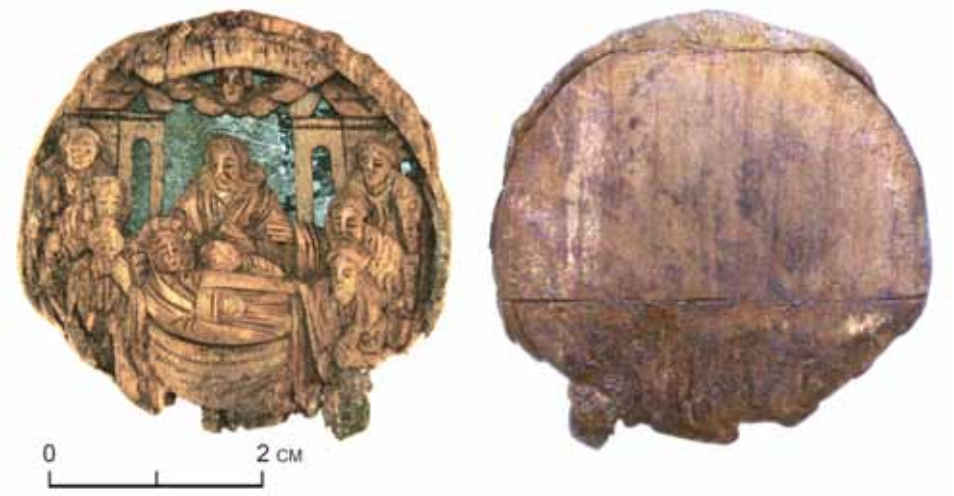


Рис. 3. Образок Успения Божией Матери из погребения 46 (лицевая и оборотная стороны)

Е.А. Яковлева, Н.В. Лопатин, А.В. Михайлов. Археологический парк на Труворовом городище: основные предпосылки и принципы проектирования

Рис. 1. Музеефикация Труворова городища. Объемный макет

Рис. 1. Предметы с растительным орнаментом у даугавских ливов (бронза)
1 – крестик, Огресгала Чабас, п. 22; *2* – крестик, Долес Рауши, п. 12 (VI 146: 71); *3* – овальная фибула и цепедержатель, Икшкилес Кабелес, п. 45 (RDM I 2238a); *4* – позолоченная пуговица с эмалью, Долес Рауши, п. 142 (VI 146: 916); *5* – цепедержатель, Долес Рауши, п. 149 (VI 146: 955); *6* – пряжка, поселение Саласпилс Лаукскола (VI 128: 4245); *7* – подвеска с т. н. знаком Рюриковичей, Саласпилс Лаукскола, п. 570 (VI 128: 7822)

Рис. 2. Заставка из Евангелия Добрейшко, 1-я пол. XIII в. (Народная библиотека Кирилла и Мефодия в Софии, Болгария, НБКМ 17. Л. 121)

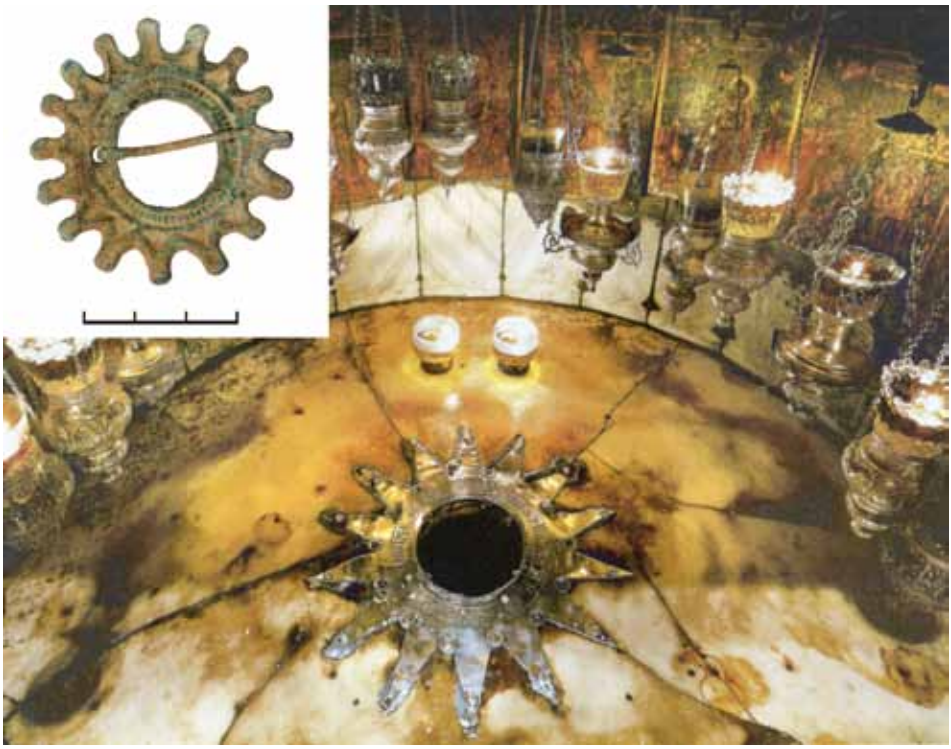


Рис. 3. Бронзовая звездообразная застежка, случайная находка недалеко от Елгавы в окрестностях Калнциема (?) (частная коллекция), и серебряная звезда в подземном гроте в Базилике Рождества Христова в Вифлееме, Израиль (по: *Kraume*, 2008. S. 53)

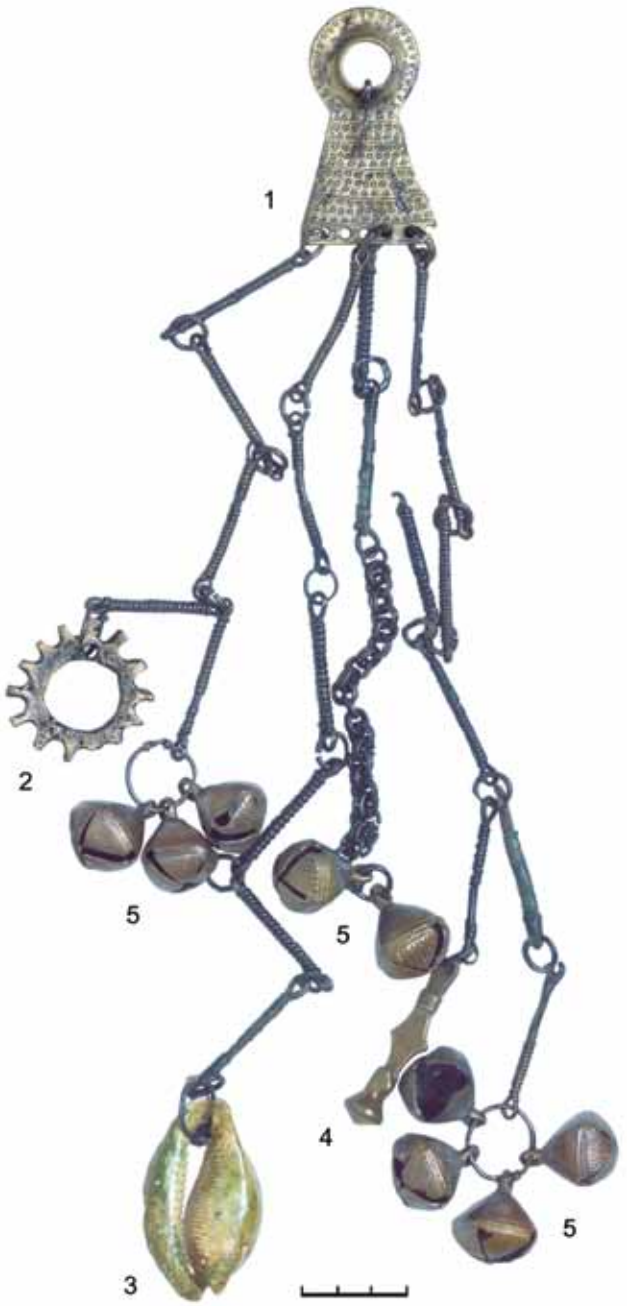


Рис. 4. Цепевидное украшение (VI 128: 925) из п. 94 могильника Саласпилс Лаукскола (по: *Zariņa*, 2006. 327. lpp., 153. att.)
1 – застежка; *2* – звездообразная застежка; *3* – большая раковина каури; *4* – подвеска; *5* – бубенчик. (*1, 2, 4, 5* – бронза)

Рис. 5. «Видение св. Евстафию Плакиде», фреска в церкви п. Чикули, Грузия, XVII в. (по: *Гладкова и др.*, 2008. С. 318), и найденный на Даугмальском городище бронзовый знак паломника (А 9964: 4036)

Рис. 6. Предметы с изображением мученика Нестора
1 – «Великомученик Димитрий благословляет мученика Нестора», реликварий (без масштаба), монастырь Ватопед на Афоне, Греция, 2-я пол. XII в. (по: *Иванова и др.*, 2007, 156); *2* – найденный на Даугмальском городище бронзовый знак паломника (А 9964: 1585)

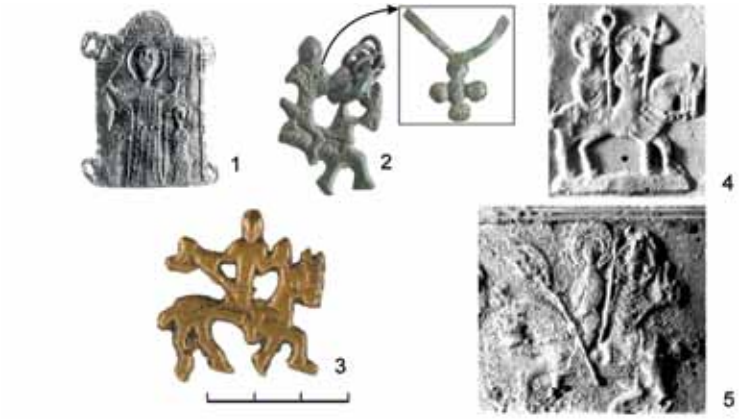


Рис. 7. Знаки паломников с изображением вооруженных топором святых
1 – свинцово-оловянный знак паломника с изображением Апостола Матфия и двух трирских епископов (найден в Дордрехте, Голландия), Трир, конец XIV в. (по: *Beuningen, Koldeweij*, 1993. P. 180. Afb. 285); *2* – бронзовый знак паломника с изображением Апостола Матфия из п. 480 могильника Саласпилс Лаукскола (VI 128: 6931); *3* – бронзовый знак паломника с изображением Апостола Матфия из Даугмальского городища (А 12600: 45); *4* – оттиск знака паломника на колоколе Хохелхаймской церкви, Германия, с изображением Апостола Матфия и трирского епископа Матернуса, 1-я пол. XV в. (по: www.kunera.nl, № 04593); *5* – то же, на колоколе Оберелвенихской церкви, Германия, до 1425 г. (по: www.kunera.nl, № 07791)

Рис. 8. Инвентарь захоронения 34 могильника Огресгала Чабас (без керамического кругового горшка):
1 – ожерелье из стеклянных бус с четырьмя подвесками с изображением головы быка, двумя бубенчиками и крестиком; *2* – янтарное пряслице; *3* – бубенчик; *4* – остатки деревянного веретена с надетым на него бронзовым спиральным кольцом; 5 – колечки; *6* – игла от застежки; *7–14* – спиральные кольца; *15* – нож; *16* – гвоздь (*1* – стекло, бронза; *3, 5–14* – бронза; *15, 16* – железо)

Рис. 9. Смерть св. Евстафия Плакиды с семьей, гравюра из монология византийского императора Василия II (976–1025) (по: *Гладкова и др.*, 2008. С. 318)

Рис. 10. Подвески и литейная формочка для отливки круглых подвесок с головой быка
1 – крестик и ковшик, п. 97 могильника Саласпилс Лаукскола (VI 128: 997); *2* – ключик, п. 161 могильника Саласпилс Лаукскола (VI 128: 1923); *3* – круглая подвеска с изображением головы быка из Новгорода (по: *Покровская*, 2007. С. 282. Рис. 2, *2*); *4* – круглая подвеска с изображением головы быка, п. 34 могильника Огресгала Чабас; *5* – литейная формочка с Даугмальского городища (А 12695: 477). (*1–5* – бронза)

Рис. 11. Св. Марфа, гравюра из бревиария Изабеллы. Фландрия, конец XV в.
(по: *Backhous*, 1993. P. 55. Fig. 58)

Рис. 12. Подвески-птички и их символика
1–3 – подвески-птички с Даугмальского городища (*1* – A 9964: 6722, *2* – A 9964: 6470, *3* – A 11971: 1954); *4* – подвеска-птичка из п. 183 могильника Саласпилс Лаукскола (VI 128: 2105); *5* – подвеска-петушок, случайная находка на могильнике Долес Вампениеши I (VI 124: 1102); *6* – саркофаг св. Барбариана, Равенна, Италия, V в. (по: *Bayet*, 2009. P. 54, 55); *7* – золотые серьги, Византия, VI/VII в. (по: Die Welt… 2004. S. 323. Abb. 618). (*1–5* – бронза)

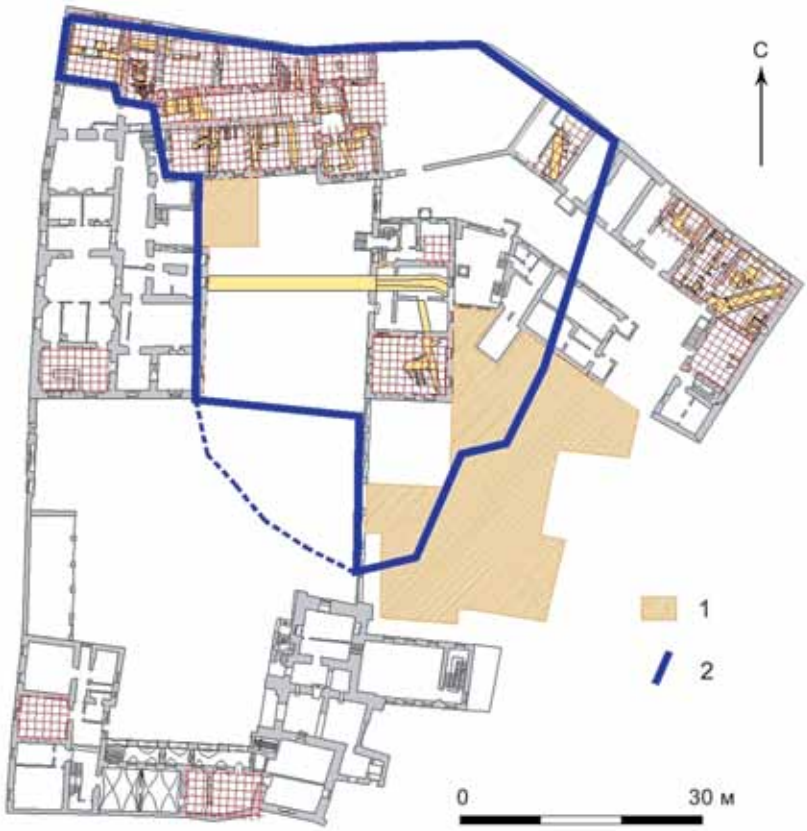


Рис. 1. План исследуемой территории по ул. Бокшто, 6
1 – места раскопок 2011 г.; *2* – предполагаемая граница могильника

Рис. 2. Общий вид раскопа 22. Вид с востока

Рис. 3. Раскоп 26, погребение 347. Вид с востока

Рис. 4. Контрольная бровка между раскопами 21 и 24. Погребения 334–336. Вид с севера

И. Каплунайте. Археологические исследования Немецкого города в Вильнюсе

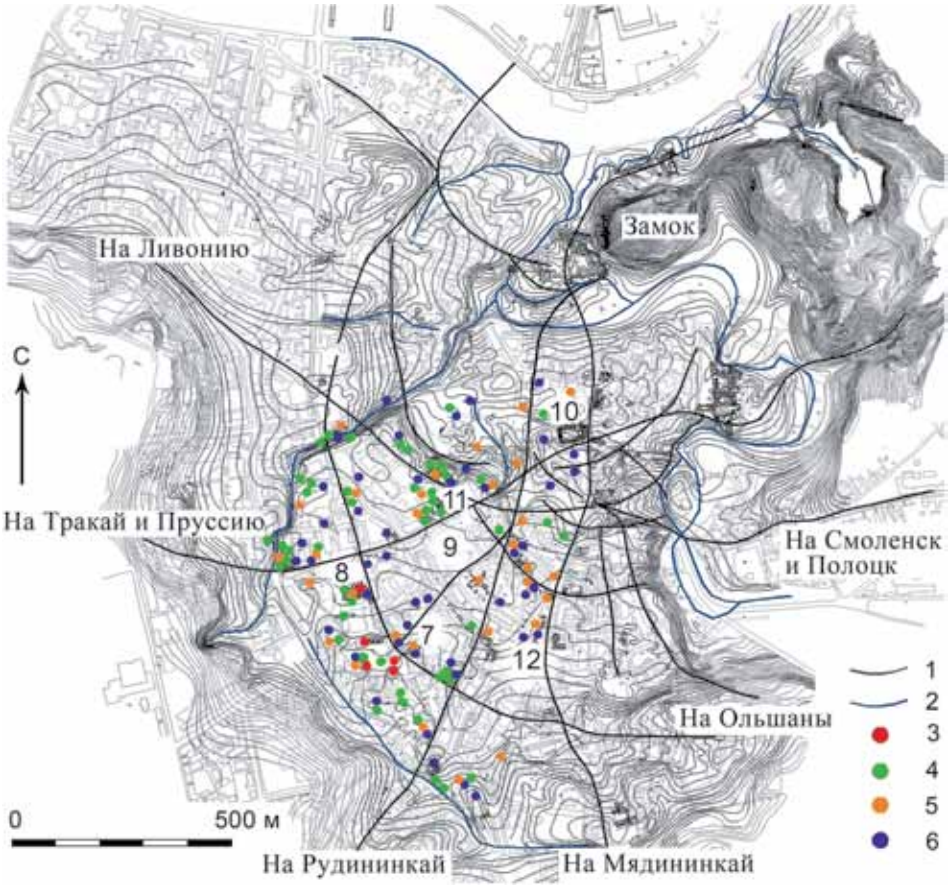


Рис.1. План Вильнюса по: *Sarcevičius S., Vaitkevičius G., Valionienė O.*, 2006. Дополнения И. Каплунайте
1 – реконструированные дороги; *2* – реконструированные русла рек; *3* – напластования и находки последней трети XIV в.; *4* – напластования и находки стыка XIV–XV вв.; *5* – напластования и находки первой половины XV в.; *6* – напластования и находки второй половины XV – начала XVI в.;
7 – костел Св. Николая; *8* – костел Вознесения Пресвятой Девы Марии и францисканский монастырь;
9 – еврейский район (с XVI в.); *10* – костел Св. Иоанна; *11* – костел Св. Духа (доминиканцев);
12 – Вильнюсская Ратуша

Список сокращений

АИППЗ	– Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы Семинара (с 2005 г. – имени академика В.В. Седова).
АКР	– Археологическая карта России.
АО	– Археологические открытия. М.
АС	– Археологический съезд.
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
ВДИ	– Вестник древней истории. Москва.
ГАЗ	– Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры.
ГБУК	– Государственное бюджетное учреждение культуры.
Гд., ГД	– Гдовский р-н Псковской обл.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж.
ИАК	– Императорская археологическая комиссия.
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук.
ИГ РАН	– Институт географии Российской академии наук.
ИИМК	– Институт истории материальной культуры.
КИПС	– Комиссия по изучению племенного состава населения России.
КСИА	– Краткие сообщения института археологии. М.
ЛЕНГИПРОГОР	– Ленинградский институт проектирования городов.
МАР	– Материалы по археологии России.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МКСА	– Международный конгресс славянской археологии.
НА ИИМК РАН	– Научный архив Института истории материальной культуры.
НПЦ	– Научно-производственный центр.
ОАК	– Отчет Императорской археологической комиссии.
ПАО	– Псковское археологическое общество.
ПГНИАЦ	– Псковский государственный научно-исследовательский археологический центр.
ПГОИАХМЗ	– Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
ПГПУ	– Псковский государственный педагогический университет им. С.М. Кирова.
Пл.	– Плюсский р-н Псковской обл.
РА	– Российская археология. М.
РО НА ИИМК	– Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН. СПб.
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.; Л.
СГАИМК	– Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Л.
СМАМЮ	– Сборник Московского архива Министерства юстиции. М.
СПб ИИ РАН	– Санкт-Петербургский Институт истории РАН.
ТИМАХМ	– Тихвинский историко-мемориальный и архитектурно-художественный музей.
ФО НА ИИМК	– Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН.
AAH	– Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
AE	– Arheoloģija un etnogrāfija. Rīga
CIL	– Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin.
ESA	– Eurasia septentrionalis antique: Journal for East European and North Asiatic archaeology and ethnography. Helsinki.
LVMR	– Latvijas Vēstures muzeja raksti. Rīga.
LZAV	– Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. Rīga.
SM	– Senatne un Māksla. Rīga.

Научное издание

Археология и история Пскова и Псковской земли
Семинар имени академика В.В. Седова
Материалы 58-го заседания

Редактор: *Е.Е. Сырнева*
Перевод резюме: *С.Ф. Мацевич*
Художники: *А.В. Голикова, Н.С. Сафронова*
Верстка: *И.Г. Александрова*

Подписано в печать 01.04.2013. Формат 70x100 1/16
Усл.печ.л. 37,7 Уч.-изд.л. 39,0 Тираж 400 экз.
Заказ № 1012

Институт археологии РАН
117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ГППО «Псковская областная типография»
180004, г. Псков, ул. Ротная, 34

ISBN 978-5-94375-147-9